История **Балкарии и Карачая** в трудах Исмаила Мизиева

В трех томах

Том III

Нальчик
Издательство М. и В. Котляровых
2010

УДК 902.7 (С 16)
ББК 63.3 (2Р–К-Б) 4
И 90

История Балкарии и Карачая в трудах Исмаила Мизиева: В 3 т. –
И 90 Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010. Т. 3. – 496 с.

ISBN 978–5–93680–338–3

Известный ученый, археолог и этнограф, Исмаил Мусаевич Мизиев (1940–1997) разработал оригинальную концепцию древней истории и этнической культуры тюркских народов, посвятив свою жизнь исследованию научных проблем средневековой истории балкарцев и карачаевцев. В результате многолетних археологических экспедиций, анализа этнографических, исторических и лингвистических источников, трудов российских и зарубежных авторов ученый вынес твердое убеждение, что балкарцы и карачаевцы являются автохтонными народами Центрального Кавказа.

В трехтомник, приуроченный к 70-летию со дня рождения самобытного ученого-кавказоведа, вошли все опубликованные им книги.

© Издательство М. и В. Котляровых, 2010

Следы на Эльбрусе

Из истории горного туризма и отечественного альпинизма

ОТ АВТОРА

Дорогой читатель! Перед Вами книга, адресованная прежде всего любителям и организаторам путешествий, экскурсий и горных походов по Кавказу.

Многолетняя работа по изучению истории и культуры народов Центрального Кавказа позволяет автору надеяться на то, что читатель, одержимый поисками новых увлекательных маршрутов и открытий, найдет в этой работе немало интересных и малоизвестных фактов, способствующих в определенных рамках удовлетворить известное желание человека познать природу и историю окружающего его мира.

Книга представляет собой серию документальных очерков о ранних походах по горам и ближайшим окрестностям Эльбруса. Она, естественно, не может заменить всю историю освоения горных вершин и перевалов Центрального Кавказа, для написания которой требуются усилия многих ученых, краеведов, туристов, альпинистов и путешественников. Вместе с тем автор полагает, что в этих очерках есть, по крайней мере, три неоспоримых, с его точки зрения, преимущества.

Во-первых, они охватывают почти неизученный и довольно значительный период с 1629-го по 1911 г., заключенный между первым упоминанием в русских исторических документах Центрально-Кавказских гор, заселенных «балкарами», т. е. современными балкарцами, и восхождением на Эльбрус соратника В. И. Ленина – С. М. Кирова[1].

Во-вторых, наши очерки в большинстве случаев посвящены незаслуженно забытым соотечественникам, не получившим широкой известности и оставшимся безымянными «горцами», «черкесами» в отчетах выдающихся альпинистов XIX в., скрытым в их трудах аморфными терминами «туземцы» и т. п. Между тем их имена и подвиги достойны благодарной памяти потомков как имена людей, беззаветно любивших свой край, неутомимых тружеников гор и первовосходителей на многие вершины Кавказа.

В-третьих, очерки помогут путешественникам, туристам, краеведам понять первоначальные туземные значения названий многих горных вершин, перевалов, рек, долин, урочищ и ледников, которые вошли в популярную литературу с большими искажениями. По собственному опыту знаю, как уходило несколько часов, а то и дней на то, чтобы выяснить местоположение той или иной горы или речки, которые я знал по искаженным названиям в книгах и на картах, а местные жители не могли понять, о

чем идет речь. В подобных искажениях читатель легко может убедиться, если сопоставит местные звучания с бессмысленными терминами, принятыми картографами, которые мы указываем в скобках.

Приглашая читателя мысленно пройти по следам первопроходцев, проложивших ныне популярные туристские маршруты по Центральному Кавказу, хочу отметить, что название книги «Следы на Эльбрусе» выбрано в достаточной степени условно. В ней речь идет не только об Эльбрусе, здесь затрагиваются отдельные вопросы истории освоения горных троп в пределах нынешней Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии, составляющих географическое понятие «Приэльбрусье» в его самом расширенном смысле.

Исходя из замысла и целенаправленности книги, в ней нет специальной характеристики развития горного туризма в современных условиях и нынешних преобразований вокруг Эльбруса. Полагаю, что об этих вопросах читатели достаточно знают по увлекательным и содержательным книгам В. Кудинова, Д. Трунова, Х. Теунова, Е. Симонова, Б. Бероева и других авторов.

Предваряя свое повествование, выражаю глубокую благодарность известному ученому академику РАН В. М. Котлякову и журналисту Е. Д. Симонову за их труд по рецензированию рукописи данной книги, их замечания помогли мне избежать некоторых ошибок и неточностей.

КАВКАЗ В ЛЕГЕНДАХ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

В представлениях многих поколений людей Кавказ издревле считается краем невиданных чудес и приключений. Необыкновенная прелесть и первозданная красота живописных горных ущелий, густая сеть буйных стремительных рек, многоголосое журчание живительных минеральных источников, чарующая взор панорама сверкающих на солнце белоснежных вершин – все это никого не может оставить равнодушным и придает седому Кавказу неодолимую притягательную силу. Люди тянутся на Кавказ со всех концов света. Человек, хоть однажды посетивший этот красочный край, постоянно одержим жаждой встретиться с ним еще и еще раз. Можно сказать, что эта тяга к Кавказу уходит в глубь истории человечества.

Кавказ был освоен и заселен еще первобытными людьми эпохи палеолита. Он является одним из очагов становления человека как существа разумного. С древнейших времен люди находили здесь и достаток для пропитания, и средства для самосохранения.

Народам, обитавшим на огромных просторах Евразийских степей, нельзя было миновать Кавказ, нельзя было его не заметить. Он не мог не

привлечь их внимания хотя бы потому, что представлял собой громадную естественную преграду на пути бесконечных миграций племен из Азии в Европу, с востока на запад, с юга на север. Недаром уже древнейшие художники пытались воспроизвести громадный Кавказский хребет в своих произведениях. Еще 4200 лет тому назад, на заре бронзового века, неизвестный художник из Передней Азии пытался изобразить горную цепь Кавказа на знаменитой майкопской вазе [2].

Древнее знакомство с Кавказом породило множество легендарных и космогонических фантазий в представлениях древних людей. Отовсюду зримо ощутимые, но остающиеся недоступными, в то же время со страстной силой манящие к себе призрачные вершины казались простодушному воображению первобытных народов «сереброкованными престолами» грозных божеств, откуда небесные силы посылали свои карающие молнии, живительный свет и тепло солнечных лучей [3]. И народы боготворили вершины Кавказа. По выражению Эсхила (525–456 гг. до н. э.), «они воспринимали недоступные горные вершины как жилища богов, считали их подножием неба, которое они подпирают как могучие Атланты»[4].

Ни один горный хребет не занял столь популярного места в мифологии древних греков, как Кавказ. В определенной мере можно сказать, что Кавказ оплодотворил многие основополагающие сюжеты их мифологии. С Кавказом они связали свой бессмертный миф о Прометее, сюда, в золотоносную Колхиду, отправился их герой Язон со своими аргонавтами.

Греческие мифы приурочивают к Кавказу борьбу стихийных богов земли – Титанов с новыми, более одухотворенными богами Олимпа, борьбу Тифея – подземного огня с Зевсом – огнем небесных молний. Очень примечательно, что Плутарх, комментируя книгу Клеанта «Борьба богов», рассказывает такой мифический сюжет: «Гора Кавказ прежде называлась «Ложем Борея» (т. е. Ложем ветров) и вот почему: Борей силой увез Киону – дочь Арктура на так называемый холм Нифат и произвел там с нею Гирпака, который наследовал трон Гениоха. После того и гора стала называться «Ложем Борея». Имя же *Кавказ* она получила по причине того, что после борьбы Гигантов Сатурн, желая избегнуть угрозы Юпитера, бежал на самую высокую вершину Ложа Борея и спрятался там, превратившись в крокодила. Но Прометей зарезал одного из туземных пастухов по имени Кавказ и, осмотрев его внутренности, сказал, что недалеко находятся враги. Когда же пришел Юпитер туда, то связал своего отца плетеной шерстью и сбросил его в Тартар, а к горе, которую назвал в честь того пастуха Кавказом, привязал Прометея и заставил его страдать от орла» [5]. Таким образом, впервые появившийся в греческой мифологии термин «Кавказ» воспринимался как вполне определенный человек-пастух, обитавший у подножий гор.

На мой взгляд, этот мифический сюжет нуждается в серьезном анализе. В частности, внимание этнографа не может не привлечь «плетеная шерсть», т. е. обыкновенный шерстяной аркан – один из необходимых бытовых предметов и грозное боевое оружие древних кочевников. Вспоминаются слова

римского историка Аммиана Марцеллина о том, что гунны издали очень умело набрасывали на врага аркан и опрокидывали его наземь. Древнеармянские историки рассказывают, как их царь Трдат едва не проиграл схватку с царем басилов (предков хазар), который умело набросил на Трдата издали свое грозное оружие – перевитый кожей шерстяной аркан [6].

Отмеченные этнографические параллели находят косвенное подтверждение и в других словах древнегреческого мифа. Так, например, Ложе Борея (Ложе ветров) представляет удивительную аналогию названию высочайшей вершины Кавказа – Эльбруса, которое, по нашему мнению, восходит к термину «Ель-буруш», т. е. «Вращение ветров», что равнозначно понятию «зарождение ветров». Горовосходители хорошо знают, как появившаяся на макушке Эльбруса небольшая тучка через несколько минут влечет за собой мощные бури. А сын Борея и Кионы – Гирпак, чье имя вполне возможно сопоставить с тюркским термином «Къырпакъ», т. е. иней. Это можно отождествить с заиндевелыми снежно-скальными вершинами вокруг Эльбруса – Ложа Борея. Весьма важно обратить внимание и на тот факт, что Гирпак унаследовал трон Гениоха, имя которого представляет собой эпоним племени «гениохов» – пастухов или кучеров. Стоит заметить, что и в древнегрузинской хронологии Кавказ воспринимался как одухотворенный человек – эпоним многих кавказских народов [7].

В связи с приведенными фактами следует обратить внимание на значение самого слова «Кавказ», которое не находит объяснения ни в греческом, ни в грузинском, армянском, иранском и кавказских языках, нет этого слова ни в санскритских источниках, ни в Библии [8]. Хотя этот вопрос выходит за рамки нашей основной темы и требует отдельного исследования, все же можно вкратце напомнить, что в литературе широко бытует предположение П. Услара, что слово «Кавказ» является искажением туземного «Кох-аз» и будто бы означает с иранского «Гора азов» [9]. Однако такое толкование не согласуется с законами, например, ирано-осетинского языка, в котором существительное «хох» – гора всегда стоит на втором месте, как в названиях: Адай-хох, Джимарай-хох, Зылги-хох и т. д. По словам В. И. Абаева, обратный порядок слов в этом языке просто немыслим. Стало быть, по этой закономерности должно было бы быть не «Хох-аз» а «Аз-хох». И этот факт опровергает распространенное мнение Услара. Кроме того, известно, что Плиний приводит скифское название Кавказа – «Крауказ», т. е. белеющий от снега. Некоторые авторы XIX в., например Болен, полагали, что этот термин происходит от санскритского «каз» – блестеть и «граван» – скала, камень. Однако еще Гюрнюф справедливо подметил, что такое толкование идет вразрез с законами санскрита, где должно было быть «Каза + граван», а не наоборот.

Со своей стороны мы предлагаем следующие варианты объяснения этого термина, подразумевая под ним всю цепь горных массивов между Средней, Центральной и Передней Азией, как это объясняли и древние авторы. В термине «Кавказ» явно видно слово «Кабк», которым называли Кавказ арабские источники, туркмены, каракалпаки и некоторые кавказ-

ские народы [10]. Слова «кабак», «кабк», «капу» означают на тюркских языках понятия «ворота», «двери». В интересующем нас термине к этому слову прибавлен «Аз» – древнейший тюркский этноним, ныне сохранившийся у многих тюркских народов в виде родоплеменных, патронимических названий. Во-вторых, термин «каз», завершающий название «Кавказ», является древнейшим именем хазар и означает «кочевать» или «кочевник»[11]. Таким образом, «Кавказ» может означать понятие «ворота кочевников», «ворота азов». В-третьих, слово «каз»/«кас»/«каш» означает на тюркских языках «возвышенность», «холм», «гора». Отсюда термин «Кавказ» можно сравнить с понятием «ворота + горы».

Все предложенные варианты толкования термина «Кавказ» недалеки от реальности, если учесть, что горная гряда Кавказ разделяла древнейших кочевников Евразийских степей и древних земледельцев Центральной и Передней Азии.

В связи с толкованием термина «Кавказ» внимание вновь привлекает древнегреческая мифология, в которой Азы (или Азия) рисуется то как жена, то как мать Прометея. А поскольку греки считали себя потомками Девкалиона, сына Прометея и Азии [12], то можно допустить, что в их воображении они «кровно-родственно» связывали себя с Кавказом. А настоящая древняя Азия греков примыкала к Кавказу и гнездилась в их представлениях у ног Кавказа, как у своей колыбели [13]. Следовательно, первейшая и древняя Азия греков – это Предкавказье, и лишь позднее это название перекинулось на Среднюю, Центральную и Переднюю Азию.

Следует напомнить, что отец географической науки – Страбон знал и описал город азов на Танаисе (на Дону), а историк Плиний упоминает в этих районах народ «ассиак», имя которых современные осетины сохранили за своими извечными соседями – балкарцами [14].

Из всего сказанного вытекает, что древние греки воспринимали Кавказ как колыбель азов, с ним прочно связывали первобытные мифологические представления и легенды о Кавказской гряде и Азии.

В Кавказских горах «зацепились» и засели у подножий заоблачных вершин остатки многих древних племен, здесь обнаруживаются многие обрывки древней истории человечества.

«Можно смело сказать, – писал Г. И. Радде в 1883 г., – что никакая другая местность мира не имела такой разнообразной истории. Следы этих бесчисленных исторических наслоений, этого беспримерного смешения и столкновения самых противоположных народов древнего и нового времени сохранились на Кавказском перешейке до наших дней»[15]. Оттого-то Кавказ представляет собой теперь истинный музей исторических, этнографических и археологических сокровищ. Даже десятки и сотни ученых различных областей знания до сих пор не могут исчерпать бесценные этнографические данные, которыми кишит каждая местность, каждый народ, почти каждое ущелье Кавказа. Филологи имеют на Кавказе живой институт кавказских, индоевропейских, тюркских и других языков. Здесь нередко еще можно услышать такие наречия, которые составляют перво-

бытные ступени развития древнейших языков мира. В ущельях Кавказа можно натолкнуться на такие сочетания и сплетения разнородных течений человеческой речи, которые наука еще не в состоянии объяснить. Тут и древнейшие индоевропейские корни, сохранившиеся в армянском языке, и древнейшие уникальные шумерские слова и целые выражения, бытующие у горцев Центрального Кавказа – в языке балкарцев и карачаевцев.

В этнографическом отношении Кавказ сохранил нам редкие образцы всех последовательно прошедших общественно-экономических формаций от родового строя и Средневековья, подобно тому как природа сохранила последовательные наслоения когда-то существовавших животных и растительных организмов в геологическом напластовании земной коры.

Именно в этом смысле понимают ученые многообразный мир Кавказа, его оригинальные особенности природы, специфику жизни и быта горцев.

ТРОН СИМУРГА

Вся божественная сила и красота Кавказа в воображении горца сосредоточивалась в его огромной, двуглавой жемчужине – в Эльбрусе. Недаром даже древние персы воспринимали эту жемчужину как основу того изумрудного хребта Кабк, который, по их поверьям, опоясывал землю, «как перстень палец»[16]. Поэтому писать об Эльбрусе непросто. О нем столько написано, что невозможно отыскать несказанный в его адрес эпитет. Захватывают дух природа Приэльбрусья, мудрые народные песни и мифические сказания, слагавшиеся на протяжении веков. Здесь и древнегреческий Прометей, терзаемый злым коршуном, и легендарный грузинский Амирани с преданной ему собакой, усердно пытающейся разорвать оковы своего хозяина, и бессмертный бесстрашный горец-пастух Баса, дерзнувший освободить этих героев...

По другим мифам, на вершине Эльбруса тысячелетиями восседает вездесущая вещая птица Симург, одним оком озирающая все прошедшее, а другим просматривающая грядущее земли и народов...[17]. А в эпосе коренных жителей Приэльбрусья – балкарцев и карачаевцев – ледники двуглавого великана служили колыбелью нарта-богатыря Карашауая.

Что только люди не связывали с этой горой, как только они не называли ее! Это и персидский Джинн-падишах, т. е. «Царь духов», и адыгская Уашхамахо – «гора Счастья» и т. п. А что только не скрывается в названии «Эльбрус»? Это и турецкое Ял-буз, т. е. «грива льда», перенятое грузинами, и карачаево-балкарское Ель-буруш, т. е. «вращение ветра», это и тюркское Эль-буз – «страна льдов» и т. п.

Конечно же и Ял-буз, и Эль-буз как нельзя лучше отражают действительную природу Эльбруса, в ледяной шапке которого сходится множество ледников Большого Кавказа.

Вполне определенно отражает действительную картину и версия «Ельбуруш». Как уже отмечалось, едва заметная дымка на макушке великана через полчаса превращается в непроглядную снежную пургу, метель и буран.

Поднявшийся до небес двуглавый трон Симурга в обрамлении пяти- и четырехтысячников: Дыхтау, Катынтау, Коштантау, Донгуз-Орун, Джайлык, Ирик-чат, Джантуган и других – производит неизгладимое впечатление, врезается в память и воображение человека.

Карачаевцы и балкарцы издревле связывали с ним вечность и незыблемость родных гор. Это отразилось и в названии Эльбруса – «Минги-тау». Давно введенный в оборот первыми путешественниками, посещавшими Эльбрус, термин «Минги-тау» до сих пор неверно трактуется в популярных изданиях и путеводителях как понятие «тысяча гор», «тысячная гора» и т. п. Этот неудачный и очень поверхностный перевод не имеет ничего общего с действительным значением термина и совершенно не соответствует словообразовательным законам карачаево-балкарского языка. А между тем ученые-специалисты давно уже обращали внимание и писали о том, что термин «Минги-тау» означает «вечная гора» [18]. Слово «Менги» в значении титула «вечный» прибавлялось к именам многих правителей (Менги-Тимур, Менги-хан, Менги-Гирей и т. д.). Кроме того, многие авторы не учитывают тюркское слово «менгу» – «вечный снег», «горный ледник»[19], которое как нельзя лучше соответствует названию нашей горы – «Гора вечных снегов», или Минги-тау.

О такой горе писать трудно. И в то же время легко, потому что Эльбрус извечно поражает взор и манит к себе своей первозданной красотой и обилием неразгаданных тайн.

В старинных балкаро-карачаевских песнях поется, что голова Мингитау окутана вечными льдами, туловище утопает в снегах, а подножие устлано мягким бархатом изумрудных лугов и пастбищ.

Люди любят Эльбрус и тянутся к нему. Впечатления от грандиозной, внушительной панорамы Приэльбрусья остаются навечно. Знаменитая Шат-гора [20], что означает на карачаево-балкарском языке «гора с седловиной» (Чат-тау), служит людям всей планеты. К ней ежегодно съезжаются гости со всех концов, чтобы полюбоваться ее нестареющей красотой, отдохнуть и физически окрепнуть, получить заряд бодрящих эмоций.

Эльбрус радует глаз. Тамада Кавказа щедро дарит людям ослепительно белое солнце и неизгладимую прелесть вечных снегов, олицетворяет девственную чистоту векового чувства гостеприимства радушных горцев. Сотни тысяч людей отдыхают в гостиницах, альплагерях, на туристских базах Приэльбрусья, набираются сил для новых трудовых подвигов. И хотя каждый из них по-своему воспринимает многообразие красок Эльбруса, всех их объединяет одно – неизгладимое желание вернуться сюда еще и еще раз. И каждый раз Эльбрус по-новому красив и неповторим.

...На Эльбрусе побывали сотни и тысячи людей. Множество следов таят в себе снега Минги-тау. Начать хотя бы с того мифического Ноева ковчега, который, по поверьям грузин, рассек гору пополам [21] и оставил первый и неизгладимый след, превративший Эльбрус в Шат-гору (т. е. Чат-тау). Но это миф.

Мы хотим обратить внимание читателя на самые первые реальные следы человека, посягнувшего на обитель Прометея. Именно те самые следы горских чабуров проложили и увековечили ныне популярные тропы на Мингитау. Благодарные потомки многим обязаны первопроходцам. Ведь недаром сказано, что тропинка – мать дороги. Те тропинки увенчаны блестящими успехами многих малоизвестных, полузабытых горовосходителей.

Благодаря первооткрывателям в наше время люди многое знают об Эльбрусе. Но все же имеются в наших познаниях и ощутимые пробелы о первых восходителях, заложивших основу зарождения на Кавказе отечественного альпинизма и горного туризма. Заполнить эту лакуну и призваны наши очерки о далеких дореволюционных горных путешествиях по Центральному Кавказу. В них повествуется о первых впечатлениях путешественников, альпинистов, туристов, о деятельной помощи и роли местных горцев в осуществлении планов по освоению горных вершин и массивов Кавказа.

НА ЭЛЬБРУС С ЦЕЛЬЮ ДЖИХАДА

Окидывая взором историю покорения Эльбруса, зарождения альпинизма и горного туризма на Кавказе, невозможно не вспомнить летописцев великого Тимура: Шереф ад-Дина Йезиди и Низам ад-Дина Шами. По их словам, в 1395 г., «когда мысли Тимура успокоились от дел с областью русских и черкесов, то он со всеми, подобно небосводу, войсками повернул к горе Эльбурз... В намерении покорить неверных знамя, мир завоевывающее, направилось на Буриберди и Бурикана, которые были правителями народа асов. На этом пути, вырубив леса и проложив дорогу, Тимур с целью джихада* взошел на гору Эльбурз» [22]. «Карательные отряды Тимура в горных укреплениях и защищенных ущельях» встретили мужественное сопротивление горцев. Однако силы были неравны. Разрозненные отряды горцев не могли бороться с огромной, организованной и хорошо вооруженной армией. Войска Тимура «истребили многих из тех неверных… разорили их крепости, и милостью судьбы для победоносного войска стала

* Д ж и х а д – то же, что и *Газават,* – «священная война» мусульман против неверных.

несметная добыча из имущества неверных», – такую хвастливую редакцию своих деяний впоследствии утвердил Тимур.

После этих погромов Тимур вернулся к своему обозу, дал войскам отдохнуть, а затем выступил в поход против крепостей Кули и Тауса, располагавшихся на территории нынешней Кабардино-Балкарии.

Не имея сил дать открытый бой, местные жители под натиском врага уходили далеко в горы, устраивали засады, со скал и обрывов скатывали камни и образовывали завалы. Тимур уничтожил и разграбил десятки поселений, истребил в Кули и Таусе значительную часть населения, а «те, которые остались в живых, по словам Йезиди, оказались бродящими, растерянными и бездомными». В это время, по всей вероятности, и погиб некогда цветущий город Нижний Джулат. Раскопки, произведенные в последние годы на городище Нижний Джулат, показали трагическую картину гибели города: обнаружены следы большого пожара, заваленные саманные стены, развалины соборной мечети, мавзолеев и др.

Затем Тимур выступил против владетеля Пулада. Поводом для этого послужил отказ Пулада выдать находящегося у него золотоордынского военачальника Утурку. Пройдя местность Балкана (отождествляемую исследователями с Черекским ущельем – местом первоначального расселения балкарцев), Тимур двинулся на крепость Капчигай, располагавшуюся в недоступном месте (предположительно в районе сел. Верхний Чегем). Войску Тимура потребовались большие усилия для того, чтобы захватить эту крепость. Однако заняв и разорив владения эмира Пулада, Тимур не смог захватить Утурку. Направленные в погоню войска под командованием Миран-шаха, по всей вероятности, через труднопроходимые ущелья и горные перевалы достигли местности Абаса, где вскоре и был схвачен Утурку. Следуя своим принципам всегда и везде вести борьбу с *кяфирами* (неверными, т. е. с немусульманами), Тимур разорил и ограбил жителей этих мест [23].

Это летописное сообщение, кажется, решает давний спор о первом покорителе Эльбруса, однако нам представляется, что эти сведения – не более чем аллегория летописцев.

Зато уже в 1629 г. российские чиновники, в частности терский воевода А. И. Дашков, повествует о том, что местные горцы способствовали «рудознатцам России» в поисках выходов свинцово-серебряных руд в труднодоступных ущельях Центрального Кавказа, например, «в земле Абдауллымурзы балкарских князей», где даже «на лошадех ехати немочно»[24]. В те годы балкарцы и карачаевцы оказывали немалую помощь различным дипломатическим посольствам России, Грузии, активно содействовали установлению и укреплению первых русско-кавказских и русско-грузинских контактов. Они гостеприимно встречали послов, указывали им наиболее удобные горные тропы через перевалы, снабжали их вьючными животными и проводниками.

В грозное лето 1942-го, когда отборные гитлеровские части «Эдельвейс» рвались к перевалам Кавказа, советские люди превратили их в не-

преодолимую преграду на пути врага в Закавказье. Уже в январе-феврале 43-го Приэльбрусье полностью было очищено от гитлеровских захватчиков. 13–17 февраля альпинисты под руководством Н. Гусака и А. Гусева сбросили фашистскую свастику с Эльбруса и водрузили на обеих вершинах алый флаг Советского Союза.

Люди чтут святые тропы, овеянные вечной славой верных сыновей и дочерей нашей многонациональной Родины. Ныне эти горные тропы увенчаны множеством обелисков и памятников, а на станции «Мир» открыт музей боевой славы защитников Эльбруса и кавказских перевалов.

Не менее излюбленный туристами Всесоюзный маршрут № 101 по верховьям реки Черек, мимо Голубых озер и через перевал Гезе-ыфчык (Гезефцек) давно был освоен русскими и грузинскими послами при активной помощи балкарских проводников. Так, в 1650–1651 гг. послы Московского государства Алексей Иванович Иевлев, считавшийся одним из «спецов» по Кавказу, а с ним и стольник Никифор Матвеевич Толочанов проходили через Верхнюю Балкарию ко двору имеретинского царя Александра и обратно. Путь их лежал по реке Сукан-су до ее верховьев, затем по перевалу Курнаят и в Верхнюю Балкарию. С 17-го по 31 мая 1650 г. они гостили у балкарских князей, а оттуда по Штулинскому леднику и перевалу Гезе-ыфчык пришли «ко двору имеретинского царя Александра». В числе прочих развлечений Александр пригласил гостей из Москвы посмотреть, «как он будет крестить Женбулата, сына болкарского владельца Айдеболова» [25]. Кстати, князь Артутай Айдеболов, услугами которого пользовалось посольство Иевлева, в 1658 году вместе со свитой другого грузинского царя Таймураза отправился из Балкарии в Москву и пробыл там почти год, участвовал во многих переговорах Таймураза с русским царем. Артутай был по достоинству принят царем Михаилом Федоровичем в Грановитой палате и получил высочайший царский подарок в 40 соболей. Такой подарок наравне с подарком царю Таймуразу он получил за услуги русской дипломатии на Кавказе. О его заслугах перед российским двором было известно еще по лестным отзывам Иевлева и Толочанова [26].

С горными массивами Балкарии связано имя еще одного грузинского царя – Арчила. Вот как об этом говорят русские и грузинские документы.

Астраханский воевода князь Хованский 22 ноября 1693 г. доносил царю, что «Арчил, отправляясь в Россию, на пути был схвачен князем Малой Кабарды, Кульчуком Келембетовым, по наущению шевкала (шамхала) Тарковского Будая, который хотел его выдать шаху» (шаху Ирана). История пленения Арчила весьма драматична, описана выдающимся грузинским историком – царевичем Вахушти. Он писал, что «этот храбрый царь защищался отчаянно и сдался только тогда, как уверился, что не в состоянии более сопротивляться». Арчил был схвачен в предгорьях Малой Кабарды и находился под охраной в доме Кульчука Келембетова. Но, по свидетельству источников, «его красота и мужество сделали такое впечатление на жену Кульчука, что ночью она доставила ему средство к побегу: он скрылся в Басян, а его люди ушли в Дигор» [27]. Общеизвестно, что грузинские

письменные документы Басианом называли Балкарию, да и сам Арчил в письме от 15 апреля 1694 г. писал терскому воеводе, что он находится в Балкарии, и просил его оттуда вывести. Но сделать это, минуя рыскавших повсюду ищеек Тарковского шамхала Дагестана Будая и пособников крымского хана, удалось далеко не сразу.

«Узнав, что для нового пленения Арчила на помощь шамхалу крымский хан выслал отряд в пятьсот человек и что на сторону врагов Арчила встали донские казаки, князь Хованский поднял на защиту царя все племена, признающие власть московского государя». А между тем еще 20 мая 1696 г. Арчил писал московскому царю из Балкарии: «Но в Кабарто напали на нас сын шамхала и Кильчик-мирза и едва не убили нас: мы обязаны спасением только Богу и Вашему чистому праву. Теперь я не могу ни остаться здесь, ни прийти к Вам, под царскую руку, без вооруженной помощи» [28]. Но уже в сентябре того же года Арчил вновь был на имеретинском престоле.

События и документы, связанные с Арчилом, свидетельствуют не только об освоении горных перевалов Центрального Кавказа жителями Приэльбрусья, но и о том, что Балкария уже в те годы считалась в числе «племен, признающих власть московского государя». С другой стороны, они говорят о том, что Карачай и Балкария в начале XVII в. играли ощутимую роль в налаживании русско-кавказских отношений. В то же время их походы по горам и перевалам, будь то в поисках залежей руды или сопровождая различные посольства, прокладывали первые тропы для ныне получивших популярность горно-туристских маршрутов по Центральному Кавказу.

Однако первый специальный поход на штурм главы Кавказских гор – седовласого Эльбруса – был совершен в июле 1829 г.

НАКАНУНЕ

Четвертого ноября 1828 г. в письме к издателям «Северной пчелы» князь Н. Голицын писал: «Самые непроходимые места, утесы, ущелья, скалы и все ужасы, накопленные природой в высоких Кавказских горах, соседственных Эльборусу, были преодолены твердостью, непоколебимостью и неустрашимым духом отряда российских воинов под личным предводительством генерала от кавалерии Емануеля, при упорном и отчаянном защищении сих мест гордыми карачаевцами... Один только очевидец может себе представить трудности, преодоленные нашими войсками, изобразить же сие пером невозможно, не подвергнув себя обвинению неверного писателя, ибо в сем случае правда превышает все, что воображение могло себе представить. Вся конница была спешена, ибо лошадям прохо-

да не было, люди же употреблены вместе с пехотными стрелками: сии последние долженствовали подниматься и отражать неприятеля по горам и скалам почти перпендикулярным, придерживаясь одною рукою, дабы не быть низвергнутыми в пропасть, а другою стреляли под меткими выстрелами засаженных за деревьями и камнями защитников сих мест, которые, имея легкую одежду и привычку лазить по горам, пользовались чрезвычайною выгодою и еще закидывали камнями, катящимися по отлогим горам, чтобы опрокидывать наших пехотинцев, которых никакие препятствия не в силах остановить. Такой отчаянный бой продолжался двенадцать часов сряду, и несколько верст надлежало победителям подниматься до достижения последней высоты, овладением которою ознаменована победа. Чтобы иметь понятие о преодоленных в сем достопамятном деле трудностях, надлежит вспомнить, что некогда триста греков остановили при Фермопилах все бесчисленное войско, предводительствуемое Ксерксом. Кавказские же Фермопилы, где карачаевцы оградили себя от нападений, едва ли уступят по местоположению греческому» [29]. И действительно, 30 октября 1828 г. Емануель отписал Николаю I следующее: «Термопилы Северного Кавказа взяты нашими войсками, и оплот Карачаева, у подошвы Эльборуса, для всех горских народов, враждебных против России, помощью Божиею и храбростью войск, под личным моим предводительством разрушен. Сражение с карачаевцами произошло сего октября 20-го числа; оно началось в семь часов утром и кончилось в семь же часов вечером; с овладением последней высоты победа покрыла новою славою Российское воинство, в сем деле участвовавшее. Потеря наша состояла, при поражении противника, в убитых: обер-офицеров – три, унтер-офицеров – два и рядовых – тридцать два; ранены: Горского казачьего полка командир майор Верзилин, обер-офицеров – три, унтер-офицеров – тринадцать, рядовых – сто три. После сей важной для Кавказской области победы войско наше 21 октября достигло уже без бою и малейшего сопротивления карачаевцев главного их аула Карт-Юрт...» [30]

Так завершилось покорение Карачая.

Двадцать второго октября 1828 г. 53-летний генерал от кавалерии герой Отечественной войны 1812 г. командующий Кавказской оборонительной линией, образованной в 1777–1782 гг., Георгий Арсеньевич Емануель в центральном ауле Карачая Карт-Джурт («Древняя родина») принимал повелителя, т. е. *олия* (вали) всего Карачая князя Ислама Крымшаухалова со всеми его старшинами. Депутация карачаевцев подала генералу прошение, в котором говорилось, что верховный князь Карачая «со всеми старшинами, равно и весь карачаевский народ, присягают на верность подданства государю императору с представлением от него, Ислама Крымшаухалова, равно и от трех еще первейших фамилий, аманатов».

После подробного перечня всех условий и обязанностей, которые карачаевский народ берет на себя, в прошении на имя Емануеля можно прочесть: «Мы все, карачаевские старшины и весь народ, прибегая к милости Вашего Высокопревосходительства, всенижайше просим о принятии нас под свою великодушную защиту и оказании нам неограниченной милости.

На подлинном, за неимением никакой грамоты, приложившие перстами чернильные знаки, всего карачаевского народа *вали Ислам Крымшаухалов, Мудар Кожаков, Терирчок Карабашев, Аслан-мурза Дудов, Бек-мурза Кожаков, Жанхот Карабашев, Аджи-Ибрагим Боташев, Нани Дудов, Басиат Карабашев и Таджи-мурза Кожаков*.

С подлинного перевел капитан С о к о л о в» [31].

Будучи в 1828 г. в Карачае, Емануель имел случай быть у самой подошвы Эльбруса и приблизиться к Центральной цепи Кавказских гор. Он внимательно изучил эти места с точки зрения пригодности их для укрепления Кавказской линии. Опытный генерал понимал, что карачаевцы «по расположению своему у подошвы Эльборуса будут служить оградою против всех посещений закубанцев, которые пройти сих мест без их согласия не могут».

Покончив с церемонией в Карт-Джурте, Емануель 24 октября выехал из Карачая и 29-го прибыл в Ставрополь, где располагалась его ставка.

На следующий год, «желая собрать точные сведения об этой стране, о высоте гор, ее пересекающих, о направлении и глубине долин, о ее богатстве и лесе, пастбищах, минеральных и других произведениях природы, и в особенности найти места, способные для военной Линии, которая защитила бы навсегда расположенные в равнинах жилища от вторжения горцев», Емануель решил предпринять экспедицию к Эльбрусу. Получив добро от военного командования и уверенный в том, что предпринимаемая им экспедиция заслуживает внимания правительства, генерал решил «доставить ею пользу и отечественному просвещению, для чего обращается к Императорской академии наук, приглашая ее воспользоваться для обогащения науки случаем, в первый раз представляющимся».

Академия не замедлила ответить согласием и снарядила группу ученых во главе с академиком Адольфом Яковлевичем Купфером (1799–1865). В состав этой группы входили: физик, позднее ставший академиком, Эмиль Христианович Ленц, за три года до этого участвовавший в кругосветном плавании Коцебу (1823–1826); член академии, зоолог, хранитель кабинета зоологии Эдуард Менетрие (1802–1862); член академии, ботаник Карл Андреевич Мейер (1795–1858), который за несколько лет до этого сопровождал М. Ледебура в путешествиях по Алтаю и в своих исследованиях открыл флору Алтая для широких кругов европейских ученых.

Группа ученых выехала из Петербурга 19 июня 1829 г. Выступление экспедиции было назначено генералом строго на 1 июля того же года. Когда ученые прибыли в Горячеводск, так назывался тогда нынешний Пятигорск, к ним примкнули архитектор Кавказских Минеральных Вод Иосиф (Джузеппе) Бернардацци со своим младшим братом, венгерский путешественник Янош Карой Бешш, известный в литературе на французский манер как Жан Шарль Бессе, и 13-летний сын Емануеля – Георгий.

Правительство отпустило на экспедиционные расходы 25 тыс. руб., хотя академия просила 38 тыс., причем 8 тыс. она выделяла сама, а 30 просила у казны. От Министерства финансов к экспедиции был прикомандирован чиновник Вансович с Луганского литейного завода.

РАССКАЗЫВАЕТ КУПФЕР

Подробный отчет об исторической экспедиции российских ученых был сделан руководителем группы академиком А. Я. Купфером. Он состоял из 6 частей: 1-я – историческая, 2-я – геодезическая, 3-я – барометрическая, 4-я – показания магнетизма, 5-я – температура почвы и 6-я – астрономическая. Отчет Купфера был дополнен описаниями животного мира и растительности, составленными Мейером и Менетрие. В связи с нашей темой особую ценность представляет историческая часть отчета Купфера, опубликованного в 1831 г. на французском языке [32].

Вот что писал Купфер об этом знаменитом походе на Эльбрус: «Генерал Емануель – главнокомандующий кавказскими областями, отличающийся как храбростью, так и покровительством наукам, после покорения карачаевцев, народа, живущего в окрестностях Эльбруса, хотел показать этому воинственному, храброму народу, что их скалы, тесные ущелья, горные потоки и вечные снега не являются непреодолимым препятствием для русских солдат, закаленных, как и они (т. е. горцы), в трудностях. Правительство чувствовало всю важность полного подчинения черкесов. Они защищали выход России на Восток и могли по желанию закрыть или открыть путь в Россию народам Азии... Из этого видно, что экспедиция генерала Емануеля была разумной предусмотрительностью; эмиссары Османской империи отмечали храбрость черкесов и старались привлечь их в свои ряды...

По прибытии в Ставрополь мы узнали, что генерал уже уехал к Минеральным источникам к подножию Кавказской цепи, к югу от Ставрополя, – это и будет для нас отправным пунктом... Лечебные ванны с чистейшей водой были сооружены рядом с главным источником. Самый обильный и в то же время самый теплый впадает в канал у подножия склона, где находится помещение для принятия ванн, расположенных на 1-м этаже великолепного дома; эти ванны и воды, пожалуй, более знаменитые, чем в Карлсбаде... В тот вечер, когда мы прибыли в это маленькое местечко, которое едва насчитывало около 40 домов, было весьма оживленно. Тысяча фонарей освещали огромную площадь, в середине которой располагался ресторан, служивший в одно и то же время жилищем генерала...

На следующий день после нашего приезда в Горячеводск мы были представлены генералу, который нам сообщил, что собирается в этот же день выйти в горы и что отряд пехоты уже расположился на мосту через Малку и ждет нас. Поскольку мы устали от длительной дороги, мы были готовы к 4 часам пополудни, и после перехода в 15 верст мы остановились на берегах реки Золки, чтобы переночевать... Здесь много маленьких речушек, носящих это имя, и которые соединяются перед тем, как слиться с Кумой...

На следующий день, поднявшись на вершину, мы смогли обозреть всю центральную цепь, так как облака, закрывавшие ее накануне, утром пол-

ностью рассеялись. К югу открылся вид на горы, покрытые снегом, правое крыло которых было чуть выше и смотрело на юго-запад к Эльбрусу; слева горы заканчивались Казбеком, который был едва различим, так как терялся в тумане. К югу, насколько позволял взгляд, были горы, покрытые снегом, населяемые народностью *кхоуламбзы* (холамцы. – *И. М.*)...

Здесь мы впервые принимали черкесского князя Арслан-бека (Львиный князь. – *А. К.*) из рода Джембулата из Кабарды. Он был в сопровождении некоторых вассалов и свиты, одет в голубой драповый сюртук, отделанный серебром; сабли, пистолет, широкий кинжал составляли его доспехи, богато отделанное ружье нес слуга. Лошадь была невелика, но крепка, уздечка и седло были богато украшены серебром и выполнены с настоящим искусством», – повествует Купфер.

В тот же день, 9 июля, экспедиция тронулась в дальнейший путь. Путешественники пересекли плато, и перед ними открылся простор правого берега Малки. Купфер рассказывает далее, что «долина Малки довольно широка, и по обоим берегам возвышаются крутые известковые скалы. Это одна из обширных равнин, которую можно, пожалуй, сравнить с равниной Кубани... Чуть выше слияния Малки и Кичи-Малки (т. е. Малая Малка. – *И. М.*) Малка была сжата двумя скалами и было достаточно перекинуть несколько досок, чтобы был готов мостик, вот почему эту местность называют «Мост через Малку». Здесь была небольшая укрепленная крепость, гарнизон которой был незначителен, но был достаточен для охраны прохода через ущелье, образованное при слиянии двух рек. Генерал расположился лагерем возле этой крепости. После небольшого отдыха он принял черкесских князей, прибывших как для засвидетельствования ему своего почтения, так и для решения территориальных вопросов. До этого времени мы находились на территории кабардинцев, – продолжает Адольф Яковлевич, – которые давно присягнули на верность Его Величеству Императору России и которые привыкли к присутствию русских войск на своей территории; но распространился слух о том, что мы вступили на территорию карачаевцев. Карачаевцы в прошлом году только что присягнули Его Величеству Императору и поэтому не могли без беспокойства видеть наше продвижение вдоль их границ. Недоброжелатели из числа народов, находящихся под влиянием Оттоманской империи, хотели использовать этот момент для того, чтобы вызвать бунт и убедить их в том, что русские пришли затем, чтобы разрушить все на своем пути. Карачаевцы укрепили свои селения, закрыли проходы через ущелья и доставили в горы множество валунов, с тем чтобы бросать их нам на голову. Однако, прежде чем начать враждебные действия, они решили послать своих вождей к генералу с целью раскрытия его намерений». Из приведенного рассказа Купфера вытекает ряд важных наблюдений: во-первых, он употребляет термин «черкес» в широком применении ко всем горцам, в т. ч. и к карачаевцам. Во-вторых, на реке Золке экспедиция встретила кабардинского князя Арслан-бека из рода Джембулата, описывается радушная встреча, его свита, снаряжение, но ни о каком проводнике для экспедиции речи нет. В-третьих, неболь-

шой отряд маленькой крепости у Таш-Кепюра (Каменный мост), у слияния Малки и Кичи-Малки, охраняет границы Кабарды и Карачая. В-четвертых, встревоженные карачаевцы присылают к генералу в эту пограничную крепость свою депутацию. В-пятых, в упомянутом народце «кхоуламбзы» нетрудно распознать одно из обществ Балкарии – холамцы.

ГЕНЕРАЛЬСКИЕ ПОДАРКИ И КАРАЧАЕВСКИЕ ПРОВОДНИКИ

В «Жизнеописании генерала от кавалерии Емануеля», опубликованном в 1851 г. князем Н. Б. Голицыным, говорится, что «На втором ночлеге 27-го числа июня (по новому стилю 9 июля. – *И. М.*) у Каменного моста на Малке явились к нему старшины Карачаева с некоторыми другими черкесскими князьями под видом изъявления почтения, но в самом деле с намерением узнать, зачем он идет к ним. Хотя они тщательно скрывали свою настоящую цель, однако Емануель узнал, что, по разнесшемуся слуху о следовании его в Карачаев и к Эльборусу, карачаевцы, взирая с беспокойством на приближение его к их границам со значительными силами будто бы для разорения их жилищ, укрепили свои аулы и даже засели на высоких скалах с оружием и камнями для встречи нашего отряда; однако, не приступая к неприязненным действиям, послали вперед к генералу Емануелю старшин под видом оказания почтения, но в самом деле, чтобы узнать цель экспедиции. Генерал принял их ласково, рассеял основанные на ложных слухах опасения их и сказал им, что «когда они уже раз присягнули России, то он будет строго отвечать перед государем императором, если бы вздумал причинять им какой-либо вред; что, напротив, они добрым своим поведением и покорностью в продолжение всего этого времени приобрели полное право на дружбу и покровительство России; приход же его и некоторых с ним ученых есть только одно желание узнать страну их, собрать растения, камни, животных, и что он, пользуясь добрым расположением карачаевцев, хочет только подойти к Эльборусу, к которому никто еще не подступал, и что в жилища их он вовсе заходить не будет».

Эти слова совершенно успокоили старшин, а сделанные некоторым из них подарки заставили их самих участвовать в экспедиции и *быть проводниками нашими к Эльборусу*», – писал Голицын.

Во главе карачаевских старшин был верховный князь и повелитель Карачая – олий Ислам Крымшаухалов. Вместе с его депутацией прибыла и группа Мырзакула Урусбиева, женатого на сестре Ислама и являвшегося главным князем соседнего с Карачаем Баксанского общества балкарцев.

Вероятно, его свиту имел в виду автор биографии Емануеля под словами «с некоторыми другими черкесскими князьями».

После такого теплого приема Ислам Крымшаухалов отправил своего муллу из свиты назад в аулы, «дабы он успокоил обеспокоенный народ». Сам же, в сопровождении остальных спутников, продолжал беседу с Емануелем, который добавил к сказанному ранее: «В ваши аулы мои солдаты ни ногой. Теперь все вы, почтеннейший вали, подданные русской короны, я в ответе, если хоть один волос падет с головы карачаевца. Ищем горючий камень и полезных трав, делаем сборы для учености».

Затем по знаку генерала перед старым князем поставили «новехонький ведерный самовар».

«Тебе! Тульский, – сказал генерал. – Будешь попивать себе чаек в ауле». Гостей одарили штуками сукна, цибиками китайского чая, головками сахара в плотной синей обертке. Кроме того, Емануель подарил вали валенки с галошами, пистолет с бельгийским клеймом, цветной портрет Его Величества в форме кавалергарда».

Так в мирной беседе, похлебывая чай, Ислам Крымшаухалов и Емануель обменивались новостями, происшедшими со дня их встречи в Карт-Джурте, в октябре прошлого года.

Прощаясь с генералом, Ислам подозвал к себе немолодого горца и сказал Емануелю: «Килар и эти пятеро – первые из первых охотников. Знают горы, как ты, Мануель, свою жену. Пойдут с тобой, куда велишь.

Понял ты меня, Килар?» [33].

В состав этой пятерки входил и предложенный Мырзакулом Урусбиевым один из самых опытных охотников и горовосходителей Баксанского общества – Ахия Соттаев.

Таким образом, беседа завершилась тем, что Ислам Крымшаухалов и Мырзакул Урусбиев – верховные владельцы районов Приэльбрусья со стороны Кубани и Баксана – выделили пятерых опытных горцев-проводников из своей среды для сопровождения экспедиции Емануеля.

Безусловно, нет никакой логической возможности предположить, чтобы такой опытный генерал, хорошо знавший карачаевцев и их земли, прилегающие к Эльбрусу, для осуществления грандиозной для того времени небывалой исторической задачи стал бы искать себе проводников к Эльбрусу и на его вершину среди жителей равнин и предгорий, не воспользовавшись услугами исконных обитателей подножий Эльбруса.

Приведенные сведения прекрасно дополняют и слова другого участника экспедиции Я. К. Бешша, который пишет, что карачаевцев «вскоре успокоила ласковая, дружеская и располагающая манера поведения генерал-аншефа. Эти депутаты более не покидали нас, ограничившись тем, что отправили назад муллу с поручением успокоить пославших их». По словам Бешша, «вали Крымшаухалов и Мырзакул Урусбиев сопровождали экспедицию до самого Эльбруса».

А вот как об этом же сообщает руководитель группы ученых А. Я. Купфер: «Генерал принял карачаевцев в своей палатке, разговаривал с ними

очень доброжелательно и очень быстро опроверг их опасения. Он заявил, что в данный момент, тогда как они уже присягнули на верность Его Величеству Императору, на них будут смотреть как на подданных России и что своей покорностью и дружеским расположением они представят неопровержимые доказательства дружбы к России и что единственной целью экспедиции является желание лучше узнать их замечательную страну. Сам генерал и несколько ученых будут собирать сведения о флоре и фауне, об ископаемых и что они хотят воспользоваться согласием, которое царит между Карачаем и Россией для того, чтобы приблизиться к Эльбрусу, к которому никто до этого не приближался».

Здесь уместно привести еще одно известие Купфера, касающееся времени пребывания экспедиции у Каменного моста на Малке. Речь идет о том, что 10 июля временный лагерь Емануеля посетил еще один кабардинский князь, возвращавшийся с охоты. Предоставим слово академику: «На следующее утро нас посетили несколько кабардинцев. Самым знаменитым из них был Кучук-Шанко (Джанхот?) – один из самых богатых кабардинских князей. Он приходился родственником царю российскому Ивану Васильевичу, женатому на княгине Марии Темрюковне, который после свадьбы стал именоваться князем «кабардинским». Князь Шанко, 90-летний старик, несмотря на свой преклонный возраст, был еще крепкий наездник и хороший охотник; он возвращался с охоты, где убил медведя и двух оленей, но как он сказал: «Силы уже не те, здоровье не то, и мне надо принимать минеральные воды, чтобы поправить свое здоровье». Он был в окружении дворян, которые относились к нему с почтением. Хотя черкесские князья были независимы, тем не менее они примыкали к одному из богатейших князей, сопровождали его на охоте и в битвах».

Вот так провела экспедиция первые сутки у слияния рек Малки и Кичи-Малки, у Каменного моста.

РАЗВЕДКИ НА УРДУ-БАШИ И КАН-ЖОЛЕ

В своем отчете А. Я. Купфер рассказывает, как генерал Емануель, закончив церемонию встречи с карачаевцами, решил совершить рекогносцировочные походы в окрестностях горы КАН-ЖОЛ, что в переводе с карачаево-балкарского означает «Кровавая дорога», а в литературу и географические издания вошло под неоправданным названием КИНЖАЛ. С этой целью «он захватил 2 палатки и провизии на 3 дня. Нас сопровождали, – пишет ученый, – кавалерийский и пехотный отряды. Один из самых преданных Российской империи кабардинских князей – князь Атажук, совершавший прогулку по окрестностям Канжола, вручил нам образец

свинцового минерала. Здесь мы пересекли плоскогорья, богатые сочной травой, после нескольких часов ходьбы достигли холма Магомета (Магомет-курган), – продолжает Купфер, – откуда открывается вид на гору Канжол и на Центральную Кавказскую цепь. Вершины первой Кавказской цепи почти полностью состоят из песчаника, по которому пройти легко. Но они содержат много источников и задерживают дольше дождевую воду, чем известняк, и поэтому здесь луговая трава всегда свежая. Черкесы давно используют эти замечательные пастбища, так как пребывание животных на равнине становится невыносимым из-за жары и большого количества насекомых. Черкесы пасут свои стада в горах, где трава свежая и воздух прохладен. Они разделяют эти луга на большое количество личных пастбищ, хотя право собственности этих пастбищ за ними не закреплено... Мы шли по краю бездны, внизу которой Урда несла свои пенящиеся волны», – рассказывает Купфер.

Свое начало эта речка берет между Канжолом и Иналом, двигаясь вдоль Инала, она направляется к востоку, сливаясь с маленькими речушками, получает название *Кенделен* и впадает в Баксан.

«Ожидая прибытие палаток, генерал решил спуститься до берега Урды и подняться по этой реке, насколько это будет возможным, – читаем мы в названном отчете. – Спуск был очень тяжелым; долина Урды узка и окаймлена с двух сторон высокими скалами. Нам приходилось несколько раз переходить реку вброд, так как идти вдоль одного берега мешали оползни. Вскоре мы заметили по правому берегу пещеру, которую решили осмотреть; она была достаточно просторная, глубокая и разделенная на многие ниши; струйки воды стекали со свода. На своде были заметны следы копоти, что говорит о том, что горцы здесь располагались, когда пасли скот в долине Урды. На небольшом расстоянии от этой пещеры река была настолько зажата между скалами, что было невозможно продолжать наш путь; здесь мы немного отдохнули в тени скалы, затем повернули к нашему лагерю на равнине Магомета по той же дороге, по которой пришли сюда».

На следующий день, 11 июля, в 4 часа утра путники покинули лагерь, чтобы добраться до верховьев Урды, которых они достигли накануне. Здесь они обнаружили свинцовые рудники, которые некогда разрабатывали «черкесы».

Участник разведочного похода пишет: «Мы следовали параллельно цепи Инала и Канжола по ровной местности, затем спустились в долину, образованную слиянием двух маленьких речушек. Барометр показывал высоту 5 тыс. футов [34] над уровнем моря...»

В 10 часов утра после скудного завтрака путники очутились на крутом спуске в долину Урды. Тропа, по которой им пришлось спускаться, была извилиста и достаточно отвесна. Она была местами настолько крута, пишут участники, что приходилось идти пешком, а лошадь вести под уздцы. Когда они прибыли на берег Урды, «*черкесы*, наши проводники, показали нам несколько кусков породы, усеянной прожилками слюды. Генерал решил следовать дальше, поскольку начало темнеть, а возвращаться в лагерь на равнине Магомета было поздно. Мы спустились, – пишет Купфер, – по кру-

тому склону, с растущими на нем несколькими березками, и очутились в долине Урды. Спуск был тяжел, особенно для лошадей. После трехчасового перехода путники вновь поднялись вверх, для того чтобы достичь берегов достаточно широкой реки Канжол, берущей начало в скалах одноименной горы. Примерно в шести верстах отсюда путники отметили залежи свинца. Как писали путешественники, дорога, по которой они тогда шли, пролегала берегом Канжола и была в тот момент непроходимой, так как дождевой и снеговой потоки подняли уровень реки, и она затопила окрестности. Впрочем, – пишет Адольф Яковлевич, – было уже 3 часа пополудни, и мы были изнурены, устали, и генерал решил повернуть к лагерю...

Ужас этого перехода, – продолжает руководитель группы ученых, – еще жив в моем воображении. Мы продвигались осторожными шагами вдоль ужасных бездн; узкая тропа пролегала вдоль скалы, обломки которой скатывались вдоль склона, и наши лошади буквально спотыкались на каждом шагу, так как почва была скользкой, оттого что снег бесконечно сползал по склону горы; с правой стороны была отвесная скальная стена, с левой – бездна. К счастью, мы к вечеру вышли на обширное плато, а к ночи добрались до лагеря. Ночь мы провели при холоде 3 градуса и на следующий день добрались до основного лагеря, расположенного на Малке».

Так завершилась разведочная вылазка отряда по окрестностям Канжола и в верховья реки Урду. 12 июля экспедиция в полном сборе вновь оказалась на месте основного лагеря у Каменного моста на границе Кабарды и Карачая. Эти разведочные походы увенчались открытием залежей свинца и слюды на Урду-баши и Канжоле.

СЛУШАЯ СТАРОГО МЫРЗАКУЛА

В длительных беседах с Исламом Крымшаухаловым и Мырзакулом Урусбиевым венгерский путешественник Я. К. Бешш собрал много интересных сведений. Еще бы, один из них потомок тех самых Крымшаухаловых, известных России еще по услугам посольству 1639 года, другой – отец знаменитого владельца Баксанского ущелья Исмаила Урусбиева, гостеприимного двора которого не миновал ни один из посещавших Кавказ людей – русских, немцев, итальянцев, англичан, французов, швейцарцев, венгров, поляков, в числе которых были известные ученые, композиторы, художники, писатели, поэты и альпинисты.

Венгерский ученый очень удивился той радости, которую карачаевцы проявили, узнав, что он мадьяр и что целью его путешествия является розыск колыбели венгров-мадьяр. Они рассказывали ему свои предания, согласно которым предки карачаевцев когда-то «занимали плодородные

земли от Азова до Дербента и проживали за Кубанью; что в те времена они соседствовали с могущественным народом, который угнетал их и требовал с них дань в виде одной белой коровы с черной головой или, за неимением таковой, трех обычных коров с каждой семьи, и что измученные поборами, они решили перейти на левый берег Кубани и укрыться в неприступных горах, чтобы вести там независимое существование; что, наконец, они пришли к нынешним местам своего пребывания, предводительствуемые вождем по имени Карачай...»[35].

Эти же сведения о происхождении и древней истории карачаевцев (называя их черкесами) повторяет в своем отчете и Купфер.

Рассказывая о своих беседах с карачаевцами, Бешш упоминает об одном инциденте, вызванном его неосторожными расспросами. Эти расспросы, по словам Емануеля, «чуть не привели к международному конфузу», уладить который пришлось генеральским тоном самому Емануелю. Дело было в том, что, думая сделать приятное карачаевцам, Бешш рассказал им, что в Венгрии «есть семейство, носящее такое же имя, что один генерал Карачай служил в армии австрийского императора, что, возможно, это венгерское семейство связано кровным родством с их древним вождем Карачаем... При этих словах я заметил, – пишет путешественник, – что карачаевцы переглянулись между собой с обеспокоенным видом, а затем неожиданно покинули нас, не попрощавшись с присутствующими».

Лишь через несколько часов Бешш узнал причину их тревоги.

«Это произошло «близ втока реки Харбис в Малку», – пишет известный журналист и знаток Приэльбрусья Е. Д. Симонов. – С тетрадкой в руках выспрашивал Бешш горцев, пока старший над ними Мырзакул, на чем свет хуля гостя быстрым гортанным «Собак», «Чушка», «Шайтан», не выскочил из кибитки, выдергивая кинжал».

Переводчик генерал-аншефа, один из пятигорских армян, который присутствовал при этом, отправился сообщить генералу, что карачаевцы, покинув кибитку Бешша, принялись совещаться между собой, выказывая признаки величайшей обеспокоенности. Чтобы узнать причину их жестикуляции и перешептывания, переводчик приблизился к ним и вскоре понял, что их дебаты касались того страха, который вызвало у них появление венгра в такой близости от их территории, так как, судя по тому, что он рассказал, его целью может быть требование наследства семейства Карачай в пользу Карачаев из Венгрии.

«Емануель встрял незамедлительно, – пишет Е. Д. Симонов. – Отвел гостя за лагерь. Впервые заговорил невальяжно.

– Чуть не привели к разрыву тонких нитей дружбы с горцами.

– Но чем же?

– Сколько можно твердить им: Карачай, Карачай, Карачай...

– Но вы же не принимали участия в общем разговоре, мсье. И чем мог смутить я?

– Не тот момент, любезнейший. Попробуйте мыслить категориями сынов гор. Только условимся не представлять их этакими буколическими пастушками с гобеленов Ватто!».

«Генерал просил меня, – продолжает Бешш, – больше не говорить с ними на этот предмет, но постараться объяснить им их ошибку, что я и сделал спустя какое-то время, навестив их в их палатке. Они казались весьма удовлетворенными тем объяснением, которое я дал своим предыдущим высказываниям, а также моим проявлением дружбы в отношении карачаевцев, поскольку через несколько часов они нанесли мне повторный визит и, спокойно попивая чай, снова отрицали, что мы суть соотечественники; с этого момента они непрестанно называли меня «кардаше» и пожимали мне руку при каждой встрече...».

По этому поводу князь Мырзакул рассказывал венгру следующую историю, которую, по его словам, он слышал от своего отца и многих старейшин своего племени, пересказывавших ее всякий раз, когда речь заходила о их предках, мадьярах, господствовавших над краями от Кумы до Каспийского моря.

Приведем и мы эту интересную историю-легенду, которую записал Бешш из уст Мырзакула Урусбиева:

«– ...Жил когда-то молодой мадьяр, сын вождя, правившего его страной, протянувшейся до Черного моря; звали его Тума-Мариен-Хан. Этот молодой человек страстно любил охоту; как-то раз, увлеченный любимым занятием в компании молодых людей, он, преследуя зверя, достиг берегов Черного моря. Там он заметил на некотором расстоянии маленький корабль, украшенный флагами и вымпелами, развевающимися на ветру. Корабль, подгоняемый к берегу легким бризом, мало-помалу приближался, и Тума-Мариен-Хан тоже направился вместе со своими спутниками к берегу; каково же было их удивление, когда они увидели на палубе одних только женщин, одетых в богатые одежды и знаками умоляющих о помощи. Молодой князь тотчас же приказал прикрепить конец веревки к стреле, которую выпустил так удачно, что она упала прямо у ног женщин, которые, торопливо схватив веревку, привязали ее к хрупкой мачте своего суденышка, охотники же, ухватившись за другой конец веревки, в мгновение ока выволокли корабль на сушу.

Князь помогал спуститься на берег одной из девушек, к которой ее спутницы, по всей видимости, питали большое уважение; он взглянул на нее с обожанием, не в силах вымолвить ни слова, столь глубокое впечатление на его сердце произвела необычайная красота чужестранки. Затем, оправившись от своего удивления, он проводил ее и ее спутниц в резиденцию своего отца, который, узнав о высоком рождении и истории молодой особы, согласился женить на ней своего сына.

Вот удивительная история этой молодой чужестранки, – продолжал Мырзакул. – Ее звали Алемелия, и она была дочерью греческого императора, правившего в то время Византией. Этот своенравный монарх приказал воспитывать свою дочь в одиночестве на одном из островов Мраморного моря под наблюдением почтенной женщины; четырнадцать молодых девушек были у нее в услужении, и монарх строго-настрого запретил дуэнье, чтобы к его дочери когда бы то ни было приближался какой бы то ни было мужчина.

Принцесса становилась с каждым днем все прекраснее и приобретала все более невыразимое обаяние; ее прелесть в сочетании с невинностью и добротой порождали обожание со стороны ее спутниц по изгнанию. Однажды, когда принцесса спала на диване, полог над которым был раскрыт, лучи солнца, как никогда яркие в тот день, проникли к ее ложу и произошло чудо; принцесса забеременела. Ее беременность не могла долго оставаться незамеченной ее отцом, оскорбленная честь которого привела его в страшный гнев. Чтобы скрыть бесчестье от своих подданных и не давать повода для разговоров об императорском семействе, он принял решение убрать дочь с глаз всего света, изгнав ее за пределы империи. С этой целью он приказал построить маленький корабль, нагрузить его золотом и бриллиантами, посадить на него свою дочь с ее служанками и дуэньей и отдать эти невинные существа на волю ветра и волн. Однако море, всегда столь гневно обрушивающееся на непрошенных возмутителей спокойствия его вод, смилостивилось к принцессе, и легкий ветерок погнал кораблик к гостеприимным берегам мадьяров.

Принцесса не замедлила разрешиться от бремени сыном, а вслед затем подарила своему супругу Тума-Мариен-Хану двух других сыновей. После смерти отца молодой князь наследовал ему и прожил счастливую жизнь. Он воспитал первого сына своего от принцессы Алемелии под родительским надзором. Перед своей смертью он приказал сыновьям жить в союзе и мире. Но они, став хозяевами после смерти отца, поссорились из-за престола, и разгорелась гражданская война. Эта междоусобица среди мадьяр привела к разрушению и расколу внутри этой некогда свободной и могущественной нации, от которой, – со вздохом прибавил рассказчик, – у нас сохранились лишь воспоминания о ее былом величии, воспоминания, которые мы храним среди этих скал, превращенных нами в убежище нашей независимости, единственного наследия наших отцов, ради которой всегда готовы отдать жизнь мы и наши дети – так закончил рассказ этот интересный старик Мырзакул, вместе с Исламом Крымшаухаловым сопровождавший экспедицию до самого Эльбруса», – повествует Бешш.

Это предание находит параллели в тюркско-монгольском фольклоре, и некоторые ученые справедливо сопоставляют его сюжеты с распадом Великой Болгарии VII в. на Кубани, созданной активным деятелем – болгарским ханом Кубратом. Дело в том, что достоверно известно, как малолетний Кубрат был крещен и долго жил в Константинополе при византийском дворе под попечительством императора и своего дяди Органа – удельного тюркского хана. Например, Иоанн Никиусский в VII в. писал, что «Кубрат, князь гуннов и племянник Органа, в юности был крещен и воспитан в Константинополе в недрах христианства и вырос в царском дворце». Воспитанный таким образом Кубрат был тесно связан с византийским двором и в качестве болгарского государя осуществлял византинофильскую политику на Северном Кавказе в бурном водовороте византийско-хазарских отношений того периода. Не исключена возможность, что для поддержания такой политики византийский император мог женить Кубрата на

принцессе. Можно допустить, что именно это и отразилось в легендарном сюжете, рассказанном Мырзакулом.

После смерти Кубрата сыновья его не выполнили заветов отца – и разразившаяся междоусобная война, и натиск хазар привели к расколу между братьями: один из них ушел со своей дружиной на Волгу, другой – Аспарух – на Дунай, а старший из братьев – Батиан (Басиан) – остался на родине отцов, на Северном Кавказе.

Можно обратить внимание еще на одну примечательную деталь этой истории. Речь идет об оригинальном объяснении зачатия Алемелии. Этот мотив часто встречается и в других сказаниях карачаевцев и балкарцев. Так, например, ровно через 50 лет после описываемых событий внук Мырзакула Сафар-Али Урусбиев в своем именитом ауле Урусбиево со слов известных тогда карачаевских и балкарских сказителей: Т. Джуртубаева, Исмаила Мисостова, Биаслана Джаппуева, Кума Джаппуева, Магомета Тилова, Чабакчы Соттаева (так звали в народе Ахию Соттаева за его привязанность к рыбной ловле: «чабакчы» – рыбак), Биляка Аюова, Хусейна Абдуллаева, Маила Этезова, Али-Мырзы Балкарукова записал ряд нартских сказаний и издал их в первом выпуске «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа» (Тифлис, 1880). В одном из сказаний говорится, как одна молодая девушка, решив скрыть причину своей беременности, объяснила это следующим образом: «Несколько дней тому назад я пошла убирать постели в кунацкую после отъезда гостей, но в это время на живот мне упал солнечный луч, и от этого я стала беременеть»...

Вот в таких оживленных беседах с сопровождавшими экспедицию балкарцами и карачаевцами проходил нелегкий путь венгерского путешественника к подножию Эльбруса. А мы, дорогой читатель, вернемся к Каменному мосту у слияния Малки и Кичи-Малки, где оставили участников этого похода.

ВОЙЛОЧНЫЕ ШАТРЫ И ВЕРБЛЮДЫ У ИСТОКОВ МАЛКИ

Тринадцатого июля 1829 г. огромный караван из 350 казаков, 650 солдат при двух трехфунтовых пушках, 6 навьюченных верблюдах, погоняемых несколькими калмыками, группы видных ученых и местных проводников во главе с Исламом Крымшаухаловым и Мырзакулом Урусбиевым вышел из Каменного Моста и взял курс на высокогорное плато Ыскхауат (Хасаут) через долину Кичи-Малки. В первый день караван прошел около 20 верст [35а], а в Ыскхауат прибыл он 14 июля, миновав многие горные перевалы по узким каменистым тропам.

«Центральная цепь Кавказских гор, – пишет А. Я. Купфер, – ставит непреодолимые препятствия для вьючных и других животных, необходимых

для существования нашего отряда. Узкие тропы, проделанные нашими лошадьми, изобиловали многочисленными поворотами под наклоном, почти перпендикулярным к горе, вершина которой была окутана туманом и подножие которой омывалось стремительным потоком. Было ясно, что такие дороги были непроходимыми для повозок; мы были вынуждены бросить большую часть наших припасов; верблюды, навьюченные свернутыми палатками, не могли больше идти. Нехватка продовольствия и дров не представляла наибольшего неудобства, нам предстояло идти дальше по тропам, более опасным, чем те, которые мы оставили позади. Часто путь преграждают глубокие овраги, которые надо преодолеть, чтобы попасть на противоположную сторону. Часто встречаются дороги, окаймленные с одной стороны скалами, а с другой – отвесными пропастями. В этих условиях быки не могли тащить повозки, и мы прикладывали неимоверные усилия, для того чтобы они не сорвались в пропасть. От наших проводников требовалось большое мужество. Мы не раз восхищались порядком, царившим в отряде, сопровождавшем нас. Несмотря на опасности, подстерегающие нас на каждом шагу, на лишения всякого рода, несмотря на то, что отряд, сопровождавший нас, не был заинтересован в этой экспедиции, мы не услышали ни единого звука недовольства: та же активность на переходах, то же хорошее расположение духа во время отдыха.

Наш отряд был разбит на небольшие группы; около 100 казаков образовывали передовую группу, затем группа генерала и его свиты, которая шла то взводом, то растягивалась длинной линией настолько, насколько позволяла ширина тропы. Группа генерала состояла из нескольких черкесских князей, переводчика и нас, – пишет Купфер. – Далее, на приличном расстоянии, следовала группа казаков, состоящая из 250 человек. Можно себе представить, что, следуя таким образом, мы не могли делать длинные переходы; после 20–30 верст пути мы останавливались примерно к полудню в местечке с пресной водой и достаточным живописным окружением. Генерал выбирал подходящее место для разбивки наших трех палаток, одна из которых принадлежала генералу, другая – сопровождавшим его лицам и третья – нам. Разжигали костер, резали барашка, приготавливали обед, который обычно был готов к 5 часам вечера. Ожидая обед, одни из нас отдыхали, другие осматривали окрестности, не удаляясь далеко от лагеря, дабы не подвергнуться нападению черкесов, которые окружали нас незримо со всех сторон и относились к нам с недоверием, как и к нашим передвижениям. Обед всегда проходил в палатке генерала, более просторной, чем наши. На земле была расстелена скатерть, а тарелки мы держали на коленях.

Устройство калмыцких палаток было не совсем обычным, – подмечает ученый, – они поднимались конусом к вершине, где было отверстие для выхода дыма на тот случай, если надо было в ней развести костер. На случай ночных холодов это отверстие закрывалось специальным клапаном. Каркас этих палаток был выполнен из легких деревянных прутьев; весь покрыт широкими кусками толстого белого войлока; ни дождь, ни ветер

туда не проникали. Для их транспортировки были предназначены 6 верблюдов. Несколько калмыков, владельцев этих шатров, помогали нашим казакам в разбивке лагеря. К вечеру лагерь представлял собой живописную картину: пушки, телеги с пехотинцами и казаками прибывали до вечера; офицерские палатки из белой материи были уже разбиты; некоторые солдаты сооружали себе хижины из сухой травы или вкапывали в землю несколько брусьев, а на них вешали куски войлока. Вся поклажа лагеря была сосредоточена в центре, лошади и верблюды паслись в долине, где для них было много пищи. Вокруг лагеря и в его окрестностях на возвышенностях были расставлены часовые.

Наконец, после вечерней молитвы раздавались удар барабана и пушечный выстрел, который многократно повторялся эхом. Это был сигнал ко сну. Мой плащ, – пишет Купфер, – из войлока (кавказская бурка. – *И. М.*) был расстелен на земле и заменял мне матрац, другим же, заранее припасенным, я укрывался. Дневная усталость тут же погружала нас в сон, периодически нарушаемый перекличками часовых. На рассвете нас будил удар барабана и надо было поспешно одеваться, так как через четверть часа палатки сворачивались. Первой двигалась передовая группа – авангард отряда».

Таким образом продвигаясь по высокогорным тропам, экспедиция генерала Емануеля 14 июля остановилась в долине Ыcхауат. Застигшие ее в этом районе сильные летние ливневые дожди вынудили экспедицию к непредвиденной остановке на несколько дней в ожидании лучшей погоды.

АЙРАН ИЗ КОЖАНОГО МЕШКА, ИЛИ ГЫБЫТ-АЙРАН

В горах шел дождь... Горные котловины не вмещали тяжелые свинцовые тучи, которые щедро переваливались через зубчатые хребты. Вслед за тучами эти хребты предстояло преодолеть и громадному многонациональному каравану. Туман застилал людям глаза, дышать становилось все труднее. Ничего хорошего для горных переходов в такую погоду ожидать не приходилось. Наоборот, с каждой последующей минутой все более обнажалась ярость гор, вековой покой которых решились нарушить те, кто посягнул на вершину самого Джинн-падишаха. То и дело раскатывались стоголосое эхо и железный грохот июльских гроз.

«Как будто бы горы обрушились в бездну», – любил говорить о таких днях незабвенный певец гор – Кайсын Кулиев.

В горах шли проливные дожди... Не умолкая ревели и Инал с Бермамытом, и Урду-баши с Канжолом, и вообще все горы из свиты Эльбруса. Тяжело дышал и сам Ирахын-сырт, будто бы пытаясь оправдать свое на-

звание – «Болезненное плато». Обычно мирно журчащие горные речушки теперь вздыбились и буйствовали, как неукротимые дикие кони.

И только кони казаков Емануеля, понуря промокшие гривы, тяжело карабкались по горным уступам. Никогда не мог подумать старый Ислам, что эти речушки способны жонглировать такими громадными валунами и гнать их в ревущем потоке, будто бы подзадоривая: «Кто вперед, в Малку!», туда, где «грозно вздымаются воды реки и камни сшибаются в них, как быки».

Что и говорить, не выдалась погода для столь сложного и неведомого доселе похода. Проливные дожди, размытые тропы и тяжелые туманы сильно затрудняли путь. Растянувшийся на многие сотни метров отряд, измученные участники, уставая, падая, вставая с трудом, пробирались к заветной цели. Глухой лязг тяжелых пушечных колес, чавканье в жиже грязи сотен копыт, размытые горные тропы – все это удручало не только столичных ученых из Санкт-Петербурга, но и видавших виды казаков Емануеля. Однако ожидание встречи с вековыми тайнами Эльбруса, предвкушение возможности первыми в истории увидеть и коснуться рукой «доселе неведомого» придавало им силу, укрепляло дух первооткрывателей.

«Сколько же несоответствия во всем окружающем, – думалось молодому Ленцу: – непоколебимый покой седого Эльбруса и бунтующая природа его оснований; раскисшие чабуры горцев и ботинки академиков; высокогорные тропы и корабли пустынь; золоченые эполеты генерала и башлык Мырзакула; привыкшие к горам горцы и друзья степей – калмыки и т. д.».

Да, много было невероятного и дерзкого в этом первом историческом походе на штурм кавказского исполина гор.

А тем временем где-то гремели грозы, где-то срывались горные обвалы. Время от времени, будто бы соперничая с хаосом бунтующей природы Приэльбрусья, раздавался зычный голос: «Вперед! На штурм!». Это командовал Емануель, восседавший на вороном коне под гвардейским чепраком, тайком ободряя себя воспоминаниями об альпийском походе Суворова. Но в отдельных местах ему приходилось командовать: «Спешиться всем!». И люди шли. Шли кто как мог. И браво им, они были первыми! Вот как, например, шел тот же Бешш по узкой тропе в пол-аршина, опираясь на палку из орешника, «которую смастерили ему карачаевцы. По левую руку отпихивает скала в потеках вод, правая спадает в бездну футов в 500 глубиной». Бешш отверг посох, опирается на изгибающуюся саблю.

«Мажар, оллахи, мажар, – неторопливо и прехладнокровно ступал в голове отряда Мырзакул. – Не гляди, человек, на пустое, что внизу. Только вперед гляди. Ай, что ти ходишь, как моя дедушка. Ходи, как ми, кардаш», – напутствовал Урусбиев спутника.

«Местность немыслимая, – продолжает венгр. Неможно идти без пособия рук, палки с железным наконечником (специальная палка балкарских и карачаевских горовосходителей, именуемая ими «мужра». – *И. М.*). Камни, покрытые слизистым мохом, режа подошву, замедляют движение.

Мир отворил близ нас бездну, которой глубину глаза наши измерить и не дерзают».

Так или иначе отряд пробирался по косогорам Мушта, Инала, по берегу речки Енгешли, и, как было уже сказано, отряд 14 июля достиг высокогорного района Ыскхауат, что в 10–12 км к юго-западу от современной турбазы «Долина нарзанов».

Из-за сильных дождей и непогоды отряд остановился здесь на несколько дней, чтобы привести себя в порядок и дождаться лучшей погоды.

В эти дни Вансович совершил осмотр местности и окрестных гор в поисках рудных выходов, Бернардацци занимался этюдами, Бешш записывал наблюдения и приводил в порядок свой дневник, а академик Купфер в сопровождении своих коллег и нескольких черкесов-проводников совершал прогулки по окрестным местам. Он писал, что в окрестностях Ыскхауата «встретились свинцовые рудники, разрабатываемые черкесами в течение долгого времени». В одной из долин Купфер видел «груды камней, которые, как казалось, были нагромождены рукой человека».

«Наконец, – продолжает академик, – на склоне крутой горы мы нашли следы разработок, от которых остались куски породы сернистого свинца... На следующий день мы прошли возвышенности между Бермамытом и Центральной цепью, все приближаясь к Эльбрусу. Погода нам не благоприятствовала: ливни сделали дороги непроходимыми, реки вышли из берегов; мы разделись, так как испарения принесли духоту, в двух шагах не было ничего видно из-за тумана. Генерал был весьма раздражен тем, что по этим причинам откладывалась главная цель нашей экспедиции – восхождение на Эльбрус», – заключает Купфер.

Однажды, после очередной прогулки ученых, Емануель подозвал к себе венгра Бешша, подвел его к группе горцев, а те «развязывали кожаный мешок, что-то черпали, по жесту генерала подали деревянную плошку мадьяру.

– Что это вы, милейший, сморщились, будто пьючи уксус, – подивился Емануель. – Это, доложу вам, айран, полезнейший, ничем не заменимый в горах напиток. Освежает. Бодрит», – читаем мы в книге Е. Д. Симонова.

В этом эпизоде не может не заинтересовать не только сам айран, которым проводники угощали членов экспедиции, но и специфический кожаный мешок, именуемый балкарцами и карачаевцами – *гыбыт*, а айран, в нем хранимый, – *гыбыт айран*. Этот мешок и разновидность айрана – характернейшие черты традиционной материальной культуры карачаевцев и балкарцев. В этой связи весьма примечательно, что в недавних находках украинских археологов на скифских предметах имеются изображения человека, пьющего кумыс из кожаного мешка – гыбыта (бурдюка). Заслуживает большого внимания и тот факт, что в окрестностях древнего карачаевского аула Ыскхауат, в одноименной долине, Купфер описал свинцовый рудник, на протяжении многих лет разрабатываемый черкесами...»

А ВОТ И ЭЛЬБРУС!

Двадцатого июля погода прояснилась, дороги относительно просохли. Емануель оставил в Ыскауате орудия, тяжести, а сам с отрядом направился к истокам реки Харбас (река Харбис). Экспедиция двинулась к Центральной цепи Кавказского хребта по чрезвычайно трудным тропинкам и, спустившись в верхнюю долину Малки, у самого почти истока, вырывающегося из основания Эльбруса на высоте 8 тыс. футов выше уровня моря, расположилась лагерем у самой подошвы горы, читаем мы в отчетах участников похода.

Это было высокогорное плато Ирахын-сырт, на левом берегу реки Кызыл-су, т. е. «Красной реки», вблизи минеральных источников Джилы-су, что означает «Теплая вода», на высоте 2598 м над уровнем моря.

Об этом дне экспедиции Купфер писал: «Мы решили увековечить память этого дня надписью, вырезанною на одной из скал, которые окружали наш лагерь».

В 1932 г. советские альпинисты во главе с В. Никитиным обнаружили на скале в урочище Ирахын-сырт надпись, которую тогда велел высечь Емануель.

«Надпись полностью удалось прочесть только после того, как она была тщательно очищена от векового наслоения лишайника, – пишет Никитин. – Вот что было высечено на скале, расположенной на месте стоянки первой экспедиции на Эльбрус: «*1829 год с 8 по 11 июля лагерь под командою генерала от кавалерии. Емануель*»[36].

Ровно через 50 лет, после того как она была высечена, в июле 1879 г., эту надпись видел «на скале у красивого водопада» выдающийся путешественник и исследователь Кавказа Н. Я. Динник[37]. А большой знаток истории народов Кавказа П. П. Надеждин в своей книге «Кавказский край. Природа и люди» писал: «Малка вытекает из подошвы Эльбруса двумя источниками, из которых правый образует замечательный водопад Кекрек, т. е. «Грудь», падающий с высоты 16 саженей. Водопад увенчан площадкой, на которой на скале сохранилась надпись: *«11 июля 1829 года здесь стоял лагерем генерал Емануель»*[38].

Примечательно, что группа альпинистов из общества «Наука» – доктор физико-математических наук К. Толстов, электрик С. Константинов, заводской мастер В. Евсеев, студент физмата С. Репин – в 1948 г. в ознаменование 120-летнего юбилея первого восхождения решила повторить до тех пор не повторенный северный вариант восхождения на Эльбрус. Дело в том, что тем самым северным путем, со стороны Карачая, каким шел Емануель, на Эльбрус никто не ходил. Знатоки истории альпинизма пишут, что «если с южной стороны, по Баксану, хаживали, восходя на Эльбрус, целые альпиниады, тысячи по две душ за сезон, то с севера после Хиллара ровным счетом двое за все эти сто двадцать лет. Это швейцарцы Андреас Фишер и Христиан Иосси, из Учкулана, через перевал Бурун-таш (т. е. камень-нос) 11 августа 1904 г. на Западную вершину со спуском в тот же день к кошу Азау»[39].

Группа Толстова, повторив путь первовосходителей, также обнаружила эту надпись. Вот как описал ее К. Толстов: «Здесь река Малка вырывается из каменного ущелья, образует красивый водопад Султан-су. Он низвергается с высокой отвесной скалы, наполняя долину шумом. На скале вы-

сечена надпись в честь экспедиции Российской академии наук, впервые проложившей путь к вершине Эльбруса».

Таким образом, маршрут похода, места коротких и долгих остановок, место расположения основного лагеря Емануеля устанавливается достаточно детально. Это Пятигорск – берега речки Золка – укрепление Каменный Мост на реке Малке, у ее слияния с Кичи-Малкой, – Ысхауат – истоки реки Харбас – плато Ирахын-сырт – источники Кызыл-су, Джилы-су – водопад Кекрек, или Султан-су.

Отсюда и предстояло начать исторический штурм величавого Эльбруса, который смотрится здесь как на ладони.

Вот что пишут об этой чарующей взор картине сами участники экспедиции:

«В епанче нетленных своих снегов являет вид круглого, островерхого шатра, как бы подпираемого изнутри стойкой. Формы строги, обдуманы. Однородцы Мырзакула, все азийские наши соседи, почитают его необыкновенно, и в этот час понимаю их» (Емануель).

«Возвышен над остальной высокогорной областью с превышением тысяч на десять футов. Разве не несет он, генерал, все черты повелителя? Диадема, мантия, величие, свита. Две главы не знают равных во всем высоком Кавказе. А сила его основания? Вплотную надвинулось оно на темные границы Ташлы-сырта (Каменистое плато. – *И. М.*). Крутой берег плато Ирахын-сырта образует натуральную границу реки Малки» (Купфер).

«И завлекательно, и странно. Все на виду, и все неведомо. Таков он – трехклиматный Эльбрус. И таит в минотаврских своих лабиринтах искомый нами неравносклонный водораздел двух морей. Вспоминается мне блаженный час созерцания первых виденных мною снегов вершин островов Тенерифа. Мнилось совершенством натуральной природы. Майн готт, да они негожи стать даже карлами в свите Эльбруса!» (Ленц).

«Это предприятие – символ единства цели при разности людей и наук. В экспедиции участвуют 9 народов Европы и Азии. И мы первые, заглянувшие в лицо Эльбрусу» (Бешш).

Так возвышенно описывал каждый из участников свои впечатления, которые произвел на них представший их взору во всем своем величии Эльбрус – обитель Прометея.

ГЕНЕРАЛ И АКАДЕМИКИ ЧЕСТВУЮТ БЕССТРАШНОГО ОХОТНИКА

Остановившись лагерем у самых истоков Малки и обосновав в долине Харбаса лагерь, в котором осталось основное снаряжение экспедиции – повозки, пушки и прочая тяжесть под охраной небольшого отряда, Емануель стал готовить штурмовой отряд к решающему выступлению.

«Пришло время размышлять, господа, категориями полевых диспозиций. Стоянием крепостей не берут. Преуспеть в подъеме – значит открыть путь ученым изысканиям. Все поле сражения перед нами, вплоть до главного бастиона. Различаю преграды: рвы, батареи, машикули (бойницы в старинных горских башнях и крепостях. – *И. М.*), из которых уже начали обстрел камнепадами и лавинами», – говорил Емануель собравшимся вокруг него проводникам, казакам и ученым. И отряд готовился. Подгоняли снаряжение и обувь, готовили заступы и колья, палки из орешника. Горцы многозначительно поглаживали свои мужра, нисколько не уступавшие в горах позднейшим знаменитым альпенштокам.

На следующее утро, 21 июля (9-го по старому стилю), «собраны были казаки и черкесы, и объявлено им, что тот, кто первый достигнет вершины Эльборуса, получит 400 рублей; второму (если же это невозможно), достигшему самой высокой степени, дано будет 200 рублей, а тем, кто достигнет половины конуса, покрытого снегом, предназначается также награда. В десять часов утра началось шествие». На штурм вышли Купфер, Ленц, Менетрие, Мейер, Бернардацци, 20 казаков, из которых известно имя только Лысенкова, и пять черкесов – вероятно, те, которых выделили Емануелю еще у Каменного моста Ислам Крымшаухалов и Мырзакул Урусбиев. Ныне нам известны имена только двоих из них: Хиллара Хачирова и Ахии Соттаева. Перед выходом «Хиллар подал ученым пиалу с коричневой жижей и разъяснял: разведенный порох мазать кругом глаз, иначе – солнце, снег, резь, слепота», – пишут знатоки истории покорения Эльбруса.

Совет Хиллара весьма примечателен. Карачаевцы и балкарцы, великолепно знавшие горы и ледники, все нюансы их свойства и меры предосторожности, правила поведения в горах, испокон века слыли известными добытчиками и изготовителями пороха, который они выменивали в Кабарде и сопредельных областях на другие товары.

По этому поводу академик И. А. Гюльденштедт в 1771 г. писал: «Они получают в Кабарде, в случае нужды, российскую соль, бумажные материи, холст и сафьян. Все сие выменивают они на шерсть, толстое сукно, рожь, войлоки, лисьи и куньи меха, серу, которую они добывают близ Устожирта (Хушто-Сырта. – *И. М.*) в Чегемском ущелье, и огнестрельный порох, ими самими приготовляемый»[40].

То же самое писал другой академик Ю. Г. Клапрот в 1802 г.: «Их горы обеспечивают им селитру и серу, и им не приходится для добывания ее, подобно черкесам, выщелачивать подстилку овечьих стойл и загородок. Их порох мелкий и отличается особой силой»[41].

Итак, по совету горцев участники восхождения зачернили лица разведенным порохом и тронулись в путь.

«После 6 часов подъема, т. е. в 4 часа пополудни, достигли снеговой линии на высоте 10 тыс. футов, и у подошвы конуса они должны были провести ночь». В своем отчете Купфер писал: «Мы провели ночь у подножия Эльборуса, в глубине громадных черных глыб, посередине которых были углубления, заполненные снеговой водой; ночь была прохладной, я про-

сыпался несколько раз, чтобы наблюдать окружающую красоту. Эта картина глубоко запечатлелась в моей памяти – она состояла из трех тонов: серебристый тон снега и луны, голубизны неба и глубокий черный цвет скал и тени ночи; но причудливые группы, неясные очертания, постепенность перехода тонов и, наконец, спокойствие, царившие вокруг нас, восхитительны. Все придавало невыразимое очарование этой картине и никогда в моей жизни ничто более прекрасное не представало передо мной».

«Ночь была на редкость холодная и ясная, – пишут и остальные участники восхождения. – Непривычно было спать на голых скалах ледника», – подчеркивали они. С вершины тянуло почти на ощупь осязаемым, пронизывающим холодом. Хиллар озабоченно переводил взгляд с вершины на небо, где сияли ранний месяц и первые звезды. Он не замечал холода, которым дышали уже не только снега, даже камни, воздух.

«Якши, корош, – подвел он итог своим наблюдениям. – Тепло в ночь яман, плох. Холод, как сейчас, якши, корош, день быть чистый, гора доброй», – заключил Хиллар [42].

Человек, знающий природу гор и их приметы, а также карачаево-балкарский язык, без труда поймет в этой ломаной фразе проводника карачаево-балкарскую поговорку: «Кече – буакъ, кюн чуакъ», что в переводе означает: «Холод в ночь – ясно в день». И действительно, в час выхода в путь, в 3 часа ночи 22 (10) июля, Купфер заметил, что проводник предугадал погоду гор. Для нас очень важно подметить, что слова проводника о погоде удивительно совпадают с купферовской характеристикой ясной, холодной и звездной ночи в снегах Эльбруса.

По рассказам академика, в 3 часа утра, захватив лопаты, железные палки, веревки, провизию, отряд двинулся в дальнейший путь, и после четверти часа хода группа очутилась в царстве вечных снегов.

«Поначалу подъем не был трудным, и мы преодолевали препятствия, помогая себе время от времени железными палками, но вскоре подъем стал настолько трудным, что мы вынуждены были прорубать в снегу ступеньки. Хотя долина позади нас была закрыта туманом, тем не менее погода была прекрасная, луна достигала середины небесного свода, и светлый блеск ее диска составлял приятный контраст с синевою неба, которая при ярком освещении была столь густа на этой высоте, что ее можно было бы сравнить почти с цветом индиго. Несмотря на свежий ветер, – продолжает Купфер, – который дул с горы, туман долины медленно поднимался позади нас, вместо того чтобы рассеиваться. Он уже покрыл то место, где мы провели ночь и которое мы только что оставили. Туман готов был окутать нас, расстилаясь у наших ног белой пеленой. Но скоро лучи солнца, проникавшие в туман с возрастающей энергией, разорвали его в нескольких местах. Вскоре вся долина открылась нашим ослепленным глазам, и перед нами развернулась панорама гор, образующих первую цепь Кавказа. Самые высокие вершины этой цепи – Инал, Кинжал, Бермамыт – расположены почти полукругом, центр которого занимает Эльбрус. Видно было, как эти горы терялись к северу в равнине, образуя на стороне, обращен-

ной к Эльбрусу, крутизны. Видно было, как беспорядок гор увеличивается по направлению к центру. Их вид представляет часть огромного кратера, посреди которого возвышается в виде конуса громада вулканических масс, превосходящая своею высотою края кратера. Восхищаясь этой панорамой, мы все, – пишет Купфер, – движемся вперед то прямой линией, то зигзагами, смотря по трудности пути. Поспешность, с которой мы стремились, чтобы достигнуть вершины раньше, чем поверхность снега будет размягчена солнечными лучами, истощала наши силы, и мы в конце концов должны были останавливаться для отдыха почти на каждом шагу. Разреженность воздуха такова, что дыхание не в состоянии восстанавливать потерянные силы. Кровь сильно волнуется и вызывает воспалительные процессы даже в самых слабых частях тела. Мои губы горели, мои глаза страдали от ослепительного блеска солнца, хотя я по совету горцев зачернил порохом лицо около глаз, – продолжает ученый. – Все мои чувства были притуплены, голова кружилась, от времени и до времени я чувствовал непонятный упадок сил, которого я не мог преодолеть», – сожалел впоследствии Купфер.

«Ближе к вершине, – продолжает он, – Эльбрус представляет ряд голых скал, образующих как бы лестницу, которая очень облегчает подъем; однако Мейер, Менетрие, Бернардацци и я – мы чувствовали себя утомленными до такой степени, что решили отдохнуть час или два, чтобы с новыми силами отправиться в путь.

Несколько казаков и черкесов, сопровождавших нас, последовали нашему примеру. Мы нашли убежище от ветра под огромной скалой черного трахита, который образует первый пояс вышеупомянутых скал. Здесь небольшое пространство, свободное от снега; я отбил от скалы несколько кусков для своей коллекции. Мы были здесь на высоте 14 тыс. футов над поверхностью моря; нужно было еще подняться на 1400 футов, чтобы достигнуть вершины Эльбруса», – читаем мы в отчете Купфера.

В 1948 г. советские альпинисты под руководством К. Толстова установили место этой стоянки первовосходителей у основания ледника Уллу-Малиен-дыркъы, т. е. «Большая Малиена гряда», на удобной скальной площадке под навесами трахита, примерно на высоте 4800 м над уровнем моря, или, как писал Купфер, на высоте 14 тыс. футов.

Руководитель группы альпинистов писал в 1948 г.: «На высоте 4800 м встречаем удобную площадку под скалой, защищенную от ветра ледяным гребнем. Внезапно я замечаю железное острие, которое на несколько сантиметров торчит из груды камней. Вытаскиваю его из камней – это своеобразный предмет, двузубая стальная вилка длиной в 30 см, с отверстием на полукруглой части – очевидно, для прикрепления к деревянной рукояти. Несомненно, это образец ледового снаряжения экспедиции 1829 г. На небольшом плоском камне находим надпись: «1829». Надпись глубокая и четкая, а над ней высечен крест. Сомнений нет, мы на месте остановки экспедиции».

Некоторые авторы, касающиеся этой темы, считают, что найденный Толстовым предмет мог быть фрагментом ножки-стойки геофизического

прибора. Такое предположение опровергает сам Купфер. Скорее всего, прав Толстов, считавший его атрибутом снаряжения горовосходителей. Мы склонны видеть в этом предмете железный наконечник специальной палки – горского мужра, которыми были снаряжены восходители, т. е. тех самых железных палок, о которых так часто вспоминают сами участники.

Однако предоставим слово Купферу: «Я рассчитывал провести наблюдения над маятником, который я привез с собой, *но казак, несший ящик с маятником, еще не пришел* (к месту стоянки под трахитовой скалой. – *И. М.*) *и ждать было нельзя* (выделено мной. – *И. М.*); солнце, которое почти перпендикулярно бросало свои лучи на наклонную поверхность снега, размягчило снег до такой степени, что он не мог больше нас выдерживать; *откладывать* же *наше возвращение было нельзя*, мы рисковали попасть в те пропасти, которые были прикрыты снегом».

Эти слова свидетельствуют, что найденный Толстовым предмет на месте последней стоянки группы Купфера никак не может быть принадлежностью какого-то прибора, который казаки не успели туда донести. Возможно предположить, что это был наконечник мужры балкарских и карачаевских горовосходителей, о чем говорят и форма, и размеры предмета.

Штурмовая группа провела первую ночь на высоте 4270 м над уровнем моря, а на следующий день, когда они добрались до высоты 4800 м, где остановился Купфер, одна группа – Ленц, два «черкеса» и казак Лысенков – продолжила путь к вершине. Купфер же в сопровождении остальных «черкесов» и казаков вынужден был вернуться.

«Спуск был очень тяжелым и опасным, – писал академик, – снег, который несколько часов тому назад выдерживал нас, проваливался под ногами. Образовались дыры, которые позволяли нам видеть ужасающие пропасти, открывшиеся под нашими ногами. Казаки и черкесы, следовавшие за нами, связали себя попарно веревками, чтобы оказывать друг другу помощь. Я чувствовал себя слабым от усталости, что для большой быстроты движения опирался на двух человек, обхвативших меня своими руками; а когда спуск стал менее крут, то я растянулся на бурке, которую тащил черкес. Каждый думал только о себе, о том, как бы поскорее миновать опасности, грозившие нам. Мы разделились на небольшие группы. Желание пораньше достигнуть лагеря заставило нас забыть на время, что мы окружены черкесами, на которых нельзя было положиться (? – *И. М.*) и которые захватили бы прекрасную добычу, овладев нами».

Кстати, когда окончательно выбившийся из сил Купфер рухнул на снег, ему подумалось, глядя на сбившихся в кучу казаков и черкесов: «Неужели уйдут? Не подумав о бедственном положении его? Принесут в жертву богу своего Мингитава? С них станется!»[43].

Вот с какими мыслями боролся ученый, когда, по его же словам, они, «сами не замечая того, были увлечены черкесами по дороге более короткой и полностью были в их власти, но раскаялись в своих подозрениях, так как вели они себя по отношению к нам безупречно. Перейдя снеговую линию и перерезав узенькую долину, дно которой было покрыто обломками

соседних скал, покрытых оледенелой водой, – продолжает ученый, – мы спустились к берегам небольшого ручья, который впадал в Малку и привел нас, по хорошей тропе, к нашему лагерю».

Вероятно, тогда вспомнились Купферу слова Ислама Крымшаухалова о том, что «эти пятеро знают горы, как ты, Мануил, свою жену» [44]. Они и вывели его группу по более короткой и хорошей тропе к лагерю экспедиции.

А между тем вернемся к группе Эмиля Ленца.

«Я мог надеяться, – продолжает Купфер в своем отчете, – что Ленц, который опередил нас, достигнет вершины и определит ее высоту. Сопровождаемый двумя черкесами и одним казаком, он подвигался все вперед, взбираясь по той лестнице скал, о которой я говорил выше. Добравшись до последнего уступа, он увидел, что от вершины его отделяет еще снежное поле, которое нужно было перейти, но снег сделался до того мягок, что на каждом шагу нужно было проваливаться по колено и по пояс, и рисковали быть погребенными под снегом. Тогда он решил вернуться в лагерь, чтобы ночь не застала его в пути в лагерь. Он начал спуск, не достигнув вершины, которая, однако, как мы увидели после, возвышалась, пожалуй, футов на 600 над местом его последней остановки».

По словам того же Купфера, Ленц пришел в лагерь только к ночи, но по другой дороге, чем его группа.

Последние моменты первого в истории восхождения на Эльбрус также отражены в отчете руководителя научной группы экспедиции: «В течение этого дня Еманоель, сидя перед своей палаткой, наблюдал за нашим движением при помощи превосходной Доллондовой зрительной трубы, которую я предоставил в его распоряжение, – писал Адольф Яковлевич. – Лишь только туман, покрывавший долину утром, рассеялся, он увидел, как мы взбираемся на конус, покрытый снегом. Он видел, как мы добрались до первого уступа скал, шедших по направлению к вершине Эльбруса. Здесь разделились на две группы, из которых одна двигалась все вперед и вперед к вершине, между тем как другая остановилась (это отделилась группа Ленца с двумя «черкесами» и казаком Лысенковым. – *И. М.*). Но вдруг, – продолжает Купфер, – генерал заметил одного человека, который опередил всех и который уже почти прошел вышеупомянутое снежное поле, отделяющее от вершины последний уступ скал. Это было в 11 часов утра. Еманоель не мог более сомневаться, что один из нас достиг вершины. Он мог бы прекрасно видеть по цвету его платья, что это был черкес, но на таком расстоянии нельзя было различить подробностей. Генерал приказал ударить в барабан и произвести несколько ружейных выстрелов, чтобы оповестить весь лагерь об этом замечательном событии. Затем он терпеливо стал ожидать нашего возвращения».

«Киллар (таково имя черкеса), – пишет ученый, – покоривший первым вершину, лучше нас знал выгоду утренних заморозков, задолго до нас пересек пределы вечных снегов. Когда Ленц вышел к своей последней стоянке, Киллар был уже на пути к вершине. Снег начал подтаивать только к 11 часам утра, поэтому он столкнулся с меньшими трудностями, чем мы.

Бесстрашный охотник, *он объездил все окрестности, он часто проходил по этим местам и отлично знал страну*, хотя раньше он не штурмовал вершины, но *поднимался на значительные высоты*, – читаем мы в характеристике Хиллара, данной ему Купфером. – Он вернулся в лагерь, – продолжает академик, – за час до нашего прихода, чтобы получить от генерала причитавшуюся награду, но генерал ждал нашего возвращения, чтобы сделать церемонию более торжественной. Разложив на столе награду, которую он назначил первому, достигшему вершины, он вручил ее на глазах всего лагеря, прибавив к ней кусок сукна на кафтан; подняли бокалы за его здоровье. Генерал решил увековечить память об этом замечательном дне надписью, выбитой на одной из скал, окружающих наш лагерь». Безусловно, что речь идет о той надписи, которую видели Динник, Надеждин, Никитин и другие альпинисты и путешественники.

Подводя итог описанию штурма вершины Эльбруса, Купфер задает себе вопрос: «Оправдала ли экспедиция наши надежды?» и отвечает: «С самого начала мы считали Эльбрус неприступным, и пятнадцать дней спустя мы находились на его вершине. Разве не было достаточно того, что вершину Эльбруса мы отнесли к той же самой горной породе, из которой создана Пичинча в Кордильерах. Я показал Гумбольту некоторые обломки камней, принесенные мной с Эльбруса (те, что он отбил от упоминавшейся трахитовой скалы, откуда вынужден был вернуться. – *И. М.*), и он отметил сходство между горной породой этой горы и Пичинчи, которую он посетил во время своего путешествия по Америке. Разве не было достаточно, что наблюдали геологические явления, самые важные на Кавказе; что поднялись на высоту Монблана», – заключает виднейший ученый своего времени.

А что писали другие участники экспедиции?

«Когда к трубе припал мадьяр Бешш, трое на горе впали в полную недвижимость, лежа в снегу (то были Ленц, Лысенков и Ахия. – *И. М.*), и только один шел далеко впереди, словно на него одного из всех не воздействует резкий воздух... Нет, не зря на него пал выбор старого Шавкала» (Ислама Крымшаухалова. – *И. М.*).

Эмиль Христианович Ленц писал в своем письме к академику Ф. Парроту, который, в свою очередь, много ездил по Кавказу, поднимался к подножию Казбека, на Арарат и труды которого по геофизике Кавказа составляют целую эпоху в изучении Кавказа, следующее: «К достижению вершины не противополагается никаких непреодолимых препятствий, и при втором восхождении нужно будет только избрать ночлег на другой высочайшей точке, чтобы достигнуть вершины прежде, чем снега начнут таять, ибо иначе невозможно, утопая по колено в снегу и при столь разреженной атмосфере, взойти на последний крутой уступ. Черкес Киллар, о котором я писал Вам, что он достиг вершины, оставил ночлег ранее нас и прежде взошел на вершину, нежели я на то место, где должен был остановиться» [45].

В упомянутом «Жизнеописании Емануеля» о последнем этапе восхождения написано почти то же самое: «На другой день, 10 июля (по старому стилю. – *И. М.*), в три часа утра они пустились опять в путь (речь идет о штурмовой группе. – *И. М.*) и через четверть часа были уже за пределами

снегов; но оттепель и встречающиеся на каждом шагу скалы и пропасти, которые надобно было обходить, отблеск солнечных лучей, отражаемых снегом, все это делало восхождение для академиков весьма затруднительным на возвышении 14 тыс. футов, и даже совершенно невозможным; оставалось им еще, по их расчетам, 1400 ф. до самой вершины. Тут они вынуждены были остановиться и думать о возвращении, которое было едва ли не труднее самого восхождения. Однако г-н Ленц в сопровождении двух черкесов и одного казака домогался еще достичь до самого верха и отправился было в путь, но пройдя довольно пространство и не доходя до последней вершины, как полагает, на 600 футов, он должен был также отказаться от дальнейшего восхождения. Между тем как академики, пораженные такою неудачею, должны были возвращаться, один из черкесов, по прозванию Киллар, отправился отдельно от прочих и в одиннадцать часов утра очутился на самой вершине Эльборуса. Генерал, наблюдая в зрительную трубу, первый усмотрел Киллара, стоящего на верху Эльборуса, и все, окружавшие генерала, поспешили удостовериться в том своими глазами. Пушечные выстрелы возвестили о том всему лагерю. В то время как г-н Ленц, не имея сил идти далее, отдыхал от усталости, Киллар уже успел возвратиться с вершины горы и прибыл в лагерь целым часом прежде академиков. Генерал наградил его по назначению, дав еще сверх того тонкого сукна на черкеску и за обедом первый бокал шампанского был выпит за его здоровье».

Один из участников экспедиции, некий «Т. В.», писал в сентябрьском номере Санкт-Петербургских ведомостей, что «по возвращении наших путешественников мы узнали, что удалец, решившийся один забраться на самую высокую точку Эльбруса, был один из вольных кабардинцев, бывший прежде пастухом. За совершение сего подвига сей черкес, по имени Киллар, получил предназначенный генералом Емануелем приз из 400 рублей ассигнациями и 5 аршин сукна на черкеску». Я думаю, что стоит обратить внимание на то, как анонимный автор называет Хиллара то «вольным кабардинцем», то «черкесом». Вероятно, такое вольное обращение с этнонимами было продиктовано распространенными в литературе того времени названиями: «горские черкесы», «карачаевские черкесы», «Карачаева Кабарда», «Горские общества Кабарды» и прочие, которыми пользовались даже выдающиеся ученые В. Ф. Миллер, М. М. Ковалевский, А. Я. Купфер, П. П. Надеждин, И. И. Иванюков и мн. др.

Из всего изложенного в этом очерке, полностью построенном на материалах очевидцев и участников исторического похода на Эльбрус, уточняется следующий, завершающий этап маршрута первовосходителей.

Основные тяжести, пушки и прочее были оставлены у истоков реки Харбас под присмотром небольшого отряда. Главная группа экспедиции, возглавляемая Емануелем, поднялась 20 июля к подножию ледника Уллу-Малиен-дыркъы и остановилась у водопада Кекрек, или Султан-су. Отсюда 21 июля штурмовая группа вышла на восхождение, переночевала на высоте 4200 м над уровнем моря. Затем поднялась до высоты 4800 м, и 22 июля отряд разделился: Ленц, Хиллар, Ахия и Лысенков продолжили восхождение, а Купфер и остальные 16 человек вернулись обратно в лагерь.

Внимательное чтение документов и письменных источников позволяет сделать ряд выводов:

1. Важными оказываются слова генерала Емануеля, сказанные им накануне выхода группы на штурм вершины Эльбруса. Имеются в виду его слова о том, что «однородцы Мырзакула, все азийские наши соседи почитают Эльбрус необыкновенно». Однородцами Мырзакула в данной ситуации он мог называть только тех самых «черкесов», которые были ему выделены Исламом Крымшаухаловым и которые сопровождали штурмовую группу восходителей.

2. Многозначительно звучат слова Купфера о том, что он очень боялся, как бы «черкесы» не принесли его в жертву своему «Мингитаву».

3. Столь же характерны его слова о том, что «Киллар – бесстрашный охотник, объездил все окрестности, часто проходил по этим местам, отлично знал страну, поднимался на значительные высоты».

4. Разве не заслуживает внимания тот факт, что «черкесы, которые волокли его (Купфера) на бурке, привели его к лагерю по дороге более короткой». Значит, они великолепно знали все окрестности и горные тропы Приэльбрусья!

5. Исследователей и интересующихся этим восхождением не могут не заинтересовать сообщения очевидцев, что Хиллар поднялся на вершину и раньше всех вернулся в лагерь к генералу. Вероятно, потому, что он очень хорошо знал все кратчайшие тропы, ведущие к месту стоянки лагеря.

РАССКАЗЫВАЕТ АХИЯ СОТТАЕВ

В последние годы отдельные авторы, касающиеся описываемого восхождения, иногда незаслуженно игнорируют имя одного из активных участников этого исторического подвига. А между тем именно ему обязан жизнью тогда еще молодой адъюнкт, а позднее академик, ректор Петербургского университета Эмиль Христианович Ленц. Имя этого «черкеса» или «однородца Мырзакула» – Ахия Соттаев. В народе он был известен под кличкой «чабакчы», т. е. «рыбак», за свою страсть к этому занятию. У «чабакчы» Соттаева, как мы уже отмечали, в свое время записывал нартские сказания внук Мырзакула Сафар-Али Урусбиев.

Многие исследователи и популяризаторы истории альпинизма давно стараются ввести в оборот интересные факты из жизни Ахии Соттаева, которые все же зачастую остаются в тени. Например, достоверно известно, что Ахия был женат на Татлыхан Джуртубаевой, что могилы Ахии и Татлыхан находятся в 5 км вверх по ущелью от города Тырныауза, у развалин старинного аула Кызыл-кез. Об этом говорят, как пишет П. Рототаев, два скромных надгробных камня. У Ахии Соттаева был сын Хаджи-мырза, а внук

Ахии, Адильгерий Соттаев, в 30–40-х гг. XX в. отличался во многих спортивных состязаниях на Северном Кавказе, был талантливым исследователем карачаево-балкарского языка, многие годы отсидел в сталинских лагерях за то, что дерзнул написать «отцу народов» о несправедливом выселении балкарского народа из родных мест обитания в далекую Среднюю Азию.

С именем Ахии Соттаева связаны почти все известные в истории покорения Эльбруса восхождения, начиная с описываемого и до восхождения С. М. Кирова в 1911 г. Недаром П. Рототаев справедливо выступил с предложением возродить Кабардино-Балкарский альпинистский клуб и назвать его именем легендарного и бесстрашного горовосходителя из Верхнего Баксана.

Сподвижник Хиллара по походу 1829 г. Ахия Соттаев, по сведениям лично его знавших путешественников, исследователей и альпинистов – С. Ф. Давидовича, Я. И. Фролова, С. Анисимова, К. Толстова, Е. Никитина, А. И. Краснова, П. С. Рототаева, В. Ф. Кудинова и др., – прожил долгую и яркую жизнь, а умер в 1918 г. в возрасте 130 лет.

В августе 1911 г. действительный член Кавказского горного общества, позднее доцент Пятигорского пединститута Яков Иванович Фролов записал из уст Ахии весьма интересный рассказ о походе 1829 г. Воспоминания старого горовосходителя, при сравнении с приведенными выше показаниями Купфера, Ленца, Бешша и других участников восхождения, во многом детально повторяют их сведения, а в отдельных случаях и значительно их дополняют. Эти совпадения и дополнительные детали не оставляют места сомнениям, что информатор Фролова был участником и очевидцем всех событий того исторического восхождения.

Совершивший попытку подняться на Эльбрус в июле 1886 г. Давидович писал, что «Ахия Соттаев в то время был дряхлым стариком и наотрез отказался его сопровождать»[46]. Ничего удивительного в этом нет, потому что прошло уже более 47 лет после его восхождения в 1829 г.

В том «августовском» воспоминании Ахии Я. И. Фролов с помощью переводчика записал следующий любопытный рассказ восходителя [47]: «Хиллар, вооруженный длинной палкой с острым наконечником, «как вилы с двумя рожками», уверенно шел впереди группы, указывая ей дорогу. За ним, с трудом успевая, шли казак, Ленц и я. Хиллар бросил свой хурджин с продуктами, снял бурку и налегке стал заметно удаляться от группы. Когда Ленц, казак и я добрались до седловины, казак последовал примеру Хиллара, тоже бросил сумку, бурку и двинулся к вершине. Ленц остался только с Ахией», – записал Фролов слова старого Ахии.

«За это время Хиллар, поднявшись на вершину, – продолжал Ахия, – сложил там кучу камней, в которой оставил свою шапку, для того чтобы поднявшийся за ним человек мог убедиться в достоверности совершенного подвига. Когда набежало облачко на вершину, раздался внизу гром. Это стреляли по приказанию русского начальника, давая знать, что человек зашел на самую гору Минги-тау. Мы дальше с ученым не могли идти. Снег был очень мягкий, и мы проваливались в него по пояс. А казак все шел и шел наверх, уже и на руках, и на ногах. Хиллар махал ему руками и указы-

вал почему-то на вершину. Хиллар был без шапки и продолжал спускаться к нам вниз, а казак пополз дальше вверх. Он часто ложился и опять полз, но очень скоро устал и начал спускаться вниз, и догнал нас около верхних камней (не те ли это камни, где остановилась группа Купфера? – *И. М.*). Чтобы быстрее идти, я посадил ученого на бурку и поволок вниз. Когда мы спустились, начальник русских выдал Хиллару 400 рублей и сукно на черкеску, а казаку он дал 200 рублей и тоже сукно на черкеску, – продолжал Ахия. – Но когда я привел на Минги-тау энглиза (англичанина Фрешфильда. – *И. М.*), то шляпы Хиллара там не было, ее унес ветер, а камни – две кучи – остались. На большую кучу энглизы еще навалили камней, что-то написали на бумаге, положили эту бумагу в бутылку, а бутылку положили под камни, и мы сейчас же начали спускаться. Свирепствовал буран, и ревела вьюга. А сейчас там на вершине много камней, и все, кто доходит до них, берут чужую бумагу, а оставляют свою», – рассказывал Соттаев Фролову.

Далее, упомянув, что Хиллар был вооружен длинной палкой с железным наконечником, «как вилы», Ахия говорил о том, что на одном из «верхних камней», который «стоит высоко над снегом», были вырублены крест и какие-то четыре русские тамги, т. е. знака. Вероятно, он имел в виду ту самую скалу, под которой отдыхала группа Купфера и где группа альпинистов К. Толстова в 1948 г. действительно обнаружила ту самую скалу с высеченными «четырьмя тамгами», т. е. надписью «1829», над которой был выбит тот самый крест.

Подытоживая приведенные факты, можно сказать, что рассказ Ахии позволяет сделать следующее заключение:

- рассказ полностью совпадает со словами Купфера о том, что Ленц ушел к вершине в сопровождении двух «черкесов» и одного казака;
- свидетельства Купфера и Ленца, что они проваливались в мягкий снег по колено и по пояс, также повторяются в словах Ахии;
- повторяют они и сведения очевидцев о награде в 400 рублей и отрезе на черкеску, выданные Емануелем покорителю вершины;
- слова Ахии удивительно совпадают с тем, что говорил Купфер о том, что в момент, когда Хиллар показался на вершине, набежала тучка, и в тот же момент Емануель дал команду ознаменовать этот момент ружейными выстрелами;
- обнаруженный Толстовым «вилообразный предмет» из ледового снаряжения участников того восхождения очень напоминает описание наконечника мужры Хиллара – «как вилы с двумя рожками».

Но рассказ Ахии вносит и определенные коррективы в общую оценку восхождения. До сих пор нигде не отмечалось, что Емануель сдержал свое обещание и в отношении того, кто выше всех поднимется. Оказывается, что награду получил и казак Лысенков, который так усердно старался подняться выше «и на руках, и на ногах».

Генерал выдал ему, как и обещал, 200 рублей и отрез на черкеску. Во-вторых, в литературе «бродит» мнение, что Хиллар оставил на вершине «шест, обложив его камнями». Он оставил там свою шапку-шляпу, обложив

ее камнями, а шеста при нем не было, он ведь даже отказался от бурки и хурджина с продуктами и «налегке двинулся к вершине».

По свидетельству Я. И. Фролова и его записям, которыми широко пользуются исследователи и альпинисты, отважный Ахия, после неудачи в восхождении с Ленцем, не терял надежды вновь испытать судьбу и повторить путь Хиллара. Ученые, специально занимающиеся историей первого покорения Эльбруса, давно установили по архивным материалам Фролова, что в 1831 г., ровно через два года после похода Емануеля, 43-летний Ахия вместе со своими одноаульцами Дячи Джаппуевым, Алаудином Битуевым, перейдя через перевал Кыртыкауш, прибыли к месту стоянки лагеря Емануеля с намерением пройти по следам первого восхождения на Восточную вершину Эльбруса.

...Последние дни августа в том году стояли на редкость погожие. В эти дни и начала штурм Эльбруса отважная тройка горцев из Верхнего Баксана. По рассказу Ахии, «во второй половине дня Ахия, Дячи и Алаудин подошли к линии вечных снегов, разожгли костер и легли спать. С рассветом они продолжили свой путь. Однако уже первые пробивавшиеся сквозь тучи лучи солнца возвестили о наступлении ненастного дня. Опытный Ахия, умевший предугадывать погоду в горах, предложил спуститься вниз, к месту ночлега». Весь день лил дождь, а наверху свирепствовала настоящая северная вьюга. Отважные горцы под бурками провели следующий, настойчиво переждали и третий день. Наконец, ночью небо прояснилось и путники увидели голубое небо, усеянное большими яркими звездами.

«Значит, – подумал Ахия, – наутро будет хорошая погода». Но в связи с тем, что у них кончались продукты, Ахия повел товарищей по мягкому снегу, не желая откладывать восхождение. Днем солнце согрело горцев, но значительно затруднило их продвижение. Проваливаясь по пояс в снег, горцы все же шли и добрались до седловины, где их встретил ураганный, холодный, пронизывающий до костей ветер. Мгновенно мокрая одежда превратилась в ледяной панцирь, рассказывал Ахия, который затруднял и без того тяжелый путь смельчаков.

«Обледенелые «палки-вилы», покрывшись льдом, превратились в толстые и тяжелые дубины, с которых невозможно было сбить лед, их пришлось оставить на седловине», – огорчался старый горовосходитель. Несмотря на ужасную погоду, трое спутников, стуча ногами о камни и растирая пальцы рук, чтобы предохранить их от обморожения, с нечеловеческими трудами и упорством медленно ползли к заветной цели. Буран и ветер достигли предельной силы и валили альпинистов с ног.

«В снежных ревущих облаках мы уже не видели друг друга», – вспоминал Ахия. Вершина, как предполагал он, находилась совсем близко. Но идти до нее не было никакой возможности. Теперь у горцев была единственная задача – удержаться на ногах, чтобы ветер не оторвал их от земли и не поднял в воздух. Каждую секунду могла произойти катастрофа. Окоченевшие люди сползали вниз на животе, не обращая внимания на ледяную крупу, которая рассекала лицо до крови, набивалась в уши, нос, одежду и обувь.

Выбившиеся из сил горцы, несмотря на нависшую над ними смертельную опасность, все же сумели выбраться из редко бывалого по силе урагана и снежного плена.

Часто об этом восхождении вспоминал и рассказывал окружающим Ахия Соттаев, очень сожалея, что погода тогда помешала им дойти до вершины, на которой он, по словам известного путешественника С. Анисимова, бывал 15 раз.

Из приведенного воспоминания Ахии, записанного ученым-альпинистом Я. И. Фроловым, становится очевидным, что в 1829 и 1831 гг. на вершине и седловине Эльбруса побывали Хиллар Хачиров, Ахия Соттаев, Эмиль Ленц, казак Лысенков, Дячи Джаппуев, Алаудин Битуев. Их имена с гордостью могут называть советские альпинисты, отправляющиеся в горные походы и восхождения по Кавказу.

ПОСЛЕ ПОКОРЕНИЯ

Итак, Эльбрус покорен...

На его вершине не оказалось ни трона Симурга, ни цепей Прометея. Вместо всего этого – масса скал вулканического происхождения, ледники и вечные снега.

У истоков Малки генерал и академики пили за здоровье горца, покорившего Минги-тау. Впервые в истории гремели здесь залпы салюта в ознаменование подвига Хиллара Хачирова, на которого так удачно пал выбор правителя Карачая Ислама Крымшаухалова еще 1 июля у Каменного моста на Малке.

А. Я. Купфер писал: «Обед был дан в палатке генерала, присутствовали все «черкесские князья», несколько бутылок шампанского, вместо которого наши мусульмане пили рябиновый сок (дабы не нарушить закон пророка), нас оживили». Из этих «черкесских князей» известны имена карачаевца Ислама Крымшаухалова и балкарца Мырзакула Урусбиева.

Двадцать третье июля (по старому стилю 11-е) было посвящено отдыху экспедиции, а 24-го Емануель «выступил из лагеря, взяв курс по Кубани», говорится в «Жизнеописании Емануеля». Отряд покинул долину Харбаса, посетил по пути водопад Тузлук-шапт (по Голицыну), или Тузлук-шапап (по Купферу), расположился недалеко от маленькой речушки, впадающей в Малку. В этих искаженных названиях, вероятно, имеется в виду Тузлушаудан, т. е. «Соленый родник»... Затем экспедиция взяла направление на Бермамыт, осмотрела долину небольшой речки Кызыл-кол («Красное ущелье»), где обнаружили железисто-кислые источники, способствовавшие указанному названию. Далее через долину Эшкакона отряд продвигался к северо-западу, мимо цепи скал, называемых горцами *Эль-Мырза*.

«Мы продвигались к западу по широкой равнине, – пишет Купфер, – расположенной у подножия скал разнообразной формы... Мы шли вдоль долины Эшкакона, где в прошлом году генерал одержал победу над карачаевцами. Равнина была окутана туманом, но мы, однако, увидели то место, где стоял лагерь генерала, расположенный в выгодной позиции.

На следующий день, 27 июля, мы продвигались дальше к северо-западу вдоль гряды скал, которую черкесы называют *Эль-Мырза*. Кума берет начало в этих скалах».

На последней фразе Купфера хочется остановить внимание читателя, так как, по сведениям Голицына, эти же скалы «горцы называли Эль-Мырза», а, по словам Купфера, так именовались они у «черкесов». Следовательно, налицо идентичность наименований «горцы» и «черкесы» для этих авторов.

Далее экспедиция спустилась в долину Хумары, впадающей в Кубань, и стала приближаться к долине самой Кубани. Поскольку воды сильно разлились из-за таяния снегов, перейти Кубань вброд было невозможно, и отряд расположился лагерем на берегу Кубани.

«Развалины церкви и старые могилы в долине свидетельствовали о том, что долина была ранее обитаема, – заключает Купфер. – Нам встречались огромные камни, то положенные на землю, то поставленные вертикально, на которых видны следы римского креста; другие камни, по сравнению с предыдущими, были более позднего происхождения и на них можно было различить следы арабского письма. На другом берегу Кубани, обращенном к нашему лагерю, поднимались развалины церкви, сооруженной на отвесной скале; чуть подальше виднелись развалины еще нескольких церквей. Мы решили их посмотреть, но, к сожалению, стремительные воды Кубани были препятствием для нас, и мы довольствовались тем, что рассматривали противоположный берег через бинокль. Развалины сохранились очень хорошо; они расположены в квадрате с закругленными углами; вход находится с западной стороны, а сама церковь смотрит на восток. Она сооружена из трех башенок, которые соединены тремя внутренними нишами, представляющими собой алтарь. В этот день мы осмотрели каменный мост через Кубань, расположенный в 20 верстах выше развалин, о которых я говорил, – пишет Купфер. – Перед тем как подойти к Каменному мосту через Кубань, – продолжает он, – мы прошли равнину, покрытую руинами кладбища ногайцев; здесь раньше располагался аул, он был разрушен отрядами генерала Ермолова. Один из казаков, участвовавший в этом сражении, нашел на поле саблю, которую мне показал; она казалась очень старой и на ней было высечено «ГЕНОА». Неужели жилища генуэзцев простирались до этих мест? Здесь возвышаются огромные глыбы, состоящие из скал, которые составляют окружающие горы, и настолько сжимают реку, что она, пересекая их, с шумом падает, образуя небольшой водопад, – это и есть Каменный мост Кубани (Таш-Кепюр, как и на Малке. – *И. М.*), если бы у нас были несколько досок, то мы легко могли бы пересечь эту реку, но, увы, пришлось возвращаться в лагерь», – заканчивает свой рассказ Адольф Яковлевич.

Тридцатого июля, оставив долину Кубани, отряд Емануеля двинулся по направлению к Кисловодску. По пути генерал осматривал свои военные

посты и редуты. 31-го они прибыли на берега Кумы, а 1 августа после завтрака возле редута Бургустан, у слияния Эшкакона и Подкумка, ученые отправились на целебные воды в Кисловодск.

Так завершилась эпопея покорения Эльбруса.

Не только сам факт незаурядного подвига – покорения Эльбруса, высочайшей вершины Кавказа, – но и научные результаты экспедиции имели огромное значение для обогащения целого ряда научных дисциплин.

«Определив качество почвы Кавказа в различных его направлениях и высотах, с надлежащей точностью разобрали состав породы масс, составляющих горы Кавказские... Вблизи Эльборуса они нашли в большом количестве свинцовые руды отличного качества и каменный уголь, лежащий пластами на значительном расстоянии. Богатство флоры Кавказа по разнородности и положению почвы, разнообразное и во многих отношениях примечательное изобилие предметов царства растительного и животного мира доставили гг. Мейеру и Менетрие многие приобретения для ботаники и зоологии...

Таким образом совершилась эта достопамятная экспедиция, делающая честь тому, кто первый возымел эту мысль и умел проложить путь русским до вершины Эльборуса. Императорская академия наук, в знак своего уважения и признательности, избрала генерала Емануеля в почетные члены».

Диплом на это звание за № 804 был отослан Емануелю в сопровождении теплого письма академика А. Я. Купфера, датированного 22 октября 1829 г.[48]

Теперь мы достоверно знаем, что изыскания чиновника Горного корпуса Вансовича, участвовавшего в экспедиции, увенчались успехами. Он нашел каменный уголь на реках Енгешли, Харбас, у впадения реки Аманкол в Кубань; свинцовые руды он обнаружил в горах Канжол, Мушт, Ысхаат. Залежи слюды были отмечены на реках Урду и Малке, здесь же были отмечены залежи яшмы и гранита. Не имеет себе равных и гербарий, собранный Мейером на высоком Кавказе, пишут современники этого замечательного похода.

Очень ценным является историко-этнографическое описание верховьев Кубани, сделанное в октябре следующего, 1830 г. архитектором Иосифом (Джузеппе) Бернардацци. Он восполнил пробел 1829 г., когда участники восхождения сами не смогли пробраться к христианским церквам, о которых упоминал Купфер в своем отчете. Речь идет об описании храмов XI в., выполненных в византийском стиле и расположенных у нынешних городов Карачаевск и Теберда. Не менее важно сообщение Купфера о том, что казак показывал ему саблю с надписью, свидетельствующей о близких торговых и культурных сношениях горцев с генуэзскими колониями Причерноморья. Определенную ценность представляют записи Яноша Кароя Бешша для изучения культуры и быта карачаевцев, балкарцев и других народов региона.

С целью увековечения первого исторического восхождения на Эльбрус в Пятигорске тогда же были высечены две каменные плиты с надписями на русском и арабском языках. В том же году (1829) эти надписи были отлиты в чугуне на Луганском заводе. Плиты предполагалось установить на месте

стоянки основного лагеря Емануеля, у истоков Малки. Но, вероятно, отставка генерала в 1831 г. помешала осуществить это намерение. Долгое время эти плиты хранились в Пятигорске, их в 1852 г. В. Мельницкий видел в одной из галерей Минеральных Вод, а в I860 г. С. Семенов осматривал их у грота Дианы в Пятигорском парке. Позднее, до 1909 г., известий о них в литературе не встречается. Очевидно, в 60-х гг. прошлого века они были перевезены в Тбилиси, вероятно, ревностным собирателем экспонатов, организатором и бессменным директором Кавказского музея Г. И. Радде. В свое время в «Путеводителе по Кавказскому музею» в Тбилиси значилась за № 183 «Чугунная доска с надписью о восхождении ученой экспедиции на гору Эльбрус», а за № 184 «Каменная доска...» с той же надписью на арабском языке [49]. Последнюю автору этих строк удалось увидеть в 1970 г. в музее под открытым небом в Армазисхеви под Тбилиси.

Чугунная плита с арабской надписью и ныне хранится в Пятигорском музее под завалом множества других предметов, и автору, по ряду причин, не удалось ее рассмотреть. Плита же с русским текстом ныне хранится в Кабардино-Балкарском институте истории, филологии и экономики.

Вот что на ней написано:

В Царствование Всероссийского
императора
НИКОЛАЯ I
здесь стоял лагерем
с 8 по 11 июля 1829 года
КОМАНДУЮЩИЙ
КАВКАЗСКОЙ ЛИНИИ
генерал от кавалерии
ГЕОРГИЙ ЕМАНУЕЛЬ.
При нем находились
его сын 14 лет,
посланные Российским правительством
академики Купфер, Ленц, Менетрие и Мейер,
также
чиновник Горного корпуса Вансович,
Минеральных Вод архитектор Иос. Бернардацци
и
венгерский путешественник Ив. Бессе.
Академики и Бернардацци, оставив лагерь, расположенный
в 8000 футах (т. е. 1143 саженях) выше морской поверхности,
входили 10-го числа на Эльбрус до 15 700 футов (2243 сажени),
вершины же оной – 16 330 футов (2333 сажени)
достиг только кабардинец Хиллар.
Пусть сей скромный камень передаст потомству имена тех,
кои первые проложили путь к достижению поныне
почитавшегося неприступным ЭЛЬБРУСА!
Отлита на Луганском заводе в 1829 году.

А на рассмотренной мной в Историко-этнографическом музее в Армазисхеви каменной плите с арабской надписью в 16 строк сказано, что покорившим Эльбрус был «Хиллар эль Кабарти», что в переводе означает: «Хиллар из Кабарды».

ФАКТЫ И СУЖДЕНИЯ

В 1868 г. английский альпинист Дуглас Фрешфильд, после восхождения на Восточную вершину Эльбруса в сопровождении горцев из Верхнего Баксана Ахии Соттаева и Дячи Джаппуева, грубо подверг сомнению факт покорения Эльбруса отважным Хилларом. Однако эта неприглядная тенденция Фрешфильда, пытавшегося всяческими путями присвоить себе право первовосходителя на знаменитую гору, давно получила в науке должную оценку и подверглась заслуженной критике со стороны как специалистов-историков, так и многих известных альпинистов.

В настоящее время ложность доводов Фрешфильда и несомненность исторического подвига Хиллара общепризнаны. Но в периодической печати и популярной литературе время от времени появляются публикации, касающиеся этого бесстрашного горовосходителя и прекрасного охотника, «знавшего горы, как Мануил свою жену». В результате сложились две версии:

Первая – о том, что Хиллар был кабардинцем, родом из Вольного аула под тогдашней слободой Нальчик [50], и вторая – что Хиллар был карачаевцем из высокогорного аула Хурзук под Эльбрусом, у северо-западных отрогов горы [51].

Мне думается, что широкому кругу читателей будет интересно рассмотреть аргументацию обеих версий, тем более что авторы той и другой позиции почти всегда избегают непременного в таких случаях сопоставительного анализа фактов.

Первая версия базируется на следующем:

1. Надпись на чугунной плите, с которой читатель уже знаком, называет Хиллара кабардинцем.

2. Рапорт генерала Емануеля о завершении экспедиции.

3. Обнаруженный А. Эльмесовым в 1958 г. в Центральном государственном архиве КБАССР документ – «Прошение» сыновей Хиллара (ф. 40, оп. 1, д. 12, л. 217).

Ниже я предлагаю сугубо личные впечатления об этих фактах, нисколько не претендуя на их однозначное признание, так как подобная сопоставительная работа проводится впервые и личные суждения автора могут быть и ошибочными. Одно остается несомненным – документы, связанные с этим восхождением, должны быть тщательно изучены, для того чтобы у широко-

го круга любителей истории отечественного альпинизма и горного туризма были как можно полные достоверные представления по этому поводу.

Как отмечалось, чугунные плиты были отлиты с каменных оригиналов, на которых были русский и арабский тексты. На плите с арабским текстом говорится: «Хиллар эль Кабарти», или «Хиллар из Кабарды», а на русскоязычной плите это переведено как «Кабардинец Хиллар».

Комментируя русский перевод текста, многие не учитывают историческую обстановку периода восхождения. Во-первых, экспедиция проходила сразу же после истечения нескольких месяцев со дня покорения Карачая и присоединения его к России, а также в разгар Русско-турецкой войны, когда «агенты Турции все усилия употребляли, чтобы произвести, возбуждать общее восстание горцев против России»[52]. Они же подстрекали карачаевцев, о чем пишут участники беседы при встрече Емануеля с правителем Карачая. Особенно усердствовал в этом отношении некий агент турецкого правительства Бекер-Бей. В этих условиях вряд ли такой осмотрительный человек, как Емануель, командовавший Кавказской линией южных оборонительных позиций России, неоднократно сталкивавшийся с отрядами турецких войск, стал бы увековечивать рядом со своим именем «горского татарина», как официально назывались горцы Балкарии и Карачая.

Во-вторых, еще со времен первых русских посольств Карачай и карачаевцы именовались «Карачаева Кабарда», «карачаевские черкесы», «карачеркесы», а Балкария и балкарцы – «Горские общества Кабарды», «горские кабардинцы», «горские татары» и т. п.

В-третьих, часто в русской литературе тех лет даже сам Урусбиевский аул, владетелем которого тогда был участник экспедиции Мырзакул, назывался «кабардинским аулом». Более того, даже люди, гостившие в доме сына Мырзакула, у Исмаила Урусбиева, именовали его «кабардинским князем». Например, долго гостивший у Исмаила упоминавшийся Давидович писал, что аул его «населен горскими кабардинцами-магометанами, отличавшимися несколько языком и нравами от кабардинцев, живущих на плоскости». И что особенно важно, далее он пишет, что Хиллар был выходцем из этого аула. Последние слова Давидовича интересны еще и потому, что он сам предпринял попытку восхождения на Эльбрус и искал себе проводников в этом самом ауле, вел беседы с Ахией Соттаевым, Дячи Джаппуевым, но называл их кабардинцами, точно так же, как и своего проводника-балкарца Малая Терболатова.

Из подобных, укоренившихся в литературе и государственных документах положений вырастало впечатление, что жители горских аулов тоже были кабардинцами, но «несколько отличавшимися по языку и нравам...». В этой связи весьма уместны слова того же К. Толстова, который после повторения пути Хиллара к вершине Эльбруса в 1948 г. писал: «О восхождении Киллара не мог не знать Фрешфильд. Он поднимался с проводником Ахией, *тем самым кабардинцем, который дошел с Ленцем до седловины*. Ахия в своих воспоминаниях рассказывает, что Фрешфильд положил бутылку с запиской о восхождении в груду камней, сложенную Килларом. За-

метим, – продолжает Толстов, – что Ахия умер в 1918 году, прожив 130 лет, а при восхождении с Фрешфильдом ему было 80 лет».

Все изложенное дает основание усомниться в буквальном значении написанного на чугунной плите об этнической принадлежности Хиллара, вероятно, необходимы дальнейшие тщательные поиски дополнительных документов.

Теперь о рапорте Емануеля. Исследователи несколько прямолинейно воспринимают слова Емануеля и тем самым искажают содержание рапорта Емануеля.

По данным 1935 г., «в Военно-ученом архиве» хранится дело № 1014 на 49 листах: «О предполагаемой генералом от кавалерии Емануелем экспедиции в 1829 г. для обозрения ближайших окрестностей горы Эльбрус и Кинжал-горы». В этом рапорте касательно самого момента покорения Эльбруса сказано: «Поднявшись гораздо более половины горы (на высоту 12 500 футов), нашлись вынужденными по позднему уже времени, большой усталости и рыхлости снега, обрушивающегося под ногами, возвратиться обратно в лагерь. Один только человек **из числа вольных кабардинцев** взошел в 11 часов утра на самую вершину Эльбруса, на которой водрузил палку, с ним имевшуюся, и, обложив ее камнями, спустился обратно, показав первым возможность быть на высочайшей из гор Европы, почитавшейся доныне неприступной». Очень важно, что Емануель говорит: «только один из числа вольных кабардинцев», явно имея в виду тех пятерых «черкесов», которых выделил ему Ислам Крымшаухалов и которые вместе с академиками, казаками вышли на штурм вершины. Но достиг ее только один из их числа.

Следовательно, термин «вольный кабардинец» никак не может относиться к жителям далекого «Вольного аула» под слободой Нальчик, как полагают некоторые авторы.

В контексте всех приведенных выше документов и исторической обстановки того периода не исключена возможность предположить, что речь могла идти о вольных жителях Урусбиевского «горского общества Кабарды», или о жителях «Карачаевой Кабарды», которые только что подали тому же Емануелю просьбу и присягу на верность России и все еще именовались вольными черкесами, тогда как «кабардинцы, по словам Купфера, давно присягнули на верность России и которые привыкли к присутствию русских войск на своей территории... А эмиссары Оттоманской империи старались вовлечь в свои ряды тех из «черкесов», которые готовились присягнуть на верность России». Поэтому вполне понятно, что они пока еще именовались вольными черкесами. Поскольку в документах о восхождении термин «черкес», а тем более «вольный черкес» не имеет определенного узкоэтнического значения, то Емануель вынужден был именовать Хиллара вольным кабардинцем, опираясь на традиционное название горцев Карачая и Балкарии. Это тем более вероятно, что Емануелю было совершенно безразлично, кто взойдет первым на Эльбрус, лишь бы его цель была достигнута. Об этом свидетельствуют его слова: «По мне так любой, академик ли, казак, черкес. Кто отворит врата Эльборуса науке, тот и припадет к роднику просвещения». Вот чем руководствовался Емануель [53].

Прошение. Впервые о существовании такого документа со ссылкой на физика А. Эльмесова пишет Д. Трунов. Затем на него опирались Н. Соколова, В. Кудинов, М. Байдаев, А. Краснов, Е. Симонов, Х. Думанов. Поскольку в различных публикациях этого важного документа допускались различные неточности и отклонения от оригинала, постараемся воспроизвести его как можно ближе к тексту первоисточника.

«Получено 25 ноября 1870 года.

Начальнику Кабардинского округа,
жителей аула Кучмазукина: Герандуко и Хачиби Киляровых

Прошение

Покойный наш отец Киляр во время стояния на Кавказе лагерем с 8-го по 11 июля 1829 года командовавшего Кавказской линией генерала от кавалерии Георгия Мануила 10 июля всходил на Эльбрус вместе с посланными русским правительством академиками Купфером, Ленцем, Менетрие и Мейером, чиновником Горного корпуса Вансовичем, архитектором Минеральных Вод Иосифом Бернардацци и венгерским путешественником Иваном Бессе; но из них вершины Эльбруса достиг только отец наш Киляр. И имена как отца нашего Киляра, так и бывших с ним академиков отлиты на чугунной плите как первых, проложивших путь к достижению до того времени почитавшегося неприступным Эльбруса, и [плита эта] привезена в Пятигорск. За эту услугу отца нашего русскому правительству он награжден был 100 рублями. Кроме того, по предложению начальства отец наш Киляр поступил на службу в Кавказский горский дивизион в Варшаве и прослужил в нем более 9 лет. А потому покорнейше просим ходатайства Вашего высокоблагородия о наделении нас землею в частную собственность по усмотрению начальства – не по происхождению нашему, а за услуги, оказанные покойным отцом нашим русскому правительству.

Герандуко Киляров,
Хачиби Киляров

25 ноября 1870 года. Нальчик».

Прошение это не было удовлетворено ни начальником Кабардинского округа, ни администрацией Терской области по неизвестным причинам.

Этот документ отдельные авторы считают возможным поставить в связь с другими прошениями кабардинской бедноты о наделении их земельными участками. В частности, с прошением жителей Вольного аула под слободой Нальчик от 22 июня 1863 года, в котором значится имя «Герандуко Киляров»[54].

Когда разрешение на переселение из Вольного аула было получено, в числе переселившихся упоминаются имена **«Герандуко Киляров и Тапсаруко Камихов»,** а в удостоверении о том, что дается согласие на переселение нескольких семей из Вольного аула в аул Кучмазукино, говорится: «1863 года сентября 5-го дня я, нижеподписавшийся, даю сие удостоверение в том, что кабардинцев Вольного аула **Керандуко и Тапсаруко Хашировa** принимаю в свой аул, состоящий на Баксане».

В этих документах не может не броситься в глаза, что прошение на переселение и разрешение на переселение называют Герандуко Килярова и Тапсаруко Камихова. В удостоверении же о переселении названы Керандуко без фамилии, а Тапсаруко Камихов назван Хашировым. Эти документы требуют серьезного внимания историков и сопоставительного анализа.

Сомнения увеличиваются, когда сравниваешь эти документы с «Прошением» сыновей Хиллара. Дело в том, что отдельные авторы по неизвестным причинам считают Тапсаруко братом Хиллара. Но если это допустить, тогда получается, что еще в 1863 г. брат Хиллара носил фамилию «Хаширов», а сыновья Хиллара через семь лет вдруг называют себя Киляровыми. Этот документ также не увязывается с тем, что фамилия Хиллара была «Хачиров», а его сыновья во всех документах известны как Киляровы.

Неувязки документов с действительными событиями на этом не ограничиваются. Во всех первоисточниках говорится о том, что Хиллар за свой подвиг получил обещанные 400 рублей и еще отрез в 5 аршин сукна, кафтан из которого, по словам Емануеля, «носит сам султан». В приведенном же документе сыновей Хиллара говорится только о 100 рублях и ни слова об отрезе на черкеску из такого дорогого сукна. Не упоминает «Прошение» и о первоначальных каменных плитах, о которых составители документа не могли не знать. Зато они дословно цитируют надпись на позднейших чугунных плитах, следы которых во времена анализируемого «Прошения» исчезают даже из Пятигорска. Вызывает сомнение и тот факт, что «сыновья» Хиллара вспомнили о подвиге своего отца спустя ровно 41 год и три месяца после его свершения.

Напрашивается мысль, а не оказал ли братьям Киляровым медвежью услугу некто, хорошо знавший историю восхождения и тексты на чугунных плитах, удачно подобрав момент, когда после отмены крепостного права в Кабарде кипели страсти и разгорался ажиотаж перераспределения земельных участков. Не этот ли подвох послужил причиной отказа и в Нальчикском округе, и в Терской области в просьбе Киляровых при столь высоком подвиге их отца? И последнее, на что нельзя не обратить внимание. Имя «Хиллар» на кабардинском языке звучит не иначе как «Чыллар», следовательно, даже если допустить, что сыновья (бывшие Хашировы) стали вдруг носить фамилию по имени отца, то их фамилия должна была быть «Чылларовы», а такой фамилии в Кабарде, как и фамилии «Хачиров», по-моему, не существует. Если бы она существовала, вряд ли за сто лет она могла бесследно исчезнуть.

Таким образом, следует подчеркнуть, что «Прошение» сыновей Хиллара, прежде чем стать безоговорочным историческим фактом, подлежит всестороннему анализу, с тем чтобы снять возникающие вопросы, которые оно порождает перед любым историком и краеведом.

Теперь рассмотрим аргументацию **второй версии**. Эта версия базируется на трех группах фактов. Первая группа – это сведения самих участников экспедиции, вторая – сведения путешественников и ученых 60-х гг. прошлого века и третья – это данные карачаево-балкарской антропонимии и топонимии. Проанализируем каждую из них в отдельности.

В отчете Купфера, записках Бешша, «Жизнеописании» Емануеля в одно слово повторяется сообщение о том, что у Каменного моста на Малке состоялась встреча Емануеля с депутацией Карачая во главе с Исламом Крымшаухаловым и Мырзакулом Урусбиевым. После теплой беседы с генералом на границе Кабарды и Карачая Ислам выделил из своей свиты лучших своих охотников, которые великолепно знали горы, куда направлялся генерал. Одного из этих пятерых проводников звали Хиллар, известный в публикациях как Киллар. Эти же пятеро «черкесов» вышли и на штурм вершины вместе с академиками и казаками. Карачаевские и балкарские князья не покидали экспедицию вплоть до самого последнего дня и присутствовали на торжественном обеде по случаю восхождения Хиллара. В том же отчете, на который иногда ссылаются некоторые защитники первой версии, нет никаких сведений о том, что кабардинские князья Арсланбек Джембулатов, Кучук-Шанко, с которыми встретилась экспедиция на речке Золке и у Каменного моста на Малке, выделяли бы своих проводников Емануелю. Да и вряд ли бы Емануель, отлично знавший Карачай и его аулы по прошлогодним событиям, находившийся в октябре 1828 г. у самых подножий Эльбруса, только что проведший задушевную беседу с карачаевцами, которые изъявили готовность сопровождать экспедицию, стал бы искать проводников на вершину Эльбруса среди жителей далекого аула под слободой Нальчик.

Как уже отмечалось, в высокогорной долине Ыскхуат, издревле населенной карачаевцами, сопровождавшие экспедицию «черкесы» показывали Купферу и Вансовичу местные свинцовые рудники, которыми они давно пользуются для удовлетворения своих нужд.

Здесь же после одной из прогулок генерал подвел Бешша к группе горцев, которые угостили его айраном из кожаного мешка (гыбыта), являющимся традиционной этнографической особенностью карачаево-балкарского быта.

Очень важно, что Купфер, когда его тащили на бурке «черкесы», и Емануель, вспоминая однородцев Мырзакула, называли Эльбрус его карачаево-балкарским названием «Минги-тау» и почему-то не знают кабардинского имени «Уошхамахо».

Рассматриваемую версию подтверждают и слова выдающегося русского ученого Густава Ивановича Радде (1831–1903). Он приехал на Кавказ после своих путешествий по всему Югу европейской части России, по Крыму, Предкавказью, Восточной Сибири, Дальнему Востоку. В Тбилиси он организовал Кавказский музей и до конца своей жизни был его бессменным директором. В 1865–1875 гг. Г. И. Радде объездил и обошел пешком весь Кавказ: Дагестан, Хевсуретию, Мегрелию, Азербайджан, Армению, Черноморское побережье. Во всех своих поездках он неутомимо искал и доставлял в Тбилиси редчайшие коллекции по зоологии, ботанике, геологии, археологии, этнографии Кавказа и прилегающих областей. Вероятно, Радде и перевез упоминавшиеся плиты в Тбилиси.

Так вот, этот крупнейший ученый, описывая свои путешествия по Кавказу 1865 г., называет Хиллара выходцем из среды карачаевцев. Его современник А. Новомарьинский пишет, что Хиллар был уроженцем аула Хур-

зук, откуда имеется кратчайший путь на Эльбрус. Некоторые современные ученые, например профессор А. И. Мусукаев, опираясь на материалы экспедиции Емануеля, также называют этот аул родиной Хиллара [55]. Весьма уместно вспомнить, что выходцем из аула Урусбиево называет Хиллара и Давидович, предпринявший попытку восхождения на Эльбрус в сопровождении балкарских проводников [56].

В ауле Хурзук и поныне живут многие карачаевские семьи – родственники Хиллара – Хачировы. Кстати, стоит сказать, что эта фамилия более ни у кого из соседних народов не встречается, а исчезнуть за какие-то сто лет она не могла.

Старожилы Карачая, особенно в трех его древних и крупнейших селениях – Карт-Джурт, Учкулан, Хурзук, – повсеместно рассказывают о том, что их однородца Хиллара Хачирова в действительности звали Хыйса из рода Хачировых, поныне проживающих в сел. Учкулан и Хурзук, Верхняя и Нижняя Мара. У карачаевцев и балкарцев очень часто бывает так, что отдельные люди, чем-то отличающиеся от окружающих, всегда именуются различными прозвищами-кличками, характеризующими их особенности, наклонности, привычки и пр. Так, например, было, как мы отмечали, с Ахией Соттаевым – *«чабакчы»*, т. е. рыбак, и с другими людьми, как *«марауучу»*, т. е. меткий стрелок, *«хуначы»* – каменщик-строитель и т. п. Известная карачаевская писательница Назифа Кагиева, подытожив народные предания о Хилларе-Хыйсе, пишет, что имя Хиллар ему было дано в народе за то, что он, по представлению окружающих, обладал таинственными, чудотворными чарами, некоей магической, колдовской силой (*кар.-балк*. «Хыйла»), а потому ему всегда сопутствовала удача во всех его делах – на охоте, в скалолазании и пр. От этого слова «Хыйла» он стал прозываться в народе *«Хыйлар»*. И как часто бывает среди горцев Кавказа, подобные прозвища почти всегда «затмевают» подлинное имя человека [57].

В пользу рассматриваемой версии говорят и данные топонимии Карачая и Балкарии.

Предоставим слово известному альпинисту и топонимисту П. С. Рототаеву: «*Килар-Баши* (4013 м), вершина в северном отроге Главного Кавказского хребта, в междуречье Баксана и Чегема. С тюркского: Килар, Хилар – собственное имя; Баши – верх, вершина: *Вершина Килара*. Кто дал такое название, неизвестно... Такое же название имеет перевал через данный отрог из ущелья Чегема в ущелье Тютю-су, расположенный между вершинами Орелю-баши и Кенг-чатбаши»[58].

Связь названий вершины и перевала с именем знаменитого горовосходителя, «поднимавшегося на значительные высоты», Хиллара бессомненна. Эти названия, безусловно, были даны народом, который отлично знал отважного горца, на которого не зря пал выбор Ислама Крымшаухалова.

В итоге всего сказанного хочу отметить, что обе версии пока что имеют право на существование, хотя последняя, на мой взгляд, имеет больше научных шансов. Однако вопрос этот заслуживает серьезного дальнейшего исследования, изучения всех имеющихся документов и исторических фактов. Надеюсь, что этот вопрос привлечет внимание наших историков.

РАДДЕ НА РОДИНЕ ХИЛЛАРА

Ровно через 34 года после попытки восхождения на Эльбрус по маршруту 1829 г. группой горцев из Верхнего Баксана во главе с Ахией Соттаевым, т. е. в 1865 г., предпринимает путешествие по Кавказу с целью подняться на Эльбрус упомянутый выше известный ученый Г. И. Радде.

Продвигаясь через Абхазию и Сванетию на Северный Кавказ, он писал: «Направимся к высотам Эльборуса. Но не станем подходить к нему с севера, как это до сих пор обыкновенно делалось, а с юга, со стороны Абхазии. Путем через истоки Кодора, самого буйного кавказского потока. Предстоит нам преодолеть подъем, затем переправиться через Нахарский перевал и достигнуть, следуя выше по течению Кубани, деревни Хурзук. Нас провожают абхазы... (здесь и далее: Живописная Россия. Т. 9. С. 30 и сл.). В 5 часов вечера (5 августа 1865 г.) мы достигаем перевала. К вечеру перед нами раскинуты ледяные и фирновые поля. Тремя уступами спускаются здесь ледники к отлогой долине речки Учкулан. Дует сильный ветер. Вьючные животные до такой степени измучены, что не в силах идти дальше...

Стемнело. На небе не видно ни одной звезды, и все предвещает горную непогоду. Мы кое-как устраиваемся под навесом гранитной скалы. В полночь наверху у Нахара разражается гроза, молнии сверкают беспрерывно...

Дождь льет как из ведра... Под утро, наконец, все стихает. От усталости мы припадаем к земле и засыпаем.

Рассветает... Печальная картина представляется нашим взорам, кругом все погружено в густые облака. Молчаливо отправляемся мы в путь, утомленные и голодные, и достигаем только к вечеру деревни Учкулан (7 августа 1865 г.). Живущие там карачаевцы принимают нас чрезвычайно радушно. Эти сильные, нередко красивые татары живут в ближайшем соседстве от Эльборуса и часто загоняют свои стада вплоть до снеговых его полей. Из их среды вышел известный Килар, который в 1829 г. во время экспедиции Емануеля с членами Академии наук Ленцем, Купфером, Мейером и Менетрие первый взошел на вершину Эльборуса.

При осмотре Эльборуса из сел. Учкулан он представляется во всем своем величии, обращенным в долину Кубани и Хурзука, и кажется тупым белым конусом с двумя закругленными вершинами, разделенными черною седловиною.

Девятого августа начал я восхождение на Эльборус с северной его стороны. Четверо коренастых карачаевцев провожают меня,

...Извивающимися зигзагами продвигаемся мы вперед по отвесным береговым склонам ручья Мингитау-су и достигаем высоколежащей пастушьей хижины, в которой останавливаемся на ночлег. С рассветом 10-го числа мы продолжаем свое путешествие. Вскоре нам представилась северная часть западной стороны Эльборуса. Из белого фона крутых его фирновых и ледяных полей вырываются в виде зубцов и игл черные края прежних кратеров. Легко поэтому понять, что с этой стороны

восхождение очень трудно, а для непривычных альпоходцев и вовсе невозможно.

Подняться на Эльборус гораздо удобнее с восточной его стороны, по скатившимся глубоко вниз глетчерам, питающим реки Малку и Баксан. Следует, однако, распределить восхождение так, чтобы делать ночной привал на ледяном поле, на высоте 13 тыс. футов над уровнем моря. Тогда достижение вершины Эльборуса возможно, если только предпринимающие восхождение люди одарены сильными легкими и настойчивостью.

Было около 11 часов, – продолжает Радде, – когда мы начали подниматься по крутому западному обрыву лощины, которая глубоко врезалась в ребро, выдающееся к северу из Эльборуса. Прежде всего необходимо было достигнуть гребня этого ребра, потому что его южный конец приводит к подошве передней вершины Эльборуса.

К полудню мы взобрались на гребень. Погода стояла еще ясная. Здесь – область высокоальпийской флоры. Все виды растений малорослы, но покрыты прекрасными крупными цветами...

Прямо перед нами предстает северная вершина Эльборуса. К югу она своими черными зубцами круто спадает к седловине. По направлению к востоку глаз наш обнимает долины истоков реки Балык и два глетчера, глубоко спустившихся в долину.

Около половины первого часа над Эльборусом показывается маленькое белое облачко. Еще солнце освещает полным светом его ослепительной белизны фирновые поля, но не надолго. Уже на исходе первого часа весь конус скрывается в тучах. До сих пор мы поднимались по фирну крутой северной стороны горы. Двое из моих проводников подверглись головокружению; сам я чувствую сильную усталость в коленях, так что ноги подкашиваются. Все мы испытываем невыразимую усталость. После каждых 25–30 шагов я вынужден отдыхать. Легкие крайне усиленно работают. Я испытываю ощущение, как будто бы усиливаюсь утолить жажду этим свежим, холодным воздухом, но никак не могу. К двум часам и мы тоже окружены туманом. Барометрические измерения дают в результате 14 295 футов высоты над уровнем моря. Состоялся совет. Карачаевцы настаивают на возвращении в долину, я соглашаюсь. Поспешно начинаем мы спускаться вниз. Все более и более сгущается туман, и мы уже не видим ближайших предметов. Нам угрожает опасность заблудиться. Достигнув около пяти часов подошвы вышеупомянутого горного ребра, мы остановились для кратковременного роздыха. Начинает моросить мелкий дождь. Я тотчас засыпаю. В брошенной пастушьей хижине проводим мы ночь и возвращаемся на следующий день в Учкулан», – рассказывает Г. И. Радде в своих записках об этом восхождении.

Так завершилась попытка Радде и четверых карачаевцев повторить путь Хиллара с северо-западной стороны Эльбруса. Судя по показаниям барометра, они вернулись примерно с той же высоты, что и группа А. Я. Купфера.

В рассказе Радде обращает на себя внимание тот факт, что, собравшись совершить восхождение на Эльбрус, известный путешественник и ученый прошел через Сванетию, Абхазию, отлично знал все источники о первом

восхождении 1829 г., но проводников себе нанял только в Карачае, в прилегающих к самим отрогам Эльбруса аулах карачаевцев. В связи с этим и его утверждение, что Хиллар, 36 лет назад совершивший свой подвиг, был из среды карачаевцев, приобретает большую силу вкупе со всеми вышеприведенными фактами. Вероятно, память об этом восхождении еще была достаточно свежа среди карачаевцев Хурзука и Учкулана.

Мы уже отмечали, что слова Радде совпадают с сообщениями его коллеги по путешествиям по Кавказу А. Новомарьинского, который в своем очерке об истории, культуре и быте горцев Кубанской и Терской областей, касаясь ущелья Кубани, писал: «Вы едете дальше и дальше, выше и выше на юг через Кумара (Хумара. – *И. М.*). Горы и горные уступы, скалы и стремнины. Глухо и безлюдно, нет русских, нет даже казаков. Изредка попадается вам на неуклюжей арбе или на крепком коне плотно скроенный горец-карачаевец. Вот, наконец, и Гурзук (Хурзук. – *И. М.*) – последний аул по направлению к Эльборусу, населенный карачаевцами. Дальше нет людей, но царит одна природа, величественная, горная, кавказская природа. Позади нас уже лежат значительные возвышенности; перед нами вокруг теснятся вершины, одна другой выше; а над ними всеми главенствует величавый Эльборус. Вы находитесь, – продолжает путешественник, – под обаянием величия природы. Впечатления и мысли быстро меняются. Вы на подошве Эльборуса. Взяв проводника, вы идете дальше на Эльборус и вступаете в полосу снега. Говорят, что недавно еще какой-то удалой карачаевец всходил на эту труднодосягаемую вершину», – завершает свой рассказ Новомарьинский.

АХИЯ И ДЯЧИ ВООДУШЕВИЛИ АНГЛИЧАН

Бывший аул Урусбиево, или нынешний Верхний Баксан, некогда часто навещали английские альпинисты.

Двадцать седьмого июля 1868 г. в Урусбиево прибыли президент Лондонского альпийского клуба Дуглас Фрешфильд, а с ним и опытные альпинисты Мур и Таккер в сопровождении проводника-швейцарца Франсуа Девуси. В числе обслуживавших их был и мегрел Павел Бакуа Пания. Прибыв в аул, Фрешфильд стал подбирать себе местных проводников, без которых восхождение на Эльбрус он считал практически невозможным. Когда Фрешфильд услышал о почтенном возрасте Ахии Соттаева (ему тогда было около 80 лет), которого рекомендовал ему владелец аула Измаил Урусбиев, Фрешфильд недоуменно посмотрел на князя, но тот улыбнулся и ответил ему: «Господин Дуглас может считать, что ему только тридцать. Ахия такой человек, он все сделает. Возраст ему не помеха, но если это вас смущает, мы дадим вам и молодого проводника».

Таким молодым человеком был Дячи Джаппуев. Для читателей, вероятно, будет интересно привести маршрут восхождения группы Фрешфильда.

«*27 июля* в сел. Уруспи, у князя Измаила, который с братьями своими оказал нам очень радушный прием.

29 июля. Отъезд к Эльборусу в сопровождении пяти носильщиков; следование вверх по долине Баксана до соединения ее с ущельем, по которому идет дорога в долину Накра; оттуда к северо-западу вверх по ущелью, замыкаемому глетчером, спустившимся с Эльборуса, и бивуак на высокогорье близ подошвы глетчера – 8 тыс. футов (9 часов).

30 июля. Подъем по долине мимо конца глетчера и по крутым обрывкам к вершине на скале, с правой его стороны, почти на одинаковом уровне с огромной снеговой равниной, к юго-востоку от горы мы раскидываем палатку на хорошо защищенном месте – 11 950 футов (4,5 часа).

31 июля. Выходим из палатки в 2 часа 10 минут утра. Переходим большую равнину и поднимаемся на склоны, доходящие до подошвы высшей вершины (5 с четвертью часа).

Сланцевые скалы вплоть до подошвы высшей вершины, достигнутой в 10 часов 40 минут утра. Возвращение назад тем же путем до высокогорья, пониже глетчера (6 часов)».

«...Интенсивный холод был причиною трудности восхождения, – рассказывает Фрешфильд, – но серьезного препятствия мы не встречали. Вулканическое происхождение горы несомненно. Вершину образует трехсторонний кратер, наполненный снегом. Окружающий его вал имеет три вершины. Две из них не были покрыты снегом. На достигнутой нами первой вершине, которая нам казалась выше остальных, мы сложили знак из камней. Двое из наших носильщиков – Дяпуев Дячи и Соттаев Ахия – взошли вместе с нами на вершину», – свидетельствует Фрешфильд.

Стоит напомнить читателю, что в приведенном выше воспоминании Ахии тоже говорится о том, что «энглизы сложили кучу камней», что в свою очередь свидетельствует о правдивости этих воспоминаний. Поскольку дневник Фрешфильда полон интереснейших деталей восхождения, остановимся на нем более подробно.

«*29 июля*. Хотя мы встали и позавтракали рано, но, по обыкновению, носильщики наши явились часа на два позже и не все сразу. Хлеб еще не был выпечен. Только к 8 часам 30 минутам утра были окончены все приготовления. Мы наняли пять туземцев, сложивших на этот раз большую часть своей ноши на лошадей, которыми они думали воспользоваться до тех пор, пока не прекратятся пастбища. Наши сотоварищи были вооружены палками, снабженными страшными железными наконечниками около двух футов длиной и постепенно суживающимися к концу, а также железными крючьями, которые они привязывают к подошвам, когда приходится взбираться по гладкой поверхности ледника.

Вскоре они показали себя лучшими ходоками, каких только нам приходилось встречать. Мы отправились по долине быстрым шагом».

Здесь хочется прервать повествование Фрешфильда, чтобы обратить внимание читателя на специальные палки – мужра, которыми были снаб-

жены и «черкесы» при восхождении 1829 г. Ими карачаевцы и балкарцы пользуются и поныне при горных подъемах. Заслуживают особого внимания и железные крючья, бросившиеся в глаза знаменитому английскому альпинисту, к тому времени покорившему многие вершины в Альпах и на Кавказе. Вероятно, это были далекие «предки» альпинистских кошек и триконей.

«...У нас составился план, – продолжает Дуглас, – свернуть в ущелье, ведущее к восточному леднику Эльборуса, который на карте ясным образом представляет самую прямую дорогу к этой горе, но вследствие трудности переговоров с носильщиками, незнания языка, когда мы достигли пункта, где предполагали свернуть, оказалось, что их намерение не совпадает с нашим. Они заявили нам, что мы должны идти вверх по главной долине Баксана к ее началу, а тогда повернуть направо, чтобы достигнуть юго-восточного ледника Эльборуса. Возражений, представленных ими против нашего плана, было несколько. Они говорили, что в этом направлении мы не встретим пастухов, что в этом ущелье не имеется тропы и что мы сделаем такой крюк, что только через три дня достигнем подошвы горы. Первые два довода были правдоподобными, третий же мы признали смешным и совершенно противоречащим тому, что мы узнали впоследствии во время нашего восхождения.

Приняв в расчет все обстоятельства, мы поступили согласно желаниям наших людей и стали продолжать идти по прежней дороге, вверх по долине, иногда пользуясь их знаниями местности, чтобы сократить путь при прохождении через лес.

Вблизи лачуги, где мы провели ночь, когда перешли через гряду гор, росла в изобилии дикая земляника, хотя вообще ее мало в этой стране. Далее долина изменяет направление, и, чтобы увидеть ее начало, нужно обогнуть выступ северного склона горы к основанию поток так близко подходит, что тропу проложили вдоль склона, возвышающегося над густым сосновым лесом. Здесь мы встретили несколько охотников, которые гнали двух ослов; на каждом из них было по красивому горному козлу, недавно убитым у начала ледника. Голова одного из них была украшена парою красивых рогов, другое животное было еще сравнительно молодое...

Наконец, повернув за выступ, мы увидели перед собой исток Баксана, берущего начало из широкого ледника, заполняющего начало долины. В опустевшем шалаше мы остановились для совещания. Наши люди предложили на выбор: повернуть в ущелье, открывающееся направо, или продолжать путь вверх по долине. Мы решили держаться прежнего пути, так как он представлял самую прямую дорогу.

Подъем у ущелья был весьма крут. Один из носильщиков предложил мне подняться несколько футов вверх по склону выше тропы и указал на приплюснутый снежный купол, который был виден над верхом прекрасного ледника, преграждавшего ущелье и путь на Минги-тау. Здесь мы впервые увидели Эльборус, с тех пор как высадились на Кавказ; раньше мельком видели эту гору с парохода на Черном море, близ Поти.

Через полчаса ходьбы внизу, у края ледника, мы встретили пастухов, которые устроили себе пристанище на ровном лугу. Путь от Урусбиевского аула до этого места мы проделали за 9 часов... Здесь мы могли достать себе прекрасного молока, сыру и «кай-макъ» (род девонширских сливок) – лакомства горной жизни, в чем мы ощущали недостаток на южной стороне Главного хребта. Палатка наша была разбита близ становища пастухов...

30 июля. Утро было прекрасное; холодный ветер, казалось, был предвестником того, что погода на короткое время установится. Мы не ожидали, что в этот день нам придется долго идти, так как мы уже были на высоте около 8 тыс. футов, и подходящего места для нашей палатки мы не надеялись отыскать выше 12 тыс. футов...

На высоте около 12 тыс. футов с помощью носильщиков была установлена палатка, и мы восхищались вечерним видом великолепной панорамы гор: Донгуз-Оруна, Ушбы и других вершин Центрального Кавказа. Мы наслаждались этой картиной, как вдруг были обеспокоены неожиданной тревогой. Наши носильщики потребовали уплаты за первые два дня; мы напомнили им об условиях, по которым уплата должна быть произведена по возвращении в Урусбиевский аул, но в то же время мы предложили им деньги в двух кредитных бумагах. Они отказались и требовали, чтобы каждому была вручена следуемая сумма; а когда мы сказали, что у нас нет с собой мелкой монеты, то они объявили нам о своем намерении возвратиться домой, предоставляя нам самим нести наш багаж как хотим. На такое безрассудное поведение их мы могли ответить только презрением и сказали, что они могут поступать как им угодно, а что мы должны встать вскоре после полуночи и возвратиться назад после полудня, и что если наш багаж будет благополучно доставлен к бивуаку пастухов перед наступлением ночи, то мы им за это заплатим; при этом добавили, что если кто-нибудь из них пойдет и попробует совершить восхождение, то это нам доставит большое удовольствие и мы будем ссужать их веревкой и топорами.

Когда они услышали это от Павла, то все пятеро ушли, как будто хотели оставить нас совсем, но через полчаса они вернулись, как мальчишки, которые отсердились, и стали оправдываться в своем поведении. Когда затруднения были улажены, то люди укрылись в скалах ниже склона, а мы стали располагаться на ночлег.

31 июля. В 2 часа 10 минут утра, привязав себя к веревке, мы отправились в путь. Мы карабкались по крутым снежным уступам, которые привели нас к обширному снежному полю. Павел постоянно скользил, так что Таккеру пришлось почти тащить его некоторое расстояние. Когда через полчаса мы достигли края большого снежного поля, то Эльборус в тумане показался нам огромной тусклой горой, но, к нашему удивлению и неудовольствию, отчасти закрытой темным облаком...

Последние лучи заходящего месяца осветили вершины Главного хребта, из-за которых мы мельком увидели южные вершины. Ледяные склоны Ушбы и Донгуз-Оруна отражали бледный цвет неба. Далее на запад мрач-

ный, скалистый пик стоял в глубокой тени. Мы были на такой высоте, что могли обозреть горные кряжи, которые тянулись от Эльборуса к северо-западу...

Недалеко от места, где снежная поверхность имеет скат к горе Эльборус, рыхлая почва провалилась под моими ногами, и я исчез как бы в скрытое подполье. Павел, который находился у веревки позади меня, был чрезвычайно поражен и в первое мгновение устремился было ринуться к краю, чтобы посмотреть, что со мною, но он был вовремя удержан товарищами. Потребовалось много усилий со стороны всех моих товарищей, прежде чем меня вытащили на свет Божий.

Склоны горы делались круче, холод увеличивался, а ветер становился почти невыносимым, так что вообще в перспективе было мало утешительного.

...Павел не выдержал страшного холода и, повернув назад, побежал по оставленным нами следам...

В 7 часов 30 минут утра мы были на высоте выше 16 тыс. футов, здесь мы достигли скал, которые образуют верхнюю часть конуса Эльборуса. Решив, что среди этих скал можем кое-как укрыться, мы стали в нерешительности и начали топать ногами о скалы и тереть пальцы, чтобы предохранить их, сколько возможно, от отмораживания, в то время как прения относительно того, нужно ли вернуться назад или нет, велись голосами, которых нельзя было разобрать вследствие щелкания зубов от холода. С одной стороны, ветер не уменьшался, и риск отморозить себе члены серьезно увеличивался; Таккер и Франсуа не чувствовали своих пальцев, мои также были подобным образом поражены. С другой стороны, у подножия скал было не так холодно, так как они давали некоторое убежище от непогоды. Но, глядя вниз, мы увидели вдруг, к своему удивлению, двух носильщиков (Ахию и Дячи. – *И. М.*), быстро двигавшихся по нашим следам. Мы уже почти решились повернуть обратно, когда они подошли к нам, чувствуя себя очень хорошо в своих бараньих шубах, так как были не подвержены действиям холода. Впрочем, третий носильщик, который отправился с нами, подобно Павлу, ушел назад...

Я сказал, – пишет далее Фрешфильд:

– Если носильщики пойдут, и я с ними.

– Если один пойдет, то и все пойдем, – добавил Мур.

Решение было принято, и мы снова обратили наши взоры к горе», – заключает известный альпинист свой рассказ.

Мы же, безусловно, должны задаться вопросом: «Кто знает, чем бы закончилась попытка английских альпинистов, не окажись вовремя горцы из Верхнего Баксана – Ахия Соттаев и Дячи Джаппуев?»

С этого момента, продолжал Фрешфильд, холод, хотя и суровый, перестал быть мучительным. Вероятно, сказались душевное тепло и ободряющий вид горцев.

«После долгого ползания по сравнительно удобным каменьям, в большинстве случаев мелким, чередующимся со значительными возвышенно-

стями, мы достигли подножия низкой скалы, и, чтобы взобраться на нее, нужно было вырубить несколько ступенек в ледяном проходе, представлявшем единственный доступ к крутизне горы, – пишет альпинист. – Достигнув вершины горы, которая замыкала наш горизонт, мы увидели еще бóльшие скалы над нами. Многие из нас чувствовали и даже выражали сомнение в успехе нашего предприятия. Мы, однако, упорствовали, делая небольшие и короткие передышки, пока не было пройдено основание одной из голых скал, для достижения которой потребовалось очень много времени. Наконец, почти внезапно мы очутились на уровне с вершинами скал и вступили на широкий хребет, имеющий направление восток–запад. Мы повернули налево и прямо против ветра, чтобы сделать последнее усилие. Хребет был удобен, и **по указанию носильщиков мы шли к нему гуськом**, заложив руки в карманы и с топорами под мышками, покамест не достигли высшей точки в виде голой скалы, окруженной снегом.

Эта вершина находилась у одного из концов подковообразного хребта, имевшего в трех местах заметные возвышения и замыкавшего снежное плато, которое хотя и казалось ровным для наших глаз, но вместе с тем внушало мысль о старом кратере. Это и была вершина Эльборуса. Камни, которые мы там подобрали и принесли с собой, имеют вулканическое происхождение. Мы шли, или, скорее всего, бежали, кругом хребта к краю, причем перешли через два значительных углубления и посетили все три вершины кратера; у подножия самой дальней, под скалой, мы нашли убежище и совершенно сносную температуру. Здесь мы остановились, чтобы рассмотреть насколько возможно дальше все подробности обширной панорамы, открывшейся нашим глазам. **Оба туземца указывали нам разные долины**, в то время как мы старались рассмотреть горы...

На восток от нас открывалась панорама Главного хребта вплоть до самого Казбека. Ни одной группы гор я не видел, – замечает бывалый альпоходец, – которая имела бы такой чудный вид, как большие пики, что поднимались над истоками Терека и Чегема. Вид, который представлялся с вершин Монблана на Пичинчи, не так красив, как Коштантау и соседние с Эльборусом вершины. Кавказские горы гораздо красивее, их пики остроконечнее; пропасти, разделяющие вершины друг от друга, производят впечатление неизмеримой глубины – этого в такой степени никогда я не замечал в Альпийских горах...

Переменив положение, мы увидели скалистый пик, поднимающийся выше всех гор, расположенных к западу от Эльборуса, и старались увидеть Черное море. Нашим глазам вдали представлялась серая ровная поверхность: была ли это вода или мгла, нависшая над ее поверхностью, было невозможно различить.

Туман, показавшийся по склонам гор, скрыл истоки Кубани, но истоки Малки мы рассмотрели... Мы дали волю своим чувствам, удивили носильщиков своими восторженными криками в честь горы, которая при помощи ветра и холода вела с нами такую упорную борьбу. Мы спешили вернуться назад к первой вершине кратера, на которой, ввиду того что она

показалась несколько выше, Франсуа уже принялся за работу, т. е. начал воздвигать небольшой столб» (это и была, вероятно, та самая куча камней, о которой говорил Ахия в своем рассказе Я. И. Фролову. – *И. М.*).

Фрешфильд продолжает: «Мы достигли вершины Эльборуса в 10 часов 40 минут и оставили ее в 11 часов 15 минут утра (значит, на вершине они пробыли всего 25 минут, что также согласуется со словами Ахии: «Мы сейчас же начали спускаться». – *И. М.*). Возвращение было совершено в 4 часа...

Почти около часа мы спускались к тому месту, где совещались утром, и здесь мы в первый раз как следует подкрепились... Снег был совершенно тверд благодаря чрезвычайному холоду, и быстро стали спускаться вниз мы и два туземца, которые хотя и избегали того, чтобы быть привязанными к нашей веревке, но с охотою согласились держать ее в своих руках... Оба туземца прибыли к становищу пастухов раньше нас и рассказали свою историю товарищам (вернувшимся с Павлом. – *И. М.*), которые решили, что нас более не увидят, а потому были удивлены и, по-видимому, довольны, что нас видят не только здоровыми, но и с успехом выполнившими свое предприятие. Когда мы появились в становище, мы должны были подвергнуться местным поздравлениям, выражавшимся в поцелуях и объятиях» – таков рассказ Дугласа Фрешфильда о покорении его группой вершины Эльбруса. Можно лишь выразить чувство неприятного осадка в душе каждого альпиниста и горного туриста, оттого что этот знаменитый альпинист пытался впоследствии приписать себе славу первовосходителя – Хиллара.

Подробный пассаж из отчета Фрешфильда мы привели для того, чтобы обратить внимание на ряд интересных деталей:

■ Горцы, сопровождавшие альпинистов, великолепно знали все наиболее удобные и кратчайшие тропы на подступах к Эльбрусу.

■ Издавна они были замечательными ходоками по горам, подобных которым не видел даже сам президент Лондонского альпийского клуба.

■ Горцы с давних пор имели прекрасное по тому времени снаряжение для горных подъемов – палки с железными наконечниками и крючья, подвязываемые к подошвам обуви.

■ Даже на последней стадии штурма вершины знаменитые альпинисты «шли гуськом по указанию носильщиков».

■ Повествование Фрешфильда в деталях совпадает с рассказом Ахии Соттаева Я. И. Фролову в 1911 году.

■ Не окажись в самый критический момент рядом с англичанами, готовыми вернуться назад, горцев из Верхнего Баксана, не воодушеви их Ахия и Дячи, трудно полагать, чтобы это восхождение могло закончиться успешно.

Из всего сказанного вытекает один, единственно напрашивающийся вывод: имена Ахии Соттаева и Дячи Джаппуева должны стоять рядом, если не выше, с именами английских альпинистов, навечно вошедших в историю альпинизма и горного туризма. Именно они воодушевили отчаявшихся англичан на продолжение штурма вершины.

В связи с изложенными фактами считаю необходимым обратить внимание читателей на то, что в работах Соколовой, Кудинова, Рототаева, Байдаева, Никитина имя Дячи Джаппуева по непонятным причинам превращено в некоего Дотосова, что является чьим-то вымыслом из-за незнания первоисточников. Имя Дячи Джаппуева хорошо известно в литературе о восхождениях на Эльбрус, а англичанин Фрешфильд из-за отсутствия в английском языке звука «Ж» передал его на английский манер как *Дячи Дяпуев*. Русские же ученые и путешественники, например В. М. Сысоев и С. Давидович и другие, пишут его имя вполне определенно и в полном соответствии с карачаево-балкарским его звучанием, т. е. *Джаппуев*.

В ВЕРХНИЙ БАКСАН ИЗ ЛОНДОНА

Тесные связи английских альпинистов с аулом Урусбиево продолжались... И вновь связующим звеном этой альпинистской цепи были выдающиеся горовосходители Дячи Джаппуев и Ахия Соттаев.

Шестнадцатого июля 1874 г. из Лондона в Верхний Баксан (Урусбиево) прибыла следующая группа членов Лондонского клуба альпинистов – Грове, Гардинер, Уоккер и тот же Мур в сопровождении проводника-швейцарца Петра Кнубеля. Как обычно, гости были радушно приняты князьями Урусбиевыми. Они выделили им своих лучших восходителей Ахию и Дячи, шесть лет назад сопровождавших предыдущую группу английских альпинистов на вершину Эльбруса. Выбор этих проводников был далеко не случаен. Их хорошо знал сподвижник Фрешфильда альпинист Мур. Уместно заметить, что группа Грове свое большое путешествие почти по всему Кавказу совершила исключительно пешком, хотя имела все возможности многие версты проехать на лошадях. Даже после утомительного восхождения на Эльбрус, когда Измаил Урусбиев предложил им лошадей, Грове ответил: «У нас есть свои кони», – и показал на свои ноги, обутые в альпинистские башмаки, и весь обратный путь до Сухуми они проделали пешком.

Об этом восхождении на Эльбрус Грове рассказывает в своей замечательной книге «Холодный Кавказ» (СПб., 1879).

Группа поднималась через ледник Азау, где на высоте 11 300 футов остановилась на ночлег, немного ниже того места, где, по словам Мура, ночевала группа Фрешфильда. Грове пишет, что теперь это место оказалось заваленным снегом.

Обратимся к рассказу Грове: «В половине первого мы встали, чтобы отправиться в дальнейший путь к Эльбрусу и были приятно удивлены тем, что, несмотря на довольно сильный ветер, температура была не настолько

низкая, как мы могли ожидать. Известно, что в горах наиболее низкая температура замечается перед самым рассветом. Когда мы встали, никто из нас не ощущал холода, от которого, однако, Муру пришлось значительно пострадать через два с половиной часа, как раз перед восходом солнца.

В час полуночи Уоккер, Гардинер, Петр Кнубель и я с туземцами отправились в путь. Прямой путь пролегал через снежную полосу, лежащую над равниной; гряда, ведущая к этой полосе, была очень крута, и, чтобы подняться на нее, требовалось немало времени, вследствие чего мы повернули вправо и направились по небольшим снежным склонам, пересеченным высокими скалистыми грядами. Пройдя затем влево, мы очутились на обширном юго-восточном глетчере Эльбруса, по которому нам предстояло идти к вершине...

Судя по тому, что мы могли увидеть, Западный пик довольно отвесный, хотя и не настолько, чтобы представлять серьезные препятствия и затруднения. Вершина его казалась плоской и обширной. Восточный пик, напротив, представлял отлогий конус. В действительности же было бы правильнее назвать первую плосковершинною горою, а вторую – обширным пиком. Целью нашего путешествия была именно Западная плоская вершина как наиболее высокая из двух...

Ясно было, что для этого следовало подняться на обширный глетчер, окружающий более низкий пик, направляясь постоянно влево таким образом, чтобы обогнуть этот пик на расстоянии 1500 футов ниже вершины...

Но так как при путешествиях в горах часто приходится рисковать, то мы и решили направиться по обширному, покрытому снегом глетчеру, окружающему Восточный пик. В течение нескольких часов мы поднимались на его обширные склоны, держась постоянно влево. Однако хотя мы и не встретили никаких трудностей, тем не менее эта прогулка была очень утомительна и скучна. В расстоянии полутора часов от места нашей остановки нам предстояло обойти трещину во льду, которая в жаркое время могла быть опасной, теперь же она была настолько узка, что мы миновали ее очень легко... После четырехчасовой прогулки, поднявшись на высоту более 4 тыс. футов, мы остановились на несколько минут на гряде, пересекающей огромную снежную пустыню на высоте, равной вершине Монблана. Здесь мы были более чем вознаграждены за холод и труд, которые считаются неизбежными в высоких местах. Нашим глазам представился вид почти неописуемой красоты. Начинался восход солнца, и весь восток был объят пламенем. Полная луна не успела скрыться за горы в минуты солнечного восхода, и небо на мгновение разделилось между мертвенною красотою ночи и блеском и сиянием наступающего дня. Несмотря на восхитительную прелесть этой картины, нас тем не менее поражала громадная тень Эльбруса, бросаемая восходящим солнцем на большую высоту, но тень эта вскоре наполнилась светом, наступил день, едва только бледный спутник успел скрыться, и таким образом кончился контраст, до сих пор не наблюдаемый еще никем из нас. Вспомнив, что между нами и

вершиной остается еще 3 тыс. футов, мы снова пустились в путь и продолжали восхождение по снежному полю, придерживаясь влево еще более, чем прежде. Поднявшись на 1500 футов через полтора часа, после того как мы оставили скалы, мы увидели холм, возвышающийся между обеими вершинами.

...Итак, мы находились теперь, – пишет Грове, – у подножия последнего склона, ведущего к плоской вершине Западного пика. Склон этот, возвышающийся перед нами, был отвесен, но не недоступен. Значительно левее, т. е. к югу, находилось несколько пропастей, но впереди не представлялось никаких затруднений, так что мы могли отдыхать совершенно спокойно...

Отдохнув с полчаса, мы направились по этому последнему склону, представлявшему единственное затруднение, если только это можно назвать затруднением. Прежде всего мы взобрались на огромные голые скалы, которые оказались твердыми и легкими для подъема. Затем мы стали подниматься по довольно крутому снежному склону; вскоре мы подошли к небольшой гряде скал, перейдя которую мы снова вступили в снежную область. Поднявшись затем на довольно отлогий склон, мы подошли к концу его, к гряде скал, которую пересекли без всяких затруднений, и таким образом очутились на окраине громадной плоскости, образующей вершину потухшего вулкана. Небольшой пик, возвышающийся здесь к северо-востоку, представлял, очевидно, самую высокую точку горы.

За несколько времени до того, как мы подошли к окраине кратера, я сообразил, что пик, на котором мы стоим теперь, вовсе не тот пик, вершины которого достиг Фрешфильд с товарищами; что они поднимались на Восточный пик, который, по наблюдениям русских, был несколько ниже... Снежная плоскость, образовавшаяся на месте кратера, поднимается к востоку почти до высоты окраины кратера, но затем она быстро понижается к юго-западному обвалу. Небольшой пик, образующий вершину горы, возвышается на северо-восточной части окраины. Пик этот мы отлично могли различить впоследствии из деревни Учкулан, в Карачаевской стране...

Только крайне утомленный путешественник может отказаться от попытки подняться на вершину горы, после того как ему удалось уже достигнуть окраины кратера. Небольшой пик, как я уже упомянул, возвышается на северо-восточной части этой окраины; мы подошли к ней с юго-восточной стороны, вследствие чего нам пришлось пройти некоторое расстояние по внутренней стороне окраины. Путь, однако, пролегал почти по ровной поверхности. Итак, мы победоносно направились по снегу, который, подобно савану, покрывал угасший вулкан, представляя в одном месте замечательную, красивую картину, какой мне еще не приходилось никогда наблюдать в горах. Недалеко от окраины этой снежной полосы возвышалась небольшая вершина, которую ветер разукрасил снегом в виде лент и гирлянд, чрезвычайно красиво и густо обвивающих сверху донизу эту колонну, которую можно принять за жену Лота, допустив, что в день своего несчастья она была в таком праздничном наряде.

Полюбовавшись этим странным видом, мы отправились далее и вскоре подошли к подошве большого пика, высотою от 100 до 150 футов. Поднявшись по его отлогому склону, мы очутились на вершине Эльбруса.

День был замечательно ясен, – продолжает Грове. – На небе не виднелось ни одного облачка, и горизонт был совершенно чист. Едва ли человеку можно желать или надеяться увидеть более очаровательную картину, чем та, которая представилась нашему взору с высоты этой громадной горы. Находясь на конечности отпрыска Главной цепи Кавказских гор, Эльбрус занимает очень выгодное положение, так как с его вершины открывается вся цепь, подобно тому, как видна линия баталии с флагманского корабля, находящегося впереди. Все высокие пики предстали перед нами во всем своем суровом величии. Вблизи возвышается двуглавый гигант Ушба; далее следовала цепь бесчисленных гор-титанов, затем на расстоянии нескольких миль виднелась могущественная вершина Коштантау и Тау-Тетнульд. Затем следовал целый ряд пиков, за которыми возвышалась громадная вершина, принятая мною за Казбек. Наконец, на весьма далеком расстоянии, в направлении к Персии, с трудом можно было отличить снежный пик, по всей вероятности, вершину Арарата. Может быть, это было просто белое облачко, хотя, однако, весьма возможно, что это была действительно гора Арарат, так как утверждают, что Эльбрус виден с вершины этой горы в ясную погоду. К югу открывались обширные долины, пересекающие Главную цепь гор, а к юго-западу отчетливо выделялось Черное море. К северу виднелись холмы, покрытые травою и возвышающиеся один за другим, подобно морским волнам; последний из них, повидимому, служил границей обширных равнин России...

На вершине Эльбруса мы пробыли только двадцать минут. Относительно ясности воздуха не оставалось ничего более желать, но ветер был довольно сильный, вследствие чего на вершине, по причине страшного холода, невозможно было оставаться долго. Один из нас и то уже пострадал от мороза...

Начав наше восхождение на вершину Эльбруса в час ночи, мы достигли самой вершины в 10 часов 40 минут утра, следовательно, путешествие это потребовало 9 часов 40 минут...

Я уже не сомневался, – пишет Грове, – в том, что пик, на который мы поднялись, был вовсе не тот пик, на который в 1868 г. поднимался Фрешфильд с товарищами. Уоккер и Гардинер разделяли мое мнение, сравнив наши путевые заметки со своими. Фрешфильд и Мур также пришли к убеждению, что вершина, на которой мы находились теперь, вовсе не та, которую им удалось достигнуть, и что можно признать за достоверный факт, что они поднимались на Восточную, а мы на Западную вершину Эльбруса...

На схождение с горы от самой вершины потребовалось всего четыре часа, так как свободного времени оставалось еще много, то мы и решились спуститься в долину», – заключает свой рассказ руководитель восхождения 1874 г. Грове.

Уже знакомый читателю английский альпинист Мур, спутник Фрешфильда по восхождению 1868 г., на этот раз был с группой Грове, но дальше ледника Азау он не пошел, так как сильно пострадал от ночного мороза. Вернувшись в аул Урусбиево, он стал поджидать двух русских офицеров, желавших начать восхождение на вершину Эльбруса. Но, когда на другой день они хотели начать восхождение, погода изменилась, и эта попытка оказалась невозможной.

Так завершилась удачная попытка второго восхождения членов Лондонского альпийского клуба на Эльбрус. На сей раз была покорена его Западная, наиболее высокая вершина. И вновь рядом со знаменитыми английскими альпинистами полноправно стоят имена знаменитых горцев – Ахии Соттаева и Дячи Джаппуева, уже покоривших обе вершины величавого Эльбруса.

ОЖАЙ И КАРА-МАГУЛАЙ НА ОХОТЕ С ДИННИКОМ

Знаменитый путешественник и исследователь флоры и фауны Кавказа Н. Я. Динник совершил множество походов по горам и ущельям Карачая и Балкарии. Это был неутомимый энтузиаст, зоолог-эколог, учитель из Ставрополя. После себя он оставил большое количество работ по описанию животного и растительного мира Кавказа, его геологии и минеральных богатств. Н. Я. Динник совершил путешествия по верховьям Кубани, Лабы, Зеленчука, по Приэльбрусью, Дигории, Пшавии, Тушетии, Чечне, Дагестану, по ущельям Риони и Кодора. Одним словом, знал и изъездил Кавказ, что называется, вдоль и поперек.

В 1874 г. он предпринимает восхождение на Эльбрус из карачаевского аула Хурзук. Следуя по уже упоминавшемуся леднику Уллу-Малиендыркъы, по которому шли восходители 1829 г., он добрался до зоны вечных снегов, но наступившая непогода прервала дальнейшее восхождение. Вторично Николай Яковлевич предпринял длительное и более обстоятельное путешествие по Карачаю в 1879 г. совместно с уездным начальником Ф. А. Кузовлевым и его родственниками, некими С. и Г. В этом путешествии он отмечает ряд интересных моментов из быта карачаевцев, которые он слышал от сопровождавших его горцев из Хурзука. Путешествие он начал с окрестностей реки и укрепления Хумара, где в 1829 г. были открыты замечательные залежи каменного угля и которые уже в 1846 г. стали разрабатывать при наместнике князе Воронцове.

«Отъехав от Хумаринской крепости верст сорок, – пишет Динник, – мы в полдень добрались до Большого Тебердинского аула. Переменив в нем лошадей и отдохнув два часа у почтенного старшины, знаменитого охот-

ника Ожая (Байчорова. – *И. М.*), все наше общество верхами отправилось вверх по долине. За нами последовал и сам Ожай. Сначала мы ехали по обширной поляне правого берега Теберды, потом перебрались на левый берег и вскоре вступили в величественный Тебердинский лес. Теберда течет здесь в глубокой долине, дно и склоны которой покрыты дремучим хвойным лесом. С обеих сторон долину окаймляет хребет со скалистыми вершинами, которые поднимаются тысяч до десяти футов над уровнем моря. Во многих местах на них лежат вечные снега...

В Тебердинском лесу есть довольно много полян. Одна из них, расположенная у самого берега Теберды, была избрана нами для ночлега. Здесь на скорую руку горцы устроили из ветвей шалаш для наших спутниц, а мы расположились под открытым небом.

На следующий день нужно было продолжать путь по левому берегу Теберды. Здесь нам пришлось переехать три небольшие речки, впадающие в Теберду: Хаджи-бей, Батук и Хуту. Все они, в особенности первая, необыкновенно красивы, текут по страшно крутому ложу, усеянному камнями, и имеют замечательно чистую воду, прозрачно-голубого цвета. Проезжая через одну из них, мы увидели на крутом косогоре с левой стороны реки медведя. Он стоял от нас шагах в пятистах и, по-видимому, не замечал нас вовсе. Я и тебердинский охотник Кара-Магулай поспешно соскочили с лошадей и отправились к медведю, остальные же члены компании наблюдали за нами издали. Нам пришлось карабкаться по очень крутому склону, во многих местах покрытому осыпями. Когда мы выглянули из-за последних березовых кустов, служивших для нас прикрытием, то до медведя оставалось еще шагов сто. Со мною была хорошая винтовка, и я хотел было стрелять из-за этих кустов, но Кара советовал мне повернуть вправо и опушкой леса подкрасться к медведю ближе. Я последовал его совету. Минут через пять мы выбрались на опушку и из-за камня выглянули, чтобы узнать, где находится медведь; он стоял в 25 шагах, не более, повернув к нам голову, внимательно рассматривая нас. Мы поспешно прицелились, мой спутник выстрелил, а у меня оказался спущенным ударник винтовки: взбираясь на крутую гору, я впопыхах забыл взвести его. На таком расстоянии Кара сделал промах, и медведь бросился бежать... Я очень сожалел, что не стрелял из-за тех березовых кустов...»

Подобных сожалений у Динника было несколько в этом путешествии. Одно из них случилось у горы и ледника под названием *Домбай-елген* (т. е. «Там, где умер зубр». – *И. М.*). На берегу речки Домбай-елген, на склоне крутой горы, путники вновь встретили кавказского бурого медведя.

«Медведь заметил нас и скрылся в лесу на косогоре, – продолжает Динник. – Тогда я с Ожаем отправился на противоположную сторону его, а одного из карачаевцев послал по следам медведя, чтобы заставить его выйти на нас. Прошло с четверть часа в томительном ожидании, наконец, на опушке леса вместо медведя появился наш посыльный; медведь же, вероятно, направился вверх, вдоль леса и там под какой-нибудь скалой залег...

Вскоре мы остановились на ночлег у самого подножия Главного хребта. Около нас запылал большой костер, сначала из сухих корней можжевельника, потом из толстых сосновых и березовых бревен. Мы находились на небольшой лужайке, на высоте почти 6 тыс. футов над уровнем моря, а вокруг нас со всех сторон поднимались высокие горы, покрытые снежными полями. Вечер был тихий, ясный и относительно теплый. Наши спутники-горцы сидели и лежали вокруг костра, занимаясь кто жарением мяса, кто приготовлением чая или варением шурпы; освещенные красноватым светом костра, они так резко выделялись из общей темноты и представляли так эффектно освещенную группу, что, вероятно, сам Рембрандт позавидовал бы ей. Часа через два взошла луна и особенным бледным светом облила горы. Звезды тогда стали мало-помалу тускнеть, а высокие скалы и снежные поля особенно резко вырисовывались на темной синеве неба.

Еще до нашей поездки Ожай рассказывал мне, что в верховьях Домбай-елгена водится много туров, и поэтому я с вечера с ним уговорился идти на охоту... Пройдя небольшое пространство по леднику, мы свернули влево и стали взбираться на крутую гору, находящуюся между потоками Домбай-елгена и Бу-елгена (т. е. «Там, где умер олень». – *И. М.*). Она очень четко обозначена на пятиверстной карте Кавказа, но никем не названа. Подъем был так крут и покрыт такой скользкой травой, что трудно представить себе местность, более неудобную для ходьбы. Почти целый день мы с Ожаем карабкались по страшным кручам, надеясь где-нибудь увидеть туров или серн, но безуспешно. Наши труды вознаградились только тем, что мы целый день имели перед собой восхитительные виды...

За несколько времени до нашего возвращения к месту стоянки мы встретили Кара-Магулая. Подобно нам, он с утра отправился на охоту и, пробродив целый день, не видел ни одного тура, ни одной серны, но будто бы стрелял в барса, который, будучи смертельно ранен, свалился со скалы в такое место, куда не было возможности спуститься...

Добравшись утром следующего дня до места слияния Теберды и Домбай-елгена, я расстался с Ф. А. Кузовлевым и нашими спутниками, – пишет Динник. – Они возвращались в Хумару, я же с двумя карачаевцами отправился к верховьям Теберды и другого ее притока Бу-елгена...

Бу-елген течет по глубокой долине, – продолжает путешественник, – которая вначале покрыта лесом, а далее приобретает луговой характер. Ограничивающие ее с боков горы состоят почти исключительно из апсидного сланца синевато-черного цвета. В верховьях этой долины был кош, и мы, чтобы легче добывать провизию, расположились вблизи него...

Вечером, в день нашего приезда к верховьям Бу-елгена, мои спутники отправились на охоту. Ночевали они около ледника, рассчитывая утром, при восходе солнца, встретить туров, возвращавшихся с альпийских пастбищ обратно в верхние пояса гор, где они проводят день. На другие сутки, перед закатом солнца, охотники возвратились. Один из них три раза стрелял по сернам, но ни одной не убил, другой застрелил молодого тура...

Пробыв в верховьях Бу-елгена более двух суток, мы отправились к верховьям самой Теберды. Замечательную перемену представляет Теберда выше впадения в нее Бу-елгена. Из бешеной, пенящейся горной речки она превращается в тихую, спокойную реку, текущую по сравнительно просторной долине...

На высоте 6 тыс. футов в верховьях Теберды имеется необыкновенно красивое маленькое озеро. Оно имеет столь прозрачную и чистую воду, что на дне его виден каждый камешек... В нескольких верстах от озерца находятся истоки Теберды. Она вытекает многими потоками из довольно значительного глетчера. Этот глетчер очень доступен, и через него проходит путь из Тебердинской долины на южный склон Кавказского хребта, к верховьям Клыча и далее на Кодор. По этой дороге горцы часто гоняют своих лошадей и рогатый скот в Сухуми для продажи...»

Уместно отметить, что этот путь был известен с глубокой древности и составлял одно из звеньев Великого шелкового пути из Хорезма в Византию. Византийцы этот путь называли термином «Хоручон», в котором профессор Г. А. Кокиев видел отражение этнонима «Карачай».

«...Не дождавшись хорошей погоды, – продолжает Динник, – мы решили оставить верховья Теберды».

Так завершилось путешествие Николая Яковлевича Динника по верховьям Теберды в сопровождении Ожая, Кара-Магулая и других карачаевцев. Но для темы нашего очерка большой интерес представляет и его путешествие по Балкарии, и повторение попытки восхождения на Эльбрус летом 1881 года совместно с известным профессором И. В. Мушкетовым, другом семьи Урусбиевых. На этот раз он предпринял восхождение на Минги-тау по леднику Азау.

Н. Я. Динник пробрался через аул Безенги вплоть до знаменитой Безенгийской стены. По пути он описал свои впечатления от аула Безенги и его жителей. Из Безенги он направился в Чегемское ущелье по известному Думалийскому перевалу.

В Верхнем Чегеме Динник гостил у балкарского князя Али-Мурзы Балкарукова.

«Аул этот большой, дворов 400, – уточняет путешественник. – На речке Джилги-су стоят 5–6 мельниц самого патриархального устройства. В ауле и окрест несколько четырехугольных хорошо сложенных башен. Одна из них принадлежит Балкаруковым. Местные жители говорят, что она построена лет 200–300 тому назад чегемцами при помощи мастеров из Сванетии».

Далее Н. Я. Динник переходит в Баксанское ущелье: «Урусбиевской аул расположен на левом берегу Баксана на слегка наклоненной площадке, известной под названием «Ушкум-эль». Отдохнув в этом ауле, познакомившись с Урусбиевыми, познав их радушный прием, Динник предпринимает подъем на ледник Азау с целью восхождения на Эльбрус.

«...Дорогу, – пишет он, – нам указывает знаменитый охотник Ахия Соттаев, черный, высохший, тощий, но сильный и крепкий старик, который с

англичанами дважды ходил на Эльбрус и всегда удивлял их как необыкновенной способностью ходить по горам, так и замечательным зрением».

По дороге к Эльбрусу их догнал Измаил Урусбиев и сын Ахии – Хаджи-Мырза. Князь Урусбиев рассказывал Н. Я. Диннику, как знаменитый исследователь Кавказа Абих, гостивший у него в 1853 г., был сильно поражен суровостью природы окрестностей его аула и, в частности, ущелья речки Адыр-су.

В этом восхождении Диннику удалось подняться только немногим выше 12 тыс. футов. Дальше из-за наступившей непогоды опытный Ахия не советовал ему продолжать путь по снегам Эльбруса.

Кроме описания многих этнографических подробностей быта карачаевцев и балкарцев, путевые заметки Н. Я. Динника ценны для нас тем, что в них запечатлены имена еще нескольких опытных горовосходителей-проводников из среды карачаевцев, в частности, имена Кара-Магулая и Ожая – старшины аула Теберда, которые займут достойное место в плеяде Хиллара.

АХИЯ И ДЯЧИ, МАЛАЙ И ДЕЧИ

Этот примечательный каламбур составляют имена знаменитых горовосходителей из Верхнего Баксана и венгерского ученого и альпиниста Морица Дечи, который поднимался на Эльбрус вместе с горцем из Урусбиевского аула Малаем Терболатовым в 1884 г. Выбор на Малая пал не случайно, он был активным продолжателем дела Ахии Соттаева и не раз уже покорял многие вершины.

В августе 1884 г. Дечи в сопровождении Малая достиг вершины, но вследствие начавшейся непогоды, сильной метели они целые сутки блуждали по снеговым полям и только чудом избежали смерти. Подробности этого восхождения со слов Малая записал С. Ф. Давидович в ауле Урусбиево в июне 1886 г.

«...Восхождение до линии вечного снега было совершено благополучно. Спутники, проведя кое-как ночь под навесом скалы, на следующий день отправились дальше. К сожалению, утро было туманное, и вместо того, чтобы начать восхождение еще до рассвета, начали его только в восемь часов утра. Мороз был очень сильный и все крепчал по мере поднятия. Все, в особенности Дечи, сильно прозябли и измучились, и только к четырем часам пополудни, после страшных усилий, достигли вершины. Здесь мороз доходил до 20 градусов (в то время у подошвы было столько же градусов тепла), а ветер был так силен, что валил с ног.

Пробыв на вершине не более нескольких минут, спутники, – как рассказывал Малай, – начали спускаться. Вдруг повалил снег, завыл ветер, и страшная метель закружилась по снеговым полям. Эльбруса. Путники

шли, перевязавшись веревками, во избежание падения кого-либо в трещину или пропасть. В одну минуту направление пути было потеряно, и они пошли наудачу, стараясь только не останавливаться, чтобы не быть занесенными массами сухого мелкого снега. Снег носился в воздухе густыми массами, так что Малай не видел швейцарца, привезенного Дечи с собой и шедшего впереди в двух шагах. Последний поминутно падал в невидимые, занесенные снегом трещины, но благодаря веревкам его вытаскивали. Вихрем сухого снега резало лицо так, что невозможно было продвигаться против ветра. Наступил вечер, потом длинная суровая ночь, а метель не утихала. С отчаянием в душе, едва передвигая ноги, они шли всю ночь, сами не зная куда и стараясь только не останавливаться. Остановка была бы для них гибельна: их в несколько минут занесло бы сугробом снега, и «ворон не нашел бы их костей», как говорил Малай.

...К рассвету метель стала утихать, а часам к восьми утра мало-помалу стала проясняться окрестность. К полудню, едва живые от холода и утомления, путники добрались до места своего последнего ночлега. Отдохнув немного, они спустились к подошве, но Дечи так ослаб, что его приходилось вести под руки» – вот так описал Давидовичу Малай свое восхождение с венгерским альпинистом Дечи, почти тезкой своего одноаульца Дячи.

«В его рассказе не было никаких приукрашений, – писал Давидович. – К тому же, он не придавал никакого значения этим приключениям, а у меня, – подчеркивал Давидович, – когда Малай рассказывал обо всем этом по моей же просьбе, мороз пробирал по коже».

Рассказ Малая, записанный и опубликованный известным путешественником, дополняет Д. Л. Иванов, приехавший в Верхний Баксан спустя несколько дней после Дечи.

В своей работе «Восхождение на Эльбрус» он писал: «В ожидании благоприятной погоды Дечи прожил вместе с двумя прибывшими с ним швейцарцами у подножия Эльбруса, в ауле Урусбиево, две недели и лишь 8 августа рискнул на восхождение. Накануне, рассчитывая на завтрашний день, г-н Дечи поднялся почти до ледяного поля и ночевал на высоте 11 300 футов. С утра, однако, голова Эльбруса уже уткнулась в тучку. Дечи колебался и хотел было уже уехать, но решимость одного из его гидов, горцев из Урусбиевского аула, обещавшего удачу, победила осмотрительность члена «альпинистского клуба», и он двинулся в 7 часов утра на Эльбрус. Кроме двух швейцарцев, с ним вызвался идти один из молодых местных горцев (Малай Терболатов. – *И. М.*). Привычные к ледникам швейцарцы шли очень правильно, и местному горцу оставалось лишь следовать за ними. Хамзат Урусбиев (брат Исмаила Урусбиева. – *И. М.*) следил снизу за спутниками в бинокль до того пункта, когда, наконец, они вошли в облако. Это было ниже седловины...

По словам Дечи, – пишет Иванов, – они дошли до вершины спустя одиннадцать часов, т. е. в 6 часов пополудни. Водрузив там значок, стали спускаться. Несмотря на туман, они шли довольно удачно, хотя медленно настолько, что из облака вышли уже тогда, когда стало темнеть.

Проводники-швейцарцы сбились с направления и попали в неизвестные для них и непонятные в темноте трещины. Думая, что это лишь небольшой изгиб, они не вернулись обратно, а стали вырубать ступеньки и продолжать путь. Но чем дальше шли, тем все страшнее становились трещины. Сам Дечи и один из проводников отморозили пальцы на руках и ногах. Положение становилось отчаянным, но выручила находчивость горца. При помощи жестов он сумел убедить иностранцев бросить дорогу и следовать за ним, он довольно удачно выбрался из лабиринта ледопада, который, быть может, без этого горца сделался бы их могилой», – завершает Д. Л. Иванов свой рассказ об этом восхождении.

Так удалой молодец и горовосходитель из Верхнего Баксана Малай Терболатов выполнил поручение своего князя Хамзата Урусбиева и спас известных европейских альпинистов от верной гибели в снегах Эльбруса, показав им свое умение ходить и ориентироваться в горах, а также свое знание всех сложнейших тропинок на вершину седоглавого Эльбруса.

ДЖАНАЙ И ДЖАПАР ПРЕДВИДЕЛИ ВЬЮГУ

Через две недели, после того как совершили восхождение Малай и Дечи, в Верхний Баксан 25 августа 1884 г. прибыли новые путешественники, также намеревавшиеся совершить подъем на вершину Эльбруса. Это были горный инженер участник Памирской экспедиции 1883 г. Д. Л. Иванов и доктор Е. В. Павлов.

По совету местных жителей они собирались подняться на вершину не через ледник Азау, а по леднику Терскол. Этот путь горцы считали наиболее коротким. В качестве проводников и носильщиков они взяли с собой четверых горцев-урусбиевцев. Поскольку проводников, сопровождавших Дечи, в этот день в ауле не было, то старшим среди горцев вызвался быть некий Джанай. В эту группу еще входил охотник по имени Джапар. К сожалению, имена остальных двух горцев путешественники не называют. Уместно выразить сожаление о том, что многие путешественники, альпинисты и туристы, всегда пользовавшиеся радушным гостеприимством и всяческими услугами горцев в пути следования, почти никогда не называют имена своих проводников-туземцев, которые нередко спасали им жизнь, а между тем имена своих «знаменитых» швейцарцев, зачастую оказывавшихся беспомощными в горах Кавказа, они не только называют, но и отмечают, откуда они родом и пр.

Вот как описывает свое восхождение по Терскольскому леднику Д. Л. Иванов: «На половине пути до ледника встретился еще кош, где мы напились кислого молока и оставили двух горцев варить козленка, которого

они должны были потом принести к нам на ночлег. Примерно за версту до нижнего конца ледника, на высоте 8150 футов, начались уже камни, и наш путь, оставив тропочки, вступил в область бездорожья. Отсюда нужно считать начало восхождения на ледник... Ледник, спускающийся с Эльбруса в ущелье Терскол, представляет собой крутой ледопад... Каждому восходящему предоставляется выбирать себе путь и делать любые зигзаги, а так как нас вели горцы, не любившие излишних размахов, то подъем вышел очень крут, – пишут путешественники. – Поднявшись по одному из склонов мимо довольно красивого водопада, обставленного оригинальными стенами из столбчатого андезитового порфира, достигаешь площадки с многочисленными ключами и болотинами на высоте 9600 футов...

Поднявшись далее через несколько утомительных ледяных уступов, на высоте более 1200 футов был выбран под большим камнем ночлег г-на Дечи. Здесь же ночевали и мы... Ночлег наш под избранным камнем оказался во многих отношениях неудобным, хотя все-таки единственным среди окружающего нас хаоса нагромождений...

В 12 часов ночи среди пустыни каменного нагромождения эльбрусских ледников засветился маленький огонек и зашевелились люди. Под большим валуном мы варили наш утренний чай и, не торопясь, готовились к выходу на штурм. Погода не изменилась. Мороз не превышал 5 градусов, небо по-прежнему совсем чисто, светлая луна высоко. Только ветер казался сильнее», – отмечают Иванов и Павлов.

Этот ночной ветер, крепчавший с каждой последующей минутой, очень настораживал горцев, сопровождавших альпинистов. Жизненный опыт местных жителей подсказывал им предстоящую непогоду. Настороженность проводников не могла оставаться незамеченной, хотя незнание русского языка мешало горцам объяснить свои опасения.

По этому поводу Иванов продолжал в своих записках: «Одно было нехорошо. Между нашими проводниками шли какие-то неладные разговоры, заметна была вялость, неохота, чуялось что-то недоброе. Возились они со своей оригинальной обувью очень долго и едва собрались к 3 часам утра. При этом Джанай вел себя особенно странно, недоброжелательно...»

Но все-таки группа вскоре собралась и двинулась в путь.

«Резкий ветер дул, взметая сухой снег полосами и угоняя его, как во время бурана в степи. Джанай объявил нам, что дальше идти нельзя и что никто из них не двинется с этих камней вперед. Объяснения ни к чему не привели: проводники окончательно отказались идти далее. Мы решили идти одни и стали перевязываться веревкой, – рассказывает Иванов. – Тогда один из молодых горцев, Джапар, молча подошел к нам и молча стал привязываться к концу веревки. Трое остальных остались у камней, а мы трое двинулись к вершине. Идти было легко; снег лежал плотно, нога почти не вязла, подъем шел небольшой, ветер бил слева, сзади. Не прошли мы и 150 шагов, как вдруг увидели, что еще двое горцев следуют за нами. Мы торжествовали, но недолго. Все вместе прошли еще шагов 150, когда Джапар остановился и взял у меня длинную палку. Стали продвигаться

медленнее и ощупывать снег. Вскоре наткнулись на небольшую трещину, в которую Джапар провалился одной ногой. Вылез, попробовал палкой глубину – она ушла вся. Предвидя надвигавшуюся снежную бурю, все трое горцев стали убеждать путников в необходимости возвращаться:

– Теперь буран, холод, идти нельзя, все замерзнем, дорога трудная, – пытались объяснить они».

Долго продолжать путь к вершине им не удалось, и Иванов продолжает свой рассказ: «...Но счастье изменило нам. Уже в десятом часу утра стали показываться на небе маленькие белые тучки. Через несколько минут они стали сильно беспокоить нас, ибо небо постепенно стало терять свой чистый голубой тон и делалось все более и более белым. Вскоре на голову Эльбруса набежала крошечная тучка, поползла к седловине и, сорвавшись с великана, легко поплыла дальше на свободе. Следующая за ней несколько большая тучка пробыла на вершине с четверть часа, а третья – в 10 часов 30 минут насела уже настолько прочно, что после этого момента мы не видели более головы Минги-тау: тучка превратилась в тучу и окутывала гору, крутясь около нее целой бурей... Но к 11 часам не только седловина, но уже и самые нижние камни скалистой части вершины стали невидимыми. Вскоре совсем уже над нами разрослись серьезные тучи, и простой глаз мог разобраться в том, что невдалеке начинает крутиться снежная вьюга. Через 10 минут хлопья снега понеслись вокруг нас самих. Сделав последние наблюдения, мы решили спускаться и в 11 часов 20 минут поднялись с места (высота 15 440 футов) и начали спуск вниз. Кругом нас вилась на сильном ветре вьюга, закрывая все горы и быстро спускаясь ниже нас. Склоны, по которым мы только что всходили, казались какой-то неясной крутой горой сквозь частую дымку несшегося снега. Следов, только что пробитых нами, не было уже видно, и мы с трудом сохраняли направление нашего пути... Из области вьюги мы выбрались тогда, когда были на высоте 13 200 футов. Перед концом ледяного поля, – рассказывает путник, – нас встретили двое наших проводников, с великой радостью приветствовавших наше возвращение. Оказалось, что по возвращении к месту ночлега на них напало раскаяние, и они сильно стали беспокоиться за нашу участь. Несколько раз они поднимались на ледяное поле и следили на нашим восхождением, и лишь тогда, когда, спускаясь с горы, мы показались из скрывшей нас тучи, они почувствовали себя легко», – заключает рассказ Иванов.

Так завершилось восхождение Иванова и Павлова в сопровождении четверых горцев-урусбиевцев, которые, заранее предугадав непогоду, предостерегали путешественников и потом очень сожалели, что те не послушались их совета.

ЭСТАФЕТУ ПРИНИМАЮТ БИАСЛАН И МАХАЙ

Пятого июля 1886 г., с целью совершить восхождение на Эльбрус, в Пятигорск прибыл С. Ф. Давидович. Два дня он знакомился с достопримечательностями города и его окрестностей, поднимался на Машук, осматривал знаменитый Провал, Грот Дианы и пр. Затем он занялся поиском проводников к подножию Эльбруса.

«Зашел я в первый попавшийся двор, – пишет он, – на воротах которого было написано: «Здесь даются лошади и уроки верховой езды». Двор этот принадлежал богатому кабардинскому владетелю, который рекомендовал Давидовичу проводником своего родственника Магомета Кокова.

На следующий день в беседе с Магометом Давидович выяснил, что в первый день им предстоит проехать около 45 верст, «чтобы поспеть в аул Кокова, где в доме отца Магомета мы будем ночевать. Дальнейший путь до Эльбруса, – продолжает путник, – или точнее, до последнего на этом пути аула Урусбиева, или Баксанского аула, был Магомету малознаком, так как он ездил туда только один раз и то уже давно. Он знал только, что путь до Урусбиева можно сделать в 2–3 дня и что трудностей не предстоит никаких, так как по этой дороге ходили даже арбы».

После утреннего чаепития Магомет помогает своему подопечному уложить его небольшой багаж в перекидные сумы, устраивает их у седла и готовится в путь. «А у самого Магомета, – говорит Давидович, – никакого багажа нет: у горцев это не водится. Бурка да папаха – вот и весь багаж; даже денег с собой в дорогу не берут, так как все необходимое – ночлег, постель, пищу – благодаря гостеприимству горцев, можно получить даром. Мы садимся на лошадей и легкой рысью выезжаем за город».

К вечеру того же дня они добрались до аула Кокова, переночевали в доме крупного помещика, отца Магомета – Барака Конова, который в молодости служил в конвое императора Николая, а потому чисто говорил по-русски.

К сожалению, Давидович с некоторой предвзятой тенденциозностью описывает кунацкую видного помещика: «Внешность кунацкой, – пишет он, – обещает мало, но внутренность дает и того меньше. Первая комната, или сени, сплошь завалена рабочими инструментами и разным хламом, так что приткнуться негде. Следующая комната – обширная, но низкая с земляным полом, крошечным оконцем без рамы и только закрываемым ставнем, и без печки, вместо которой устроен очаг прямо на полу. Вся мебель состоит из деревянной кровати и низенькой скамейки, а по стенам развешана конская сбруя и висит воловья шкура, на которую правоверные становятся для молитвы. Все это покрыто толстым слоем пыли. Такова кунацкая. Потом я попривык к этим нероскошным помещениям и при случае рад был и им, но на первый раз не мог победить брезгливого чувства и обратился к Магомету с вопросом – не может ли он найти для меня более приличное помещение. Он со смущением отвечает, что это лучшая кунацкая в селе и что остановиться больше негде...»

На другой день путники доехали до аула Атажукино в долине Баксана (ныне сел. Заюково. – *И. М.*). Переночевав в Заюково, путешественники на следующий день отправились в дальнейший путь по берегам Баксана, часто переправляясь то на один, то на другой берег реки.

«Долина все у́же, горы самых разнообразных форм и цветов все отвеснее и выше. Мы уже едем часов восемь. Солнце скрылось за горами, и подул сырой прохладный ветер... Целый день, проведенный в седле, быстрая смена впечатлений, неустанный рев Баксана измучили меня», – писал Давидович в своих заметках о путешествии.

К восьми часам вечера они достигли аула Озоруково (ныне пос. Былым. – *И. М.*), где провели следующую ночь по дороге в Урусбиево. Давидович продолжал, что «наутро проснулся как встрепанный, от вчерашней усталости не осталось и следа, и в 8 часов утра я, бодрый и веселый, пустился в дальнейший путь. Окружающие нас горы становились все величественнее. К сожалению, погода начала портиться: по вершинам заползали туманы и, спускаясь все ниже и ниже, скрыли все из глаз... Заморосил дождь. Прикрывшись бурками и надев башлыки, мы молча едем по размытой дороге; то поднимаемся в гору, то спускаемся вниз, переезжаем скользкие, без перил и пляшущие под ногами мостики. Останавливаемся у стоящих близ дороги саклей, угощаемся кефиром или айраном. На вопрос – не уплатить ли хозяевам за напиток? – Магомет всегда отвечает:

– Не нужно. У нас за угощение не платят».

По дороге из Былыма путники встретили трех всадников, ехавших в Былым «по особо важному делу». Но узнав о том, что Давидович едет в Урусбиевский аул, один из встречных предложил:

– Вы едете в Урусбиево, так позвольте пригласить вас к себе: я, Биаслан Урусбиев, племянник владетеля. Но так как его теперь нет дома, то вы будете моими гостями.

Повернув коней, все трое всадников поехали вместе с Давидовичем и Магометом. По дороге, у ближайшей сакли, принадлежащей арендатору Биаслана (вероятно, в ауле Герхожан. – *И. М.*), Биаслан пригласил путников зайти в дом, немного отдохнуть и позавтракать.

«На очаге сейчас же запылал огонь, и через полчаса мы лакомились превосходным бараньим шашлыком, какой только умеют готовить горцы», – восхищался Давидович.

Позавтракав, они продолжили свой путь. В течение трехчасовой езды с Биасланом кортеж путешественников постепенно увеличивался, потому что каждый встречный горец поворачивал коня и присоединялся к ним, так что к аулу путники подъехали уже в сопровождении целого десятка горцев.

«Таковы правила горского этикета, – пишет автор цитируемых заметок, – чем более рады гостю, тем более народу должно провожать его и затем окружать по прибытии на место».

В шесть часов вечера Давидович и Магомет Конов прибыли в аул Урусбиево, выстроенный амфитеатром по склону горы на левом берегу Баксана.

«Сакли все бревенчатые, с крошечными оконцами и дверьми и земляными, поросшими травой крышами... Усадьба владельца только размерами отличается от окружающих саклей. Но кунацкая, в которую ввели нас, выстроена уже по образцу русских домов и ничем почти от них не отличается. Стены комнаты оклеены обоями, обстановка приличная; дощатый пол, стеклянные окна... Аул населен горскими кабардинцами, отличающимися языком от кабардинцев, живущих на плоскости...».

Владелец аула Измаил Урусбиев в качестве любезного и гостеприимного хозяина взял на себя все хлопоты по организации восхождения на Эльбрус.

«По его расчету, мне нужно было, – пишет Давидович, – не менее двух проводников до вершины горы и, кроме того, двух носильщиков, которые доставили бы теплое платье, топливо и пищу до места последнего на пути к вершине ночлега. За носильщиками, конечно, дело не стало, потому что эту обязанность может выполнить всякий горец. Но проводниками к самой вершине могли быть три человека: Соттаев и Джаппуев, водившие туда англичан, и Малай, побывавший на вершине Эльборуса в 1884 г. с венгером Дечи. Первые два, – пишет путешественник, – уже дряхлые старики и отказались наотрез. Малай – здоровый, солидный горец, с физически огромной силой и физиономией, внушающей доверие, после долгих отговоров согласился, но выразился при этом, что если бы я не был гостем Измаила, то он бы ни за какие деньги не согласился».

И это нежелание подниматься на Эльбрус стало вполне понятным Давидовичу, после того как Малай рассказал ему историю восхождения с Дечи...

Малай взял с собой молодого парня по имени Махай, который был отличным охотником и ходоком по горам. До подошвы Эльбруса Давидовича должен был сопровождать и Магомет Конов, а до последнего ночлега у снеговой линии и Биаслан Урусбиев. Он же должен был служить и переводчиком, так как никто из остальных не говорил по-русски. Измаил сам тоже было собрался с Давидовичем, но затем почему-то передумал.

«...Наконец, наступила пятница, 11 июля, готовы три лошади: для меня, Биаслана и Магомета, – давно у крыльца. А проводники и носильщики уехали вперед. Мы плотно позавтракали и, напутствуемые пожеланиями Измаила, садимся на лошадей и трогаемся в путь», – читаем мы в описании восхождения. Только к вечеру путники, измученные и уставшие, добрались до места первого ночлега.

«Но что это было за место! – восторгался Давидович. – Трудно себе представить что-нибудь живописнее и грандиознее. Ущелье Баксана замыкалось здесь громадным ледником Эльборуса – Азау, который огибал подошву горы и низко спускался в долину, в глубь соснового леса. Налево повис над ним короткий, но широкий ледник Донгуз-Оруна. А направо тянулось зеленое ущелье, заканчивающееся чрезвычайно крутым, похожим на ледяной водопад, Терсколом, тоже ледником Эльборуса, позолоченного последними лучами заходящего солнца».

Наутро путники пожарили шашлык, запили его айраном и двинулись дальше по боковому ущелью до ледника Терскол, чтобы непосредственно начать подъем.

– Если бы ты дал мне 1000 рублей, то и тогда я бы не пошел с тобой, – говорил Давидовичу кабардинец Магомет Конов, рассмотрев накануне предстоящий путникам подъем на вершину. Магомет остался на месте ночлега вместе с лошадьми и должен был дожидаться их возвращения с вершины. А Биаслан, двое носильщиков и двое проводников – Малай и Махай – вместе с Давидовичем стали подниматься по леднику Терскол вверх. Этот ледник спускается книзу крутыми террасами и изборожден такими глубокими и частыми трещинами, что перейти через него очень трудно. Проводники рассказывали путешественнику, что несколько лет тому назад «сваны спрятали в этих трещинах целый табун лошадей в несколько сот голов, украденных ими у Урусбиевых. Правда, большая часть этих лошадей так и погибла, потому что извлечь их из трещин не представлялось возможным».

Пройдя морену ледника, путники должны были пробраться к группе базальтовых камней, среди которых им надо было еще раз переночевать, а назавтра начать штурм самого Эльбруса...

Интересно напомнить, как описывает своих проводников и их снаряжение Давидович: «Четверо наших людей, – пишет он, – нагрузились всем, что нужно для ночлега у снеговой линии: дровами, бурками, съестными припасами. У каждого образовалась за плечами порядочная ноша, но они как ни в чем не бывало бодро пустились в путь и, как козы, прыгали с камня на камень. У каждого болтался за поясом кинжал, а у Малая, сверх того, висело за плечами ружье в косматом чехле и длинная подзорная труба. По временам он останавливался и наводил свою трубу на окружающие голые скалы в надежде увидеть тура. Но ничего не попадалось. Все мои товарищи одеты в свои обычные длиннополые черкески, не совсем удобные при восхождении на гору. Но обувь их вполне целесообразна. Она состоит из штиблетов или поршней из мягкой кожи с подошвой, сплетенной из мягкого ремня. Чулок или портянки заменяются альпийской травой; из нее же сделана стелька. Другими словами, эта обувь надевается на босу ногу, но зато нога, обутая таким образом, приобретает необыкновенную цепкость и устойчивость и не скользит даже на гладком льду. В руках у каждого из них длинная палка с железным наконечником».

Более часа ходьбы потребовалось путникам по леднику Терскол.

«Ходьба по льду – истинное мучение, – продолжает Давидович, – нога не находит точки опоры и скользит вниз со всею пришедшею в движение массою, и подчас так быстро, что падаешь и катишься по склону среди прыгающих камней. Такое приключение поминутно повторялось с кем-нибудь из нас и сопровождалось громогласным хохотом всех остальных, стоящих на ногах. Вообще веселое настроение не изменяло моим горцам ни на минуту», – свидетельствует автор заметок.

«С тяжелой ношей за плечами, обливаясь потом, шли они бодро, не умолкая ни на минуту; шуткам и прибауткам конца не было. Я с Бесла-

ном, – отмечает путешественник, – хотя и без ноши, продвигались вперед далеко не с такой легкостью».

Через некоторое время, после утомительного подъема, горовосходители добрались до предполагаемого места ночлега у самой снеговой линии Эльбруса. Место это представляло собой «навес, образуемый скалою, под которой кое-как можно поместиться половине нашей партии, другая половина пристроилась под другим таким же навесом. В нашем помещении были видны следы пребывания человека; открытая сторона навеса защищена каменной кладкой или оградой, валяется старое сено, клочки бумаги, бараньи косточки. Это следы, оставленные в позапрошлом году предшественниками моими, Дечи и его спутниками, которые тоже здесь проводили ночь».

Остается лишь добавить, что Малай очень точно вывел своих товарищей на место своего ночлега с венгерским альпинистом.

На высоте около 11 тыс. футов путники устраиваются на ночлег, разводят костер, готовят чай, начинают сушить свою одежду. Но Малай, осознавая свою ответственность за успех всего восхождения, выпив стакан чаю, взял свою длинную палку-мужра и отправился разведать дальнейший путь к вершине. Вскоре после его ухода с гор потянуло туманом, все моментально затянуло непроницаемой пеленой, и восходители «очутились, как в аэростате, среди белого, как молоко, туманного моря, в котором и в двух шагах ничего невозможно было разглядеть». Вдруг из тумана «вынырнула высокая мощная фигура Малая. Каким образом он нашел обратную дорогу к месту стоянки – оставалось большим секретом, вызвавшим всеобщее удивление», – восхищался Давидович. Он объяснил, что снег впереди крепкий и плотный, а значит, и удобный для восхождения. Горцы объяснили путешественнику, что такой «сухой туман», наступающий обыкновенно вечером и исчезающий утром, не может помешать завтрашнему подъему. Здесь очень уместно вспомнить, как предугадывал погоду Хиллар в 1829 г. И действительно, предсказание горцев исполнилось: туман простоял до ночи, а потом начал редеть и к полуночи совершенно исчез. Эту ночь Давидович спал плохо, поминутно смотрел на часы, и как только они показали два часа, стал будить «своих храпевших проводников и приказал им собираться в путь».

Последний этап восхождения проходил, по словам путешественника, следующим образом: «В три часа ночи мы, т. е. Малай, Махай и я, тронулись в путь. Остальные (т. е. Биаслан с товарищами. – *И. М.*) не пошли с нами. Перед нами открылась обширная снеговая равнина, служившая пьедесталом двуглавой вершины Эльборуса. Снег лежал ровный, покрывал пространство однообразной пеленой. Очень мало скал выглядывало из-под нее... Снег был плотный, нога не вязла и идти было легко. Впереди шел Малай, за ним Махай, а потом я. Малай шел медленно, ощупывая снег палкой. Но в одном месте он как-то не остерегся и провалился по пояс в невидимую трещину. «Аркан!» – крикнул он глухим голосом. Махай подал ему конец длинной толстой веревки и без особого труда вытащил его. Мы сейчас же перевязались этой веревкой так, что она соединила нас на сажень друг от друга, и в прежнем порядке мы двинулись дальше, – читаем

мы у Давидовича. – Кругом была мертвая, поистине могильная тишина, и мы не прерывали ее ни одним словом, – продолжает автор. – Только снег хрустел под ногами... Мы все шли по направлению к вершине. Малай часто останавливался, втыкал палку глубоко в снег и, нащупав пустоту, поворачивал назад, и мы далеко обходили опасное место. Таким образом мы продвигались часа три. Подъем становился заметнее: начиналось восхождение на самый конус горы. До этой минуты я почти не сомневался в успехе, но, когда начался подъем, не крутой, но по сыпучему, довольно глубокому снегу, я вдруг почувствовал слабость в ногах – особенную характерную слабость, которая появляется на высоте около 13 тыс. футов и составляет первый симптом, первое действие разреженного воздуха... Но верхушка кажется так близко, что я не отчаиваюсь в успехе.

– Ну что, близко уже? – обращаюсь я к своим молчаливым спутникам.

– Близко, – повторяет Малай.

...Мы присаживаемся отдохнуть, спутники мои начинают закусывать, но мне не до еды. Я весь поглощен вопросом: «Дойдем или не дойдем?..» Верхушка Эльборуса как будто курится, как будто дымится: это ветер гуляет в вышине и сметает снег с обледенелой макушки гиганта... После короткого отдыха мы поднимаемся и идем дальше. Но мы не прошли и сотни шагов, как одышка и увеличивающаяся слабость в ногах заставили меня остановиться. Постоял минуту – и вперед. Я начинаю считать шаги, насчитываю 70 и падаю на снег в полном изнеможении. Останавливаются и проводники; они тоже побледнели и дышат тяжело, но все-таки бодрее меня. Опять поднимаюсь, собираю всю энергию и решаюсь сделать без отдыха не менее ста шагов, но не успеваю сделать и пятидесяти, как силы уже истощились. В ногах – слабость, как будто бы их подрезали, дыхание тяжелое, сильное сердцебиение; чувствуется какая-то сонливость и апатия. Действие разреженного воздуха усиливается с каждым шагом. А обледенелая верхушка Эльборуса так близко, так ярко играет на солнце.

– Ну что, Малай, далеко еще?

– Далеко, – отвечает Малай, очевидно, не поняв вопроса,

– Дурак! – не утерпел я ему в ответ.

Поднимаюсь и иду вперед, придерживаясь за веревку, которой мы перевязаны. Но я могу сделать уже без отдыха только двенадцать шагов, потом только семь... После каждого шага нужно переводить дух, после 4–5 шагов нужно ложиться... Малай что-то говорит мне по-кабардински (? – *И. М.*), но видя, что я не понимаю, разражается русской фразой – единственной, которую я от него слышал: «Худа камень!» – и протягивает руку по направлению к вершине. Что он хотел сказать – Господь его знает, но я решаюсь и командую своим молодцам:

– Гайда домой!

Они повинуются с видимой охотой...

Но прежде, чем начать спуск, мы садимся на снег и принимаемся созерцать окружающие нас виды. Боже, какая необъятная картина развертывается перед нами. Верст на четыреста кругом все было видно, как на ладони. В бинокль виден был даже идущий по морю пароход...

В 9 часов с четвертью мы пускаемся в обратный путь, в полдень подходим к нашей пещере. Биаслан радостно нас встречает и забрасывает вопросами. Но мы уже не в силах отвечать: бессонная ночь, девятичасовой тяжелый подъем вконец измучили нас... Часа через два я проснулся, и мы начинаем спускаться в долину... Переночевали в пастушьей хижине и на следующий день отправились в Урусбиево», – завершает свой рассказ С. Ф. Давидович.

По дороге в Урусбиево путников встретил аталык Биаслана, т. е. воспитатель его дочери, и пригласил к себе на обед. Вероятно, это было в поселке Тегенекли. Гостеприимный горец, которого Давидович, как и всех других, называет кабардинцем, вчера убил трех туров и приглашал разделить с ним трапезу. Гостей сытно угостили турьим мясом, напоили айраном и одновременно забрасывали вопросами. Но, увидев, что Давидович интересуется их ружьями, с которыми урусбиевцы ходят на охоту, горцы поочередно хвалились своими длинными одноствольными винтовками с кремневыми замками.

«Не только пули, но и порох они до сих пор готовят сами, – рассказывает путешественник. – По моей просьбе началась стрельба в цель. Стреляют они метко; на расстоянии трехсот шагов ни одна пуля не вышла из мишени величиной в квадратный аршин», – восхищался Давидович.

После обеда путники распрощались с хозяином и направились в аул. В ауле их встретил сам Измаил. Он подробно расспросил их о восхождении, успокоил их, что не достигли вершины. На вопрос Давидовича:

– Но почему вы сами ни разу не сделали попытку подняться на Эльбрус, ведь при вашей неутомимости и привычке к горам вам это не составляет труда?

Он ответил путешественнику:

– Напрасно вы так думаете. А я и без того уже в течение моей жизни много раз рисковал ею.

Далее путешественник рассказывает, что весь следующий день он посвятил беседе с Измаилом Мырзакуловичем и приехавшим накануне из Москвы его сыном Сафаром, «очень симпатичным молодым человеком, кончившим в этом году курс в Петровско-Разумовской академии. Сафар совершенно чисто говорил по-русски и усвоил себе все русские привычки, хотя не забыл и горские: ходит в национальном костюме и с оружием, не ест свинины, в глухую ночь ездит верхом по головоломным тропинкам». А Измаил, по словам его гостя, с увлечением развивал свои любимые теории по археологии и этнографии Кавказа, рассказывал народные сказания и легенды, вспоминал про гостивших у него в разное время ученых, путешественников – англичан, венгров, профессоров Мушкетова, Ковалевского, Иванюкова, Абиха, Танеева и многих других, которые пользовались его гостеприимством, опытом и знанием Кавказа и населяющих его народов.

На следующий день Давидович покидал княжеский аул. Измаил Урусбиев сказал ему на прощание:

– Приезжайте на будущий год, возьмите с собой ружье и фотографический аппарат; будем делать снимки и охотиться. Привозите с собой своих

друзей, знакомых. Мы всегда рады гостям, в особенности таким, которые любят Кавказ.

Простившись с Измаилом и десятком горцев, вышедших его провожать, Давидович вместе с Магометом Коновым на свежих, заново подкованных лошадях выехали из аула в сопровождении одного из урусбиевцев, так как Магомет не знал дороги через перевал. Сразу за аулом начался подъем на Кыртыкский перевал, который ведет в верховья Малки и далее через аул Ысхауат и Бермамытское плато в Карачай и Кисловодск.

«Мы ехали по краю глубокой расселины, в глубине которой мчится и бурлит маленькая речка Кыртык», – писал путешественник. В одном месте путникам было очень трудно, а сам Давидович даже чуть было не упал с лошади.

«– Не бойся, не бойся, барин, – заговорил проводник-урусбиевец, – мы тут зимою овса возим. Смотри на моя. – И, подбодрив своих товарищей, он подобрал поводья, ударил лошадь плетью и начал спускаться. За ним последовал Магомет, и наконец, сделав над собой усилие и стараясь не смотреть вниз, тронулся и я», – читаем мы в путевых заметках.

Через три часа подъемов и спусков они достигли высшей точки Кыртыкского перевала. Перед путниками открывался спуск в глубокую котловину, образуемую Эльбрусом и его предгорьями. Спуск был не особенно крутым. Местами попадались на глаза пастушьи коши и стада овец, «охраняемые людьми в бурках и громадными собаками, провожавшими нас неистовым лаем». К пяти часам пополудни они добрались до широкой котловины, «в которой был расположен кош Измаила и паслись его стада овец и рогатого скота. Рано было еще располагаться на ночлег, но проводник заявил, что впереди на протяжении нескольких часов нет больше ни одного коша. Нечего было делать, приходилось здесь ночевать. В первый раз предстоял мне ночлег у костра, под открытым небом, – пишет Давидович, – так как никакой постройки не было и весь кош состоял из двухколесной арбы, нагруженной всевозможными молочными продуктами. Сыра, масла, молока, кефира и айрана было великое изобилие... Сейчас же один из пастухов сел на осла и, погоняя его обухом топора, помчался в березовую рощу. Через полчаса он вернулся уже пешком, ведя за собой осла, тяжело нагруженного дровами... Гостеприимные пастухи хотели заколоть для меня «агнца» и угостить шашлыком, но я отказался и поужинал с ними сыром и молоком», – рассказывает путник.

Переночевав с пастухами, рано утром, еще до восхода солнца, наши путешественники двинулись дальше. Отсюда они направились к истокам Малки, переправились через нее и стали подниматься на противоположную ее сторону. Здесь с прилегающих к истокам реки высоких горных кряжей открывается величественный вид на Эльбрус. Отсюда исполин предстает перед глазами во всей своей красе от основания и до верхушки. Проводник советовал Давидовичу свернуть немного в сторону, чтобы осмотреть великолепный по красе водопад и ледник Уллу-Малиен-дыркъы. «Вблизи этого водопада, – писал Давидович, – находился углекислый источник, славившийся своими лечебными свойствами, и здесь же мы мо-

жем видеть надпись, высеченную на скале: *«11 июля 1829 года стоял здесь лагерем генерал Емануель».* С этого лагеря, – продолжает он, – начал свое восхождение на Эльбрус отряд во главе с русскими академиками. Но время было дорого, и я не мог тратить его на осмотр этих достопримечательностей», – огорчался Давидович.

В рассказе Давидовича в данном случае интересно то, что место стоянки лагеря Емануеля и надпись, сделанную по поручению Емануеля, хорошо знали местные жители и, в частности, проводник-урусбиевец, сопровождавший путешественника из аула Урусбиево.

Проводив своих подопечных далее к Бермамыту верст за двадцать, проводник, пастух из Урусбиевского аула, объяснил Магомету дальнейший путь, а сам вернулся в аул на Баксане.

Вскоре путешественник выехал с Магометом на аробную дорогу, повстречал русских переселенцев из Смоленской губернии, которые занимались перевозкой леса, поговорил с ними и поехал дальше в Кисловодск, который он называет в своих путевых записях «кавказским раем».

НА ЭЛЬБРУСЕ ПРОФЕССОР ГОЛОМБИЕВСКИЙ

В 1877 г. Кавказским военно-топографическим отделом была предпринята попытка произвести точные триангуляционные и топографические съемки самого Эльбруса и прилегающих вершин с их ледниками. Эта ответственная работа была поручена топографу М. К. Голомбиевскому. В том же году он снял все склоны и ледники Эльбруса, вершины у истоков Баксана и Малки, и все это нанес на одноверстную карту. Тогда же Голомбиевский поднялся до высоты 15 750 футов.

Вот как он описывает ход своей работы в том году: «В 1877 г. съемки ледников начаты были в августе, как в лучшее для ходьбы по снеговым горам время года. Лагерь мой находился тогда близ коша на речке Терскол, т. е. в самых верховьях Баксана... Шестого августа в 4 часа вечера я выступил из лагеря в сопровождении шести казаков и направился к леднику Азау по обыкновенной тропе, ведущей к перевалам Джиппер и Хотю-тау... Ночевали на снеговой линии, на высоте 10 360 футов.

Седьмого августа, выбравшись по склонам на снежную равнину, мы направились к горе Уллу-кам... Но подняться на горы Азау-баши и Уллу-камбаши не удалось из-за множества трещин, совершенно преграждавших нам путь. В одной из них я, провалившись, едва не погиб: спасением своим я обязан вовремя подоспевшим казакам.

Восьмого августа и следующий день я пробовал подняться на гору, но ничего сделать не мог, так как вершина Эльбруса и другие нужные мне точки были закрыты облаками.

Десятого августа я был гораздо счастливее, так как мне удалось выполнить всю необходимую работу, и мы тронулись дальше, к одной из ледяных вершин над ледником Гара-баши-чиран, чтобы в выдающихся изо льда скалах устроить себе приют.

С 4 часов небо начало заволакиваться тучами, и мы совсем ощупью добрались до ночлега.

Одиннадцатого и двенадцатого погода стояла прекрасная, тихая, при совершенно чистом небе, так что оба дня я покидал свое убежище до самого вечера и проработал весьма успешно... Тринадцатого августа я командировал одного казака за провизией в лагерь, а с остальными поднялся по хребту к скалам на 13 461 фут, где мы и решили обождать получение провизии и после этого продолжать восхождение к вершине Эльбруса. Четырнадцатого мы получили провизию и затем 15 августа в час ночи стали подниматься по хребту, – рассказывает ученый. – Не прошло и получаса, – продолжает он, – как с двумя казаками сделалось дурно, однако они быстро оправились... Между тем ветер начал усиливаться и стал уже срывать снег. Перед рассветом мы успели подняться на высоту 16 030 футов и дойти до скал... Ветер все усиливался, – повествует Голомбиевский.

...Наконец рассвело, и мы увидели, что вершина Эльбруса совсем закрыта облаками, которые спускались все ниже и ниже. Оставив казаков под скалой, я решил пойти в одиночку к ущелью, идущему от седловины между вершинами Эльбруса к югу, но вскоре и я должен был остановиться у небольшой скалы на высоте 17 150 футов, идти дальше было невозможно. Я вернулся к казакам, и мы стали понемногу спускаться. По всему было видно, что скоро разыграется непогода», – с огорчением писал Голомбиевский.

Так оно и случилось. 36 часов пришлось профессору и его казакам выдерживать на ледниках Эльбруса очень сильную пургу. И лишь семнадцатого августа к восьми часам утра буря немного утихла, и восходители смогли выйти на работу на ледник Терскол. Восемнадцатого числа весь день группа работала на этом леднике, а девятнадцатого вернулась обратно в свой лагерь у коша урусбиевцев.

Таким образом, в том году Голомбиевский с казаками пробыл на ледниках Эльбруса 12 суток.

В следующем, 1878 г. он дважды совершил восхождение на Эльбрус: первый раз 29–31 июля, второй 11–13 августа. Из-за непогоды первое восхождение его было вовсе не удачным, к тому же из восьми его казаков на сей раз шестеро заболели, и он вынужден был вернуться в лагерь.

Двадцать пятого июля 1888 г. в Урусбиево прибыл начальник Военно-топографического отдела генерал-майор Е. А. Жданов для проверки работ М. К. Голомбиевского и остался доволен его результатами. Во второй попытке 1888 г. Голомбиевского сопровождал геолог барон Унтерн-Штернберг. На этот раз лагерь ученого, по его словам, «находился на реке Ирик-су на высоте 7496 футов, в 15 верстах от аула Урусбиево... Первоначально спутниками нашими были, – пишет он, – десять казаков и всадник

земской стражи, но когда мы подошли к нижней оконечности ледника Ирик-чат на высоте 10 190 футов, всадник с одним казаком и вьючная лошадь были отправлены в лагерь, а самое необходимое имущество с вьюка было разбросано по рукам. Мы стали подниматься по леднику в составе 11 человек...»

Двенадцатого августа утром казаки были выстроены в линию и связаны один с другим веревкой, как советовал им барон, пристроившийся и сам между казаками.

«Не доходя до вершины с версту, на высоте 14 756 футов мы добрались до скал, где устроили свой ночлег», – писал Голомбиевский.

Всю ночь дул довольно сильный ветер, который к утру еще более усилился. По его направлению с Черного моря и двигавшимся тучам топограф заключил, что они потерпят неудачу, и поэтому предложил барону спускаться, тем более что четверо его казаков оказались нездоровыми. Однако погода несколько прояснилась, и они вновь продолжили путь и добрались до седловины, где и провели ночь под страшной снежной метелью.

По пути к седловине им попался очень коварный участок, покрытый гололедицей, едва не погубившей всю связку альпинистов. Этот участок напомнил Голомбиевскому одну легенду, «существующую между туземным населением и рассказанную в 1887 г. покойным Измаилом Урусбиевым. Легенда эта повествует о том, что между вершинами Эльбруса, пониже седловины, есть родник с теплой водой, выходящей наружу двумя струями, одна из которых дает живую воду, другая – мертвую. Стережет этот родник особого рода орел, который на всякого дерзкого, взбирающегося на вершину, сначала напускает метель, а если это не заставит его вернуться, выклевывает ему глаза».

Проведя ужасную ночь под метелью «того легендарного орла» на седловине, группа на следующий день к 6 часам 30 минутам добралась обратно до коша на речке Терскол. Так закончилось второе восхождение Голомбиевского и барона Штернберга.

Хотя вершина и не была достигнута, работы Голомбиевского заложили прочную основу научному обследованию как самого Эльбруса, так и прилегающих к нему ледников и горных вершин. Кроме того, работы этого ученого интересны и тем, что он сохранил целый ряд интересных туземных названий высочайших ледников. Таковы, например, ледники Уллу-чиран (Большой ледник), Кынгыр-сырт (Кривое плато), Микель, Гитче (т. е. Малый), Уллу-чул (т. е. Большой камень), Кара-чул (Черный камень) и т. д. Небезынтересно, что ледник Уллу-чиран, из которого вытекает Малка, у карачаевцев и балкарцев, по словам Голомбиевского, имеет и другие названия, как то: Бурун-таш-чиран (Ледник носового камня), Нарт-джол-чиран (Ледник дороги нартов) и т. п.

Уместно отметить, что река Малка вытекает из ледника Уллу-чиран и вначале, до минерального источника Джилы-су (т. е. Теплая вода), носит название Кызыл-кол (т. е. Красный рукав). А читатели уже знают, что именно в этом месте находился последний лагерь Емануеля. Минераль-

ный источник Джилы-су был обследован еще Абихом в 1853 г. Он очень богат железисто-углекислой водой и имеет постоянную температуру 18,8 градуса, бьет двумя ключами со значительной силой. Ученый писал, что «источник Джилы-су имеет большое сходство со знаменитым нарзаном в Кисловодске, только он теплее, чем нарзан, на 7 градусов. В летнее время сюда стекается много больных жителей. Купанье происходит в двух ямах, из коих верхняя предназначена для женщин, а нижняя – для мужчин. Сейчас же выше источника Малка образует водопад, называемый Кекрексу, высотой около 15 саженей. Над ним, – пишет ученый, – есть природный мост, называемый Таш-кепюр» (т. е. Каменный мост. – *И. М.*). Последние слова не оставляют сомнений в том, что речь идет о месте лагеря Еманеля у истоков Малки.

В рассказах Голомбиевского примечательны описания истоков Баксана, который образуется из трех ручьев. Наибольший между ними вытекает из-под ледника Азау, второй – из ледника Терскол, а третий – из озера Донгуз-Орункел, находящегося на высоте 8603 фута. По его описаниям, «в двух верстах ниже слияния этих трех ручьев, на правом берегу Баксана, имеется на высоте 6384 фута многоводный, холодный, сильно железистый родник Баксан-баши-уллу-гара (т. е. Большой нарзан верховьев Баксана. – *И. М.*). Больные жители им не пользуются, но животных сюда пригоняют на водопой. Вверх по реке Кыртык-су, в двух верстах от аула Урусбий, есть еще один минеральный источник, солено-кислый родник, – пишет Голомбиевский. – К нему тоже пригоняют скот в летнее время...

Над аулом Урусбий, – продолжает ученый, – есть озеро Сылтран-кель на высоте 10 542 фута над уровнем моря и 5516 футов над аулом. Это озеро производит иногда наводнения на аул, что, по рассказам жителей, случается один раз в семь лет».

Завершая рассказ Голомбиевского об Эльбрусе и его окрестностях, следует отметить, что, по его сведениям, «с низовьев Баксана идет по ущелью колесная дорога, доходящая до селения Урусбиево, но она в хорошем состоянии только до входа в само ущелье, где расположен сыроваренный завод братьев Урусбиевых».

ХАДЖИ ЗАЛИХАНОВ И АКБАЙ ТЕРБОЛАТОВ – ПОМОЩНИКИ ПАСТУХОВА

В 1890 г. великий русский ученый, топограф, исследователь Кавказа Александр Васильевич Пастухов в очень трудных условиях совершил восхождение на Эльбрус. Он первым из русских альпинистов покорил его высочайшую точку – Западную вершину. А спустя шесть лет, в 1896 г., под-

нялся и на Восточную вершину, куда первым проложил тропу знаменитый Хиллар.

В тяжелейших погодных условиях Пастухов сделал топографическую съемку обеих вершин Кавказского гиганта. Именно ему принадлежит и первая попытка связать сеть закавказской триангуляции с триангуляцией Северного Кавказа.

Хотя А. В. Пастухов прожил до обидного мало – всего 39 лет, тем не менее ни общегеографические, ни альпинистские его достижения до сих пор не перестают удивлять и привлекать внимание специалистов.

...Двадцать седьмого июля 1890 г. в 5 часов вечера А. В. Пастухов в сопровождении восьми казаков Хоперского полка и проводника-свана перевалил через перевал Донгуз-Орун из Сванетии на Северный склон и в 8 часов остановился у урусбиевского коша близ слияния речек Азау и Терскол. Здесь он радушно был принят пастухами-урусбиевцами, которые были заняты покосом. Переночевав с горцами, Пастухов на следующий день оставил здесь одного казака и свана с лошадьми, а сам с остальными двинулся на штурм Эльбруса. К 10 часам они достигли середины ледника Терскол, по которому пролегал их путь к вершине. С 28-го по 31 июля добиралась группа Пастухова до вершины, проводя попутно все необходимые топографические съемки, измеряя температурный режим горы (*ил. 121*).

«Наконец, 31 июля в 9 часов 20 минут, – пишет А. В. Пастухов, – я взошел с северо-восточной стороны на самую высшую точку Эльбруса, высота которой равняется 18 470 футам. Через 10 минут после меня взошли сюда и мои казаки Дорофей Мернов, Дмитрий Нехороший, Яков Таранов... На самой высшей точке Эльбруса мы поставили флаг из красного кумача, длиной 4 аршина и шириной 3,5 аршина, на деревянном шесте, длиной в 7,5 аршина. В двух саженях от флага воткнули палку, а в шести саженях к северу на камнях поставили бутылку с запиской... Пробыв на вершине 3 часа 40 минут, мы стали спускаться вниз», – писал Александр Васильевич.

В августе 1896 г. А. В. Пастухов предпринял второе восхождение. На этот раз он избрал Восточную вершину. Вместе с ним был его студент Петербургского университета Виктор Воробьев. В ауле Урусбиевых он нанял четырех проводников: Хаджи Залиханова, Акбая Терболатова, Бочая Урусбиева и Сеида Курданова.

Первый ночлег группы состоялся на высоте 12 630 футов над уровнем моря, на небольшой площадке среди скал. На высоте 14,5 тыс. футов Пастухов видел громадную ледяную пещеру, образование которой он объяснял существованием здесь теплого источника. Весьма примечательно, что такое объяснение ученого перекликается с вышеприведенной легендой, которую рассказывал Голомбиевскому Измаил Урусбиев.

«...Впереди на высоте 15 358 футов виднелись скалы, – писал Пастухов об этом восхождении, – где мы еще шесть лет назад имели привал, куда я теперь и решился поскорей добраться и там приготовить чай. А так как Воробьев чувствовал большой упадок сил, то я ему посоветовал, не насилуя себя, идти потише. Оставив около него одного носильщика, я с дру-

гим отправился поскорей к упомянутым скалам. Продвигаясь вперед, я ежеминутно оглядывался на больного; он все медленнее шел и все чаще останавливался. Вдруг он поскользнулся и упал, но, благодаря небольшой покатости, удержался на месте, и только свалившаяся с него папаха покатилась вниз и исчезла бесследно. Я взял у носильщика вещи, а ему приказал спуститься вниз и помогать Воробьеву идти, а главное – не допустить его до нового падения, которое могло окончиться не так счастливо, как первое. В то же время я стал кричать Воробьеву, спрашивая его, не желает ли он вернуться назад, но он решительно отказывался. Я уже был на камнях и хлопотал над приготовлением чая, не переставая следить за медленно продвигавшимися спутниками, как вдруг увидел, что Воробьев уронил палку, зашатался и упал, но на этот раз на руки носильщиков (Хаджи и Акбая. – *И. М.*). Я несколько мгновений ожидал, – рассказывает Пастухов, – что он поднимется на ноги, но он продолжал лежать, поддерживаемый носильщиками, и его голова и руки безжизненно висели. Тогда я стал звать его, но в ответ один из носильщиков закричал, что «он уже издох», и в то же время они медленно стали опускать его на снег. Это известие, как громом, поразило меня, и я побежал к нему, но не успел я добежать до него, как он поднял голову и на мой вопрос, что с ним, слабым голосом ответил: «Дурно, головокружение». Обморочного же состояния не ощущалось, и я объявил, что дальше ему идти нельзя, но он протестовал. Носильщик Акбай взял его под руки, и они медленно стали спускаться», – писал Пастухов.

На этот раз вершины Эльбруса достигли в 2 часа дня 28 августа. На вершину взошли А. В. Пастухов и Хаджи Залиханов. На вершине их застала сильная метель, не прекращавшаяся и при спуске. Александр Васильевич писал, что «метель не прекращалась ни на минуту, а, наоборот, все более усиливалась. Снег, мелкий, как пыль, и сыпучий, как песок, заносил нам дорогу, маскировал встречающиеся трещины, залеплял глаза, и каждый шаг вперед соединялся с опасностью для жизни... Наступила ночь, а с нею и непроглядная тьма, и мы должны были остановиться...».

Вырыв яму в снегу и прикрывшись в ней единственным пальто, так как вся теплая одежда была оставлена на месте ночлега, Пастухов провел со своим спутником Хаджи Залихановым ужасную ночь.

«И не прекратись под утро бушевавшая всю ночь метель, их ждала бы верная гибель. На следующий день они соединились с остальными спутниками, которые считали их уже погибшими, и благополучно спустились к подошве Эльбруса», – писал об этом восхождении известный кавказовед В. М. Сысоев.

Так завершились научные экспедиции А. В. Пастухова, к выдающимся успехам которого имеют прямое отношение горцы из Верхнего Баксана – Аслан-Хаджи Залиханов, Акбай Терболатов, Бочай Урусбиев и Сеид Курданов. Имена этих отважных горовосходителей достойны благодарной памяти потомков. Их подвиги с успехом продолжают внуки Аслан-Хаджи Залиханова – Герой Социалистического Труда академик М. Ч. Залиханов, заслуженный мастер спорта по альпинизму Х. Ч. Залиханов и многие другие сыны Балкарии и Карачая.

ОТВАЖНЫЙ КВАРТЕТ ГОРЦЕВ НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

По поручению Императорского Русского географического общества в августе 1898 г. в Пятигорск прибыл Николай Васильевич Поггенполь. Одиннадцатого числа он отправился в Приэльбрусье с целью осмотреть склоны Минги-тау, для того чтобы подобрать надлежащее место, где можно было бы поставить горную метеорологическую станцию. В 1897 г. эту задачу Поггенполь выполнить не смог из-за непогоды, а потому на сей раз он был настроен весьма решительно, и почти маршевым броском в 6 часов вечера того же дня он прибыл в сел. Кеделен (Гундулен), где ему отвели довольно порядочную комнату в сельском правлении. К нему немедленно прибыл староста, с которым он должен был условиться насчет найма лошадей для достаточно тяжелого вьюка.

«От него я узнал, – пишет путешественник, – что по долине Баксана снесен мост около урусбиевской сыроварни и поэтому нужно было делать большой круг по горам, над левым берегом Баксана. На следующий день, 12 августа, в 7 часов утра лошади были готовы, и мы втроем, т. е. я, повар-француз (Эмиль. – *И. М.*) и один проводник-татарин, покинули селение», – записал в дневнике Поггенполь.

В час дня путники доехали до Наурузовского хутора, а в пять часов вечера добрались до аула Герхожан, но не остановились в нем, с намерением до вечера добраться до аула Чалмас. Но в тот день до Чалмаса они не добрались и вынуждены были заночевать под открытым небом.

Тринадцатого августа в 3 часа дня группа Поггенполя прибыла в Урусбиево. «Князь Урусбиевский Науруз Измаилович, которого я знал еще с прошлого года, предупрежденный о моем приезде, выехал мне навстречу и любезно предложил мне остановиться у него в доме, – писал путешественник. – Я с тем большим удовлетворением принял его приглашение, – продолжает он, – что хозяин дома был человеком в высшей степени приятным и симпатичным, во всех отношениях образованным, с которым можно было вести оживленный и разнообразный разговор на какую угодно тему. Вечером того же дня князь привел мне трех местных жителей, татар, охотников за турами, которые согласились меня сопровождать в ледники Эльбруса; их имена: Молай Терболатов, Аппай Ахкобеков и Исса Казаков», – свидетельствует Поггенполь.

Следующие три дня путешественник посвятил осмотру окружающей местности, поднимался к Сылтранскому озеру и одноименному небольшому леднику, посещал долину реки Адыр-су, любовался открывающимися оттуда картинами кавказской природы.

Девятнадцатого августа при чудной погоде он решил отправиться к подножию Эльбруса. «Меня сопровождали, – пишет он, – князь Урусбиев, три татарина, повар Эмиль и один любитель из Урусбиевского аула, некто Ахматов, пожелавший отправиться со мной в ледники».

В 12 часов дня путники сделали привал в одном из самых прекрасных мест долины Баксана, где в Баксан впадает Адыр-су и открывается живо-

писное ущелье Адыр-су с целой плеядой ледников и высоких фирновых полей. В 4 часа пополудни они выехали в верхнюю часть долины, и тут в коше, у слияния Терскола с Баксаном, их сердечно приветствовал пастух, в семействе которого Поггенполь в прошлом году провел 5 дней, скрываясь от непогоды.

Проехав дальше, путники к вечеру добрались до нижних окраин Азауского ледника, где стояла сторожка казаков-стражников, занимавших здесь санитарный пост, для предупреждения перегона скота из Сванетии, где бывали случаи чумы у скота. Здесь у этой сторожки путники остановились на ночлег и стали готовиться к дальнейшему пути.

По описанию Поггенполя: «20 августа началось с ясного, чистого утра, погода была чудная. В 8 часов утра все было готово, и мы покинули Азауский ледник. Князь Урусбиев со своими людьми отправился на охоту и обещал к вечеру прийти на ночлег, а я с татарами и вьючными лошадьми двинулся к крутому уступу, отделяющему долину Баксана и Гара-баши... В первом часу мы сделали привал у ручья в верхней части долины ледника Гара-баши», – писал путешественник.

Отсюда группа прошла на Терскольский ледник, «где татары нашли удобное место для ночлега и стали втаскивать вещи. Пока они ставили палатку и разводили огонь, Поггенполь поднялся на вершину одного из хребтов и достиг той площадки за последним выступом гребня, который хотел осмотреть. Место это, расположенное на высоте 12 300 футов, имеет в длину 100 саженей и ограничено с юга скалистым гребнем, с севера упирается в ледниковое поле, а с востока и запада, по словам Поггенполя, плавно спускается в долину к ледникам Гара-баши и Терскол. Возведение здесь постройки, – пишет ученый, – не представляется трудным мероприятием, так как неглубокий снег легко может быть удален при постройке фундамента, для которого здесь же под рукой имеется превосходный материал – куски трахита и порфира. Именно на этой площадке предполагал Поггенполь построить метеорологическую станцию. Типом здания, по его мнению, могла быть деревянная постройка на каменном фундаменте, с двойными стенами.

Обосновывая свое мнение о станции, он писал: «Минимальное требование – это чтобы в ней было три комнаты: одна для кухни и помещения для проводников, другая для путешественников, третья – холодная, для приборов. Инвентарь станции, кроме, конечно, самопишущих приборов и инструментов, должен состоять из двух железных переносных печей с вытяжными трубами, двух деревянных столов, нескольких стульев, деревянных нар с сеном и войлочными одеялами и кухонной посуды. Ключ от здания мог бы храниться у князя Науруза Урусбиева, весьма интересующегося постройкой станции и выражавшего полное желание всеми средствами содействовать осуществлению этого проекта».

Таким образом, главная задача, которую преследовал Поггенполь, была выполнена, он подобрал подходящее место для постройки высокогорной метеорологической станции на ледниках Эльбруса. Но желание выяснить,

нельзя ли еще выше, под самой вершиной горы устроить такую же станцию, побудило его предпринять восхождение на Эльбрус.

«Ночь накануне была тихая, термометр показывал 15 градусов, на ясном небе горели яркие звезды, и нигде не было видно ни единого облачка. Все предсказывало хорошую погоду, – писал исследователь. – Один только Аппай помотал головой и сказал, что «слишком спокойно!». Вероятно, опытный охотник за турами предчувствовал что-то неладное с погодой назавтра».

Николай Васильевич писал в своем отчете: «В 12 часов ночи мои три охотника, некий Хаджи Ахматов из Урусбиевского аула и я, сердечно простившись с князем и его людьми, двинулись в путь... Развернули веревку и перевязались ею в следующем порядке: впереди шел Молай Терболатов, наиболее опытный охотник, вооруженный одним из моих топоров, за ним я, двое других татар и в конце Хаджи Ахматов. На одном из участков в трещину глубоко провалился шедший впереди Молай Терболатов. Только благодаря соединявшей нас веревке его удалось сейчас же вытащить из темной пасти трещины. В общем, мы поднимались довольно спокойно».

Путники, ведомые Молаем, тщательно осматривали все трещины, осторожно, со страховкой преодолевали их и продвигались все выше и выше. Но вскоре «на крайнем зубце Восточной вершины Эльбруса появилось маленькое облачко. Татары сейчас же заявили, что это является предвестником жестоких снежных бурь, и предложили вернуться обратно... Тем временем совсем рассвело, снега окрасились вокруг нас ярким розовым светом восходящего солнца», – отмечает Поггенполь.

В 6 часов утра они достигли первой группы скал на подступах к вершине, а уже к 7 часам погода заметно стала портиться. Ветер становился сильнее. Над вершиной Эльбруса крутилось густое молочное облако, через перевалы Главного хребта приближались свинцово-серые массы тумана. Все предвещало ужасную непогоду. По словам Поггенполя, путники «с величайшим трудом пробирались к Восточной вершине, ветер буквально срывал их с места и пронизывал насквозь, покрывал с ног до головы ледяной пылью, из губ сочилась кровь, а дыхание примерзало к усам и бороде. Теперь уже восхождение становилось настоящим мучением, – пишет автор заметок. – На высоте 15 700 футов мы нашли разрушенную скалу лавы с правильно сложенными кусками ее, положенными один на другой, в виде стены. Как я впоследствии узнал, – продолжает путешественник, – стену эту в 1891 г. сложил топограф Пастухов для защиты от ветра. Положение наше было незавидное, снежный буран разрастался все с большей и большей силой, и по всему было видно, что буря могла принять угрожающий характер. Сколько оставалось до седла Эльбруса, этого никто из нас не мог определить. Терболатов уверял – три часа, а Аппай покачивал головой, давая понять этим, что, может быть, нам совсем не удастся взобраться в это седло...

Буря становилась страшной. До самой высокой точки Эльбруса, по моим расчетам, оставалось не более 40 минут подъема, так как высота достигнутых мною скал определяется приблизительно в 18 200 футов, а

вершина имеет высоту 18 470 футов над уровнем моря. Если бы мы продолжали восхождение, то ночь настигла бы нас на обратном пути высоко в ледниках, что могло иметь весьма грустные последствия», – огорчался Поггенполь.

Несмотря на огромные трудности и страшную непогоду, группа Поггенполя смогла определить, что на седловине Эльбруса также возможно построить небольшую метеорологическую станцию. В 3 часа 30 минут путники начали спускаться вниз. Терболатов предложил обойти ледяной вал и повел своих товарищей по очень крутому спуску к верхнему снежному покрытию ледника Азау с целью выкроить время засветло вернуться к месту своего первого ночлега. Ведомые опытным Молаем Терболатовым, они сравнительно благополучно спустились с седловины Эльбруса.

...Пробыв в ауле Урусбиево еще два дня, 28 августа Н. В. Поггенполь вернулся в Пятигорск. Не может быть никакого сомнения или преувеличения, если мы скажем, что Молай Терболатов, Аппай Ахкобеков, Исса Казаков, Хаджи Ахматов оказали русскому ученому, а в его лице и всему Русскому географическому обществу большую помощь и способствовали Поггенполю в выполнении возложенной на него правительством и Географическим обществом большой научной задачи.

ЭЛЬБРУС И ДОМ УРУСБИЕВЫХ

Ни один рассказ об Эльбрусе и его окрестностях не может быть сколькнибудь полным без хотя бы беглого очерка о старинном и влиятельном семействе Урусбиевых, владевших Баксанским ущельем. Дом Урусбиевых получил широкую известность в культурно-просветительских и научных кругах на Кавказе и в России. Об этом семействе давно назрела необходимость написать отдельную книгу, но мы сейчас ограничимся лишь тем, что представляет большой интерес для раскрытия нашей темы. В этом отношении активная деятельность Урусбиевых может быть начата с уже известного читателю Мырзакула, который вместе с правителем Карачая (олием Карачая) Исламом Крымшаухаловым помогал Емануелю организовать группу проводников для покорения Эльбруса.

Дело своего отца достойно продолжали его сыновья – Хамзат, Магомет и Измаил Урусбиевы, мать которых была сестрой Ислама Крымшаухалова. Вероятно, юный Измаил очень любил гостить у своих родственников по матери в Карачае. По сведениям известного краеведа Е. Польской, много сделавшей для популяризации истории семьи Урусбиевых, еще молодой Измаил из дома своего деда в Карачае водил в 1848 г. отряд русских войск кратчайшим путем по южному склону Эльбруса на Баксан.

Семья Урусбиевых оказывала деятельную помощь первой научной экспедиции, предпринятой А. Фирковичем в 1849 г. В сопровождении «туземцев из Урусбиева» он совершал разведывательные походы по окрестностям аула и описал множество археологических, этнографических и бытовых памятников Карачая и Баксанского ущелья. Следовательно, к трудам Фирковича, до сих пор не утратившим своего научного значения, имеет отношение и семья Урусбиевых, оказавшая ему всяческую помощь и услуги, способствовавшие успеху его предприятия.

Весьма значительными были услуги этой семьи русской науке о геологии и орографии Кавказа. В этом отношении на первое место следует вывести тот факт, что известный тогда всему миру профессор, член Российской академии наук Г. В. Абих был постоянным гостем Урусбиевых.

С 1884 г. все научные интересы Абиха связаны с Кавказом. Он много работал и писал о закавказских горных массивах Армении, долине Аракса, затем Дагестана и других сопредельных областей. В 1853 г. он опубликовал свой уникальный труд об исследованиях окрестностей Эльбруса, вплоть до районов Кавказских Минеральных Вод. По словам известного профессора Московского университета Г. Шуровского, также не раз бывавшего в Приэльбрусье, этот труд Абиха был последним словом тогдашней науки о Кавказе и его горах. Именно в завершении этого труда немалую помощь Абиху оказали Урусбиевы. В оживленных беседах с Абихом, под рокот бурной горной реки Адыр-су, так понравившейся ученому, проходил не один вечер молодого Измаила. Природа этого ущелья особенно очаровывала видавшего виды Абиха, рассказывал впоследствии своим гостям Измаил Мырзакулович. Из дома Урусбиевых совершал Абих свои рейды по маршруту экспедиции Емануеля, побывал на месте последнего лагеря генерала у водопада Кекрек, осмотрел два минеральных источника вблизи этого лагеря, о которых упоминали участники того памятного восхождения.

Абих подробно описал все ледники Эльбруса, установил зону высот вечных снегов: со стороны Хурзука высота их 10 923 фута, со стороны Баксана – 10 500, у северных склонов Эльбруса – 11 233, а у водораздела истоков Малки и Кубани – 12 310 футов над уровнем моря. В достижении всех этих научных результатов велика роль семьи Урусбиевых, в которой гостил и постоянно находил теплый и радушный прием известный профессор.

В июле 1867 г. с целью пробраться в Сванетию совершают путешествие на Кавказ братья Нарышкины. В начале июля они прибыли в Пятигорск и только 8 августа смогли выйти в путь в сопровождении одного туземца-переводчика. То был Магомет Мырзакулович Урусбиев – брат Измаила. По пути следования Нарышкины описали целый ряд интересных археологических и этнографических памятников у аулов Атажукино (ныне сел. Заюково), Кенделен, Озоруково (ныне пос. Былым). Вблизи ледников Эльбруса, на высоте около 14 тыс. футов, у последнего балкарского коша они описали башню под названием «Ференк-кала», упомянули укрепление в урочище Кала-кол близ Былыма.

В Сванетию путешественники не попали, их застала метель на подступах к перевалу Донгуз-Орун, и они вынуждены были вернуться назад в аул Урусбиево. Здесь они познакомились и с самим Измаилом, о котором впоследствии писали: «Образованием своим и понятиями Измаил Урусбиев резко отличается от своей окружающей среды. Очень предприимчив. Задумал построить новую дорогу по Баксанскому ущелью, потому что не может вывозить лес на плоскость».

Весьма предприимчивым, образованным человеком с реформаторскими наклонностями был и Хамзат Мырзакулович, получивший образование в Петербурге. Много лет он провел на военной службе, командовал полком, много ездил по Италии, Польше, Германии, вел светский образ жизни, был членом Горского суда в Нальчике. Зная, что во всем мире непревзойденными считаются швейцарские сыры, а в его владениях молока более чем достаточно, он специально ездил в Швейцарию, изучал там сыроваренное производство и по возвращении открыл сыроваренный завод у себя в ауле на речке Кыртык. Сыры его нисколько не уступали швейцарским, дела Хамзата шли хорошо. Но внезапно вспыхнувшая чума погубила почти весь скот, и это вынудило его впоследствии закрыть свой завод, писали не раз у него гостившие путешественники.

Отставной полковник Хамзат Мырзакулович радушно принимал у себя известного журналиста и этнографа Евг. Баранова, который писал о своей встрече с этим образованнейшим человеком следующее: «Хамзат со свойственной горцам любезностью пригласил меня переночевать у него, и я с радостью согласился. Выйдя на балкон сыроварни, являющейся продолжением его дома, мы застали шумевший самовар, небольшой азиатский на трех ножках столик, покрытый безукоризненно белой, чистой скатертью и симметрично раставленной на нем посудой».

В доме Хамзата Урусбиева в Нальчике останавливались в 1883 г. выдающиеся русские ученые – академик В. Ф. Миллер, профессор М. М. Ковалевский и др. К сожалению, сейчас уже нет возможности определить, где именно в Нальчике был дом Хамзата Урусбиева – члена Горского суда.

Трагически окончилась жизнь другого брата Измаила – Магомета Мырзакуловича. Он также был очень образованным для своего времени человеком, тяготел к передовой русской культуре и науке, активно выступал за введение новых общественных порядков. Еще будучи молодым человеком, он очень много сделал, чтобы успешно прошла экспедиция братьев Нарышкиных в 1867 г. За свои передовые взгляды и приверженность к прогрессивной идеологии и культуре он на себе испытал козни и злобу местного духовенства, которое вершило все общественные дела по шариату. Так, когда он был назначен старшиной Урусбиевского общества, духовенство всячески подстрекало горцев против него, он не мог пользоваться должной популярностью. Духовенство подозревало его и обвиняло даже в кровосмешении, и в результате всего этого назначение его было встречено с большим неудовольствием.

«Как может быть у нас старшиной человек, которого мы даже в мечеть не пускаем?» – роптали они. Даже посылали специальную депутацию в

Нальчик, чтобы назначили другого старшину, но из этого ничего не вышло. Одним словом, новый старшина своими передовыми идеями и приверженностью к культуре очень скоро вооружил против себя определенную часть населения, «особенно сванов, которых он преследовал за постоянные нарушения общественного порядка, конокрадство, грабежи... Дело кончилось тем, что однажды ночью в августе 1883 г., когда Магомет ужинал в сакле в кругу семьи, пуля, пущенная через открытое окно, уложила его на месте. Убийцами оказались два свана, которые были схвачены и сознались, но при этом оговорили Измаила Урусбиева, будто бы подстрекавшего их к совершению этого преступления. Несмотря на голословность этого оговора, Измаил был привлечен к ответственности и некоторое время содержался под стражей. Дело это пока еще не кончено», – писал в 1886 г. гостивший у Урусбиевых Давидович.

Но особенно выдающейся личностью не только для Урусбиевского общества, но и всего Карачая и Балкарии XIX в. был сам Измаил Мырзакулович, великолепный координатор воспитания и деятельности как своих братьев, так и двух высокообразованных сыновей – Науруза и Сафар-Али. Огромное владение в 8 тыс. десятин земли, основная масса которой были луга и пастбища, 5 тыс. голов крупного рогатого скота, 50 тыс. овец, более 2 тыс. человек – все это требовало больших сил и энергии. Но вместе с тем эти несметные богатства не ставили его в противовес крестьянской массе, он ничем от них не отличался, как пишут гостившие у него путешественники и ученые, ни поведением, ни одеждой. Выдающийся социолог М. М. Ковалевский, которого упоминает Ф. Энгельс в своем бессмертном труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства», писал об Урусбиеве: «В отношениях его к народу – необычайная простота. Двери его дома всегда настежь открыты, и в день перебывает в нем несколько десятков человек для совета с князем по самым житейским делам».

«В огромном ауле нет ни одного кабака, ни одной капли спиртного напитка, – пишут другие. – Нет ни богатых бездельников, ни нищих; никто не уходит из аула на заработки. Каждый урусбиевец держится со своим помещиком, как с равным, да и последний по образу жизни ничем почти не отличается от него. Измаил разве только принимает больше гостей».

В многочисленных гостях у Урусбиевых действительно никогда не было недостатка. Трудно найти какую-либо экспедицию, посетившую Кавказ с археологической, этнографической, геологической и другой целью, которая не посетила бы этот знаменитый дом. В большом ряду выдающихся людей прошлого века достаточно назвать имена таких гостей Урусбиевых, как Г. В. Абих, И. В. Мушкетов, С. И. Танеев, Н. К. Михайловский, М. М. Ковалевский, В. Ф. Миллер, И. И. Иванюков, Н. А. Ярошенко, Н. П. Тульчинский и мн. др., составлявших цвет и гордость русской науки и культуры того времени. Все без исключения иностранные и русские горовосходители получали здесь необходимую помощь и услуги.

По инициативе Измаила была построена специальная гостиная для приема многочисленных гостей из России, Италии, Германии, Англии,

Швейцарии, Венгрии, Польши и др. В этой гостиной, по праву занимающей место прообраза нынешних туристических баз, велась специальная книга отзывов, состоящая из нескольких общих тетрадей в кожаных переплетах. В ней оставили свои приятные впечатления Фрешфильд, Таккер, Грове, Дечи, Абих, Динник, Давидович и мн. др. Эти замечательные тетради видел еще в 1923 г. и оставил свои записи известный путешественник и автор многих работ по Кавказу С. Анисимов. К сожалению, указанные бесценные тетради считаются утерянными.

«Эта кунацкая выстроена уже по образцу русских домов и ничем от них не отличается. Стены комнат оклеены обоями, обстановка приличная; дощатый пол, стеклянные окна. К столу подаются тарелки и приборы, хотя хозяева сами обходятся без них», – писал Давидович.

Гостеприимством Урусбиевых восхищались профессор Варшавского политехнического института, член Кавказского горного общества В. В. Дубянский, путешественник С. Я. Голубев, штабс-капитан В. Ф. Новицкий и мн. др. Восхищенный обслуживанием и радушием хозяев Новицкий встретил здесь И. Я. Акинфиева и еще нескольких незнакомых ему людей. Он невольно подумал, сколько же путешественников и туристов останавливается за сезон в этой уютной кунацкой. А однажды С. Анисимов встретил в кунацкой Урусбиевых живших здесь более трех недель художниц М. Н. Ильину и англичанку Чемберс, писателя из Москвы В. П. Обнинского.

Долгие и обстоятельные беседы с выдающимися людьми: учеными и деятелями науки, культуры – значительно пополняли знания любознательного Измаила, «в голове которого, по словам его собеседников, зарождались увлекательные гипотезы по археологии и этнографии, геологии и фольклору Кавказа». В свою очередь, собеседники Измаила многое черпали у хранителя бесценного культурного наследия северокавказских народов. Измаил всегда с увлечением рассказывал путешественникам народные сказания, легенды, вспоминал про гостивших у него ученых, альпинистов, художников, писателей, композиторов, которые непрестанно удивлялись его широкой любознательной натуре.

Измаил Мырзакулович часто говорил: «Ни я гостям, ни они мне не давали покоя – либо я им, либо они мне что-нибудь должны были рассказывать. В особенности у Абиха я многому научился по геологии. Умный был немец». С удовольствием вспоминал он и англичан, «дивился их гомерическому аппетиту. В течение нескольких дней пребывания у Измаила англичане истребили громадное количество съестного и при прощании хотели расплатиться. Измаил, конечно, отказался от платы. Англичане ушли и через несколько месяцев прислали ему из Лондона великолепный штуцер центрального боя», – писали гости Урусбиева.

В 80-х гг. XIX в. в Кисловодске жил известный русский художник Николай Александрович Ярошенко. Он живо интересовался жизнью и бытом горцев Кавказа, любовался окрестностями Приэльбрусья, и, вероятно, в те же годы его познакомил с Измаилом часто посещавший Кисловодск отставной полковник Д. О. Аглинцев.

На обороте одного из замечательных полотен художника Ярошенко «Песни о минувших делах» имеется надпись: «1882 года, 4 августа, в доме Урусбиевых». Эта картина демонстрировалась на 22-й выставке передвижников в 1894 г. и была похвально отмечена в прессе.

Исследователь творчества и автор монографии о Н. А. Ярошенко В. А. Прытков пишет об этой картине следующее: «На картине изображен большой дом князя. На стене висит ружье. В центре дома, поджав ноги, сидит народный певец. Под аккомпанемент своей песни он в такт помогает своим телом и руками, поет о героическом прошлом, подвигах кавказцев. Вокруг него в национальных костюмах, с кинжалами на поясе сидят горцы. На прекрасно выполненном деревянном топчане сидит князь. У огня сидит седой горец в белой чалме. Красные языки яркого огня освещают лица сидящих». Е. Польская, сравнивая это полотно с сохранившейся фотографией, на которой изображены И. Урусбиев, М. Ковалевский, С. Танеев, И. Иванюков, М. Михайловский, приходит к выводу, что центральным героем картины Ярошенко является Измаил Мырзакулович Урусбиев.

Интересные сведения о семье Урусбиевых оставили М. М. Ковалевский, В. Ф. Миллер, И. И. Иванюков и др. В 1883 г., в июне, М. М. Ковалевский и В. Ф. Миллер приехали из Владикавказа в Нальчик. В поездке по Балкарии их сопровождал известный собиратель карачаево-балкарского фольклора сын Измаила Сафар-Али, занимавшийся также составлением грамматики родного языка и применивший русскую азбуку к выражению карачаево-балкарских звуков.

«Сафар-Али, – писали эти ученые, – имея по всем аулам родственников, аталыков или кунаков, мог открыть нам самый широкий доступ к горскому гостеприимству и поместить нас в наиболее богатых кунацких». Однако Сафар-Али оказался им полезным не только по этой части, но и своими знаниями быта, нравов, обычаев, истории балкарского народа.

В Нальчике ученые остановились в доме дяди Сафар-Али, Хамзата Урусбиева. Отсюда в сопровождении Сафара они отправились в аул Холам.

«Мы двигались крайне медленно: по крутым спускам лошади скользили и приходилось идти пешком... Вследствие этих трудностей, – пишут путешественники, – мы потеряли надежду засветло приехать в Холам и, спустившись к берегам прелестной речки Кара-су, впадающей в Терек (Черек. – *И. М.*), решились ночевать под открытым небом... Нашему непривыкшему слуху вечный шум горной речки представлялся как бы шумом проливного дождя, и, просыпаясь по временам ночью, мы выглядывали из шалаша, со страхом ожидая ливня. Мы проснулись на заре и, не найдя проводника, удивились. Часа через полтора он явился с приятной ношей – пятью только что пойманными им форелями. Конечно, мы приступили немедленно к приготовлению завтрака и можем смело сказать, что нашему пиру на берегах Кара-су позавидовали бы европейские гастрономы».

В Холаме ученые гостили в доме князя Джарахмата Шакманова. Через несколько дней они прибыли в Верхний Чегем и остановились у другого князя – Али-Мурзы Балкарукова. В этих поездках они собрали очень много

ценного научного материала, записали легенды и предания, осмотрели археологические памятники, башенные и склеповые сооружения Балкарии.

В 1885 г. М. М. Ковалевский снарядил специальную группу в Урусбиевское общество. Летом того года в Кисловодске находились директор Московской консерватории С. И. Танеев, писатель Г. Успенский, профессор И. И. Иванюков. Все они жили в доме у художника Н. А. Ярошенко, часто совершали поездки по окрестным карачаевским аулам. В их кругу очень часто бывал Измаил Урусбиев. «Как только Измаил оказывался в доме Ярошенко, – писал Ковалевский, – тотчас все его гости собирались и устраивались у «Белой виллы», чтобы послушать, как Измаил поет горские песни и исполняет народные танцы».

Измаил Урусбиев любезно согласился быть проводником Ковалевского и его спутников в Сванетию, через перевал Донгуз-Орун. Членов экспедиции особенно подбодрили слова князя: «Кто выбьется из сил, того мы перенесем на бурках!». Вероятно, многоопытный и знающий князь вспомнил, как поступали в таких случаях его одноаульцы с Ленцем, Купфером, Гардинером и другими гостями Эльбруса. И уж совсем воодушевились они, когда полковник Аглинцев сказал: «Ваше путешествие начинается под счастливой звездой: лучшего путеводителя трудно найти на всем Кавказе!». Да и сам образ Измаила не оставлял желать лучшего.

«Могучая, как бы из железа скованная фигура Измаила Урусбиева, – продолжает Ковалевский, – внушала нам бодрость и уверенность в успехе предприятия».

В состав экспедиции входили: М. М. Ковалевский, И. И. Иванюков, С. И. Танеев, тифлисский фотограф Д. И. Ермаков, англичане Емс и Смит. Последние трое должны были вернуться с перевала Донгуз-Орун обратно в Кисловодск.

Девятнадцатого июля, перед самой отправкой, С. И. Танеев писал А. С. Аренскому: «Пишу карандашом, потому что все вещи уложены, и мы (я, Ковалевский и Иванюков) сейчас уезжаем в большое путешествие. В дороге будем дней двадцать... Едем через Кавказский хребет. Перевал сделаем близ Урусбиевского аула, недалеко от Ельбруса. Будем идти и ехать по ледникам. Перейдя хребет, попадаем в Сванетию, страну дикую. Все время верхом. Отсюда едем только 40 верст в коляске до горы Бермамут. Наше путешествие будет сделано со всевозможными удобствами... Кроме того, что всего важнее, с нами едет владелец Урусбиевского аула – Измаил Урусбиев, который проводит нас через перевал и сдаст потом своему племяннику – князю Дадешкелиани... Едет еще фотограф Ермаков, очень известный, будет снимать виды по дороге. До перевала едут еще двое знакомых Урусбиева – англичане, из которых один женат на дальней родственнице Ковалевского. От перевала еще присоединится к нам сын Урусбиева, окончивший только что курс в реальном училище».

Безусловно, речь в письме идет о сыне Измаила Сафар-Али, опубликовавшем в 1881 г. нартские сказания карачаевцев и балкарцев в первом выпуске «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа».

Большую ценность представляет письмо С. И. Танеева, отправленное в тот же день великому композитору П. И. Чайковскому: «Милый Петр Ильич! Завтра выезжаю в путешествие, которое продлится 20 дней. Мы сделаем перевал через Кавказский хребет близ Ельбруса, что представляет большие трудности (Урусбиевский перевал). Потом поедем в Сванетию, сначала в княжескую, потом – в вольную. Писем не ждите, а пишите в Кутаис до востребования. Наше путешествие обставлено очень большими удобствами: нас провожает владелец перевала Измаил Урусбиев. Лошади и проводники будут везде готовы. Едет с нами также известный фотограф Ермаков. Некогда писать подробно. Пора спать, завтра утром выезжаем».

Из Кисловодска экспедиция направилась к высокогорному аулу Ыскхауат (Хасаут), где по предупреждению Измаила группа была принята самым богатым жителем Джерештиевым. К вечеру жители устроили гостям радушный прием, многолюдные танцы, песни, искрометный «Исламей», пистолетные выстрелы за спинами танцующих – все это произвело на путешественников неописуемое впечатление.

На следующий день путники знакомились с достопримечательностями окрестностей, посетили места прохождения экспедиции Емануеля по истокам красивой речки Енгешли (Ингушли), «где шумно бегут три речушки того же имени». На другой день добрались до урочища Кызыл-кол-баши у северо-восточного угла Эльбруса. У путников не было предела восхищению красотой этих мест. И все же Ковалевский не упустил возможности провести археологические разведки в окрестностях Ыскхауата, где, по рассказам местных жителей, в высоких отвесных скалах имеются высеченные в скалах гробницы с человеческими костями. Но добраться до них, по уверениям горцев, можно было только при помощи лестниц. В правдивости их слов автору этих строк пришлось убедиться летом 1965 г. при археологических изысканиях у Ыскхауата.

Несмотря на эти сложности, в 12 км к северо-востоку от аула Ковалевский сумел осмотреть несколько наскальных гробниц. Сопровождавшие его балкарцы и карачаевцы тут же сделали лестницу из двух длинных брусьев, связанных веревкой с поперечными перекладинами. «По этой лестнице при общем восхищении окружающих полезли в пещеру несколько смельчаков. Пещера эта была, по мнению Ковалевского, фамильной усыпальницей, в которой захоронено несколько поколений». Обнаруженные в этих гробницах археолого-этнографические предметы: остатки одежды из шелковой ткани, обработанные куски кожи; деревянная утварь – чаши, ложки; различные украшения – бусы, индикации византийских монет – все это хранится в фонде Ковалевского в Государственном историческом музее и служит эталоном для определения хронологии и этнической атрибуции многих археологических комплексов Северного Кавказа. Сейчас уже все более и более четко определяется принадлежность этих наскальных гробниц предкам карачаевцев и балкарцев – древним кавказским булгарам VII–X вв.

Сам М. М. Ковалевский позднее писал: «Одна витрина в Историческом музее занята результатами моих собственных расследований в горных

пещерах, прилегающих к аулу Хасаут, расположенному на недалеком расстоянии от Эльбруса. Один из консерваторов музея, покойный Сизов, говорил мне, что содержащиеся в этой витрине куски материи, в какие были облачены найденные мною скелеты, принадлежат к числу интереснейших материалов для истории древнего орнамента, какие содержит в себе Исторический музей в Москве». Фонд Ковалевского состоит из 40 предметов и хранится в Археологическом отделе ГИМа.

Исследования советских археологов доказали, что находки у Ыскхауата, на Эшкаконе, в Мощевой балке и других окрестностей свидетельствуют о том, что здесь проходили торговцы, следовавшие по упоминавшемуся всемирно известному Великому шелковому пути из Хорезма в Византию. После завершения археологических работ М. М. Ковалевский со своими спутниками двинулся в дальнейший путь из аула Ыскхауат. Их сопровождал Азамат Джерештиев, аталык Измаила, родом карачаевец, а сам Урусбиев задержался в Кисловодске по неотложным делам. Путь экспедиции проходил по труднодоступным горным уступам, приходилось преодолевать различные преграды по долине реки Шаукам, по высокогорному урочищу Кынгыр-сырт, с трудом преодолевали бурные горные потоки.

Интересно описывает М. Ковалевский переправу через Малку: «К полудню мы были на дне ущелья и остановились перед бешено скачущей через камни рекой. Азамат отыскал место для переправы. Он сел на самого сильного коня, принадлежащего одному из наших товарищей с наибольшим весом, и, собираясь ехать вброд, просил нас внимательно следить за тем, как он переправится. Он поставил лошадь против течения, отпустил свободно поводья и все время переправы сильно хлестал ее плетью. Лошадь то выходила совершенно из воды, становясь на большие камни, то опускалась в воду по самое седло. Переправившись, Азамат положил на берегу камень и сказал нам, чтобы при переправе не смотреть вниз, иначе закружится голова, и пробираться в направлении положенного камня. Поодиночке переезжали мы бурную реку при неистовых криках Азамата: «Держи вправо, вправо, бей лошадь, не смотри в воду, не тяни лошадь, пускай ее, пускай!». Стоявшие на берегу испытывали некоторую ажиотацию, и не без основания. М-р Емс, не сумев удержать указанное направление, едва не погиб. Это была первая переправа через большую горную реку».

Переправившись через Малку, путники две ночи провели на горе у пастушеских кошей. Обсохли, привели себя в порядок и через перевал Кыртык прибыли в аул Урусбиево, расположенный на высоте 5200 футов над уровнем моря. В ауле их принимал брат Измаила – Магомет. Ковалевский и его спутники сидели уже за ужином, когда прибыл и сам Измаил Мырзакулович. Обрушившиеся в те дни дожди вынудили путешественников четверо суток провести в семье Урусбиевых, в окружении горцев. За эти четыре дня М. М. Ковалевский и И. И. Иванюков знакомились с бытом, нравами, обычаями балкарцев, описали их жилища, одежду, различные этнографические особенности этого горского народа. С. И. Танеев из уст Измаила записал двадцать балкарских народных песен, которые послужили ему позднее материалом для написания очерка «О музыке горских татар».

Во время пребывания гостей в ауле хозяева всячески старались развлечь их, устраивали им танцы, песнопения, игрища, которые приводили в восторг представителей русской и английской интеллигенции. Специально для них Измаил устраивал большой концерт на склоне Эльбруса, в местности, ныне называемой «Кругозор». Сам Измаил виртуозно играл на карачаево-балкарском старинном струнном инструменте «къыл-къобуз», а С. И. Танеев подыгрывал ему на скрипке.

Самые ценные этнографические, фольклорные и исторические материалы путешественники записывали у Измаила – прекрасного знатока быта, нравов, истории и культуры северокавказских народов. М. М. Ковалевский много раз и с большой теплотой отзывался об этом чудесном человеке.

«Измаилу Урусбиеву, – писал он, – 54 года, но князь смотрелся гораздо моложе. Он не помнит, был ли он когда болен. Вся жизнь его прошла на Кавказе. Ни в какой школе князь не учился, читает только по-арабски и тем не менее имеет весьма обстоятельные сведения по истории. Книги читают ему сыновья, когда приезжают в аул. Князь отлично знает народные предания и легенды, и голова его кишит гипотезами о заселении Кавказа и о его прошлых судьбах. Память князя феноменальна: однажды, беседуя с нами о русской литературе, он, в доказательство своей мысли, цитировал несколько мест из Добролюбова.

У горских татар нет имени более популярного, как имя Измаила Урусбиева, – продолжает Ковалевский. – «Кто может сделать лучше?» – выражение, которое мы обыкновенно слышали от татар, когда речь заходила о князе. Он первый джигит, первый танцор, первый музыкант, первый кузнец, первый сапожник, столяр, токарь и мн. др. Особенно же преклоняются татары перед его находчивостью и умом. Князь любит горских татар и несколько идеализирует их», – писал выдающийся ученый-социолог.

Первый, первый, первый... Такая характеристика в устах обычно скупых на похвалу горцев-аксакалов выше всякой аттестации.

Столь же оправданную характеристику давал Измаилу и Давидович, гостивший в его доме.

«Я имел удовольствие, – пишет он, – познакомиться с этой оригинальной личностью. Человек далеко уже не молодой, но крепкий и здоровый, он исполнен юношеской подвижности и силы. Отличный охотник, стрелок, отличный наездник, танцор, певец, музыкант – он являлся идеалом горца. «Не хуже Измаила, знает, как Измаил» – это лучшая похвала в устах урусбиевцев. Человек, не получивший никакого образования, не знающий даже русской грамоты, он говорит чистым литературным языком, чрезвычайно интересуется всеми научными вопросами и близко знаком со всеми корифеями нашей литературы. Отрывки многих произведений он знает наизусть. Геологию, археологию и историю Северного Кавказа он знает весьма основательно и обладает замечательной археологической коллекцией, которую составил сам. Свои научные познания он приобрел вследствие разговоров и общения с учеными и путешественниками, а с русской литературой познакомили его сыновья – молодые люди, получившие высшее

образование, которые читают ему вслух. Голова Измаила, – продолжает Давидович, – всегда занята гипотезами о заселении и геологическом образовании Северного Кавказа, и когда он с жаром и увлечением начинает развивать свои любимые и подчас весьма остроумные теории, мне невольно думалось: «Какой, может быть, блестящий ученый вышел бы при других условиях из этого кабардинца» (?)».

В тон Давидовичу вторят и современные авторы, которые пишут о том, что «если бы его время было несколько иным, или если бы он смог найти дорогу в большой мир, он мог бы стать известным всему миру ученым-кавказоведом и его имя могло бы стоять рядом с такими учеными, как П. К. Услар, В. Ф. Миллер, Г. И. Радде, А. П. Берже, Н. Я. Динник и др.».

Но увы, судьба распорядилась иначе, и он всемерно старался вывести в большой мир своих братьев и сыновей: Сафара-Али, окончившего Петровско-Разумовскую академию (ныне Сельхозакадемия им. К. А. Тимирязева), известного собирателя фольклора, составителя алфавита и грамматики карачаево-балкарского языка; и Науруза, закончившего Петербургский университет.

Судьба Сафара-Али сложилась трагически. По неизвестным еще причинам, весьма возможно – за связь с народовольцами, он пожизненно был сослан на каторгу в Углич, остались неоконченными его научные труды и поиски. В книге «О семье Чеховых», изданной в Ярославле в 1970 г., балкарские литературоведы и фольклористы нашли сведения о том, что у брата Антона Павловича, Михаила, «был в Угличе и другой знакомый – балкарец Сафар Измаилович Урусбиев. Это был несчастный человек, оторванный властями от своих любимых кавказских гор, от семьи и сосланный в Углич навсегда, пожизненно. Семь лет спустя Михаил Павлович описал Сафара Урусбиева в своем рассказе «Преступник», уверяют исследователи.

За то время, которое Ковалевский и его спутники провели в доме Урусбиевых, они тщательно осмотрели его блестящую коллекцию, происходящую из древних археологических памятников верховьев Баксана и Чегема. Отдельные предметы из этой коллекции были позднее опубликованы В. Ф. Миллером и П. С. Уваровой в первом и восьмом выпусках «Материалов по археологии Кавказа». Основная же ее часть попала в «Музей изящных искусств» в Будапеште.

В 1895–1896 гг. венгерский археолог Енэ Зичи со своими спутниками Белой Пошто и другими организует экспедицию по Кавказу в поисках следов предков венгров, следуя, вероятно, поискам уже знакомого читателю Яноша Кароя Бешша. В результате этой экспедиции Зичи посетил дом Урусбиевых и приобрел коллекцию Измаила. Эта коллекция сначала попала в Музей этнографии в Будапеште, оттуда во Всевенгерский исторический музей и, наконец, в 1897 г. в Музей изящных искусств. В 1956 г. эта коллекция, давно вошедшая в золотой фонд археологической науки о Кавказе, была еще раз подробно изучена известным венгерским археологом Ласлом Ференци, который разработал ее детальную хронологию, сравнил и сопоставил с редчайшими находками бронзового и раннежелезного ве-

ков Юга европейской части СССР, Кавказа и Передней Азии и тем самым определил ее достойное место в мировой археологической науке.

...Между тем наши путешественники, завершив свои археолого-этнографические разыскания в окрестностях Урусбиевского аула, собрались в дальнейший путь в сопровождении Измаила, его сына Сафара, аталыка Азамата и нескольких урусбиевцев. Путь предстоял очень сложный – надо было преодолеть перевал Донгуз-Орун, по которому карачаевцы еще в 1639 г. сопровождали русских послов в Грузию. Не доходя до перевала, путешественники остановились на ночлег. Рано утром начался подъем по ледниковому перевалу, покрытому густым туманом.

«Мы вступили в зимнюю природу, – писали путники, – снег покрывал лед выше колена. Впереди шли с князем туземцы и, ударяя палками снег, разведывали трещины, балкарцы же вели лошадей, пробиравшихся с большим трудом, нежели люди. Нередко сбегалось несколько человек, чтобы поставить на ноги упавшую и барахтающуюся в снегу лошадь. Медленно ползем по ледниковой горе, – писали они, – и как долго придется еще ползти, не ведаем: вершина Донгуз-Оруна все время в облаках... Наконец, перевал был преодолен. Начался не менее опасный спуск в сторону Сванетии. Спуск проходил под сильным и проливным дождем. Выбившись из сил, продрогшие путешественники к вечеру добрались к огромной гряде, под навесом которой остановились на ночлег. Пещера оказалась столь низкой, – продолжают путники, – что приходилось сидеть сгорбившись. Князь хлопотал, чтобы возможно скорее разложили костер... Все думали, как бы скорее осушиться и согреться. Вода с бурок образовывала целые лужи, и, чтобы не сидеть в воде, мы руками скатывали ее со дна пещеры... Как только запылал костер, разведенный на краю пещеры, начали сушиться... Дым наполнял пещеру и разъедал глаза до такой степени, что трудно было держать их открытыми».

Наутро Измаил распрощался со своими спутниками и вернулся обратно в Урусбиево. А группа путешественников отправилась в Сванетию в сопровождении Азамата и других урусбиевцев.

У родственников Урусбиевых – князей Дадешкелиани – гостям был оказан радушный прием и дан обильный обед. Здесь в сел. Бечо М. М. Ковалевский распрощался со своим верным «коновожатым» Азаматом и другими проводниками экспедиции, нанял новых людей и продолжил путешествие по Сванетии и в Кутаис.

Восьмого августа 1885 г., как и обещал, спустя 20 дней, С. И. Танеев писал из Вольной Сванетии П. И. Чайковскому: «Сделали перевал через снеговые горы. Все время шел дождь, дорога была невероятно трудная. После перевала погода совершенно исправилась, и мы совершаем чудесное путешествие по Сванетии. Несколько раз ночевали на открытом воздухе, иногда под дождем. Теперь никаких особенных трудностей не предстоит, и дней через пять будем в Кутаисе».

Здесь уместно отметить, что великий композитор С. И. Танеев с лета 1885 г. и надолго подружился с семьей Урусбиевых, часто бывал в их доме,

хорошо знал самого Измаила и его незаурядных сыновей. Особенно тесно он подружился с Науруз ом. В 1888 г. Науруз Измаилович посещает композитора в Москве. Сергей Иванович сводил его на премьеру оперы «Евгений Онегин», познакомил своего кавказского друга с автором бессмертного произведения – Петром Ильичом Чайковским, и был очень рад тому, что ему представился такой великолепный случай воочию познакомить двух своих друзей. Летом 1891 г. С. И. Танеев должен был лечиться в Пятигорске. По приезде сюда он снова встречается со своим кунаком Наурузом.

«Науруз Измаилович очень мне обрадовался, – писал Танеев Чайковскому в письме от 21 июня 1891 г., – и стал меня звать к себе в аул погостить».

Сергей Иванович вновь посещает гостеприимный аул и дом Урусбиевых. В своих письмах П. И. Чайковскому он красочно описывает свои впечатления от поездок по Баксану и тот радушный прием, который ему был оказан в этой замечательной семье.

«Трудно себе представить, до какой степени восхитительна эта поездка, – писал Танеев. – Баксан в начале очень широк. Дорога идет то по одному, то по другому из его берегов. Мы множество раз должны переезжать через мосты, сложенные из нескольких бревнышек, в то время как река ревет, как дикий зверь, увлекая и переворачивая в своем течении огромные глыбы камней. Лошади наши будут лепиться по скалам, перед нами будут открываться зияющие пропасти, мы постоянно будем испытывать приятное чувство человека, благополучно избежавшего грозившей ему опасности. Налево от нас будут горы, покрытые вечными снегами. Впереди – Эльбрус, то скрывающийся за склонами, то вновь обнаруживающийся и, по мере нашего к нему приближения, принимающий все более и более чудовищные размеры. Мы едем то голыми скалами, то лесами, где деревья необычного для нас роста, то пространствами, сплошь усеянными как бы драгоценными камнями самых ярких красок, усыпанными золотыми блестками и, как искры, рассыпающимися под ногами лошадей. Прибавь к этому горный чистый воздух, который вбираешь в себя и не можешь им надышаться, ключевую воду, в обилии попадающуюся по дороге, шашлык, который жарится из тут же зарезанного барана, – и ты будешь иметь слабое представление о тех прелестях, которые представляются путникам, решившимся предпринять это путешествие», – восхищался композитор.

Заманчивая перспектива новой поездки по чудным горным долинам и воспоминания о прошлом путешествии целиком захватили все чувства С. И. Танеева. К этим чувствам он вновь возвращается в письме к своему великому другу П. И. Чайковскому от 14 июня 1891 г.: «С большим удовольствием думаю о приближении начала поездки. Жаль, что ты не примешь участия в ней», – писал он.

Обласканный щедрым и добрым гостеприимством семьи Урусбиевых, завороженный волшебной красотой горных ущелий Приэльбрусья, очарованный музыкой горцев, великий композитор восторженно изливал все эти свои чувства и в других письмах своим близким.

Свой короткий рассказ о выдающейся семье Урусбиевых мне хочется завершить попыткой обратить внимание читателя на то неуемное стремление Измаила Мырзакуловича Урусбиева познать и рассказать всем окружающим о жизни, быте и нравах, истории и культуре своего народа, сохранить его фольклорное и этнографическое наследие. Ничего так не желал Измаил, как снаряжения на Кавказ ученой экспедиции, которая занялась бы всесторонним исследованием.

«Наезжают к нам ученые люди, – жалуется он, – да урывками, на короткое время, между делом. От таких прогулок наука немного выигрывает», – говорил Измаил.

Его прогрессивные взгляды на научные проблемы прекрасно перекликаются с его передовыми политическими взглядами, о которых можно судить со слов такого крупного социолога, каким был М. М. Ковалевский. Напомним его слова о том, что в отношениях его к народу – необычайная простота, двери его дома всегда настежь открыты для всех. Подтверждением этому является один примечательный факт: «Однажды у него в доме оказался один израненный горец. Оказавшись в богато убранной персидскими коврами кунацкой, бедный горец растерялся и пытался выйти вон. Измаил увидел его и успокоил словами: «Проходи, проходи, все это не стоит твоей цены. Придет и такое время, когда ты будешь сидеть, а мы стоять!».

Эту фразу вместе с образом жизни и прогрессивными научными идеями Измаила Урусбиева мы можем расценить как свидетельство тому, что ему были знакомы симптомы приближающихся больших социальных перемен в жизни простых горцев.

БИАСЛАН, ИССА И КИЧИ НА ПЯТИТЫСЯЧНИКАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА

Первого апреля 1890 г. на очередном заседании альпийского клуба в Лондоне Герман Були, отчитываясь о своем восхождении на вершину Дыхтау, восторгался проводниками-балкарцами, которых рекомендовал ему князь Азнор Айдеболов, далекий потомок уже известного нам Айдеболова из XVII в. Этими проводниками были Кичи Джанибеков и некий Биаслан, вполне возможно, что это был тот же Биаслан Урусбиев, путешествовавший с Давидовичем.

О Джанибекове Г. Були писал, что «это был очень выносливый человек, как и все татары, мягкий и терпеливый». Известного к тому времени английского альпиниста привлекла палка, обитая железом, с которой Кичи «всегда ходил на восхождения». Внимательно осмотрев палку, Були делает вывод, что она, «видимо, уже много лет служит фамилии Джанибековых».

Ссылаясь на мнения многих альпинистов, побывавших на Центральном Кавказе, и свой собственный опыт, он далее отмечал, что «карачаевские и балкарские проводники в выборе пути на скалах подобны горным сернам и никогда не ошибаются». Такую же оценку давали своим проводникам Н. В. Поггенполь и другие путешественники.

В 1904 г. Н. В. Поггенполь совершает ряд восхождений: на Дых-тау (5058 м), Шхара-тау (5068 м), Коштан-тау (5151 м), Джангы-тау (5058 м), Хрум-кол (4675 м), Гюльчу (4475 м) и мн. др. Свое путешествие он начал с долины реки Харбас, в окрестностях Коштан-тау, со стороны Горной Дигории. 21 июля он трогается из главного дигорского селения Стур-Дигора (т. е. Большая Дигора) по долине реки Харбас к леднику Тана. На высоте около 2600 м у нижних отрогов ледника он достигает истоков Харбаса. Здесь путник, сопровождаемый дигорцами, устроился на ночлег. На следующий день к 9 часам 30 минутам они достигают вершины перевала Штулу (3340 м), который ведет в район верховьев реки Черек, т. е. в Балкарию. По словам Поггенполя, перевал Штулу представляет собой весьма узкое седло с крутыми покатостями по бокам.

«Я не знаю, существует ли еще другое место, откуда гиганты Центрального Кавказа представлялись бы восхищенному глазу путника в таком ослепительном великолепии, как отсюда. Глубоко под ногами лежат верховья Терека и его притоков, над которыми справа выдается сверкающий льдом Гюльча-тау, а слева белеет Фитнаргин-тау (4184 м), могучая фирновая масса которого как бы стоит на страже пред тайником высочайших и страшнейших гор Кавказа! И вот они, эти горы, пред пораженным взором путника! Вот весь Центральный Кавказ, как всклокоченный бурей океан, внезапно замерзший и навек остывший! Вот сверкающий высокой снежной шапкой – это Коштан-тау с извилистым потоком Тютюнского ледника, несколько левее – длинный зазубренный гребень, обледенелый сверху донизу, который образует вершину Хрум-кол и примыкает к внушительной массе Дых-тау; еще южнее блестит Джангы-тау, а рядом красавица Шхара-тау, белая, облачная громада, царящая в центре всей этой неповторимой панорамы. Если же обернуться лицом к востоку, то прежде всего бросается в глаза зеленая, приветливая долина Харбаса, лежащая в глубокой пропасти... Ослепительно сверкало солнце над бесподобным миром высочайших гор Кавказа, и долго изумленным взором глядел я на эту невероятную картину, на чудное переливание лазурных, сапфировых и аметистовых тонов горных цепей и ущелий», – восторженно писал путешественник.

Отсюда путники направились в долину реки Ак-су, куда добрались на следующий день. У подножий горы Фитнаргин они спустились в долину, где паслись стада коров и овец жителей балкарских аулов. Здесь, по описанию Поггенполя, «вытекает несколько минеральных источников, от которых целые участки луга покрыты красноватым налетом. В 10 часов мы остановились, – пишет он, – у караулки Ак-су, весьма красиво расположенной у входа в ущелье... В 3 часа пополудни мы покинули караулку», – продолжает путешественник. По его описаниям, «тропинка извивалась среди прекрасных зеленых пастбищ, на которых паслись гурты скота, принад-

лежащего балкарцам ближайших аулов. Вот и ущелье Дых-су с высокой скалистой горой в ее глубине и вот, наконец, цель нашего сегодняшнего путешествия – караулка у слияния Дых-су и Штулу, образующих реку Черек. Палатку мы поставили на высоком участке долины, на некотором расстоянии от караулки, на левом берегу реки... Было уже совсем темно, я сидел в палатке, рассматривая при слабом свете фонаря карты нашей съемки Центрального Кавказа, – рассказывает Поггенполь, – когда у входа неожиданно показалась какая-то рослая фигура, завернутая в бурку. Незнакомец приложился к папахе по-военному и что-то сказал, прося меня выйти из палатки, что я и сделал. Около догоравшего костра, бросавшего последние вспышки красноватого пламени, лежал убитый тур с перерезанным горлом по татарскому обычаю, – повествует далее путешественник. – Незнакомец, оказавшийся местным пастухом и охотником, попросил за половину животного полтора рубля и ушел затем к стражникам в сторожку. Не прошло и получаса, как он вновь появился в палатке и предложил свои услуги в качестве проводника на ледник Дых-су».

Из слов незнакомца Поггенполь сделал заключение, что он бывал на перевале Дыхны-ауш и хорошо знал все тамошние пещеры, все тропинки на леднике. Н. В. Поггенполь, конечно, принял его предложение и пригласил балкарца переночевать с ним в палатке вместе с его великолепным сторожевым псом, прибежавшим с ночным гостем.

Двадцать четвертого июля в 4 часа утра они уже были на ногах и в 5 часов направились к леднику Дых-су. Исса (так звали того охотника) повел Поггенполя левым берегом речки. Ущелье Дых-су необычайно дико и живописно, оно произвело небывалое впечатление на видавшего виды путешественника. К 7 часам они добрались до нижнего края второго по величине на Кавказе ледяного потока массива Дых-тау. На высоте 3150 м горовосходители немного отдохнули и осмотрели окрестности с открывающимися вершинами Шхара-тау, Дых-тау, Коштан-тау, Джангы-тау, Гистола (4860 м) и Тетнульд (4853 м). Исса уверял своего спутника, что хорошо знает подступы к предстоящему перевалу у подножий Дых-тау и поэтому настаивал на продолжении пути.

«Я взял с собою одну лишь веревку, – писал Поггенполь, – и стал карабкаться вслед за балкарцем, удивительно ловко превозмогавшим все трудности подъема. Я хотел несколько раз перейти на снег, но Исса более доверял скалам, чем льду, и отказывался».

К 11 часам 25 минутам путники добрались до высоты 3430 м и после 10-минутного отдыха двинулись дальше. Отсюда Поггенполь рассматривал ледники Айлама, Башха-ауз и др. Исса настоял на том, чтобы перебраться через продольную гряду скал и выйти на «последний снег», ведущий к перевалу. Но утомленные семичасовым подъемом по леднику и скалам, они после небольшого броска остановились вновь на отдых на высоте примерно 3600 м. По рассказу Поггенполя, «внезапно на нас посыпала мелкая крупа снега, как из решета...

– Барин, скорей, дорога или назад! – справедливо заметил мой балкарец...

...Без особого труда вышли мы на крутое снежное поле, которое, по уверению Иссы, представляло ключ позиции для овладения перевалом, и стали с трудом подниматься по фирну. Крупа продолжала сыпаться, как град; туман сгустился в непроглядную мглу – нужно было спешить...

– Перевал! – вдруг радостно воскликнул мой спутник. Было ровно 13 часов 15 минут. Я стоял на скалистом гребне!».

Так Н. В. Поггенполь, сопровождаемый Иссой, поднялся «на высокий перевал Дыхны-ауш в самом сердце высочайших гор Кавказа!». Барометр Поггенполя показывал высоту 3845 м.

Во время всего этого восхождения путешественника постоянно мучил вопрос: «Неужели возможен перегон скота через этот высокий хребет и по необъятным фирнам вокруг него? Если нет, то к чему же стоит караулка в ущелье Дых-су? Исса уверял, что такие случаи бывают. Откровенно говоря, я решительно не могу себе представить коров, гуляющих по ледяным обрывам и фирнам одного из величайших ледников Кавказа», – недоумевал Поггенполь.

Однако такие случаи на самом деле могли иметь место. Вспомним такие же караулки на подступах к перевалу Донгуз-Орун, у которых останавливались Поггенполь и его спутники в 1898 г.

Между тем путники в 7 часов вечера вернулись в свою палатку и 25 июля в 8 часов утра двинулись по долине Черека к балкарским аулам. Через час ходу они добрались до узкого дикого ущелья Тютюн-су. Все это время шел мелкий холодный дождь. Вскоре дорогу пересекает течение речки Коштан-су, почти у своего впадения в Черек. Этот дикий поток вытекает из подошвы Дых-тау и обладает склонностями к быстрым и неожиданным разливам. В момент такого разлива и встретились наши путешественники с этой своенравной рекой. Теперь для переправы через эту водную преграду им понадобился целый час времени. «На исходе восьмого часа вечера, – пишет Поггенполь, – заблестели вдали огоньки целой группы небольших селений... Аулы эти населены татарами-балкарцами и занимают 7–8 верст. Главнейшие из них Шканты, Кюнлюм, Курнаят, Мухол и Коспарты...

...Неожиданное появление целого каравана возбудило всеобщее любопытство... Я должен заметить, – пишет он, – что остался ими во всех отношениях весьма доволен».

Отсюда Поггенполь намеревался перейти в Безенги и просил старшину найти ему надежных проводников, бывавших на перевале Думала. Утром 26 июля в 11 часов 30 минут караван Поггенполя покинул аул Шканты, где он провел ночь. Его провожали три балкарца, не говорившие ни слова по-русски, но уверявшие знаками, что бесподобно знают дорогу на перевал Думала.

В путевых записках путешественника читаем: «Мы вскоре свернули в небольшое боковое ущелье, на дне которого шумел поток. Дорога стала узкой тропинкой, прижатой к отвесным скалам. Проводники шли у вьючных лошадей и вели их на поводу, курили, болтали и не обращали внима-

ния на животных... Вдруг одна из них зацепилась за утес вьюком. Мгновенно потеряв равновесие, она упала на бок, перевернулась и вместе с вьюком, среди облака пыли и камней, исчезла в глубине ущелья. Поднялась страшная суматоха; испуганные лошади кидались в разные стороны, моя же встала на дыбы, и я с трудом лишь удержался в седле. В том, что лошадь убилась и что кухонные принадлежности разбились вдребезги, – в этом я ни минуты не сомневался! С трудом удалось немного успокоить животных; затем один балкарец, Гуляев и я спустились по камням на дно ущелья. И что же? Лошадь стояла в воде, дрожа всем телом, с незначительной лишь царапиной на шее; керосинка, тарелки, чайник, чашки и несколько банок с консервами – все было разбросано на скалистом склоне теснины. Кастрюля же, кофейник, ножи и ложки были унесены течением. Благодаря мелководью, все нашлось и, главное, в целости! Немало труда стоило затем вытащить лошадь из ущелья и заставить ее подняться на тропу».

Вскоре путников настиг дождь, который не прекращался весь день. Становилось холодно и сыро. Проводники укутались в свои бурки. Шедший впереди балкарец подошел к Поггенполю и что-то стал ему объяснять «по-татарски», но смысл его речи так и остался загадкой для русского путешественника, ни слова не знавшего по-туземному. Когда усталая и промокшая группа сидела на привале, вдруг где-то вдалеке послышался лай сторожевых собак.

«– Хайда, хайда! – закричали мои спутники, – писал Погтенполь, – и стали указывать руками направление, в котором нам следует идти. Минут через десять появилась темная фигура пастуха, завернутого в бурку и с башлыком на голове. Он привел путников к своему стаду. В шалаше, сплетенном из сосновых веток, был разведен костер, два других пастуха сварили нам шашлык и любезно предложили мне зайти и отдохнуть. Один из пастухов немного понимал по-русски, он дал мне выпить айрану и согласился провести нас на перевал», – писал Поггенполь.

Перевал Думала (2930 м) был достигнут на следующий день в 7 часов вечера. Здесь пастух, провожавший группу, получил свое вознаграждение и вернулся обратно, а Поггенполь, Гуляев и три проводника из Шканты продолжили путь. Тропинка, по которой они спускались, была настолько скользкой из-за проливных дождей, что одна из лошадей поскользнулась и сбросила чемодан руководителя группы в обрыв. Его спутник Гуляев и один из балкарцев спустились в обрыв и достали чемодан, угодивший в воду.

«...Тропинку окутывал туман, идти в нем становилось все труднее. В одном месте тропа вовсе исчезла, так как оползнем был снесен целый склон. Шедший впереди проводник свернул в сторону, вернулся обратно, одним словом, стал блуждать. «Аллах, аллах!», – были единственные слова, которые я понял из всей его речи, обращенной ко мне, – вспоминает Поггенполь. – Представьте себе, – продолжает он, – это удовольствие: непроглядная тьма, туман, проливной дождь и совершенно незнакомые люди и местность с лабиринтами холмов, обрывов и скал!»

Путникам пришлось остановиться на ночлег и ожидать прояснения погоды. Двадцать седьмого июля еще до восхода солнца все были на ногах, дождя уже не было, но туман все еще покрывал местность. В половине шестого утра путники тронулись вниз по перевалу. В долине речки Думала они остановились на привал. Здесь Поггенполь оставил караван на попечение балкарцев, а сам с Гуляевым поднялся по леднику Уллу-ауз. Вскоре Гуляеву пришлось возвращаться назад, так как у него была слишком гладкая подошва обуви и он постоянно скользил по склону. Сам Погтенполь добрался по леднику до высоты 3 тыс. м.

«Среди мертвенного массового льда мысли уносились вдаль, – вспоминал он. – Шестнадцать лет назад на этом самом месте стояло веселое общество испытанных и сильных туристов: Донкина и Фокса с проводниками Фишером и Штрейхом. Они предполагали достигнуть перевала Уллу-ауз и спуститься в верховья Тютюнского ледника. С тех пор они исчезли, где именно погибли эти отважные путешественники – неизвестно, но, вероятно, при попытке восхождения на Коштан-тау, – писал Поггенполь. – По крайней мере, год спустя, в 1889 г., экспедиция Фрешфильда, Дента, Уоллея и Поуелля, – продолжает автор, – нашла высоко над Тютюнским ледником в скалах восточного склона перевала Уллу-ауз последний ночлег несчастных путешественников, доказывающий, что экспедиция предполагала атаковать Коштан-тау со стороны его опасного северного гребня. И все же настоящая причина катастрофы осталась невыясненной».

После этих нахлынувших мыслей Поггенполь вернулся к тому месту, где его поджидали Гуляев и один из проводников, приведший лошадь Николая Васильевича. Путники спешно отправились вниз, к месту своего привала в долине.

...К четырем часам пополудни весь отряд прибыл в аул Безенги и остановился у правления, где любопытная толпа местных жителей окружила незнакомцев и забросала их вопросами, кто жестами и мимикой, кто на ломаном русском языке.

На следующий день Поггенполь с двумя проводниками и вьючной лошадью отправился из аула к знаменитому Безенгийскому леднику. Но вскоре они очутились в густом молочном тумане и по совету горцев не стали продолжать путь, а остановились на ночлег почти у самого ледника. Наутро руководитель группы добрался в одиночку до ледника и целый день бродил по нему.

«Грандиозность панорамы не передается никакими словами, никакими описаниями! Сумерки ложились на величайший из ледников Кавказа, который одной сплошной 18-верстной рекой вытекает из его ледяного сердца, перед величием которого бледнеют все прославленные и могучие ледники в Альпах. Пораженный до глубины души, стоял я на камне посреди ледника и любовался неземной красотой картины!» – восторгался путник.

«Влажная фиолетовая тень легла на бесконечное ледяное море, увенчанное в конце потемневшего ущелья какой-то фантастической, сказочной громадой, сверкающей алым светом ледяной стены! Как сверхземное привидение, горела Гистола в холодной высоте эфира, по которому, по-

добно перьям, скользили нежные клочки тумана, напоминавшие тонкие лепестки роз!» – продолжал восторгаться Поггенполь.

К этому описанию всемирно известного ледника, названного «Безенгийской стеной», трудно что-либо добавить. Панорама величавой картины многокилометровой сплошной ледяной стены действительно поражает взор даже тех, кто постоянно видит ее, живет на подступах к ней!

Продолжая описание сказочной панорамы, Поггенполь отмечает далее: «29 июля в 5 часов утра я сидел на камне перед палаткой и в грустном раздумье пил кофе. Густой туман лежал на всей местности, даже не было видно ледника! Через полчаса поднялся слабый ветер – и внезапно все прояснилось! Только в горах могут быть столь быстрые и неожиданные перемены, сразу бросающие человека из самого угнетенного состояния духа в какое-то восторженное упоение! Теперь скорее в дорогу!.. Оба проводника, Гуляев и я поднялись на ледник, по которому нам предстояло пройти около 5 верст... Ярко блистало солнце на безоблачном небе, выливая море золотистого света на слабо приподнятую, почти гладкую поверхность ледника. Вдали ослепительно сияла на ясной лазури неба часть той колоссальной ледяной стены, которая окружает снежник Безенги гигантским валом в 12 верст в окружности. Что-то сказочное, неземное, непередаваемое никакими описаниями, никакими фотографиями».

Очарованные красотой Безенгийского ледника, путники медленно пробирались по его правой морене, над которой виднелся ярко-зеленый альпийский луг с пасущимся на нем стадом баранов. «Урочище это называется Мусос-кош и было мне хорошо известно по обстоятельным описаниям иностранных путешественников», – писал Поггенполь.

По его словам, все альпинисты избирали этот кош своей штаб-квартирой при посещении Безенгийского ледника. Здесь где-то должна быть большая каменная глыба со сводом, вспоминал он. Под ней ночевали швейцарские путешественники.

«Я хотел последовать их примеру и вскоре отыскал это первобытное убежище, возле которого решил поставить палатку. Осматривая этот закоптелый исторический камень, я заметил следы нескольких надписей, между прочим, в одном месте имя известного швейцарского проводника Альмера. К 12 часам дня на уединенном Мусос-коше красовалась моя еще совершенно мокрая палатка», – писал путешественник.

С этой стоянки с одним из безенгиевских проводников Поггенполь решил идти осматривать ледник Мижирги, с которого открывается не менее удивительная панорама Центрального Кавказа.

«Дых-тау, Коштан-тау, Мижирги-тау и целая плеяда других великанов ослепительно блестят, подобно миллиардам бриллиантов, в холодной высоте эфира. Глубоко пораженный, в немом восхищении озирался я кругом! Гриндельвальд, Цермат, Шамуни – пустые призраки, слабые копии, детские наивные пародии горной природы! Настоящее величие, потрясающее человека до глубочайших фибр души, – вот оно, в этом непередаваемом амфитеатре прекрасном! Ничего подобного мне не случалось видеть до сих пор! Возьмите два Монблана, две Монте-Розы, Маттернгорн и Финстерар-

гон, прибавьте к ним группу Юнфау и Менха, соедините их в одно целое, спаянное сверкающими фирнами, увеличьте среднюю высоту этих гор на 1000 футов – и вы получите нечто подобное тому, чем я любовался в этот день!» – вот как поразила видавшего виды путешественника открывшаяся ему панорама ледников Безенгийской группы.

Весь следующий день путники посвятили осмотру Безенгийской стены и ледника Мижирги. Этот амфитеатр гор, не имеющий себе равных в Европе, приводил в трепет и смущение испытанные нервы самых опытных альпинистов и путешественников, бывавших даже на Гималаях! Почти 13-километровой могучей стеной громоздится здесь Главный Кавказский хребет, весь покрытый льдом сверху донизу более чем 2-километровой отвесной высоты, увенчанный сверкающими вершинами Катын-тау, Джангытау, Шхара-тау, Гистола и др.

Тридцать первого июля Н. В. Поггенполь и его группа, отдохнув несколько дней в Тебен-эле после описанных походов, покинула этот гостеприимный аул и сейчас же за аулом Шики начала подъем на перевал через Мухол-кая (2420 м) в Чегемское ущелье к аулу Думала. Благополучно перевалив через сравнительно легкий перевал, они очутились в живописном Чегемском ущелье. Здесь у аула Эль-Тюбю, ныне сел. Верхний Чегем, Поггенполь видел даже мечеть с минаретом и огромные каменные башни. Развалины этой мечети, башню Балкаруковых и несколько наземных мавзолеев башенного типа и сейчас можно осмотреть в данном районе на берегах речки Джилги-су. Поггенполь провел почти весь день, осматривая тогда еще целые сооружения.

Первого августа он покинул Верхний Чегем и начал свой переход в долину Баксана через аулы Актопрак («Белая глина») и Кек-таш («Зеленый камень») и далее по долине речки Гестенти в сел. Былым, которое раньше именовалось Озоруковским аулом. Этот аул Поггенполь хорошо помнил, так как пользовался гостеприимством его жителей еще при своем путешествии по Баксану в 1898 г. Тогда он останавливался здесь, возвращаясь с Эльбруса.

Переночевав в Былыме, Н. В. Поггенполь 2 августа к 10 часам вечера вернулся в Нальчик. Так закончилось его путешествие по горам Центрального Кавказа, предпринятое им в 1904 г.

ЧИММАК, ЛОКМАН И ДОКТОР ШУРОВСКИЙ НА ГОНДАРАЕ

С 6-го по 23 августа 1905 г. в сопровождении пятерых своих детей совершает путешествие по горам Западного Кавказа и четырежды пересекает Главный хребет сын известного профессора Московского университета Г. Шуровского – доктор В. Г. Шуровский.

Жарким августовским днем начал он свое путешествие из Кисловодска и первую ночевку провел на Бермамыте. На следующий день его семья добралась до долины речки Харбас и на берегу небольшого ручейка Артык-чат («Лишняя развилка») остановилась на следующий ночлег. Вверх по Артык-чату они поднялись на гору Тузлук-баши («Верховья солений»), а оттуда спустились в долину истоков Малки в небольшое ущелье Кая-ешик («Скальная дверь»). В этот же день они осмотрели живописные истоки Малки, посетили минеральные источники «Теплый нарзан», или Джилы-су, уже известные читателю по маршруту экспедиции Емануеля.

Шуровский следующим образом описывает этот источник: «Туземцы обоего пола приезжают сюда лечиться, причем живут под открытым небом и в очень неблагоприятных условиях. На этом туземном курорте практиковал местный знахарь, любимым средством которого были кровососные банки. Горячий источник протекает через два искусственных водоема, выложенных камнем, и вливается в Малку. Здесь же больные пользуются своеобразным потогонным лечением: на дне ямы раскладывается огонь, и когда он выгорает, стелят солому, пациент ложится в яму и покрывается буркой», – писал доктор.

Отсюда путники отправились на перевал Бурун-таш («Нос-камень») и через морены Малкинского ледника выходят на следующий перевал Нартжол («Дорога нартов») высотой 3620 м. Дальше их путь лежал в долину реки Битюк-тюбю-кол («Рукав низовьев Битюк»), где они вновь остановились на ночлег. Наутро группа отправилась вверх по течению Битюк-тюбю-кола до впадения в нее притоков: Джуакала-кол («Рукав крепости Джуа») и Кюкюртлю-кол («Селитровый рукав»). Затем они посетили очаровательную долину речки Кичкине-кол («Маленький рукав»), где отдохнули в карачаевском коше, а оттуда через 3,5 часа ходьбы прибыли в старинный карачаевский аул Хурзук. «Здесь, – пишет Шуровский, – мы захватили закупки, которые накануне сделал посланный нами провожатый Чумак, и выехали дальше вверх по реке Уллу-кам» («Большая река»). После четырехчасового перехода, у слияния рек Уллу-езен («Большая долина») и Кичкине-кол, путники разбили палатку. С этого места расходятся несколько тропинок через горы. По описанию доктора, «через перевалы Азауский и Хотю-тау можно спуститься в долину Баксана, а через перевал Чипер-Карачай – в долину Ненскрыта и вверх по Уллу-езеню в долину реки Сакен. Здесь же мы получили тревожное известие о деяниях эбзе (т. е. сванов. – *И. М.*). Говорили, что в Сванетии вооруженное восстание, что они осадили одного из князей Дадешкелиани, что они приходят в Карачай грабить и что ехать в Сванетию при настоящих обстоятельствах опасно».

И действительно, на следующий день Шуровский был свидетелем больших раздоров между пастухами-карачаевцами и сванами, прибывшими на этот склон, чтобы отомстить за смерть своих соотечественников. Поскольку Шуровского сопровождали карачаевцы, то при таком стечении событий ехать в Сванетию он отказался.

Весь день 14 августа они провели в окрестностях своего стана.

«В этом живописном месте, – писал он, – расположилось около 30 саклей, срубленных из толстых бревен. При слиянии рек Уллу-езен и Кичкине-кол стоял тогда ветеринарный пост стражников, представляющий хорошую избу из двух просторных комнат, также срубленных из бревен». 15 августа отряд Шуровского трогается в путь вниз по ущелью Уллу-кол и через 2,5 часа сворачивает в долину реки Узун-кол («Длинный рукав»), а через еще два часа ходу останавливается в прекрасной долине, которую радушный хозяин пастушьего коша называл *Мырды-езен* («Долина Мырды»). В этом районе автор путевых заметок называет целый ряд интересных топонимических названий: «Прямо на юг возвышается гора Шауген. По левому берегу Узун-кола: Денала, Уузун-чат («Длинная развилка»), Чунгур-чат («Ямаразвилка»), Имсу-чат («Развилка Имсу») и прямо с юга на север Кони-Холан-чат («Развилка Кони-Холан»), Кау-баши-чат, Кау-баши; по правую сторону хребет носит название *Кичкине-кол*, а отдельные вершины его – Дорбун-чат («Пещерная развилка»), Джанай-чат («Развилка Джанай») и Бэки».

Из этого коша, хозяин которого был ранен в перестрелке со сванами, путешественники совершили походы по окрестным горам, а на следующий день вернулись в аул Хурзук. Из Хурзука они переехали в Учкулан и, миновав его уже вечером, остановились у ветеринарной сторожки на поляне Махарай-тала («Поляна Махарай»). Хотя местные жители не советовали им идти через Гондарайский перевал с лошадьми, В. Г. Шуровкий все же рискнул предпринять такой переход на южный склон хребта. С этим намерением он 19 августа выступил вверх по реке Гондарай. Путники удачно пересекли реку Индрюкой и через два часа достигли подножия перевала, откуда из ледника Гондарай-чиран несколькими ручьями вытекает река Гондарай. К западу от этого ледника залегает другой ледник Эль-Мырза-Джая.

Двадцать первого августа в 8 часов 40 минут путники начали штурмовать перевал и к вечеру, после 10-часового восхождения, перебрались в долину реки Гондарай и устроили свой ночлег. Следующий день был посвящен отдыху, а 23-го к вечеру они через перевал добрались до сел. Чхалта и устроились на ночь в лавке аджарского торговца Ивана Засимовича, который предоставил им пустую комнату управляющего Максимова.

«Мы отдыхали после нелегкого и интересного перехода через Гондарайский перевал, и странно было очутиться в культурной обстановке, сидеть на венских стульях за самоваром, за столом, освещенным керосиновой лампой, и даже читать, хотя и старую, русскую газету», – писал Шуровский.

Мориц фон Дечи, пешком перешедший через этот перевал с севера на юг спустя 14 лет после своего покорения Эльбруса, писал: «От моих провожатых (карачаевцев. – *И. М.*) я мог узнать то, что в прежние времена абхазские беглецы переходили здесь через горы, но что позднее горы верховьев Гондарая так оледенели, что на человеческой памяти никто не переходил по ледникам Гондарая. Это обстоятельство и сообщение было потому ценно для меня, – писал Дечи, – что предстояло, может быть, вновь открыть забытый перевал». В примечаниях к своим словам Дечи справед-

ливо советует собирать сведения о прежних перевалах на Кавказе, полагая, что материал этот даст возможность судить о бывшем ранее оледенении Главного Кавказского хребта.

Такого же рода сведения сообщает С. В. Ваганов, который писал: «Через Гондарайский перевал [идти] настолько трудно, что никто не помнит из отважных сынов Карачая, чтобы кто из них, ныне живущих, переваливал через него. Однако, по рассказам, перевал этот был раньше проходим. Истекший (1897) год показал, – продолжает он, – что никто не решился перейти его, ни тем более перегнать овец».

На южном склоне путешественники пробыли до 29 августа, совершили различные экскурсии по окрестностям Чхалты, побывали у подножий Марухского перевала. 29 августа они двинулись по течению Маруха и через одноименный ледник перевалили в Карачай. К вечеру того же дня они уже были на коше одного карачаевского пастуха из аула Карт-Джурт. Из этого коша путешественники на следующий день тронулись в путь вниз по реке Марух. К 6 часам вечера они добрались до реки Кизгич, притока Большого Зеленчука. Интересно отметить, что Шуровский приводит один из вариантов карачаевского названия Большого Зеленчука – «Уллу Индрюк-су».

Здесь на очень красивой поляне группа Шуровского остановилась на целый день. Сын доктора познакомился тут с карачаевцем по имени Локман, «который своим знанием местности оказал нам большую услугу и стал дальнейшим проводником группы», – писал Шуровский. Из этого лагеря они прошли по реке Марух, затем пересекли реку Аксаут и вышли к устьям Мары. Из долины Мары путешественники отправились в обратный путь, направляясь к Кисловодску через станицы Преградную, Сторожевую, Кардоникскую и др. В Кисловодске же завершилось путешествие семьи Шуровского.

КУСОЧЕК ЧИСТОГО ЛЬДА ИЗ ШАРЫФЧЫКА...

Много раз путешествовавшая по горам Швейцарии М. К. Клименко в 1910 году предпринимает вояж по Центральному Кавказу.

Двадцать девятого июля она в сопровождении двух своих товарищей перешла вброд речку Нальчик и, минуя местность Дубки, поросшую молодым дубняком, направилась к горному селению Кашкатау в Кабардино-Балкарии. Сразу же за селением Кашкатау путники «въехали на широкую поляну, окаймленную со всех сторон зеленью густого леса. В ней-то и покоилось озеро Чирик-кель с темной, зелено-синей водой», – писала позднее путешественница. Это и есть знаменитые Голубые озера Черекского ущелья. В своих путевых заметках Клименко продолжала: «У Голубого озера мы провели добрых три-четыре часа... Отдохнули, насытились и, поде-

лившись скудными запасами провизии с подошедшими к нам горцами и отведав впервые их местного напитка «айран» (род кумыса или кефира), мы тронулись в более трудный, но более интересный путь». Из этого пункта и до конца путешествия М. К. Клименко и ее группу сопровождали несколько горцев. Дорога становилась все круче, горы все более сходились друг к другу с обеих сторон, тесня бурливую реку Черек. В одном месте горная дорога оказалась завалена камнепадом.

«Подъехав к месту катастрофы, мы увидели огромную груду камней, преграждавшую нам путь. Тут помощь горцев была для нас спасением. Мы с трудом перебрались через камни, а горцы помогли перетащить экипаж и лошадей с такой легкостью, что и сейчас не представишь себе, как это удалось», – писала Клименко.

К вечеру 30 июля они прибыли в аул Чегет-эль, где особенно им бросилось в глаза, как горские женщины «не тратят напрасно время ни одной минуты: даже на улице вы увидите ее, идущую с веретеном в руках, разматывающую шерсть, из которой будет она ткать материю».

Жители аула встретили путников очень радушно, а «чегет-эльский писарь, любезно встретивший нас, – писала Клименко, – приготовил нам кипятку, горские женщины принесли нам кур и яиц». На следующий день путешественники осмотрели окрестности, достопримечательные места и памятники старины, постройки аула и древние башни, усыпальницы и пр. Из этого аула путники, сопровождаемые горцами, взяли курс к подножию Коштан-тау. Горцы рассказывали им, что в 1908 г. 8 англичан отважились подняться на эту гору, но страшный великан наказал смельчаков за их дерзость и погубил их в своих трещинах.

...Вскоре путешественники подошли к сторожке, в которой живут стражники, обязанные осматривать скот, пригоняемый из Кутаисской губернии. Немного отдохнув в сторожке, о которой упоминал еще Н. В. Погенполь, они двинулись дальше к высокогорному району Штулу. Здесь навстречу путникам все явственнее стал вырисовываться и мощный Дых-тау. В Штулу путешественники остановились в другой такой же сторожке, где жили 6 стражников и один фельдшер, оберегающие скот от заноса язвы из соседних областей. Дом стражников был обнесен забором, на котором в виде украшений были развешаны рога туров, головы с рогами, разостланы шкуры туров и медведей, убитых обитателями этого дома. Горцы были чрезвычайно рады редким гостям и предоставили в их распоряжение большую комнату и столь же гостеприимно стали делиться с путниками своей едой: турьим мясом, пшеничными лепешками, заменявшими им хлеб. Отсюда рано утром группа направилась к конечной цели своего путешествия: к перевалам Шарыфчык и Гарпицчык [Гезевцек], до которых из этого места было около 20 км. Путь им предстоял очень сложный, со множеством переправ через горные реки, подъемы и спуски по крутым горным утесам. Приходилось карабкаться со скалы на скалу.

Об этом участке своего пути они писали: «Горы точно сговорились, набросали нам под ноги целые груды камней, по которым идти было истинное мучение, а между тем чем дальше, тем путь становился все труднее.

Казалось, сам первозданный хаос вступает во всем своем мощном величии в борьбу с человеком... Жажда мучила нас, а для удовлетворения ее на пути попадались глыбы сорвавшихся ледников... Наконец, еще перевал, и мы у цели! Проводник, дошедший туда раньше нас, был тем голубем Ноева ковчега, который принес пальмовую ветвь. Он нес нам огромный кусок чистого льда, взятого с тех самых ледников, куда шли и мы. Каким вкусным казался лед и как он утолял нашу жажду!».

...Путники стояли зачарованные, глядя на ослепительные искры мощного ледника Шарыфчыка, переливающегося в играющих лучах южного солнца. Им не хотелось покидать эту величественную картину ледника, залитого алым светом заходящего солнца.

«Как прекрасны казались нам эти вершины в час заката, когда точно зарево огромного пожара озолотит весь край неба... Вот необозримая масса льда мощно раскинулась перед нами, вот и озерцо с небесно-голубой водой. С какой жадностью пьешь эту вкусную ледяную воду из собственных ладоней», – восторженно писала Клименко.

Как бы ни манила их прелесть горного ландшафта с великолепным ледником, они вынуждены были возвращаться назад в сторожку, откуда и начинался их путь к знаменитому Шарыфчыку.

С. М. КИРОВ, СЕИД И ДЖИДЖУ ХАДЖИЕВЫ НА ЭЛЬБРУСЕ

В августе 1910 г. попытку взойти на вершину Эльбруса предпринимает профессор Варшавского политехнического института, действительный член Кавказского горного общества В. В. Дубянский. Его активным помощником был Бочай Урусбиев, радушно встретивший гостя в своем княжеском ауле. Несколько дней Дубянский провел в знаменитой кунацкой этой родовитой фамилии и тепло отзывался об обслуживании. В 1917 г. он писал: «Фамилия Урусбиевых на Северном Кавказе, бесспорно, принадлежит к числу тех немногих туземных фамилий, которые приобрели почетную известность далеко за пределами родных гор и России».

В том же августе, 8-го числа, была предпринята попытка подняться на Эльбрус действительным членом, товарищем председателя Кавказского горного общества, позднее доцентом Пятигорского пединститута Яковом Ивановичем Фроловым. Его группа смогла подняться только до «Приюта одиннадцати», где им пришлось переждать очень сильный снежный буран и вернуться обратно. Но все же неутомимый исследователь и любитель гор Кавказа Я. И. Фролов в июне 1911 г. организовал новую группу из членов Горного общества, в которую вошли В. М. Ройхель, В. Н. Дьяченко,

И. Г. Лейзерович, О. М. Милютина, К. В. Писнячевский, А. А. Ейбоженко и А. М. Вербова. Уже первого июля эта большая группа была в ветеринарной сторожке у Азауского ледника, а к вечеру того же дня добралась и заночевала в хижине Кавказского горного общества. На следующее утро в 5 часов 30 минут группа вышла на маршрут с проводниками Бочаем Урусбиевым и жителем Иткольского аула Сеидом Хаджиевым. В начале путь их был весьма легким, и путники быстро продвигались вперед. «Но недолго шли так. Некоторые стали как-то иначе дышать, часто вздыхать и просить отдыха. То и дело слышишь возглас:

– Тохта! – писал Фролов.

Когда группа добралась до высоты 4200 м, Фролов вспомнил, что это был «Приют одиннадцати», где в прошлом году 8 августа он сидел, согнувшись в комок, под камнем и целых восемь часов пережидал страшнейшую метель.

В этом месте путешественники устроились на ночлег, некоторым из них стало плохо, и они решили вернуться обратно. Группа разделилась на два отряда. Ройхель, Фролов и Сеид решили идти дальше, а остальные в сопровождении Бочая спустились вниз, к месту первой ночевки.

В 12 часов ночи отважные горовосходители двинулись на штурм вершины. Яков Иванович писал, что «отсюда начался почти сплошной лед... Наши восьмизубые кошки оказали нам неоценимую услугу. Нам нигде не приходилось рубить ступеньки. Если кто и рубил для себя ступеньки, так это проводник, который шел без кошек в туземной обуви – чабурах». По совету Сеида Хаджиева альпинисты решили подниматься на вершину, минуя седловину, где, как правило, бывали сильнейшие снежные ветры и метели.

«Что там царил сильный ветер, мы ясно видели по снежным вихрям, которые беспрерывно носились по седловине... Силу этого ветра мы испытали на себе, взойдя на вершину 3 июля в 2 часа 35 минут дня. На самой вершине мы очутились несколько правее ледоруба П. Г. Лысенко, оставленного им в 1907 г. Первым нашим желанием было осмотреть ледоруб с навязанным на него полотенцем. Ледоруб, наклоненный к востоку, был виден, но полотенца на нем не оказалось. Только небольшой клочок от него валялся около. Он лежал примерзшим к обледенелому снегу, восточнее ледоруба... Сила ветра была настолько велика, что трудно не только двигаться вперед, но держаться на ногах. Не скрою, что, когда я бросился к ледорубу, то сильный ветер не просто остановил меня, но свалил с ног назад. В. М. Ройхель стал навязывать на ледоруб новое полотенце с меткой французского алфавита «Д», «Р», я же принялся отыскивать на вершине другие признаки человеческого пребывания, – писал Фролов. – ...Навязав полотенце и осмотрев вершину, – продолжает он, – мы не знали, что дальше делать. Как-то все сразу обратились друг к другу с вопросом «Что же дальше?»... Само собою разумеется, общим нашим желанием было продлить время пребывания на вершине, но невозможность и сильный отчаянный крик проводника «Хайда!» вывел нас из того, теперь не могу сказать, приятного или неприятного положения. Мы все бегом молча бросились вниз».

Спуск с вершины занял у них 7 часов времени. По дороге они захватили свои вещи, оставленные в «Приюте одиннадцати», и в 10 часов вечера были

уже в ветеринарной сторожке. Так завершилось восхождение на Эльбрус группы Фролова, который тем летом записал в ауле Урусбиево приводившийся выше рассказ Ахии Соттаева об экспедиции Емануеля.

Сам Я. И. Фролов на вершине Эльбруса побывал четыре раза, а знаменитый проводник Сеид Хаджиев в том же году за оказание помощи горовосходителям получил свидетельство о том, что он является проводником не только через перевалы Кавказа, но и на вершину Эльбруса. Такое свидетельство было выдано ему Кавказским горным обществом, располагавшимся в Пятигорске.

Через две недели после восхождения Фролова на Эльбрус поднимался выдающийся соратник В. И. Ленина, пламенный революционер С. М. Киров. 27 июля 1911 года Сергей Миронович Киров прибыл в аул Урусбиево. Вместе с ним были его спутники и соратники по революционной борьбе на Северном Кавказе: бывший машинист миноносца «Георгий Победоносец» Иван Спиридонович Моторный, скрывавшийся от царских жандармов под именем Павла Григорьевича Лучкова. В 1905 г. он призывал экипаж миноносца присоединиться к броненосцу «Потемкин», а теперь сотрудничал с Кировым в газете «Терек». Вторым участником был владикавказский юрист, присяжный поверенный Б. К. Далгат, который часто выступал адвокатом и имел обширную клиентуру среди горцев Кавказа и во многом помогал С. М. Кирову в его революционно-пропагандистской деятельности на Северном Кавказе. Третий спутник Кирова – ветеринарный врач из Нальчика В. В. Егоров, находившийся под негласным надзором царской полиции за свои передовые идеи. Он поджидал Кирова в ветеринарной сторожке под ледником Азау.

В Верхнем Баксане С. М. Киров нанял опытных проводников – Сеида и Джиджу Хаджиевых, уже имевших богатый опыт.

Утром 30 июля группа через ледник Сары-кол-баши (т. е. «Верховья желтого рукава») достигла фирновых полей Эльбруса. Около двух часов дня начался сильный снегопад, и им пришлось, не достигнув «Приюта одиннадцати», расположиться на ночлег. Наутро в 3 часа 30 минут они продолжили путь. Примерно в 10 часов группа разделилась на две части: С. М. Киров, П. Г. Лучков и Сеид Хаджиев пошли вперед, а за ними следовали В. В. Егоров, Б. К. Далгат и Джиджу Хаджиев. Но вскоре вторая группа из-за плохого самочувствия участников вынуждена была вернуться назад. А первая группа продолжала отчаянно продвигаться к заветной вершине.

Тридцать первого июля в 2 часа дня С. М. Киров, П. Г. Лучков и их проводник Сеид взошли на вершину Эльбруса. Девятого августа того же года газета «Терек» писала, что «задолго до рассвета в 3 часа 30 минут утра 31 июля альпинисты вышли к вершине. Погода благоприятствовала восхождению, безоблачное небо было усеяно мириадами звезд, ветер утих. После шестичасового подъема С. М. Миронов (псевдоним С. М. Кирова. – *И. М.*) со своим товарищем П. Г. Лучковым уходит вперед и к двум часам дня достигает Восточной вершины Эльбруса... Только 19 минут смогли они пробыть на вершине, так как усилившийся ветер угрожал переменой погоды в худшую сторону».

На вершине Эльбруса альпинисты нашли ледоруб Лысенко с привязанным к нему полотенцем, который оставила группа Фролова. Сергей Миронович отрезал кусочек полотенца с именами Ройхеля, Фролова и вскоре прислал его Я. И. Фролову в Пятигорск.

К 9 часам вечера горовосходители спустились к леднику Азау, на следующий день, 1 августа, прибыли в аул Урусбиево, а 6-го числа они прибыли уже в Кисловодск. Так завершилось покорение Эльбруса группой Сергея Мироновича Кирова.

МИНБОЛАТ, КУЧАРА И ХАДЖИ-МУРЗА УРУСБИЕВ...

В июне 1914 г. известный путешественник С. Я. Голубев собрал в Кисловодске опытную группу для совершения ряда горных переходов по Центральному Кавказу и восхождения на Западную вершину Эльбруса. В его группу входили Н. М. Стейноглу, П. С. Панютин, В. В. Штейн и М. Е. Синюков. 12 июня они вышли из Кисловодска и взяли курс на Бермамыт. Путешествие их начиналось при самых неблагоприятных погодных условиях, шли непрерывные дожди, которые обычны для июня месяца в этих районах. Лишь 14 июня, спускаясь с Бермамыта, они увидели, и то ненадолго, белоснежную громаду Эльбруса. Дождь и сырой туман были их постоянными спутниками, пока они не добрались до истоков Малки. Путники перешли реку, поднялись на правый крутой склон, подошли к вершине Кара-кая («Черная скала») и вечером 15 июня разбили здесь палатку с намерением подняться наутро по верховьям реки Ислам-чат («Развилка Ислама») на вершину Балыксу-баши («Верховья реки Балык», т. е. Малки). Отсюда на запад от стоянки путников открывается крутая снежная стена горной вершины, упирающейся в фирновое поле Джикиауганкез («Седловина, где перевалил Джики»). На северо-востоке эта седловина громадными ступенями доходит до верховьев Ислам-чата, а его южный склон мягкими отлогими складками спускается в долину реки Су-баши, верхнего правого притока реки Кыртык-су.

Задачей путешественников было подняться на Балыксу-баши с северо-восточной стороны и спуск на южный его склон, в долину Су-баши, а оттуда в долину Кыртыка и прийти в аул Урусбиево. 16 июня, следуя по намеченному маршруту, группа Голубева к половине шестого вечера взобралась на вершину Балыксу-баши, который представился им как свеженадутый снежный карниз, круто обрывающийся на запад. Отсюда особенно грандиозен вид на Эльбрус. Отделенный от вершины Балыксу-баши провалом в 600 м и широким полем Джикиауганкез, он предстает перед очарованными путниками во всем своем величии.

«Только здесь, несмотря на мое достаточное знакомство с Эльбрусом, – писал Голубев, – я впервые увидел, насколько грандиозен этот гигантский

снежный конус высочайшей горы Кавказа! Мне кажется, что нет другого пункта, кроме вершины Балыка, откуда без всяких искажений и сокращений открывается вид на этот ледяной колосс, вид которого дает истинное представление о громаде Эльбруса».

Семнадцатого июня путники по долине Кыртыка и через одноименный перевал добрались до аула Урусбиевых. Первоначально группа намеревалась остановиться в доме князя Науруза Исмаиловича, но поскольку его в ауле не оказалось, она устроилась в доме князя Джансоха Дадешкелиани, который оказал путешественникам очень теплый и радушный прием. По примеру Исмаила Урусбиева Джансох предполагал устроить в ауле нечто подобное туристской гостинице, чему были очень рады все бывавшие в ауле путешественники.

По словам С. Я. Голубева, в дни их пребывания в ауле имелся только что открывшийся дом Джарахмата Абдуллаева, где туристы также могли найти достаточно удобств для кратковременного отдыха перед горными походами. Он писал, что пришедшая на следующий день туристская группа москвичей: Ру, Шаблинский, Любанский и другие остановились у Джарахмата, обновив таким образом только что открытый дом -гостиницу.

В связи с упоминанием Джансоха Дадешкелиани уместно сказать два слова о родственных взаимоотношениях карачаево-балкарских князей Урусбиевых и сванской семьи Дадешкелиани. Согласно народным преданиям, записанным М. М. Ковалевским и другими авторами, родоначальник старинного сванского рода был из тарковских кумыков, и его потомство захватило власть в свои руки и постепенно подчинило себе все общество княжеской Сванетии по нижнему и верхнему течению реки Ингури. Центром княжеского рода Дадешкелиани были сел. Барши и Ингури.

М. А. Шостак писал, что в этом селении на рубеже XIX–XX вв. «жил князь Татархан Тенгизович Дадешкелиани, у которого хранилась старинная серебряная фамильная реликвия – шкатулка с до сих пор не разобранной надписью и принадлежащая некогда царице Тамаре... Сам князь помещался в деревянном здании, ему принадлежит самая высокая в Сванетии башня. Перед его домом, на поляне, возвышается единственный высокий ясень, а под ним находится каменный бюст основателя рода Отара Дадешкелиани».

В ауле Урусбиево Джансох рассказывал Голубеву другое предание: «Один из его предков однажды посетил по какому-то особо важному делу верховья Баксана и встретился здесь с девушкой из Урусбиевского аула, очень ее полюбил. Будучи христианином, он не мог жениться на ней и поэтому сам решил переменить религию. Это вызвало бурю негодований в Сванетии. Он был лишен княжеского звания и стал величаться просто Отаровым. Князь мало был этим тронут и, бросив родную Сванетию, переселился на Баксан, где и обосновался в ауле Урусбиево. Теперь, – рассказывает Голубев, – сваны уже примирились с «изменой» князя и, приходя на Баксан, считают долгом явиться с приветом к потомку Отара, который больше известен под старой фамилией Дадешкелиани».

Хорошенько отдохнув в доме Дадешкелиани-Отарова, Голубев приступил к поиску проводников.

«Первоначально я наметил для этой цели Хаджи-Мурзу Урусбиева и Минболата Гулиева, с которыми еще в 1913 г. нам удалось открыть новый перевал в Чегем. К сожалению, непредвиденные обстоятельства помешали и тому и другому сопровождать нас, – писал путешественник. – Желающих быть проводниками туристов было много, – продолжает он, – но Минболат остановил свой выбор на своем родственнике по имени Кучара», который поначалу произвел на путешественников не очень благоприятное впечатление, но потом оказался настолько трудолюбивым, преданным и отважным, что им «оставалось только благославлять судьбу за такой счастливый выбор».

Девятнадцатого июня группа в полном составе начала подъем по долине Адыр-су, затем по склону одной из красивейших гор Сылтран-баши они намеревались подняться на вершину Мукала. К вечеру путники добрались до небольшой седловины между массивами Сылтран-баши и восточного склона Мукала и остановились здесь на ночлег. В 7 часов утра они покинули свой ночлег и стали продолжать путь к вершине. На высоте 3600 м снег, до сих пор хорошо выдерживавший альпинистов, вдруг стал рыхлым, подъем сразу же стал значительно затрудненным. Путникам приходилось утопать по пояс в снегу. С большими трудностями им все же удалось достичь вершины Мукала.

«Та невероятная панорама, которая открылась отсюда нашим восхищенным взорам, далеко превзошла все, что мы могли ожидать. Прямо перед нами, упираясь в темно-синее небо, поднимался огромный, сверкающий на солнце корпус седого Минги-тау. Высоко над зубьями Шхельды и Чатын-тау вздыбились смелые утесы Ушбы. В глубокой дали, как легкие облачка, виднелись на востоке ледяные громады Безенгиев-ского великана», – восторгался Голубев.

Налюбовавшись этой сказочной панорамой, горовосходители направились через седловину Мукала к следующей вершине, соседствовавшей с Донгуз-Оруном, к горе Кызгем. К половине четвертого часа пополудни они сумели взойти и на эту вершину. Об этом участке своего восхождения они писали, что «с большим трудом удалось найти каменный выступ и в большой щели укрепить жестянку с визитными карточками». Отсюда путешественники начали свой спуск в долину Ирик-су, а оттуда вернулись в Урусбиевский аул и завершили первый этап своего похода по горам верховьев Баксана.

Двадцать второго июня весь день был посвящен подготовке нового похода, необходимо было подыскать хорошего помощника Кучаре Гулиеву. К счастью путешественников, Хаджи-Мурза Урусбиев освободился от своих дел и на этот раз мог сопровождать их. На следующий день они направились вверх по реке Адыр-су. Немного пройдя по ущелью этой бурной реки, у впадения в нее Суллукол-су, туристы уступили многократным просьбам Кучары и зашли к нему в кош на левом берегу Адыр-су.

«Несравненный каймак, горячие пшеничные лепешки, чай, айран, сыр – словом, все, что имелось у славного Кучары, было гостеприимно предоставлено в распоряжение наших аппетитов», – писал Голубев в своих заметках об этом походе.

Отдохнув на коше у Кучары полных два часа, путники вышли на правый берег реки и вскоре были у устья Суллукол-су и пошли вверх по ее течению, направляясь к вершине Суллукол-баши. К 8 часам вечера, пройдя достаточное расстояние по очень сложным крутым скалистым склонам, группа устроилась на ночлег, а утром в половине шестого двинулась выше по склону горы, держась правого берега реки. К половине восьмого утра она была у нижнего края морены ледника Суллукол-баши-чиран.

С тех пор как здесь побывал знаменитый путешественник и этнограф Г. Мерцбахер, минуло уже 23 года, и за это время здесь произошли большие изменения.

«Тот висячий ледник, или, вернее, узкий и крутой конечный ледник, о котором упоминает Мерцбахер, исчез совершенно... Из рассказа Кучары и Хаджи-Мурзы нам удалось установить только, что лет 25–30 тому назад ледник стекал значительно выше», – зафиксировал Голубев.

Осмотрев ледник и описав его подробно, путники стали искать удобный подход к острому гребню горы Кюнлюмкол-баши («Глава южного ущелья»), так как они находились примерно на том месте, где хребет этот примыкает к северо-западной ветви Баксано-Чегемского отрога, и могли без особых трудностей перевалить через перевал Кюнлюмкол-ауш (3940 м).

На подступах к этому перевалу путников настиг непроглядный туман, и было решено заночевать здесь и переждать туман. Горцы не согласились ночевать на снежнике и спустились вниз на некоторое расстояние, чтобы устроить свой ночлег в скалах, а не на снегу и не во льдах.

Видавший много гор и разных проводников С. Я. Голубев писал об этих своих проводниках: «Насколько я мог заметить в течение своих странствий по Кавказу, горцы вообще не любят снега и льда – боятся их, быть может, не доверяют им, но во всяком случае они предпочитают скалы. «Кая – якши; буз, чиран – яман!» – можно услышать от любого высокогорного охотника («Скалы – хорошо; лед, снег – плохо!»). Кучара и Хаджи-Мурза не составляли исключения из общего правила».

Перевал Кюнлюмкол-ауш завершился удачно, и наши путники к часу следующего дня были уже в уютной сторожке у Адыр-су.

БЕК-МУРЗА И ИБРАГИМ НА СЕДЛОВИНЕ УШБЫ

Завершив первую часть своего путешествия по Приэльбрусью, С. Я. Голубев намеревался совершить восхождение на северную вершину Ушбы и перевалить Главный хребет через седловину между массивами Ушбы и Чатын-тау. Для подъема на неприступную Ушбу альпинистам нужно было выбраться на ее северное фирновое поле, к подножию того северного гребня, по которому в 1903 г. совершил свой рекордный траверс Пфан в

группе с Лейхсом и Дистелем. Но Голубев хотел пробраться к этому гребню с севера, из ледников Шхельды, в то время как Пфан поднимался туда с юга, из Бечо, по леднику Ушбинского глетчера. Но в связи с тем, что двое его спутников – Стейноглу и Штейн – были вынуждены отказаться от этого трудного мероприятия, Голубев и сам не решился осуществить свой первоначальный замысел и с помощью двух проводников – чегемцев Ибрагима и Бек-Мурзы – решил совершить переход через Главный Кавказский хребет по верховьям Шхельдинского ледника, по западной седловине Чатын-тау и массива Ушбы. Путешественник писал, что «для осуществления этого плана мы могли положиться на чегемцев, так как горцы для перевалов являются достаточно надежными товарищами».

Десятого июля, простившись с прежними спутниками, новая группа Голубева взяла курс на Шхельдинский ледник. К 12 часам дня они уже были в гостеприимном балкарском коше, находящемся над самым ледниковым языком, на крутом склоне альпийского луга. После небольшого отдыха, попив приятного айрану, в знойный июльский полдень они продолжили свой путь. После высоты 2250 м дальнейший подъем для путников был «сплошными акробатическими упражнениями, которые усложнялись тяжелым багажом – около пуда у каждого за спиной. Непрочные камни часто выскальзывали из-под ног, приходилось долго ощупывать надежную опору», – писал руководитель группы. В начале четвертого часа дня они стали пересекать Шхельдинский ледник, направляясь на восток, а к половине шестого, достигнув небольшой группы скалистых утесов, устроили себе ночлег. Рано утром они продолжили свой путь к высоте 3260 м. Им пришлось надеть на ноги кошки и связаться веревкой, так как лед становился очень скользким. К половине первого часа дня наиболее опасные участки ледника были пройдены, и восходители потихонечку перебрались на фирновое поле в верховьях Ушбинского ледника. Главный хребет был уже пересечен. Им оставалось лишь подняться к боковому хребту Чатын-тау – Ушба и отыскать там удобный перевал в долину Чалаат.

«Мы были на высоте 3960 м, – пишет Голубев, – выше и восточнее того пункта, которого достигли в 1903 г. Пфан, Дистель и Лейхс».

Прекрасная, но страшная по своей дикости панорама открылась взору путешественников. На западе ужасающими башнями врезалась в синеву неба желтозубая Шхельда-тау. Левее, над изломами ледяного потока, исполинскими зубьями высилась вздыбленная северная вершина Ушбы. На востоке, между массивами Чатын-тау и Ушба, виднелись две седловины, через которые и был совершен этот переход, в одном месте «спуск с ближайшего барьера чуть не закончился катастрофой. В ледяной крутизне нужно было рубить ступени, чтобы подойти к краю навеса и затем спрыгнуть с 4-метровой высоты вниз на обломки сераков и лавинный снег. Первые двое выполнили это благополучно и, подбирая канат, помогали спускаться остальным. П. С. Панютин и Ибрагим, шедшие последними, поскользнулись на ледяных ступеньках и сорвались значительно выше края обрыва. В то время как мы собирали канат, к нашим ногам упал сначала Панютин, а затем высоко над нами пролетел Ибрагим и упал где-то внизу

в ледяные обломки. Туго натянутый канат удержал его от дальнейшего полета. К счастью, оба пострадавших отделались небольшими ушибами, но ледоруб Ибрагима был потерян навсегда».

После 16-часового подъема и спуска по леднику в 9 часов 20 минут вечера путешественники стали устраивать себе ночлег в углублениях мягкого снега. Но рано утром, проснувшись и осмотрев место своего выбора для ночлега, путники пришли в ужас: в пяти шагах от спальных мешков тянулась ужасная трещина, которую в потемках накануне они не заметили. Приют их был размещен на узком перешейке в 5 метров между двумя огромными пропастями.

Дальнейший короткий спуск привел их к новым дебрям ледопада. Путешественников вновь ожидала нервная работа по прокладыванию дороги в изломах ледопада.

«Все время вставало опасение, что вот-вот встретится на нашем пути такое препятствие, которое мы не в силах будем преодолеть, думалось каждому. Становилось жутко от сознания, что всякое отступление отрезано, так как подняться к перевалу и вернуться старой дорогой было невозможно. Во многих случаях выручал нас необыкновенный инстинкт Бек-Мурзы: его привычка к ледникам, его чутье помогали иной раз выбираться из самых, казалось бы, безвыходных положений», – читаем мы у Голубева.

С невероятными трудностями совершили наши путники этот сложнейший перевал. К 4 часам 40 минутам они спустились к заваленным камнями оконечностям Чалаатского ледника на высоте 1860 м. Отсюда путь их лежал в направлении Местии. Но до Местии еще было очень далеко, и они заночевали у окраин ледника. На следующий день к часу дня наши путешественники добрались до Местии и направились в дом священника Виссариона Нижарадзе, который по предупреждению Урусбиевых уже поджидал их.

ДВА СЛОВА ИЗ ИСТОРИИ КАВКАЗСКОГО ГОРНОГО ОБЩЕСТВА

Трудно переоценить ту огромную роль, которую сыграло в становлении и развитии отечественного альпинизма и горного туризма Кавказское горное общество. Своим возникновением оно обязано энергичной деятельности неутомимого альпиниста и путешественника Рудольфа Рудольфовича Лейцингера. Он первым поднял вопрос о создании Горного общества в Пятигорске. И вот 23 июня 1899 г. в Николаевском цветнике Пятигорска состоялось первое собрание лиц, сочувствующих учреждению Горного общества. Собралось около 50 человек под председательством О. А. Чечотта. На этом собрании были выработаны основные положения будущего устава, определены цели, средства и состав общества.

Для дальнейшего продвижения идеи создания общества это собрание избрало из своей среды уполномоченных, которым было поручено ходатайствовать в установленном порядке об учреждении проекта устава. Такой проект был подготовлен и принят в декабре 1901 г. Вскоре было создано первое временное правление общества под председательством атамана Пятигорского отдела генерал-майора А. А. Ржевусовского. В июле 1902 г. на первое общее собрание собралось очень скромное количество – всего 19 человек. Первым председателем был избран О. А. Чечотта, еще до этого хорошо известный как отличный знаток Кавказа. Основной идеей общества, зафиксированной в уставе, было «служить проводником альпинизма на Кавказе, привлекать в наши горы возможно большее количество туристов», – говорил на юбилейном собрании общества в 1912 г., 15 июня, Ю. В. Фукс в связи с истечением первого десятилетия существования организации.

В первый же год своего существования общество поставило вопрос об устройстве приюта для туристов на Бермамыте, близ Кисловодска. В этом вопросе на помощь обществу пришел директор Кавказских Минеральных Вод В. В. Хвощинский, передавший в распоряжение общества один деккеровский барак, который и был установлен на Бермамыте. Правление общества выписывало из Швейцарии такие необходимые принадлежности альпиниста, как ледорубы, кошки, горные палки, палатки и др. Члены общества совершали научные и познавательные экскурсии в верховья Малки, к известным минеральным источникам. Особенно интересными были экскурсии и путешествия членов общества, организованные по инициативе Лейцингера, под руководством уже упоминавшегося Дубянского и других активных членов организации.

В мае 1909 г. на юго-восточном склоне Эльбруса, на так называемом Кругозоре, на высоте 11 800 футов был сооружен каменный приют, положивший начало реализации планов Лейцингера, согласно которым предполагалось проложить пешеходную тропу на вершину величайшей горы Кавказа. В 1910 г. после смерти Лейцингера общее собрание общества постановило назвать эту хижину Лейцингеровской. В том же году особого внимания заслуживали два восхождения: группы Дубянского на Эльбрус и восхождение Ройхеля на Казбек.

Кавказское горное общество прилагало много усилий для улучшения существующих и прокладки новых колесных дорог в горах Центрального Кавказа. В числе этих мероприятий следует отметить ходатайство перед Министерством путей сообщения о проведении колесной дороги до ледника Азау и подножия Эльбруса, на что было впоследствии ассигновано 1000 рублей. В 1912 г. правление общества решило принять все меры, чтобы приобрести на правах долгосрочной аренды участок земли на горе Бермамыт для устройства там более благоустроенного приюта. В документах того периода можно прочесть, что «для продвижения этого вопроса общество начало переговоры с уполномоченными кабардинского народа и получило в конце концов предложение от присяжного поверенного Шаханова, состоящего уполномоченным кабардинского народа и сопредельных племен, прислать

на Бермамыт комиссию от Горного общества для отмежевания участка и предварительных переговоров об условиях аренды.

В августе 1912 г. такая комиссия в составе членов правления: А. Я. Аболина, Г. И. Раева и Ю. В. Фукса ездила на Бермамыт, где и был намечен желательный для общества участок земли, нанесены тут же границы его прибывшим с господином Шахановым землемером и установлен размер арендной платы. Подробные условия и сам договор рассматривались затем на заседании правления совместно с уполномоченным кабардинского народа, присяжным поверенным Шахановым». Все эти документы впоследствии были утверждены протоколом № 22 общего собрания общества 13 октября 1912 г.

Неоценимую и несравненно огромную роль в развитии альпинизма на Кавказе сыграло и Русское горное общество. В отчетном докладе за 1913 г. говорилось, что «идеи альпинизма захватывают у нас, в России, все более и более широкие массы, и интерес к горам с каждым годом возрастает. Особенно это сказывается на Кавказе, где организован «Главный комитет поощрения туризма». Это общество предполагало устроить гостиницу и завести своих проводников в районе Безенги, что значительно продвигало вперед развитие горного туризма и альпинизма в горах Центрального Кавказа. Этому способствовало строительство высокогорной хижины на ледниках Безенгийской стены, организация системы проводничества и выдача письменных удостоверений проводников из среды горцев Карачая и Балкарии.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

В истории альпинизма и горного туризма тщетно искать экспедицию, отправляющуюся для покорения горных вершин или перевалов, которая при этом брала бы себе в проводники жителей степей или предгорий. Живым примером тому являются многократные экспедиции знаменитых альпинистов на Эверест и другие вершины, когда они вынуждены всегда искать себе проводников из местных жителей. И это несмотря на свой изрядный опыт горовосхождений. Об этом же говорят горные восхождения и путешествия, о которых шла речь выше. Недаром даже знаменитые европейские альпинисты, везде возившие с собой опытных швейцарских горовосходителей, каждый раз, прибывая на Кавказ, всегда подбирали себе проводников из местных горцев – жителей подножий той или иной горы.

Хотя в Приэльбрусье в среде карачаевцев и балкарцев еще не сложилось письменно закрепленного общества проводников-профессионалов, мы с полным правом можем среди таковых называть имена горцев, о которых упоминалось в наших очерках.

Для наглядности хочется привести читателю следующую таблицу:

Год	Участники-проводники	Кого сопровождали	Их имена
1639	«Карачаевские мужики» (не менее двух)	Русских послов	–
1829	Пять «черкесов» и три князя	Экспедицию Емануеля	Хиллар Хачиров, Ахия Соттаев, Ислам Крымшаухалов, Мырзакул Урусбиев
1865	Четверо карачаевцев	Г. И. Радде	–
1868	Пять урусбиевцев	Д. Фрешфильда	Дячи Джаппуев, Ахия Соттаев
1879	Три карачаевца	Н. Я. Динника	Ожай Байчоров, Кара-Магулай
1884	Двое урусбиевцев	М. Дечи	Малай Терболатов, Хамзат Урусбиев
1884	Четверо урусбиевцев	Д. Л. Иванова и Е. В. Павлова	Джанай, Джапар
1885	Несколько карачаевцев и балкарцев	М. М. Ковалевского и С. И. Танеева	Измаил Урусбиев, Сафар-Али Урусбиев, Азамат Джерештиев
1886	Пятеро урусбиевцев	С. Ф. Давидовича	Малай Терболатов, Махай, Биаслан Урусбиев
1890	Два балкарца	Г. Вули	Кичи Джанибеков, Биаслан (Урусбиев?)
1896	Четверо урусбиевцев	А. В. Пастухова	Акбай Терболатов, Аслан-Хаджи Залиханов, Бочай Урусбиев, Сеид Курданов
1898	Четверо урусбиевцев	Н. В. Поггенполя	Малай Терболатов, Аппай Ахкобеков, Исса Казаков, Хаджи Ахматов
1904	Пять балкарцев	Н. В. Поггенполя	Исса
1905	Несколько карачаевцев	В. Г. Шуровского	Чиммак, Локман...
1910	Двое балкарцев	М. К. Клименко	–
1911	Двое урусбиевцев	С. М. Кирова	Сеид Хаджиев, Джиджиу Хаджиев
1914	Четверо балкарцев	С. Я. Голубева	Кучара Гулиев, Хаджи-Мурза Урусбиев; Ибрагим, Бек-Мурза

Приведенная таблица, по самым скромным подсчетам, показывающая 69 карачаевских и балкарских горных проводников, в т. ч. 33 из которых названы поименно, не может быть сколь-нибудь исчерпывающим списком или документом. Она построена лишь на тех скромных данных, оказавшихся возможными для автора этих строк. Дальнейшие поиски, безусловно, значительно дополнят число карачаево-балкарских горовосходителей, способствовавших становлению и развитию отечественного альпинизма и горного туризма. Но столь же безусловно и то, что приведенные материалы красноречиво говорят о той неоценимой роли, которую сыграли горцы Карачая и Балкарии в успешном решении важнейших вопросов отечественной науки о Кавказе.

Все выявленные имена горцев заслуживают быть названными поименно, когда речь идет об истории альпинизма и горного туризма на Кавказе.

Очерк VIII *
СЕВЕРНОЕ КУБАНСКОЕ И ТЮРКСКОЕ ПРЕДГОРЬЯ КАВКАЗА

Ни бранный шум, ни песня молодой
Черкешенки уж там не слышны боль.
И в знойный летний день табун степной
Без стражи ходит там, один, по воле,
И без оглядки, с пикой за спиной,
Донской казак въезжает в это поле,
И безопасно в небесах орел,
Чертя круги, глядит на тихий дол.

М. Лермонтов

Посмотрим теперь, что представляет собой сопредельная часть между Россией и Кавказом.

Местность эта – одна из любопытнейших и своеобразных окраин России. Ее составляют те звенья, которыми собственно Россия связана с Кавказом. Здесь, на этом рубеже, приходят в непосредственное соприкосновение и, выражаясь образно, срастаются между собою равнинная Россия с горным Кавказом. Тут же сошлись и перемешались разные племена и народности, частью оттесненные уже русскими, частью подчинившиеся влиянию русской культуры. Словом, это такая местность, где массовое движение русских колонизаторов встретило серьезные препятствия в чуждых этим колонизаторам народностях и своеобразной природе, с ее малопривычными русскому человеку особенностями.

Взгляните на карту Кавказа и представьте, что вы едете по Ростово-Владикавказской железной дороге. На Невинномысской станции вы оставляете железнодорожный поезд, берете почтовых лошадей и отправляетесь на юг, поднимаясь сразу на небольшую возвышенность. Направо от дороги бурлит и изливается Кубань. Впереди величественно возвышается Эльбрус, по обеим сторонам которого, на восток и запад, тянутся длинные и причудливые цепи гор. Там, вдали, на Эльбрусе и на некоторых из ближайших к нему горах сверкают белые глыбы и полосы снега; изредка над горами ползут и вьются тучи, а великан Эльбрус обвит ими, точно татарскою чалмою с развивающимися концами повязки; масса облаков играет всевозможными переливами света. 5–6 часов быстрой езды – и перед нами небольшой, но приличный и уютный по внешнему виду городок – станица Баталпашинск. Еще несколько верст вперед – и вы вступаете в то ущелье, по которому протекает Кубань. Вы едете дальше и дальше, выше

* Для удобства читателей старославянский текст переведен без искажения содержания на современный русский язык. Очерки даны в сокращении.

и выше на юг через Хумарны. Горная природа успела уже заполнить ваше внимание. Горы и горные уступы, скалы и стремнины. Глухо и безлюдно; нет русских, нет даже казаков. Изредка попадается вам на неуклюжей арбе или на крепком коне плотно строенный горец-карачаевец. Вот, наконец, и Хурзук, последний аул по направлению к Эльбрусу, населенный карачаевцами. Дальше нет людей, но царит одна природа, величественная, горная, кавказская природа. Позади вас уже лежат значительные возвышенности; перед вами и вокруг теснятся вершины одна другой выше; а над всеми ими главенствует величавый Эльбрус. Вы находитесь под обаянием величия природы. Впечатления и мысли быстро меняются.

Вы на подошве Эльбруса. Взяв проводника, вы идете дальше на Эльбрус и вступаете в полосу снега. Говорят, что недавно какой-то удалой карачаевец всходил на эту труднодосягаемую вершину, лежащую на высоте 18 570 футов над уровнем моря. С этого обсервационного пункта, вооружившись хорошим телескопом, можно бы охватить взглядом весь Кавказ, во всем величии и разнообразии его природы.

На запад – Черное и Азовское моря; на восток – Каспийское море. Между этими водными бассейнами, на пространстве 3857 кв. миль, теснятся, сходятся и расходятся горные хребты, вершины, узлы и отроги. Вот тянется почти прямою линией в тысячи верст длины с северо-запада на юго-восток Главный Кавказский хребет. Рядом, параллельно с ним, идут по обеим его сторонам крутые обрывистые горы со скудною растительностью. Еще далее следует последняя область гор, сравнительно низких и покатых, так называемых Черных гор, покрытых густою и роскошною растительностью. Эльбрус как бы упирается в Главный горный хребет своей громаднейшею плосковыпуклою подставкою; и там, на востоке, на самостоятельном Боковом хребте, красуется голый и конусообразный Казбек. На Черных горах, особенно же на их скатах и спусках, т. е. на так называемом предгорье, нет уже такой величественной природы. Но зато тут больше разнообразия, больше деятельной жизни и движения. Правда, и горные великаны имеют известное отношение к этой жизни: на них налегли ледники и скопляется снег, тот драгоценный материал, которым питаются горные ручьи и потоки, дающие, в свою очередь, жизнь рекам и речкам. Но только там, где эти первоначальные источники сливаются в реки, где вода их течет по менее крутым скатам и где скаты переходят в плоские возвышенности и широкие долины, там сильно царство растительности, разнообразие фауны, шире и сложнее вообще органическая жизнь и очевиднее, чем где-либо, присутствие и вмешательство человека. Взгляните, в самом деле, направо и налево вдоль своеобразных предгорий Кавказа. Здесь белыми изгибами льются и сверкают реки; вдоль рек сотнями раскинулись и приютились хутора, поселки, аулы, селения и станицы; изредка, но резче других поселений, выступают города. В одних местах зеленеют сады, в других пасутся стада, в третьих тянутся длинные вереницы проезжающих. На равнинах волнуется трава; золотистыми полосами отдают хлебные злаки, на скатах и на вершинах низких гор темнеют леса, местами по-

крывающие целые долины и лентами окаймляющие речные берега. Все это можно бы охватить с вершины Эльбруса вооруженным взглядом, и общая картина Кавказа представилась бы такою, как мы только что набросали ее.

Северо-Кавказские подгорья тянутся длинною полосой параллельно с Главным Водораздельным хребтом, местами удаляясь, местами приближаясь к нему. Начиная с Таманского полуострова, они диагонально, с северо-запада на юго-восток, пересекают Кавказский перешеек и, дойдя до Каспийского моря, круто, почти с севера на юг, поворачивают вдоль берегов этого моря по направлению к Апшеронскому полуострову.

Очерк II
КАВКАЗСКИЙ ХРЕБЕТ (БОЛЬШОЙ КАВКАЗ)

Контраст между Большим и Малым Кавказом. – Протяжение первого; его западный и восточные концы... – Восхождение на Эльбрус с северной его стороны до высоты более 14 тыс. футов над уровнем моря. – Непогода. Нисхождение. – Английские гороходы у Эльбруса. – Их восхождение на его вершины...

Приветствую тебя, Кавказ седой!
…….
…….
Прекрасен ты, суровый край свободы,
И вы, престолы вечные природы,
Когда, как дым синея, облака
Под вечер к вам летят издалека,
Над вами вьются, шепчутся, как тени,
Как над главой огромных привидений
Колеблемые перья, – и луна
По синим сводам странствует одна.

М. Лермонтов

Благодаря двум терминам, усвоенным только в новейшее время, с полной точностью выяснен характер Кавказского перешейка в орографическом отношении. Заводя речь о географическом общем составе областей перешейка, ныне под названием «Кавказ», в тесном смысле слов, подразумевают относительно узкую горную цепь, имеющую около 150 географических миль в длину; эта область носит название: «Большой Кавказ». Ему противопоставлены расположенные к югу от него горные окраины под названием: «Малый, или Анти-Кавказ», берущий начало к востоку от Трапезунда, где он круто возвышается и, при направлении к востоку, спадает к Прикаспийской низменности северными склонами Карабахских гор.

Две крайности, обусловленные резкими особенностями обеих горных областей, обнаруживаются в природе тех стран, над которыми они господствуют...

Настает полночь… Нет дров для костра, и мы не можем подкрепить силы чаем. Лежим мы, прижавшись друг к другу, с согнутыми коленами.

Потому, что защищающий нас навес не имеет ширины в рост человека. Наверху у Махара разражается гроза: молния сверкает беспрерывно, громовые удары следуют один за другим. Дождь льет, как из ведра. Зигзаги молнии обливают огнем лицевую сторону Махара, и окрестности на мгновение освещены, как днем. Невыразимо малым и ничтожным чувствует себя человек, когда он поставлен лицом к лицу с таким величественным явлением природы.

Наконец все стихает. От усталости мы припадаем к земле и засыпаем. Но сон наш тревожат дикие сновидения: что волновало воображение наяву, то не дает покоя и во сне.

Рассветает... печальная картина представляется нашим взорам; кругом все погружено в густые облака. Молчаливо отправляемся мы в путь, утомленные и голодные, и достигаем только вечером деревни Учкулан (7 августа 1865 г.). Живущие там карачаевцы принимают нас чрезвычайно радушно. Эти сильные, нередко красивые татары – выходцы из Крыма – живут в ближайшем соседстве от Эльбруса и часто загоняют свои стада до снеговых его полей. Из их среды вышел известный Килар, который в 1829 г., во время экспедиции генерала Емануэля с членами Академии наук Ленцем, Купфером, Мейером и Менетрие, первый взошел на вершины Эльбруса. При осмотре Эльбруса из селения Учкулан он представляется во всем своем величии обращенным в долину Хурзук и кажется тупым белым конусом с двумя закругленными вершинами, разделенными черною седловиною.

Девятого августа начал я восхождение на Эльбрус с северной его стороны. Четверо коренастых карачаевцев провожают меня. Название *Эльбрус* незнакомо ни абхазам, ни карачаевцам: первые называют этого исполина «Урюшигюмоэ», у вторых же он известен под названием «Минги-тау». Извивающимися зигзагами продвигаемся мы вперед по отвесным береговым склонам ручья Минги-тау-су и достигаем высоколежащей пастушьей хижины, в которой останавливаемся на ночлег. С рассветом 10-го числа мы продолжаем свое путешествие. Вскоре нам представилась северная и часть западной стороны Эльбруса. Из-за белого фона крутых его фирновых и ледяных полей вырезываются в виде зубцов и игл черные края прежних кратеров. Легко поэтому понять, что с этой стороны восхождение очень трудно, а для непривычных альпоходцев и вовсе не возможно. Подняться на Эльбрус гораздо удобнее с восточной его стороны, по скатившимся глубоко вниз глетчерам, питающим реки Малку и Баксан. Следует, однако, распределить восхождение так, чтобы делать ночной привал на ледяном поле, на высоте 13 тыс. футов над уровнем моря. Тогда достижение 18571-футовой вершины Эльбруса возможно, если только предпринимающие восхождение лица одарены сильными легкими и настойчивостью.

Было около 11 часов утра, когда мы начали подниматься по крутому западному обрыву лощины, которая глубоко врезывается в ребро, выдающееся к северу из Эльбруса. Прежде всего необходимо было достигнуть гребня этого ребра, потому что его южный конец приводит к подошве передней вершины Эльбруса.

К полудню мы забрались на гребень. Погода стояла еще ясная. Здесь область высокоальпийской флоры. Все виды растений малорослы, но покрыты прекрасными крупными цветами. Некоторые виды семянных растений распространены до высоты 13 тыс. футов над уровнем моря. Выносливый роговик (Cerastium purpurascens) и один из видов глухой крапивы – косматая яснотка (lamium tomentosum): попадаются даже на высоте 12 300 футов. Прямо перед нами восстает северная вершина Эльбруса. К югу она своими черными зубцами круто спадает к седловине. По направлению к востоку глаз наш обнимает долины истоков реки Балык и два глетчера, глубоко спустившихся в долину.

Около половины первого часа над Эльбрусом показывается маленькое белое облачко. Еще солнце освещает полным светом его ослепительной белизны фирновые поля, но не надолго. Уже к исходу первого часа весь корпус скрывается за тучами. До сих пор мы поднимались по фирну крутой северной стороной горы. Двое из моих проводников подверглись головокружению: сам я чувствую сильную усталость в коленях, так что ноги подкашиваются. Все мы испытываем невыразимую усталость. После каждых 25–30 шагов я вынужден отдыхать, легкие крайне усиленно работают. Я испытываю ощущение, как будто силюсь утолить жажду этим свежим, холодным воздухом, но никак не могу. К двум часам и мы тоже окружены туманом. Барометрическое измерение дает в результате 14 295 футов высоты над уровнем моря. Состоялся совет. Карачаевцы настаивают на возвращении в долину, я соглашаюсь. Поспешно начинаем мы спускаться вниз. Все более и более сгущается туман, и мы уже не видим ближайших предметов. Нам угрожает опасность заблудиться. Достигнув около 5 часов подошвы вышеупомянутого горного ребра, мы останавливаемся для кратковременного отдыха. Начинает моросить мелкий дождь. Я тотчас засыпаю. В брошенной пастушьей хижине проводим мы ночь и возвращаемся на следующий день в Учкулан.

Вершина Эльбруса достигнута была всего только 2 раза: в первый карачаевцем Киларом в 1829 году, а во второй раз, 31 июля 1868 года, обществом знаменитых английских альпоходцев, состоявшим из Фрешфильда, Мура и Таккера, которые в сопровождении опытного альпоходца Франсуа Девуси, уроженца долины Шамони, взошли даже на высшую вершину Эльбруса, что до сих пор никому еще не удавалось. О восхождении своем на вершину Эльбруса они сообщают следующее:

«*27 июля* – в селении Урусби, у князя Измаила, который с братьями своими оказал нам очень радушный прием.

29 июля – отъезд к Эльбрусу в сопровождении 5 носильщиков, следование вверх по долине Баксана до соединения его с ущельем, по которому идет дорога в долину Накра; оттуда к северо-западу вверх по ущелью, замыкаемому глетчером, спустившимся с Эльбруса, и бивуак на высокогорье близ подошвы глетчера: 8 тыс. футов (9 часов).

30 июля. Подъем по долине мимо конца глетчера и по крутым обрывам к вершине на скале, с правой его стороны, почти на одинаковом уровне с

огромной снеговой равниной к юго-востоку от горы, где мы раскидываем палатку на хорошо защищенном месте. 11 950 футов ($4^1/_2$ часа).

31 июля. Выходим из палатки в 2 часа 10 минут ночи, переходим большую равнину и поднимаемся на склоны, доходящие до подошвы высшей вершины ($5^1/_4$ часа). Сланцевые скалы вплоть до вершины, достигнутой в 10 часов 40 минут утра. Возвращение вниз тем же путем на высокогорье, пониже глетчера (6 часов). Интенсивный холод был причиной трудности восхождения, но серьезного препятствия мы не встречали. Вулканическое происхождение горы несомненно. Вершину образуют трехсторонний кратер, наполненный снегом. Окружающий его вал имеет три вершины, стоящие несколько поодаль одна от другой. Мы поднялись на все три вершины. Две из них не были покрыты снегом. На достигнутой нами первой вершине, которая нам казалась выше остальных, мы сложили знак из камней. Двое из наших носильщиков – Дяпуев Дячи и Соттаев Ахия – взошли вместе с нами на вершину».

Остается еще окинуть взглядом область Главной цепи Большого Кавказа к западу от Эльбруса. Здесь мы находим зубра. Последние особи этого некогда очень распространенного животного обитают у северного склона, увенчанного местами фирном и льдом Эрцогского хребта, составляющего часть Большого Кавказа. Зубры водятся здесь у истоков обеих рек Зеленчук, в местностях, называемых Саадан и Эрхус. Они попадаются стадами в 7–10 голов в смешанных лесах с преобладающими сосновыми зарослями. Люди не оказывают им никакого попечения, и здесь им живется не так хорошо, как в Беловежской пуще, в Гродненской губернии, где зимой заботятся об их благосостоянии.

Покойный граф Сумароков-Эльстон доставил в Кавказский музей один чудный экземпляр этой породы животных, которые ныне уже выводятся. Он был привезен в Тифлис на курьерских, летом 1866 г. Хотя правительством и отданы приказы относительно охранения этих животных, но кто станет среди этой глуши во всей строгости исполнять подобные приказания? Нет сомнения, что зубр прежде водился и в других местах Кавказа. Абхазцам он известен под названием «адомбе» или «домбе», карачаевцам – под названием «домпэ», но первые знают это животное только по слухам.

Применяясь к объему настоящего очерка, я могу весьма кратко очертить кавказское высокогорье в юго-восточном его направлении, останавливая внимание читателя на вершинах Казбека и Ацунты, и закончу эту главу описанием быта местных обитателей.

На узкой плоскости, составляющей водораздел между реками Тереком и Сунжею, стоит красивый город Владикавказ, непосредственно у северного подножия Большого Кавказа. Владикавказ, лежащий на 2368 футов над уровнем моря, выстроен на левом берегу Терека по образцу большей части южно-русских городов: он имеет широкие, прямые улицы, раскинут на большом пространстве и осенен достаточным количеством роскошных лиственных деревьев. Жители его представляют пеструю смесь всевоз-

можных народностей. На владикавказском базаре можно встретить чеченцев, осетин, ингушей, евреев и армян. Преобладающим элементом являются, однако, казаки. Климат во Владикавказе очень здоровый, средняя годовая температура 9,2 °R. К востоку от него с понижением уровня почвы совпадает повышение средней температуры.

Г. И. Радде[59]

ПОКОРЕНИЕ ЭЛЬБРУСА НА ЛОШАДЯХ

Первая попытка восхождения на Эльбрус была предпринята в 1965 г., но, как отмечал старый альпинист В. Ф. Кудинов, «она не имела успеха – конники вернулись с Приюта Пастухова: далее лежал глубокий снег, и лошади не шли, несмотря на понукания своих всадников, горевших желанием въехать на вершину и установить этим своеобразный рекорд»[59а].

Покорение Восточной вершины. Год 1998-й

Лишь спустя 33 года люди вновь рискнули повторить попытку. И риск был оправдан определенной надеждой. На чем она основывалась?

Прежде всего на существовании породы лошадей, отличающейся особой выносливостью и неприхотливостью. Речь идет о *карачаевской породе.*

Один из лучших специалистов-коневодов края *Клыч-Герий Магометович Урусов* в одной из своих работ указывает: «Природные условия региона: высокогорье с резкими перепадами высот и температур, крутые каменистые склоны, бурные разливающиеся в летнее время реки Къобан (Кубань. – *Ред.*), Теберда, Зеленчук, Лаба, богатые альпийские пастбища – обеспечивают возможность круглогодового табунного содержания животных, что еще в глубокой древности способствовало созданию здесь уникальной породы исключительно выносливых, с развитой сердечно-сосудистой и дыхательной системой, крепким копытным рогом и прочными сухожилиями горских лошадей»[60].

Карачаевская порода была известна европейцам как минимум с XVIII в. Немецкий исследователь П.-С. Паллас (1790-е гг.) писал: «*Карачаевцы выращивают небольшую, но выносливую и горячую породу лошадей, которые известны своими выдающимися качествами*» (из книги «Путешествие по южным провинциям Российской империи в 1793 и 1794 гг.»).

Российский академик Генрих-Юлиус Клапрот (1808) отмечал, что лошади карачаевской породы «*сильны, проворны и превосходны для езды по горам*»**.**

Другой исследователь, С. Броневский (1823), пишет: «*У карачаевцев есть мелкая, но крепкая порода горских лошадей, известная под именем карачаевских*» (Из книги «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе»).

Венгерский этнограф, уже знакомый нам участник экспедиции Эммануэля, Жан-Шарль де Бессе в 1828 г. также давал высокую оценку этой породе: «*Карачаевцы разводят лошадей прекрасной породы... Они легки на ходу*

и я не знаю другой породы, которая была бы более подходящей для езды по крутым склонам и более неутомимой»[61].

Русский автор В. В. Шевцов (1855) давал такую характеристику: «*Лошади их* (карачаевцев. – *Р. Х.*) *считаются из лучших кавказских пород, они более ценны смелостью своею в езде по скалистым и крутым тропам; шаг их верен и спокоен, вы, давши свободу своему коню, можете безбоязненно подниматься по такому неприступному пути, где только может уместиться копыто лошади вашей и где ни одна из других пород не может сделать ни одного шага*»[62].

Отмечая причины успеха в труднейшем переходе через Кавказский хребет Марухского отряда генерала Бабича в 1878 г., областная газета «Кубанские ведомости» указывала, что *«условиям могли удовлетворять лошади исключительно только карачаевской породы»*.

Именно поэтому отборные кавалерийские части русской армии – кавказские казачьи полки – предпочитали приобретать лошадей карачаевской породы. Об этом в 1913 г. упоминает А. А. Атаманских (один из ведущих специалистов-ветеринаров Баталпашинского отдела того времени): «*Карачай в данном случае играет очень значительную роль, снабжая строевыми лошадьми большинство* (выделено мной. – *Р. Х.*) *казачьих полков Кубанского и Терского войска и сбывая вообще до 10 тыс. лошадей ежегодно*».

В силу своих исключительных качеств во время знаменитого конного пробега вокруг Кавказского хребта зимой 1935–1936 гг. именно лошади карачаевской породы шли в головной группе, пробивая тропу и являясь своего рода «бульдозерами»[63].

Лошади карачаевской породы были зафиксированы в изданиях Государственной племенной книги горских лошадей (1935), сборнике «Конские ресурсы СССР» (1939), Единой Государственной племенной книге лошадей Орджоникидзевского края (1940), в Инструкции по бонитировке племенных лошадей (1942) и др.[64]

Когда сталинско-бериевская клика изгнала в ноябре 1942 г. карачаевский народ с Кавказа, была «репрессирована» и карачаевская порода лошадей. Ее название упразднили, и уже с 1949 г. породу в племенных книгах официально именовали «кабардинской».

В 1957 г. карачаевцы вернулись на родную землю. Однако вплоть до конца 1980-х гг. в отношении этого народа проводилась политика «ползучей дискриминации» со стороны правящего тоталитарного режима – главного виновника геноцида.

Это сказалось и на процессе восстановления исторической справедливости в отношении национального достояния карачаевцев – древней породы их лошадей. Хотя еще весной 1963 г. ученый совет Всесоюзного НИИ коневодства признал необходимость восстановления термина «карачаевская порода»[65], партийные вожди разных уровней сделали все, чтобы воспрепятствовать этому.

Особо лез из кожи вон многолетний фактический партийный правитель Карачаево-Черкесии Умар Темиров. Он, видимо, в силу ложного патриотизма (Темировы – потомки выходцев из Кабарды), не только «закрывал

глаза» на исторические свидетельства и очевидные факты, но и шельмовал тех, кто добивался восстановления правды.

Лишь в 1990-х гг. в государственных племенных книгах и официальных перечнях пород СССР и России карачаевская порода и англо-карачаевская породная группа вновь обрели свое место. Это стало результатом десятилетий упорного труда и борьбы таких подвижников своего дела, как М. С. Токов, Б. Д. Узденов, Х. А. Аджиев [66], К.-Г. М. Урусов.

Особая заслуга принадлежит Клыч-Герию Урусову, который и являлся автором идеи конного восхождения на Эльбрус.

«Будучи мальчиком, мне довелось услышать рассказ, что некая карачаевка поднялась на лошади на Эльбрус, но назад не вернулась, видимо, провалилась в трещину, – вспоминал Клыч-Герий Магометович. – Вот мне и хотелось, как знатоку и большому почитателю коней, проверить – возможно ли такое, чтобы лошадь поднялась так высоко в горы»[67].

Но, как известно, от выдвижения идеи до ее воплощения очень часто «дистанции огромного размера». Наверное, мечта так и осталась бы мечтой, если бы не воля счастливого случая.

Посещая молодой коллектив историков карачаевского отдела республиканского Института гуманитарных исследований (одним из тех молодых исследователей в ту пору являлся и автор этих строк), К.-Г. Урусов неоднократно рассказывал ребятам о своей идее.

Там же, на втором этаже Дома правительства, по соседству с карачаевским отделом находился кабинет заместителя министра образования КЧР *Бориса Хаджи-Муратовича Бегеулова,* большого любителя горных восхождений и опытного альпиниста. Друг Бориса – кандидат медицинских наук *Ахмат Мухутдинович Тебуев* – в ту пору работал заместителем министра здравоохранения республики, его кабинет располагался также недалеко – на первом этаже.

Б. Бегулов и А. Тебуев, будучи людьми неравнодушными к прошлому своего народа, нередко заходили к ребятам, чтобы побеседовать о тех или иных интересных моментах истории.

Во время одной из таких бесед наш этнограф Индиана Каракетова (кстати, безумно влюбленная в родные горы) и рассказала Ахмату Тебуеву о давней мечте Клыч-Герия Урусова.

Это, как вспоминает сам Ахмат Мухутдинович, и стало толчком. Было это в 1996 г. После совместного с Б. Бегеуловым обсуждения идеи, решили начать практическое изучение возможности осуществления доселе небывалого похода.

В 1997 г. группа в составе *Бориса Бегеулова, Ахмата Тебуева, Рамазана Хапчаева и Умара Байрамукова* совершила восхождение на обе вершины Эльбруса. В ходе этого похода изучались возможные пути подъема лошадей на вершину.

Как вспоминает А. Тебуев, *в феврале 1998 г.* он встретился с К.-Г. Урусовым и предложил совместно подготовить и провести конную экспедицию. Естественно, Клыч-Герий Магометович с энтузиазмом поддержал предложение и активно подключился к работе.

Втроем (Бегеулов, Тебуев, Урусов) разработали план подготовки, включавший в себя подбор состава группы, решение вопроса об экипировке, снаряжении конского состава и т. п. Со стороны официальных структур никакой, даже моральной, поддержки не было. Не откликнулись на просьбу о содействии и многие «денежные мешки».

К счастью, нашлись настоящие патриоты, благодаря которым, хоть и с некоторым запозданием, но все же удалось решить основную часть материально-технического обеспечения экспедиции [68]. На это дело ушли весь июнь и июль.

Команда была окончательно укомплектована в июне. Всех участников экспедиции было девять человек при трех лошадях.

Автора идеи К.-Г. Урусова, как старейшего по возрасту, решили определить «общим» тамадой группы. Кроме того, отмечают А. Тебуев и Б. Бегеулов, учитывались и большие заслуги Урусова в восстановлении карачаевской породы.

Но Клыч-Герий Магометович, опытнейший коневод, не являлся горовосходителем, тонкостей альпинистского спорта не осваивал, да и возраст давал о себе знать. Поэтому руководителем альпинистской части экспедиции стал Ахмат Тебуев. «Ахмат вложил в это много времени и труда», – подчеркивал К.-Г. Урусов [69]. Одной из заслуг и альпинистских удач Тебуева явилось изобретенное им приспособление для горных восхождений на конях: подковы со съемными стальными шипами.

Альпинистскую группу, помимо Б. Бегеулова и А. Тебуева, составили профессиональный альпинист Рамазан Хапчаев, Умар Байрамуков (о них мы уже упоминали) и *Эльдар Кубанов* (самый молодой участник экспедиции, сын историка Арсена Кубанова и внук классика карачаевской литературы Халимат Байрамуковой).

В «кавалерийскую часть», помимо К.-Г. Урусова, вошли: *Мурат Джадтоев* (аул Хурзук, лошадь Имбирь), *Магомет Биджиев* (аул Учкулан, лошадь Даур), *Дагир Каппушев* (аул Карт-Джурт, лошадь Хурзук) (*ил. 122*).

Альпинистами, как правило, двигал азарт покорителей, в то время как конников прежде всего заботили безопасность и здоровье их питомцев. Эти «векторы интересов», как покажет время, не всегда совпадали и порой их расхождение могло обернуться срывом экспедиции.

7 августа альпинистская группа выехала в Большой Карачай и в час дня добралась до аула Учкулан, где ее поджидали конники.

Далее участники экспедиции прошли через аул Хурзук, миновали погранзаставу и двинулись вверх по ущелью реки Уллу-Кам. Уже в четыре часа пополудни были у «Ворошиловских кошей», где сделали привал и устроились на ночлег.

В три часа ночи *8 августа* двинулись в сторону перевала Хотю-Тау. Через три часа у подножия перевала остановились, легко позавтракали и вновь продолжили путь.

«Выбрали более короткий, но сложный путь по ложу бывшего ледника, – вспоминают Б. Бегеулов и А. Тебуев, – несколько правее основной тропы, выводящей на плато Хотю-Тау. Наиболее сложным и опасным для

лошадей был крутой отрезок пути, протяженностью около 200 метров, перед самым перевалом, сплошь покрытый камнями с острыми краями, по которым лошади продвигались с камня на камень».

В девять часов добрались до перевала. Здесь позавтракали, отдохнули и стали ожидать балкарских проводников, которые, по договоренности, должны были встретить экспедицию на этом участке, чтобы сопровождать по леднику Большой Азау. Ожидание продлилось три часа и было безрезультатным (как впоследствии выяснилось, балкарцы неправильно сориентировались по дню встречи).

Ждать далее не имело смысла, и путники продолжили движение по перевалу самостоятельно. Переход через Хотю-Тау (3549 м) был очень сложным.

К.-Г. Урусов вспоминал: «Я на этом перевале (до этого. – *Ред.*) не был и если бы не сам видел, как переходили лошади... я не поверил бы, что там могут пройти лошади»[70]. Согласитесь, слова одного из лучших знатоков лошадей карачаевской породы многого стоят!

В полдень группа достигла ледника. Люди, а особенно животные, подвергались на нем немалому риску.

«Километров девять мы шли, – говорит Урусов, – а там трещины до метра и более шириной. До метра мы перепрыгивали... Трещины широкие обходили, под ледником вода идет, и я боялся, что лошади могут испугаться»[71].

В три часа дня экспедиция поднялась к озеру, где встретилась с проводниками. Через час начали спуск и по скальному гребню вышли на лавовый выступ, где расположена станция канатной дороги «Старый Кругозор» (3000 м).

В тот же самый день вечером на «Старый Кругозор» добрались Б. Бегеулов и У. Байрамуков, которые выехали из Черкесска с провизией и частью снаряжения.

9 августа. Основная база. Утром вместе с лошадьми группа вышла на «Приют 11», который был определен в качестве штурмового лагеря. Животных разместили в недостроенном сооружении в метрах десяти от высокогорной гостиницы. День ушел на интенсивную подготовку к тренировочному выходу к «скалам Пастухова».

10 августа. Стихия. В два часа ночи группа двигается в путь. Урусов, которого начали мучить головные боли, остается в лагере. Бегеулов, Тебуев и Хапчаев доходят до высоты 4800 м, после чего спускаются вниз.

Остальные добираются до высоты 5100 м (так называемая Косая). Здесь погода ухудшается: резко понижается температура, начинает дуть шквальный ветер, в лицо бьет снежная крупа. В течение трех часов ожидали перемены погоды, но тщетно. Решили спускаться в лагерь. В принципе день нельзя было назвать неудачным: был перекрыт рекорд попытки конного восхождения, остававшийся непобитым 33 года (мы помним, что в 1965 г. лошадь достигла отметки 4880 м у «скал Пастухова»).

В пять часов вечера было проведено «экстренное совещание», на котором приняли решение спустить лошадей, нуждавшихся в корме, на уро-

вень «Старого Кругозора» (где имелся естественный корм) и переждать непогоду. Три конника вместе с лошадьми и Тебуев спустились.

В начале восьмого вечером по всему склону Эльбруса выше 3200 м прошел заряд крупного града, сопровождавшийся шквальным ветром. На «Старом Кругозоре» шел лишь мелкий дождь.

11 августа. Перед рывком. Почти весь световой день прошел в ожидании улучшения погоды. Только в четыре часа дня появились явные признаки прояснения. Нельзя было затягивать время, и руководители экспедиции решили поднять лошадей к штурмовому лагерю.

В восемь вечера животные получили усиленную порцию овса, были укрыты бурками. Решено было включить в штурмовую группу семь человек (кроме двух руководителей – Урусова и Тебуева, с которыми в лагере остались два балкарца – С. Кочкаров и И. Мырзаев) и две лошади (Имбирь, получивший травму, не был допущен к восхождению).

12 августа. Штурм. Первой в два часа ночи на вершину двинулась «пехота» (Байрамуков, Бегеулов, Кубанов, Хапчаев). Это было сделано с учетом того, что при синхронном выходе пеших и конных последние далеко опередили бы первых, вынуждены были бы поджидать их близ седловины, попусту тратя время и подвергаясь воздействию мороза. Поэтому конники (Биджиев, Джадтоев, Каппушев) вышли лишь полтора часа спустя, чтобы догнать первую группу на седловине.

Тем не менее «конница» догнала пеших альпинистов на переходе от «Приюта Пастухова» к седловине, примерно на уровне 5200 м (Косая). К ним присоединились Кубанов и Байрамуков, после чего двинулись к седловине.

Достигнув ее, пятеро решили двигаться дальше, но, не зная маршрута, выбрали неудачный путь, где лошади стали проваливаться в рыхлый снег. Возникла опасность, что животные могут поранить себя стальными шипами подков. Ребята вернулись к разрушенной во время последней войны хижине на седловине и стали дожидаться Бегеулова и Хапчаева – наиболее опытных альпинистов, многократно покорявших Эльбрус.

Бегеулов и Хапчаев дошли до седловины в девять утра, примерно на час позже первой группы, и, увидев ребят у хижины, с радостью подумали, что те уже совершили восхождение и успели спуститься.

Конники, искренне жалевшие своих животных, стали убеждать альпинистов, что лошади из-за состояния снега не одолеют путь. Бегеулову все-таки удалось переубедить ребят. Он выразился в том смысле, что необходимо начать восхождение и записать это на видеопленку, чтобы затем показать руководству экспедиции (Урусову и Тебуеву) невозможность дальнейшего движения с лошадьми. В качестве видеооператора действовал Эльдар Кубанов.

Пологая часть седловины оказалась весьма тяжелой для прохождения: животные своими копытами не раз пробивали наст и глубоко (до колен и даже чуть выше) проваливались в снег.

Лишь выйдя на крутой участок, непосредственно ведущий к Восточной вершине, обрели более-менее твердую почву под собой: снежный покров там был не очень глубоким и перемежался с каменистыми осыпями, которые тянулись по северо-западному склону до самой вершины.

На подъем ушло почти два с половиной часа. Ближе к вершине конники надели бурки (было очень холодно) и, усевшись на своих питомцев, в *11 часов 30 минут* взошли на вершину.

«На вершине свирепствовал ураганный ветер, — вспоминают участники экспедиции, – он поднимал даже мелкие кусочки вулканической породы, которыми бил в лицо и в объективы съемочной аппаратуры».

Из-за пронизывающего, леденящего ветра задерживаться не стали. Быстро сфотографировались и начали спуск. Всего за 25 минут они достигли седловины, откуда в полдень начали спуск к «Приюту 11».

К пяти часам пополудни они вышли к лагерю, где их встретили Тебуев, Урусов, спустившиеся раньше Кубанов и Хапчаев, а также балкарские ребята.

«Надо упомянуть, – говорят Бегеулов и Тебуев, – о жительнице Республики Ингушетия Албогачиевой Лейле. Она присоединилась к экспедиции еще на пути к «Приюту 11» и с разрешения руководителей участвовала в восхождении и поднялась на Восточную вершину, став, возможно, первой ингушкой, поднявшейся на Эльбрус».

14 августа группа вернулась в Большой Карачай, затратив ровно неделю на проведение экспедиции.

Лишь спустя несколько месяцев после ее окончания власти «догадались» отметить почетными грамотами и подарками людей, увековечивших себя не только в Книге рекордов Гиннесса, но и в истории мирового альпинизма...

Пожалуй, лучше всего завершить эту часть данного очерка проникновенными словами моего друга-историка Арсена Кубанова: «Уникальное восхождение закончилось. Можно сказать, что участники экспедиции совершили восхождение на вершину позабытой славы карачаевской породы лошадей и снова показали миру потенциальные возможности этих красивых и благородных животных. Следы шипованных подков остались на Восточной вершине, и многочисленные туристы-иностранцы стали свидетелями беспримерного восхождения. Они бурно выражали свое восхищение.

Но был еще один безмолвный свидетель, о котором тогда решительно никто не думал, но именно этот свидетель предопределил продолжение истории, в которой, казалось бы, была поставлена точка. Имя его – Западная вершина».

Западная вершина. Год 1999-й

Как для каждого актера лучшая роль та, что еще не сыграна им, так для восходителя лучшей высотой всегда будет оставаться та, что еще им не покорена.

Наши герои никак не могли удовлетвориться своим первым спортивным подвигом.

Перед их взором стоит магическая цифра «21» – на столько метров Западная вершина превосходит Восточную. Лишь это небольшое расстояние отделяет конных первовосходителей 1998 г. от «абсолютного рекорда». Ведь строго по-научному именно Западная вершина является истинно высшей точкой Европейского континента и России. Это одно. Другое – еще в 1950 г., как уже говорилось, на Восточную вершину уже взбиралось вьючное животное, китайский як. А на Западной до сей поры вьючных животных еще не бывало. И, наконец, третий момент: в 1999 г. исполняется 170 лет со дня первого восхождения Хиллара Хачирова.

Как видим, мотивы были, да еще какие!

Главной проблемой оказалась по-прежнему проблема финансовая. Получить все в условиях, когда вся республика была вовлечена в ожесточенную выборную кампанию, было очень сложно.

Тогда Тебуев и Бегеулов решились на дерзкий, но, как показало время, вполне оправданный шаг.

13 июля 1999 г. Тебуев посещает генерала армии Владимира Семенова (тогда – кандидата на пост главы КЧР) и излагает ему идею юбилейного конного восхождения. В этой беседе альпиниста и генерала красной нитью проходит идея связи поколений: ведь первая в истории экспедиция на Эльбрус, положившая начало российскому альпинизму, была также организована российским генералом.

Ахмат Мухутдинович отмечает, что Владимир Магомедович «придал этому большое значение», тут же дал поручение своим соратникам подготовить мероприятия по обеспечению новой экспедиции. «Экспедиция проводилась по поручению и под контролем генерала армии В. М. Семенова», – подчеркивает Тебуев, назначенный ее руководителем.

Он усовершенствовал конструкцию подков со съемными шипами. Опыт прошлогоднего восхождения показал, что кованые шипы с квадратной формой при ударе и сильном соприкосновении с камнями и твердым льдом иногда имеют свойство откручиваться. На этот раз шипы были круглой формы и вытачивались на токарном станке (их изготовление было возложено на Умара Байрамукова).

Спонсоры II экспедиции:

1. Банк СБС-АГРО – Ф. Х. Блимготова.
2. Кавказпромстройбанк – В. П. Редькин.
3. ОАО «Полиграфист» – А. Х. Кущетеров.
4. ОАО «Долина» – М. М. Урусов.
5. ОАО «Холодмаш» – С. И. Чернышев.
6. ЗАО «Фирма «Висма» – В. А. Герюгов.
7. ОАО «НВА» – Ю. А. Фролов.
8. Министерство образования – А. С. Бошкаев.
9. Совхоз им. О. Касаева – А. А.-А. Чотчаев.

В июле была достигнута договоренность с Эльбрусской поисково-спасательной службой, которая должна была оказать организационную помощь в восхождении и выделить своих сотрудников для сопровождения на вершину.

В команду вошли все три конника – участники похода 1998 г., причем Биджиев и Джадтоев со своими прежними лошадьми (Даур и Имбирь), а Каппушев с конем по имени Игилик (лошадь Хурзук находилась в то время на дальней летовке).

В экспедиции участвовали, помимо Тебуева и Бегеулова, прошлогодние восходители – Кубанов, Хапчаев, Байрамуков, а также водитель из города Черкесска *Марат Хачиров* (*ил. 123*). Пару слов относительно участия последнего из упомянутых лиц: Тебуев – большой любитель исторических параллелей и аналогий; именно ему принадлежала идея взять в группу представителя того самого рода, к которому принадлежал прославленный первовосходитель Хиллар.

14 августа в шесть часов вечера группа вышла из аула Хурзук и через три часа добралась до «Ворошиловских кошей», где, как и в прошлый раз, была устроена ночевка.

15 августа в восемь часов утра участники экспедиции двинулись вверх по Уллукамскому ущелью к перевалу Хотю-Тау. Шли по тому же маршруту. Сравнительно легко преодолев перевал, уже в час дня были на леднике, который также прошли без особых проблем. Оттуда они спустились к «Кругозору», где и расположились базовым лагерем.

16 августа был отдан отдыху, подготовке снаряжения и конкретной схемы восхождения. Вначале погода не особо обнадеживала, но ночью небо очистилось от облачности.

17 августа стоял ясный солнечный день. Экспедиция в полном составе при лошадях поднялась к верхней станции канатно-кресельной дороги «Гара-Башы», где остановилась на ночлег.

18 августа ночью пешие альпинисты вышли раньше конников и остановились у разрушенной хижины на седловине. Около трех часов ночи в путь двинулась и конная группа, которая около семи часов утра соединилась с остальными участниками восхождения на седловине.

Здесь решили посовещаться. Спасатель Эльбрусской ПСС Абдул-Халим Ельмезов, сопровождавший группу, сообщил, что снег, окутавший крутой склон Западной вершины, весьма рыхлый и сыпучий. Поэтому, сказал он, лучше избежать ненужного риска и подняться на самой легкой из трех лошадей. Таковой оказался «новичок» – Игилик.

Как показало время, совет был правильным. С большими усилиями лошадь преодолела опасный участок очень крутого склона Западной вершины. Затем по пологому предвершинному плато группа вышла к невысокому (10–15 м) холмику вершины, где установлен тур. Игилик делает последние шаги... Все! Высочайшая вершина Кавказа, России и Европы покорена «абсолютно». Случилось это **в 10 часов 36 минут 18 августа 1999 г.**

На следующий день проводили Тебуева и Хачирова, отправившихся с багажом на автотранспорте в Черкесск, а 20 августа по испытанному

маршруту вернулись в Хурзук. Здесь и состоялась торжественная встреча с участием В. М. Семенова и жителей этого древнего аула. В истории покорения высочайшей вершины Кавказа, России и Европы перевернута еще одна, безусловно, славная страница. И вряд ли что еще можно добавить к словам, которыми генерал армии приветствовал в тот день восходителей: **«Вы совершили настоящий спортивный подвиг. И совершили его во имя торжества патриотизма, верности славной российской истории, во имя России и утверждения высоких идеалов мира и согласия, самых чистых помыслов человека».**

Р. Т. Хатуев,
заведующий сектором
Карачаево-Черкесского института
гуманитарных исследований,
министр КЧР по делам национальностей,
печати и информации

Ставрополь; Карачаевск: КЧГПУ, 2000.

Примечания

[1] Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. (КРО). М., 1957. Т. 1. С. 119–126; *Фролов Я. И.* На вершину Эльбруса // Ежегодник Кавказского горного общества в г. Пятигорске за 1911–1912 гг. № 5. Пятигорск, 1913. С. 25–42.

[2] *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1974. С. 218, примеч. Рис. 37.

[3] Живописная Россия // Кавказ. СПб.; М., 1883. Т. 9. С. 2. *(Ил. 124)*

[4] Там же.

[5] Там же. С. 3; *Ган К.* Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе. Тифлис, 1884. Ч. 1. С. 153.

[6] *Хоренский Моисей*. История Армении / Пер. Н. О. Эмина. М., 1893. С. 131.

[7] *Мровели Леонти*. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана / Пер. с древнегруз., предисл. и коммент. Г. В. Цулая. М.: Наука, 1979. С. 21.

[8] *Услар П. К.* Древнейшие сказания о Кавказе // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1881. Вып. 10. С. 485–490.

[9] Там же. С. 489–491; *Хаханов А. С.* О названии «Кавказ» // Записки Кавказского отделения Императорского Русского географического общества. Тифлис, 1903. Кн. 22. С. 66–67; *Марков Е.* Очерки Кавказа. М.; СПб., 1887. С. 173.

[10] *Караулов Н. А.* Сведения арабских географов IX–X вв. о Кавказе, Армении и Азербайджане // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1908. Вып. 38. С. 40, 97; *Караев О.* Земли тогузогузов, карлуков, хазлажия, хилхия, кимаков и киргизов по карте Ал-Идриси // Арабо-персидские источники о тюркских народах. Фрунзе, 1973. С. 109; *Толстова Л.С.* Исторический фольклор каракалпаков как исторический источник для изучения этногенеза этого народа // Этническая история и фольклор. М., 1977. С. 148; *Хаханов А. С.* Указ. соч. С. 65.

[11] *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962. С. 114; *Плетнева С. А.* Кочевники Средневековья. М.: Наука, 1982. С. 51; *Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов. М., 1984. С. 265.

[12] Живописная Россия... С. 5; *Услар П. К.* Указ. соч. С. 326, 329.

[13] Живописная Россия...

[14] *Волкова Н. Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973. С. 98.

[15] Живописная Россия... С. 13.

[16] *Сысоев В. М.* Эльбрус // Известия общества любителей истории Кубанской области. Екатеринодар, 1900. Вып. 2. С. 109.

[17] Там же. С. 3.

[18] *Мизиев К. А.* О топонимике Балкарии // Советская тюркология. 1978. № 2. С. 39.

[19] *Алимов С.* О чем говорят названия // Ветер странствий. 1986. № 21. С. 97.

[20] *Сысоев В. М.* Указ. соч. С. 109–110.

[21] Живописная Россия... С. 2.

[22] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. (Извл. из персидских соч., собранные Г. Тизенгаузеном). М.; Л., 1941. Т. 2. С. 181.

[23] История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. Гл. 9. С. 215–216.

[24] Кабардино-русские отношения... Т. 1. С. 119–126; Посольство дьяка Федота Елчина и священника Павла Захарьева в Дадианскую землю (1639–1640) // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете 1887 г. М., 1887. Кн. 2. С. 318.

[25] Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1639-го по 1770 г. СПб., 1861. С. 61.

[26] *Виноградов В. Б.* Время, горы, люди. Грозный, 1980. С. 90–91.

[27] Акты, относящиеся до имеретинского царя Арчила // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1842. Т. 5. 1676–1677 гг.; О пребывании царя Арчила в России // Ученые записки Императорской АН по I и III отд. СПб., 1854. Т. 2. С. 571–573.

[28] О пребывании царя Арчила...

[29] *Голицын Н. Б.* Жизнеописание генерала от кавалерии Емануеля. СПб., 1851. С. 191.

[30] Там же. С. 195.

[31] Там же. С. 194.

[32] *Купфер А. Я.* Путешествие в окрестностях горы Эльбрус, предпринятое по приказу Его Величества Императора в 1829 г. СПб, 1830. С. 4–38. (*На фр. яз.*)

[33] *Симонов Е. Д.* Слово об Эльбрусе. М., 1983. С. 39.

[34] 1 фут = 0,3048 м.

[35] Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 333.

[35а] 1 верста=1,06 км.

[36] *Никитин В.* Из истории первого восхождения на Эльбрус // К седоглавым вершинам Кавказа. Ставрополь, 1962. С. 18–19.

[37] *Динник Н. Я.* Эльбрус, его отроги и ущелья // Известия Кавказского отделения Русского географического общества. 1880. Т. 6. С. 284–285.

[38] *Надеждин П. П.* Кавказский край: Природа и люди. Тула, 1901. С. 86.

[39] *Толстов К.* Восхождение на Эльбрус // Огонек. 1950. № 3.

[40] Адыги, балкарцы и карачаевцы... С. 208.

[41] Там же. С. 251.

[42] *Симонов Е. Д.* Указ. соч. С. 43.

[43] Там же. С. 46.

[44] Там же. С. 39.

[45] Санкт-Петербургские ведомости. 1829. № 118.

[46] *Давидович С. Ф.* Восхождение на Эльбрус // Исторический вестник. М., 1887. Т. 28. № 4–6. С. 360.

[47] *Краснов А. И.* О приоритете покорения Эльбруса нашими соотечественниками // Известия Чечено-Ингушского НИИ. Грозный, 1965. Т. 6. Вып. 1. С. 177–178.

[48] *Голицын Н. Б.* Указ. соч. С. 92–93.

[49] *Симонов Е. Д.* Указ. соч. С. 59.

[50] *Думанов Х.* Еще раз о Килларе и Ахии // Кабардино-Балкарская правда. 1985. 3 сент.

[51] Живописная Россия... С. 33,142; *Мусукаев А. И.* О Балкарии и балкарцах. Нальчик, 1982. С. 45; *Он же.* Традиционное гостеприимство кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1990. С. 36; Турист. 1979. № 9.

[52] *Купфер А. Я.* Указ. соч. С. 4; *Голицын Н. Б.* Указ. соч. С. 86.

[53] *Симонов Е. Д.* Указ. соч. С. 47.

[54] *Думанов Х.* Указ. соч.

[55] *Мусукаев А. И.* Указ. соч.

[56] *Давидович С. Ф.* Указ. соч. С. 344.

[57] *Къагъыйланы Назифа.* Джюз джарсыуум, джюз къайгъым. Черкесск, 1985. С. 4.

[58] *Рототаев П. С.* Краткий словарь горных названий Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969. С. 47.

[59] Живописная Россия... С. 30 и сл.

[59а] *Кудинов В. Ф.* Эльбрусская летопись. Нальчик: Эльбрус, 1976. С. 181.

[60] *Урусов К.-Г. М.* Лучшие жеребцы карачаевской породы. Черкесск, 1993. С. 4.

[61] Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 334.

[62] *Швецов В. В.* Очерк о кавказских горских племенах // Москвитянин. М., 1855. № 23–24 (Кн. 1–2). Дек. С. 49–51.

[63] *Урусов К.-Г. М.* Указ. соч. С. 5.

[64] Там же. С. 2.

[65] Там же.

[66] Там же.

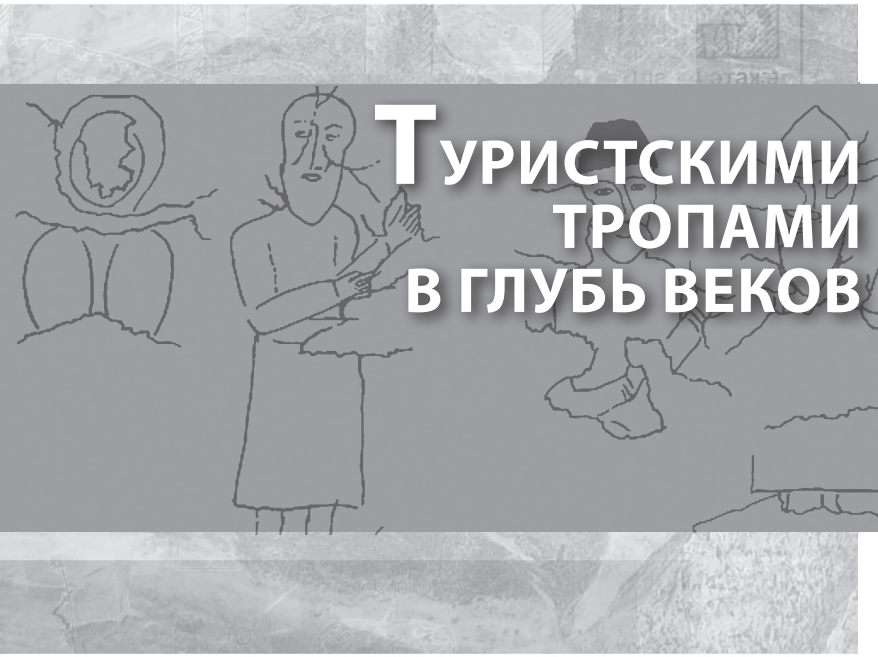
[67] Звезда Кубани. Черкесск,1998. 25 авг. № 14.

[68] Среди помогавших: Р. Семенов, К. Халкечев, М. Додтаев, С. Салпагаров, А. Джанкезов, А. Чотчаев, М. Касаев, Б. Байбанов, Х. Чомаев.

[69] Звезда Кубани.

[70] Там же.

[71] Там же.

Туристскими тропами в глубь веков

ЧЕЛОВЕК И ИСТОРИЯ

История подобна книге, а люди – ее герои. Она начинается с рождения человечества, и в ней запечатлен весь путь его развития до современности.

Творения сегодняшних дней фиксируются письменными документами и запечатлеваются в непосредственных материальных свидетельствах, какими являются космические корабли, заводы, фабрики, книги и т. п.

Человечество прошло очень долгий путь, прежде чем научилось создавать подобные сооружения и передавать свои мысли посредством письма. Поэтому о жизни и деятельности людей далекой, бесписьменной эпохи приходится судить лишь по остаткам их поселений, орудий, украшений, одежды и предметам, отображающим их мировоззрение.

Но если мы раскроем книгу и начнем читать ее наугад, то вряд ли будем знать, как появился тот или иной герой, что с ним было на предыдущих страницах, что ждет его впереди. Подобным образом без знаний прошлой истории мы не поймем и не будем знать истоков тех сложных явлений и исторических проблем, которые волнуют нас сегодня. Достаточно сказать, что история человечества полна картин кровавых войн и насилия. Теперь настала эпоха, когда человечество охвачено стремлением покончить с этими пороками. Для этого надо знать их исторические истоки, поскольку, не зная корня зла, зло искоренить нельзя. Иными словами, не зная прошлого, мы не смогли бы отобрать из накопленного исторического опыта те рациональные зерна, которые помогают нам осмысливать нынешнее и заглядывать в будущее человечества.

Так уж сложилось, что каждое поколение успевает создать лишь фундамент для нового общества, здание которого должны достраивать потомки. Мы с вами живем в эпоху, когда все наши помыслы и дела – построить прочный фундамент для прекрасного коммунистического общества. В этой связи каждый из нас, говоря словами выдающегося мыслителя Кабардино-Балкарии XVII в. Джабаги Казанокова, «и в малом и в большом должен творить для грядущего».

Осознавать все это и сообразно с этим оценивать каждый свой шаг и прожитый день – это высший долг человека. Лишь такой подход к своей деятельности выкристаллизовывает горьковского Человека – творца и патриота.

Для того чтобы строить будущее, необходимо знать пути развития человеческого общества в прошлом и его потенциальные возможности в настоящем.

К сожалению, письменные свидетельства охватывают лишь сравнительно небольшой отрезок времени развития человечества и не всегда позволяют раскрывать картину прошлого. Гораздо сложный и долгий путь заключен в земле – в виде материальных остатков продуктов творения рук человеческих.

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ

Земля – та же книга. Человек и здесь является главным героем. Каждый его день и творения оставляют свой след на страницах этой грандиозной, безмолвной книги. Тот самый грубообработанный камень в руках первобытного дикаря, с которым он поднялся на ноги, был первым и великолепным автографом человечества. Одного этого было достаточно, чтобы слагать о нем гимны. Человек родился! Отсюда и начинается книга истории.

Слой за слоем вскрывая землю, как страницу за страницей, исследователи изучают весь многообразный мир, окружавший человека дописьменной эпохи и его образ жизни.

Для многих младописьменных народов недра земли являются единственным полноценным источником для воссоздания их исторического прошлого. В ней погребены первые поселения человека, орудия труда и оружие. Творения же сегодняшних дней высятся как бы на плечах всего прошлого.

Каждый народ живет на определенной земле – для одних это пески, для других – живописные долины, для третьих – горы и т. п.

В горах земля – это камни. И все, что делал здесь человек, делал из камня – дом, башню, мавзолей, могилу и т. д. Здесь камни – летописи гор, а летописцы – горцы. Эту мысль ярко выразил выдающийся поэт современности Кайсын Кулиев в стихотворении «Камни»:

Мысль народов других в древних книгах жила,
В фолиантах хранились былого анналы,
А у горцев бесправных – скала да скала,
Мысль вверялась камням. Камни, камни и скалы...

И камни помнят.

Помнят и молчат. Окаменев «до немоты», они не могут быть уличены во лжи, лишь истину гласит безмолвие камней, служивших горцу и для добычи пищи, и для возведения башен. Недаром горцы-карачаевцы говорили в старину: «Наша мать – Кубань, а наш отец – камень». Рожденным от камня был и один из основных героев эпического нартского сказания горцев – Сосруко.

Остатки деятельности человека на протяжении многих тысячелетий заносятся землей, которая сглаживает их следы. И лишь посредством кропотливых археологических раскопок они становятся достоянием науки и

помогают исследователям воссоздать исторические пути развития того или иного народа непосредственно по этим вещественным остаткам.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ВЕЩАХ И АРХЕОЛОГИИ

С самого раннего детства человеческое общество и каждый человек в отдельности находятся в тесном окружении и общении с различными вещами. Среди этих вещей есть категория предметов, данная от природы, независимо от человека существующая и составляющая естественную среду человечества. Но есть и другая категория, на которых запечатлены хотя бы самые элементарные следы деятельности человеческих рук, приложения человеческого труда, т. е. вещи, в которых виден определенный навык, умение человеческого сознания. Примитивный камень с едва заметным сколом или палка-копалка для добывания диких плодов и многое другое, созданное руками первобытного человека, являются предметами уже исторической среды человеческого общества. И поскольку в последних содержится определенная информация о трудовой деятельности, они являются вещами историческими и историческими источниками для воссоздания наиболее полной картины далекой жизни. Исторические вещи рождаются там, где начинается труд, потому что следы труда делают вещь историческим источником. Все предметы, созданные человеком, составляют в совокупности материальную культуру общества, значит, и материальная культура начинается там, где начинается труд. Таким образом, труд, историческая вещь, материальная культура – это триединый и неразрывный исторический процесс.

Всякая созданная человеческим трудом вещь имеет множество сторон, свойств и связей со всем окружающим миром и зачастую свидетельствует о существовании других предметов и изделий. Так, например, для того, чтобы получить примитивнейший скол на камне, человек должен был приспособить другой камень для удара. В дальнейшем точность удара и орудие удара настолько усовершенствуются, что уже в среднекаменную эпоху (мезолит, 15–12 тыс. лет до новой эры) изготавливаются всевозможные тончайшие пластинки-вкладыши, наконечники стрел из кремня и вулканического стекла – обсидиана.

Многие из предметов рождали новые композиции их применения, стимулировали появление новых вещей, прогрессировали трудовую деятельность человеческого общества.

Но есть в истории человечества и такие вещи, не имеющие непосредственных следов человеческого труда, но связанные с мировоззрениями первобытных людей. Таковы различные «священные» камни, рощи, деревья и т. п., вокруг которых отправлялись различные культовые обряды. В этом случае они также являются историческими вещами и источниками, также входят в объект изучения истории, так как они удовлетворяли определенные духовные потребности человеческого общества на различных ступенях развития.

Таким образом, всякая историческая вещь удовлетворяет определенные потребности человека, что в конечном счете определяет степень ее полезности, ее потребительную стоимость.

Но, рассматривая вещи с этой точки зрения, мы должны отметить, что нередко в категорию исторических вещей и источников включаются и такие предметы, которые в свое время никакой потребительной стоимости, полезности и ценности не имели. Здесь имеются в виду всевозможные производственные отбросы и брак, шлаковые отходы и культурные отложения, естественно происходившие на местах древних стоянок, поселений, в местах производственной деятельности человека.

С течением столетий эти предметы приобретают значение ценнейших исторических источников о различных аспектах человеческой деятельности в далеком прошлом. Это особенно касается народов, не имевших своей письменности, а следовательно, и писанной истории, какими являются многие народы Кавказа.

Изучением вещей как исторических источников занимается наука археология. Эта наука сделала огромный шаг от прежнего вещеведения буржуазной археологии, рассматривавшей вещь лишь с точки зрения их форм, внешнего вида и т. п. В буржуазной археологической науке забывалось, что историческая вещь является продуктом определенного творческого процесса и что эти вещи имеют множество граней, соприкасающихся с различными аспектами деятельности человека и общества. Недаром основоположники марксизма-ленинизма так серьезно подходили к вещи и ее истории, причинам появления и исчезновения, к ее преобразованиям и т. д.

Археологии, как науке, важна не сама вещь, ее формы и размеры, и даже не столько материал, из чего эта вещь сделана, а ее функции в процессе жизнедеятельности человеческого общества, причины и способы, вызвавшие их к жизни, место и роль этих вещей в общественном производстве. Поэтому она рассматривает вещь в целом ее комплексе сторон и связей, что возможно при историко-сравнительном изучении и анализе предметов и явлений человеческого общества.

Лишь подобное изучение вещей позволяет наиболее глубже вскрывать исторические картины жизни человека.

Подходя к оценке вещей таким образом, можно уверенно говорить о том, что в конечном счете ценнейшим историческим источником является и самое примитивное орудие, и обломок глиняного кувшина, и современные изделия века атома и электроники. Те же робкие наскальные рисунки первобытного человека и современные полотна. Те же первые культовые места и современный театр, так как театр везде начинался с народной пляски, игры, танца, которые в свою очередь зарождались именно в тех «священных» рощах, у камней и деревьев, т. е. были связаны изначально с определенными культовыми мероприятиями и ритуалами.

* * *

Всякая историческая дисциплина призвана отвечать на вопросы: где было, что было, когда и почему?

Уникальные памятники древности на интересных туристских маршрутах прекрасного уголка Кавказа – Кабардино-Балкарии – позволяют в определенной степени осветить эти вопросы.

ГДЕ БЫЛО?

Исторические памятники, о которых идет речь в этой брошюре, расположены на территории Кабардино-Балкарии, где в настоящее время проживают представители почти всех национальностей дружной и братской семьи народов СССР. Она превращена в цветущую национальную автономную республику со своей многоотраслевой промышленностью и культурой. Нальчик – столица республики – является одним из крупных узловых пунктов туристских маршрутов по Кавказу, красивым и современным курортным городом. Сюда ежегодно приезжают сотни тысяч отдыхающих, туристов и альпинистов. Кроме представителей народов Советского Союза здесь ежегодно бывает большое количество зарубежных гостей.

Кабардино-Балкария широко известна у нас в стране и за ее пределами не только своей неповторимой красотой природы, великолепными курортами и лечебными источниками, современной развитой промышленностью и сельским хозяйством, не только как одна из передовых автономных республик Советского Союза, но и как одна из интереснейших областей с точки зрения истории народов Кавказа. На ее сравнительно небольшой территории (12 тыс. кв. км) сосредоточено огромное количество памятников древней истории и культуры кабардинского и балкарского народов – коренных жителей края.

По территории республики проходят 22 всесоюзных и 14 местных туристских маршрутов. К концу девятой пятилетки турбазы края принимали одновременно 10 тыс. человек. За три года прошедшей пятилетки на капитальное строительство и благоустройство курорта Нальчик израсходовано более десяти млн рублей. В здравницах отдыхает и лечится сейчас свыше 100 тыс. человек ежегодно.

Коренными народами республики являются кабардинцы (264,7 тыс.) и балкарцы (51,3 тыс. человек, проживавших в КБАССР на 1970 г.). Кабардинцы проживают на плоскости и в предгорьях, а балкарцы занимают высокогорные ущелья рек Черек, Чегем, Баксан, Малка.

Балкарцы и кабардинцы имеют во многом общую материальную культуру, но совершенно отличны по языку. Первые говорят на балкарском (тюркской группы языков), а вторые – на одном из кавказских языков абхазо-адыгской группы.

Обычно знакомство с сегодняшней созидательной и культурной жизнью народов Кабардино-Балкарии начинается с ее столицы – города Нальчика. Здесь можно ознакомиться с памятниками революционной борьбы народов Кабардино-Балкарии за власть Советов, мужеству и отваге ее сы-

нов и дочерей в годы Гражданской и Отечественной войн, с монументом-символом дружбы и единства с Россией, переданном в образе женщины-горянки, на площади 400-летия добровольного присоединения Кабарды к России (1557). Можно посетить Краеведческий музей, Музей изобразительных искусств, Дом-музей Марко-Вовчок, театры. Посещение передовых промышленных предприятий знакомит гостей с трудовой жизнью Кабардино-Балкарии. Сама столица, заложенная в 1815 г. как небольшая крепость, ныне является красноречивым примером трудовых успехов Кабардино-Балкарии. За выдающиеся успехи в области хозяйственного и культурного развития Кабардино-Балкария дважды награждена орденом Ленина – в 1939 и 1957 гг., орденом Октябрьской Революции в 1971 г. и орденом Дружбы народов в 1973 г.

Для многих как приезжающих на отдых и попутешествовать, так и любителей истории своего края своеобразный интерес представляют памятники древности. Им и адресуется рассказ о древностях, с которыми можно ознакомиться на маршрутах по республике.

Окрестности города Нальчика на редкость богаты памятниками древности. Они заслуженно пользуются большой популярностью в археологической литературе и часто служат эталонами для определения хронологии многих памятников Юга европейской части нашей страны. К таковым относится Агубековское поселение IV тыс. до н. э., располагавшееся в 1,5 км северо-западнее Нальчика вблизи реки Кенже; Нальчикский могильник конца IV – первой половины III тыс. до н. э., находившийся на юго-западной окраине города. Могильник представлял возвышение диаметром 30 м и высотой 0,67 м. Здесь в 1923, 1929–1930 гг. было раскопано 147 погребений. Скелеты лежали в скорченном положении, на боку. К концу указанного тысячелетия относится открытая в 1968 г. уникальная подкурганная гробница, сооруженная из громадных, до 4 м высотой, каменных плит, украшенных различным геометрическим орнаментом. Некоторые плиты представляли собой примитивные изображения человеческой фигуры. В гробнице было захоронено два человека. При них были найдены различные предметы – большой медный котел, медные топоры и кинжалы, золотые украшения и др. Почти одновременным с гробницей является и широко известное Долинское поселение, находившееся в 4 км от города, в районе нынешнего курорта Долинск. Различные предметы из указанных памятников можно увидеть в экспозиции Краеведческого музея.

Ознакомившись с Нальчиком, с его прекрасными парками и озерами, памятниками и театрами и с творцами всего этого – людьми, трудно покидать все это. Но неизведанное всегда влечет за собой, всегда является романтичным точно так же, как сама туристская тропа.

Путешествуя по горным ущельям, одновременно можно увидеть множество исторических памятников, идти веками проторенными тропами, а видеть вокруг современные преобразования. Иными словами, совершать путешествие через настоящее к прошлому и через прошлое в настоящее.

Итак, что было?

В ЗАОБЛАЧНОЙ ДОЛИНЕ

Покидаем Нальчик по 48-му всесоюзному маршруту – через Голубые озера в Верхнюю Балкарию и к перевалу Гезевцек. Широкая магистральная дорога уводит на юго-восток от Нальчика. От пос. Урвань, основное население которого кабардинцы, занимающиеся современным земледелием и животноводством, дорога поворачивает к югу, в сторону гор.

В двух километрах к югу от сел. Аушигер, справа от дороги, ведущей к Голубым озерам, возвышается небольшой курган. Он известен как курган Андемиркана. Андемиркан – легендарный герой кабардинского эпического цикла, созданного в XVII в. Предание гласит, что он был рожден от обесчещенной рабыни князя из рода Беслана. С детских лет он познал горькую жизнь и издевательства князей. Возмужав, становится страстным борцом за интересы угнетенного народа, борцом с иноземными захватчиками. Не зная, как избавиться от сильного противника, князья устраивают засаду, когда Андемиркан был на охоте, и коварно убивают его. Народ с гордостью хранит память о нем в песнях:

Кровь горячим потоком втекает в Черек.
С целым войском воюет один человек.
Он стоит, опершись подбородком на меч.
Даже мертвый, на землю не хочет он лечь!

За сел. Аушигер перед путником открывается неповторимая и сказочная панорама Главного Кавказского хребта. Особенно запоминающейся будет эта картина в ясный солнечный день. Обычно в такие дни не видно ни единого облачка на фоне бескрайнего неба. И вся эта бездонная голубая чаша покоится на острозубых, переливающихся, как алмазы, вершинах Кавказской гряды. Замыкают эту картину справа – Эльбрус, а слева – Казбек. Подножие всей этой панорамы устлано темно-зеленым ковром лесов.

Вся эта картина, заманчивая и влекущая к себе своей неповторимостью, будет все время перед путником, пока он не въедет в Черекское ущелье. В пяти километрах от пос. Бабугент, у самого входа в теснину Черека, расположены Голубые озера карстового происхождения. Самое большое из них находится в долине, справа от дороги, ведущей в Верхнюю Балкарию, а остальные четыре – на горном плато, слева от той же дороги. Площадь зеркала большого Голубого озера (Чирик-кёл, *по-балкарски*) – 235 х 125 м. Краеведы говорят, что это, пожалуй, единственное в мире озеро по своей глубине (258 м) при столь небольшой площади.

Это озеро не принимает в себя ни одного ручейка и в то же время ежечасно изливает из себя 3240 м^3 воды. Уровень зеркала озера на 20 м выше уровня реки Черек.

Далее дорога, гигантской змеей извиваясь и приноравливаясь к изгибам реки и кручам, уводит путешественника в глубь ущелья.

Миновав теснину реки Черек с ее тремя тоннелями, путник попадает в горную долину верховьев реки – в Верхнюю Балкарию. Здесь в «заоблачной долине», как ее часто называют, находится один из крупных современных колхозов Советского района «Советская Балкария». Сейчас здесь расположено село с благоустроенными домами и усадьбами, с зелеными массивами. Основное население – балкарцы, занимающиеся животноводством и садоводством. В селе имеются три школы, Дом культуры, библиотека, больница, мельница, Мухольская ГЭС. Все это далеко уводит нас от прошлого образа жизни горцев, свидетельствует о гигантском скачке и в их развитии за годы советской власти. В этом легко убедиться, так как можно буквально сопоставить современные дома, школы, клубы и т. д. с жилищами и аулами балкарцев в прошлом. Для этого сопоставления не нужно особого труда, так как старому и новому здесь множество свидетельств.

...Вот дорога как бы вырывается из устья громадной воронки, выходит из теснины Скалистого хребта, и перед путником открывается высокогорная панорама с заснеженными вершинами хребтов и живописнейшей долиной. Ее прорезают бурные потоки Черека, почти на глазах вырывающегося из-под ледников.

Справа, на противоположном от дороги берегу реки, у въезда в село, в 200–250 м от уровня реки, на скалистом утесе возвышается громадная крепость Зылги (*ил. 37*), сооруженная неизвестными мастерами-горцами в далекой древности. Эта крепость являлась «стражем», охранявшим вход в долину, и свидетельствует о далеких кровопролитных событиях, прикрытых пластами веков.

С другой стороны реки вас встречает высокая арка с красными флажками:

Добро пожаловать!
Колхоз «Советская Балкария»

Эта арка вводит путника в современное село Верхняя Балкария. Напротив же, на левом берегу реки, под крепостью Зылги приютился ныне пустующий балкарский аул, носящий то же название.

В самом конце XIX в. член-корреспондент Московского археологического общества Д. Вырубов произвел в окрестностях пос. Зылги небольшие раскопки. Особый интерес представляет курган Хусанты.

По преданиям балкарцев, записанным Д. Вырубовым, этот курган служил местом погребения древнейших обитателей Черекского ущелья. Старожилы Балкарского общества рассказывали ему, что в глубине кургана имеется постройка, в которой находятся семь каменных женщин. Несколько десятков лет тому назад еще был виден вход, и в известные дни наиболее пожилые женщины исполняли здесь обряды домусульманской веры – приносили окаменевшим девам жертву: молоко, хлеб, лепешки, барашков. По их утверждению одна из окаменевших дев держала в руках ребенка, другая – несколько хлебных злаков. Некоторые старики указывали столетнюю старушку, знавшую вход в курган, но она будто бы никому об этом не говорит.

«В настоящее время, – пишет Вырубов, – Хусанты считается священным местом. Мимо него нельзя проходить с покойником, со свадебной процессией, нельзя брать с кургана камень» и пр.

Однако Д. Вырубову удалось в южной и западной части кургана произвести небольшие раскопки. На глубине одного аршина он нашел скопления костей баранов, оленьи рога, бруски дерева, видимо, служившие перекрытием могилы. Могила оказалась срубленной из деревянных круглых брусьев. Длина могилы достигала трех аршин, столько же – высота и ширина. В погребальной камере он обнаружил много костей человека и лошади. Вдоль стены находились несколько разбитых глиняных сосудов будто бы с остатками шелухи от хлебных злаков. Кроме того, здесь же были найдены различной формы браслеты, пряжки, украшения.

Недалеко от кургана, на склоне горы, в местности Ратхы на глубине одного аршина им же были обнаружены куски дерева, под которыми выявилась могила в виде полушария (катакомба. – *И. М.*), высотой до $2^1/_2$ и в диаметре до пяти аршин. Под слоем земли найдено несколько истлевших костей и совершенно разбитые сосуды из серой глины, железная шашка с крестообразной ручкой без ножен, медные браслеты, круглые медные украшения, часть медной ложечки с отверстиями и др.

Эти сведения из отчета Д. Вырубова красноречиво свидетельствуют о том, что окрестности пос. Зылги весьма богаты различными древностями.

В прошлом в этой горной котловине было более десятка аулов. Основными из них были: Зылги, Коспарты, Мукуш, Мухол, Шаурдат, Кюнлюм, Шканты, Курнаят и др. На базе этих аулов еще в первые годы советской власти было создано несколько колхозов. Сейчас все они объединены в одно крупное хозяйство.

Большинство из перечисленных аулов давно заброшены и сохранены временем как бы для сопоставления их с современным обликом горных селений. Основная часть населения теперь перебралась на правый берег реки. Река была бы своего рода границей между старым и новым в Верхней Балкарии, если бы аулы Мухол и Шаурдат на левом ее берегу не являлись составной частью нынешнего села.

Проходя по улицам Верхней Балкарии, путник может не только видеть ритм и образ современной жизни, но вместе с тем он мысленно уходит в глубокую древность, следы которой постоянно сопутствуют ему.

На левом берегу Черека можно еще и сейчас пройти по заброшенным улочкам старинных аулов Коспарты, Мукуш, Кюнлюм, войти в еще уцелевшие древние сакли. Здесь же рядом можно посетить добротные дома современных жителей, войти в аккуратно и уютно убранные комнаты со всеми современными удобствами. Такая экскурсия наглядно покажет большие изменения, которые произошли в жизни горских народов.

Почти на всем протяжении Верхней Балкарии, по утесам окружающих гор, гнездятся мощные недоступные крепости и башни. Когда-то они служили надежной опорой жителям долины. Таковы сооружения Зылгы, башни Абаевых (*ил. 42*), крепость Малкар-кала и Болат-кала (иначе Карча-кала,

ил. 55) над аулом Кюнлюм, башня Амирхана в ауле Шканты (*ил. 40*) и крепость Курнаят над аулом Курнаят (*ил. 47–49, 51*). Все эти грандиозные сооружения были воздвигнуты над аулами. Из них хорошо просматривается долина реки. Эти сооружения принадлежали крупным горским князьям-таубиям. В них они замыкались во время опасности.

Крепости и башни снабжены небольшими окнами, дверными проемами и бойцами. Иногда к таким сооружениям можно подойти лишь с одной только стороны и то с большим риском сорваться в бездну. Но, как правило, и эта сторона хорошо «простреливалась» из окон и бойниц.

Одним из грандиозных сооружений является упомянутая крепость Зылгы. Она давно привлекла к себе внимание путешественников и исследователей. Крепость сооружена в три яруса (*ил. 38*).

Первый ярус представляет оборонительную стену, с примыкающими подсобными сооружениями. Длина ее более 11 м.

Второй ярус (средний) – это цитадель укрепления. Видимо, здесь обитали владельцы крепости. Сейчас от нее сохранились остатки двух сооружений с дверными и оконными проемами, с хорошо оштукатуренными стенами. В конце XIX в. по рис. З. П. Тулинцева, опубликованному академиком В. Ф. Миллером, здесь было 4 сооружения *(ил. 39),* два из которых теперь разрушены (*ил. 37*).

Третий ярус (верхний) представляет отдельную башню, приспособленную к скальной площадке, из которой хорошо видны нижние строения. Одну стену башни заменяет отвесная скала. Вход в башню оставлен между передней стеной и скалой. В плане башня имеет овальную форму, что зависело от скальной площадки, на которой она воздвигнута. Между первым и вторым ярусами крепости – 12 м, между вторым и третьим – около 50 м.

Вся крепость сооружена на очень неудобных для строительства горных участках. Для возведения отдельных частей требовался громадный труд – нужно было забутовать глубокие расщелины скал, чтобы получить горизонтальную площадку. Иногда для забутовки трещин требовалось больше камня, чем для возведения отдельной башни на более удобном месте.

О заселении этой высокогорной долины у балкарцев существует множество преданий и легенд. Одна из них повествует о том, как в очень далекие времена этот район был покрыт дремучим лесом с небольшими полянами. Сюда однажды забрел охотник по имени Малкар и встретил на одной из полян поселок из нескольких жилищ. Жители его называли себя *таулу* (горец). Малкару очень понравилось это место, и он переселился сюда со своими людьми и расположился на другой поляне. Но вот является неизвестный человек по имени Мисака и останавливается в гостях у Малкара, у которого было восемь братьев и единственная сестра-красавица. Гость был радушно принят, ходил на охоту и на неприятеля вместе с братьями, отличался умом и храбростью. Он привлекает внимание сестры хозяев. Гость решает жениться на ней, но братья были против их брака. Любовь толкает влюбленных на ужасное преступление.

Ко времени выхода на сенокос, который отмечался особо, сестра Малкара приготовила крепкий напиток из ячменя (боза). В день торжества она

отправилась на покос и напоила братьев этим напитком. Они тут же заснули. Тогда Мисака убивает их.

После этого Мисака овладел всем имуществом братьев Малкаровых, привел своих людей и начал притеснять местных жителей.

Затем, сюда приходит сын одного из маджарских ханов Басият с огнестрельным оружием. И жители полностью подчиняются ему. Потомки Басията составили княжеские фамилии Абаевых, Айдеболовых, Жанхотовых и Шахановых. Потомки Мисаки дали начало роду Мисаковых. Так образовалось Малкар-эль, т. е. Балкарское общество. Такова легенда.

Как и всякой легенде, нельзя верить во всем и этой. Нет таких легенд, которые бы точно указывали время событий. Все они начинаются однообразно: «давным-давно», «в далекие времена» или просто – «когда-то»...

Память народная схватывает определенное событие либо из своей жизни, либо из жизни соседних пародов и дополняет сюжет своими героями из опыта своего народа. И в том и в другом случае, в результате передачи из поколения в поколение, на ранние или основные сюжеты наслаиваются факты современной жизни. Могут перемещаться имена героев и связанные с ними события, либо одно и то же событие приписывается нескольким персонажам и т. п. Таким образом, первоначальное, основное зерно легенды оказывается скрытым под многовековым фольклорным напластованием. Многие сюжеты легенд и преданий жили порой «второй и третьей жизнью» в позднейшие эпохи.

Вместе с тем всякая легенда содержит свое историческое зерно, ибо в ней отображены когда-то имевшие место реальные исторические факты. В данном случае историческим зерном является тот факт, что до прихода в указанный район Малкара здесь жили местные племена *таулу* – горцы. Вновь образовавшееся общество стало называться «Малкар».

Такова, вероятно, первоначальная основа легенды, на которую впоследствии откладывались сюжеты позднейших времен, связанные со становлением феодальных отношений. Это появление Мисаки, жившего до этого на Кумыкской равнине (в Дагестане) с князьями Таймазовыми, и Басията с огнестрельным оружием.

Сюжеты легенды, связанные с позднейшими историческими событиями, подкрепляются материальными свидетельствами.

Все указанные в легенде княжеские фамилии оставили после себя крепости, замки, башни, мавзолеи, которые и сегодня можно встретить на многих седых тропинках, называемых ныне туристскими. Когда-то эти тропы были тропами жизни, служили общению и борьбе за существование. Это были единственные нити, которые связывали горцев с внешним миром.

Именно в местах скрещения этих троп, на горных кручах располагались грандиозные замки и башни.

Указанные в легенде привилегированные фамилии балкарских таубиев фиксируются и тем, что каждой из этих фамилий народная память приписывает те замки, башни, крепости, мавзолеи.

Вот знаменитая башня Абаевых, стоящая во главе аула Кюнлюм. Недалеко от нее располагается более древняя башня, тоже Абаевых (*ил. 42–44*).

Им же принадлежали мавзолеи в Верхней Балкарии и у сел. Ташлы-Тала (*ил. 58, 62*).

Над башней Абаевых, в метрах 300, находится крепость Малкар-кала, расположившаяся на весьма труднодоступном месте у горного водопада. Легендарному Мисаке принадлежал склеп-мавзолей недалеко от сел. Кашхатау. Айдеболовым принадлежал мавзолей Идрис-кешене у заброшенного аула Шканты (*ил. 61*). В ауле Шканты на огромном отдельном валуне, высотой 10 метров, сооружена башня-гнездо, принадлежавшая таубию Амирхану (*ил. 40*).

Таково реальное соотношение легенды и истории относительно Верхней Балкарии.

В Верхней Балкарии можно еще увидеть много других памятников.

В ауле Мухол, на левом берегу Черека, недалеко от электростанции, стоит круглоплановый мавзолей XVII–XVIII вв. (*ил. 59*). У ныне заброшенного аула Коспарты, у самого основания гор, стоит другой мавзолей, восьмигранный в плане и с конусообразной крышей. Мавзолей окружен могильником XVI–XVIII вв. (*ил. 60*).

Над селением Верхняя Балкария, с правой стороны Черека, на горе Курнаят, возвышается одно из грандиозных средневековых крепостных сооружений типа замка. Оно воздвигнуто на небольшой недоступной площадке над старым аулом (*ил. 47–49*). Тут же, на противоположной стороне небольшой лощины, расположился вокруг мавзолея большой могильник XIII–XVII вв. (*ил. 50, 52–54*). В 1968 г. здесь археологической экспедицией Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института были найдены интересные комплексы древних вещей. К ним относятся обрывки тканей, всевозможные бусы, поделки из кости, бронзовые украшения и железные ножи.

Привлекает внимание обряд погребения древней части могильника, относящейся к XIII–XIV вв. В некоторых могилах захоронены 3, 4 и 5 человек. Кости ранее умершего бесцеремонно сдвигались в кучу и на освобожденное место клали очередного покойника. На этом же могильнике возвышается надземный склеп – мавзолей, сооруженный над одной из могил в виде каменного ящика.

Своеобразным памятником в Верхней Балкарии является большой могильник, расположенный немного выше теперешнего фруктового сада колхоза. Могильник состоит из подземных склепов и каменных ящиков. Из-за больших размеров могильное поле в литературе получило название – «Городок мертвых». Этот участок издавна служил кладбищем для местных жителей.

Каменный ящик – это могильное сооружение, составленное из четырех или нескольких каменных плит, поставленных на ребро. Сверху ящик покрывался такими же плитами. Этот тип могилы существует в горах Кабардино-Балкарии с глубокой древности (*ил. 54*).

Склепы – это уже более сложные сооружения. Для постройки его вырывалась большая яма, стены ее облицовывались каменной кладкой, а

сверху она покрывалась массивными плитами. Служили они чаще всего для коллективных захоронений (*ил. 57*).

В данном случае стены склепов сооружены из больших необработанных камней. Иногда они скреплены известковым раствором.

«Городок мертвых» датируется XIV–XVI вв. В настоящее время все склепы ограблены. Грабились они различными путешественниками и любителями экзотики, посещавшими эти места. В 1909–1910 гг. даже выпускались почтовые открытки с мумиями балкарских склепов. Бесцеремонно вытаскивались высохшие трупы, устанавливались у склепов и фотографировались, чтобы эти снимки служили для развлечения всякого рода любителей старины. Таким образом, оказались утраченными для науки бесценные памятники.

Мумификация трупов в высокогорных районах протекала естественным путем за счет чистого горного воздуха, сухого грунта.

Попавший в долину Верхней Балкарии путник постоянно общается с прошлым – с десятками заброшенных сел, могильников, мавзолеев. Вся долина окружена замками, крепостями, башнями, некогда зорко охранявшими доступы в аулы. Располагаясь в стратегически выгодных местах, они превращали котловину в одну общую строго продуманную крепость. С севера, со стороны выхода из теснины, высится упомянутая неприступная крепость Зылги (*ил. 37–39*). С юга ее охраняет естественная гряда большого Кавказа, с востока доступы охранялись крепостью Курнаят, с запада котловина окружена целой системой крепостей и башен. На этом участке одним из мощных сооружений является Болат-кала, т. е. крепость Болата. Она является самой южной в общей цепи оборонительных комплексов Верхней Балкарии. С нее, как и со всех других башен и крепостей, хорошо просматривается долина с прижатыми к основанию гор аулами. Подняться к ней можно лишь со стороны аула Кюнлюм. Она неоднократно достраивалась и расширялась. С этой стороны (северной) крепость снабжена мощной оборонительной стеной. В крепости имеется три помещения с колодцами для хранения пищевых запасов (*ил. 55*).

Первое письменное упоминание о балкарском ущелье и его жителях-басианах имеется в Грузинской надписи XIV–XV вв. на золотом кресте Спасской церкви в сел. Цховати Ксанского ущелья Южной Осетии. Она гласит, что Эристав Ризия Квенипневели сделал пожертвование этой церкви в память о том, что он попал в плен в Басиане и был выкуплен на средства Цховатской Спасской церкви (*ил. 35*).

С 1629 г. известия о балкарцах часто встречаются в русских, грузинских и иностранных документах.

В 1651 г. через Верхнюю Балкарию проезжает русское посольство Московского государства в Имеретию.

Посольство возглавлял видный дипломатический деятель Московского государства и один из «спецов» XVII в. по Кавказу – дьяк Алексей Иванович Иевлев. Вместе с ним был стольник Н. М. Толочанов. Они шли вверх по Сукан-су (Псыган-су) и пришли в Верховья Черека к балкарским владель-

цам 17 мая, и пробыли здесь до 31 мая. Путь этот из верховьев Сукан-су в Верхнюю Балкарию – сравнительно легкий перевал Курнаят.

Тропа эта до сих пор проводит туристов к ныне пустующему аулу Курнаят (*ил. 46*), над которым возвышается одноименная крепость.

Здесь же можно посмотреть древнее кладбище и мавзолей. Туристам, которые попадают на этот маршрут, выдался счастливый случай повторить путь этого посольства.

Отсюда, из Верхней Балкарии, до сих пор туристы переходят хребет по одному из самых трудных перевалов Центрального Кавказа – Гезевцек (3435 м). Именно этим путем через Штульский ледник прошли в Закавказье и обратно Иевлев и Толочанов.

Район Верхней Балкарии удачно связан перевальными тропами по отрогам Скалистого и Бокового хребтов с соседними ущельями. По Курнаятскому перевалу с верховьями Сукан-су и далее с пастбищами Хазнидона. А через сравнительно легкий перевал, называемый туристами «Школьным», можно без особого труда попасть в верховья Хуламо-Безенгийского ущелья.

У БЕЗЕНГИЙСКОЙ СТЕНЫ

Величавая картина, открывающаяся с главной аллеи Нальчикского парка, вызывает чувство предельного восхищения даже у людей, сотни раз ее видевших. Эта панорама девственной белизны высочайших вершин Бокового хребта – Дых-тау и Коштан-тау, не перестает манить к себе снова и снова. Там из самого крупного ледника Кавказа – Безенги – берет начало Черек Хуламский. Желающие ощутить эту нигде более не повторимую картину Безенгийского ущелья могут проехать из Нальчика той же дорогой, что и в Верхнюю Балкарию. От сел. Бабугент дорога сворачивает вправо к пос. Карасу и оттуда уже в само ущелье. Теснина этого ущелья несколько шире Черекского.

Миновав Скалистый хребет, путник попадает в такую же высокогорную котловину, как и Верхняя Балкария. Здесь располагается балкарское сел. Безенги, так же благоустроенное, как и Верхняя Балкария. В прошлом здесь было несколько отдельных аулов – Усхур, Тотур, Джабоево, Холам, Безенги, Шики и др. Сейчас жители сел. Безенги объединены в колхоз «Путь к коммунизму». Основным занятием является животноводство, на котором специализируется хозяйство. Особенно больших успехов хозяйство добивается в овцеводстве. Здесь отрадно отметить имя Героя Социалистического Труда – старшего чабана хозяйства Салиха Аттоева.

Эта котловина буквально упирается в Главный Кавказский хребет, который здесь представляет сплошную вертикальную стену длиной около четырех километров. Это и есть знаменитая Безенгийская стена. Венцом этой неприступной ледяной твердыни является плеяда высочайших вершин Центрального Кавказа – пятитысячники Шхара, Джанги-тау, Катын-тау и др. Замыкают панораму Дых-тау и Коштан-тау.

У самого входа в горную долину Безенги, слева от дороги, на правом берегу реки, на горе Усхур-баши, обрывающейся вертикально со стороны аула Усхур, располагается укрепление Усхур-кала (крепость Усхур). По единственному пологому склону горы расположены несколько сооружений с окнами, бойницами в стенах и колодцами для хранения запасов (*ил. 68, 69*). Все они служили для обороны подступов к цитадели.

Цитадель этой сложной и остроумно выполненной крепости представляет собой как бы «Ласточкино гнездо» над бездной, прилипшее к небольшому, скальному козырьку (*ил. 67*). Скала на этом участке нависает над башней под отрицательным углом и, таким образом, делает ее неуязвимой сверху. Доступ когда-то существовал либо через перекидные деревянные лестницы метров 15–16 длиной, либо по вырубленным в скалах ступеням, которые давно разрушились. Местные старожилы рассказывают, что неоднократные попытки пробраться в башню с помощью лестниц и жердей не увенчались удачей.

Башня приютилась на высоте более 200 м от основания горы, и к ней немыслим доступ ни сверху, ни снизу, ни со стороны. У каждого, кто видит ее впервые, остается все то же удивление – как могли ее создать? Как подходили к этой загадочной цитадели укрепления и какие же безвыходные исторические события заставили жителей построить ее именно здесь? К сожалению, на эти вопросы ответить трудно. Казалось бы, тут каждая гора – своего рода крепость. Кто мог додуматься построить ее именно в таком месте? Каменное гнездо! Чувство восхищения вызывает мужество и отчаянность тех, кто не только мог здесь жить, но и построить ее. Видно, очень искусный мастер так умело подгонял камень к камню на века. Каким способом они доставляли сюда камни, раствор и деревянные балки для межэтажных перекрытий? Да, много здесь загадок. Даже в наше время, кажется, невозможным такое строительство.

Башня была трехэтажной, стены ее были в основании 80 см толщиной, а кверху суживались до 35–40 см. В стенах сохранились ниши для установки балок внутреннего перекрытия. В одной из стен, на уровне второго этажа, имеется окно.

В плане башня имеет неправильную форму. Это зависело от формы скальной площадки. Одну из стен составляла отвесная скала. Вторая шла прямо, а третья и четвертая почти овально замыкали основание башни. Передняя стена не доходила до скалы примерно на 80 см. Это был вход. Видимо, здесь устанавливалась лестница или сюда вели ступеньки, выбитые в скалах.

Из этой башни хорошо просматривается старый аул Усхур, а вдали виден великолепный средневековый замок Джабоевых (*ил. 71*). Это один из монументальных памятников средневекового зодчества Кабардино-Балкарии, одно из самых уникальных сооружений с усовершенствованной планировкой.

Замок представляет собой сооружение из четырех помещений, расположенных по одной линии (*ил. 70*). Причем, два из крайних помещений, как и в средневековых замках, представляют боевые башни со множе-

ством бойниц. Два средних предназначались для жилья, но и здесь наряду с окнами в стенах имеются бойницы. В полу помещений выложены из камня ямы-колодцы, у стен имеются лежанки. Между собой помещения связаны дверными проемами. Замок, вероятно, был трехэтажный. Стены хорошо оштукатурены известью, в кладке употреблялся хорошо обработанный камень. Углы замка схвачены громадными обработанными каменными блоками.

Замок стоит на вершине горы, доступ к которой возможен лишь с одной стороны. Но и здесь на пути стоит большая оборонительная стена.

Посетивший этот район в 1886 г. академик В. Ф. Миллер пишет об этих двух укреплениях: «Здесь на высоком почти коническом холме виднеются величественные развалины замка... с остатками башен. Кто построил эту некогда неприступную крепость, сложенную весьма правильно из тесаного местного камня на извести, – об этом не сохранилось даже предания. На противоположной стороне поляны виднеются развалины другой башни, которая должна была одновременно с первой замыкать ущелье, так что неприятель подвергался перекрестным выстрелам».

Недалеко от замка Джабоевых, на древнем кладбище, стоит наземный склеп-мавзолей (*ил. 72*).

На левом берегу Черека Хуламского, напротив замка Джабоевых, у основания горного кряжа, располагался аул Холам (*ил. 66*). Над этим ныне пустующим аулом, на труднодоступной горе некогда возвышалась башня. От нее сейчас остались лишь руины (*ил. 76*). Сооружена она была все теми же искусными мастерами-строителями, которые как бы на хранение потомкам оставили свой автограф на страницах гигантской книги-земли.

Башня расположена на вершине горы. В плане она трапециевидная, сложена на известковом растворе. В сохранившейся передней стене, обращенной к аулу, имеется небольшое окошечко-бойница. На подступах к башне, метров за десять от нее, выстроена оборонительная стена с узким проходом, от которого к башне ведут скальные ступеньки.

Из этой башни хорошо просматривается долина реки, замок Джабоевых и башня Ак-кала, между которыми в случае надобности устанавливалась зрительная сигнализация посредством костров.

Башня Ак-кала располагается на левом берегу реки (*ил. 73*). Она, как и башня Амирхана, Абаевых, расположена не на недоступных вершинах и утесах, а уже на сравнительно удобном, равнинном участке и прикрывала аул Безенги. Башня прямоугольная в основании, сложена из обработанных камней. С восточной стороны (со стороны реки) на уровне первого этажа оставлен вход высотой чуть больше метра и шириной 70–80 см. Когда-то башня была четырехэтажной, о чем свидетельствуют симметрично расположенные ниши в стенах для укрепления внутренних перекрытий. В стенах имеются окна и бойницы.

В углу помещения первого этажа вырыт колодец, обложенный камнем. Колодец, как и во многих других башнях, служил хранилищем продовольственных запасов.

Напротив башни, на правом берегу реки, на поляне, можно увидеть два надгробных камня с высеченными на них крестами, свидетельствующими о том, что некогда здесь было распространено христианство (*ил. 75*).

Если от башни пройти по дороге вверх к фруктовому саду, то справа от путника спускается крутой склон горы. На этом склоне некогда располагалось кладбище. Могилы представляют собой так называемые каменные ящики. Сверху их покрывали плоские каменные плиты. Подобная могила является исконно местной формой погребального сооружения кавказских племен.

Безенгийские могилы были предназначены для одиночных погребений. В них находились обломки керамической посуды, изготовленной из хорошо отмученного теста. Поверхность их иногда покрывалась черным лощением. В этих сосудах умершего сопровождала пища в потусторонний мир. Покойников хоронили в одежде и, по возможности, с украшениями. Таковыми здесь были стеклянные и сердоликовые бусы. В одной из могил была найдена черная дискообразная бусина из агата. Она имела продольное отверстие. Возможно, что она служила талисманом, поскольку подобные бусы встречаются редко.

Неподалеку от упомянутого могильника, вверх по течению реки, располагается аул Шики. Ныне он необитаем, но знаменателен тем, что в одной из саклей его родился основоположник балкарской литературы поэт Кязим Мечиев. Почти всю жизнь он провел в своей кузнице, где ковал железо для односельчан и безупречный стих для своего народа. Сакля Кязима заслуживает большого внимания и охранных мероприятий.

Над старым аулом Шики, на вершине горы, когда-то было сооружено укрепление в два яруса. Сейчас от нижней башни остались лишь следы. В верхней башне сохранились стены. В обеих башнях имеются те же хранилища-колодцы.

Эта крепость в народе называется Баксанук-кала. Интересна она тем, что с ней связана одна из любопытных балкарских легенд и исторических песен.

Когда-то в этой крепости жил властолюбивый и коварный князь Баксанук Суншев (Сюйюнчев). Он притеснял людей, живущих на его земле. Тех, кто осмеливался ослушаться его, постигала суровая кара. Жил он с дочерью Салтанат, которая знала о коварствах отца и часто вступала на защиту обиженных. Отец поместил ее в верхнюю башню, чтобы она не мешала ему вершить свои темные дела.

Подвластное князю племя уже не знало, как избавиться от злого Баксанука. Старейшие решили покинуть эти места, но чтобы разведать путь в другие земли, они посылают сильного и храброго юношу Аслана.

Проезжая мимо крепости, он услышал печальные песни девушки и долго стоял очарованный. Слуги князя пытались догнать юношу и расправиться с ним за то, что тот осмелился смотреть на княжну.

Долго шел он по горам и с большим трудом добрался до привольно раскинувшегося аула на берегу моря. Аслан был приветливо принят

жителями этого аула и через несколько дней собрался в обратную дорогу.

...Вот он приближается к замку, видит знакомое окно, а в нем девушку. Грустная песнь Салтанат сменилась веселой, а злой князь вновь приказывает своим слугам схватить неизвестного джигита. Аслану и на этот раз удается уйти от преследователей.

В это время соплеменники, не дождавшись возвращения Аслана, собрались в путь сами. Стража Баксанука остановила их, отобрала все имущество. Были схвачены отец и мать Аслана. Безоружных людей Баксанук превратил в рабов. Измученные люди стали похожи на скелеты, обтянутые кожей. Но больше всего доставалось старикам Аслана.

Бесстрашный юноша, узнав об этом, сам идет к замку и отдается в руки страже, чтобы как-то помочь родителям. Издевательствам князя над молодым джигитом не было предела. Закованного в цепи его бросают в подземелье.

Влюбленная Салтанат уговаривает его бежать и обещает помочь выручить его родителей. Аслан соглашается. На следующий день Баксанук убивает стариков, Аслан спешит к ним, но погибает от рук стражи. Увидев смерть возлюбленного, Салтанат бросается в пропасть.

Доведенный до отчаяния народ обрушивает свой гнев на Баксанука и убивает его, а сам навсегда покидает эти проклятые места.

Так заканчивается легендарная безенгийская трагедия.

Легенда эта любопытна тем, что с описываемыми в ней событиями хорошо связываются остатки крепости Баксанук, в которой достоверно известны и верхняя и нижняя башни. Интересна она и тем, что красноречиво повествует о трудной и долгой борьбе и победе трудового народа над своими угнетателями – реальным историческим лицом – Баксануком Суншевым.

Часть Суншевых впоследствии переселилась в Баксанское ущелье и образовало новую княжескую фамилию Урусбиевых, по имени которых дореволюционное Баксанское ущелье называлось Урусбиевским обществом Балкарии (см. ниже). О выделении Урусбиевым определенной земли гласит Балкарская надпись 1715 г., выполненная арабским шрифтом. Эта надпись на каменной плитке была найдена в ауле Холам (*ил. 64*).

В результате длительного пребывания в 1959 г. в сел. Безенги на родине своего учителя К. Мечиева родился великолепный поэтический сборник выдающегося балкарского поэта Кайсына Кулиева – «Раненый камень». Именно к крепости Баксанук-кала можно отнести слова поэта из стихотворения «Башня».

Каленные ветрами стужи
И огненным горном зари,
Темны ее стены снаружи
И кровью багрятся внутри.

А ТЕПЕРЬ В ЧЕГЕМ...

Туда, где, по словам поэта, скалы «солнце одевало в позолоту, а свет луны таинственной ласкал».

Проехав примерно 2–3 км к югу от сел. Чегем II, на левой стороне дороги можно увидеть развалины двух наземных мавзолеев XVIII–XIX вв. В одном из них, по рассказам старожилов, был захоронен брат Александра Бековича-Черкасского, известного сподвижника Петра Первого. Далее, километра за три до сел. Лечинкай, справа, на склоне холмов, в местности Нывако, находятся мавзолеи кабардинских уорков-дворян Куденетовых, которые по своим правам приравнивались к князьям.

На всем пути следования до сел. Лечинкай (по обе стороны дороги) располагались так называемые Кабардинские курганы XIV–XVI вв. К настоящему времени они почти все исследованы. Они представляли собой невысокие (до 1 м) земляные насыпи диаметром 5–10 м. Содержали, как правило, по одному погребению. Инвентарь из Кабардинских курганов позволяет судить о средневековом вооружении, одежде, украшениях кабардинцев и о связях с соседними народами.

Миновав сел. Лечинкай, путник въезжает непосредственно в ущелье реки Чегем. Это одно из живописнейших ущелий, покрытое густым и смешанным лесом. Краеведы уверяют, что нигде, ни в каком другом ущелье Кабардино-Балкарии не ощущается с такой силой, как в Чегемском, «чувство ущелья».

Вот как характеризует его один из лучших и неутомимых краеведов республики Г. Н. Подъяпольский: «Прорезающая Скалистый хребет щель настолько глубока и узка, что, кажется, словно какой-то исполин изо всех сил ударил своим мечом по Скалистому хребту, рассек его поперек от самой гривы и донизу, пошатав рукояткой слегка из стороны в сторону, а затем, чуть раздвинув скалы, вытянул свой меч обратно». Тут же он напоминает, что местами этот коридор при ширине 15 м имеет высоту более 300 м.

Но это в теснине. А пока едем из Лечинкая по каскаду поворотов вверх по ущелью до сел. Нижний Чегем. Основное население Нижнего Чегема – балкарцы, занимающиеся животноводством. В Нижнем Чегеме следует остановиться и ознакомиться с интересными памятниками.

Над селением, с восточной стороны, тянется хребет Багыулсырт. На вершине его стоят два больших кургана. Их хорошо видно из села. Оба они находятся в плотном окружении современных мусульманских могил.

Один из курганов был частично раскопан экспедицией Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института в 1960 г. Из-за невозможности тревожить современные могилы, раскопана лишь одна четверть кургана. В ней оказалось 23 погребения в каменных ящиках и грунтовых ямах, обложенных камнями. Курган служил, видимо, родовым кладбищем. Он насыпался на протяжении столетий.

Особо запомнилось одно из погребений, в котором скелет в полном анатомическом порядке изображал позу ничком лежащего человека, с сильно скорченными конечностями. Похоже, что он был убит насильственно.

Самое последнее погребение находилось на вершине кургана у самого его центра. Оно представляло собой каменный ящик, сложенный из четырех цельных плит. Дно было устлано пятой плитой.

В могилы вместе с покойниками клали его личные вещи и пищу. Почти в каждой могиле находились глиняные кувшины и чаши с геометрическими штрихованными узорами или точечным орнаментом в виде елочки, треугольников и ромбиков. Обнаружены и довольно крупные шаровидной формы кувшины с налепными изображениями рогов барана, коровы.

В последней могиле были найдены очень красиво выполненные металлические подвески. Одни из них в виде небольших лепестков, другие представляли собой двухсантиметровые колонки с ложновитым орнаментом.

Все эти вещи и обряд захоронения хорошо известны по памятникам Кабардино-Балкарии II тыс. до н. э.

Спустя почти 1,5 тыс. лет на южной окраине хребта Багыул возникает новое кладбище, но уже не курганное, а без всяких наземных признаков. Могилы здесь представляли грунтовые ямы, обложенные крупными камнями. Большую часть могильника унесла речка Кийикчи. Сосуды из этого могильника выполнены более искусно. На них появляется черное лощение. Хотя основные мотивы орнамента сохраняются, но выполнены уже в иной манере. К примеру, если в сосудах кургана орнамент выполнен точечной линией, то здесь он сплошной. Вместе с погребенными, которые лежали либо на боку скорченно, либо вытянуто на спине, находились различные сосуды, в т. ч. и миниатюрные (7–8 см в диаметре и 1–5 см глубиной), чашечки, обнаруживаемые всегда в изголовьях покойников.

В женских могилах было множество бус из янтаря, сердолика, голубой и черной пасты, различные бронзовые подвески, изображающие рогатых животных, миниатюрные щипчики-пинцеты. В мужских, как обычно, – короткие железные мечи, подобные скифским акинакам, возможные предки кавказского кинжала, железные топоры и секиры, наконечники стрел и копий, ножи и пр. Встречались на могильнике и парные захоронения мужчины и женщины. В одной из таких могил на груди у женщины была обнаружена круглая металлическая застежка – фибула, покрытая красной, желтой и зеленой эмалью, разбивающей круг на несколько секторов.

Могильник относится к памятникам позднего этапа знаменитой кобанской культуры I тыс. до н. э., сложившейся на базе северокавказской культуры II тыс. до н. э.

Действовал могильник в течение многих столетий, примерно от VII в. до новой эры до III в. н. э., т. е. почти тысячу лет.

Спустя примерно лет пятьсот на пологом восточном склоне Багыула возникает средневековое поселение.

Раскопки говорят о том, что жилища здесь строились на каменном фундаменте, сооруженном без связующего раствора, стены возводились из плетня (турлук), который обмазывали толстым слоем глины. Куски этой обмазки со следами прутьев очень часто обнаруживались при раскопках.

В центре дома или в углу устраивался очаг. Его обкладывали камнями. Часто и дно очага бывало каменным, чтобы на накаленном камне можно было печь хлеб, жарить мясо и пр.

Вот таковы памятники, которые оставлены нашими далекими предками на хребте Багыул.

К юго-востоку от сел. Нижний Чегем, в густом лесу урочища Туузсырт, в 1959 г. было обнаружено древнее изображение животного, высеченное из цельной гранитной глыбы, высотой около 4 метров (*ил. 29*). В этом же урочище был обнаружен огромный стоячий камень – менгир (*ил. 81*).

Выехав из Нижнего Чегема через 8 км путник попадает сразу же за сел. Хушто-Сырт в теснину реки. Здесь в самом центре Скалистого хребта находятся знаменитые Чегемские водопады.

Пройдя теснину, мы оказываемся по ту сторону Скалистого хребта, который отвесно обрывается здесь высокими стенами. Вскоре перед путником открывается котловина, такая же, как в Безенги и Верхней Балкарии, – зона Северной депрессии.

Здесь в прошлом было несколько отдельных аулов – Эль-Тюбю, Ачи, Суусузла, Думала, Булунгу и др. Сейчас большинство маленьких аулов пустует. Современные селения Верхний Чегем и Булунгу объединены в один колхоз имени видного революционного деятеля Кабардино-Балкарии – С. Калабекова. Коренное население – балкарцы, занимающиеся, как и в других высокогорных районах, скотоводством, в котором доминирует разведение овец.

Самое раннее известие о чегемцах относится к 1718 г. и принадлежит лейб-медику Петра Первого Готлибу Шоберу, который именует их «татарами чегемскими». В 1768 г. здесь насчитывалось 700 дворов.

В Верхнем Чегеме сразу перед взором путника встает башня, надменно поднявшаяся будто бы на сгорбленных спинах низеньких горских саклей.

Башня эта принадлежала таубиям Балкаруковым, которые для постройки ее пригласили мастеров из Сванетии. Поэтому башня не похожа на другие башни Северного Кавказа. Мастера-сваны сделали ее такой, какие строили у себя дома (*ил. 78*). Их особенно сближает так называемый парапет, свисающий с верху стен.

К этой башне было пристроено несколько помещений. Из них сейчас сохранилось одно приземистое здание.

Выше по речке Джилги-су, на левом берегу которой стоит башня, на расстоянии не более чем 1 км, справа у основания горы Капчагай, зияет огромный грот, называемый жителями *Кала-Тюбю*, что в переводе означает «Низ крепости».

Археологические раскопки 1959–1960 гг. выяснили, что этот грот был облюбован человеком для жилья около 15 тыс. лет назад, в так называемую эпоху среднекаменного века (мезолит). Об этом свидетельствуют каменные орудия труда, изделия из кремня и обсидиана. Эти орудия представляют собой наконечники стрел, ножевидные пластинки, скребла и т. п.

Человек обитал здесь на протяжении тысячелетий, вплоть до позднего Средневековья. Грот и сейчас используется пастухами для загона овец.

При раскопках выявлялись скопления золы, порой достигающие толщиной нескольких метров – видно, очень долго горел в пещере огонь.

Метрах в тридцати от грота, вверх по речке, находилась одна из сложных средневековых крепостей. Она стояла в самом узком месте ущелья и почти закрывала ее. Крепость пристроена к вертикальной скальной стене. Две боковые стены ее идут прямо, а третья, обращенная к реке, сделана в виде чередующихся вогнутых полуколец – контрфорсов. Из нее выходит и идет по отвесной стене на высоте 25–30 м выбитая в скале лестница. Некогда она вела в пещеру, в которой еще в начале XIX в. Ю. Клапрот находил листы из Евангелия XV в. Сейчас лестница до пещеры не доходит. Над крепостью, на вершине горы, сохранились следы башни Хырджауат. Этот оборонительный комплекс, снабженный на случай скальной лестницей-«Битикле», делал почти невозможным доступ к поселению, которое им защищалось (*ил. 77*).

Поселение, известное в литературе как Верхне-Чегемское городище, располагалось на довольно крутом склоне. Дома здесь были каменными, располагались, в определенном порядке, между ними оставлялись улицы-проходы. В 1960–1961 гг. здесь было раскопано 8 жилищ, строительный прием которых типично балкарский, что прослеживается по позднейшим постройкам. Для того чтобы построить дом, срезали склон, создавали горизонтальную площадку, которая служила полом. Затем возводили стены. При этом получалось, что задняя стена целиком и часть боковых стен не были видны снаружи. Фасадом дома́ обращены к склону. Надо сказать, что склон, занимаемый поселением, почти весь день обогревается солнцем.

В передних стенах оставлялись дверные проемы. В плане жилища имеют неправильную четырехугольную форму. Вдоль одной или двух стен проходили каменные лежанки. В центре или в одном из углов устраивался очаг, обложенный обработанными камнями. В некоторых домах имеется по два очага.

Верхне-Чегемское городище прекратило свое существование в XIV в. Одной из причин гибели городища могла быть естественная катастрофа – обвал. В отдельных местах наблюдаются застывшие селевые потоки, а основная часть территории завалена сплошным камнепадом. Возможно, селевые потоки – явление позднее, скажем, после того, как поселение было разрушено неприятелем и оставлено жителями. Эти вопросы требуют дальнейшего изучения.

Недалеко от Балкаруковской башни, метрах в ста к северу, в XIII–XIV вв. существовало кладбище. Сейчас могилы этого кладбища не имеют никаких надземных признаков.

Раскопками Кабардино-Балкарского НИИ в 1960 и 1961 гг. добыт большой и ценный исторический материал. Могилы представляли собой узкие грунтовые ямы. Покойники лежали в составных деревянных гробах, скрепленных железными скобами. Встречаются и парные захоронения в смежных гробах, перегороженных тонкой доской. Своеобразной была одна из могил, представляющая захоронение матери и ребенка. Детский

костяк покоился на груди женского скелета в такой позе, которую ребенку придают при кормлении грудью.

На могильнике раскопано около 40 погребений, из них самой богатой оказалась могила № 15. В ней захоронена была молодая женщина лет тридцати в полной своей нарядной одежде, которую можно увидеть в экспозиции Кабардино-Балкарского краеведческого музея. Одежда состоит из круглой, конусообразной войлочной шапки коричневого цвета, украшенной лентой из тонкой газовой ткани. Платье-рубашка типа кимоно с разрезанным почти до пояса воротом. Ворот застегивался на мелкие плетенные из ниток пуговицы. Сохранились короткие широкие штаны из ткани полотняного переплетения. Ткань имеет хорошо заметный орнамент – сетку. На ногах женщины были две пары сапожек из дубленой кожи. Верхние сапожки были украшены по подъему тисненым узором.

У пояса погребенной в сумочке находились железные ножницы и наперсток. Женщина была украшена серебряными серьгами, изображающими виноградные гроздья. Вероятно, она была одной из тех модниц, ревниво относящейся к своей внешности. Каштанового цвета волосы ее были аккуратно сплетены в косы, а затем умело уложены на голове высокой круглой прической.

Все эти находки были переправлены в свое время в реставрационные мастерские Государственного исторического музея, в Москву. Около шести месяцев реставраторы кропотливо работали над восстановлением этого уникального костюма.

Проанализированные антропологами черепа из Байрыма (так называют это место жители) свидетельствуют, что здесь хоронили своих покойников в XIII–XIV вв. предки нынешних балкарцев.

Возвышающаяся над могильником гора называется *Кызла-Кюйгенкая*, что значит «скала, где сгорели девушки». С ней связано интересное предание.

...Давным-давно в одну из осенних ночей двинулось на Чегем огромное вражеское войско. Неприятель бесшумно пробрался через перевал к горе Донгат, где были первые сторожевые посты чегемцев. Воины-стражники первыми приняли удар на себя и пали в неравном бою.

Рано утром враг переправился через Чегем. Несколько дней защитники мужественно оборонялись. Но вот пали первые оборонительные пункты, открывающие доступ в поселение. Все население встало на защиту.

Враги обнаружили в горах несколько девушек и пытались схватить их. Отчаявшиеся девушки подожгли на себе одежду и бросились со скал (по другому варианту, они сожгли себя в одной из пещер). И с тех пор, в память об этих бесстрашных девушках, считавших плен верхом позора и бесславия, гору, возвышающуюся над селением Верхний Чегем, назвали Кызла-Кюйгенкая..

Борьба добра и зла также уходит своими корнями в глубь веков. С давних пор люди стали карать зло и вознаграждать добро. И каждый народ избирал такие меры наказания, которые считал более действенными с точки зрения своей морали.

Так, например, у балкарцев вплоть до начала нашего века существовал один из любопытных методов наказания. Почти в каждом балкарском ауле, где-нибудь на видном месте в селении или у дороги, стояли так называемые *камни позора* – Налат-Таш. Они были больших размеров, в них просверливалось где-нибудь отверстие. Зачастую это были большие глыбы скал. Уличенного в каком-нибудь постыдном поступке привязывали к этому камню, и каждый прохожий выражал ему свое презрение. Один из таких камней до сих пор можно увидеть в Верхнем Чегеме. Когда-то этот камень стоял у моста в центре селения. Впоследствии, потомки последнего прикованного к камню, сбросили этот камень в речку, где и сейчас его можно увидеть.

Подобные камни в прошлом были почти во всех балкарских селениях – в Верхней Балкарии, в Верхнем Баксане и др.

На правом берегу Джилги-су, напротив башни Балкаруковых, на склоне горы в местности Пардык, расположены известные Чегемские мавзолеи. Компактно расположенная группа очень выразительных сооружений представляет собой как бы небольшой окаменевший городок, объятый молчанием вот уже несколько столетий. Каждый из мавзолеев имеет свой облик, свое содержание. Они находятся на участке, который веками служил кладбищем для местных жителей, и окружены более скромными обычными могилами, заваленными камнями. Мавзолеи отлично сложены из обработанного камня, имеют правильные формы и оштукатурены крепким известковым раствором. Наземные мавзолеи возвышаются будто бы на спинах обычных могил, как башня Балкаруковых над саклями.

По внешнему виду эти мавзолеи двух типов. Одни прямоугольной формы с двухскатными крышами (*ил. 79*), другие шести- и восьмигранные и с пирамидальными крышами, замыкающимися большими обработанными камнями (*ил. 82*). Появление последнего типа мавзолеев хорошо объясняется проникновением мусульманских архитектурных форм в XVII–XVIII вв.

Наземные мавзолеи появляются в Балкарии где-то в XIV–XV вв. К более ранним формам относятся прямоугольные с двухскатными крышами мавзолеи. Архаичный тип их представлен мавзолеем у замка Джабоевых и на горе Курнаят (*ил. 50, 72*).

Мавзолеи, многогранные в плане с пирамидальными крышами типа Верхне-Чегемских, являются самыми молодыми и относятся к XVII–XVIII векам. Архаичным типом этого вида мавзолеев является мавзолей, расположенный немного выше сел. Булунгу (*ил. 80*).

Селение Булунгу – самое верхнее по Чегемскому ущелью. Далее дорога уводит нас в высокогорные турбазы «Чегем» и «Башиль», а оттуда туристская тропа через Твиберский перевал приводит в Сванетию и далее на побережье.

Район Верхнего Чегема один из самых насыщенных древностями. Здесь и стоянка первобытного человека, и городище с могильниками XIII–XIV вв.,

памятники духовной культуры. Весь этот котлован, где расположены памятники, плотно окружен горами. На вершинах и уступах гор размещены укрепления, составляющие единую, хорошо продуманную оборонительную систему. Например, с башен Донгата, о которых говорится в предании, как на ладони видна вся котловина и другие опорные пункты жителей Верхнего Чегема. С них легко было дать сигнал огнем в случае появления неприятеля.

Особенно они контролировали Думалинский перевал, ведущий в соседнее Безенгийское ущелье.

Район сел. Верхний Чегем очень интересен и своими топонимами (название местностей). Так, к примеру, современное селение Верхний Чегем называют в народе «Эль-Тюбю». *Эль* – село, *Тюбю* – низ, отсюда «Эль-Тюбю» – «Низ села». Выше Эль-Тюбю – грот на левом берегу Джилги-су называется, как мы уже говорили, «Кала-Тюбю», что переводится как «Низ крепости». Выше этого грота располагается укрепление Верхне-Чегемского городища. Таким образом, географически крепость эта находится над гротом, а сел. Эль-Тюбю – вниз по ущелью от городища. Значит, жители этих мест знали о существовании городища вверху ущелья и крепости над гротом и потому назвали вновь образовавшееся селение – «Эль-Тюбю», а грот под крепостью – «Кала-Тюбю».

МУМИИ В ГОРАХ

Чтобы посмотреть на одну из них, надо из Верхнего Чегема через старый поселок Актопрак отправиться по перевалу к Баксанскому ущелью.

Если пройти примерно более половины спуска к Баксанскому ущелью, то на правом берегу речки Гестенти, на очень крутом склоне горы, можно с трудом заметить небольшой скальный навес. Здесь лежит высохший труп – мумия. Раскопки на месте показали, что первоначально этот навес был забутован камнями. Таким образом, образовалось нечто вроде склепа.

У ног умершего были выявлены следы языческого погребального обряда – это остатки большого костра, рядом с которым были обнаружены кости целой туши крупного рогатого скота, кости и конечности которой были перерублены. Это было жертвенное животное, тушу которого похоронили вместе с человеком, будто бы «ему в дорогу». Огонь возводился, видимо, для очищения покойника.

В настоящее время первоначальная кладка камней разрушена, и сложена вновь небольшая стенка. Хорошо сохранилась кожа черепа, рук и торса. Кости одной ноги отсутствуют. Старожилы ничего не помнят об этой мумии. Лишь можно полагать, что она относится к доисламскому времени XVI–XVII вв.

Многие мумии из балкарских могильников еще в 1913 г. хранились в Ставропольском музее.

Вот что о них тогда писал Г. Н. Прозрителев: «Все они такой сохранности, что невольно задаешь вопрос себе: «Каким образом они сохранились?». Кожа белого цвета, ногти хорошо держатся... Красивая изящная нога свидетельствует, что принадлежала она женщине из какого-то высшего сословия. Длинный ноготь мизинца правой руки говорит о том, что служила эта рука не простому рабочему. Правильно развитый череп и кости лица, мягкие черты красивого человека, нос с горбинкой, большие глаза свидетельствуют, что покойник принадлежал кавказской расе.

...Другой череп с рыжими металлического блеска волосами. Косой разрез глаз прямо говорит, что субъект был иной расы далекого Востока, а башмак, служивший для деформации женской ноги подтверждает это. Такого типа башмаки с боковым продольным разрезом не были известны на Кавказе. В пользу этого говорит и часть рубашки из шелковой материи, цветная ткань и особенно рубашка-кофта китайского покроя. Грубый холст, грубые нитки, которыми подшиты края рубашки, небольшая тонкая веревочка, которой завязывался ворот, свидетельствуют, что она принадлежала мужчине».

Если же ехать в Баксанское ущелье из Нальчика, то слева от арки сел. Кызбурун III можно увидеть, в метрах трехстах, древнее городище домонгольского времени. Городище окружено глубокими рвами. Как и многие подобные городища, оно было разорено татаро-монголами в XIII в.

Далее, свернув в городе Баксане налево, дорога ведет к ущелью. Еще в предгорьях у пос. Заюково, Кызбурун I и II можно видеть справа и слева небольшие Кабардинские курганы, аналогичные тем, что по дороге в Лечинкай. Вдали, на отрогах хребтов, по правому берегу Баксана имеются поселения, подобные Кызбурунскому городищу.

Следуя дальше, туда, где дорогу пересекает речка Гунделен, можно свернуть вправо и по реке проехать через современное сел. Гунделен к верховью.

Здесь, в отвесных и диких скалах, когда-то наши предки изложили рисунками и значками что-то сокровенное и необходимое. Жаль, что язык тот нам непонятен.

Рисунки выполнены густой и хорошего качества краской коричневого цвета. Столетиями они омываются дождями и снегом на гладких скалах, однако и сейчас отлично видны. Одна группа рисунков находится на высоте двух-трех метров. Рисунки ничем от непогоды не защищены (карнизом, выступом и прочим). Поэтому и любопытно, как сохранились они?

...На самом верху – круг, разделенный на четыре равные части. Ниже, чуть левее, всадник с луком, справа какое-то фантастическое животное. Немного поодаль от них, уже у стыка склона с отвесной скалой, на потолке небольшого навеса, высотой едва больше метра, нарисованы той же краской шеренгой выстроенные какие-то непонятные животные. Напоминают они фантастических «петушков». Все эти рисунки весьма загадочны, и мы вряд ли сможем понять их, потому что уж больно скудны подобные памятники в наших районах (*ил. 88*).

Кое-что может прояснить знак круга. Известно, что подобный знак в глубокой древности означал культ огня, солнца. Этот знак в подобной композиции играет, видимо, роль оберега.

У балкарцев в прошлом была клятва, описанная исследователями XIX в.: «Начертят на земле круг, затем проведут в нем две пересекающиеся линии, встанут в центр, и это называется у них «Къач».

Относительно времени этих рисунков говорить чрезвычайно сложно. Можно только полагать, что они относятся к эпохе Средневековья.

У слияния рек Гунделен и Баксан некогда находилось большое кладбище со множеством наземных мавзолеев. К сожалению, сейчас они все разрушены до основания.

Если же продолжить путь прямо, не сворачивая на Гунделен, то за селением Лашкута, где начинается непосредственно ущелье, на правой стороне Баксана имеется грот, названный первооткрывателями (П. Акритас, Н. Замятин в 1954 г.) именем легендарного нарта Сосруко. Здесь жили люди эпохи среднекаменного века (мезолит) за 12–15 тыс. лет до н. э. Он одновременен гроту Кала-Тюбю и содержал однотипные орудия.

Часто приходится слышать от экскурсоводов и краеведов, что в этом гроте жил нарт Сосруко. Он никогда в нем не жил, а просто ученые древний, впервые открытый памятник назвали условно его именем.

Недавно на правом берегу реки Баксан, между Нижней и Верхней Лашкутой, при строительстве дороги случайно в разрушившихся могилах были найдены очень интересные бронзовые вещи. Добытая там коллекция древних предметов была доставлена в Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт учителем гунделеновской средней школы З. М. Улаковым. Коллекция состоит из подвески, изображающей круторогую баранью голову с чертами грифона. Рога изображения украшены литым орнаментом в виде тройных (с промежутками) ложновитых полос, в целом создающих иллюзию колоса.

Не менее интересна и вторая подвеска, изображающая фантастическую птицу с широким хвостом, высокой шеей и длинным клювом. Торчащие уши, изгиб шеи и клюв напоминают морду лошади или собаки. Последние детали особенно подчеркивают фантастичность изображения. Третий предмет представляет собой увесистую крупную булавку – фибулу с хорошо сохранившейся иглой и пружиной. Фибула украшена треугольным геометрическим орнаментом, выполненным мелкими точками. Но особенно интересной является подвеска – литая бронзовая статуэтка богини плодородия, выполненная в виде обнаженной женской фигурки с утрированными элементами пола и вытянутыми вперед руками. Подобные изображения связаны с культом земледелия – культом плодородия. Такие изображения, но изготовленные из глины и камня, известны во многих пунктах Северного Кавказа, в том числе и в Нальчике уже в IV тыс. до н. э. На рубеже II и I тыс. до н. э. их отливают из бронзы и ее сплавов. К I тыс. до н. э. относятся и упомянутые находки. Голова, шея и талия статуэтки украшены колосообразными венками, которые в сочетании с признаками пола осо-

бенно подчеркивают, что «лашкутинская богиня» – великолепный образчик культа плодородия. Ей поклонялись далекие жители берегов Баксана.

У въезда в сел. Былым слева от путника, на окраине фруктового сада, идет небольшое ущелье, называемое Кала-Кол. Некогда у входа в это ущелье, справа, на вершине горы, была крепость, развалины которой видели в 1849 г. путешествовавший здесь А. Фиркович, а затем братья Нарышкины в 1867 г. К этой горе с юго-востока прилегал большой могильник из подземных склепов VI–VIII вв. н. э. Склепы несколько отличаются от Верхнебалкарских, так как они намного древнее последних. Эти склепы сложены из более мелких камней и плит. Могильник еще в XIX в. хищнически был ограблен, как и «Городок мертвых».

Склеповых могильников у селения Былым много. Имеются они у впадения реки Гестенти в Баксан. Подобный же могильник расположен на левой стороне реки Баксан, почти напротив первого. При строительных работах Тырныаузского комбината здесь были разрушены несколько склепов. Найдены интересные сосуды из хорошо отмученной глины с лощеной поверхностью. Один из кувшинов имеет по венчику пять симметрично расположенных металлических заклепок, назначение которых не удалось еще выяснить. Этот же сосуд имел крышку, изображающую орла. Глаза его выделены вставными камешками, а крылья – легко проведенными линиями.

Другой сосуд представляет широкую чашу, ручка которой выполнена в виде грифона. Поднявшись на дыбы, он будто бы настороженно заглядывает в чашу. Она безусловно использовалась при торжественных ритуальных церемониях, а ее чернолощеная до блеска поверхность с этими ручками непременно производила весьма внушительное впечатление.

И сейчас за городом Тырныаузом, на левом берегу Баксана, стоят развалины прямоугольного с двухскатной крышей мавзолея. Он принадлежал, судя по народной памяти, князю Камгуту Крымшаухалову (*ил. 95*). Некогда внутренние стены мавзолея украшали два изображения изящных ланей, сейчас от них сохранились лишь фрагменты (*ил. 96*). В семье Крымшаухаловых в 1639 г. в ауле Эль-Джурт, что находится сейчас же за городом Тырныаузом, останавливались русские послы, шедшие в Мегрелию (см. ниже).

Напротив, справа от дороги, на уступах скал видны следы крепостного сооружения, принадлежащего некогда княгине Гошаях (*ил. 90, 91*).

Баксанское ущелье выше указанных пунктов изучено крайне слабо. Лишь имеются отдельные случайные сведения. Таковым является сведение о крепости Ференк-кала у сел. Верхний Баксан.

Но зато Баксанское ущелье обрадует путника тем, что оно самое красивое и ведет к подножию великого Эльбруса. Здесь множество зон отдыха, турбаз, альплагерей, гостиницы «Иткол» и «Азау», канатная дорога и знаменитый Чегет, бесподобный «Приют 11» и мн. др.

До революции верховья реки Баксан принадлежали известным в свое время князьям (таубиям) Урусбиевым. На старом кладбище селения и сейчас сохранились руины их фамильных склепов.

Первым упоминанием об урусбиевцах (так назывались потомки князей Урусбиевых и жители Баксанского ущелья) является Балкарская надпись арабским шрифтом 1715 г., вырезанная на каменной плите. Надпись гласит о том, что Исмаилу Урусбиеву отводится определенная территория в нынешней Кабардино-Балкарии *(ил. 64)*.

По литературным сведениям, еще в 1880 г. другой Исмаил Урусбиев построил кунацкую (гостиную) для туристов и принимал у себя «всех русских и иностранных альпинистов, путешественников и исследователей Кавказа... Его дело продолжал его сын, очень интересный и интеллигентный горец Науруз Исмаилович Урусбиев. Он был деятельнейшим членом Горного общества в Пятигорске и своим постоянным содействием альпинистам и геологам немало способствовал изучению Эльбруса и вершин Главного хребта...»

В семье Урусбиевых гостили многие путешественники и исследователи Большого Кавказа: геологи, топографы, этнографы, археологи, композиторы, писатели и художники. Среди них можно назвать выдающихся ученых – профессора М. М. Ковалевского, которого цитировал Ф. Энгельс в своем труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства», академика В. Ф. Миллера, композитора С. И. Танеева, немецкого этнографа Г. Мерцбахера, художника Н. Ярошенко и мн. др.

Интересные сведения о семье Урусбиевых оставил не раз гостивший у них известный исследователь Кавказа действительный член Русского географического общества С. Анисимов.

«В ведущейся и теперь (1923 г. – *И. М.*) Урусбиевыми книге для туристов, – пишет он, – имеются признательные записи многих альпинистов и отмечены все восхождения на вершину Эльбруса. Начали записи английские альпинисты Д. Фрешфильд (президент Лондонского альпийского клуба), К. Таккер и А. Мур, поднявшиеся на вершину Эльбруса в 1868 г. с горским проводником из Урусбиево (так называлось сел. Верхний Баксан. – *И. М.*) по имени Ахия (Соттаев. – *И. М.*) который, как мне сообщили его родственники, умер в 1918 году 130 лет от роду. Ахия был на вершине Эльбруса 15 раз.

Профессор И. В. Мушкетов, писатели Н. К. Михайловский и М. М. Ковалевский и множество менее известных писателей, геологов, альпинистов и просто туристов – русских, англичан, немцев, французов, итальянцев и других национальностей – имели у Урусбиевых радушный прием и также оставили свои признательные записи».

К сожалению, эти интересные книги записей – ценнейшие исторические документы, о которых говорит С. Анисимов, – пока не найдены...

Очень интересным будет путь туристов, отправляющихся по Баксану в Сванетию через перевал Донгуз-Орун (3200 м). По этому маршруту в 1639 г. в сентябре шло посольство Московского государства в Мегрелию к Левану I Дадиани (в «Дадианскую землю»). Посольство возглавлял Федот Елчин – толмач (переводчик. – *И. М.*) татарского языка при посольском приказе. С ним был священник Павел Захарьев. Это было ответным визитом на первое посольство мегрельских владетелей (Левана I Дадиани).

22 мая 1640 г. послы покинули Дадианскую землю и прежним путем вернулись обратно.

Наше путешествие не будет законченным, если мы не побываем в Долине нарзанов – в верховьях реки Малки.

Дорога туда ведет по трассе Нальчик–Пятигорск и от сел. Малка сворачивает влево. Вверх по одноименной реке через сел. Каменномостское, Кичмалка и далее через высокогорные пастбища путник въезжает в очаровательную Долину нарзанов. Здесь имеется турбаза, выполненная в стиле средневековых замковых построек, скульптура, изображающая нарта-героя, поражающего очередное чудовище – по мотивам нартских сказаний.

Отсюда вправо уводит дорога вверх на реку Хасаут. В километрах восьми от впадения Хасаута в Малку, там, где ныне стоит ферма, прижатая к скалам, справа от дороги некогда было большое кладбище. Часть его состоит из грунтовых ям, обложенных каменными плитами, а часть – из подземных склепов. И те и другие на одном кладбище относятся к одному и тому же времени V–VII вв. В тех и других черепа были искусственно вытянуты – деформированы.

У многих племен Приазовья, Поволжья и Северного Кавказа этот обряд деформации черепа еще в младенчестве существовал от первых веков до седьмого века н. э. На Кавказ он, конечно, привнесен, ибо до этого времени подобные черепа здесь неизвестны. Любопытно в связи с этим вспомнить, что у города Тырныауза в 1968 г. удалось зафиксировать групповое захоронение в подземном склепе V–VI вв. н. э., где встречались черепа обычные и деформированные.

Недалеко от Хасаутского могильника в отвесных скалах на высоте от 7–8 до 10–15 метров вырублены так называемые наскальные гробницы. Это небольшие камеры, назначенные для одиночных захоронений. Вход в них замуровывался обработанными камнями. Пробраться к ним могут лишь опытные альпинисты.

Подобные же камеры можно увидеть и в верховьях Кубани, куда ведет отсюда тропа через Бермамыт и Бечесын, а оттуда в верховья Индыша (правый приток Кубани), где можно посмотреть и склепы, и наскальные камеры-гробницы (*ил. 108, 109*).

Спустившись по Индышу, если проехать вверх по Кубани, то над старым аулом Хурзук можно увидеть величественную башню (*ил. 113*). У селения Карт-Джурт посетить мавзолеи, как и в Верхнем Чегеме (*ил. 102–106*).

Возвращаясь по Кубани вниз, недалеко от города Карачаевска на труднодоступной вершине горы, можно увидеть один из известных храмов X–XI вв. (*ил. 111*). Храм выполнен в византийском стиле. Именно посредством церкви, одного из существенных средств, рука империи пробиралась так далеко в горы Кавказа (*ил. 112*).

Вот, пожалуй, те памятники, которые, не затрачивая особого времени, можно увидеть, путешествуя по горам Кабардино-Балкарии от истоков реки Черек до верховьев Кубани.

КОГДА И ПОЧЕМУ?

Это, пожалуй, самые трудные вопросы, стоящие перед исторической наукой вообще и археологией в частности. Если первые два вопроса довольствуются описательным ответом, то эти требуют ответа, убеждающего в определенных исторических событиях и фактах. Они требуют раскрытия причин, вызвавших эти события и факты именно в определенный отрезок времени. Задача, конечно, не из легких. Не может легким быть и ответ на сложные вопросы. Но тем не менее родник всегда пределом жажды служит. Как истина всегда – предел наших дерзаний.

Поскольку о времени других памятников в той или иной степени говорилось по ходу рассказа, то здесь я остановлюсь лишь на архитектурно-археологических памятниках – башнях и мавзолеях.

Надо отметить сразу, что это как раз те памятники, которые широко распространены на Центральном Кавказе, и в то же время изучены слабо. Нет еще хорошо обоснованной хронологической классификации этих памятников.

Изучение башен и крепостей на местах в отдельности и картографирование показывают, что по своему расположению они делятся на две группы. Одни на недоступных вершинах и уступах, другие же, как бы сошедшие с этих вершин, располагаются в самих аулах.

Первая группа – это крепости: Болат, Малкар, Зылги, Усхур, замок Джабоевых, башни Баксанука и Хуламская.

Вторая группа – это башня Абаевых, башня Амирхана, башня Шахановых, Ак-кала и башня Балкаруковых.

При сопоставлении их оказывается, что они отличаются не только географическим расположением, но конструктивными особенностями и хронологически. Первые архаичнее вторых.

Уже в XI–XII вв. у населения Центрального Предкавказья складываются все предпосылки для выделения из основной массы населения феодализирующейся социальной верхушки. Разумеется, что эти предпосылки и сам процесс выделения этой знати были не везде одинаковыми, скажем, в горах и на плоскости.

Различные природно-географические условия и различные формы хозяйства откладывали свой отпечаток – либо ускоряли, либо тормозили этот процесс.

Если на равнине феодализирующаяся знать обносит свое жилище и двор глубоким рвом и валом, то в горах она должна прибегнуть к тому же камню. Из них делали себе более укрепленное жилище – башню, крепость или замок. При жизни им строят башни, после смерти – мавзолеи.

Это внутренние социально-экономические причины появления башенных построек и мавзолеев.

Немалую роль сыграли и внешнеполитические события.

В первой половине XIII в. (1222) Северный Кавказ постигает то событие, «искры которого разлетелись и зло которого простерлось на всех» – так писал о монгольском нашествии современник Ибн аль-Асир.

Безусловно, эти события дали громадный толчок для появления оборонительных сооружений, но уже монголы застают хорошо укрепленными почти все ущелья Центрального Кавказа. Еще более они укреплялись в XIV в. в связи с походами Тимура.

Можно полагать, что оборонительные сооружения первой группы могли появиться в XIII–XIV вв., к концу которых некоторые из них приобретают четкие формы феодальных, с особо защищенной цитаделью – Зылги и Усхур. А уже к XVI в. относятся феодальные крепости – замок Джабоевых и замок на горе Курнаят.

И наконец, башни второй группы, расположившиеся в аулах, самые молодые и относятся к XVII–XVIII вв. Они свидетельствуют о том, что феодальные отношения здесь уже прочно вошли в жизнь народа точно так же, как и эти башни в облик аулов.

О том, что большинство этих сооружений (главным образом второй группы) являются материальными свидетелями феодального быта горцев, говорит и тот факт, что почти все они принадлежат княжеским фамилиям или их родоначальникам.

То же самое можно сказать и о мавзолеях. Мавзолеями мы называем надземные склепы оттого, что, в отличие от соседних районов Северного Кавказа, где в них хоронят до нескольких десятков человек, здесь они предназначены для индивидуальных или не более трех погребений. Кроме того, здесь они принадлежат определенным лицам – таубиям (горским князьям).

На уровне сегодняшних знаний можно полагать, что надземные склепы здесь появляются в XIV–XV вв., т. е. верхняя дата примерно совпадает с появлением замков типа Джабоева и в Курнаяте. Именно мавзолеи у замка Джабоевых и на кладбище Курнаята являются более архаичными. Курнаятский мавзолей был построен над могилой XIV–XV вв. Немного моложе этих является круглый мавзолей в урочище Хазаны-Баши XV–XVI вв. у сел. Ташлы-Тала. И самыми молодыми мавзолеями, относящимися к XVII–XVIII вв., являются многогранные.

Таким образом, этот вид погребального сооружения появляется где-то в XIV–XV вв. и бытует вплоть до XIX в.

Относительно причин появления этих склепов в литературе существует несколько мнений, правда, они высказывались на основании изучения ингушских и осетинских склепов.

Одни говорят, что они появились из-за малоземелья в горах (В. Ф. Миллер), другие – из-за особого культа мертвых (Л. П. Семенов), третьи объясняют суммой этих факторов (Г. А. Кокиев).

Применительно именно к тем районам, которые нас интересуют, эти доводы не могут быть приемлемы. И вот почему. Во-первых, эти мавзолеи всегда находятся на древних кладбищах в тесном окружении одновременных рядовых могил – каменных ящиков или грунтовых погребений. Не может на одном кладбище у одного народа в одно и то же время проявляться различный культ. Во-вторых, склепы встречаются порой на пригодных для обработки участках. В-третьих, если объяснить их появление малоземельем, то мы попадаем в весьма неловкое положение. Поскольку склепы-

мавзолеи все принадлежат горским князьям-таубиям, значит, они больше всех и страдали от малоземелья?! Конечно, нет.

НАРОД И ПАМЯТНИКИ, или РУИНЫ НА ЛАДОНЯХ

Как лезвие меча, история
длинна,
Но память коротка ее,
как рукоять.
Послужит лишь тому оружием
она,
Кто сможет рукоять
в своей руке зажать.

А. Кешоков

Настоящие большие поэты очень красочно иллюстрируют своими стихами мысль историка, их стихи тоже идут из глубины жизни народа, раскрывают душу и чаяния его.

Стихи их помогают глубже и образно воспринимать то, что только совокупность опыта прошлого и настоящего делает возможным смотреть вперед.

Не потому ли напутствовал Р. Гамзатов путника, чтобы он не забывал остановиться у родника, утолить жажду, дать напиться своему скакуну, еще раз окинуть взором пройденное и лишь потом... – вперед!

Не лучше будет выглядеть и археолог, который, не поднимая головы, роется в древностях и за неимением сравнений часто сам не может понять того, что откопал. И в этом случае он похож на того архитектора, которому известный армянский поэт Георг Эмин сказал в стихотворении «Другу архитектору»:

Не замечаешь ты того, что ново.
Любуешься мощами да быльем,
А я горжусь, что на камнях былого
Мы памятники наши создаем.

Когда бы предки в дальние столетья
Любили старину, как ты сейчас,
Кто создавал бы памятники эти,
С которых ты теперь не сводишь глаз?

К сожалению, встречаются люди, которые под памятниками понимают только обелиски, монументы или скульптурные группы. Все это, конечно, памятники, и они свято оберегаются, но нельзя забывать, что самым первым памятником труда является простой неуклюже обработанный камень в руках человека, с чего начинается труд. Таким же памятником является и первый глиняный горшок, и сегодняшние космические корабли.

Подобным же памятником является и первый робкий рисунок человека на стенах своих пещер и полотна Рафаэля.

С того первого таинственного значка, в котором была заложена определенная мысль, и начинается азбука любого языка. А разве не со знакомства с азбукой начинается наше путешествие по океану знаний и по океану звезд?

Человек, не видящий этой связи, не может исторически мыслить, смотреть на вещи и явления с точки зрения того, как данная вещь или явление возникло, какие пути оно прошло, что оно из себя представляет сейчас и во что может превратиться в будущем.

Мы говорим, что жизнь – это школа, а известно ведь, что в школе, не усвоив вчерашнее, не поймешь сегодняшнего и не решишь задачу завтра. И не потому ли говорил В. Г. Белинский, что мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее, чтобы оно объяснило нам настоящее и намекнуло на наше будущее. Эту же мысль неоднократно высказывал и А. М. Горький.

Умение ценить и беречь для потомства все то хорошее, что досталось от века – определяет и современный уровень культуры любого народа.

Отношение к памятникам седой древности должно быть такое же, как к святыням минувших войн и революций, ибо создатели первых тоже пали за грядущее – кто в ратном бою, а «кто, не вставая весь век с колена».

Очень оригинально отобразило эту идею Грузинское общество охраны памятников истории и культуры. На эмблеме этого общества изображены натруженные ладони, нежно держащие руины древнего сооружения. Руины на ладонях!

Есть памятники, которые имеют свою особенность. Например, археологические. Они так же строго охраняются народом, как и все другие. Их тщательно изучают и по ним, как отмечалось выше, археологи воссоздают картину прошлой жизни.

Археология тем и отличается от всех других наук, что изучая, она разрушает памятник. Таким образом, через разрушения делает памятник бессмертным. Они начинают жить своей второй жизнью, кочуя из книги в книгу.

Физик или химик может сотни и тысячи раз повторить один и тот же опыт, а археолог, раз разрушив, навсегда теряет первоначальный облик памятника. Но он разрушает их, чтобы изучать и сделать достоянием миллионов людей, а не узкого круга специалистов. Поэтому самовольные раскопки и разрушение памятников строго запрещаются государством, которое для изучения их снаряжает ежегодно сотни археологических экспедиций по всей стране, ассигнует миллионы рублей на раскопки, реставрацию и публикацию памятников истории и культуры. К сожалению, часто приходится встречаться с фактами самовольных разрушений памятников. Или же: обнаружат где-нибудь при земляных работах непонятные вещи, – сразу начинается проба их на прочность. И лишь потом, когда надоест возиться с ними, сообщают в музей или институт. В этом случае выезды специалистов оказываются бесполезными. Памятники истории и культуры еще о многом не успели нам поведать, но уже то, что они сказали, делает их достойными сохранения.

Изучение памятников истории и культуры духовно обогащает человека, дает ему в руки живые факты истории и имеет громадное воспитательное

значение. Уважение и любовь к памятникам давно исчезнувших эпох, – это не что иное, как уважение и любовь к памяти отца, деда, к памяти предков. Вот почему другая категория памятников, посвященных известным историческим событиям и бессмертным героям революции и войн, ни при каких условиях не подлежит разрушению. Это святыни народные, о них слагают гимны и песни. Гимны героическому прошлому и его отважным героям.

Такими гимнами являются и пост № 2 нашего государства на могиле Неизвестного солдата у Кремлевской стены, и Бухенвальдский набат, и Реквием М. Балова, который будто бы из груди земли вырывается у Вечного огня в парке города Нальчика.

* * *

Итак, дорогой читатель, наше путешествие закончилось. Я покидаю Вас у Вечного огня, где каждый из нас стоит завороженный, когда из глубины земли вырывается и стон, и плач, и гимн невозвратным героям. Плачут не павшие. Каждый из них умирал, как герой. Мы – живые. Безумству храбрых поем мы славу!

Если Вам предстоит покинуть Нальчик и посмотреть другие, не менее красивые уголки Кавказа, – счастливых Вам троп! Помните, как рождается тропинка? Пройдет один, потом другой, третий... и – тропинка. Тропинка – мать дороги.

Пусть Ваши тропы, как верные нити, лягут вдоль нашей широкой магистрали в будущее.

Нальчик: Эльбрус, 1976.

История Балкарии и Карачая с древнейших времен до походов Тимура

ВВЕДЕНИЕ

Имеющийся в распоряжении историко-археологической, этнолингвистической науки материал говорит о том, что по пути продвижения из Евразийских степей на юг и юго-запад, в ущельях Центрального Кавказа, между реками Терек и Кубань, сохранились «как в вечной мерзлоте» носители древнейших этнокультурных черт пратюркских племен, для которых характерен был курганный обряд погребения древнеямной археологической культуры эпохи IV–III тыс. до н. э.

В указанных ущельях еще в IV тыс. до н. э. «застряла» курганная культура – одна из тюркских основ древнейших кавказских тюркоязычных народов – балкаро-карачаевцев. Таким образом, сложившаяся историческая ситуация оправдывает исследователей, рассматривающих комплекс материала сквозь призму этнической истории балкарцев и карачаевцев.

Кавказ был заселен, освоен и облюбован еще первобытными людьми. Он является одним из древнейших очагов становления человека как существа разумного. Выдающаяся горная система даже в эпоху древнекаменного века (палеолит) не представляла собой непроходимой преграды для древнейшего населения, а в эпоху среднекаменного века (мезолит) здесь уже сложилась некоторая культурная близость между населением степей и Кавказа [1]. Особенно большие сдвиги в культурно-историческом развитии Кавказа происходят в эпоху новокаменного (неолит) и медно-каменного (энеолит) веков.

Народам, обитавшим на огромных просторах Евразийских степей, нельзя было миновать Кавказ, нельзя было его не заметить. Он не мог не привлечь их внимания хотя бы потому, что представлял собой громадный горный массив на пути бесконечных миграций племен из Азии в Европу, с Востока на Запад, с Юга на Север. Не мог он не привлечь внимания еще и потому, что его предгорья представляли собой богатейшие пастбищные и пахотные угодья.

Древнее знакомство с Кавказом породило множество легендарных и космогонических фантазий в представлениях древних народов. Достаточно сказать, что ни один горный хребет не занял столь популярного места в мифологии древних греков, как Кавказ. В определенной мере можно сказать, что Кавказ оплодотворил многие основополагающие сю-

жеты их мифологии. С Кавказом они связывали свой бессмертный миф о Прометее, сюда, в золотоносную Колхиду, отправился их герой Язон со своими аргонавтами, которые по возвращении домой рассказывали об Эльбрусе: «Задолго до того, как солнце осветит гребни волн, эта таинственная вершина уже купается в золоте первых лучей улыбающейся *Эос* (богини утренней зари), и в то время, когда на море уже наплывают сумерки, снега загадочной вершины еще горят рубином закатных лучей».

Греческие мифы связывают с Кавказом борьбу богов земли – титанов с новыми, более одухотворенными богами Олимпа, борьбу Тифона – подземного огня с Зевсом – огнем небесных молний.

Очень примечательно, что Плутарх, комментируя книгу Клеанта «Борьба богов», рассказывает такой мифический сюжет: «Гора Кавказ прежде называлась «Ложем Борея» и вот почему: Борей силой увез Киону – дочь Арктура – на так называемый холм Нифат и произвел там с нею Гирпака, который наследовал трон Гениоха. После того и гора стала называться «Ложем Борея». Имя же *Кавказ* она получила по причине того, что после борьбы гигантов Сатурн, желая избегнуть угрозы Юпитера, бежал на самую высокую вершину Ложа Борея и спрятался там, превратившись в крокодила. Но Прометей зарезал *одного туземного пастуха по имени Кавказ* и, осмотрев его внутренности, сказал, что недалеко находятся враги. Когда же пришел Юпитер туда, то связал своего отца *плетеной шерстью* и сбросил его в Тартар, а к горе, которую *назвал в честь того пастуха Кавказом,* привязал Прометея и заставил его страдать от орла»[2] (выделено мной. – *И. М.*).

Таким образом, впервые появившийся в греческой мифологии термин «Кавказ» воспринимался как вполне определенный человек – пастух, обитавший у подножия гор.

На наш взгляд, в этом мифологическом сюжете внимание этнографа не может не привлечь «плетеная шерсть», т. е. обыкновенный шерстяной аркан – один из необходимых бытовых предметов и грозное боевое оружие древних и современных кочевников. Вспоминаются слова римского историка Аммиана Марцеллина о том, что гунны издали очень умело набрасывали на врага аркан и опрокидывали его наземь [3]. Древнеармянские историки рассказывают, как их царь Трдат едва не проиграл схватку с царем басилов (предков хазар), который умело набросил на Трдата издали свое грозное оружие – перевитый кожей шерстяной аркан [4].

Есть соблазн сопоставить имя сына Борея и Кионы – Гирпак с карачаево-балкарским и общетюркским термином *Къырпакъ* – «иней», что можно отождествить с заиндевелыми снежно-скальными вершинами вокруг Эльбруса – Ложа Борея. Весьма заманчиво обратить внимание на тот факт, что Гирпак унаследовал трон Гениоха – эпонима племени «гениохов – кучеров», или пастухов. Не один ли из этих пастухов был жертвенным Кавказом?

Стоит заметить, что и в древнегрузинской хронике Кавказ воспринимался как одухотворенный человек – эпоним кавказских народов: «Прежде всего упомянем, что... у всех этих народов (кавкасианов – кавказцев. –

И. М.) был единый отец по имени Таргамос... Среди сынов его отличались восемь братьев, герои многосильные и славные, которых звали так: первого – Гаос, второго – Картлос, третьего – Бардос, четвертого – Мовакан, пятого – Лек, шестого – Эрос, седьмого – Кавкас, восьмого – Эгрос»[5].

В связи с приведенными фактами следует обратить внимание на значение самого слова «Кавказ», которое не находит объяснения ни в греческом, ни в грузинском, армянском, иранском и кавказских языках. В литературе бытует предположение П. Услара, что слово «Кавказ», отсутствующее и в Библии, и санскритской литературе, является искажением туземного *Кохаз* и будто бы означает с позиций осетинского языка понятие «Гора азов»[6]. Но такое толкование не согласуется с законами иранских языков, в которых существительное *хох* – «гора» всегда стоит на втором месте, например, в названиях: *Адай-хох, Джимарай-хох, Зылги-хох* и т. д. Стало быть, по этой закономерности должно было бы быть не *Хох-аз,* а *Аз-хох*. Этот факт опровергает мнение П. Услара.

Кроме того, известно, что Плиний приводит скифское название Кавказа – *Крауказ,* т. е. «Белеющий от снега». Некоторые авторы XIX в., например Болен, полагают, что этот термин происходит от санскритского *Каз* – «блестеть» и *граван* – «камень, скала». Однако еще Бюрнюф справедливо подметил, что такое толкование идет вразрез с законами санскрита, где должно было быть *Каза-граван,* а не наоборот.

Со своей стороны мы предлагаем следующее объяснение термина. В слове «Кавказ» явно видны слова *Кабак* или в арабской транслитерации *Кабк* – «ворота» и этноним *аз*. Отсюда термин может означать «Ворота азов». Следует заметить, во-первых, что *аз* – это древнейший тюркский этноним, ныне сохранившийся у многих народов в виде родоплеменных, родовых патронимических названий. Во-вторых, термин *аз* запечатлен в осетинском языке как название балкарцев. В-третьих, термин *каз,* завершающий название «Кавказ», является древнейшим именем хазар и означает «кочевать» или «кочевник». Таким образом, *Кавказ* может означать понятие «Ворота кочевников». В-четвертых, слово *каз (кас), каш* означает на тюркских языках «возвышенность», «холм», «гора»[7]. Отсюда термин *Кавказ* можно сравнить с понятием «Ворота-горы».

Все предложенные варианты тюркского толкования термина *Кавказ* не далеки от реальности, если учесть, что Кавказом назывались не только нынешние горы между Каспием и Черным морями, но и вся гряда гор, являющихся воротами, разделяющими Среднюю и Центральную Азию от Передней и Малой Азии, население древнейших кочевников и древних земледельцев.

Продолжая этот этюд, мы вновь обращаем внимание на древнегреческую мифологию, в которой Азы, или Азия, рисуются то как жена, то как мать Прометея. А поскольку греки считали себя потомками Девкалиона, сына Прометея и Азии, стало быть, в их воображении они кровно-родственно связывали себя с Кавказом. А настоящая древняя Азия греков примыкала к Кавказу и гнездилась в их представлениях у ног Кавказа, как у сво-

ей колыбели. По воображению древних, Ной и Девкалион именно отсюда начали расселение людей [8]. Таким образом, греки в древности Азией называли Предкавказье и лишь позднее этот термин перекинулся на Среднюю, Центральную, Малую и Переднюю Азию. Недаром отец географической науки Страбон знал и описал город Азов на Танаисе (на Дону), а историк Плиний упоминает в этих районах народ «Ассиак», имя которых современные осетины сохранили за своими извечными соседями – балкарцами [9].

Из всего сказанного вытекает, что древние греки воспринимали Кавказ как колыбель азов, с ним прочно связывались первобытные мифические представления и легенды о Кавказе и Азии.

Нельзя обойти молчанием и тот примечательный факт, что древние тексты, легенды и саги скандинавских народов – «Старшая Эдда», «Младшая Эдда», «Сага о Скъельдунгах» и другие – повествуют о том, что их легендарный герой Один был родоначальником асов, которые первоначально жили в Азии и оттуда заселяли Скандинавию. В текстах прямо говорится, что заселившие их страну племена под предводительством Одина были тюрками из Азии [10].

В Кавказских горах зацепились и заселили у подножий заоблачных вершин остатки многих древних племен, здесь обнаруживаются многие обрывки древней истории и культуры человечества.

«Можно смело сказать, – писал Г. И. Радде в 1883 г., – что никакая другая местность мира не имела такой разнообразной истории. Следы этих бесчисленных исторических населений, этого беспримерного смешения и столкновения самых противоположных народов древнего и нового мира сохранились на Кавказском перешейке до наших дней»[11].

Буквально такую же характеристику давал Кавказу и другой выдающийся академик – В. Ф. Миллер [12]. Оттого-то Кавказ представляет собой теперь истинный музей исторических, этнографических и археологических сокровищ, редко уступающих другому региону мира.

По мнению многих ученых, изучить Кавказ – это значит изучить историю и этнографию почти всего человечества. Даже десятки и сотни специалистов различных областей знания до сих пор не могут исчерпать бесценные этнографические данные, которыми кишит каждая местность, каждый народ, почти каждое ущелье Кавказа. Филологи имеют на Кавказе живой институт кавказских, индоевропейских, тюркских и других языков. Здесь нередко еще можно встретить также наречия, которые составляют первобытные ступени развития древнейших языков мира. В ущельях Кавказа можно натолкнуться на такие сочетания и сплетения разнородных течений человеческой речи, которые наука еще не в состоянии объяснить. Тут и древнейшие уникальные шумерские слова, и целые фразы и выражения, бытующие у горцев Центрального Кавказа – в языке балкарцев и карачаевцев, здесь же древние корни индоевропейских языков, сохранившиеся в армянском языке.

В этнографическом отношении Кавказ сохранил нам редкие образцы всех последовательно прошедших общественно-экономических форма-

ций от родового строя и Средневековья, подобно тому как природа сохранила последовательные наслоения когда-то существовавших животных и растительные организмы в геологическом напластовании земной коры.

Все изложенное позволяет сказать, что на Кавказе мы можем, в некотором смысле, услышать язык и наблюдать быт народов, исчезнувших многие столетия назад. Особенно это можно видеть в ущельях Дагестана, Дигории, Балкарии, Карачая, Грузии, Армении и других, точно так же, как в ледниках отложения Севера ученые обнаруживают шерсть, кости и даже целые организмы допотопных мамонтов. Именно в этом смысле понимают ученые многообразный мир Кавказа, его оригинальные особенности природы, специфику жизни и быта горцев. Самобытными горскими народами Кавказа являются балкарцы и карачаевцы, этногенетическая и этнокультурная история которых, к сожалению, до сих пор изучена и освещена недостаточно.

Лежащая перед Вами книга, уважаемый читатель, есть посильная попытка автора этих строк обобщить свои многолетние изыскания в разрешении этого вопроса и внести свою скромную лепту, никак не претендуя на окончательность предлагаемых выводов.

Данная книга посвящена этногенезу балкаро-карачаевцев, составляющему неотъемлемую часть общей проблемы соотношения древнейшего Кавказа и тюркоязычного мира. Эта тема волновала автора почти с 1960 г. и являлась основой всей его научно-исследовательской деятельности. Его многие археолого-этнографические, этнолингвистические поиски и многочисленные публикации неизменно вращались вокруг названной темы.

Вполне понятно, что такая фундаментальная тема могла бы состоять из нескольких взаимосвязанных томов, быть богато иллюстрированной картами, схемами, чертежами и рисунками, но судьба распорядилась поиному. В силу ряда объективных причин боязнь «утонуть» в материале заставила меня изложить накопленный материал в том виде, в каком теперь оказалось мне под силу. И тем не менее я уверен, что этот труд послужит плодотворным стимулом для новых исследований и поисков по названной интереснейшей проблеме кавказоведения.

ДРЕВНЕЙШИЕ ПРЕДКИ БАЛКАРЦЕВ И КАРАЧАЕВЦЕВ

Несмотря на свой тюркский язык, будто бы не свойственный древнейшему Кавказу, балкарцы и карачаевцы являются древнейшими кровнородственными народами Кавказа [13] и представляют собой классический образец так называемого кавкасионского типа европеоидной расы [14].

Два этих фактора, в сочетании с тем обстоятельством, что балкаро-карачаевцы издавна заселяют самые высокогорные районы Северного

Кавказа, неизменно заостряют пристальное внимание многих представителей смежных областей знания. В принципиальном плане сумма многих вопросов истории и культуры названных народов может быть сведена к одной общей проблеме: каким образом, в результате каких событий и в какую эпоху древнейшие кавказские племена впервые вступают в контакт со степными народами и каким образом тюркоязычные слагаемые процесса этногенеза балкаро-карачаевцев оказались почти на самом гребне седого Кавказа в тесном окружении представителей кавказских языков? Таким образом, мы вплотную подходим к еще плохо разработанной проблеме соотношения: горы и степи, Кавказ и кочевники.

Чтобы верно подобрать ключи к решению поставленных вопросов, необходимо прежде всего хотя бы вкратце охарактеризовать, что из себя представлял древнейший кавказский субстрат, на который стали накладываться внедрявшиеся сюда степные элементы, а также попытаться проследить, как протекал процесс смешения кавказских и степных культур.

Почти вся территория Закавказья, прилегающие к ней горные районы Дагестана, отчасти Чечено-Ингушетии, и Северо-Западное Причерноморье в этот период характеризуются обширной куро-аракской культурой оседлых земледельцев и скотоводов. Культура эта отличается своеобразной расписной керамикой коричневато-бурой, красно-коричневой окраски, со сглаженной поверхностью с сосцевидными, миндалевидными и подковообразными налепами, с разным геометрическим орнаментом в виде квадратиков, кружков и т. п. Куро-араксинцы производили захоронения в бескурганных грунтовых ямах и каменных ящиках – либо на самом поселении, либо прямо в жилищах. Широко были распространены так называемые глиняные очажные подставки с изображениями крупных рогатых животных.

Будто бы кольцом опоясывая горный Кавказ, куро-аракская культура в Дагестане и на Западном Кавказе охватывала огромные пространства, примерно совпадающие с ареалом распространения кавказских языков. Дагестан и Чечено-Ингушетия – это территория нахско-дагестанской группы, а Западный Кавказ – территория распространения абхазо-адыгского массива.

Хотя абхазо-адыгские и нахско-дагестанские языки относятся к кавказской семье языков, между ними нет ярко выраженных и четких лингвистических параллелей, не прослеживается и близкий территориальный контакт и непосредственное соседство. Важно, что территориальный разрыв между этими языковыми группами представляет собой относительно «свободную зону», в которой не прослеживаются и четкие куро-аракские культурные особенности. Именно в эту зону приходится основное сосредоточение впервые проникавших на Кавказ групп кочевников-степняков.

Все сказанное особенно ярко проявляется на памятниках у города Нальчика, у сел. Акбаш, у станицы Мекенской и в других пунктах Кубано-Терского междуречья, представляющего вышеочерченную «свободную зону».

Древнейшие кавказские языки составляют три четко ограниченные друг от друга генетические группировки: западно-кавказскую (абхазо-адыгскую) – на северном и южном склонах Западного Кавказа, южно-кавказскую (картвельскую или иберийскую) – в Закавказье и восточно-кавказскую (нахско-дагестанскую) – в восточной части Кавказа [15]. По мнению Г. А. Климова, «вряд ли могут быть сомнения в том, что максимальные структурные расхождения налицо именно между западно-кавказскими (абхазо-адыгскими) языками, с одной стороны, и восточно-кавказскими (нахско-дагестанскими) – с другой»[16]. Такой лингвистический вывод поддерживается и историко-культурными, археологическими фактами, ставящими западную часть Северного Кавказа особняком от восточной.

Археологическая наука свидетельствует: «Мы видим, что керамика Агубековского поселения отличается от глиняной посуды энеолитических памятников Закавказья, Северо-Восточного Кавказа и Кавказского Причерноморья... Таким образом, культура позднего неолита и энеолита Центрального Предкавказья имела свои локальные особенности»[17]. Следовательно, в Центральном Предкавказье, в междуречье Кубани и Терека, мы не наблюдаем ни территориальной, ни археологической, ни лингвистической смычки. Здесь мы видим как бы подковообразный разрыв в общей цепи древнекавказских языков и культур. Именно на этот разрыв приходится распространение в IV–III тыс. до н. э. новой, не свойственной прежде Кавказу, археологической курганной культуры, именуемой *древнеямной*. Все сказанное соответствует утверждениям Н. Я. Марра, что «позднейшие победители, ироны и карачайцы, занимали именно главные проходы хребта и прилегающие к ним районы и тем, сделав брешь в непрерывной ближайшей цепи родственных племен, разобщили абхазо-черкесскую группу от чеченских, лезгинских народов и племен»[18]. Далее он продолжал: «...если черкесы или адыги еще сохранили с абхазами в речи более близкое сравнительно сродство, оба они, с одной стороны, и горские языки Восточного Кавказа – с другой, значительно разошлись...»[19].

Агубековское поселение и Нальчикский могильник, в которых наблюдаются (и не могли не наблюдаться) отдельные элементы культуры куро-араксинцев, в то же время доказывают существование в Центральном Предкавказье во второй половине IV тыс. до н. э. четко выраженной локальной культуры. Несмотря на то что в этих памятниках прослеживаются тесные связи с куро-аракскими памятниками типа Гинчи и Тетрамица (в Дагестане и Грузии), в то же время в указанный период более определенные и глубокие связи наблюдаются с северными степными районами Волго-Донского междуречья, например, с Мариупольским могильником на Нижнем Дону. Неопровержимым свидетельством проникновения в Предкавказье степняков-кочевников является появление во второй половине IV тыс. до н. э. обычая погребения под курганной насыпью – этническим «паспортом» степняков [20]. В то же время Кавказ не без оснований считается одним из важнейших очагов, откуда в Северное Причерноморье, Подонье и Поволжье проникала культура земледелия и металлургии [21].

Таким образом, можно констатировать, что Кавказ, на юге примыкая к Передней Азии и Закавказью, находился в непосредственной близости от древнейших очагов возникновения и развития мирового земледелия [22]. На севере предкавказские районы, смыкаясь со степными районами Северного Причерноморья, Подонья, Поволжья, издревле являлись связующим звеном между Передней Азией и Юго-Восточной Европой.

В системе этих связей особенно важную роль должна была играть центральная часть Предкавказья, заключенная в географических рамках между Кубанью и Тереком, Эльбрусом и Казбеком, где, как указывалось, была определенная «пустота» куро-аракской культуры. Неудивительно поэтому, что наиболее ранние памятники оседло-кочевнического облика были обнаружены в самом центре Предкавказья, в пределах нынешнего города Нальчика.

Благоприятные климатические условия этого региона, богатая флора и фауна, густая водная сеть не могли не привлечь внимания древних людей, полностью зависящих от природных условий обитания. Здесь густые лесистые хребты предгорий Большого Кавказа окаймляют плодородную предгорную долину.

Культура древних племен эпохи неолита и энеолита Северного Кавказа и сопредельных областей в значительной степени представлена отмеченными выше памятниками типа Агубековского поселения и Нальчикского могильника, изученных М. И. Ермоленко, А. П. Кругловым, Е. Ю. Кричевским еще в 20–30-х гг. [23]

Жилища древних поселенцев представляли легкие плетеные хижины, в принципе дожившие в этих краях до XIX – начала XX в. Керамика на поселении была плоскодонной, за исключением одного фрагмента круглодонной чашечки. Среди керамического материала важное место занимает фрагмент сильно стилизованной глиняной статуэтки, изображающей человека. Моделировка лицевой части головы ограничилась одним широким защипом по всей длине «лица».

На поселении в большом количестве встречались разнообразные каменные орудия из кремня и обсидиана местного происхождения: скребки, ножевидные пластинки, различные острия, используемые для обработки кожи, дерева, кости и пр.

Типичными для Агубековского поселения предметами считаются каменные терки, терочники и песты. Размеры терок колебались от 22–25 см длиной до 10–14 см шириной. Растирание злаков на них производили терочниками, представлявшими собой небольшие гальки или валуны, поверхности которых от длительного использования были в некоторых частях достаточно стертыми.

Изучив добытый археологический материал, исследователи писали: «У нас нет оснований предполагать у древних обитателей Агубековского поселения наличие земледелия. Среди всех терок, представленных в нашем материале, нет ни одной, которую можно было бы считать зернотеркой. Все они слишком незначительны по своим размерам, для того чтобы

употребляться для растирания зерна. Этому также противоречит пористая структура камня. С другой стороны, эти терки могли быть удобными для растирания съедобных корений, диких плодов, орехов или желудей. Набор терок Агубековского поселения дает возможность говорить не о земледелии, а о собирательстве».

На поселении встречались кости дикой свиньи, которые также не давали исследователям основания говорить о домашнем скотоводстве, а скорее свидетельствовали об охоте на диких животных. Весь набор найденного материала позволяет датировать поселение неолитическим временем – второй половиной IV тыс. до н. э.[24] Этот же материал позволяет судить о широких культурно-экономических связях поселенцев Агубеково. Такие предметы, как полированные топоры и навершия булав позволили археологам связать этот памятник с неолитическими культурами Моравии, Югославии, Южной Украины с памятниками так называемой трипольской неолитической культуры земледельцев Восточной Европы. Глиняная статуэтка очень похожа на найденную в Ульском кургане, а моделировка лица защипом – это прием, широко известный в неолитической и энеолитической пластике. Таким же образом было оформлено лицо и на статуэтке из кургана Катараагач-тапа в Дагестане [25]. Каменные орудия из Агубековского поселения в общих чертах похожи и на соответствующий инвентарь из закавказских памятников, в частности с поселения Тетрамицы. Такую же близость эти орудия проявляют и с Гинчинским поселением в Дагестане. Все это позволило ученым говорить о близости агубековцев с оседлым населением Дагестана и Грузии [26]. Вместе с тем анализ всего комплекса находок из Агубекова в целом, особенно его керамического материала, дает право ведущим специалистам по неолиту и энеолиту Кавказа считать, что неолитическая или поздненеолитическая культура Центрального Кавказа имела свои ярко выраженные локальные особенности. Эту особенность, кроме всего прочего, подчеркивает и упомянутая статуэтка. Подобные антропоморфные статуэтки в памятниках Кавказа чрезвычайно редки, причем агубековская находка относится к числу наиболее древних. Она почти ничем не отличается от ранних трипольских терракоток, близость их подчеркивает и моделировка лицевой части, и имеющиеся ряды маленьких дырочек [27].

Перекликаясь с памятниками трипольской культуры Восточной Европы, с Мариупольским могильником, Криволучским погребением и другими находками на севере от Кавказа, с поселениями Тетрамицы и Гинчи в Грузии и Дагестане, а через них и с культурными достижениями Древнего Востока, Нальчикское неолитическое поселение имеет решающее значение в деле изучения истории всего степного Юга и Кавказа [28].

Вторым важным памятником, почти одновременно с описанным, является Нальчикский могильник, также прочно вошедший в арсенал золотого фонда советской науки о древней истории Кавказа и Восточной Европы.

Могильник имел низкую насыпь, резко отличающуюся в этом отношении от курганных высоких насыпей эпохи бронзы. Высота насыпи была равна 67 см, а диаметр – 30 м. Именно исходя из этих размеров некоторые

авторы не считают могильник курганом [29], хотя дошедшие до нас древнейшие курганы едва достигали высоты 40–50–70 см, а в диаметре 1 м [30].

Раскопанное на могильнике 121 погребение размещалось небольшими группами: от 5 до 8 могил в каждой. Поэтому ученые полагают, что каждая семейно-родовая ячейка имела здесь свой участок. Захоронения в таких группах производились неодновременно.

«Однако, – пишут исследователи, – мы не можем предполагать наличие большого промежутка времени между моментами захоронения покойников, образующих отдельные группы. Этому противоречила бы замечающаяся правильность в расположении, хотя бы в отношении ориентировки, а также скученность группы, которую пришлось бы в таком случае объяснить простой случайностью. По всей вероятности, на поверхности могильника имелись какие-то знаки, которыми и руководствовались при последующих захоронениях».

Вполне возможно, что отмеченные черты могли быть следствием тесно расположенных мелких курганчиков, впоследствии оплывших в единую невысокую возвышенность, каковой предстал перед археологами Нальчикский могильник.

Очень важно отметить, что 10 процентов погребенных покоились в грунтовых ямах, расширяющихся к изголовью, лежали на спине с подогнутыми вверх коленями. Эти погребения особенно подчеркивают принадлежность к так называемой древнеямной (курганной) культуре степняков-кочевников IV–III тыс. до н. э., хотя и скорченное состояние костяков для этой культуры столь же характерно.

Среди археологического инвентаря Нальчикского могильника надо отметить частые находки подвесок из коренных зубов быка, просверленных клыков кабана, медведя, лисы, фрагменты оленьих рогов. В погребениях № 46, 83, 86 и вблизи могил № 54 и 55 были найдены каменные браслеты, вырезанные из плиток сланца острым орудием, в качестве которого служили всевозможные скребки, отщепы и пластинки из кремня, обсидиана. Подобные браслеты были найдены на поселении в местности Тетрамицы близ города Кутаиси, у станицы Криволучье-Ивановка на Волге в Куйбышевской области, в кургане между станицами Тульской и Севастопольской в Краснодарском крае и других местах. Все это вновь подтверждает оживленные связи племен Центрального Предкавказья с Севером и Югом Кавказа.

При раскопках могильника было найдено много фрагментов глиняной посуды, однако исследователи «с полной уверенностью утверждают, что они попали в погребения случайно, а не преднамеренно»[31]. Исходя из этого утверждения первооткрывателей современные археологи считают, что керамика населением, оставившим Нальчикский могильник, не производилась [32]. Эти существенные факторы позволяют предполагать, что Нальчикский могильник мог быть оставлен древнейшими кочевниками. В связи с таким предположением привлекает внимание упоминавшаяся «маленькая глиняная плошка в виде круглодонного бокальчика» или чашечки из раскопок М. И. Ермоленко [33]. Подобные предметы были характерной особенностью древнейших кочевников.

Ближайшей аналогией Нальчикскому могильнику А. П. Круглов, Б. Б. Пиотровский, Г. В. Подгаецкий считали могильник у города Мариуполя. Однако последний, по их же мнению, относился к несколько более ранней эпохе, так как в нем не было медных предметов и пастовых бус. Отличительной особенностью последних погребений, на наш взгляд, является и вытянутое положение покойных, чего нет в Нальчикском могильнике. В поздних погребениях Мариупольского могильника наблюдается такое же, как и в Нальчикском, положение усопших – на спине с подогнутыми в коленях ногами, что получает распространение и в районах Донца и Волги [34].

Касаясь идеологических представлений и анализируя в этой связи различные изделия из клыков и зубов диких животных, авторы раскопок писали: «Нам кажется, что мы не ошибемся, если подчеркнем особую значимость в представлениях изучаемого общества двух животных – кабана и оленя... Именно на обработанном кабаньем клыке нанесены изображения двух змей. Говорить о том, что кабаний клык в данном случае был использован лишь как наиболее подходящий поделочный материал, и тем самым отрицать органическую смысловую связанность между предметом и нанесенным на нем изображением было бы неправильно». Подтверждение своих мыслей они видят в факте изображения змеи на бронзовом клыке из Казбекского клада. В то же время исследователи отмечали особую культовую значимость кабана и на материалах Мариупольского могильника.

О социальной структуре общества, оставившего Нальчикский могильник, по предположениям исследователей кое-что могут сказать обнаруженные ими на могильнике группировки могил, несомненно, образующие каким-то образом определенные семейно-родовые общественные отношения. Следует добавить, что подобные группировки или отдельные участки могил кровно-родственных или фамильных ячеек соблюдались у народов Северного Кавказа вплоть до недавнего прошлого.

Неоднократно обращаясь к материалам Нальчикского могильника, археологи подчеркивают, что в его инвентаре ведущее место занимают украшения и *отсутствует керамика,* что затрудняет *возможность* назвать общество, оставившее его, древними земледельцами. Таким образом, Агубековское поселение и Нальчикский могильник являются выраженными памятниками древнейших кочевников Предкавказья, вступивших в теснейший контакт с древними кавказскими племенами. Одновременно можно констатировать, что рассмотренные два памятника являются наглядными примерами тому, как Северный Кавказ выступал во второй половине IV тыс. до н. э. в роли связующего звена между культурами Передней Азии, Южного Кавказа и степного Юга европейской части нашей страны.

Смешанный охотничье-скотоводческий облик культуры с возможными зачатками раннего земледелия позволяет наметить соединительное звено в хрупкой цепочке раннеземледельческих поселений: у сел. Гинчи в Дагестане, у сел. Мачара и Гантиади на горе Гуад-Иху в Абхазии, у сел. Тетрамицы близ города Кутаиси, которые связывают между собой огромный земледельческий мир Европы (трипольская культура), Южного Кавказа и Пе-

редней Азии. Обнаруженные в Абхазии земледельческие орудия – мотыжки сухумского и сочи-адлерского типа – весьма близки по форме к северомесопотамским орудиям VI–IV тыс. до н. э. из Джемдет-Насра, Тепе-Гавра и др. В археологической науке принято мнение, что появление подобных мотыжек на Западно-Кавказском Причерноморье является результатом влияния и тесных связей с Передней Азией через Восточную Анатолию и бассейн Чороха. Такая же связь с Передней Азией и Южным Кавказом отмечена в науке относительно земледельческой культуры Дагестана, особо ярко представленной поселением Гинчи.

Отсутствие таких явно выраженных земледельческих атрибутов, как каменные мотыжки, крупные зернотерки, расписная керамика, мощные каменные строения и жилища оседлого населения, отсутствие керамики в Нальчикском могильнике и пр. – все это свидетельствует о том, что в прослеживаемой цепочке район Центрального Предкавказья, представленный памятниками Нальчика, является наиболее слабым звеном в распространении куро-аракской земледельческой культуры в Предкавказье, что именно здесь проявляются очевидные кочевнические элементы в древней культуре региона.

Нельзя не обратить внимания на тот факт, что «разрыв» в цепочке распространения земледельческой культуры совпадает с отмечавшимся выше разрывом между кавказскими языками в Предкавказье.

Второй момент, на котором следует остановиться, это то, что до IV тыс. до н. э. ни в Европе, ни в Передней и Малой Азии, Иране и Индии, ни на Южном Кавказе археологические культуры не содержат курганных насыпей и курганного погребального обряда.

В то же время два круглодонных сосудика из Нальчика и, возможно, древнейшие невысокие курганные насыпи над упомянутыми 12 погребениями дают основание говорить о связях населения Предкавказья с Евразийскими степями, для подвижного населения которых весьма характерны были круглодонные сосуды, удобные в кочевой жизни, а также впервые появившийся обычай возводить над могилой сородичей невысокие, достигающие до 1 м курганные насыпи. Одновременно с Нальчикским могильником и позднее в окрестностях Нальчика и ближайших районах Северного Кавказа появляются неоспоримые археологические «паспорта» кочевого степного населения – курганы, которые отныне надолго становятся неотъемлемой деталью пейзажа на огромной территории Евразийских степей от Алтая до Карпат, на Севере и Юге Кавказа, в Передней и Средней Азии.

Есть основания думать, что древнейшим кочевникам удалось впервые внедриться в зоне того самого слабого звена в цепочке древнеземледельческих культур Северо-Западного и Северо-Восточного Кавказа, о котором мы говорили выше. Вполне возможно, что именно в этой зоне стыка аборигенных абхазо-адыгских и нахско-дагестанских языков удалось вклиниться в Центральном Предкавказье тюркским и иранским племенам – древнейшим предкам нынешних балкарцев, карачаевцев и осетин.

Мы предполагаем, что «древнеямники», непосредственно представленные в Нальчикских памятниках, вероятно, были в сравнительном меньшинстве и в значительной степени позднее растворились в местной этнокультурной среде. В общем комплексе погребального обряда им удалось сохранить только ее самые консервативные элементы – положение самого покойного, бедность инвентаря, подсыпку из охры, отсутствие керамики.

Но прежде чем приступить к анализу памятников Северного Кавказа, связанных с кочевым миром Евразийских степей, необходимо охарактеризовать основные этнокультурные черты археологической культуры «древнеямников» – древнейших овцеводов-кочевников и проследить пути их миграции по бескрайним степным просторам. Без анализа этих общих вопросов расселения кочевников мы постоянно будем спотыкаться на частностях, заключенных в узких рамках Предкавказья.

ПРАРОДИНА И РАССЕЛЕНИЕ ДРЕВНЕЙШИХ КОЧЕВНИКОВ-ОВЦЕВОДОВ

Ближе к концу второй половины IV тыс. до н. э., а возможно и к рубежу IV–III тыс. до н. э., в междуречье низовьев Дона, Волги, Урала (Джаика), в бассейнах небольших рек – Еруслан, Узень, Большой и Малый Иргыз, Таргун и других – формируется новая археологическая культура, содержащая в своем развитии большую потенциальную силу. Эта культура первоначально занимала степные районы нынешнего Юга Башкортостана, Оренбургские степи, низовья Волги и Урала, прилегающие районы Казахстана. Она была сформирована древним населением, преимущественно занятым подвижным скотоводством, главным образом овцеводством. В силу специфики своего хозяйства эти племена были чрезвычайно подвижными из-за постоянной необходимости поисков все новых и новых посезонных пастбищ для своих стад. Именно поэтому на древнейшей прародине этой культуры археологи до сих пор не располагают сведениями об их поселениях [35]. Лишь в прибрежных долинах изредка обнаруживаются небольшие кратковременные стойбища пастухов. Небольшие поселения этих племен известны только в тех районах, где эти племена приходили в столкновение, долгосрочные контакты с древними земледельцами, смешивались с ними и оседали.

Многолетние исследования видных русских и советских археологов А. В. Городцова, С. В. Киселева, К. Ф. Смирнова, И. В. Синицина, О. А. Кривцовой-Граковой, Н. Я. Мерперта, Э. Федоровой-Давыдовой и других установили основные черты этой культуры.

Для погребения усопших эти племена вырывали обширную подквадратную, овальную или прямоугольную яму, стены ее облицовывали деревянными брусьями, плахами, а дно ямы устилали камышом, травой, корой дерева, грубой рогожей, органической подстилкой или войлоком. Умершего укладывали на спину, головой ориентировали на восток, иногда с небольшими отклонениями, ноги в коленях подгибали вверх. Подстилающий грунт и самого покойного обильно обсыпали красной охрой. Погребальную яму сверху перекрывали накатом из деревянных бревен, плах, застилали камышом или древесной корой и пр. Поверх всего этого возводили курганную насыпь, которая позволяла не затерять место захоронения своих сородичей при кочевой жизни.

В наиболее ранних погребениях вместе с умершим клали очень бедный инвентарь, чаще всего это были ножевидные кремневые пластинки с ретушированными краями, рубленые пастовые бусы. Как правило, в могилах обнаруживаются части туши жертвенной овцы или барана, зачастую это были голова, лопатки, кости конечностей, астрагалы и пр. Иногда в погребениях обнаруживаются круглодонные с широким туловом или остродонные яйцевидной формы глиняные сосуды грубой, ручной лепки из низкокачественной глины. Поверхность этих сосудов была заглажена травой или покрывалась сплошными нарезками, насечками, отпечатками штампа. Все это резко отличает ее от высококачественной, расписной, орнаментированной керамики земледельческих культур, в т. ч. куро-аракской керамики. В более поздних погребениях обнаруживаются изделия из меди – ножи, кинжалы, стрелы, шилья и др. По подсчетам Н. Я. Мерперта, в ранних могилах инвентарь обнаруживается не более чем в 30 процентах погребений.

Из-за характерной погребальной ямы вся культура получила в литературе название *древнеямной*, иногда ее называют *курганной культурой*.

Подвижной характер жизни «древнеямников» вызвал необходимость использования населением тягловой силы домашних животных, вызвал всадничество. Последнее предположение можно подкрепить тем фактом, что в отдельных памятниках данной культуры 50 процентов домашних животных составляли лошади [36].

Прямыми наследниками древнеямников были племена срубной культуры, хоронившие своих умерших в срубах. О. А. Кривцова-Гракова писала, чти генетически родственные срубники впускали свои захоронения в уже существовавшие курганы ямников. Она проследила четкую стратиграфию двух последовательных этапов развития ямной культуры. Наиболее древние погребения, по ее наблюдениям, были перекрыты поперечными и продольными бревенчатыми накатами. В некоторых захоронениях под бревнами и над ними нередко обнаруживаются камышовые и тростниковые настилы или тлен от таковых. В отдельных случаях выявляется под погребениями кора дерева, используемая в качестве подстилки. По утверждениям Кривцовой-Граковой, камышовые и тростниковые настилы имитировали крыши хижин. Она уверена в том, что древнеямные захоронения несли в себе «несомненные признаки того, что при устрой-

стве могилы воспроизводилось жилище живых. Все приемы ее устройства, очевидно, были выработаны при устройстве земляночных, полуземляночных жилых помещений»[37]. Таким образом, основными и ведущими археологическими, этнокультурными признаками культуры древнейших кочевников-овцеводов были:

- курганная насыпь;
- погребальная грунтовая яма, облицованная и покрытая деревом, устланная камышом, тростником, рогожей, войлоком и пр.;
- наличие в могиле костей мелких животных – астрагалы, лопатки, черепа и конечности жертвенных овец или баранов;
- умершего клали на спину с подогнутыми ногами или скорченно на боку.

Эти признаки являются спецификой этнокультурного облика древнеямников и позволяют выделить памятники этой культуры на больших территориях, далеко отстоящих от отмеченной прародины ее зарождения. Огромная потенциальная сила и миграционный характер культуры были заложены в самой движущей силе общества, т. е. в скотоводческой подвижной системе хозяйствования.

Характеризуя энеолитическую культуру Евразийских степей, ведущий специалист по древнеямной культуре Н. Я. Мерперт приходит к заключению, что различные типы и группы скотоводческих племен, «соприкасаясь с древнейшими центрами производящего хозяйства и подвергаясь их влиянию, приспосабливали достижения последних к специфике естественных условий своего существования. В степных, горных, полупустынных областях появились коллективы, ведущей отраслью хозяйства которых было скотоводство в подвижных его формах (отгонное, полукочевое, а далее кочевое), резко ограничивающих или даже исключающих возможности одновременной земледельческой практики»[38]. Справедливости ради к наблюдениям Мерперта следует добавить, что и земледельческие племена, сталкиваясь со скотоводами, не чуждались перенимать у последних новейшие достижения их материальной культуры, навыки разведения и ухода за скотом, пользоваться их способами передвижения на значительные расстояния и т. п. Такое дополнение само собой напрашивается, если вспомнить одно важное замечание Ф. Энгельса о том, что «в Азии они (древние пастухи-скотоводы) нашли животных, которых можно было приручить и в дальнейшем разводить в прирученном состоянии. За самкой дикого буйвола нужно было охотиться, прирученная же – она ежегодно приносила теленка и, кроме того, давала молоко. Пастушеские племена производили не только больше, чем остальные варвары, но и производимый ими продукт и средства к жизни были другие. Они имели сравнительно с теми не только молоко, молочные продукты и мясо в гораздо больших количествах, но также шкуры, шерсть, козий пух и все возрастающее с увеличением массы сырья количество пряжи и тканей. Это впервые сделало возможным регулярный обмен»[39].

Численность скота увеличивалась, стада росли, и скотоводы осваивали все новые участки степи. Так вслед за расширением пастбищ расширялись

и основные территории скотоводческих племен. На огромных просторах от Эмбы на востоке до Днепра на западе сложилась в конце IV–начале III тыс. до н. э. наиболее древняя из культурно-исторических областей, получившая название *древнеямной* [40].

Огромная степная полоса, занятая этой областью, непосредственно соприкасалась с тремя раннеземледельческими центрами – Европой, Передней и Средней Азией. Основные территории степей – их внутренние открытые участки – не были практически заселены. Широкое их освоение могло начаться лишь с возникновением подвижного скотоводства. Когда появилась потребность в таком освоении, возможность его осуществления стала реальной с приручением коня, изобретением кочевнической повозки.

«С этого времени, как справедливо подметили археологи, степные пространства из фактора разделяющего превратились в фактор соединяющий. Они способствовали значительным перемещениям больших групп скотоводов, сложным процессам смешения и ассимиляции, а также широкому и быстрому распространению экономических и культурных достижений как самих этих групп, так и населения разных районов, с которыми они соприкасались»[41]. Именно поэтому древнейшая и первая культурно-историческая область – древнеямная – знаменовала собой первую ступень широкого освоения степных просторов, распространение в них производящих видов экономики, выработку подвижных форм скотоводства. История ее предстает перед нами как длительный, сложный и многообразный этап развития и взаимодействия ряда племен Каспийско-Черноморского междуморья.

Разумеется, что на такой огромной территории эта культура не могла быть единообразной и, в соответствии с миграцией из древнейшего очага зарождения – Волго-Уральского междуречья, она видоизменялась, обогащалась новейшими достижениями культуры иных племенных групп, с которыми приходила в контакт, или смешивалась.

Памятники древнеямной культуры впервые были выявлены А. В. Городцовым в 1905 г. на Северском Донце, где они составляли конкретную локальную группу. Дальнейшие исследования многих археологов, и прежде всего Н. Я. Мерперта, открыли памятники этой культуры на огромной территории от Южного Приуралья на востоке до Балкано-Дунайского района на западе, причем древнейшие памятники сосредоточены в междуречье Дона, Волги, Урала и Эмбы. В период своего расцвета культура в максимальных границах ее распространения представлена рядом локальных вариантов, отмеченных целым рядом объединяющих черт – прежде всего погребальным обрядом и керамикой. Основных вариантов насчитывается девять: Волжско-Уральский (наиболее древний), Предкавказский, Донской, Северско-Донецкий, Приазовский, Крымский, Нижнеднепровский, Северо-Западный, Юго-Западный [42].

Ученые справедливо отмечают, что «не только развитие, но и происхождение каждого из этих вариантов должны рассматриваться особо: они обусловлены своеобразием местных компонентов, экономическими

особенностями каждой конкретной территории, куда внедрялись древнейшие кочевники, историческим окружением и системой связей»[43].

Учитывая все изложенное, попробуем теперь рассмотреть различные этапы и пути диффузии этой обширной степной культуры, а также попытаемся проследить, в каких позднейших культурах продолжали бытовать ее основные этнокультурные компоненты и ведущие признаки. Но прежде обратим внимание на то, что периоды неолита и энеолита являлись в целом эрой революционной перестройки всей материальной базы первобытного общества и представляют собой своего рода «эпоху великих географических открытий», когда происходит открытие и заселение человеком земель, ранее остававшихся необитаемыми. Этот процесс, по словам С. П. Толстова, приводит к концу неолита, на заре металла, т. е. ко времени Нальчикских памятников, к образованию многих локальных вариантов человеческой культуры, обусловленных прежде всего многообразием источников существования на осваиваемых человеком территориях. Это наглядно видно и в перечисленных девяти вариантах древнеямной культуры. К этому же времени относится и формирование современных человеческих рас, наиболее значительные различия которых объясняются адаптивным приспособлением к различным условиям физико-географической среды обитания[44]. Подобные «географические открытия», надо полагать, были более всего возможны для племен, имевших в своем быту средства передвижения – древнейшие повозки, верховую лошадь и прочее, которые, по выражению Г. Чайлда, «произвели переворот в способах передвижения и явились большим вкладом в цивилизацию»[45].

Когда речь заходит о перемещениях древних племен, во избежание подмены основного хода истории только миграциями, необходимо в каждом конкретном случае выявлять не отдельные, вырванные из общего комплекса культуры элементы, а сумму возможно полного набора этнокультурных признаков той или иной древней культуры. Да и в этом случае исследователь не может быть застрахован от ошибки, выясняя: было ли обнаружение тех или иных черт отдельной культуры вдали от основной территории ее бытования связано с миграцией носителей этой культуры или же это результат культурных, соседских контактов? Ошибки эти могут быть связаны с тем, что между сторонниками теории эволюции и теории распространения, или миграций, все еще идет горячий спор. Первые утверждают, что вследствие общего единообразия человеческих умов любое общество на соответствующей стадии технологического, экономического, культурного и социального развития должно сделать то же самое открытие. Вторые утверждают, что каждое крупное изобретение было сделано лишь однажды на протяжении истории, и относят, таким образом, зарождение металлургии, гончарного круга, земледелия, изобретение лука, приручение и оседлание коня и т. п. к одному определенному району земли. Современные достижения археологической науки могут внести существенный вклад в разрешение этого спора. Находки морских раковин, изделий из минералов в местах, где этот минерал в природе не

встречается и куда они не могли быть занесены естественным путем, или же обнаружение изделий человека вдали от места их изготовления – гончарный круг, повозки на колесах, вращающиеся мельницы, или обычай возведения курганной насыпи, использование верхового коня и прочее – все это является неоспоримым доказательством межплеменных связей, а может быть, и миграций племен, освоивших эти изобретения. Конечно, передача предметов быта, так же как и распространение идей, служит в определенной степени указаниями на перемещение людей с места на место. Но поскольку чисто археологические предметы, взятые в отдельности, слишком сомнительны в решении этих вопросов, археологи давно придерживаются того мнения, что если «движение вещей» в эпоху неолита и бронзы не сопровождается керамикой, которую за редчайшим исключением вряд ли когда могли экспортировать в древности (по причине ее чрезвычайной хрупкости), тогда говорить о перемещениях этнических групп нет достаточных оснований [46]. Если даже наблюдаются отдельные сходные черты в профилировке и орнаментации сосудов, то все же остается большой риск видеть за этим сходством этнические перемещения, так как эти детали нередко могут оказаться результатом культурных связей и изучения технологических навыков соседей, в то время как этническая подоснова культуры может оставаться неизменной или малоподверженной смешениям.

В связи со сказанным уместно вспомнить, что многие ведущие археологи не раз предупреждали, как ошибочно делать выводы о генетических связях населения только на сходстве керамики: «Сходство керамики нередко может говорить, – как писал П. Н. Третьяков, – лишь о том, что население заимствовало у своих соседей неизвестное ему ранее искусство выделки и орнаментации сосудов»[47]. Живым примером в данном случае может быть знаменитая майкопская культура. До сих пор археологи ведут жаркие споры о происхождении этой культуры и ее этногенетических основах. Сложность эта объясняется, на мой взгляд, тем, что самый стойкий этнический признак – погребальный обряд этой культуры во всем своем комплексе – еще никем не рассматривался при решении вопроса о происхождении «Майкопа». Все дело в том, что происхождение майкопской культуры постоянно пытаются объяснить только на основе резко бросающегося в глаза богатого погребального инвентаря, преимущественно переднеазиатского происхождения [48].

Так рождалась и популяризовалась теория о переднеазиатском происхождении этой культуры. Феномен – сочетание курганного погребального обряда с материальной культурой, содержащей в своем составе предметы переднеазиатского происхождения, – и не дает возможности отдельным авторам раскрыть действительную суть этой культуры. А между тем когда легкоподвижный археологический инвентарь – украшения, оружие, чаще всего являющиеся предметами обмена [49], – сочетается с керамикой, а все это вместе поддерживается еще и погребальным обрядом, тогда говорить об этнических перемещениях можно достаточно обоснованно.

При всем этом к подобным вопросам нужно подходить крайне осторожно, чтобы не подменить миграциями племен незначительные признаки культурно-экономического контакта. Как справедливо подметил А. П. Окладников в своей рецензии на книгу В. М. Массона «Средняя Азия и древний Восток» (М.; Л., 1964), «передвижения людей и переселение племен реально существовали и нередко играли важную роль в истории общества, хотя и не всегда и не везде определяли его развитие»[50].

Руководствуясь высказанными соображениями, мы и попытаемся теперь проследить, в каком окружении находились носители древнеямной культуры и какие черты степняков-кочевников нашли отражение в культуре близких и дальних соседей.

§ 1. Движение на юг и юго-восток

Как отмечалось выше, Езразийские степи на юге и юго-востоке соприкасались с древнейшими земледельческими регионами Средней Азии и Ирана. Степные племена сталкивались здесь с мощной, тысячелетиями формировавшейся земледельческой цивилизацией VI–III тыс. до н. э., представленной культурами Джейтун и Анау, простиравшимися по Югу Туркмении, вдоль Копет-Дага, захватывая Иран и Афганистан[51]. Энеолитическая культура Средней Азии IV–III тыс. до н. э. по первому изученному поселению на холме Анау между Ашхабадом и Кызыл-Арватом получила в литературе название «культура Анау». Пустыня Каракум явилась линией, разделяющей южных земледельцев от северных охотников-рыболовов так называемой кельтеминарской культуры Приаралья и северо-западных областей Казахстана.

Из 27 известных энеолитических поселений культуры Анау 19 изучены с четкой стратиграфической разработкой хронологии. Специфической особенностью среднеазиатских и вообще ближневосточных поселений земледельцев является последовательное расположение друг над другом глинобитных домов, представляющих почти идеальные условия для вертикального членения культурных напластований[52]. Главнейшими памятниками этого круга являются поселение Намазга-тепе у города Каахка, уже в IV тыс. до н. э. занимавшее до 15–20 га, поселение Кара-тепе у города Артык, поселения в бассейне рек Теджен, Геоксюр, у города Теджен, знаменитое поселение Алтын-тепе и мн. др. Некоторые из них имели культурный слой мощностью до 30 м.

Земледельческие племена Средней Азии возделывали ячмень, пшеницу, имели в своем быту гончарный круг, изготовляли многообразную расписную, многоцветную керамику. Очень богато представлена у них глиняная пластика, преимущественно женские фигурки, изображавшие покровительниц земледелия, плодородия[53]. Жили земледельцы в многокомнатных глинобитных и сооруженных из сырцовых кирпичей домах. Устойчивый погребальный обряд для этих племен характеризуется возведенными из сырца коллективными усыпальницами, располагавшими-

ся рядом с жилыми комплексами. В этих усыпальницах хоронили от 3 до 10 человек [54]. В расписной керамике и в изобразительном искусстве чаще всего встречались рисунки козла, барса, орла, исполненные в различных стилистических вариациях [55].

Земледельцы Средней Азии и прилегающих областей в IV–III тыс. до н. э. не возводили курганных насыпей над могилами усопших, не были знакомы с приручённой лошадью, не имели войлочных изделий, не обкладывали могильные ямы деревом, камышом и т. п.

Между древними земледельцами и древнеямниками в степях Приаралья, Северо-Западного Казахстана обитали племена так называемой кельтеминарской культуры IV–III тыс. до н. э. В низовьях Амударьи, на территории древнего Хорезма, расположено одно из самых замечательных поселений этой культуры – Джанбек-кала. Культура эта была оставлена охотниками и рыболовами. В слоях этого поселения, как и в Агубеково, нет костей домашних животных, нет признаков возделывания культурных растений. Зато, как и в слоях Агубековского поселения, в Джанбек-кале в избытке найдены кости дикой свиньи, благородного оленя, косули и др. Но отличает Джанбек-калу наличие там множества костей рыбы, особенно щуки и сома, встречаются здесь и кости птиц, скорлупа птичьих яиц и пр.[56]

Стоянка Джанбек-кала находилась неподалеку от наполненного в то время русла Акчадарьи (Су-Ярган). Население жило родовыми группами до ста человек в огромных хижинах-шалашах, покрытых камышом. Камышовая крыша покоилась на деревянных столбах, во множестве стоящих концентрическими кругами [57]. Кельтеминарцы пользовались кремневыми ромбовидными, листовидными, подтреугольной формы наконечниками стрел, изготовляли крупные шлифованные каменные топоры. Керамика их представляла собой в основном глубокие овальные чаши с узким дном. Они покрывались орнаментом из треугольников и зигзагов, образованных вдавленными ямками и защепами, резными линиями и т. п. Исследователи отмечают, что некоторые узоры на керамике связываются с украшениями сосудов южных соседей – земледельцев Южной Туркмении и Ирана. А весь каменный инвентарь и бытовые условия жизни, основные орудия труда кельтеминарцев уходят корнями в мезолит (среднекаменный век) Северного Прикаспия. Опираясь на сходство орнаментальных узоров, некоторые авторы считают, что кельтеминарцы «генетически связаны с земледельческой культурой южных областей или испытывали с самого начала сильное влияние культур своих южных соседей»[58]. По правде сказать, археологический материал и хозяйственная деятельность кельтеминарцев не дает почти никаких оснований для такого категоричного и далеко идущего вывода, наоборот, эти данные свидетельствуют о том, что культура кельтеминарцев вряд ли может быть генетически связанной с несравнимой культурой земледельцев Анау, особенно синхронного этапа Намазга-тепе, Кара-тепе, Алтын-тепе, Геоксюр и др. Речь может идти лишь только о культурных соседских контактах, но не о генетическом родстве столь разных культурных течений. Не потому ли другие авторы считают,

что с культурой Анау кельтеминарцы имели лишь отдельные и отдаленные связи, прослеживаемые по некоторым орнаментальным узорам, но зато, пишут они, прочные связи были с северо-западными сибирскими и «казахстанскими» племенами [59].

Впервые на сходство среднеазиатской и уральской неолитической керамики обратил внимание и высказался по этому поводу С. П. Толстов [60] после открытия стоянки Джанбек-кала IV. Теперь считается установленным, что он сумел уловить те общие традиционные черты, роднящие столь далеко отстоящие друг от друга памятники Приуралья и Приаралья. «Так или иначе, несмотря на некоторый скептицизм отдельных авторов, С. П. Толстов оказался прав»[61]. На культуру кельтеминарцев серьезное влияние оказала степная культура кочевников. Это прежде всего легкие хижины-шалаши, покрытые камышом, по всей вероятности могущие служить древнейшими прототипами кочевнической юрты, грубая лепная керамика и обнаруживающиеся в верхних слоях поселений кости домашних овец [62]. Как известно, овцы более всех прочих видов домашних животных приспособлены к жизни в Волго-Уральских степях – территории древнеямников и в прилегающих районах Приаральских и Казахстанских степей. Заметное преобладание их в стадах скотоводов этих регионов само по себе является показателем подвижной формы скотоводства, единственно возможной при освоении степей [63]. Связи Восточного Прикаспия со степной полосой документируются, помимо экономических свидетельств, и другими археологическими материалами, связывающими между собой древнейшие очаги овцеводства – пещеры Прикаспия и территорию древнеямных племен, являвшихся древнейшими овцеводами Евразийских степей [64].

Просуществовавшая в низовьях Амударьи, в Приаралье и степях Северо-Западного Казахстана до конца III тыс. до н. э.[65] кельтеминарская культура, как и ее южные соседи, не содержит еще курганных насыпей и других компонентов погребального обряда степняков-овцеводов.

На рубеже III–II тыс. до н. э. влияние кельтеминарской культуры сказывается на последующей в этих областях заман-бабинской культуре медно-каменного века. По мнению ученых, носители последней культуры были потомками и наследниками культурных достижений своих предшественников – кельтеминарцев [66].

Таким образом, в более северных районах Средней Азии, в пустыне Кызылкум, к западу от Бухарского оазиса, в начале II тыс. до н. э. появляется культура, более, чем кельтеминарская, связанная со степной зоной. Примером служит интереснейший могильник Заман-баба, в котором впервые появляются в Средней Азии насыпи над могилами умерших. На этом могильнике различались два вида погребений. Одни – в грунтовой яме, перекрытой камышом или деревянными плахами. Погребенный покоился на спине с подогнутыми вверх ногами, умершего обильно обсыпали красной охрой. И бескурганные могилы, представлявшие собой так называемые катакомбы, т. е. подземные овальные камеры с входом в виде дромоса-

коридора. В ямных погребениях были найдены весьма архаичные типы круглодонных лепных сосудов в виде полусферических чаш и остродонных, яйцевидных горшков, покрытых характерными штрихованными бороздками. Эти сосуды, по единодушному заключению археологов, весьма близки керамике древнеямной культуры Поволжья и Южного Приуралья, а также сосудам из афанасьевской культуры Южной Сибири, Минусинской котловины, Прииртышья [67]. В катакомбных же погребениях наряду с лепными сосудами встречаются и формованные на гончарном круге. Хотя они и не расписаны, как посуда южных соседей, но по составу и цвету глины и технологии изготовления очень близки культуре Анау. Есть в этой керамике и цилиндрические сосуды, которые сближают ее с посудой Намазга-тепе IV и V, с Анау III, т. е. конца III тыс. до н. э., и некоторых поселений того же времени в Северном Иране [68]. Таким образом, налицо видно слияние двух культурных течений: северного степного и южного земледельческого.

Особый интерес представляют Заман-бабинские катакомбы в связи с погребениями катакомбной культуры восточно-европейских областей. Прежде всего близок обряд строительства сводчатого погребального помещения – катакомбы. Кроме того, среди лепных сосудов имеются экземпляры, очень близкие к катакомбным. В археологической литературе уделено большое внимание глиняным сосудам из Заман-баба в виде подквадратной коробочки с отдельной перегороженной частью в одном из углов сосуда. Эти сосудики уже вошли в типологическую классификацию так называемых курильниц катакомбной культуры Причерноморья и Северного Кавказа [69]. В настоящее время подобные сосудики применяются узбеками в качестве кормушки и поилки для птиц. Очень возможно, что они имели это же назначение и в древности, но в могилу ставились как связанные с птицей – символом солнца, света, очищения огнем [70]. К этому предположению можно добавить, что курильницы могли ставиться в могилу вместе с заупокойной пищей и как культовые поилки и кормушки птиц, в которых, по поверьям древних, превращались души умерших. Новейшие археологические исследования убеждают в том, что подобные курильницы являются эталоном, «чрезвычайно оригинальным атрибутом комплексов катакомбной культуры и не являются в ней наносным элементом, очевидно, что общий вопрос об истоках катакомбной культуры нельзя решить, пока не будет выяснен более частный вопрос – о происхождении катакомбных курильниц»[71]. Анализ всех известных комплексов, содержащих подобные курильницы, приводит ученых к выводу, что истоки их уходят в неолитическую керешскую культуру Левобережного Подунавья и Балкан, датирующуюся IV–III тыс. до н. э., куда, в свою очередь, они могли попасть из Восточного Средиземноморья, где древние традиции двучастных бытовых и ритуальных чаш имели наиболее древние формы. Чаши с внутренними перегородками, близкие заман-бабинским, были известны в неолите Меримде, в позднеамратской культуре Египта IV тыс. до н. э., а в III тыс. до н. э. они появляются на Крите и в Восточной Анатолии [72]. Из этих районов навыки изготовления или идея их применения попали на

Балканы и в Подунавье, где в XXI в. до н. э. широко известными стали в баденской культуре, а оттуда могли продвигаться на восток, в степи между Днепром и Волгой [73]. Однако заман-бабинские чаши вряд ли попали сюда с севера из степей Евразии, так как на огромном пространстве от Волги до Кызылкумов нигде не обнаружено для этого пути связующих находок подобного типа. Вероятнее всего, они попали в Приаральские степи низовьев Амударьи с юга, где земледельческие племена культуры Анау были тесным образом связаны с древнейшими очагами цивилизации Ближнего Востока и Передней Азии. Этот путь представляется более реальным, если учтем, что в заман-бабинских катакомбах найдены и бронзовые изделия, а также разнообразный инвентарь – бусы из агата, берилла, халцедона и других камней. Высокий уровень техники изготовления бус и формы некоторых бронзовых изделий, например, так называемых «жезлов», заставляют ученых видеть в них предметы, попавшие на северо-западную окраину Бухарского оазиса с юга, из области культуры Анау и из Ирана [74]. Этот тезис прекрасно согласуется с недавно выявленной И. Н. Хлопиным суяргинской культурой древнейших катакомб IV тыс. до н. э. Крупнейший специалист по бронзовому веку Евразийских степей С. В. Киселев считал, что «сейчас еще рано говорить о том, каково соотношение заман-бабинских находок с теми памятниками юга и севера, в которых заметно с ними сходство. Являются ли они центром возникновения сравниваемых явлений или, наоборот, одним из мест их отражения? Все это может быть выяснено лишь в будущем, после широких исследований. Однако уже сам факт наличия в центре Средней Азии памятников, сочетающих элементы юга и севера, представляет исключительную важность, показывая взаимосвязанность исторического развития различных районов нашей страны в бронзовом веке»[75].

Рассмотренные археологические материалы позволяют сделать вывод о том, что на рубеже III–II тыс. до н. э. из степей Южного Приуралья (территории зарождения древнеямной культуры) на юг и юго-восток – в степи Приаралья, северные области Средней Азии и северо-западные районы Казахстана стали впервые проникать такие ведущие элементы степной культуры, как курганная насыпь, камышовый настил в могилах, скорченное на спине с подогнутыми ногами положение скелетов, ориентировка головой на восток – и все это в сопровождении лепных остродонных, яйцевидной формы сосудов. Продвижение керамического материала в сопровождении таких стойких черт погребального обряда, не имеющих местных азиатских истоков, позволяет говорить и об этнических перемещениях носителей степной культуры. Этот процесс прекрасно иллюстрирован археологическим материалом последующих, связанных с «кельтеминаром» культур: тазабагъябской и суяргинской. Приведенные факты полностью согласуются с выводом Н. Я. Мерперта о том, что культура древнеямных племен не появилась и не могла появиться в готовом виде откуда-то с юго-востока, несмотря на ее тесные контакты и взаимодействие с культурами Юго-Восточного региона [76].

Прослеженные контакты еще более развиваются в период последующих культур, о которых речь пойдет в соответствующих разделах этой книги.

§ 2. Движение на восток от Урала

В Южной Сибири, в бассейне Верхнего Енисея и на юге Минусинской котловины прогрессивный метод ведения хозяйства был освоен племенами, создавшими так называемую афанасьевскую археологическую культуру конца III–II тыс. до н. э.[77]. Эта культура была выделена более 60 лет назад С. А. Теплоуховым и явилась первой древнейшей ступенью предложенной им тогда же и ныне принятой периодизации памятников Минусинской котловины. Здесь под Афанасьевской горой близ сел. Батени в Хакасии был раскопан могильник, захоронения в котором производились в грунтовых ямах под небольшими курганными насыпями из земли и камней. Таким образом, сразу бросается в глаза, что и в этом регионе впервые начинают появляться курганные насыпи над могилами.

В развитии афанасьевских и пастушеских, скотоводческих племен древнеямной культурно-исторической области было много общего, что объясняется не только сходными историческими условиями, но и активнейшими связями, характерными для всей степной полосы Евразии, а это, в свою очередь, позволяет исследователям обобщить их собирательным термином «ямно-афанасьевские племена»[78].

Механика и конкретные пути ранних контактов древнеямников и племен Южной Сибири освещены еще недостаточно полно, но сам факт движения племен на восток от Эмбы и Урала является несомненным. С этим движением связаны описанные контакты не только с Югом Средней Азии, но и с более восточными районами, вплоть до Алтая, Минусинской котловины и даже до Монгольских степей[79]. Важнейшим итогом этого движения и явилась афанасьевская культура, в которой сейчас выделяются два локальных варианта: минусинский и алтайский, определенные С. В. Киселевым. Именно последнему принадлежит и доказательство синхронности и синстадиальности афанасьевской и древнеямной культур[80].

Как и в основном районе формирования древнеямной культуры, так в Минусинской котловине и на Алтае, несмотря на тщательные и многолетние поиски, оседлых и долговременных поселений ямников в степях таких крупных рек, как Волга, Дон, Днепр, насчитывают единицы, а в Минусинской котловине таких поселений, вообще нет[81].

В афанасьевских могилах погребенные покоились в грунтовых ямах, устланных корой дерева, стенки ямы облицовывались деревянными брусьями, плахами, ими же они накрывались сверху. Над могильной ямой возводили курганную насыпь. Усопших клали на спину с подогнутыми в коленях ногами, головой обращали к востоку. Вместе с ним клали в могилу лепные яйцевидной формы остродонные сосуды, круглодонные чаши. Сосуды сплошь покрывались резными или штампованными узорами.

Здесь не может не обратить на себя внимания почти полная идентичность обряда и погребального инвентаря с древнеямными погребениями.

На примере горно-алтайского энеолита археологические исследования устанавливают особенно рельефно проявляющиеся глубокие параллели между афанасьевской и древнеямной культурами. Более того, эта схожесть особенно обнаруживается с наиболее ранними погребениями Волго-Уральского варианта древнеямной культуры. В горах Алтая сейчас известно более десятка могильников этой культуры, расположенных по берегам рек Катунь, Башкаус, Бия. Соответственно по хронологической культурно-исторической традиции они подразделяются на три этапа: Арагольский, Куротинский и Куюмский [82]. В урочище Арагол на правом берегу реки Ян-Улаган (приток Башкауса) могильники представляют собой грунтовые ямы под небольшими курганными насыпями. Погребенные обильно посыпаны красной охрой, покоились они на спине с подогнутыми в коленях ногами, лежали на подстилке из коры дерева, ею же были накрыты. В могилах найдены характерные яйцевидные сосуды. Арагольские курганы, подобно древнеямным погребениям Нижнего Поволжья, проявляют наиболее ранние традиции [83]. Куротинский тип представляет группу на реке Курот (приток Урсула). Здесь подкурганные ямы были накрыты бревенчатым накатом, а под погребенными обнаружена подстилка из коры дерева и растительности. Костяки лежали на спине, колени согнуты, кости сильно окрашены красной охрой. Могильник в устье реки Куюм (правый приток Катуни) представлял подобные же захоронения с яйцевидными сосудами.

В этих более поздних погребениях начинают встречаться кости домашних животных, в первую очередь овцы и лошади [84]. Исследовательница М. Д. Хлобыстина приходит к заключению, что можно утверждать несомненную, принципиальную близость этой культуры Горного Алтая и древнеямной, вызванную, по всей вероятности, развитием в рамках культурно-генетических, родственных этнических общностей [85]. И в то же время в исторической науке считается давно установленным фактом то, что племена, оставившие афанасьевские курганы, резко отличались по своей культуре от охотничьих и горно-таежных жителей Саяно-Алтайского нагорья [86]. По установленным многими факторами положениям принято считать, что племена афанасьевской культуры являлись не только первыми скотоводами-пастухами Южной Сибири и Алтая, но и первыми металлургами края. В их погребениях впервые начинают появляться медные изделия и кости домашних животных, главным образом овцы и лошади. Афанасьевцы впервые начинают прясть шерсть [87]. По мнению С. В. Киселева, у прямых потомков афанасьевцев-андроновцев уже были в стадах тонкорунные и грубошерстные овцы [88]. Следовательно, можно предполагать наличие этих особей и у самих афанасьевцев.

Изучив памятники Южной Сибири, С. В. Киселев констатировал, что «при сложении афанасьевской культуры заметны связи главным образом с западом, доходя до Поволжья, может быть до Причерноморья»[89]. Далее,

развивая эту мысль, он писал, что «люди, оставившие памятники афанасьевской культуры, принадлежали к тому палеоевропейскому типу, который особенно отличает древнее население Восточно-Европейских степей. Поэтому едва ли можно считать племена афанасьевской культуры потомками коренного населения Саяно-Алтайского нагорья. Их физический облик и многие особенности культуры связывают их со степным населением Восточной Европы»[90]. Антропологически афанасьевцы характеризуются долихокранионией, сильно выступающими носовыми костями, широким и невысоким лицом. Их физический тип, по Г. Ф. Дебецу, представляет собой протоевропейский тип, широко распространенный в неолите, в Западной Европе [91]. Таким образом, близость афанасьевских и древнеямных племен фиксируется и антропологическими фактами: афанасьевцы были европеоиды, как и древнеямники, а прибайкальские неолитические племена – монголоиды.

Все изложенное дает основание констатировать, что «сам факт распространения в обеих культурах единых, достаточно специфических, форм хозяйства свидетельствует о едином их источнике – в данном случае Прикаспийской части среднеазиатского очага хозяйства. Близость антропологических типов афанасьевцев и древнеямников позволяет говорить об их общей праоснове»[92].

§ 3. На север и северо-запад

Многие археологи – А. П. Окладников, А. Я. Брюсов, П. Н. Третьяков, В. Н. Чернецов, А. Х. Халиков и др. – давно отмечали определенные связи урало-камских племен с южными соседями, уходящими в глубь неолитической эпохи. Так, по словам П. Н. Третьякова, «в глиняной посуде уральских племен – ее орнаментации – обнаруживаются черты значительного сходства с керамикой неолитического Приаралья, известного под наименованием кельтеминарской культуры. В Зауралье и Приаралье на некоторых неолитических стоянках найдены кремневые наконечники стрел кельтеминарского типа»[93]. На основании этих данных С. П. Толстов предполагал наличие тесных контактов между уральско-камскими и кельтеминарскими племенами [94]. Разумеется, что эти связи не могли осуществляться, минуя территорию, лежащую между ними в Волго-Уральском междуречье. Подобные контакты стали еще более ощутимыми на рубеже III–II тыс. до н. э., когда в Волго-Окском бассейне и соседних областях Заволжья обитали протофинно-угры, носители так называемой фатьяновской культуры, получившей свое название по могильнику у сел. Фатьяново близ города Ярославля. Территория, занятая этой культурой, огромна. На севере она проходила где-то по линии Волжского Левобережья от города Твери до Юрьевца, на востоке она доходила до Вятки и Камы, на западе и северо-западе эта культура простиралась до Брянска, возможно, достигая районов между Селигером и Ильменем; южные ее границы менее определены, вероятно, они достигали водораздела долины Оки [95]. На этой обшир-

ной территории фатьяновская культура делится на три локальных варианта: 1) московский, или западный; 2) ярославский, или центральный; 3) балановский, или чувашский, на востоке.

Фатьяновская культура считается привнесенной в эти районы и резко отличается от культуры местного неолитического населения рыболовов-охотников [96]. По словам П. Н. Третьякова, «бесспорных фатьяновских поселений на основной территории расселения этих племен неизвестно ни одного»[97] и наши представления о ней формируются только по данным могильников. Фатьяновцы не возводили курганов над могилами, покойных хоронили в скорченном состоянии, в грунтовой яме, устраивая в ней гробовище из коры, лозняка и пр. Могильники обычно небольшие, содержащие от 3–5 до 30 могил [98]. Они отличались большим разнообразием и богатством погребального инвентаря: шаровидные, круглодонные, богато орнаментированные отпечатками шнура или штампа сосуды; плоские шлифованные клиновидные топоры, долота, кремневые ножи, стрелы; боевые сверленые топоры-молоты; украшения из зубов животных, из трубчатых костей и т. п. Богатство и разнообразие форм сверленых боевых топоров, множество их находок на территории фатьяновской культуры делают ее, по словам С. В. Киселева, крупнейшим центром распространения этого вида оружия в Европе [99].

Наряду с каменным оружием фатьяновцы имели большое количество металлических изделий. Особенно важны частые находки прекрасно отлитых бронзовых проушных вислообушных топоров особого фатьяновского типа, ближе всего стоящих к волжско-камским и степным катакомбно-кавказским вислообушным топорам III – начала II тыс. до н. э.[100] Одним словом, фатьяновские племена – население, обладающее гораздо более высокой культурой, чем окружавшие их племена местного неолита. Объясняется это высоким уровнем их скотоводческо-пастушеского хозяйства. Во многих фатьяновских могильниках обнаружены кости домашних животных – овцы, козы, свиньи, коровы, лошади. Следовательно, полагают ученые, фатьяновские племена представляли собой племена скотоводов, освоившие все виды домашних животных. В связи с этим очень интересно отметить, что местные рыболовы-охотники не имели с фатьяновцами никаких связей на протяжении почти 500 лет и даже не переняли у них скотоводство. Подтверждая этот вывод, П. Н. Третьяков пишет: «Отличаясь от охотников-рыболовов по культуре, бытовому укладу и несомненно по языку, группы фатьяновских племен не смешивались с местным населением и не оказывали на его жизнь заметного влияния, как это предполагают отдельные авторы»[101]. Зато все исследователи фатьяновской культуры – А. Я. Брюсов, П. Н. Третьяков, О. Н. Бадер, А. Х. Халиков, Д. А. Крайнов, П. Д. Степанов и другие – признают разносторонние и тесные культурно-экономические связи фатьяновцев с южными районами – Северным Причерноморьем, низовьем Волго-Донского междуречья и Северным Кавказом.

Естественно предположить, что население именно южных окраин и восточного варианта фатьяновской культуры более прочих приходи-

ло в тесное соприкосновение с племенами степной полосы Евразии и с носителями древнеямной культуры. Если, например, западный и центральный варианты этой культуры были тесно связаны со среднеднепровской культурой позднего триполья, то восточный – балановская группа фатьяновцев – имел более тесные связи с Северным Причерноморьем и Северным Кавказом.

По этому поводу П. Н. Третьяков писал: «Если предков фатьяновцев следует искать среди племен, связанных, по-видимому, не столько с Нижним, сколько со Средним Поднепровьем, то исходная территория балановцев должна была лежать южнее, а путь их на Волгу проходил через лесостепные пространства Днепровского Левобережья, по верховьям Дона, минуя поречье Оки, относительно густо заселенные охотничье-рыболовческими племенами»[102].

Для нашего дальнейшего повествования очень важно отметить, что культура племен Среднего Днепра, т. е. среднеднепровская культура, настолько близка фатьяновской, что украинские археологи, по словам Третьякова, называют ее «днепровским фатьяном»[103].

Связь фатьяновской и древнеямной культур можно вывести из того установленного в археологии факта, что среднеднепровская культура, сложившаяся к третьей четверти III тыс. до н. э. и просуществовавшая более тысячи лет, уходит своими корнями в среднеднепровский вариант древнеямной культуры середины III тыс. до н. э., представленной на Киевщине погребениями в курганах [104]. По данным И. И. Артеменко, памятники ранней ступени среднеднепровской культуры и многие среднеднепровские захоронения являются впускными в древнеямные курганы.

Исследуя проблему происхождения угро-финских народов, П. Н. Третьяков писал, что есть все основания связывать группу среднеднепровских древностей с древнейшими фатьяновскими, лишь в более позднее время, в первой половине II тыс. до н. э., когда складывались характерные черты той и другой культур, основные орнаментальные узоры керамики каждой из них начинают заметно различаться. «Но, – продолжает исследователь, – представляется бесспорным, что они имели общего предка, или предков, между собой очень близких»[105].

Из всего сказанного становится очевидным, какая историко-культурная общность может оказаться общим предком для них, если среднеднепровская культура уходит своими корнями в древнеямную культуру, и, в свою очередь, считается «днепровским фатьяном». Ответ здесь может быть в достаточной степени однозначным – этот предок мог вызревать в недрах древнеямной историко-культурной области. Но если для западного и центрального вариантов фатьяновской культуры эта связь с древнеямными племенами может быть прослежена через посредника, т. е. среднеднепровскую культуру, то восточная чувашская, или балановская группа фатьяновцев, т. е. балановская культура, могла эту связь иметь непосредственно с потомками древнеямников.

Балановский вариант фатьяновской культуры выделен по могильнику в урочище Карабай близ дер. Балаково в Чувашии. В Балаково впервые

в этом регионе появляются курганные насыпи над могилами. Балановцы хоронили усопших в подкурганных ямах, стены которых облицовывались деревом, а сверху яма накрывалась накатом из бревен, плахами, камышом или корой дерева. В отличие от фатьяновцев западного и центрального вариантов, балановцы «являлись полновластными хозяевами если не всей территории фатьяновскои культуры, то во всяком случае ее значительной части. Об этом говорят и большие размеры могильников, и оседлый характер поселений»[106].

Балановские племена во II тыс. до н. э. были богаты металлом, они имели медные топоры, наконечники копий, ножи, разнообразные украшения. Период металла у них, по общему мнению, наступил значительно раньше, чем в Верхнем Поволжье. Исследователи О. Н. Бадер и А. Х. Халиков говорят о больших связях балановцев с югом. Это видно по формам топоров-молотов, по орнаментации сосудов, в изделиях из металла, находящих аналогии в памятниках Северного Кавказа [107].

Очень важным указанием на эту связь балановцев с югом является, на наш взгляд, обнаружение в их могилах глиняных колесиков от модели древней повозки, остатки которых – очень частая находка в Калмыцких степях, в курганах Краснодарского края, Дагестана. Модель балановской повозки весьма близко напоминает лчашенскую повозку из курганов Армении. Еще более неопровержимым свидетельством этих связей, наряду с курганами, являются показания антропологов, которые говорят, что фатьяновцы западного и центрального вариантов были представителями европейского типа, широко известного в Средней Европе, а балановцы являются представителями восточно-средиземноморского типа с примесью монголоидности [108]. Все эти факты вместе с усиленным развитием коневодства свидетельствуют о тесных связях балановцев с югом.

Завершая свое исследование по балановской культуре, О. Н. Бадер писал: «Представляется наиболее вероятным, что исходная область балановского населения находилась в пределах территории, которая, с одной стороны, входила в ареал древнего распространения средиземноморского антропологического типа, с другой – в историко-культурную область с боевыми топорами и шаровидной керамикой. Эта территория локализуется в Северном Причерноморье между Поднепровьем и Волгой»[109].

Для более наглядной иллюстрации этнокультурной ситуации на севере и северо-западе от древнеямной историко-культурной области необходимо вкратце напомнить, что на территории Верхней Волги, Волго-Окского междуречья и Прикамья в III – начале II тыс. до н. э. на смену неолитическим курганам лесной полосы европейской части СССР появляются новые культуры, объединенные в одну большую волосовскую историко-культурную область[110]. Своих усопших волосовцы хоронили на поселениях около жилищ, а иногда и в самих жилищах. Обычно погребения располагались в культурном слое на глубине от 10 до 40 см. Проследить могильные ямы и другие ритуальные сооружения в этих случаях невозможно. Курганов волосовцы, как и фатьяновцы, не воздвигали. В их антропологическом об-

лике довольно явно выступают монголоидные черты [111]. По отношению к волосовцам и их культуре многие специалисты: А. Я. Брюсов, О. Н. Бадер, П. Н. Третьяков, А. Х. Халиков – отмечают местные неолитические истоки, развивают гипотезу восточного происхождения волосовцев[112]. Доводы эти подкрепляются исследованиями Акимовой, выявляющей в их облике монголоидные черты [113].

В конце первой половины II тыс. до н. э. в связи с активными контактами и внедрением балановцев в волосовскую среду начинается их этнокультурное смешение. В составе населения Балановского могильника появляются местные типы, несущие черты монголоидной примеси [114]. Следовательно, можно констатировать, что в III–II тыс. до н. э. в Волго-Камье сталкиваются европеоидные восточно-средиземноморские типы (балановские племена), носители одного из вариантов европейской культуры боевых топоров, с волосовцами, имевшими явные монголоидные черты и тяготевшие к восточному происхождению. С середины II тыс. до н. э. в балановской культуре, на Атли-касинском этапе ее развития, впервые появляются курганы и подкурганные захоронения. Процесс внедрения курганов в среду балановских племен впервые четко прослеживается в таких могильниках Чувашии и Средней Волги, как Атли-касинский, Раскильдинский, Куманкасинский, Чурачинский и др.[115]

Отмечая, что путь балановцев с юга на Волгу лежал по верховьям Дона, П. Н. Третьяков констатировал: «...отдельные особенности культуры, свойственной ярославской фатьяновской группе, сложились под влиянием балановской культуры, более передовой и богатой, – в частности, в большей мере обеспеченной металлом». Он допускал и языковую близость между отдельными группами фатьяновцев [116].

Многочисленные исследования по фатьяновской и балановской культурам приводят к выводу, что сразу же после середины II тыс. до н. э. основная территория этих культур была занята новой группой скотоводческо-земледельческих племен, новыми пришельцами с юго-запада, носителями так называемой абашевской культуры, о которой речь пойдет несколько ниже.

§ 4. Юго-западное направление

Диффузия древнеямной культуры в этом направлении представляет огромный интерес. В период расцвета северопричерноморского земледельческого очага – на среднем этапе трипольской культуры (в середине IV тыс. до н. э.) – непосредственно к востоку от ее ареала сложилась среднестоговская энеолитическая культура. Эту культуру еще не именуют степной, т. к. основная часть ее памятников находится в лесостепи Поднепровья и Левобережной Украины, на пограничье лесостепи и степи. На западе памятники этой культуры локализуются в Поднепровье (между городами Никополем и Черкассы) и в Днепрово-Донецком междуречье, в бассейне Оскола и Северского Донца. На востоке ее памятники доходят до

низовьев Дона [117]. Третий вариант этой культуры – нижнедонской, или константиновский, представляет особый интерес, т. к. именно здесь впервые появляются курганные насыпи в могильниках Яма и Койсуг, явно иллюстрирующие «нарождающуюся степную традицию в восточных окраинах среднестоговской культурной области. Именно здесь очень слабо прослеживаются земледельческие навыки населения, зато преобладают скотоводческие черты уклада – прежде всего разведение овец и лошадей [118]. Таким образом, «не случайно, – пишет Н. Я. Мерперт, – доминант овцеводства отмечен в восточной части ареала среднестоговской культуры, т. е. там же, где зафиксировано и появление курганов, что также связывается с распространением собственно степной традиции... Трипольские импорты на поселениях среднестоговской культуры сочетаются с появлением степной керамики»[119]. Когда речь заходит о древнеямно-среднестоговском культурном синкретизме, очень важно учитывать вывод В. И. Цалкина и Н. Я. Мерперта: «По-видимому, именно коневодство было основой хозяйства племен культуры Средний Стог II и что у них впервые в истории животноводства мы встречаем племена коневодов»[120]. Но в то же время крайне важно иметь в виду и тот факт, что северопричерноморский очаг – раннее и среднее триполье – в первоначальном процессе формирования культуры степных скотоводческих племен, по выражению Н. Я. Мерперта, «должен быть сразу же отсечен»[121].

Взаимодействие раннеземледельческих культур со степными энеолитическими традициями, безусловно, отражает этнокультурные изменения при переходе к раннему бронзовому веку. Среднестоговская культура, лесостепная в своей основе, в восточных районах своего ареала знаменует начало этого этнокультурного процесса на Днепро-Донском участке степной полосы. Сыграв в нем роль местного субстрата в первой половине III тыс. до н. э., она вошла в качестве местного компонента в состав специфической степной древнеямной культурно-исторической области [122].

Древнеямная культурно-историческая область, как известно, является хронологически первой из гигантских общностей, характерных для древнейшей истории степной полосы. Именно она знаменовала первую ступень широкого освоения степных пространств, распространение в них производящих форм скотоводства, главным образом подвижного овцеводства. История ее, как отмечалось, предстает как длительный и сложный, многообразный процесс развития и взаимодействия ряда племенных групп Каспийско-Черноморских степей.

В восточных пределах ареала среднестоговской культуры появляются черты, характерные для древнеямных племен, продвинувшихся на запад от районов зарождения основных форм своей специфической культуры. По выражению Н. Я. Мерперта, здесь происходит вклинивание среднестоговской культуры в собственно степные районы. Соответственно в стадах доминируют овцы, здесь же впервые фиксируются курганные насыпи над могилами, не свойственные среднестоговской культуре. По мнению того же ученого, «широкое освоение степи и массовое распространение

курганного обряда начались в междуречье Урало-Волги и Дона одновременно с формированием среднестоговской культуры в смежном с запада Днепро-Донском районе в период, когда еще были живы традиции раннеземледельческих культур типа Мариупольских могильников в Приазовье», имевших, кстати, так много общего с рассмотренным выше Нальчикским могильником.

В XXVI–XXIV вв. до н. э. основные черты погребального обряда среднестоговской культуры из бассейна Северского Донца и Оскола продвигаются далее на северо-запад и фиксируются на Среднем Днепре. Здесь в 14 пунктах впервые обнаружены курганы, составившие ранний этап среднеднепровской культуры. На этом этапе названная культура представлена только курганами и известна только по курганным захоронениям. Могильные ямы прямоугольной формы с закругленными углами длиной 1,8–2,2 м, шириной до 1,5 м перекрывались деревом. На дне ям прослеживаются следы деревянных настилов, остатки подстилки из камыша, бересты, органических остатков. В могилах обнаруживается красная охра. Погребальный инвентарь крайне беден, керамика изготовлялась из грубой глины с примесью песка и шамота. На этом этапе для среднеднепровской культуры характерны сосуды с шаровидным или округлым туловом, круглым и уплощенным днищем. На среднем этапе среднеднепровской культуры (XXIV–XVIII вв. до н. э.) известны уже два вида погребальных памятников – подкурганные и в грунтовых ямах без курганных насыпей. Раскопано более 70 курганов, содержащих около 112 погребений. На дне могильных ям по-прежнему прослеживаются берестяные, камышовые и органические подстилки, деревянные конструкции и пр.

На позднем этапе (XVIII–XV вв. до н. э.) курганы все еще продолжают играть одну из ведущих ролей в этнокультурном облике среднеднепровской культуры. Раскопано 40 курганов, содержащих 50 погребений данного этапа названной культуры. Эти факты позволяют предположить, что на среднем и позднем этапах данной культуры происходит смешение этнокультурных традиций местных и пришлых – «грунтового» и «курганного» обрядов погребения, т. е. налицо симбиоз и синкретичность культурных традиций.

В настоящее время в археологической науке принято считать, что для древнеямной и среднеднепровской культур характерны захоронения под курганами, могильные ямы перекрывались накатом деревянных бревен или плах, дно ям устилалось камышом, берестой, подстилкой из органических остатков, в могилах обнаруживалась красная охра. Ученые единодушны в том, что «в конце первой и начале второй половины III тыс. до н. э. перечисленные черты погребального обряда в Поднепровье «были характерны только для древнеямной культуры... В позднетрипольской, среднестоговской (кроме ее нижнедонского ареала в восточных окраинах) и других культурах они отсутствовали»[123]. Новейшие стратиграфические исследования показывают, что погребальный обряд и инвентарь свидетельствуют о нескольких волнах проникновения племен древнеямной культуры на

запад и продолжительное их существование не менее тысячи лет [124]. Такое активное продвижение носителей древнеямной культуры в Донские степи и Причерноморье не могло не затронуть или миновать предгорные районы Кавказа, составлявшие естественное продолжение Волго-Донских степей Евразийского континента.

§ 5. Древнейшие овцеводы-кочевники и Кавказ

В кавказском направлении процесс внедрения древнеямников в местную среду ученые отмечали давно. Здесь мы затрагиваем упомянутую выше большую и не изученную во всей полноте проблему: кочевники и Кавказ, горы и степи.

О первом столкновении степной и местно-кавказской культур неоспоримо говорит сам факт появления в Предкавказье курганных насыпей – существенно нового, прежде не характерного элемента в этнокультурном комплексе погребального обряда в неолитическую эпоху на Севере и Юге Кавказа, а также в прилегающих к Кавказу с юга, юго-востока и юго-запада территориях. Отсутствие курганов, как автохтонных факторов в ареале куро-аракской и смежных культурах Кавказа является наглядным примером этого нововведения в традиционные местные культуры эпохи неолита и ранней бронзы. Древнейшие курганы появились на Северном Кавказе еще в энеолите, а известная курганная майкопская культура Предкавказья сама «испытывала заметные степные воздействия, в том числе и в погребальном обряде, и уж ни в коем случае ни по материалу своему, ни хронологически не может рассматриваться в качестве компонента или основного источника воздействия в процессе выделения ранних групп древнеямных племен». Очень важно отметить, продолжает Н. Я. Мерперт, что в целом ранний этап древнеямных погребений предшествует майкопской культуре, лишь в самом конце доживая до начала формирования последней. И не случайно, что в наиболее ранних майкопских поселениях кости мелкого рогатого скота, по подсчетам Н. Я. Мерперта, составляют лишь 18 процентов (при 50 процентах костей свиньи), а позднее – под явным воздействием самих степных племен – число их возрастает [125] до 48 процентов. Если ко всему этому добавим утверждение Мерперта, что «ни в инвентаре, ни в погребальном обряде, ни Кюль-тепе, ни последующая куро-аракская культура никаких связей с культурой древнеямных племен не имеет», то мы можем констатировать: культура древнеямных племен не могла появиться ни с запада, ни с севера, ни с юга или юго-запада. Она зародилась в степях между Волгой и Уралом.

Исследователи располагают огромным материалом, чтобы признать тот факт, что появление так называемой майкопской культуры Северного Кавказа целиком связано с курганами, т. е. степным погребальным обрядом. И в этом смысле не будет чрезмерно смелым заявление, что майкопская культура в ее этногенетическом и этнокультурном аспектах, и главным образом по погребальному обряду, обязана своим зарождени-

ем культуре племен древнеямной историко-культурной области. Чтобы в этом убедиться, достаточно обратиться к домайкопским памятникам и раннемайкопским курганам Северо-Кавказского региона. Очень раннее соприкосновение древнеямных племен с Кавказом документируется достаточно четко. Приведем несколько фактов:

1. Находки весьма архаичных, не свойственных неолитической и энеолитической керамике Северного Кавказа, яйцевидных, шаровидных круглодонных сосудов древнеямного типа в курганах у станиц Кубанской, Казанской, Тифлисской, Усть-Лабинской; каменного скипетра из кургана у аула Терекли-Мектеб[126].

2. Упоминавшиеся 12 погребений из Нальчикского могильника с явно древнеямным погребальным обрядом и круглодонной чашечкой.

3. Курган у сел. Верхний Акбаш в Кабардино-Балкарии, в котором майкопское захоронение (№ 10) оказалось впускным в курганную насыпь, сооруженную над могилой древнеямника (погр. № 11). Это погребение датируется XXVII–XXVI вв. до н. э.[127], т. е. временем более древним, чем ранние майкопские курганы, не уходящие глубже XXV в. до н. э.[128]

4. Такая же картина наблюдается в большом Кишпекском кургане, в котором майкопское захоронение (№ 3) было совершено на вершине курганной насыпи, возведенной над ямным погребением[129] № 8.

Таким образом, имеются серьезные основания говорить о том, что носители курганной (древнеямной) культуры вступили в самый тесный контакт с кавказскими племенами еще задолго до майкопской культуры, а это, несомненно, сказалось на процессе распространения производящих форм хозяйства в степной полосе Предкавказья.

Но особенно активными становятся эти связи в период существования майкопской культуры, прежде всего ее раннего этапа, т. е. в XXV–XXIII вв. до н. э. С этого времени уверенно можно говорить о двустороннем характере воздействия друг на друга степной и кавказской культур, о подлинном взаимодействии древнеямных племен со значительным культурным очагом Северного Кавказа. Кавказский металл именно в данный период начинает широко распространяться в Восточной Европе, и в этом решающую роль стали играть степные племена, связывавшие Кавказ с восточно-европейскими областями, включая и регион балановской культуры Поволжья. Основная роль в процессе взаимодействия степного и кавказского миров сохраняется за древнеямными племенами. Об этом хорошо говорят их культурные элементы, проникавшие на Кавказ. Так, например, в ряде погребений и слоях майкопской культуры на поселениях найдены типичные древнеямные сосуды, орудия, украшения [130]. Более того, нередко под майкопскими погребениями, как в случае Верхнеакбашского, Большого Кишпекского курганов, или в одних стратиграфических горизонтах с майкопскими захоронениями открыты древнеямные погребения [131].

Достижения археологов «позволяют говорить и о более сложных, глубоких, прежде всего о безусловно единых чертах в погребальном обряде древнеямных и майкопских племен: от положения погребенного и

оформления могилы до самой курганной насыпи». Может быть, из этого исходила в свое время М. Гимбутас, когда говорила об этническом и культурном единстве степного и северокавказского населения энеолита [132]. Конечно, такое утверждение является слишком большим преувеличением, но отрицать самый тесный этнокультурный контакт этого населения невозможно. Другими словами, можно сказать, что древнеямные племена привнесли на Кавказ курганный обряд погребения, как это они сделали на рассмотренных выше территориях Евразийского континента. Вместе с древнеямным обрядом появляются здесь и курганы, являвшиеся «паспортом» древнейших овцеводов-кочевников IV–III тыс. до н. э.

Но прежде всего необходимо сделать одно замечание: приводившиеся выше выводы крупных специалистов, которые могут быть значительно подкреплены множеством дополнительных примеров из археологического материала Северного Кавказа, свидетельствуют о том, что погребальный обряд ранних «майкопцев» типично древнеямный. Вот тому факты:

- просторные грунтовые ямы с округлыми углами, стены укреплены деревянными плахами, дно устлано камышом, корой дерева, органической подстилкой (рогожей, циновкой, войлоком и пр.);
- сверху яма перекрывалась накатом из деревянных бревен, затем насыпался земляной курган;
- усопший покоился в скорченном состоянии на боку, либо на спине с подогнутыми ногами, ориентирован преимущественно по линии В–З, СВВ–ЮЗЗ;
- кости погребенного и дно могилы обильно посыпались красной охрой.

Но погребальный инвентарь ранних майкопских захоронений явно иной:

- красноглиняные шаровидные и округлые сосуды из хорошо отмученной глины без примесей;
- массивные медные топоры, кинжалы, тесла, шилья;
- украшения из золота, серебра с инкрустацией и пр. – чаще всего переднеазийского происхождения.

Все эти предметы ничего общего не имеют с бедным инвентарем древнеямников:

- грубые, лепные, остродонные, яйцевидные сосуды плохого обжига;
- кремневые ножи и ножевидные пластины;
- поделки из кости – шилья, проколки;
- мелкий рубленый бисер и пр.

Синкретический характер и симбиоз ямно-майкопского погребального обряда с нехарактерным для ямников инвентарем необходимо всегда иметь в виду при этнокультурной интерпретации раннемайкопских древностей Северного Кавказа.

Археологам нетрудно усмотреть еще один очевидный и давно напрашивавшийся вывод о том, что внедрившийся на Кавказ курганный обряд древнеямников уже ко времени самого майкопского кургана иллюстри-

рует далеко зашедшее имущественное расслоение и выделение крупных патриархальных вождей, утопавших в роскоши заморских, переднеазийских украшений из драгоценных металлов и камней.

Этот тезис хотелось бы проиллюстрировать Майкопским курганом, раскопанным Н. И. Веселовским в 1867 г. Курган высотой 10,65 м находился на одной из улиц города Майкопа, которая теперь носит название Курганной, а сама археологическая культура, аналогичная находкам в этом кургане, именуется майкопской культурой. В центре под насыпью кургана была открыта четырехугольная яма (5,33 х 3,73 х 1,42 м) с закругленными углами. Стены ямы были укреплены деревом, по углам были врыты четыре деревянных столба диаметром 0,26 м, поддерживавших, вероятно, перекрытие – балдахин. Могильная яма разделена на две части, а северная ее часть, в свою очередь, разделена еще на две равные половины. Таким образом, могила оказалась трехкамерной, разделенной деревянной или камышовой перегородкой. В более обширной южной половине в позе спящего на боку лежали останки мужчины, густо засыпанные красной охрой. Погребальный инвентарь из этого погребения говорит, что усопший принадлежал к социальной верхушке общества, оставившего Майкопский курган.

На костяке были найдены 68 золотых штампованных пластинок, изображающих львов, 19 пластинок, изображающих быков, 38 массивных штампованных колец, 10 двойных пятилепестковых розеток. Здесь же лежало богатейшее ожерелье, представляющее собой набор бус из золота, серебра, сердолика, лазурита, морской пены и бирюзы. Уже эти находки свидетельствуют о южном привозе (лазурит из Бадахшана – Средняя Азия, бирюза из Ирана, морская пена из Малой Азии). На голове усопшего была коническая тиара с золотыми обручами, украшенными цветками из золотых лепестков. И по рисунку, и по технике выполнения эти цветы совершенно аналогичны украшениям короны царицы Шубад и знатных женщин из могилы «74 скелетов» царского некрополя I династии Ура (XXV в. до н. э.)[133]. Перед костяком, от черепа до берцовых костей, лежали параллельно друг другу шесть серебряных стержней длиной 1,03 м. На концы четырех из них насажены массивные статуэтки быков, отлитые из серебра (2 шт.) и из золота (2 шт.) Их стиль также ближе к стилю шумерийских скульптур середины III тыс. до н. э. Поразительно схож с этими скульптурами медный бык, найденный в одном из древнейших захоронений Аладжа Эйюка (Центральная Турция), датируемом XXV–XXIV вв. до н. э.

Вдоль западной и восточной стенок южной части могилы были расставлены 17 сосудов: два золотых, один каменный (шаровидной формы с накладным горлом и крышкой из золота), 14 серебряных, в том числе один с золотыми ручками-ушками, а другой с золотым ободком у основания шейки горловины. На одной из серебряных ваз отчеканены три яруса прекрасного пейзажа. На верхнем ярусе изображена цепь Кавказских гор с несколькими пиками и двугорбыми вершинами Эльбруса и Казбека. С гор стекают две реки, сливающиеся в округлое море. Ученые полагают,

что эти две реки можно сопоставить с двумя крупными реками Северного Кавказа либо с крупнейшими реками Передней Азии – Тигром и Евфратом. На самом же деле это реки Южного Кавказа, потому что двуглавая вершина Эльбруса изображена слева от смотрящего, а не справа, как он видится, если смотреть на хребет с Северного Кавказа. Вторая полоса орнамента на сосуде изображает двух быков по краям, лошадь и льва по центру. Третья полоса изображает вереницу животных: козла, барана, кабана, львицу. Такая же вереница животных была изображена на печати из Урука, на инкрустированных рельефах древнешумерского храма в Эль-Убайде, на серебряной вазе Энтемены – патеси города Лагаша, правившего в XXIV в. до н. э. Эта ваза и по форме своей почти аналогична майкопским, а украшающая ее плечи сцена идущих друг за другом зверей является самой близкой к майкопским чеканным изображениям.

У самой западной стенки могилы стояли восемь почти однотипных глиняных горшков с шаровидными туловами и короткими, резко отогнутыми наружу венчиками. Горшки были серого, желтоватого, красноватого цветов. Металлические орудия также весьма архаичны. Медная мотыга и кинжал сходны с найденными в могилах I династии Ура; топор-тесло ближе всего подходит к найденным на Крите и в Подунавье в слоях XXIV–XXI вв. до н. э.; проушный топор сходен с древневосточными топорами середины III тыс. до н. э.

В двух северных камерах лежали останки двух женщин, рядом были найдены золотые, серебряные бусы, медные котлы, ведро и глиняные сосуды.

Приведенный материал не оставляет никакого сомнения в том, что перед нами захоронение крупнейшего патриархального вождя племени, хорошо знакомого с достижениями переднеазийской цивилизации. Однако продолжим прерванный разговор о первом проникновении курганной культуры на Кавказ. Зона контактов древнеямников с кавказскими племенами охватывает значительную территорию от Калмыцких степей до Кубани и Терека, почти вплотную подходя к входам в глубокие горные ущелья. Эпоха этих контактов, начавшихся еще задолго до майкопской культуры, пожалуй, впервые отражает вопрос о хронологическом соотношении контактов степей и гор, столкновении степной и горской культур, или, как иногда это именуют, вопрос о субстрате и суперстрате в этнокультурном облике Кавказа.

Для того чтобы перелистать первые страницы истории этих отношений, необходимо охарактеризовать новейшую археологическую ситуацию на Северном Кавказе.

Огромным степным плацдармом древнеямников для освоения Предкавказья являлись районы Кума-Манычского междуречья – степные просторы нынешней Калмыкии, имевшие более чем достаточные благоприятные условия для развития подвижного скотоводства, и особенно овцеводства. В последние годы исследованиями И. И. Старостина, У. Э. Эрдниева, Е. В. Цуцкина, Е. В. Шнайдштейна и других на Маныче изучено около 600 чисто ямных захоронений с четко выраженными чертами культуры

и в погребальном обряде, и в археологическом инвентаре [134]. В этих погребениях очень часто обнаруживаются остатки древнейших деревянных повозок со сплошными колесами. Исследования свидетельствуют, что колесный транспорт в степях Калмыкии в III тыс. до н. э. был освоен повсеместно. Судя по остаткам, колеса изготовлялись либо из трех скрепленных штифтами брусьев, либо из цельных сплошных дисков, спиленных из больших бревен. По мнению лесоводов, повозки, найденные в Калмыкии, сделаны из бука, который произрастает вблизи только на Кавказе [135]. По мнению ряда ученых, с этого плацдарма ямники продвигались на территорию Среднего и Нижнего Прикубанья [136]. По подсчетам В. А. Сафронова, только в Среднем и Нижнем Прикубанье в курганах Новосвободненского этапа майкопской культуры более чем в 40 случаях обнаружены остатки повозок с древнейшими сплошными колесами. Вкупе с находками в Калмыкии, Дагестане, Грузии это число во много раз превосходит весь «мировой запас» подобных находок [137]. Любопытно в этой связи напомнить, что, по словам Гордона Чайлда, древнейшие повозки со сплошными колесами появились за 3 тыс. лет до н. э. в Месопотамии, за 2500 лет до н. э. в Индии, на Крите менее чем за 2 тыс. лет до н. э., когда колеса стали делать со спицами и использовались для боевых колесниц. В Египте они появились не раньше 1600 г. до н. э., а в Греции позже, чем в Египте; в Китае и Швеции – около 1400 г. до н. э.[138]

Из отмеченного плацдарма древнеямники активно продвигались и овладевали предгорьями Кавказа как в Прикубанье, так и в Центральном и Северо-Восточном Предкавказье. Этот тезис достаточно четко документируется погребениями из Нальчикского могильника, захоронениями под курганами у станицы Мекенской в Чечено-Ингушетии, захоронениями в кургане у сел. Верхний Акбаш в Кабардино-Балкарии. Возьмем, к примеру, Верхнеакбашское захоронение. В Верхнеакбашском кургане обнаружены 11 погребений. Основное погребение (№ 11), в честь которого был возведен курган, находилось в прямоугольной яме с округлыми углами. Погребенный лежал на спине с подогнутыми в коленях ногами и был ориентирован головой на восток (типичный ямник. – *И. М.*). Кости усопшего были окрашены красной охрой, под останками прослежен тлен от органической подстилки, возможно войлока. Вместе с погребенным в могиле были найдены медные полусферические бляшки, кремневый нож, полированный клиновидный каменный топор.

Е. И. Крупнов отнес это погребение к энеолиту, а А. А. Формозов включил его в раннюю группу майкопских памятников.

Р. М. Мунчаев пишет по этому поводу следующее: «Нам, однако, думается, что, несмотря на безусловно ранний возраст погребения, относить его без всяких оговорок к майкопским памятникам нельзя. Оно по ряду особенностей (как в обряде, так и в инвентаре) выпадает из обшей группы всех известных майкопских захоронений»[139].

Чрезмерная осторожность и оговорки, вероятно, не могут заслонить того факта, что единственным связующим с майкопской культурой звеном

здесь является только курганная насыпь, привнесенная в саму майкопскую культуру древнеямниками. Вероятно, прав Р. Ж. Бетрозов, который более определенно вынес этот курган за пределы майкопской культуры и связал его с первым проникновением курганов на Северный Кавказ, в XXVII–XXVI вв. до н. э.[140]

Характерный для древнеямников погребальный обряд многократно обнаруживался археологами в памятниках Прикубанья. Так, например, по данным А. Л. Нечитайло и Р. М. Мунчаева, явные черты ямников в Прикубанье следующие:

- просторные грунтовые ямы с закругленными углами, перекрытые накатом из бревен или дубовых плах; дно могилы устлано камышом или органической подстилкой;
- ямы ориентированы либо строго по линии В–З, либо с небольшими отклонениями на СВ и ЮЗ;
- костяки покрыты красной охрой, лежат либо скорченно на боку, либо на спине с подогнутыми в коленях ногами [141].

Вместе с этими элементами погребального обряда – наиболее стойкого этнического признака – в курганах Прикубанья найдены типичные древнеямные предметы из бронзы, кости, керамики. Характерные ножи ямного типа обнаруживались еще в 1899, 1904 гг. в курганах у станиц Келермесской, Новолабинской, у хут. Зубовского, в которых не было даже признака ритуала, характерного для племен майкопской культуры [142]. Здесь же следует отметить яйцевидные круглодонные сосуды из грубого теста с примесью песка и шамота, с оттисками шнура из кургана 13 у станицы Усть-Джегутинской; костяную булавку с расширяющимся грибовидным навершием из того же кургана, которая также не имеет аналогий в памятниках майкопской культуры.

Не менее явно прослеживается археологический комплекс древнеямной культуры в Центральном Предкавказье. Верхнеакбашское захоронение здесь далеко не единственное. Раскопки последних лет в бассейне рек Баксана и Чегема значительно дополнили наши знания о древнеямниках Центрального Предкавказья. Раскопки 1972–1976 гг. выявили здесь по крайней мере 8 комплексов, неоспоримо связанных с древнеямниками.

Курган 1 (у сел. Чегем I). Основное погребение находилось в грунтовой яме (2,45 х 2 х 1 м), дно которой было устлано чистой желтой глиной. Останки скелета лежали на подстилке бурого цвета, напоминавшей тлен от коры дерева или войлока. Кости погребенного и сопровождавший его инвентарь были обильно окрашены красной охрой. Погребенный лежал в скорченном состоянии, головой обращен на запад, на правом боку. Могильная яма была перекрыта деревянными плахами.

В ногах погребенного находились три больших красноглиняных кувшина с шаровидными туловами и небольшими плоскими днищами. В изголовье стояли один небольшой кувшин и одна небольшая миска из такой же, как и вышеназванный кувшин, глины. Рядом лежали несколько костей конечностей мелкого жертвенного животного. На уровне правой плечевой

кости найден отлично отшлифованный клювовидный каменный молоток-топор из черного камня. Рядом с ним лежала кремневая стрела треугольной формы с асимметрическим основанием и двусторонней пильчатой ретушью. У ног погребенного лежали: бронзовое плоское тесло, два бронзовых удлиненно-листовидных ножа, точильный камень, бронзовое четырехгранное шило, золотое височное кольцо с несомкнутыми концами.

Курган 5 (третья курганная группа у сел. Кишпек). Основное погребение (№ 2) располагалось в грунтовой яме 3 х 2,4 м, перекрытой накатом из бревен. Дно могилы было устлано слоем чистой желтой глины толщиной в 6–7 см. Стены ямы облицованы деревянными плахами. Костяк лежал в скорченном состоянии, на правом боку, головой на юг. Скелет и прилегавшие участки могилы обильно окрашены красной охрой. У ног погребенного лежали кости жертвенного животного (овцы?). В могиле найдены восемь пронизок из золотой фольги, золотое височное кольцо с несомкнутыми концами, золотая игла, бронзовый наконечник копья, массивный бронзовый кинжал и глиняный сосуд с шаровидным туловом и маленьким дном [143].

Курган 6 (той же группы). *Погребение 5*. Основное погребение находилось в грунтовой яме (3,8 х 2,9 х 1 м), ориентированной по линии В–З. Стены ямы облицованы деревом, пол обмазан толстым слоем желтой глины и затем обложен деревянными плахами. Сверху яма была перекрыта накатом из бревен. Останки погребенного покоились на правом боку в скорченном состоянии, головой на юг. Скелет обильно обсыпан красной охрой. В изголовье погребенного найдено бронзовое шило, бронзовый черешковый кинжал, золотая подвеска в виде кольца с несомкнутыми концами[144]. Кроме этих предметов, в могиле найдены красноглиняный с шаровидным туловом сосуд с резко отогнутым венчиком и небольшим дном, несколько обломков сероглиняного кувшина с заглаженной поверхностью.

Большой Кишпекский курган. Он насыпался в три приема и в разные периоды. Первоначально, где-то в последние века III тыс. до н. э., был возведен небольшой курган высотой 4 и диаметром 13 м над погребениями 6 и 7. Затем, после совершения захоронений 4, 5, 8, 10, курган был досыпан. И уже на позднем этапе майкопской культуры на вершине вторично образованного кургана было совершено позднемайкопское захоронение [145].

Для нашей темы очень важны погребения 4–10, которые уверенно можно связать с ямной культурой последних веков III тыс. до н. э., соответствующие новосвободненскому этапу майкопской культуры. Особенно четкие древнеямные черты погребального обряда и сопровождающего инвентаря обнаруживаются в *погребении 8*. Оно было совершено в грунтовой яме, заваленной суглинком и камнями. По краям ямы прослежены остатки облицовки стен из деревянных плах. Яма имела подпрямоугольную форму, скелет здесь покоился на плотном слое красной охры, в скорченном состоянии, на правом боку, головой на восток. Костяк первоначально покоился на спине с согнутыми в коленях ногами, затем под тяжестью грунта несколько завалился вправо [146]. В могиле найдены листо-

видный нож-кинжал, большой костяной наконечник стрелы и фрагменты глиняных сосудов.

Погребение 23 (из кургана у сел. Кызбурун III). Этот курган также насыпался в несколько приемов. Интересующее нас погребение располагалось в центре кургана. Умерший покоился в грунтовой яме, на чистой желтой глине, на спине с подогнутыми в коленях ногами, которые под тяжестью грунта впоследствии опрокинулись вправо [147]. Кости были обильно окрашены красной охрой, головой он ориентирован на восток, как и типичные ямники. В левой руке погребенного лежала сравнительно массивная кремневая ножевидная пластинка размерами 10,8 х 2,4 см.

Курган 11. *Погребение 1* (у сел. Лечинкай). Это погребение находилось в прямоугольной яме, ориентированной по линии СВВ–ЮЗЗ. Скелет покоился на спине со слабо подогнутыми ногами, головой был обращен на В–СВ. Слева от усопшего, на уровне поясницы, лежали компактной массой 17 астрагалов овцы и одна сердоликовая бусина [148]. Исследователь погребения В. М. Батчаев справедливо полагает, что это погребение «резко выделяется просторной, приближающейся в плане к квадрату могильной ямой с довольно ровными и четко выраженными стенками, положением костяка на спине, с подогнутыми ногами при ориентировке его на В–СВ, крайней бедностью инвентаря. Все эти отличительные особенности в своей совокупности более всего присущи погребальным памятникам степной, «древнеямной» культуры»[149].

Курган в местности Шилтрак. Выделяется основным погребением небольшого кургана, расположенного в высокогорной зоне Кавказа у сел. Былым в Кабардино-Балкарии. Захоронение совершено в прямоугольной яме, стены которой постепенно сужались книзу и на глубине 1,8 м образовывали заплечики-уступы. Скелет женщины лежал на спине с подогнутыми ногами, головой на СВВ. Под костяком прослежены остатки подстилки, вещей не было [150]. В этом же кургане было обнаружено впускное захоронение: погребенный лежал на правом боку, в скорченном положении. В могиле найдены два сосуда (кувшин и чаша) из грубой глины, умеренного обжига, со следами оттиска шнура. Рядом с сосудами лежали кости жертвенной овцы. Эти два погребения, которые исследователь связывает с пришельцами-степняками, являются самыми высокогорными и явно выраженными памятниками древнеямной культуры [151].

Таким образом, новейшие исследования выделяют восемь древнеямных комплексов, сочетающих и погребальный обряд, и характерный археологический инвентарь. Вместе с 12 захоронениями Нальчикского могильника они отражают довольно ощутимое внедрение древнеямников в Центральное Предкавказье, вплоть до высокогорья Баксанского ущелья.

Кроме того, в результате раскопок 1972–1976 гг. в Кабардино-Балкарии в разных курганах и различных погребениях III тыс. до н. э. выявлено достаточное количество отдельных проявлений древнеямной культуры, иногда в виде некоторых элементов погребального обряда, иногда в виде

специфических предметов степного происхождения. Чтобы раскрыть этот тезис, достаточно отметить такие предметы:

- каменные полированные «клювовидные» топоры-молоты (курган 5, погребение 2 у сел. Чегем I; курган 27 у сел. Чегем II);
- молоткообразные предметы из рогов оленя (курган 27 у сел. Чегем II);
- круглые в сечении костяные шилья с уступом для черенка (курган 31 у сел. Чегем I);
- большая ножевидная кремневая пластина (курган 31 у сел. Чегем II);
- бронзовый черенковый наконечник стрелы ромбической формы (курган 5, погребение 2 у сел. Кишпек);
- наличие костей мелкого рогатого скота, скопление астрагалов и пр.

Исследователи отмечают, что все эти предметы не находят аналогий в майкопских памятниках и связаны с ямной культурой Нижневолжского района и Приманычья [152].

Специалисты по бронзовому веку считают установленным, «что отличительной особенностью ранней группы Майкопских курганов является отсутствие камней в их насыпи и сооружение в материковом слое больших прямоугольных ям, ориентированных по линии северо-восток-юго-запад или восток – запад, а также частая засыпка их красной охрой»[153]. К этому следует добавить, что к таким же отличительным особенностям относятся и деревянные накаты, перекрывающие могилы, облицовка их стен деревянными плахами, наличие подстилки из камыша или органических тканей (рогожи, войлока – ?), Подобные элементы были выявлены в погребениях кургана 1 у сел. Кишпек (2-я курганная группа), в погребении 6 кургана 2 той же группы [154].

Древнеямные памятники Северного Кавказа отнюдь не ограничиваются захоронениями в Кабардино-Балкарии. Они были известны в Северо-Восточном Предкавказье еще с конца 50-х гг. в курганах у сел. Бамут, Новый Аршти, станицы Мекенской, которые, по словам Р. М. Мунчаева, совершенно нехарактерны для неолитических местных погребений региона [155] и находят прямые аналоги с ямными погребениями Нальчикского могильника [156].

Курганы у станицы Мекенской Наурского района Чечено-Ингушетии были исследованы в 1956 и 1959 гг. Е. И. Крупновым и Н. Я. Мерпертом. Здесь были раскопаны 48 погребений в курганах, из которых основными захоронениями [157] были: погребение 5 кургана 1; погребение 4 кургана 2; погребение 16 кургана 4; погребение 9 кургана 6. Захоронения совершались в подкурганных грунтовых ямах, облицованных деревянными бревнами и плахами. Останки погребенных покоились либо в скорченном состоянии, либо на спине с подогнутыми в коленях ногами. Исследователи писали, «что особенностью мекенской группы является восточная ориентировка погребенных в отличие от южной ориентировки основной группы майкопских курганов»[158].

Керамический материал из мекенских захоронений говорит о сочетании здесь образцов северного и южного происхождений. Так, например,

маленькие тонкостенные сосуды с чернолощеной поверхностью (курган 4, погребение 16) хотя и близки к керамике из майкопской культуры по своим формам, но прямых аналогий в ней не обнаруживают. Зато они почти тождественны сосудам первой половины III тыс. до н. э. из Закавказья [159]. А грубый круглодонный сосуд из погребения 11 кургана 6 «резко отличается от кавказской керамики эпохи энеолита и ранней бронзы. Этот сосуд с короткой цилиндрической шейкой, несомненно, связан с древнеямной керамикой. Прямые аналогии ему можно видеть среди различных групп памятников древнеямной культуры как в курганах (на Волге, Северском Донце, Молочной, Днепре), так и в культурных слоях (второй слой Михайловского поселения на Днепре)»[160], относящихся к первой половине III тыс. до н. э. Исследователи отмечали также, что подобные сосуды на реках Молочной, Нижняя Волга и в других местах известны в одних комплексах с характерными костяными пронизками, аналогичными находкам из погребения 16 кургана 4 у станицы Мекенской. Такие пронизки ямного типа, не характерные майкопской культуре, были найдены в нижних древнейших слоях поселения Мешоко[161].

Стратиграфические данные кургана 6 мекенской группы доказывают синхронность определенного этапа ямной и майкопской культур. В данном случае эти данные важны как еще одно доказательство древности основных погребений мекенской группы курганов. «Отметим, – пишут Е. И. Крупнов и Н. Я. Мерперт, – что если на юге памятники ямной культуры одновременны майкопской культуре и относятся к середине III тыс. до н. э., то на западе они на том же этапе своего развития сосуществуют с памятниками развитой трипольской культуры, что подтверждает ту же дату». К этому справедливому суждению следует добавить, что стратиграфические наблюдения в курганах Кабардино-Балкарии говорят о том, что древнеямные захоронения подстилают майкопские, а значит, и значительно древнее их (Верхнеакбашский, Большой Кишпекский и другие курганы).

Таким образом, по нашим подсчетам, на Северном Кавказе, на территории между станицами Мекенской и Усть-Джегутинской, к древнеямной культуре относятся 33 непотревоженных комплекса. Любопытно сравнить, что этих памятников в 2,5 раза больше, чем известных погребений 1-го этапа среднеднепровской культуры, почти столько же, сколько погребений 2-го этапа той же культуры, в 1,5 раза больше, чем памятников раннего этапа кобанской культуры Центрального Кавказа, в 11 раз больше, чем известных катакомбных захоронений эпохи бронзы в предгорно-плоскостной зоне Кабардино-Балкарии [162]. Следовательно, говорить о значительном внедрении древнеямников в кавказскую среду еще в домайкопское время более чем резонно.

Завершая экскурс о ямно-майкопском симбиозе и кавказско-степном синкретизме культуры периода ранней бронзы, необходимо напомнить, что майкопская культура не имеет местно-кавказских истоков ни в погребальном обряде, прямо восходящем к ямной культуре, опережающей майкопскую, по крайней мере на 500–600 лет [163], ни в археологическом ин-

вентаре, т. е. материальной культуре, в подавляющем большинстве преимущественно связанной с цивилизациями Южного Кавказа, а через них с Передней Азией, особенно с месопотамскими городами. Любопытно и то, что материальная культура «майкопцев» не находит генетического продолжения в последующей северокавказской культуре развитой бронзы. Особенно бросается в глаза разительное отличие в технологии и орнаментации керамического материала этих культур при сохранении некоторых сходных черт во внешних формах сосудов. Зато погребальный, курганный обряд надолго сохраняется в последующих культурах Северного Кавказа.

Совершенно справедливо пишет М. В. Андреева, что до сих пор не выяснен вопрос о предшественниках «майкопцев» на Северном Кавказе, т. к. «нет оснований считать, что эта культура существовала на Северном Кавказе в течение тысячелетий»[164]. Стоит добавить, что курганному обряду и культуре нет истоков ни на Южном Кавказе, ни в Передней Азии, ни в Европейском Причерноморье, ни в Центральной Азии или на Иранском нагорье. К сожалению, этот феномен не изучен в широком историческом и этнокультурном, этногеографическом планах. Между тем, пытаясь доказать генетическую связь северокавказской культуры развитой бронзы с майкопской, некоторые авторы порой наталкиваются на почти непреодолимое препятствие, вступают в противоречие сами с собой [165].

Так, например, В. И. Марковин пишет, что такая связь упомянутых культур «заметна по отдельным формам керамики и изделиям из металла (но именно только по отдельным формам сосудов справедливо это утверждение. – *И. М.*) и погребальным традициям»[166]. Под этими традициями он видит скорченное положение костяков, посыпку их красной охрой, южную ориентировку [167]. Но когда эти же признаки другими авторами используются для увязки новосвободненских дольменов с майкопской культурой, Марковин пишет: «Но скорченное положение умерших в эпоху бронзы является почти универсальным, так же как и засыпка охрой и ориентировка на юг, т. е. к солнцу – источнику тепла»[168]. Вероятно, это же надо отнести и к прослеживаемой им «генетической» связи между майкопской и северокавказской культурами. Следующее противоречие в его построениях обнаруживается в том, что, признавая наличие майкопского материала в дольменах, он сетует: «...еще предстоит решить, в силу каких причин он попал в эти сооружения»[169]. Таким образом, наличие майкопских форм в инвентаре и погребальных традициях в одних случаях у Марковина служит свидетельством генетической связи, а в других требует «решения вопроса...». Резонно поставить вопрос о том, как попали майкопские формы предметов в северокавказскую культуру? Не в результате ли культурного общения племен? Коль скоро мы упомянули дольмены у станицы Новосвободной, то следует сказать, что культура древнейших мегалитических сооружений из огромных каменных многотонных глыб уходит своими корнями в средиземноморский мир (Крит, Мальта и др.).

Исследователь дольменов северо-западного побережья Кавказа В. И. Марковин пишет: «Во всяком случае с III тыс. до н. э., когда основные

исходные типы дольменных построек уже возникли, средиземноморские строители мегалитов пришли в движение на север – на территорию Франции, к островным странам, в Скандинавию» [170]. По его мнению, строители дольменов появились в Прикубанье в середине III тыс. до н. э. и не всегда могли получить земли мирным путем. «Очевидно, под их давлением, – пишет автор, – население майкопской культуры вынуждено было «потесниться» и, в свою очередь, передвигаться к востоку, далеко за пределы Прикубанья. Памятники майкопской культуры сейчас найдены на огромном пространстве – от Прикубанья и почти у границ Дагестана. Здесь носители майкопской культуры столкнулись с населением восточной части Кавказа – племенами куро-аракской культуры»[171].

А. А. Иессен датировал наиболее выразительные дольмены Северо-Западного Кавказа XXIII–XXI вв. до н. э., с чем позднее согласились В. И. Марковин и др.[172]

Рассмотренные нами материалы иллюстрируют продвижение майкопцев на восток именно в указанные века. Крайними восточными проявлениями дольменов могут быть Нальчикская и Кишпекская подкурганные гробницы, датируемые в тех же пределах[173]. Под давлением «дольменников» курганы продвигаются в последние века III тыс. до н. э. вплоть до Дербентского прохода. Однако трудно согласиться с тем, что майкопцы. перемещаются на восток под давлением дольменников. Во-первых, потому, что нет фактической цепи движения дольменов от Прикубанья на восток. Во-вторых, на своих древних территориях дольмены строились без курганов, а в Прикубанье не степняки подстраиваются под «дольменников», а дольмены «заходят» под курганную насыпь. В-третьих, при наличии многих майкопских курганов в Центральном и Восточном Предкавказье далекими дериватами дольменов могут считаться лишь две подкурганные гробницы: у сел. Кишпек и в г. Нальчике.

А между тем курганы последних веков III и начала II тыс. до н. э. у сел. Утамыш Дагестанской республики и у станицы Новотитаревской Краснодарского края представляют большой интерес для нашей темы, так как они имеют прямые аналогии с первыми курганами Южного Кавказа того периода.

Курган у станицы Новотитаревской. Особый интерес представляет основное погребение 12 одного из курганов (высота 8 м, диаметр 90 м). Погребение было совершено «в большой прямоугольной яме (2,3 х 1,3 х 0,8 м), перекрытой большим овальным покрывалом из кожи или войлока», – пишет исследовательница[174]. Поверх нее, плотно примыкая друг к другу, лежали не менее 30 тонких деревянных планок шириной 9–10 см. В. И. Козенкова предполагает, что планки и покрывало являлись каким-то надмогильным сооружением – перекрытием, опиравшимся на деревянные колья. По словам исследователя, дно погребальной ямы было ровным, возможно покрытым войлоком коричневого цвета. На войлоке прослеживался орнамент из ярко-красных полос и спиралей.

Погребенный лежал на левом боку, слегка завалившись на спину, ноги были согнуты и перекрещены, головой он был обращен на восток.

Все кости окрашены красной охрой. В восточной части погребальной ямы лежали четыре колеса от деревянной повозки. Колеса состояли из четырех отдельных кусков каждое и имели односторонние выпуклые ступицы. Диаметр колес достигал 72 см. Вторая повозка была найдена в погребении 8, которое находилось в погребальной яме на метр вышеупомянутой. Вокруг погребальной ямы и здесь выявлены темные отпечатки покрова. Поверх ямы поперек были положены пять деревянных досок шириной 30–35 см, плотно пригнанных одна к другой и орнаментированных резными кругами.

Интересно отметить, что во всех погребениях выявлены деревянные настилы, органическая подстилка из войлока или кожи, камыша, коры дерева. Инвентарь отличался крайней бедностью (несмотря на массивные повозки). Он состоял из костей челюстей, конечностей жертвенных животных – овец, скопления астрагалов. Мы уже отмечали, что эти детали обряда совершенно чужды раннемайкопским погребениям. Новотитаревские курганы датируются последними веками III – начала II тыс. до н. э.

Для выяснения путей продвижения «курганников» на Юг Кавказа большого внимания заслуживают курганы у сел. Утамыш Республики Дагестан.

Как пишут исследователи, «сосредоточенные в основном на узкой полосе приморской равнины и прилегающем к ней предгорье, они свидетельствуют о многократно имевших место проникновениях сюда в разные периоды древности и Средневековья более или менее значительных групп иноэтнического степного населения»[175]. Сочетание здесь курганов ранней бронзы и гуннской эпохи говорит о том, что районы Дербентского прохода издавна служили дорогой степняков на Юг Кавказа.

В одном из курганов в урочище Токачи к северо-востоку от сел. Утамыш было обнаружено погребальное сооружение, перекрытое двумя накатами крупных, толстых бревен (до 25–30 см диаметром). Под этим бревенчатым накатом в сильно деформированном срубе находилась четырехколесная повозка с помещенным на ней массивным саркофагом, изготовленным из двух половинок толстого (до 1 м) ствола, распиленного вдоль. Колеса повозки были изготовлены из трех массивных брусьев, соединенных внутренними шипами.

Как полагает исследовательница, погребенный в колоде-саркофаге покоился на спине с подогнутыми в коленях ногами [176].

На этом могильнике археологи исследовали еще два кургана: курган 1 имел высоту 1 м, диаметр – 18 м. Погребальная яма размерами 4 х 3,8 м имела подквадратное очертание с закругленными углами и была ориентирована по линии ССВ–ЮЮЗ. По описанию археологов, в этой яме находился сруб, ориентированный с З на В. Венцы срублены в «лапу» из крупных, предположительно дубовых плах, представлявших расколотые пополам бревна. Вдоль южной стены сруба находилась повозка с саркофагом, изготовленным из короткого (до 2 м) и чрезвычайно толстого (диаметром не менее 1,2 м) отрезка дубового ствола, расколотого вдоль на две равные части. В каждой из частей была выдолблена полость полуцилиндриче-

ской формы. Саркофаг-колода был положен на четырехколесную повозку. Сложные массивные колеса повозки имели крупные ступицы, выступающие с обеих сторон на 0,1–0,15 м. Каждое из колес изготовлено из трех плоских брусьев, соединенных внутренними шипами. Как и в предыдущем кургане, сруб и здесь был перекрыт двумя накатами бревен, а затем завален не менее чем 70 кубометрами камня и засыпан землей.

Среди погребального инвентаря нет керамики, что, по предположению археологов, является особенностью погребального обряда населения, оставившего эти курганы. Зато в достаточном количестве представлены украшения:

- небольшие височные кольца в полтора оборота из серебряного прута;
- бронзовые браслеты с заходящими друг за друга концами;
- бронзовые булавки с двувалютной головкой;
- бронзовые подвески, крестообразно соединенные посередине стержнем;
- бусы из горного хрусталя.

В этом инвентаре интерес представляет сочетание предметов месопотамского происхождения (серебряные серьги) и предметов степного характера (крестообразно закрепленные подвески), не имеющих аналогий на Кавказе [177]. Отсутствие керамики также говорит о степном характере погребального обряда.

Курган 3. В центре прямоугольной ямы (4,2 х 3,2 м), ориентированной по линии В–З, было обнаружено перекрытие из девяти плотно подогнанных одна к другой плах длиной 1,9–1,95 м при ширине 0,2–0,4 м. Под перекрытием находился деревянный сруб размерами: 2,8 х 2,9 х 2,1 х 2,2 м. В центре сруба обнаружен саркофаг длиной 2,25, диаметром 0,8 м, по своей конструкции аналогичный только что описанному.

В саркофаге лежал скелет в вытянутом состоянии, на спине, головой на запад. Среди погребального инвентаря особо следует отметить бронзовый клинок-нож степного типа и раздавленный керамический сосуд с яйцевидным туловом.

Авторы раскопок датируют эти курганы концом III – началом II тыс. до н. э., а погребальный обряд сближают с ранними курганами майкопской культуры [178], где особенно отчетливо видны древнеямные черты.

Таким образом, рассмотренный материал позволяет говорить о том, что носители древнеямной культуры еще во времена Нальчикского могильника, т. е. на самых ранних этапах своего становления – в конце IV – начале III тыс. до н. э.[179], стали проникать на Северный Кавказ, принесли с собой сюда курганный обряд погребения, прежде не характерный для Кавказа и примыкающих к нему областей юга, юго-востока и юго-запада. Весьма важно, что этот погребальный обряд повсюду сопровождался специфическими археологическими предметами материальной культуры – яйцевидной формы круглодонными сосудами, орнаментированными оттисками шнура, костяными проколками, булавками, иглами, листовидными клинками-ножами и пр. Сочетание погребального обряда с ком-

плексом археологического инвентаря придает гипотезе о проникновении древних ямников вескую аргументацию. В этой связи небезынтересно утверждение Р. М. Мунчаева о том, что керамика майкопской культуры не находит никаких аналогий в керамике куро-аракской культуры [180], что, в свою очередь, противоречит его же утверждению, что в майкопское время произошло какое-то этническое переселение на Северный Кавказ из Передней Азии и с Юго-Западного Кавказа [181].

Достаточно хорошо изученная майкопская культура и многочисленные «импортные» вещи переднеазийского происхождения в захоронениях этой культуры говорят лишь о тесных культурно-экономических связях «майкопцев» с Передней Азией и Южным Кавказом, при полном сохранении всего комплекса погребального обряда «ямников», совершенно чуждого Передней Азии и Южному Кавказу. Поэтому видеть за отдельными импортными предметами и этнические перемещения на Северный или Северо-Западный Кавказ не представляется резонным, так как в результате тесных культурно-экономических контактов бросающиеся в глаза предметы, особенно украшения, оружие и т. п., имеют и свои «ноги». Отдельные археологические предметы быта, украшения, оружие, не подкрепленные стойкими признаками погребального обряда, никак не могут говорить об этнических перемещениях.

Прочно овладев Северным Кавказом в центре и на окраинах, носители курганной культуры проникали и на Южный Кавказ. Вероятно, это продвижение осуществлялось через северо-западные и северо-восточные пути, так как первые курганы Южного Кавказа прямо аналогичны по своей конструкции и погребальному обряду описанным курганам Краснодарского края и Приморского Дагестана.

Курганы Южного Кавказа. Ранние курганы на Южном Кавказе известны во многих районах и относятся к различным эпохам. Но самые древние из них раскопаны в урочище Уч-тепе (Три холма), которое находится в Мильской степи в 4–6 км к югу от реки Каркар-чай. Известный советский археолог А. А. Иессен, раскопавший один из трех Уч-тепинских курганов, отнес его к концу или второй половине III тыс. до н. э.[182]

Определяя, место и этнокультурную атрибуцию этих курганов, К. Х. Кушнарева писала: «В конце III тыс. до н. э. в Закавказье «внезапно» появляются крупные курганы со сложными конструкциями внутри, предназначенные для погребения одного лица и отражающие какие-то новые веяния в социальной жизни древнего общества. Мы говорим «внезапно» появляются, сопоставляя их с известным материалом предшествующего периода. Вспомним хотя бы неолитический могильник Кюль-тепе (Золотой холм) с его почти одинаковыми могилами, лепящимися тут же, среди жилых построек. Камень или черепок под голову, а в лучшем случае низка бус, грубый горшок или примитивный обсидиановый нож, сопровождавший усопших в V–IV тыс. до н. э. »[183].

Выразительные аспекты социальной истории, глубокого имущественного неравенства в среде носителей курганной культуры проявляются в

богатейших захоронениях патриархальных вождей в самом Майкопском и других курганах Северного Кавказа [184]. Помимо богатого инвентаря об этом говорят огромные курганные насыпи и грандиозные конструкции могильных сооружений из дерева и камня. Есть все основания полагать, что именно на этой высшей точке своего социального экономического развития носители курганного обряда проникают на Южный Кавказ.

По описаниям А. А. Иессена, в Уч-тепе на месте предстоящего захоронения прежде всего была выровнена площадка, на которой затем вырыли огромную яму, ориентированную с ЮЗ на СВ. Яма по верхнему срезу имела длину 14,3 м, ширину 2,2–2,65 м, а внизу длина была 13,8 м, ширина – 1,56 м [185]. К сожалению, в этой огромной яме ничего на обнаружено, кроме скопления красной охры. Отсутствие каких-либо следов ограбления позволяет ученым думать, что это был кенотаф – почетное место подражаемого погребения [186]. Могильная яма была в два наката перекрыта 88–100 крупными бревнами длиной 7,5–8 м, диаметром 50–70 см (из арчи) и камышовым настилом [187]. На бревенчатом накате были обнаружены фрагменты керамики ручной лепки, которые, по словам А. А. Иессена и Р. М. Мунчаева, в закавказской керамике III–II тыс. до н. э. аналогий не имеют [188]. В связи с этим еще раз напомним, что майкопская керамика, по словам Р. М. Мунчаева, также не имеет никаких аналогий в керамике закавказской куро-иракской культуры ранней бронзы [189].

Поверх бревен, устланных вперемежку с камышом, «был насыпан каменный курган в объеме 700 м^3 с «широким использованием камыша»[190]. Сверху всего этого была насыпана земляная насыпь, которая неоднократно наращивалась в процессе позднейших впускных захоронений. «В 30-х годах VII века, – пишет Кушнарева, – первоначальное захоронение со всем реквизитом было вынесено через специальную штольню, а на его месте оказался похороненный хазарский воин».

Интересно отметить, что первоначальная насыпь, включая и каменную, составляет 6500 м^3, и в третий раз было насыпано столько же [191]. Таким образом, только для возведения насыпи потребовалось 40,5 тыс. м^3 земли и камня, что ярко характеризует тот социальный аспект, о котором мы говорили выше.

В историко-культурном осмыслении Уч-тепинских курганов, безусловно, прав Р. М. Мунчаев, который не внес их в круг памятников кураоракской культуры кавказских народов, так как курганная культура, впервые, отраженная в Закавказье в Уч-тепе, является для этих районов явлением новым, не имеющим местных истоков, проникшим сюда с Северного Кавказа. Вряд ли оправдана попытка К. Х. Кушнаревой и О. М. Джапаридзе связать этот курган с куро-аракской культурой, если даже найденная там керамика не находит аналогий в куро-араксе, не говоря уже о совершенно ином погребальном обряде [192].

Аналогичные Уч-тепе курганы были обследованы и на высокогорном плато Тетрицкаро у сел. Бедени в Грузии. В огромную грунтовую яму объемом 343 м^3 был; впущен деревянный сруб с деревянным полом и потол-

ком. Погребенный здесь лежал на разукрашенных золотом носилках, покоящихся на четырехколесной повозке. Г. Ф. Гобеджишвили, открывший и изучивший эти курганы, пишет, что погребальные ямы в них были облицованы и перекрыты бревнами. На полу таких срубов, устроенных в грунтовой яме, лежали циновки, а на них, как правило, расстилался войлок. В курганах 5, 8, 10 погребенные покоились на деревянных ложах или носилках, устроенных на повозках. Повозки были обнаружены в курганах 2, 5, 8, 10. В этих же курганах, как правило, обнаруживались войлок и обрывки циновки. Исследователь отнес эти памятники ко второй половине III – началу II тыс. до н. э., отмечая при этом, что в погребальном обряде, орнаментальных узорах, в отдельных вещах явно видна связь с майкопской культурой. Он предполагает проникновение курганной культуры с севера [193].

В беденских курганах обнаружены фрагменты деревянной мебели, деревянной посуды – плоские блюда, подносы и пр. Носилки и повозки были украшены (увешаны) войлочными коврами, шкурами животных. Рядом с одним пышным погребением мужчины лежали останки убитых женщин, у одной из них рядом лежало веретено [194]. К. Х. Кушнарева и Г. Ф. Гобеджишвили отмечают, что «обряд погребения у этого племени был совершенно иным, чем у племен Мильской степи». Добавим, что он был совершенно иным, чем у племен куро-аракской культуры, хотя бы по наличию не только курганной насыпи, но и деревянных срубов, деревянной посуды, войлока и пр.

Однако отныне, со времен Уч-тепе и Бедени, курганный обряд надолго сохраняется в Закавказье и получает блестящее продолжение в знаменитых курганах II тыс. до н. э. на плато Триалети, Зуртакети, Лчашени и т. д. Только в этих курганах постепенно вместо огромных просторных грунтовых ям со срубами третьего тысячелетия появляются каменные залы с коридорами, а позднее – относительно небольшие каменные ящики и прочее, т. е. происходит перерождение погребального обряда, от первоначальных основ которого остается всего лишь сама насыпь кургана, но уже с совершенно иным этнокультурным содержанием. Одним из проявлений этого процесса является, например, обнаружение в одном из курганов Карабаха II тыс. до н. э. останков двух верблюдов, свидетельствующих о степном характере погребенных [195].

Завершая обзор древнейших признаков культуры Закавказья, К. Х. Кушнарева и Т. Н. Чубинишвили пишут, что период энеолита Южного Кавказа (V–IV тыс. до н. э.) характеризуется следующими признаками:

1. Небольшие незащищенные поселения со следами длительного обитания.

2. Маленькие круглые, купольные дома из глинобита или сырцового кирпича с очагами и печами, лепившимися к стенкам.

3. Устройство могильников с одиночными, парными в коллективными (до 4 чел.) захоронениями на самих поселениях.

4. Земледельческо-скотоводческое хозяйство с преобладанием крупного рогатого скота [196].

А в период ранней бронзы, т. е. во время куро-аракской культуры, происходят следующие изменения:

1. Значительное увеличение плотности населения, интенсивное расселение племен в предгорья и даже в горы:

2. Устройство поселений на высоких берегах рек, естественных холмах, склонах гор, иногда и в пещерах, т. е. наблюдается тенденция использования естественно-защищенных мест.

3. Устройство могильников на территории поселений, около поселений.

4. Усложнение конструкций могильных сооружений, сосуществуют каменные ящики и грунтовые ямы, «а к концу периода (что особенно важно для нашей темы. – *И. М.*) появляются большие погребальные камеры со срубами внутри, перекрытые грандиозными курганами»[197].

5. Постепенное формирование полукочевого яйлажного скотоводства, дающего значительный прибавочный продукт и ведущего сначала к материальной, а затем и социальной дифференциации общества[198].

В связи с утверждением ученых о «внезапности» появления курганных памятников на финальной стадии куро-аракской культуры, есть необходимость привести новейшие данные о стратиграфически выдержанных хронологических рамках развития данной культуры:

Ранний период: 2700–2600 гг. до н. э.

Второй период: 2600–2300 гг. до н. э.

Третий период: синхронно Уч-тепе, т. е. между 2500–2000 гг. до н. э.[199]

Таким образом, устанавливается, что самые ранние курганы впервые появляются в среде куро-араксинцев синхронно майкопской культуре, которая также ложится в рамки между 2500–2000 гг. до н. э. Но поскольку каменные курганчики непосредственно над погребальной ямой характерны только для позднего этапа майкопской культуры, которую иногда называют новосвободненским этапом [200], то Уч-тепе с его 700-кубометровым каменным набросом над перекрытием могильной ямы явно синхронно позднему этапу майкопской культуры, т. е. XXIII–XXI вв. до н. э. А ведь именно в этот период начинается сильная экспансия майкопской культуры на восток, вплоть до Дагестана, районов Нальчика под давлением носителей дольменной культуры на Западном Кавказе. Именно на этом этапе курганы переваливают через Дербент и Краснодарский край в районы Закавказья, и эти курганы имеют между собой прямые аналогии в инвентаре и погребальном обряде.

В связи с этими уточнениями внимание исследователей не может не привлечь следующее обстоятельство, давно замеченное археологами и историками. Дело в том, что где-то в XXIII в. до н. э. целый ряд ведущих куро-аракских поселений (Амиранис-гора, Хазанаат-гора, Бешташени, Квацхалеби, Караз, Ахалцихское, Коруку-тепе) постигает грандиозная катастрофа, жизнь на них внезапно прекращается. Но, видимо, ненадолго, так как между вновь возникшим культурным напластованием и прежним отсутствует стерильная (безжизненная) прослойка. Исследователи уста-

навливают, что катастрофа настигает эти поселения в конце XXIII – начале XXII в. до н. э., а жизнь вновь возникает в начале – середине XXII в. до н. э.[201] Любопытно, что в этих верхних, вновь возникших слоях бросается в глаза резкое возрастание костей мелкого рогатого скота (овец) и лошадей. В Азано-Беденских курганах появляются мощные деревянные конструкции и повозки, «что совершенно нехарактерно для памятников куро-аракской культуры и не вяжется с оседло-земледельческим характером хозяйственного уклада». В поздних слоях куро-аракских поселений Грузии исчезают роговидные очажные подставки – атрибут культа быка, глиняные фигурки быков заменяются фигурками овец и собак, происходит значительное скопление различных антропологических типов [202] – значит, налицо расселение нового этнического элемента.

Исследователи отмечают, что богатый инвентарь в курганах, повозки и кости лошадей, обилие украшений и оружия и прочее скорее всего свидетельствуют о новом этнокультурном клине кочевых племен в среду древнейших оседлых земледельцев. Местом формирования этого пришлого этноса ученые, по-видимому, считают юго-западную часть Армянского нагорья, населенного, согласно письменным источникам, кочевыми племенами хурритского происхождения [203]. С этим отлично обоснованным тезисом легко можно согласиться, только хотелось бы обратить внимание на тот факт; что курганный обряд, войлок, срубы, кости лошади и т. п. не имеют истоков в древнейших земледельческих культурах на юге и юго-западе от Кавказа, в т. ч. в культуре куро-аракских племен. Все это позволяет предположить участие в упомянутой катастрофе куро-аракских поселений и племен, носителей курганной культуры, нахлынувших в Закавказье с Северного Кавказа именно в тот период.

Итак, в поисках историко-культурного объяснения того факта, что в древнейшем для Северного Кавказа Нальчикском могильнике 10 процентов погребенных были носителями древнеямной культуры, мы совершили путешествие на прародину этой культуры. Выяснили, что ее основные черты – курганная насыпь, деревянный накат над просторной погребальной ямой, стены которой укреплялись бревнами, плахами, а дно устилалось войлоком, камышом, корой дерева, подстилкой из органических элементов; специфический инвентарь – яйцевидные, круглодонные сосуды с бессистемными насечками, костяные поделки, характерные ножи и т. п. Родиной этой культуры являлись просторы междуречья Волги и Урала. Отсюда она распространялась через Среднюю Азию к Алтаю посредством афанасьевской культуры, на юг к Приаралью, где обитали племена кельтеминарской неолитической культуры, больше тяготевшие к северным Приурало-Прикаспийским степям, нежели к земледельческой культуре Анау на Юге Туркмении. Столкновение и синкретизм степной кочевнической и южной оседло-земледельческой культур нашли здесь отражение на Заман-бабинском могильнике, отражающем и антропологическую разницу в составе населения, оставившего этот могильник.

В своем движении на север и северо-запад курганная культура достигла Среднего Поволжья и на рубеже III–II тыс. до н. э. отразилась на культуре балановских племен атли-касинского этапа.

На западе курганная культура и ее этнокультурный «паспорт» – курганная насыпь – пришли в столкновение в низовьях Дона с восточной периферией позднетрипольской среднестоговской культуры. Во второй половине III – начале II тыс. до н. э. курганная культура стала одним из составных компонентов среднеднепровской культуры Восточной Европы.

В своем движении на юг и юго-запад «древнеямники», или носители курганного обряда, огромной массой захлестнули Приманычские степи, а оттуда началось интенсивное освоение ими предгорий Кавказа. Знакомство с богатейшей металлургической базой Кавказа и прилегающими цивилизациями Закавказья, а через них и с культурно-экономическими достижениями Передней Азии, способствовали быстрому обогащению нарождающейся патриархальной аристократии, вышедшей на историческую арену в результате выделения пастушеских племен и сосредоточения в руках патриархальных вождей огромных богатств, состоящих прежде всего из несметных стад, которые требовали таких же огромных пастбищных угодий. Патриархальная знать и племенные вожди еще более обогащались за счет переднеазийского импорта драгоценностей, оружия, украшений. Этот процесс наглядно отражен в богатейших курганах Прикубанья и других районов Северного Кавказа.

На позднем этапе майкопской культуры, в самых последних веках III тыс. до н. э., носители курганной культуры стали интенсивно продвигаться к востоку вплоть до Дербентского прохода. Именно в этот период, как отмечалось, курганы, совершенно чуждые Южному Кавказу, впервые появляются в Закавказье. Здесь они приходят в столкновение с племенами куро-аракской культуры оседлых земледельцев. Вместе с курганами сюда проникают ранее неизвестные археологические детали и инвентарь:

- погребальные срубы;
- войлочные, камышовые подстилки;
- деревянная утварь;
- специфическая керамика и т. д.

Все эти факты, составляющие выразительный археологический комплекс этнокультурного облика, свидетельствуют об ощутимом этническом внедрении степняков на территорию Южного Кавказа. В свете этих данных вряд ли правы авторы, усматривающие этнические перемещения в эти периоды, особенно в майкопское время, именно с Юга на Север Кавказа. Для них вряд ли окажутся надежной опорой только лишь предметы искусства, украшения и оружие, совершенно не подкрепленные ни погребальным обрядом, ни керамикой, не находящие истоков на Юге Кавказа. Вряд ли можно в погребальном обряде считать веским аргументом скорченное положение умерших и подсыпку из красной охры, которые являются конвергентными элементами чуть ли не по всему Старому Свету, символизирующие внутриутробное положение человека перед рождением, которое

он должен был, по представлению древних, приобрести и после смерти в утробе земли, а также очистительную силу огня в образе красной охры. Искать за этими фактами этнические перемещения – значит впадать в безграничные ошибки.

На определенном этапе развития племена куро-аракской культуры, возможно, подверглись двойному удару: с юго-запада Армянского нагорья и с Севера Кавказа. Иначе трудно объяснить появление курганной культуры в Закавказье и южнее.

Проникновение через Закавказье в Восточную Анатолию незадолго до III тыс. до н. э. «культуры чужеродного облика, неместного характера», отличающейся наличием курганной насыпи, погребальной камеры, перекрытой деревом, восточной ориентировки усопших, наличием костей лошади и прочего, отмечали М. М. Уинн, Ш. Бекенаи в районах Корук-тепе, Норсун-тепе, Тепесик и др. По их мнению, эта культура, не имеющая местных истоков, не фиксируемая в прежних анатолийских памятниках, свидетельствует об инфильтрации нового населения в эти районы в конце энеолитического периода [204].

Продвижение «курганников» в Восточную Анатолию, вероятно, не могло не вызвать соответствующих этнокультурных изменений в данном регионе. Такое предположение оправдано не только упомянутыми новациями в самой Анатолии, но и раскопками Леонарда Вулли в долине Амук на Северо-Западе Сирии у подножий гор Аманус и сопредельной турецкой провинции Хатай. По его наблюдениям, черная, груболепная и неорнаментированная керамика в этот период появляется на поселениях Северо-Запада Сирии, а на Юге Сирии и в Палестине такой керамики нет. Этот факт приводит Вулли к выводу о том, что «самые ранние поселенцы пришли на равнину Амук и к подножию Амануса с севера, возможно, с нагорий Анатолии; они явно отличаются по происхождению и культурным традициям от своих южных соседей. Вся история этого района свидетельствует: развитие Алалаха (древнейшего города в долине Амук. – *И. М.*) шло под влиянием севера»[205]. В этих племенах, нахлынувших с севера в долину Амук в конце IV тыс. до н. э., Вулли видит представителей племен хербет-керакской керамики (а по его мнению, это были хетты. – *И. М.*), продвинувшихся в Анатолию с Южного Кавказа, а оттуда массой переселившихся в долину Амук [206]. Причину того, почему эти племена хлынули в долину Амук – на чужбину – массой, с гончарами, детьми, женами, т. е. большой миграционной волной, а не отдельной военной ордой, Вулли конкретно объяснить не может, но предполагает голод, засуху, вторжение более сильных племен. Нам представляется вполне возможным поставить в тесную связь указанные события с внезапным вторжением племен древнеямной, курганной культуры на Южный Кавказ, а оттуда в Восточную Анатолию, что послужило движению племен далее на юг – в Сирию, в долину Амук. Та же картина происходит и в Месопотамии. Там период Урук (3400–3100 гг. до н. э.) был временем бурного развития и процветания, а следующий период Джемдет-наср (3100–2900 гг. до н. э.) становится более

скучным в области искусства, лишен творческого порыва, и как характеризует его Вулли: «Население в этот период, безусловно, составляли пришельцы, теми или иными способами подчинившие страну и по крайней мере поначалу не усвоившие более высокую культуру коренных жителей... Со временем они достигли определенного развития и, возможно, подготовили почву для замечательных достижений шумеров раннединастического периода»[207] (т. е. 2900–2350 гг. до н. э.).

В завершение этого экскурса есть необходимость сказать два слова о древнейших повозках. Отдавая приоритет в их изобретении «праиндийским племенам»[208], Н. А. Николаева и А. В. Сафронов не учли, как мне кажется, некоторые детали:

- до сих пор в Индии обнаружено ничтожно малое число повозок и их изображений;
- даже в колесничной терминологии «Ригведы» нет понятия «переднеазийские повозки» с высокими передними бортами кузова, которые изображены на пиктограмме из Урука, на рельефах Ура, моделях из Тельхуэйра, Ульского кургана и курганов Калмыкии [209];
- не учтены модели из культуры Анау, балановской культуры, повозки из Приморского Дагестана, Грузии, Армении [210];
- недостаточное внимание обращено на такой факт – повозки Восточной Европы и Кавказа обнаружены исключительно в подкурганных захоронениях, которых в Индии не было ни до, ни после индоарийского вторжения, как не было их и в других районах Старого Света до распространения древнеямной культуры и курганов.

Не потому ли модели и изображения повозок обнаруживаются именно там, где археологи не знают самих повозок, и наоборот: там, где имеются массовые находки повозок, там нет изображений их моделей и прорисовок. Такими воображаемыми, фантастическими были, например, изображения повозок на каппадокийской цилиндрической печатке с впряженными в нее крылатыми львами или на пиктограмме из Урука, где изображены не то сани, не то лодки с юртообразными кабинами над кузовами. Если же исходить из изображений или описаний отдельных предметов в изобразительном искусстве и литературе цивилизованных стран, то нетрудно объявить первооткрывателями или создателями повозок хунну или скифов не самих создателей, а китайцев и греков, с восторгом писавших об этих повозках, или домах на колесах, и изображавших их.

Движение памятников ямной культуры с запада Европы на восток без целенаправленного насилия над фактами проследить невозможно, потому что курганов, в которых встречены исключительно все известные восточно-европейские повозки, нет ни в Юго-Западном Причерноморье, ни в Прикарпатье, ни на Балканах. Ямные памятники движутся в Западную Европу вместе с курганами из междуречья Волги и Урала. Обнаруженные западнее Буга отдельные предметы ямного происхождения не могут играть существенной роли. В процессе межплеменных контактов в степных просторах эпохи развитого подвижного хозяйства такие предметы

имеют, как отмечалось, и свои «ноги», легко переходят из рук в руки на далекие расстояния от места своего изобретения. Достаточно вспомнить древний кавказский металл или средневековые китайские шелка, обнаруживаемые далеко за пределами Кавказа и Китая. Разве подобные явления могут говорить об этнических перемещениях? Для этого обязательно подкрепление отдельных находок стойким этническим определителем – погребальным обрядом. Недаром, говоря об инфильтрации древнеямников в глубину инокультурных территорий, Н. Я. Мерперт пишет: «Тут уж можно говорить о конкретных данных. И к числу их следует прибавить один из основных объединяющих признаков древнеямников – курганный обряд»[211].

РАССЕЛЕНИЕ НАСЛЕДНИКОВ ДРЕВНЕЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ

Раскинувшаяся на огромных просторах древнеямная археологическая культура с характерными для нее курганными насыпями, изначально являвшимися явным этнокультурным «паспортом» степных кочевых племен-овцеводов Волго-Уральского междуречья, красноречиво иллюстрирует, сколь далеко в глубь веков уходят всесторонние культурно-хозяйственные, социально-политические контакты предков многих евразийских народов.

Постоянно соприкасаясь, непременно входя в самые разнообразные и тесные взаимоотношения со многими соседями, племена курганной (древнеямной) культуры на разных этапах своего развития и в разных областях смешивались с другими племенами и культурами. Повсюду происходил неизбежный, объективный исторический процесс – симбиоз и интеграция культурных и экономических навыков различных этнических групп. В результате образовывались новые этнокультурные общности с различной долей участия и доминантой той или иной культуры в этно- и генофонде, формирующем новую этнообразовательную основу. В этих культурах иногда от первоначальных «курганников» уже ничего почти не оставалось, кроме самого кургана, но уже с совершенно новым этнокультурным содержанием.

Так происходило и на далеком Алтае и в Прибайкалье, Минусинской котловине, степях Средней Азии и Казахстана, в Приволжских и Приаральских областях, Северном Причерноморье, на Северном и Южном Кавказе и даже в Восточной Анатолии. Однако, наряду с исторически неизбежными синкретическими этнокультурными процессами, в ареале распространения древнеямной культуры прослеживаются и хорошо изучены такие археологические культуры, которые являлись почти прямыми ее

наследниками, естественно вобравшие в себя прогрессивные культурно-экономические новшества последующих эпох. Знакомство именно с этими культурами и их ближайшими соседями является темой настоящего раздела нашей работы.

§ 1. Наследники древнеямной культуры

В середине II тыс. до н. э. на территории от Урала до Поднепровья, от Азово-Каспийского междуморья до устьев Камы сформировалась новая археологическая культура, названная *срубной*. Установлено, что она генетически исходит из древнеямной культуры Нижнего Поволжья. Древнейшие ее памятники возникают именно там в XVI–XV вв. до н. э.

Недавно Н. К. Качалова выделила в Заволжье первый стратиграфический горизонт срубных погребений – бережновский [212]. Для этих погребений характерны большие прямоугольные или подквадратные ямы, обычно перекрытые мощным бревенчатым накатом. Скелет в них лежит на боку, головой на восток, в скорченном состоянии. «Инфильтрация поначалу небольших групп срубников «бережновского этапа» в конечном итоге сменилась, – пишет О. А. Кривцова-Гракова, – мощным вторжением потока ранних срубников из-за Волги, принесших свои заволжские традиции»[213]. Часть срубников, ушедших из-за Волги, пишут специалисты, заняла Волго-Донское междуречье и двинулась в юго-западном и южном направлениях. Появление их в районах Причерноморских и Калмыцких степей достаточно убедительно документировано археологическими памятниками. Однако в южном направлении их движение из Калмыцких степей встретило плотный заслон катакомбников Волго-Манычского междуречья [214].

Поселения срубников располагались на больших и малых реках, жилища были полуземляночными, стены их укреплялись бревнами. Погребальные сооружения-срубы состояли из нескольких венцов, перекрытых бревнами и бревенчатым накатом. Поверх всего этого воздвигалась курганная насыпь. От таких форм погребальных и жилых построек и происходит название самой культуры, генетически связанной с древнеямной культурой [215]. В этих сооружениях явно бросается в глаза развитие древнеямного погребального обряда с применением бревен и плах при воздвижении могильного сооружения.

В некоторых курганах сооружались довольно сложные конструкции из бревен, ими обкладывалась вся курганная насыпь, нередко над могильным срубом воздвигалась двускатная крыша. Археологи предполагают, что такие курганы, вероятно, принадлежали большим патриархальным семьям, а иногда могли служить родовым кладбищем.

Большой интерес представляют поселения срубников, изученные на Дону, около Волгограда, на реке Иргиз в Башкирии, у дер. Хрящевки Куйбышевской области и др. Так, на поселении у Ляпичева обнаружены остатки двадцати жилищ, три из них, как пишет А. И. Мартынов, представляли обширные врытые в землю полуземлянки длиной 15–20 м, шириной

около 8 м. Были жилища и меньших размеров, в них обнаружено по одному, реже по два очага, а вдоль стен устанавливались опорные столбы, поддерживавшие перекрытие. Внутри таких жилищ имелись перегородки из срубов, разделявших помещение на две половины. Одна половина имела коническую крышу, вторая, возможно, предназначалась для содержания скота и имела, по предположениям археологов, плоскую крышу из жердей и камыша. Такое же устройство имели жилища и на других поселениях срубников. Жилища с конической крышей напоминают отмеченные выше дома кельтеминарцев, реконструированные М. П. Грязновым.

Керамика срубной культуры преимущественно баночных форм, чаще без орнамента, ручной лепки из грубого теста, плохого обжига. Иногда она украшалась оттиском шнура, палочки или гребенки, с помощью которых на сырую глину наносили различные штрихи, треугольнички, пересекающиеся короткие линии, образующие нечто вроде крестиков.

Племена срубной культуры достигли высокого уровня металлургии меди и бронзы. Набор бронзовых орудий труда и оружия был довольно обширен. Металлических предметов в быту срубников было много. Находки в погребении бронзолитейщика у дер. Калиновки Волгоградской области (две глиняные двустворчатые формы для отливки топоров-кельтов, одна – для литья клиновидного топора, четыре орнаментированных сопла и другие вещи) являются прекрасным подтверждением сказанного тезиса об огромных успехах срубников в металлургическом деле. По словам Д. А. Авдусина, «набор бронзовых вещей в срубных памятниках велик и разнообразен». Об этом же говорят находки в погребении литейщика у города Энгельса, в кладах у сел. Бородино близ города Белгород-Днестровский, у сел. Князь-Григорьевка на Нижнем Дону, у сел. Сосновая Маза близ Хвалынска на Волге и др. В этих памятниках обнаружено большое количество предметов, свидетельствующих о многообразии оружия, орудий труда, состоящих из бронзовых кинжалов, втульчатых копий, топоров и прочего, которые имели широкое распространение от Алтая до Молдавии и обнаруживают прямые аналогии на Урале, Кавказе и в Сибири. Металл срубники, вероятно, получали с Урала и Кавказа. Находка бронзового пояса кавказского происхождения в кладе у города Киева является тому хорошим примером.

У племен срубной культуры было значительно развито скотоводство. Об этом говорят многочисленные находки костей домашних животных: коров, овец, лошадей, свиней. Как пишут археологи, «шерсть овец широко использовалась для изготовления пряжи и ткани. В домашнем производстве срубников широко применялись шкуры и кожи, из которых они изготовляли одежду и обувь. На поселении срубников очень часты находки орудий для обработки кож и шкур: лощила, специальные скребла, шилья, проколки для сшивания кож и шкур».

К концу срубной культуры появляются огромные курганы, свидетельствующие об исключительно высоком социальном положении погребенных в них людей. Пятнадцатиметровая высота одного из курганов в урочище Три Брата около города Степного поражала взор своим величием.

Обнаруженные в срубных погребениях псалии, части узды и прочие принадлежности конской сбруи говорят о широкой практике верховой лошади.

В археологической науке признано, что «между срубной и скифской культурами нет принципиальных граней; не исключено, что срубные племена были местной основой последующей скифской культуры». В связи с этим тезисом очень интересно отметить, что на некоторых сосудах срубной культуры появляются изображения повозки с запряженными животными – лошадьми, этой специфической особенности скифов, «живущих в повозках». Так, на правом берегу реки Сухая Саратовка в небольшом курганчике высотой 40 см обнаружена могила, представлявшая прямоугольную яму с закругленными углами. Яма была перекрыта накатом деревянных бревен. Скелет лежал на левом боку головой на северо-восток, под головой и ступнями выявлены следы красной охры. На сосуде баночной формы изображена повозка с дышлом и ярмом, крытым полукруглым кузовом. Рядом с повозкой изображен шатер. К настоящему времени известно несколько сосудов срубно-андроновского ареала с изображением таких повозок с запряженными лошадьми [216]. Изображения повозок на сосудах срубников ученые справедливо сопоставляют с подобными рисунками повозок с запряженными лошадьми бронзового века на скалах Центральной Тувы, в частности на горе Сыын-Чюрек, Каратау и др.

Подводя итог своему исследованию, Л. Л. Галкин пишет: «Таким образом, находки в погребениях сосудов с изображениями повозок определенным образом указывают на их культовое значение, в данном случае связанное с погребальным обрядом. Эти изображения должны были заменить в погребениях реальные повозки и лошадей по известному принципу части вместо целого» [217]. Эта мысль очень продуктивна, потому что позволяет протянуть генетическую нить от реальных целых повозок в древнеямных и древнесрубных погребениях III тыс. до н. э. у упомянутых селений Утамыш в Дагестане, Бедени в Грузии, у станицы Новотитаревской на Кубани. Вместе с тем можно вспомнить, что повозки и их изображения в Древней Передней Азии встречались только исключительно в нескольких царских гробницах, что разительно отличается от довольно бедных и невысоких рядовых курганов срубников и ямников. Этот факт никак не позволяет утверждать, что беднейшие кочевники переняли обряд погребения с царских гробниц Передней Азии.

Теперь нам важно рассмотреть, каково было соседство и этнокультурное окружение срубников – наследников древнеямной культуры на просторах Евразийских степей и в сопредельных областях Древнего мира.

§ 2. Соседи древнеямников и срубников на востоке и юго-востоке

Как уже отмечалось, на востоке и юго-востоке от древнеямной историко-культурной области в Минусинской котловине и степях Центрального Казахстана была распространена генетически тесно связанная с

древнеямной, но имеющая и свои особенности, синстадиальная, так называемая афанасьевская культура ранней бронзы [218]. Мы уже указывали, что между носителями этих культур наблюдается большое сходство в материальной культуре, погребальном обряде, проявляется антропологическая близость, что и позволяет исследователям говорить о ямно-афанасьевской общности. В отличие от восточных племен, носителей прибайкальской неолитической культуры и антропологического типа, характеризующегося явно выраженной монголоидностью, западные афанасьевские племена прежде всего сближаются с волжско-уральскими европеоидными племенами, т. е. с ямниками.

По утверждению М. П. Грязнова, Э. Б. Вадецкой и др., афанасьевцы в антропологическом и культурном отношениях представляют собой крайнюю восточную ветвь европеоидных племен Восточной Европы [219]. Появление того же «афанасьевского типа» на территории Монголии позволяет Н. Я. Мерперту предполагать далекие вторжения отдельных афанасьевских групп, хотя этот вопрос, как и общая проблема границ афанасьевских племен, далеко не ясен [220]. Но тем не менее весь археологический комплекс свидетельствует о миграции афанасьевцев на восток из Приуралья, т. е. с прародины древнеямников. Именно поэтому А. П. Окладников считает, что афанасьевская культура изначально чужда местному неолиту и генетически связана с западом, т. е. с древнеямной историко-культурной областью. В. П. Алексеев, исходя из того, что в афанасьевской культуре есть черепа долихокранные и черепа с монголоидной примесью, считает последние остатком местного населения, а долихокранные, доходящие до тождества с населением древнеямной культуры, связывает с процессом медленного продвижения европеоидов, т. е. «ямно-афанасьевцев» из Европы на восток. Таким образом, об отсутствии генетической связи афанасьевской культуры с местным восточным неолитом Приалтайских степей и Минусинской котловины свидетельствует и антропология.

Ученые предполагают, что процесс окончательного формирования афанасьевцев, очевидно, связан со степями Алтая и Минусинской котловиной, куда они переселились в предшествующие века. И в то же время стабильное бытование в обеих культурах единых специфических форм этнокультурного и хозяйственно-экономического облика «свидетельствует о едином их источнике – в данном случае, как уже отмечалось, прикаспийской части среднеазиатского очага производящего хозяйства. Близость антропологического типа является весьма серьезным индикатором общности происхождения как афанасьевцев, так и древнеямных групп, позволяет говорить об общей их подоснове, которая предшествовала окончательному формированию распространенных культурных феноменов»[221]. Исходя из всего этого, «вряд ли можно считать племена афанасьевской культуры, – пишет С. В. Киселев, – потомками коренного населения Саяно-Алтайского нагорья. Их физический тип и многие особенности культуры связывают их со степным населением Восточной Европы»[222]. Вместе с тем можно отметить, что в результате смешения в этих краях с местным на-

селением у афанасьевцев появлялись и некоторые отличительные черты: сосуществование курганов и каменных оградок с небольшими насыпями в них, коллективные и одиночные захоронения, некоторые особенности в орнаментации сосудов, – явившиеся неизбежным результатом синкретизма и симбиоза местных и пришлых культурных традиций.

Известная окуневская культура Южной Сибири, носители которой уже имели явные монголоидные признаки, получила свое название по материалам раскопок С. А. Теплоухова в 1928 г., которые в 1947 г. опубликовала М. Н. Комарова [223]. Позднейшие исследования А. Н. Липского и Л. Р. Кызласова показали, что эти памятники Окунева улуса являются позднеафанасьевскими и относятся к первой половине II тыс. до н. э.[224] Памятники этой культуры представлены двумя видами: курганами и каменными оградками с небольшими насыпями. Исследователи уже обратили внимание на тот факт, что черепа с монголоидными признаками, выявленные В. П. Алексеевым, являются не афанасьевскими, как таковыми, а представителями окуневской культуры позднеафанасьевского периода, смешанными с местными племенами Южной Сибири [225]. Новые исследования Г. А. Максименкова вдоль Енисея (Тас-хазаа, Абакан, Черновая IV) показали, что из 114 окуневских могил только 10 были грунтовыми, а остальные – каменными ящиками, размещенными в каменных оградках, внутри которых возводился небольшой курганчик. Погребенных клали на спину с согнутыми в коленях ногами, под головой устраивали, как правило, нечто вроде «подушки», чаще всего это была плита с выемкой, реже – наклонно поставленная плита. Головой умершие обращены на запад с небольшими отклонениями [226].

Поскольку обряд типично древнеямный, то обращение головой на запад, по нашему мнению, может указывать направление к прародине прибывшего в эти края населения.

Керамика в окуневских могилах – явление относительно редкое. В тех случаях, когда она есть, это банки конической формы, банки с яйцевидным дном. Узоры на них – чаще всего заштрихованные треугольники, «шахматная доска», волнистые линии, зубчатый штамп, косые насечки и т. п. В антропологическом облике окуневцев, в отличие от афанасьевцев и андроновцев, появляются монголоидные признаки, отмечает В. П. Алексеев [227].

Тщательное знакомство с археологическим материалом приводит нас к выводу, что в самых восточных окраинах афанасьевско-андроновского ареала материальная культура и антропологический облик начинают меняться, а погребальный обряд еще долго сохраняет традиционно стойкие древнеямно-афанасьевско-андроновские черты. Наиболее вероятным местом, откуда могли появиться монголоидные черты окуневцев, некоторые авторы считают лесостепь к северу от Минусинской: котловины.

На территории афанасьевской культуры на рубеже III–II тыс. до н. э. «в результате постепенного изменения более древней афанасьевской культуры» возникает андроновская культура, получившая свое название по материалам у дер. Андроново в Хакасии, в 4 км к юго-востоку от стан-

ции Крутоярская Красноярской железной дороги, около города Ачинска. Многолетними исследованиями многих археологов установлено, что андроновская культура занимает огромные степные просторы от Алтая и Енисея на востоке и до Урала на западе, от предгорий Тянь-Шаня до Южного Приуралья. Памятники этой культуры выявлены к западу от Абакана и Ачинска, в верховьях Оби, в степях Казахстана и Киргизии, в долинах рек Чу, Талас, у Токтогульского водохранилища, в районе Ташкента, у озера Иссык-Куль и даже южнее – на реке Алабука, западнее озера Чатыр-кель. На севере андроновская культура доходит до таежной зоны Западной Сибири [228]. Несмотря на такую огромную границу распространения этой культуры, «наиболее старые памятники андроновцев находятся в Южном Приуралье, в Башкирии, в Северо-Западном Казахстане, в Оренбургской, и Челябинской областях», – писал С. В. Киселев [229]. Следовательно, это была та же (примерно) территория, где в свое время зарождалась древнеямная культура.

Андроновские поселения располагались по берегам небольших речек, рядом с широкой луговой поймой. Обычно в них насчитывается до 10–20 сооружений, пишет Е. Е. Кузьмина. Дома располагались вдоль рек по одной линии, но известно и кольцевое планирование поселений с площадью в центре для загона скота. Главным строительным материалом для жилищ было дерево. По свидетельству археологов, дерево хорошо сохраняется в «домах мертвых» – в могилах андроновцев, бывших миниатюрной копией жилища живых [230]. Жилища строились из бревен, срубленных «в обло», «в лапу», «в перевязку», они были каркасно-столбовыми. Вдоль стен устанавливались столбы, крепившие венцы горизонтально уложенных без крепления бревен или плах. На высокие столбы, вкопанные в ряд по центру дома, опиралась балка – конек, державший поперечные стропила перекрытия. Е. Е. Кузьмина пишет, что точно такие же дома были распространены и в других культурах Евразийской степи и лесостепи – срубной и абашевской (кстати, очень близких к андроновской. – *И. М.*). М. П. Грязнов предполагает, что жилища андроновцев перекрывались пирамидально-ступенчатым сводом, на вершине которого оставалось отверстие-дымоход. Очень важно, что исследователи допускают происхождение киргизской юрты от этих андроновских жилищ [231].

Большой интерес представляет происхождение самой андроновской культуры. Одни считают, что она сформировалась первоначально на востоке в Минусинской котловине в результате постепенного изменения более ранней афанасьевской культуры под влиянием земледельческого быта. Другие основываются на том, что андроновская культура очень близка к срубной, и, по-видимому, как пишет С. В. Киселев, обе культуры возникли в непосредственной близости друг от друга, при постоянном контакте и связях между древнейшими срубниками Поволжья и Приуралья и древними племенами андроновской культуры, наиболее древние памятники которых, как указывалось, находятся в Южном Приуралье, Башкирии, в Северо-Западном Казахстане, Оренбургской и Челябинской областях.

Сходство и даже родство двух культур, по нашему мнению, несет на себе те же отпечатки тесных связей двух предшествовавших культур древнеямных и афанасьевских племен. Не исключена возможность, что срубные племена более тяготели генетически к древнеямным Волго-Уральского междуречья, а андроновцы – к синстадиальной и очень близкой генетически к древнеямной – афанасьевской культуре.

«Тот факт, – пишет С. В. Киселев, – что в Приаралье в достаточно древнее время сложилась тазабагъябская культура, для которой характерны черты одновременно и андроновской, и срубной культур, также как будто бы говорят в пользу древнейших связей и соседства этих двух культур». Их близость, подчеркивает авторитетный ученый, действительно очень велика [232]. Близость эта отмечается и в устройстве жилищ, и в керамике, и в погребальном обряде, и в прочем археологическом инвентаре – материальной культуре этих племен. Те же баночной формы сосуды с простым елочным и зигзагообразным узором, горшки с округлым туловом, ромбические и треугольные узоры, идущие вдоль венчиков, часто заштрихованные в шахматном порядке треугольные нарезки, спускающиеся по плечику сосудов. Такая же близость наблюдается в бронзолитейном ремесле, изделия которого «буквально не отличаются, хотя одни происходят с Дона и Донца (т. е. срубные. – *И. М.*), а другие с Тобола и Иртыша (т. е. андроновские. – *И. М.*). Эта близость продолжает наблюдаться на всем протяжении развития андроновской и срубной культур», – писал С. В. Киселев. Наконец, поразительное сходство позднеандроновских и позднесрубных памятников, как отмечают специалисты, затем становится «характерным для раннего железного века – для культуры скифов на западе и для савроматов на востоке». В связи с последним утверждением ученых очень уместно иметь в виду, что андроновцы (как и срубники. – *И. М.*) впервые в степях востока вырастили верховую лошадь [233].

В последние годы на западе территории расселения андроновских племен прослежены теснейшие связи между позднеандроновскими и савроматскими памятниками, постепенное переоформление их в типичную савроматскую культуру. «Этот процесс настолько нагляден, – писал С. В. Киселев, – что все исследователи согласны видеть в андроновских племенах Казахстана и Южного Приуралья ту этническую основу, на которой сформировались савроматские, а также, по-видимому, и сакские племена». Так как преемственность культуры последних от андроновской бесспорна, следовательно, и генетическая связь самих савроматов и саков с андроновцами вполне реальна [234].

Очень тесно связанные и генетически близкие древнеямная и афанасьевская культуры получили дальнейшее развитие в таких же тесно взаимосвязанных культурах: на западе – в срубной, на востоке – андроновской, которые, в свою очередь, послужили основой образования двух близкородственных этнических групп: на западе – скифов, на востоке – савроматов и саков. Таким образом, на протяжении трех тысячелетий до н. э. мы прослеживаем двойственное – западное и восточное – разде-

ление очень близких, генетически родственных между собой этнокультурных общностей, давших в итоге две близкородственные этнические группы: 1) скифов и 2) савромато-сарматов и саков.

По убеждению крупнейших ученых-археологов, только на крайнем восточном ареале (точнее, окраине) своего распространения, в степях Саяно-Алтайского нагорья, позднеандроновские племена подверглись ассимиляции со стороны окружавших их местных племен монголоидного облика. В результате этого здесь появляется новая карасукская культура. Антропологические исследования показывают, что в карасукских погребениях большинство людей резко отличается от предшествовавших андроновцев, а тем более афанасьевцев, которые были европеоидами. Но в то же время в карасукских могилах еще довольно часты черепа с типично европеоидными чертами, хотя большинство их уже может быть частично сравниваемо с тем физическим типом людей, который носит название памиро-ферганского, но они близки и к выделяемому антропологами так называемому северокитайскому типу племен, обитавших севернее бассейна Хуанхэ (Желтая река).

В могилах карасукских памятников на Среднем Енисее в массе обнаруживаются бронзовые изделия – кинжалы, ножи, украшения в виде лапчатых привесок, бусы, бляхи-пуговицы, совершенно чуждые тем же андроновцам, но широко распространенные юго-восточнее в Монголии и в районах, прилегающих с севера к Великой Китайской стене. Население, оставившее на Енисее карасукскую культуру конца II – начала I тыс. до н. э., имело высокоразвитое бронзолитейное дело, но вряд ли это было только результатом их южных связей. Сложение карасукской культуры оказало большое влияние на ход развития племен позднебронзового века и в бассейне Енисея в Тувинской республике, и в более западных областях Сибири. В степях Северного Алтая и в Восточном Казахстане возникли своеобразные центры, которые характеризуют не только близкая карасукская бронза, но и керамика, сходная с карасукской из Минусинской котловины Енисея [235]. Дальше на запад проникало уже только влияние карасукских форм на андроновские и тазабагъябские племена. В Центральном Казахстане, например, это выразилось в сочетании андроновской и карасукской керамики, плоских стрел с шипом в основании втулки, проникавших сюда с востока в предскифское время (Дандыбай, Бегазы в районе Караганды, курганы Тагискена в северных Кызылкумах, в области северной дельты Сырдарьи и др.).

Изучение локальных вариантов карасукской культуры приводит исследователей к выводу о том, что у карасукских племен была большая примесь монголоидности [236], обнаруживаются очень серьезные и существенные афанасьевские черты, а влияние андроновцев в междуречье Тубы и Енисея почти не прослежено, их влияние весьма значительно на северо-западе Минусинской котловины [237]. Монголоидные признаки карасукцев, вероятно, идут от окуневцев, считают исследователи. Основой создания этой культуры послужили местные саяно-алтайские племена.

В карасукской культуре необычайно богато представлены реалистические изображения головок оленей, лосей, баранов и горных козлов. Эта бронзолитейная пластика достигла особого расцвета и высокого уровня [238].

Подводя итог изучению карасукской культуры, С. В. Киселев устанавливает, что эта культура сложилась в результате смешения пришедших с юго-востока племен с андроновскими и другими местными племенами. Андроновский субстрат для карасукской культуры считает бесспорным и Л. Р. Кызласов. Точка зрения этих ученых [239] принята в советской науке, и возражений против этого не возникает.

На раннем этапе карасукской культуры (XIII–XII вв. до н. э.) ученые констатируют в числе ее создателей три этнические традиции, еще не подвергнувшиеся нивелировке: местные остатки неолитических племен с монголоидными чертами; андроновские племена, тяготевшие по своей культуре и физическому облику к западу; пришлые с юго-востока карасукские племена [240]. Позднее смешение и синкретизм этих традиций и дают собственно карасукскую культуру развитого периода XII–IX вв. до н. э.

Таким образом, генетически тесно связанные с афанасьевцами, а через них и с культурой древнеямных племен, носители андроновской культуры, имевшие также много общих этнокультурных черт и составлявшие единообразный срубно-андроновский контингент, расселились на просторах от Урала до Саяно-Алтайских нагорий. На самой восточной окраине своей ойкумены они подверглись смешению как с местными поздненеолитическими, так и пришлыми в эти нагорья с юго-востока племенами северокитайского антропологического типа. В результате складывается карасукская культура племен с заметной монголоидной примесью. Однако в карасукских погребениях, даже на ее поздних этапах, еще встречаются останки европеоидных андроновцев, проникавших сюда, как отмечают М. К. Кадырбаев, А. П. Уманский, А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, А. М. Оразбаев, из центральных областей Казахстана.

В карасукскую эпоху происходит, вероятно, завершение процесса «монголоизации» антропологического типа проникавших в Минусинскую котловину и на Саяно-Алтайское нагорье европеоидных племен – потомков афанасьевцев-андроновцев.

§ 3. Соседи срубников и андроновцев на юге и юго-востоке

В начале II тыс. до н. э. направление стока воды Амударьи меняется – река поворачивает в Аральское море. Присарыкамысская дельта и Узбой начинают усыхать, зато Акчадарьинская дельта сильно обводняется и лишь к середине II тыс. до н. э. здесь фиксируются следы интенсивного освоения этой дельты человеком, связанного с процессом ее постепенного дренирования [241]. На территории Акчадарьинской дельты теперь расселяются племена – носители тазабагъябской культуры, выделенной С. П. Толстовым. Эта культура сформировалась в середине II тыс. до н. э. в результате смешения культуры пришлого в эти обводненные богатые

пастбищами земли срубно-андроновского населения из степей Южного Приуралья, Поволжья и Северо-Западного Казахстана с местными племенами. Поэтому ученые единогласно отмечают, что тазабагъябская культура относится к кругу срубно-андроновской культуры кочевников эпохи поздней бронзы Евразийских степей. Но тазабагъябцы вступают здесь в тесный контакт и смешиваются с южным потоком населения – носителями так называемой суяргинской культуры. Истоки суяргинской культуры прослеживаются на земледельческом Юге Туркмении, а тазабагъябской – в степях к северо-западу от Приаралья и Южного Приуралья, в Оренбургских степях, где в середине II тыс. до н. э. шел процесс смешения срубных и андроновских племен. Пришельцы с северо-запада – кочевники-овцеводы и южные земледельческие племена – создали здесь тазабагъябскую культуру [242]. Смесь эту отмечают и антропологи. Многолетние работы Хорезмской экспедиции установили, что в устьях Амударьи, Узбоя, Акчадарьи вся жизнедеятельность человека зависела от капризов водного режима неустойчивых русел этих водных артерий, без которых жизнь древних местных земледельцев фактически прекращалась. Очень важно, что многолетние исследования установили, что в районах устьев названных рек «нет никаких памятников земледельческой культуры позднее II тыс. до н. э.». Это говорит о том, что прежние земледельческие племена покинули эти земли и на их место пришли в середине II тыс. до н. э. срубно-андроновские племена. И вновь на этих землях появляются недолговременные поселения-стоянки кочевников тазабагъябцев с культурным слоем всего в 3–7 см [243]. Все эти изменения происходили в короткие сроки и связаны, как отмечалось, с изменчивостью водного режима региона.

Исследователи допускают, что прежние заман-бабинские племена этих дельт ассимилированы андроновцами, а затем формируется из заман-бабинско-суяргинского и срубно-андроновского симбиоза новая тазабагъябская культура оседло-кочевого населения.

М. П. Грязнов, С. С. Черников, А. Аскаров, М. А. Итина, С. П. Толстов – все единодушны в том, что понятие «андроновская культура включает в себя не только Южно-Сибирские степи и Казахстан, но и всю бронзу Средней Азии», подчеркивая доминирующее значение в ней скотоводческого хозяйства [244].

Тазабагъябская культура датируется временем не позднее XIV в. до н. э., возможно, захватывая XVI–XV вв., т. е. середину II тыс. до н. э., когда коренные земледельцы покинули эти районы из-за нарушения водного режима указанных выше дельт. В конце этого периода, т. е. в последних веках II тыс. до н. э., в низовьях Сырдарьи появляются обширные территории расселения сакских племен, культура которых зиждется на тазабагъябской культуре XVI–XIV вв. до н. э. Существование этих племен было связано с периодом обводнения одного из молодых сырдарьинских русел – Жанадарья [245] («Новое русло». – *И. М.*).

Поскольку археологи устанавливают смену населения, наблюдается существенное изменение культуры придельтовых племен бассей-

на Амударьи, Узбоя и Акчадарьи, а антропологи отмечают и разницу их физического типа, а все это хронологически падает на время распространения в этих районах срубно-андроновских племен – предков сако-массагетского этноса, то нелишне будет вспомнить великого энциклопедиста Востока Аль-Бируни. Один из его капитальных трактатов был посвящен происходившим в глубокой древности геологическим процессам, в результате которых воды Амударьи несколько раз меняли свое русло, вызывая неоднократные переселения людей с его берегов. В этом трактате, целиком посвященном геологическим проблемам древнейших русел этой дельты, есть единственная фраза о смешении народов, о чем он не преминул сказать особо. Видимо, он придавал этому сообщению весьма важное значение при рассказе о древнейших руслах и их истории.

Вот что он писал: «Джейхун тогда пересекал ту местность, которая теперь является пустыней... и впадал в море между Джурджаном и Хазаром. Возникли препятствия (но не указывает какие. – *И. М.*), из-за которых его вода уклонилась *к краям страны гузов*». Последний этноним, современный Бируни, приведен им для того, чтобы его читатели могли свободно ориентироваться в его географических суждениях. Воды реки встретили на пути гору, вода накопилась, вышла из берегов. Далее он продолжает: «Затем она повернула направо по направлению к Фарабу по руслу, известному теперь под именем *Алфахми*, и люди построили на берегах ее более 300 городов и селений, от которых сохранились развалины до сих пор. И встретилось этому руслу, после его начала, то же, что встретилось первому; оно запрудилось, и вода повернула налево, вплоть *до земли печенегов* (выделено мной. – *И. М.*) по руслу, известному теперь под названием реки Маздубаст, в пустыне, которая между Хорезмом и Джурджаном. Она затопила много местностей на долгое время и разрушила их также; жители их переселились на побережье Хазарского моря. Это *род аланов и асов, и язык их* т е п е р ь смешанный из хорезмийского и печенежского. Потом вся вода потекла по направлению к Хорезму...»[246]

Поскольку Бируни в своем трактате исходил еще из описаний Птолемея, привлекал народные легенды и предания об изменении упоминавшихся русел, не может быть сомнений в том, что речь в нем идет о глубокой древности. Мы склонны сопоставить этот эпизод Бируни с описанными выше событиями и переселениями, подтвержденными археологами и относительно изменений русел, и относительно изменений в археологическом облике Акчадарьинской дельты, и относительно обнаружения в этих местах смешения двух антропологических типов. Если тазабагъябская культура, созданная симбиозом срубно-андроновских и местных племен, послужила основой сако-массагетской этнической группы, то сообщения Бируни о том, что из областей страны гузов и земли печенегов переселились аланы и асы, приобретают исключительно важное значение. Нетрудно взять на себя смелость и сказать, что великий ученый, вероятнее всего, имел в виду переселение в эти края срубников и андроновцев, вполне допустимых предков массагетов и саков, а за ними (впоследствии)

и печенегов и асов, язык которых спустя много веков «теперь стал смешанный из хорезмийского и печенежского», т. е. иранского и тюркского.

Теперь несколько слов следует сказать о соотношении тазабагъябской и суяргинской культур, синкретизм которых определял этнокультурный облик среднеазиатского двуречья. Это тем более необходимо в связи с только что сказанным по поводу сведений аль-Бируни. Открывший тазабагъябскую культуру С. П. Толстов в 1939 г. писал, что керамика ее «чрезвычайно близко напоминает керамику бронзового века Поволжья, Казахстана и Минусинской котловины, относящуюся к так называемой срубной (Поволжье) и андроновской (Сибирь и Казахстан) культурам. Она представляет своеобразный вариант бронзового века степной полосы Юго-Восточной Европы и смежных областей Азии»[247]. Этот тезис полностью подтвержден всеми последующими исследованиями, и, более того, отсутствие генетической преемственности между тазабагъябской и неолитической культурой Хорезма, большой между ними хронологический разрыв заставляют ученых видеть истоки происхождения тазабагъябокой культуры не в Хорезме, а к северо-западу от Южного Приаралья, в Южном Приуралье, Оренбургских степях, где по крайней мере с середины II тыс. до н. э. шел процесс смешения срубных и андроновских племен [248].

Всесторонний анализ тазабагъябской культуры приводит С. П. Толстова, М. А. Итину и других к заключению: «Итак, по всем данным наличие срубно-андроновского компонента в тазабагъябской культуре представляется нам бесспорным, и в некоторых недавно вышедших работах наша точка зрения была прямо или косвенно поддержана»[249]. Этим же авторам принадлежит обоснование поддержанного всеми тезиса о возможном приходе племен – создателей тазабагъябской культуры – с северо-запада, из Южного Приуралья, Оренбургских степей, где уже тогда был открыт ряд памятников смешанного срубно-андроновского типа [250]. О смешении: срубно-андроновских племен в названных областях пишут многие авторы [251]. Из вышеназванных областей продвинулись в Акчадарьинскую дельту племена, создавшие здесь тазабагъябскую культуру в контакте с местными племенами и совместно с продвинувшимся сюда из Северо-Западного Казахстана населением андроновской культуры. Очень важно и то, что в антропологическом материале тазабагъябской культуры в Южном Приаралье проявляется стык компонентов из южных областей Средней Азии и территории Южного Приуралья и Казахстана [252]. В. П. Алексеев отмечал в черепах тазабагъябской культуры примесь европеоидного типа, близкого к восточно-средиземноморскому с южно-земледельческими памятниками Средней Азии[253]. Наконец, следует отметить, что на одной из стоянок Тазабагъяба («Кават-3») были обнаружены кости лошади и глиняная фигурка коня, а на поселении «Кокча-15» была обнаружена глиняная модель колеса повозки [254].

Таким образом, пришельцы с северо-запада смешались с местными племенами. Кто же жил до этого в Южном Приаралье? Это были потомки кельтеминарцев, которые, в свою очередь, как мы уже отмечали, имели

тесные связи с южно-земледельческим населением. Именно это сочетание срубно-андроновских и местных позднекельтеминарских племен и дало нам то, что мы называем тазабагъябской культурой [255]. И с этого времени, т. е. середины II тыс. до н. э., в Хорезме появляются новые типы жилищ: полуземлянки, резко отличающиеся от жилищ предшествовавшего времени – наземных глинобитных домов. Проникшие в низовья Зеравшана тазабагъябские племена столкнулись здесь, а затем и смешались с потомками уже упоминавшихся заман-бабинцев, также имевших в предшествующую эпоху северные и южные истоки в своей культуре [256].

Суяргинская культура была выделена в 1945–1946 гг. Хорезмской экспедицией в районе упоминавшейся кельтеминарской крепости Джанбас-кала (Правобережный Хорезм, Южная Акчадарьинская дельта) [257]. Проанализировав археологический материал суяргинской культуры, С. П. Толстов пришел к выводу, что «с появлением в Хорезме нового этнического элемента, исторически связанного с югом, с областями Иранского нагорья и прилегающих стран», появляется новая суяргинская культура. Эту точку зрения разделяет и Я. Г. Гулямов [258]. Суяргинская культура появляется в этих областях в начале II тыс. до н. э., т. е. за пять веков до тазабагъябской. Особенно это наглядно видно в появлении «крашеной керамики» в суяргинских памятниках, что говорит, по утверждениям специалистов, об их тесных связях с переднеазиатскими культурами; племена с этой керамикой появились в Акчадарьинской дельте в начале II тыс. до н. э.[259]. Существование суяргинской и тазабагъябской культур к концу II тыс. до н. э. отмечают и антропологи. Т. А. Трофимова различает два типа черепов: один андроновский и срубный, представляющий тазабагъябцев, и другой – восходящий к кругу индоиранских форм экваториальной расы [260].

Ученые единодушны в том, что «контакт между северными степными и южными земледельческими племенами сыграл огромную роль в этнической истории среднеазиатских народов»[261]. Процесс смешения северных (срубных), южных (суяргинских) и восточных (андроновских) племен, вероятно, послужил сложению хорезмской этнокультурной общности. И в связи с этим примечателен тот факт, что большинство исследователей единодушно предполагают расселение пастушеских срубно-андроновских племен в Средней Азии с севера и северо-востока Евразийских степей [262]. По их мнению, степные племена Средней Азии и Казахстана вошли в контакт с древними земледельцами Ирана и Туркмении, между ними установился обмен, который прослеживается и в отдельных формах сосудов, и в украшениях. «Однако, – пишут специалисты, – количество южных импортных вещей в степь очень невелико, они представлены в основном украшениями, что позволяет сделать вывод, что земледельческие народы Ирана и Юга Средней Азии во второй половине II тыс. до н. э. не только не продвигались на север, в степи, но и не оказали сколь-нибудь существенного влияния на развитие степных племен»[263]. Наоборот, пишут они, расположенные в Ташкентском оазисе курганы (Янги-юл, Ореховское, у Сараагачских

Минвод, Чимбулакский клад) демонстрируют типично срубные захоронения и инвентарь, отмечая крайний форпост продвижения срубных племен на юго-восток. Такого же характера памятники изучены археологами вдоль южной кромки песков Каракумов, на Мургабе, у границ с поселениями древних земледельцев позднего Анау. Можно отметить груболепную, неорнаментированную керамику с бедными геометрическими штрихами, бронзовый дротик в Бала-Ишиме, стрелу из Куин-Кую, копье, найденное близ Ашхабада, имеющие прямое происхождение из Евразийских степей; группу курганов в Патмасай, Каралемат-сай, в Больших Балханах, Гызылкумах, у Кызыл-Арвата и т. д.[264]

На Юге Таджикистана следы степных культур зафиксированы в Вахшской долине у совхоза им. С. М. Кирова, у Джиликульской переправы, у Кара-Бура на Вахше и на городище Саксин-Охур [265]. Степное влияние ощущается и значительно южнее: «...керамика степного типа найдена в Афганистане, в нескольких пунктах на Левобережье Амударьи», – пишет В. И. Сарианиди [266]. В Шорутаге, в верхних слоях, перекрывающих город харапской культуры, открыта керамика, сходная со степной керамикой Южного Таджикистана. Представленная в Тилля-тепе лепная керамика с налепными валиками, с косыми насечками, защипами или спускающимися усами, пишет В. И. Сарианиди, находит многочисленные аналогии и прототипы в посуде с валиковой орнаментацией широкой зоны Евразийских степей [267]. В XII–IX вв. до н. э. она характерна для культуры Ноа в Румынии, для позднесрубных памятников на Украине, в Поволжье [268]. В Афганистане, Иране и Передней Азии возникшая в технике ручного налепа орнаментация валиками не имеет истоков. Ее появление там указывает на влияние северных степных племен. Находки валиковой керамики в Малой Азии, Иране и Афганистане имеют принципиальное значение, пишут Виноградов и Кузьмина, позволяя прокорректировать хронологию степных памятников, не имеющих генезиса в местных древневосточных культурах, указывая основное направление этнических перемещений, шедших не с юга на север, а, наоборот, с севера на юг. Они убеждены в том, что «движение с юга на север не подкрепляется никакими археологическими признаками»[269].

Таким образом, Южный Таджикистан выделяется в особую зону контактов южных земледельческих племен с северными степными культурами кочевых народов. И вновь нельзя не вспомнить слова Аль-Бируни о переселении в эти районы с севера и северо-востока рода аланов и асов, о смешении языков печенежского и хорезмийского. Столкновение этих культурных течений отмечают и археологи, и антропологи. Исследователи единодушны и в том, что тазабагъябская культура послужила основой формирования культуры среднеазиатских саков.

§ 4. Срубники и их соседи на Средней и Нижней Волге

Как уже отмечалось, в III тыс. до н. э. на Среднем и Нижнем Поволжье обитало население ямной культуры, которое несколько отличалось от

других «ямников», или «курганников», в результате тесного общения с местными племенами и, возможно, в зависимости от благоприятных физико-географических условий, богатой флоры и фауны [270].

В Волгоградской области у сел. Бережновка Николаевского района были исследованы курганы, которые позволили выделить семь стратиграфических горизонтов, представляющих ямную, полтавкинскую и срубную культуры [271]. К наиболее раннему этапу срубной культуры, именуемому «бережновским», относятся слои 5, 6, 7. Картографирование Бережновских курганов показывает, что они охватывали районы Саратовской, Волгоградской областей, захватывая и часть Астраханской. Погребенные в них лежат в скорченном состоянии, головой на восток. На дне могил почти повсеместно обнаружены остатки травяных подстилок, встречаются подсыпка мела, кусочки красной охры [272]. Погребения этого горизонта отличаются и погребальным обрядом, особенностями керамики и «классическими» образцами срубной культуры.

Н. К. Качалова пишет, что «сопоставление погребений бережновского горизонта с материалами сопредельных территорий обнаруживает весьма любопытную картину. Прямые аналогии им как по погребальному обряду, так и по керамике имеются в Оренбургской и Уральской областях. Курганные группы у сел. Белгородка, Алебастрово, Герасимовка содержат погребения, полностью соответствующие по сочетанию признаков бережновским»[273].

Большой интерес представляют курганы ранних срубников у бывшего сел. Новомордово в Самарском районе Татарстана, исследованные А. Х. Халиковым. Подкурганные погребения находились в грунтовых ямах с округлыми углами, содержали по одному костяку, лежавшему на спине с подогнутыми в коленях ногами, головой обращенные на восток [274] (т. е. типично по древнеямному обряду. – *И. М.*). Эти погребения по предложенной Н. Я. Мерпертом хронологии относятся к раннеполтавкинскому периоду – к первой половине (возможно, первой четверти) II тыс. до н. э.[275] Исследования А. Х. Халикова приводят его к выводу, что местные приказанские племена в середине II тыс. до н. э. приходят в самые тесные контакты со срубными племенами [276].

Когда речь заходит о продвижении срубных племен на Среднюю Волгу (как предполагают отдельные авторы, когда мы говорим о возможном сложении срубной культуры в этих районах), необходимо учитывать, что в середине II тыс. до н. э. упоминавшиеся выше балановские племена вынуждены были покинуть бассейн Свияги и значительную часть Сурско-Свияжского междуречья. Отсюда их, как полагают А. Х. Халиков и А. Д. Пряхин, изгнали племена абашевской культуры. По их словам, это событие нашло прямое и наглядное отражение в одном из курганов, где им удалось обнаружить братскую могилу из 27 «абашевцев», погибших в результате военного столкновения. Торчащие в костях убитых кремневые стрелы указывают, что их врагами были балановокие племена. Ближе к середине третьей четверти II тыс. до н. э. абашевские племена, теснимые

срубниками, покидают Правобережье Волги и переселяются в Заволжье – в Волго-Вятское междуречье [277]. Исследования Ю. А. Морозова у дер. Старые Ябалаклы Чишминского района Башкортостана дали интересные стратиграфические наблюдения. Абашевские погребения располагались в курганах под срубными могилами. В могильных ямах прослежены обгорелые бревна, березовая кора-подстилка. Основными погребениями были абашевские, а впускными – срубные. Эти раскопки подтвердили, что в середине II тыс. до н. э. на территории Башкортостана обитали племена срубной культуры, заменившие здесь абашевцев [278].

Для абашевских племен, как и для срубного населения, характерны подкурганные захоронения, жертвоприношения животных (положение частей туши или шкуры с ногами и головой животного и др.). Могильные ямы чаще всего вытянуто-прямоугольные, имеют деревянное или каменное оформление. Умершего клали на спину с подогнутыми ногами, чаще ориентировали головой на восток. Для Волжско-Донского междуречья более характерны наличие под курганами мощных деревянных конструкций над могильными ямами, особенно накаты из бревен. Наблюдается постепенное вытягивание ног погребенного, лежащего на спине.

В литературе существует множество предположений (И. И. Артеменко, О. Н. Евтюхова, П. Н. Третьяков, А. Х. Халиков и др.) о юго-западных истоках абашевских племен и их культуры. Чаще этногенез абашевцев связывается с ямниками (А. Х. Халиков), со среднеднепровской культурой (И. И. Артеменко, П. Н. Третьяков). Но поскольку ямники сыграли огромную этногенетическую роль в формировании среднеднепровской культуры, то эти точки зрения, в принципе, не могут противопоставляться друг другу, а лишь уточняют и дополняют одна другую. Тем более что имеется точка зрения, что абашевцы и среднеднепровцы имеют общую подоснову (О. Н. Евтюхова, Н. Я. Мерперт) и такой подосновой, естественно, служит древнеямная, или курганная, культура. Изучение протоабашевской керамики показывает ее сходные черты с ямной посудой. Поэтому исследователи справедливо полагают, что формирование абашевских племен происходило на северной окраине ямной культурно-исторической области.

«И в этом плане можно усматривать, – пишут А. Х. Халиков и Д. А. Пряхин, – древнейшее родство абашевских, срубных и алакульских групп населения, далекие предки которых в той или иной степени были связаны с древне-ямными племенами»[279]. Для рассматриваемой нами темы весьма существенно подчеркнуть, что «отрицание генетической связи с абашевцами предшествующих по времени культур лесного Поволжья, как и отсутствие прямого наследования абашевских черт финно-угорскими культурами раннего железного века Поволжья, являются серьезным аргументом в пользу отрицания и финно-угорского этноса абашевцев»[280].

Таким образом, и в Среднем Поволжье курганная культура, получившая продолжение в абашевской в срубной культурах, не имеет ни местных истоков, ни продолжения в культурах финно-угорского, населения позднейших эпох.

§ 5. Срубники Волго-Донского междуречья и Северного Кавказа

В период наивысшего расцвета и распространения срубная культура, как уже отмечалось, охватывала значительно большую территорию, чем древнеямная, являвшаяся ее генетической подосновой [281]. На востоке ее границей был Урал, на западе – Приднепровье и низовья Буга и Днестра, на юге – Прикаспийские, Северо-Кавказские степи, берега Азовского и Черного морей и Северный Крым. На севере отдельные срубные племена, как пишет С. В. Киселев, достигали Нижней Камы и Среднего Поволжья. Как указывает О. А. Кривцова-Гракова, А. Х. Халиков, С. В. Киселев и другие, первоначальная «родина» формирования древнеямной культуры и ее прямого наследника – срубной, лежала далеко не в центре очерченных границ. На определенной ступени своего развития срубные племена стали широко расселяться из области своего первоначального обитания – Нижнего Поволжья, Оренбургской области и прилегающих районов. Очень скоро они заселили берега Дона, а затем стали продвигаться к Днепру. По мнению С. В. Киселева, особого распространения эти племена достигли в XVI–XV вв. до н. э., когда они заняли ограниченную выше ойкумену [282]. «Расселяясь на огромной территории, срубные племена, – пишет исследователь, – сохранили поразительное единство в материальной культуре, несмотря на выявившиеся в отдельных районах локальные отличия». Этот вывод С. В. Киселева прекрасно перекликается с мнением известной исследовательницы ямной и срубной культур О. А. Кривцовой-Граковой, которая писала, что «в III тыс. до н. э. все степное пространство, начиная от Нижнего Днепра вплоть до Среднего и Нижнего Поволжья, было занято более или менее однородными племенами ямной культуры. Основываясь на обрядовых особенностях древнейших курганных погребений и в большей мере на характере керамики из этих погребений, можно предполагать, что племена ямной культуры на всем занимаемом ими пространстве относились к однородной этнической группе, распадавшейся на отдельные племена»[283]. Эти однородные племена, вероятно, и оставили те девять вариантов древнеямной культуры на том огромном пространстве, которое выделил Н. Я. Мерперт. Можно заметить, что такая однородная этническая группа древнеямников породила такую же однородную этнокультурную срубную общность.

Приведенные аналогии и оценки культурного единства ямной и порожденной ею срубной культур имеют огромное значение в раскрытии истории и культуры племен Евразийских степей. Чтобы яснее представить себе археолого-культурную ситуацию Волго-Донского междуречья и Северного Кавказа в рассматриваемую эпоху, необходимо вкратце остановиться на том, что в конце III – начале II тыс. до н. э. по всему Средиземноморью распространяется так называемый катакомбный обряд захоронения в подземной камере. Обряд заключается в том, что вначале в земле выкапывали продольную или прямоугольную яму и, в свою очередь, в одной из ее

стен – овальную, сводчатую камеру – катакомбу. В этой камере и производили захоронение. По этому погребальному сооружению культура получила название *катакомбной*. Первоначально эти катакомбы не имели на поверхности земли курганной насыпи. Особенно долго эта культура задержалась в степной полосе Восточной Европы. Восточные пределы ее распространения – это степное Поволжье, на юге – Калмыцкие степи и Северный Кавказ, где катакомбы, однако, встречаются лишь позднего времени, не ранее II тыс. до н. э.[284]

Особенное скопление катакомбных захоронений в последние годы обнаружено в Южной Калмыкии. Здесь выявлены 1135 катакомбных захоронений. Но очень важно, что все они, как и в Северопричерноморских степях, были впущены в более древние курганы, возведенные над могилами древнеямников [285]. Исследователи «калмыцких» катакомб приходят к выводу, что какая-то часть ямников была вытеснена катакомбниками, а оставшаяся часть ассимилирована. А. А. Иерусалимская, Т. Б. Попова, В. И. Марковин прослеживают продвижение катакомбников в начале II тыс. до н. э. в Предкавказские степи. Причем эти исследователи улавливают закономерность: чем позже, тем дальше на юг проникают памятники катакомбной культуры, и особенно это видно по эталонному предмету катакомбной культуры, ее культурному «паспорту» – глиняной курильнице с внутренней перегородкой, небольшим поддоном или четырехчастной ножкой-подставкой различных вариаций. Важно, что в ранних памятниках северокавказской культуры развитой бронзы таких курильниц нет [286], следовательно, нет особого проникновения катакомбников в Предкавказье на этом этапе. Таких курильниц нет ни в ямной, ни в срубной культурах. Особенность катакомбной культуры, ее погребального обряда, наличие специфических курильниц и прочее подкрепляются и тем фактом, что «антропологи пришли к выводу, что племена катакомбной культуры по физическому облику не являются ни потомками своих предшественников – ямных племен, ни предками сменивших ямников срубных племен, генетически связанных с ямниками»[287]. Сопоставительный анализ культуры и хронологии катакомбной культуры позволяет сделать вывод, что это были племена, вклинившиеся между ямниками и их потомками – срубниками. Поэтому судьба катакомбных племен на различных территориях была различна. На одних территориях они очень рано были вытеснены или ассимилированы срубниками в XVII–XVI вв. до н. э.[288], на других, скажем, в Калмыцких степях, сами потеснили поздних ямников и смешались с ними.

Таким образом, по всей территории расселения ямников, катакомбников, срубников наблюдается симбиоз и синкретическое развитие их культур. Археологи находят очень много общих предметов их материальной культуры при соблюдении каждым из этих племен специфического погребального обряда – этого самого стойкого этнокультурного признака.

Для раскрытия темы очень важен вопрос о происхождении и первоначальной прародине катакомбного сбряда погребения. Например, С. В. Киселев писал, что «только в катакомбной культуре сверленые топо-

ры (имевшие место в трипольской и древнеямной культурах) отличаются большой дифференцированностью форм и разнообразием орнаментации. Они имеют сходство с каменными топорами, распространившимися по Средней Европе (особенно в Причерноморских областях и в Восточной Франции). Если при этом учесть, что по всей Средней Европе, от Польши и до Венгрии и Словении, встречаются погребения в катакомбах, не отделимые по своей конструкции от южно-русских, то сходство в топорах получит объяснение»[289]. О. А. Кривцова-Гракова подчеркивала, что катакомбный обряд погребения в конце III – начале II тыс. до н. э. «распространяется по всему Средиземноморью»[290].

Наконец, в связи с подобными заключениями, нам представляется весьма убедительным всестороннее и глубокое исследование Л. С. Клейна, почти поставившего все точки над «i» в вопросе о происхождении катакомбной культуры. А. М. Тальгрен, Ф. Гончар, Л. С. Клейн пришли к единодушному мнению: «Коль скоро курильницы – эти чрезвычайно оригинальные атрибуты катакомбной культуры – не являются в ней наносным элементом, очевидно, что общий вопрос об истоках катакомбной культуры нельзя считать решенным, пока не будет выяснен более частный вопрос – о происхождении катакомбных курильниц». Этот частный вопрос может дать ключ к решению всей проблемы.

«Исходным является тот непреложный факт, – пишет Клейн, – что на территории нашей страны – ни в ямной, ни в синхронных ей культурах Кавказа – прототипов для катакомбных курильниц нет. Курильницы эти появляются у нас только с катакомбной культурой, и притом сразу в весьма разработанной, сложной форме»[291].

В связи с этим Ф. Гончар писал: «Доказательство прихода или, может быть, только прохода иноземцев тем самым налицо: напрашивается вопрос об их «откуда» и об их национальности; ожидание ответа обращено к типичной катакомбной курильнице»[292]. Анализ всех известных катакомбных курильниц привел Л. С. Клейна к выводу о том, что в бассейне Дуная эти курильницы появились раньше, чем у нас, хотя и там они уже были распространены в достаточно разработанном виде. Последнее обстоятельство побудило его искать прототипы этих предметов в более глубокой древности. Этот поиск приводит исследователя к неолитической кёрешской культуре Балканского полуострова, уходящего своими корнями в культуры IV тыс. до н. э. – Древнего Египта, Крита, Восточной Анатолии. По мнению специалистов, последняя культура бытовала на всем протяжении IV тыс. до н. э. и, возможно, в течение VI – начале IV тыс. до н. э.[293] Таким образом, скорее всего, заключает Л. С. Клейн, наши катакомбные курильницы являются поздними ответвлениями этой старой дунайской традиции. «Как бы то ни было, – продолжает Клейн, – Подунавье – это единственное место, где традиция четырехлепестковых ножек встречается с традицией внутренних перегородок у сосудов и где обе эти традиции развиваются некоторое время порознь, параллельно, на смежных территориях, и даже местами в одном и том же районе. Это значит, что именно там и

могло произойти их слияние в одну керамическую традицию, выраженную позднее в катакомбных курильницах. Только там. Предложенной трактовке вполне соответствует тот факт, что именно самые ранние (по схеме А. А. Иерусалимской) формы катакомбных курильниц стоят типологически ближе всего к дунайским прототипам»[294]. Нелишне будет здесь упомянуть, что в число ранних прототипов курильниц Л. С. Клейн включил и заманбабинскую курильницу из далекой дельты Акчадарьи.

Тот факт, что в донецких катакомбах, более ранних, чем северокавказские, курильницы не столь характерны, объясняется Клейном, возможно, двумя волнами миграции катакомбников – более ранней донецкой, и более поздней – северокавказской [295].

Как отмечалось, большое скопление как древнеямных, так и катакомбных погребений наблюдается в Южно-Калмыцких степях. Причем катакомбные погребения все без исключения являются впускными в более ранние курганы ямников. Следовательно, катакомбники наслоились на бытовавшее здесь древнеямное население [296]. Но примечательно другое: в 70 курганах Верхнего Прикубанья (а точнее – у станиц Усть-Джегута, Суворовская, у хут. Холоднородниковое) А. Л. Нечитайло среди 300 погребений обнаружила только 63 катакомбы бронзового века, относящиеся к XVI–XIV вв. до н. э.[297], а более чем в 170 погребениях эпохи поздней бронзы (в бассейне рек Баксана и Чегема в Центральном Предкавказье) удалось выявить только три катакомбных захоронения, впущенных в ранние курганы ямников и майкопцев. Не более десятка катакомб этого времени известны и на территории Северной Осетии в бассейне Терека. Тяготение катакомбников эпохи бронзы Северного Кавказа к верховьям Кубани и к территории Северной Осетии некоторые авторы пытаются обосновать тем, что будто бы в этих районах имелись более доступные перевальные пути через Кавказский хребет – Марухский, Клухорский, Мамисонский перевалы, Дарьяльский проход, по которым «продвижение на юг племен предкавказской катакомбной культуры могло проходить гораздо интенсивнее, чем на зонально соответствующей территории Кабардино-Балкарии, где нет подобных сравнительно легко доступных проходов через Главный хребет»[298]. Этим же положением они пытаются объяснить наибольшее скопление катакомб раннего Средневековья в тех же районах верховьев Кубани и в Осетии [299]. С этими утверждениями можно было бы согласиться, если удалось бы преодолеть, помимо прочего, хотя бы следующие факты:

■ во-первых, такие перевалы Центрального Кавказа, как Донгуз-Орун, Штулу, использовались русско-грузинскими посольствами в 1639–1693 гг., свитами Елчина, Толочанова, Захарьева, грузинских царей Теймураза и Арчила и т. д. С этой же целью был избран перевал Донгуз-Орун в 1885 г. группой М. М. Ковалевского, С. И. Танеева, И. М. Урусбиева, следовавшей в Сванетию и т. д. По этим же перевалам часто перегоняли скот балкарцы, дигорцы и сваны, о чем писали и чему были свидетелями видные русские ученые Н. В. Пастухов, В. Н. Поггенполь в 1896 и 1898 гг.;

■ во-вторых, во время Великой Отечественной войны через перевал Донгуз-Орун на лошадях, ишаках и пешком был эвакуирован в Закавказье даже Тырныаузский вольфрамомолибденовый комбинат с оборудованием, запасами руды и готовой продукции;

■ в-третьих, никакой концентрации средневековых катакомб в верховьях Кубани, на подступах к перевалам, археологическая наука не знает. Здесь до сих пор известен почти единственный катакомбный могильник Байтал-Чапкан, расположенный в зоне предгорий. А вот в Центральном Предкавказье средневековые катакомбные могильники известны у высокогорных сел. Былым и Хешам, отстоящих от перевалов во много раз ближе, чем Усть-Джегутинские и Байтал-Чапканские катакомбы бронзового века и Средневековья;

■ в-четвертых, ни одной – ни бронзового века, ни средневекового времени – катакомбы археологи не знают на Юге Кавказа в прилегающих к Мамисонскому, Марухскому, Клухорскому перевалам. Так что говорить о каком-то перевале через Кавказ катакомб не приходится;

■ в-пятых, во всех прилегающих с юга к указанным перевалам районах археологи не знают ни одной катакомбной курильницы ни той ни другой эпохи;

■ в-шестых, ни в Прикубанье, ни в Северной Осетии катакомбы бронзового века так близко, как в Баксанском и Холамском ущельях, не подходят к перевальным путям [300].

Из всего сказанного напрашивается вывод: о каком продвижении катакомбников на юг через эти пути может идти речь? Специалисту по составлению археологических карт И. М. Чеченову нельзя не замечать этих очевидных фактов. Вероятно, причины здесь кроются совершенно в других событиях, которые еще ждут своего специального исследования.

Теперь вернемся к прерванному рассказу о срубниках и диффузии их культуры в Приднепровье.

С появлением срубной культуры на Украине погребения в катакомбах совершенно исчезают и их заменяют срубные погребения в грунтовых ямах, накрытых бревенчатым накатом, в ямах устроены срубы [301]. Характеризуя срубную культуру на Донце и на Кальмиусе, В. А. Городцов подчеркивал ее пришлый характер. Подобное же представление складывается, пишет О. А. Кривцова-Гракова, при изучении погребений срубной культуры на Нижнем Днепре. В частности, это особенно видно, продолжает она, под городом Никополем, где появление срубных погребений произошло, очевидно, много времени спустя после катакомбников. О появлении в Приазовье и Северном Причерноморье срубной культуры извне говорит и то, что между ней и катакомбной культурой не наблюдается никаких связующих звеньев.

«Перед нами, – пишет исследовательница, – два совершенно разных обряда. Ни в одной из катакомб не отмечается никаких предпосылок, указывающих на близкое появление могил со срубным или одновременных им простых могильных ям без срубов. С другой стороны, в формах могил сруб-

ной культуры отсутствуют перекрытия, указывающие на происхождение срубных могил от катакомбных сооружений. Представляется вполне очевидным, что могилы срубной культуры и связанные с ними погребальные обряды, – утверждает она, – полностью сложились еще в Поволжье и проникли в Приазовские и Причерноморские степи в уже вполне установившемся виде». Этот тезис она подкрепила тщательным анализом всего комплекса археологического инвентаря и погребального обряда срубных племен [302].

В связи со сказанным важно учитывать, что «переход от полтавкинской культуры (позднеямной конца III – первой половины II тыс. до н. э.) к срубной совершился в Поволжье относительно быстро: при этом, несомненно, не произошло никакой смены населения», – продолжает О. А. Кривцова-Гракова [303].

По словам С. В. Киселева, О. А. Кривцовой-Граковой, как андроновцы на востоке, так и срубники в Поволжье, на Дону, Днепре, в Приазовье, Причерноморских степях широко практиковали верховую езду на лошадях [304]. Также широко применяли они четырехколесные повозки со сплошными колесами древнеямного типа [305]. В погребениях срубников очень часты находки костей лошади, и особенно отличают эти погребения игральные кости-альчики – астрагалы мелких животных: овец, баранов и коз [306].

Хлынувшие из Поволжья в Приазовье и Причерноморье срубники в своем движении на юг в направлении Калмыцких степей, а оттуда к верховьям Кубани и в Предкавказские степи встретили плотный заслон катакомбников приманычских районов. Продвижение срубников здесь было не столь быстрым, как в западном направлении [307]. Вероятно, поэтому А. А. Иессен писал, что на Маныче не встречена керамика ранних срубных форм [308].

На Северном Кавказе срубные племена археологически начинают отражаться со второй половины II тыс. до н. э. В. И. Марковин писал по этому поводу: «Со второй половины II тыс. до н. э. на Северный Кавказ начинают проникать степные племена. Это движение явилось следствием, как считают многие авторы (О. А. Кривцова-Гракова, А. Я. Брюсов), вторжения носителей срубной культуры»[309].

Как и в случае с ямниками, основным плацдармом для продвижения к предгорьям Кавказа срубникам служили Южно-Калмыцкие степи. В последние годы здесь выявлено более 100 срубных погребений в характерных подкурганных грунтовых ямах, облицованных деревянными плахами и бревнами. Как и в древнеямных захоронениях, в них также очень беден археологический инвентарь, а в большинстве из погребений он вовсе отсутствует. Например, достаточно сказать, что в 64 срубных погребениях, раскопанных в 1976 г., были обнаружены несколько остродонных сосудов, два медных ножа, одно шило и несколько костяных наконечников стрел [310].

Ближе к горам верховьев Кубани, по раскопкам А. А. Нечитайло, у упоминавшихся станиц можно выделить 8 классических срубных погребений, а в 36 могилах выявить явные черты ямно-срубного культурного облика: дерево-камышовые настилы, подстилка из камыша, коры дерева, чего никогда не бывает в автохтонных северокавказских погребениях бронзового века, или же в катакомбных захоронениях той же эпохи [311].

К большому сожалению, обильный материал, добытый археологами Кабардино-Балкарии за последние годы, далеко еще целенаправленно и всесторонне не изучен с целью выявления конкретного «степного» влияния на каждом этапе бронзового века региона, хотя даже современный уровень публикации материалов определенно свидетельствует о большой доле каждой из степных культур бронзового века: ямной, катакомбной, срубной и др. Так, например, Р. Ж. Бетрозов и А. Х. Нагоев пишут, что «в погребениях 1700–1500 гг. до н. э. уже не встречалась галечная выкладка дна могил. Это дает основание считать замену галечной выкладки подстилкой из камыша или коры новым элементом погребального обряда, возникшим в результате влияния степняков»[312]. Это влияние степняков в данном случае можно конкретно объяснить лишь влиянием срубников, так как катакомбники или автохтонные племена этого не делали.

Срубно-катакомбный синкретизм наблюдается в одном из курганов у сел. Кишпек, где исследователи обнаружили типичный сруб в катакомбе [313]. В том же кургане выявлены и другие элементы срубной культуры – следы деревянной обкладки погребальной ямы [314]. Ножи срубного типа были найдены в курганах у сел. Шалушка, Чегем I и на высокогорном плато у сел. Былым [315].

Весьма важно, что археологические исследования в окрестностях высокогорного сел. Былым выявили следы срубной культуры не только по отдельным предметам, но и обнаружили остатки срубного жилища [316], которые в позднейшем являются на Кавказе специфической особенностью этнографической традиционной культуры карачаевцев и балкарцев [317].

Таким образом, можно подчеркнуть, что в высокогорном районе сел. Былым, в непосредственной близости от широко популярного в истории перевала Донгуз-Орун, археологически прослежены вообще самые высокогорные памятники ямной, катакомбной, срубной степных культур, что уже само по себе не может не привлечь пристального внимания исследователей древней истории Северного Кавказа.

* * *

Рассмотренный в этом разделе материал показал, что потомки двух генетически родственных древнеямной и афанасьевской культур – срубники и андроновцы – составили такую же близкородственную этнокультурную общность, как и их предшественники.

На крайнем восточном ареале своей ойкумены андроновцы вклиниваются в среду позднеэнеолитических и позднебронзовых племен Саяно-Алтайского нагорья, сталкиваются здесь с потоком племен с монголоидными признаками, шедшими из глубины Юго-Восточной Азии. Симбиоз андроновской и восточных культурных течений создал здесь так называемую карасукскую культуру поздней бронзы и раннего железа. Ученые предполагают, что процесс «монголоизации» андроновцев завершился в карасукское время. Но в карасукских погребениях еще долго встречаются типично европеоидные черты. Карасукская культура послужила основой формирования культуры алтайских племен предскифского и скифского периодов.

В южном направлении срубные племена совместно с андроновцами, проникавшими в дельты Амударьи, Акчадарьи и Узбоя с северо-востока, из Казахстанских степей, создали вместе с местными племенами – потомками кельтеминарцев и заман-бабинских племен так называемую тазабагъябскую культуру. В этой культуре явно прослеживаются и. культурные, и антропологические смешения двух культурных течений: с севера и северо-востока – степной срубно-андроновской и с юга – земледельческой суяргинской культуры. Тазабагъябская культура послужила основой формирования культуры среднеазиатских саков.

В направлении на Среднюю Волгу срубники наслоились на более ранних потомков древнеямной культуры – на абашевские племена.

В Волго-Донском междуречье, в степях Приазовья и Северного Причерноморья срубники сталкиваются с катакомбниками, пришедшими сюда с запада. С появлением срубников катакомбники исчезают из этих районов.

В Южно-Калмыцких степях срубники также сталкиваются с катакомбными племенами Предкавказья и с этого плацдарма проникают в верховья Кубани и высокогорные районы Центрального Кавказа.

Рассмотренный материал приводит к достаточно четкому и однозначному выводу, что в процессе своего развития курганная культура вклинивалась: на севере – в культуру финно-угорских племен; на далеком востоке – в культуру монголоидных племен; на юге – в среду исконно земледельческих племен Юга Туркмении, Иранского нагорья и Афганистана; на западе – в культуру земледельцев восточных окраин трипольской культуры; на юго-западе курганники вклиниваются в многоликую, разноэтническую среду кавказских племен и отсюда проникают на Южный Кавказ и далее в Восточную Анатолию и Переднюю Азию.

КУРГАННАЯ КУЛЬТУРА И ИНДОЕВРОПЕЙЦЫ

В одну телегу впрячь неможно
Коня и трепетную лань.
А. С. Пушкин

Разрабатывая нашу тему, мы подошли к одной из интереснейших и сложных проблем древней истории, а именно к вопросу об отношении курганной (древнеямной) культуры к истории, культуре и экономике индоевропейских племен. Этого вопроса в данной книге можно было бы не касаться, если бы не две причины.

Во-первых, тот достаточно однозначный и неоспоримый археологический факт, что курганная насыпь, как серьезнейшее проявление древнего погребального обряда, изначально продиктованного именно подвижным

скотоводческим (кочевым) хозяйственным укладом на обширных степных просторах Евразии, не находит никаких местных истоков в тысячелетиями складывавшихся древних земледельческих культурах VIII–IV тыс. до н. э. ни в Северо-Западном Причерноморье (трипольская культура), ни в Средиземноморье, Передней Азии, горах Иранского и Иракского Курдистана и Северной Месопотамии (Джармо, Загросс, Чатал-Уйюк, Хассун, Ярым-тепе, Телль-Магзалия, Халаф и др.), ни на Южном Кавказе (Шулавери-Шомутепинская культура), ни в Средней Азии (Намазга-тепе, Гиссар-тепе, Анау), ни в глубинах Центральной Азии и Индостане (Мохенджадаро, Хараппа) и т. п.[318] Нет этих истоков, как мы уже отмечали, и в древнейших культурах неолита и ранней бронзы ни у племен таежной зоны Сибири и Прибайкалья, ни у племен финно-угорской общности, ни у племен «культуры боевых топоров» Западной и Центральной Европы [319].

Во-вторых, этой темы можно было бы не касаться, если бы сторонники различных теорий о так называемой «древней», «вторичной», «третичной» прародине индоевропейских племен и народов, их миграции из этих «прародин» по всему свету не связывали их с исконно степной (паспортизированной курганами) древнеямной археологической культурой кочевников-овцеводов.

Одни считали прародиной индоевропейцев Северопричерноморские степи Восточной Европы, другие – Балканский полуостров, а в последние годы Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов все более настойчиво пытаются доказать, что первоначальной прародиной индоевропейцев была Древняя Передняя Азия в пределах распространения халафской археологической культуры V тыс. до н. э., а «вторичной» прародиной будто бы были Балканы и Восточно-Европейские степи [320].

В-третьих, ни исторически, ни археологически не документируется какое-либо движение этнических групп в IV–III тыс. до н. э. с юга на север через Кавказ. Крупнейшие специалисты утверждают, что «никаких миграций через Кавказ с юга на север вообще не засвидетельствовано»[321]. Археологи единодушны в том, что «во второй половине III тыс. до н. э. в Восточном Закавказье усиливаются северные воздействия. Появляются северные погребальные обряды – подкурганные захоронения, камеры, обставленные крупными деревянными стволами»[322].

Исследования показывают, что «рейды воинов из Северных степей, проникавших через проходы Кавказа в Переднюю Азию с целью грабежа, ни в коей мере не являлись действительно этническим движением»[323]. Но когда речь идет о массовых появлениях курганов с характерным погребальным обрядом, тогда говорить об этнических перемещениях более чем необходимо.

Упомянутый нами во введении спор между эволюционистами и миграционистами вероятнее и более всего касался в исторической науке вопроса именно единой прародины или нескольких очагов зарождения индоевропейской цивилизации. Перечисленные теории так или иначе придерживаются точки зрения единой прародины и связывают эту ци-

вилизацию и с древнейшими земледельческими оседлыми культурами Древней Передней Азии, и с древнейшими кочевническими культурами Евразийских степей. Таким образом, по их мнению, все, что было возможно человеческому разуму и в земледельческом, и в кочевом образе жизни, явилось достижением одних только индоевропейских племен.

Свою, ставшую весьма популярной, теорию Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов недавно полностью изложили в фундаментальном двухтомном труде [324] (1328 с.). Распад индоевропейской языковой и этнокультурной общности они относят к концу IV тыс. до н. э.[325]

У читателя, естественно, возникает вполне закономерный вопрос: почему же вдруг распалась столько тысячелетий процветавшая, достигшая выдающихся успехов, прочная оседло-земледельческая цивилизация, знакомая с колоссальными ирригационными сооружениями, умевшая бороться со стихиями природы, имевшая уже многовековой опыт династического, государственного, монархического развития, со сложной, сформировавшейся социальной, сословной и политической системой, с развитым храмовым хозяйством, жречеством и т. п.?

Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов считают главной причиной распада некие климатические изменения. На протяжении четырех тысячелетий (с VIII по IV тыс. до н. э.) до этого распада, наверное, не раз случались катаклизмы, однако они не привели к такому «катастрофическому» распаду многотысячелетнюю цивилизацию, вобравшую в себя почти все возможные достижения человеческого гения. Впрочем, еще в 1982 г. известный специалист по истории, языку и культуре Древней Передней Азии И. М. Дьяконов выставил, на мой взляд, три весьма существенных контраргумента против этой теории (кстати, оставшихся без ответа в указанной монографии авторов новой теории):

1. «Кочевниками праиндоевропейцы не были. Кочевничество предполагает верховое сопровождение стад... Колесницы для этого не годятся. Передняя Азия не знала настоящего кочевничества до последних веков II тыс. до н. э. Ни ранние индоевропейцы, ни ранние семиты, – продолжает он, – не были кочевниками»[326].

2. «Центральная Малая Азия в период неолитических климатических оптимумов (8000–5000 гг. и 4000–2500 гг. до н. э.) имела благоприятные условия не только для земледелия, но и для крупного скотоводства».

3. «Наконец, что же двигало все эти волны миграций? Если древнеямная культура Приволжья и Причерноморья была родиной (пусть даже «вторичной». – *И. М.*) италиков, кельтов, германцев, балтов, славян да еще и какой-то части ариев, да еще и сако-скифских племен, то каковы же были специфические черты именно этой культуры, которая позволила ей стать центром столь обширного расселения?»[327]. А недавно И. М. Дьяконов высказался более категорично: «Никаких реальных следов пребывания древнейших индоевропейцев в Передней Азии нет»[328].

В развитие этой мысли мы теперь можем указать, каковы были специфические черты той курганной (древнеямной) культуры, будто бы ставшей центром формирования культуры кельтов и славян, италиков и балтов,

германцев и саков и т. д. Весь вопрос в том, насколько успешно древнеямная культура с ее прародиной в междуречье Волги и Урала может без целеустремленного насилия над археологическими фактами быть связана с этнокультурным обликом и древней историей столь разных народов, о которых идет речь. Вероятнее всего, когда речь идет о распаде индоевропейской общности и ее древней культуре, необходимо, наверное, видеть совокупность ряда серьезных причин: и климатических, и социально-экономических, и, прежде всего, фактор внешних вторжений в земледельческую цивилизацию, растянувшуюся от Северо-Западного Причерноморья – Балкан – Средиземноморья до Иранского нагорья и Афганистана. Нельзя отрицать вторжение в эти области носителей курганной культуры – кочевников, вклинившихся во всех этих направлениях в среду древних оседлых земледельцев. Этому предположению, кроме всего вышеприведенного материала, соответствует и тот факт, что курганы ни в одном направлении не исходят из среды обитания племен земледельческой культуры. Своего рода повторным примером могут быть вторжения гуннов, хазар, печенегов, монголо-татар и других кочевников в земледельческие цивилизации.

Мы не ставим перед собой цели оспаривать лингвистические доводы Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова, да это и не в нашей компетенции. Однако сослаться на авторитет выдающихся лингвистов необходимо, хотя бы справедливости ради.

Н. Я. Марр писал: «Праязык индоевропейских языков есть научная фикция, одно время полезная, даже когда перестали верить в нее, полезная как рабочая гипотеза, теперь же вредная фикция, извращающая всю историю развития и возникновения человеческой речи, прямо-таки мешающая правильной постановке исследовательской работы по ней»[329]. По его мнению, многие термины «разъяснены как иранизмы без учета их палеонтологии, равнодушие к которой ныне вытекает из уверенности специалистов-невостоковедов, предполагающих, что иранский мир сам по себе является чем-то совершенно определенным и разъясненным даже и в плоскости его генезиса»[330]. Завершая свое отношение к данной проблеме, Н. Я. Марр писал, что «в процессе развития мировой культуры лингвистический индоевропеизм оказался роковым орудием, мертвящим тормозом», и подтверждал эти слова мнением археологов о том, что «индоевропейская теория оказалась бедствием и для археологической науки»[331]. Последняя мысль особенно проявляется в постоянных попытках ряда археологов приписывать все и вся в древней культуре Евразийских степей одним лишь индоевропейским племенам.

«...Языковые контакты, – пишет И. М. Дьяконов, – всегда имеют место как результат действия неязыковых факторов. Тем самым, если мы хотим изучить значение языковых контактов, мы должны также рассмотреть исторические, культурные и антропологические взаимодействия»[332].

Исходя из этих положений мы и должны рассматривать археологические взаимодействия как этнокультурную основу языковых контактов

кочевого и оседло-земледельческого мира древности. При анализе этих контактов очень важно было бы не забывать вполне справедливых слов Н. Я. Марра о вторжении тюркских языков «с незапамятных времен в страны архаической переднеазиатской культуры... Тюркология, научная хозяйка материалов, захватывающих обширнейшие территории, имела соприкосновение с самыми различными типологическими видами человеческой речи, турецкая речь вкрапливалась струями или вливалась массами в кавказскую среду»[333]. С позиций археологической науки мы склонны видеть эти контакты во внедрении курганной культуры в кавказскую и переднеазиатскую среду.

Для нашей темы, в принципе, не имеет значения вопрос о «первичной» или «вторичной» прародине индоевропейцев. Но предпринимаемая рядом авторов, в т. ч. Гамкрелидзе и Ивановым, попытка обосновать внезапное превращение четыре тысячелетия развивавшейся оседло-земледельческой цивилизации в почти первобытно-общинный образ жизни с коренным изменением (что называется, заново рожденной) материальной, духовной, социальной и общественной культурой, с совершенно заново рожденным погребальным обрядом – эта метаморфоза перерождения земледельцев в степняков-кочевников не может быть понята без объяснения длинного ряда противоречий. Этих противоречий авторы новой теории могли бы избежать, если бы при привлечении к своей концепции археологического материала действительно придерживались объективного подхода к контактам древних культур и прислушались к методологическим советам Якоба Гримма: «Исследование языка, которым занимаюсь и от которого я исхожу, никогда не могло бы меня удовлетворить, если бы я от слов не переходил всегда к вещам: я хотел не только строить дома, но и жить в них»[334]. Можно было бы следовать рекомендациям Томаса Куна, что соображения, ведущие к отрицанию одной и принятию другой парадигмы, «означают как сопоставление обеих парадигм с природой вещей, так и сравнение их друг с другом»[335].

Именно отход от этих основополагающих принципов, будто бы и провозглашенных авторами путеводной нитью своих исследований, и приводит их к ряду серьезных противоречий и ошибок в соотнесении древнекочевой и древнеземледельческой культур Восточно-Европейских степей и Передней Азии.

Остановим внимание на некоторых аспектах.

I. Социально-экономический аспект. Общеизвестно, что в ареал халафской культуры входили северные районы Ирана, Ирака и Сирии, юго-восточные пределы Турции. Крайним северо-восточным пунктом ее проявления являются западные берега озера Ван. Культура, с которой связывают индоевропейскую общность, получила свое название от поселения на холме Телль-Халаф в Северной Сирии. Как говорит крупнейший специалист Д. Меллаарт, «если конец Халафа темен, то и происхождение культуры не многим яснее»[336]. Тем не менее хорошо известно, что в халафской и близкой к ней оседло-земледельческой культурах Передней Азии

V–III тыс. до н. э., в частности в Двуречье, распад общества на антагонистические классы был давно укоренившимся явлением и общей системой жизни. Здесь повсеместно шел быстрый процесс имущественного и социального расслоения общества, который привел в конечном счете уже в IV тыс. до н. э. (т. е. к моменту распада общности) к созданию органов насилия, власти, управления, налоговой системы, постоянного войска. В руках аристократии накапливался прибавочный продукт, велась ожесточенная классовая политическая борьба как внутри городов-государств, так и между самими городами, управляемыми царями-монархами. К тому времени в Передней Азии уже совершенно наглядно проявлялось разделение умственного и физического труда, выделение в особый класс жречества, владевшего огромными храмами и храмовым хозяйством, руками порабощенных создавались грандиозные сооружения, ирригационные каналы и т. д.[337]. Например, описывая поселение V–IV тыс. до н. э. Тепе-Гавра («Великий холм») близ Мосула, Гордон Чайлд отмечал, что центр поселения был занят большим зданием, которое, судя по его плану и фундаменту, считают храмом. Стены его снаружи были выкрашены в разные цвета. По внешним замерам храм в плане имел размеры: 17 х 13 м. На синхронных поселениях Передней Азии имелись и более крупные храмы: 72,5 х 30 м, 22 х 17 м и др. Нередко эти грандиозные сооружения стояли на искусственных возвышениях из кирпича или зиггуратах высотой до 10 м. Возведенные из сырцового кирпича стены уже этих ранних храмов зачастую были украшены различными рельефами и инкрустированы морскими раковинами и привозным деревом [338]. Социальная интерпретация богатых гробниц III тыс. до н. э. как гробниц правителей или царских усыпальниц достаточно обоснована, пишет В. М. Массон.

«В частности, – говорит он, – в урских погребениях обнаружены печати с собственными именами и титулами погребенных, обладавших полнотой власти, вероятно, военной»[339].

Сопоставление уровня социально-экономического и социально-политического развития переднеазиатских и древнеямных племен делает совершенно излишним любые комментарии. Если же упорно настаивать на отождествлении древних индоевропейцев с древнеямниками, то историк вынужден признать парадоксальный феномен: обратный прыжок общества из высокоцивилизованного состояния – с государственным строем, развитой социально-политической системой, развитым жречеством, храмовым хозяйством, высокой ирригационной культурой земледелия, обладавшего к тому времени всеми культурно-экономическими достижениями человеческой цивилизации, – в глубокую «первобытную» невинность. Ведь «древнеямные погребения в большинстве своем даже безынвентарны. В Нижневолжском районе инвентарь найден лишь в 30 процентах погребений, да и тот, как правило, весьма беден и представлен очень ограниченным числом категорий изделий»[340].

II. Хозяйственно-бытовой уклад жизни древних индоевропейцев Передней Азии был связан с оседлым, орошаемым земледелием. Задолго

до III тыс. до н. э. эти племена уже знали плуг, а следовательно, запрягали в него быков [341]. На стоянках-поселениях V тыс. до н. э. Телль-Хассун, Телль-Халаф, Калаат-Ярмо всего 5 процентов костей было диких животных, а 95 процентов домашних – быков, свиней, овец, коз. На поселении Ярым-тепе II 87 процентов принадлежало домашним, а 12,5 процента – диким животным [342]. Кроме того, на поселении Ярым-тепе («Половинный холм») в Северной Месопотамии обнаружено много разновидностей культуры ячменя и пшеницы. По определению Ф. Х. Бахтеева и Э. В. Янушевича, это были ячмень многорядный, голозернистый, мягкий, пленчатый; а пшеница–двузернянка, твердая и т. п.[343] Значительного уровня племена халафской культуры достигли и в области металлургии и металлообработки меди, свинца [344].

Обнаруженные на многих поселениях глиняные статуэтки сидящих женщин – символов плодородия – свидетельствуют о громадной роли земледелия в жизни и экономике этих племен. Так, например, на поселении Ярым-тепе был найден уникальный расписной антропоморфный сосуд, изображающий женщину. По своей форме и изяществу исполнения и орнаментации он отнесен к числу шедевров первобытного искусства, олицетворяющего культ плодородия земли [345].

Сравнение всего указанного с хозяйственным укладом первобытных кочевников-овцеводов (древнеямников) не оставляет никакой надежды увязать между собой столь разный облик хозяйствования и не менее разный образ жизни. Вряд ли можно отыскать в истории пример тому, чтобы древнейшие земледельцы, имевшие устоявшиеся на протяжении четырех тысячелетий (до распада индоевропейской общности) прочные традиции оседло-земледельческой жизни, превратились в кочевников. Вообще, превращение земледельцев в кочевников является вторым парадоксом новой теории. Если превращению кочевников в оседло-скотоводческие и оседло-земледельческие общества мы знаем достаточно примеров, в т. ч. и в лице древнеямников-кочевников, вторгшихся и осевших, скажем, в среде поздних трипольцев, в среде земледельцев культуры Анау, в среде земледельческих племен Южного Кавказа и т. д., то искать примеры обратного превращения оседло-земледельческих племен в кочевников – занятие достаточно бесперспективное.

III. Жилища и поселения на широко известных оседло-земледельческих поселениях Передней Азии, относящихся к V тыс. до н. э. и более древнему периоду, – Телль-Хассун, Телль-Халаф, Ярым-тепе I, Ярым-тепе II, поселения Санджарской долины, на холме Эль-Обейд, Джамдет-Наср, города Ур, Урук, Киши и мн. др. – характеризуются тем, что население их «в течение многих поколений жило на однажды избранном месте, в постоянных жилищах, выстроенных из плотно сбитой глины с примесью мякины», в жилищах из самана и пр. В течение многих веков на таких поселениях накапливался культурный пласт мощностью до нескольких десятков метров [346]. Так, на халафском поселении Ярым-тепе I в 12 строительных горизонтах исследовано более 400 помещений, большинство из которых

объединены в многокомнатные, сложно спланированные здания, глинобитные стены которых достигают 30–35 см толщины. В этих помещениях имелись круглые, прямоугольные печи со сводами и выложенным черепками подом. Печи использовались как для выпечки хлеба, так и для хозяйственных нужд. К жилым помещениям примыкают дворы, в которых также обнаруживаются печи. Пол в жилищах иногда покрывался обмазкой из глины с примесью рубленой соломы, обычно около 3 см толщиной. Стены жилищ воздвигались из разновеликих «ломтей» глины длиной до 23–35 см при ширине 20 см и толщине 3–6 см. В различных строительных горизонтах эти «ломти» были разными по величине: длина до 40–50 см, толщина 4–7, ширина до 30 см и более.

Весьма важно отметить, что исследователи замечают такую деталь: «С самого начала строительные остатки свидетельствуют о достаточно уже выработанной традиции многокомнатных построек, предысторию которой дают значительно более ранние культуры»[347]. На халафских поселениях имелись и различные печи для обжига керамики, кладовые для продуктов и т. п. В качестве хранилищ использовались и огромные сосуды.

В таких городах, как Урук, Ур, Киши и другие, строились огромные общественные здания – храмы как из сырцового, так и жженого кирпича. Г. Чайлд писал, что в Месопотамии IV тыс. до н. э. «в местах с более влажным климатом, если было в достатке топливо, кирпичи обжигали в специальных печах, и они становились водоупорными, как камень»[348]. Значительные по размерам общественные здания нередко имели художественное оформление стен, фасадов, входов и пр.

Даже этот беглый взгляд на поселения и жилища халафской культуры древней Передней Азии не оставляет никакой надежды на сравнение их с культурой древнеямников. Их просто не с чем сравнивать. Археология не располагает, как указывалось выше, никакими сведениями о поселениях и жилищах древнеямных племен, и особенно на их родине – в Волго-Уральском междуречье. Кочевники не могли и не умели строить такие дома и сооружения, а умевшие их создавать индоевропейцы не могли так быстро и начисто все позабыть и превратиться в степняков-кочевников, не помнящих тысячелетних традиций.

IV. Погребальный обряд является самым стойким и надежным этническим определителем во всем археологическом этнокультурном комплексе. Мы в своем повествовании говорим об этнических перемещениях лишь только тогда, когда налицо непременное сочетание археологического инвентаря или характерных предметов материальной культуры с погребальным обрядом. Опираясь лишь на отдельные предметы быта, вооружения, украшений, даже на формы и орнаментацию керамических сосудов, в отрыве от ритуала захоронений говорить об этнических перемещениях чрезвычайно рискованно. И если подходить с этих позиций к разбираемой теории, то многие ее «обнадеживающие» положения рушатся на глазах. Судите сами. В халафской и близких к ней культурах Передней Азии, Южного Кавказа, Средней Азии умерших хоронили прямо в доме:

под полом, под очагом, под порогом. Могильники устраивались в самих поселениях. Такая традиция, по словам Р. М. Мунчаева и Н. Я. Мерперта, «восходит на Ближнем Востоке по меньшей мере к VII тыс. до н. э. (Иерихон в Палестине, Чатал-Уйюк в Анатолии, Телль-Магзалия в Месопотамии)». Это же было свойственно культуре населения Телль-Хассун, Ярым-тепе, Телль-Сотто и др.[349]

Нередко погребенные покоились в специальных больших керамических сосудах или накрывались большим фрагментом таких сосудов. Распространенный по Ирану, Месопотамии и всей Передней Азии, Южному Кавказу обычай хоронить людей под полом жилища, под очагом, устраивать кладбища в самих поселениях отмечали многие ученые, в т. ч. Г. Чайлд, С. Дикшит и др. По словам Чайлда, под полом жилищ в переднеазиатских городах устраивали целые погребальные комнаты, а царские гробницы имели необычайные размеры и архитектурные обрамления [350]. Леонард Вулли, раскопавший огромный могильник в городе Уре, состоявший из 1400 отдельных могил и шести царских гробниц XXVI в. до н. э., писал, что могилы простых людей представляли собой прямоугольные ямы, покойник лежал «обычно в плетеном или глиняном гробу»[351].

На с. 964 своего труда Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов, ссылаясь на исследования Р. М. Мунчаева и Н. Я. Мерперта в Северной Месопотамии, пишут: «Халафская археологическая культура, согласно раскопкам последних лет, характеризуется трупосожжением, что является одним из основных отличительных признаков индоевропейского погребального обряда». Прежде всего, встает вопрос: как этот «основной отличительный признак» связать с древнеямной культурой, для которой трупосожжение вовсе чуждо? А во-вторых, послушаем Р. М. Мунчаева и Н. Я. Мерперта: «Что касается второй группы погребений Ярым-тепе II – трупосожжений, то они на памятнике халафской культуры встречены впервые. Трупосожжения в двух ранних горизонтах Ярым-тепе II зафиксированы пять раз (всего?! – *И. М.*). Крайне любопытно, – пишут они, – что все эти погребения сконцентрированы на одном участке поселения – квадрате 23. Во всех случаях, есть основания полагать, что они совершены на стороне... Зафиксированный на Ярым-тепе II обряд трупосожжения представляет собой интерес, поскольку до сих пор он не был известен в столь ранних памятниках Месопотамии... Захоронения останков трупосожжения оказываются характерными только для ранних горизонтов поселения Ярым-тепе II. В дальнейшем ни один из этих культовых обычаев не получает здесь развития, во всяком случае, судя по материалам вскрытых участков поселения... [Хотя] в Ярым-тепе II специфические особенности халафской культуры представлены чрезвычайно ярко»[352]. Продолжая разговор о погребальном обряде, следует сказать и о том, что авторы новой теории apriori, исходя из ираноязычности скифов, пишут (с. 482), что обряд погребения женщин с конем «реконструируется и в иранской традиции на основании сопоставления свидетельств Геродота и других античных авторов об удушении одной из наложниц вождя и принесении в жертву коней у скифов, с одной стороны,

и обнаруженного во втором Туэктинском кургане на Алтае захоронения женщин вместе с верховыми лошадьми». В подтверждение своего сопоставления они ссылаются на работу С. И. Руденко [353]. Но при этом они не учитывают двух важных деталей:

1. У С. И. Руденко речь идет о войлочных коврах, изготовление которых не было исконно древним элементом традиционной культуры ни у одного индоевропейского племени или народа (если не считать позднейших заимствований XVII–XIX вв. н. э.).

2. Эти ковры и указанное захоронение были найдены в деревянных срубах, деревянных колодах, что также никогда не являлось традицией погребального обряда индоевропейских племен и народов.

Приведенные факты о таком стойком этническом определителе, как погребальный обряд, не дают никаких оснований ни для сопоставления, ни тем более для отождествления древнеямной культуры с культурами древних индоевропейцев Передней Азии.

V. Керамика также является одним из ведущих этнокультурных признаков. Керамическое ремесло древнеямных племен было развито крайне слабо. Керамика в их памятниках является не столь уж частой находкой. Да и найденные образцы ее изготовлены исключительно из грубой глины, ручной лепки, остродонные, яйцевидных форм, с незамысловатым орнаментом в виде насечек, оттисков, бессистемных полос, оставленных пучком травы на сырой поверхности глины и т. п. Сравнение ее с превосходной керамикой переднеазиатских культур не оставляет никакой надежды вывести керамику древнеямников из переднеазиатской. Последняя, как известно, изготовлялась «из специально приготовленной глины, после обжига имевшей светло-желтый, кирпично-красный цвет. Стенки расписных сосудов были настолько тонкими, что их можно сравнить со скорлупой яиц страуса». Керамика была плоскодонной, нарядной, тщательно обожженной, разнообразных форм, чаще изготовлена на гончарном круге, украшенная чрезвычайно богатым разноцветным орнаментом. Так, например, и на среднеазиатских стоянках-поселениях Джойтун, Кайлю, Дже-бел, Дам-Дам-Чешме богато орнаментированная и разноцветная плоскодонная керамика «резко отличается от остродонных и круглодонных грубо слепленных сосудов рыболовов-охотников и кочевников»[354].

На поселениях Телль-Хассун, Эль-Обейд, Джемдет-Наср, в городах Урук, Киши и других районах Месопотамии и Передней Азии гончарное дело достигает в рассматриваемое время особо высокого уровня.

«Об этом свидетельствуют изящные и разнообразные по форме сосуды, украшенные строгими и вместе с тем богатыми по содержанию расписными узорами. Чаще всего встречается характерный узор в виде мальтийского креста, а также стилизованного изображения бычьих голов»[355]. Керамика из упоминавшегося халафского поселения Ярым-тепе представлена многочисленными образцами лощеной, хорошо обожженной, крашеной, расписной, богато орнаментированной посуды: кувшинов, чаш, мисок,

горшков и т. п.[357] Основная цветовая гамма сосудов – розовые, кремовые, черные [356]. Часто обнаруживались и специальные погребальные сосуды [358].

Таким образом, новую теорию о связи древних переднеазиатских индоевропейцев с древнеямной культурой кочевников не подкрепляет и керамика. Трудно допустить, чтобы столь высокий уровень гончарного дела вдруг был низвергнут к самому истоку керамического ремесла, каковым представляется керамика древнеямников по сравнению с керамикой Передней Азии, культуры халафа, в частности.

VI. Два слова о повозках. Авторы новой теории отводят им в своей концепции очень серьезную роль. Они пишут: «По данным археологии, изготовление колесных повозок датируется временем около IV тыс. до н. э. Очагом их распространения признается ареал от Закавказья до Верхней Месопотамии. Из ближневосточного очага колесные повозки распространились в Волжско-Уральском районе» – и ссылаются на работу В. Ф. Генинга[359]. Здесь возникает несколько возражений:

1. Очагом зарождения колесных повозок ни Закавказье, ни Месопотамия не могут считаться, потому что в Закавказье они появляются только в курганах типа Бедени, которые не были исконно характерны для этих областей, т. е. где-то в XXIII–XXIV вв. до н. э., а а месопотамских (шумерских) царских гробницах мы знаем три повозки: одну на полозьях, две на колесах из захоронений XXVI в. до н. э.[360] Все остальные «повозки» Передней Азии – это всего лишь роскошные изображения «чудесных» предметов на роскошных вазах, погребальных балдахинах – так называемых штандартах, на изображениях Крита позднеминойской эпохи XIX–XVII вв. до н. э.

2. Во всем ареале земледельческих культур VII–IV тыс. до н. э., по всему Старому Свету на хорошо изученных поселениях и могильниках мы не знаем ни одного экземпляра повозки. Требует серьезного внимания тот факт, что в рядовых погребениях степных племен Днепро-Волжского междуречья известно 56 повозок, а во всей переднеазиатской цивилизации всего две колесные повозки, да и те только в царских гробницах. Живым примером резкого контраста являются новейшие находки в Восточном Приазовье, где в 39 почти безынвентарных бедных погребениях III тыс. до н. э. были обнаружены пять древнейших четырехколесных повозок со сплошными колесами [361].

3. Совершенно обескураживающим индоевропейцев является, на мой взгляд, во-первых, тот факт, что на могильнике второй половины II тыс. до н. э. Синташта в пос. Рыминском Брединского района Челябинской области, на который ссылаются авторы новой теории, были выявлены отпечатки позднейших колес с 8 спицами [362]; а, во-вторых, погребения этого могильника были бескурганными, грунтовыми ямами, не имеющими никакого отношения к курганной культуре ни по облику археологического материала, ни хронологически, ни по погребальному обряду.

4. Я полагаю, что для изготовления деревянных колес требовалась древесина особого, твердого качества, а вот в Месопотамии «из древесных

пород можно отметить финиковую пальму, дававшую питательную и вкусную продукцию, но низкую по качеству древесину»[363].

VII. О терминах, означающих «лошадь», которым в труде Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова уделено огромное внимание. Не случайным (а потому поразительным) кажется тот факт, что в индоевропейских языках, формировавшихся будто бы на родине древнейшей доместикации лошади, нет единого термина для обозначения этого животного: *asa, ippos, eoh, yakwe, eque, esve, marr, merr, marah, mearh* и т. п.[364]

Но прежде послушаем самих авторов:

1. «Характерно, – пишут они, – что сами хурриты не пользовались широко лошадьми в военных и хозяйственных целях до образования государства Митанни (конец II тыс. до н. э. – *И. М.*). Более того, в древнехурритской традиции основным транспортным животным был бык. В хурритской поэме «Песнь об Улликумми» бог грозы, готовясь к битве, впрягает в колесницу быков... Самое раннее упоминание «лошади» в текстах на древних индоевропейских языках содержится в надписи Аниты (начало II тыс. до н. э.), в которой говорится о численности воинов и лошадей»[365].

2. «К числу поздних (почему же? – *И. М.)* заимствований из азиатских языков, – пишут они, – принадлежит *русск.* «лошадь» – *др. тюркск.* АЛАША – лошадь; мерин: *др. русск.* МЕРИН – из монгольского «*morin*»[366].

3. На с. 554, касаясь кельто-германского названия «лошадь»:

др. исландск.	*marr* – «конь»,
	merr – «кобыла»;
др. верхненемецк.	*marah* – «конь»;
англ.	*mearh* – «конь»,
	miere – «кобыла»,

авторы указывают его азиатское происхождение и источники: «Слово это не находит соответствий в других индоевропейских диалектах и должно считаться заимствованием в этой диалектной группе из какого-то восточно-азиатского источника». Далее: «Верховая езда в областях исторического расселения кельтов и германцев становится известной лишь к первому тысячелетию до н. э.».

Очень напрашивается вопрос: если корень этих терминов восходит к восточно-азиатским языкам, то откуда же они могли взяться у кельтов и германцев еще в I тыс. до н. э.? Ведь по существующим утверждениям индоевропеистов, восточно-азиатские языки, в т. ч. монгольские и тюркские, проникли в Восточную Европу лишь в эпоху гуннов, т. е. в IV–V вв. н. э.

4. На с. 551 читаем: «Характерно, что «лошадь» и ее культ отсутствовал на Крите до середины II тыс. до н. э., где преобладал культ «быка», как священного животного... Появление самой лошади на Крите относится к позднемикенскому периоду» (1500–1100 гг. до н. э. – *И. М.*).

5. «В двух группах индоевропейских языков – славянском и армянском (кстати, древнейшем индоевропейском диалекте. – *И. М.*) не обнаруживаются названия «коня», «лошади» от единой основы (*древнеинд., лит., авест., лат.*), что может объясняться заменой его другими словами...

В армянском след индоевропейской основы видят в форме *es* – «осел», тогда как в армянском «Jj» – «лошадь» увязывается с ведийским поэтическим словом *haya* – «конь», восходящим, вероятно, к индоевропейскому, описательному образованию от (реконструированного. – *И. М.*) корня – q[h]ei»[367].

Приведенные высказывания самих авторов, по нашему мнению, никак не увязываются с их же утверждениями о том, что древняя прародина индоевропейцев – Передняя Азия, и халафская культура была древнейшей родиной доместикации лошади, предком которой был полуосел онагр, рано приручённый в Северной Месопотамии (Джармо около VII тыс. до н. э.) [368]. Сославшись на изображения лошади на вазах и статуэтках близ Багдада, на костные останки лошади в Восточной Анатолии во второй половине IV тыс. до н. э., они утверждают, что одомашненная лошадь попала в Восточную Европу из Передней Азии через Балканы и Юг Туркмении [369]. Однако совершенно очевидные противоречия, о которых говорят даже наши краткие выдержки из их построений, приводят Гамкрелидзе и Иванова в конце концов к признанию: «Тем не менее домашняя лошадь для некоторых цивилизаций Передней Азии была нововведением, заимствованием из чужой культурной традиции. Это проявляется, в частности, в древнем шумерском наименовании лошади, как «осла гор», что указывает на импорт лошади из горных областей»[370] (кстати, оттуда же, из-за гор Кавказа и Юга Туркмении, проникали в Переднюю Азию и курганы!). Но вместе с тем на с. 545 эти же авторы ту же шумерскую фразу используют для доказательства древнейшего коневодства в Передней Азии (?).

Таким образом, если для шумерской цивилизации домашняя лошадь – явление, привнесенное извне, а в древнейшем индоевропейском языке – армянском – нет древнеиндоевропейского корня для обозначения «лошади», если хурриты не знали лошадь до конца II тыс. до н. э., если на Крит она попала только к середине II тыс. до н. э., если кельто-германские и русские обозначения «лошадь» и «мерин» переняты из восточно-азиатских языков, то как же обосновать древнейшую родину доместикации лошади в Передней Азии? Ссылка на кости домашней лошади в Восточной Анатолии не помогает, потому что там эти кости найдены исключительно только в курганах с типично древнеямным погребальным обрядом захоронения, совершенно чуждым для местных племен и культур. Не подтверждают их идею и исследования на халафских поселениях Северной Месопотамии.

Вот что пишет по этому поводу В. И. Бибикова, подводя итог своим анализам: «Отсутствие лошади характерно и для других поселений Ближнего Востока неолитического времени – Джармо, Иерихон, Чатал-Уйюк, Дабагия и др. Отсутствие лошади также отмечено в неолитических и энеолитических поселениях Южной Туркмении. Интересно, что на памятниках мезолита и палеолита на территории Ближнего Востока остатки лошади не встречены. Отсутствие лошади в ранних памятниках Ближнего Востока позволяет исключить эту территорию из зоны поисков древнего очага доместикации этого вида»[371]. Комментарии, как говорится, излишни.

Несостоятельна попытка Гамкрелидзе и Иванова обосновать переход полуосла в лошадь [372], потому что повисает в воздухе вопрос: когда же мог переродиться онагр в лошадь, если в тех же царских гробницах Ура в повозки XXVI в. до н. э. были впряжены ослы, как утверждает автор раскопок гробниц Л. Вулли? Исключают Переднюю Азию из зоны доместикации лошади и такие необходимые для конской сбруи и узды атрибуты, как псалии.

Анализируя древнейшие находки медных псалий на Северном Кавказе, Р. М. Мунчаев пишет: «Подобные предметы нам неизвестны нигде за пределами Северного Кавказа. Весь древнейший металл, обнаруженный в памятниках смежных областей Старого Света, в большинстве своем опубликован. Мы тщетно пытались найти им хоть какие-нибудь аналогии в коллекциях Британского музея и некоторых музеев Ирана и Ирака, с которыми нам удалось познакомиться. При встрече с турецкими учеными З. Акургалом и Э. Бильгичем мы интересовались тем, известны ли подобные предметы в памятниках Анатолии. Ответ был отрицательным. Наконец, мы обратились специально по этому вопросу к Ж. Дейе – большому знатоку древневосточного металла. Но и он не сумел указать на какие-нибудь аналогии упомянутым псалиям, заметив, что ничего подобного ему неизвестно в материалах IV–II тыс. до н. э. Старого Света. Следовательно, эти древнейшие псалии поистине уникальны (сейчас их известно на Северном Кавказе 5 экземпляров. – *И. М.*), что дает основание рассматривать их как продукт местной металлообработки и предполагать появление коневодства на Северном Кавказе в конце III тыс. до н. э.»[373].

И последнее замечание касается всадничества, которому в разбираемом труде также уделено много внимания. Сославшись на работу Н. Я. Мерперта и В. Б. Ковалевской о том, что всадничество зарождается на рубеже III–II тыс. до н. э. или еще раньше в степях Центральной Азии, восточнее Волги, авторы новой теории признают, что «именно носители европейских диалектов могли познакомиться с верховой ездой во время их соприкосновения с центрально-азиатскими племенами и занести практику верховой езды (как и соответствующее название «верховая лошадь») в Европу, в исторические места их жительства»[374]. И вновь встает вопрос: когда и как могли соприкасаться кельто-германские племена и славяне с центрально-азиатскими племенами, если не признать древнее обитание последних в Восточно-Европейских степях?

Таким образом, поиск новой родины доместикации лошади и первого использования домашней лошади в пределах Передней Азии оказался неудачным. Кроме всего прочего, это наглядно проявляется даже в том, что у индоевропейских народов, будто бы расселившихся с прародины доместикации лошади, нет единого (хотя бы близкородственного) корня для обозначения понятий: «лошадь», «жеребец», тогда как во всем тюркоязычном мире существует единое понятие *ат, айгыр* и другие общетюркские слова, обозначающие половозрастные категории, масть и породы лошадей.

VIII. Несколько слов о терминах «волк», «лев». В своем труде уважаемые авторы приводят много сведений о вере в магические свойства «вол-

ка» у разных индоевропейских народов. Так, например, у древних хеттов (текст царя Хаттусили I; XVII в. до н. э.): «...призывает своих воинов «быть единым целым», т. е. объединиться «как волчий род». В тексте «Хеттских законов» (§ 37) говорится: «...ты дде сделался, волком», «...он есть волк». Авторы приводят древнехеттский ритуал – пляску «люди – волки», когда участники одеваются в волчьи шкуры: «люди с волчьей шкурой»[375].

Вряд ли все это может однозначно говорить о почтительном отношении к волку, как к тотемному животному, хотя бы потому, что в Ригведе (1,42/2–4/) «волк» означает образ «вора», «разбойника», а в противовес этому, например, у тюркских народов «волк» ставится наравне с родоначальником и именуется не иначе как «Ашин» – благородный волк [376]. Уместно вспомнить, что в карачаево-балкарском нартском эпосе брат обращается к своему брату: «Ах ты, волк мой быстроногий...».

В связи с этими фактами рождается любопытный вопрос: кто же мог быть для древних индоевропейцев Передней Азии «вором», «разбойником», не древние ли кочевники? Не отражается ли в такой характеристике волка извечная борьба Ирана и Турана? К тому же, на с. 499 разбираемого труда его авторы пишут, что у многих индоевропейцев и индоиранцев «Волк»-убийца, «Волк»-хищник связывается с понятиями «душить», «давить», «убивать».

Бросается в глаза, что в своем труде Гамкрелидзе и Иванов очень часто обращаются к работам ираниста В. И. Абаева за подтверждением той или иной мысли. Но в данном случае хочется обратить внимание на то, что, приводя массу различных сведений о «льве», его ритуальных, культовых проявлениях [377], авторы не учитывают одну важную деталь, а именно то, что у древнейших представителей североиранского диалекта – у осетин – нет понятия о «льве». По словам В. И. Абаева, «представление о льве настолько было чуждо осетинам, что когда в новейшее время понадобилось дать ему наименование, они не нашли ничего лучшего, как перенести на него название... зубра (домбай)»[378]. Следует пояснить, что и термин «домбай» тоже тюркский, очень странно, что у как будто бы древнейших обитателей Северо-Западного Кавказа «скифо-осетин» не нашлось иранского термина для обозначения такого реликтового животного, хорошо известного скифам. Странно, что им будто бы в новейшее время пришлось перенять тюркский термин именно тогда, когда осетины обитали уже в горах Центрального Кавказа, где в природе нет львов, зачем же им надо было в этот период заимствовать столь странное название? Наиболее вероятно, что такое заимствование произошло не в новейшее время, когда в этом не было никакой необходимости, а в более ранний исторический период. В работе Гамкрелидзе и Иванова много места отводится и термину «море». В связи с этим большую странность словам Абаева придает и тот факт, что у «прямых потомков» скифов-иранцев, живших у Черного моря и в Крыму, не нашлось иранского или индоевропейского термина для обозначения «моря». И зачем же иранцам-осетинам понадобилось назвать море его

тюркским именем *Тенгиз*, укоренившимся в словарном фонде и фольклоре осетин, будто бы потомков скифов-иранцев?

IX. О путях миграции древних индоевропейцев. Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов приходят к выводу, что «восточная окраина общеиндоевропейской территории – северная часть Иранского нагорья – и должна была быть историческим ареалом индоиранского... Отсюда через Афганистан первые волны арийцев должны были пройти далее на восток в Северо-Западную Индию... Нужно полагать, что арийский диалект, из которого развились кафирские языки, очень рано выделился из общеиранского языка и первым был занесен к востоку, к границам исторической Индии. Дальнейшие миграционные волны носителей индоарийского оттеснили их на север, в труднодоступные горные долины, где «кафиры» обитают до настоящего времени»[379]. Продвижение индоариев с запада на восток с первоначального места их обитания «отражено и в мифологических представлениях о Востоке, связанном с движением вперед, Западе – движением назад, Юге – как о стороне правой»[380]. Очень важно учитывать, что Севера, связанного с движением, в представлениях индоевропейцев нет. И по этому поводу авторы теории делают следующее замечание: «В древнеиндийском «savya» (левый), не обнаруживает значения «северный», что нельзя объяснить табуированием значения «северный» и частыми колебаниями в значениях этого слова»[381]. Трудно доказать, почему это было табуировано. Скорее всего, не было у них продвижения с Иранского нагорья на север, потому север и не отражен в мифологических представлениях индоариев.

Продвижение индоарийцев в северном направлении из Иранского нагорья и Афганистана не находит никаких археологических подтверждений. Рассмотренные выше материалы о синкретизме и столкновениях культурных течений с юга и с севера в дельтах Акчадарьи, Узбоя и других – красноречивое тому доказательство. На этом рубеже фиксируется их симбиоз. Ни та ни другая (степная северная и земледельческая южная) не проникают вглубь ни в ту ни в другую стороны. Археологически доказать движение племен с юга на север Приаралья пока невозможно. Нет археологических доказательств и движению племен с юга на север через Кавказ. Наоборот, курганная культура из Волго-Уральского междуречья пришла на Северный Кавказ, а оттуда проникла на южные склоны хребта и затем далее в Восточную Анатолию, где древнеямный, курганный, обряд был полностью выявлен раскопками Уинн курганов IV тыс. до н. э. Обратного движения курганов с юга на север археология не знает, об этом красноречиво говорят упоминавшиеся выше выводы О. М. Джапаридзе и других ученых-кавказоведов.

Ссылка Гамкрелидзе и Иванова на сходство гидронимов «Кубань» и «Кабул»[382] не более чем чрезмерная декларативная натяжка. Посредством такого насилия нетрудно объяснить тождество переднеазиатской реки и горно-алтайского этнонима «куман» (!).

Подводя итог своим замечаниям, хочется обратить внимание археологов и историков на шаткость вывода авторов новой теории по сопоставлению майкопской (курганной) культуры с переднеазиатской:

«Истолкование связей этих культур как результат движения с юга на север через Закавказье, а не с севера на юг из Причерноморья к Ближнему Востоку, основывается на хронологии соответствующих типов предметов материальной культуры, которые распространяются однозначно из Передней Азии»[383]. Следует со всей категоричностью заметить, что никакого движения с юга на север курганного обряда проследить невозможно, а еще труднее по отдельным предметам материальной культуры, преимущественно украшений, усматривать этнические перемещения. Предметы материальной культуры, особенно оружие и украшения, как отмечалось, имеют и свои «ноги». Повисает в воздухе и попытка авторов утвердить водный путь продвижения через Каспий носителей переднеазиатской культуры в степи Волго-Уральского междуречья [384]. Откровенно говоря, все это построено на песке, если даже не учитывать, что Каспий – одно из самых штормовых морей, открытое всем ветрам со всех сторон. При этом ссылка на наличие в индоевропейских языках терминов «море», «плавать» неубедительна, потому что понятия «море», «плавать» могут быть и у народов, никогда не видавших море, а вот отсутствие такого термина у «потомков скифов» (осетин) вызывает по меньшей мере недоумение.

Таким образом, историко-археологическое доказательство движения индоевропейских племен через Кавказ или Юг Туркмении с юга на север не состоялось. Это могли бы ощутить и сами авторы, если бы свои лингвистические исследования во времени и пространстве сопоставляли с данными археологии и материальной культуры, как того требовали А. Гримм и К. Томас, или если бы они прислушались к рекомендациям О. Шредера: «Вся квинтэссенция наших доводов может быть выражена в следующих двух положениях: чтобы восстановить картину первобытной культуры индоевропейцев, недостаточно одной сравнительной филологии, и если мы хотим шаг за шагом продвигаться вперед в этой трудной области исследования, то это может быть достигнуто лишь при условии, если три сестры: лингвистика, предыстория (археология) и история – объединятся в одном общем усилии»[385].

Не много внимания уделяют этим рекомендациям и другие авторы, считающие все племена срубников-андроновцев сплошным ираноязычным этносом. По мнению Е. Е. Кузьминой, и алакульская группа андроновцев (более западная и тяготевшая к срубным племенам Южного Приуралья), и федоровская (более восточная группа Центрального Казахстана) – все они являются индоариями [386].

С ее концепцией можно было бы и согласиться, если удалось бы преодолеть следующие трудности:

1. Алакульская группа андроновцев хоронила своих усопших в подкурганных срубах по способу трупоположения, а федоровская кремировала своих умерших и хоронила их прах в глиняных и каменных цистах, без курганной насыпи [387]. Вряд ли такое резкое различие обрядов можно приписать одной этнической группе.

2. У тех и у других племен была совершенно разная технология изготовления и орнаментации сосудов. Е. Е. Кузьмина пишет, что для древних

ариев (т. е. андроновцев, по ее мнению) в гончарном деле характернейшим признаком была формовка сосудов из глиняных лент, путем постепенного налепа одной ленты к другой – методом кольцевого налепа. Характерным орнаментом были налепные валики, шишечки (соски) и пр. С этими утверждениями невозможно согласиться, не опровергнув следующую характеристику всемирно известных мастериц гончарного дела – жительниц дагестанского сел. Балхар.

Вот как (характеризуют их искусство Е. М. Шиллинг и В. И. Марковин: «Посуда в сел. Балхар формуется вручную жгутовым способом («мастерица держит правой рукой «колбаску» и сантиметр за сантиметром «скармливает» ее, лепя стенку изнутри») с применением самого примитивного круга – *жюлла*. В балхарской керамике до сих пор сохранилась традиция украшать посуду налепными валиками, шишечками, конусами»[388].

Думаю, опираясь на этот метод, очень трудно доказать арийское происхождение балхарских женщин.

3. Не более чем недоразумением является утверждение Е. Е. Кузьминой (со ссылкой на В. И. Абаева), что у ираноязычных осетин бытовали срубные жилища. Мы должны отметить, что в этнографической литературе о Кавказе общепризнано: срубные дома являются специфической особенностью традиционной культуры балкарцев и карачаевцев (В. П. Кобычев).

4. Трупосожжение – отличительная особенность федоровцев – вовсе не свойственна древнеямникам, а следовательно, и беспочвенны попытки связать федоровцев с древнеямниками [389].

5. Сама исследовательница отмечает, что лишь в некоторых пунктах на Севере Афганистана обнаружена «степная керамика», проникшая сюда с севера, а курганов, как таковых, там вовсе нет [390].

6. Федоровские памятники в основном датируются XIII–XII вв. до н. э.[391], а по мнению многих известных индийских и европейских археологов (Э. Маккей, С. Смит, С. К. Дикшит, Н. Г. Маджумдар), проникновение ариев относится ко времени не позднее XVI в. до н. э.[392]

7. По мнению крупных индоариеведов, «арии представляли собой орды империалистических захватчиков в полном смысле этого слова... Цивилизация долины Инда была сметена безжалостным и могущественным врагом одним взмахом, многие археологи считают этих врагов «ариями»[393]. Трудно поверить, что племена, оставившие такую о себе характеристику, «запечатлели» себя лишь только отдельными элементами «степной керамики» в отдельных пунктах.

8. Вспоминаются слова И. М. Дьяконова о том, что никто не считает индоариев кочевым народом: «Эти «виры» (т. е. арии. – *И. М.*) были, по всей вероятности, не кочевым, а оседлым народом»[394]. И вот эту мысль как нельзя лучше подтверждают новейшие исследования В. И. Сарианиди, который археологическими материалами доказывает продвижение племен с Иранского нагорья на восток к северо-западным районам Индии через Афганистан [395]. Его данные хорошо подкрепляются лингвистическими исследованиями Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова.

Таким образом, продвижение индоариев было не с севера на юг, а с запада на восток – из Иранского нагорья через Афганистан. На севере мог-

ли проникать лишь отдельные группы на Юг Туркмении, но они никогда не заходили севернее Южного Приаралья. Думается, что эту легендарную брешь между Ираном и Тураном, т. е. Железные ворота Орхонских надписей, и закрывал железными запорами Александр Македонский.

Суммируя выводы и аргументы некоторых авторов, рассмотренные в этом разделе книги, мы невольно ловим себя на мысли о том, что все известные человечеству достижения разума к периоду IV–III тыс. до н. э.:

- культивирование различных злаков;
- доместикация почти всех видов животных, достижения в металлургии и металлообработке меди, бронзы и цветных металлов;
- пашенное и орошаемое земледелие, изобретение колеса и повозки;
- боевые колесницы, водный и сухопутный транспорт;
- достижения гончарного ремесла;
- изобразительное искусство;
- изобретение «кургана», сруба, погребальных деревянных колод и многое другое – все это приписывается гению одних только индоевропейцев. Вот это и есть тот самый «ретроспективный империализм», от которого предостерегали Орбели и Дьяконов.

Напрашивается вполне однозначный ответ на вопрос: а что же внесли в мировую цивилизацию неолита и ранней бронзы другие племена?

Подводя итог, хочется предложить читателям две таблицы, которые отражают все изложенное выше и, кажется, сами говорят за себя.

Таблица 1

Индоевропейцы Передней Азии	**Древнеямники**
1. Государство, цари, жрецы, храмы	–
2. Храмовое хозяйство, налоговая система, войско	–
3. Классовая структура общества	–
4. Земледелие, культ земледелия	–
5. Ирригационные сооружения, ирригация полей	–
6. Многослойные, многовековые поселения, города	–
7. Дома из глинобита, сырцового кирпича, здания из жженого кирпича	–
8. Высокий уровень металлургии	–
9. Высокий уровень гончарного дела	–
10. Могилы под полом дома	–
11. Могильники на поселениях	–
12. Захоронения в кувшинах	–
13. Погребальные гробницы из сырца и жженого кирпича	–
14. Культ быка	–
15. Печатки, титулы, штандарты	–
16. Царские гробницы	–
17. Трупосожжения	–

Таблица 2

Древнеямники, срубники и их наследники	Древние индоевропейцы
1. Курганы для погребений	–
2. Могилы, облицованные деревом, подстилка из коры, травы, камыша, бревенчатый накат над могилой	–
3. Погребальный сруб и колода	–
4. Погребальные повозки	Только в царских гробницах
5. Жертвенная пища: кости лошади, овцы в могилах	–
6. Круглодонная, остродонная, яйцевидных форм посуда	–
7. Костяные и медные псалии	–
8. Кости лошади на поселениях	–
9. Культ лошади	–

Вряд ли без специального насилия над фактами или не игнорируя их вовсе можно связать эти схемы между собой, а тем более вывести одну из другой.

Совершенно очевидно одно: либо древние индоевропейцы – оседлые земледельцы, и тогда они не имеют никакого отношения к кочевнической древнеямной культуре, либо они древнейшие кочевники, и тогда они не имеют никакого отношения к земледельческой цивилизации Передней Азии. В этом нас убеждает исследование Н. Я. Мерперта, которое привело его к выводу о том, что «культура древнеямных племен не появилась и не могла появиться в готовом виде «откуда-то с юго-востока», и что «в Волжско-Уральском варианте культура ранних древнеямников представлена в наиболее чистом своем виде, не усложненном воздействиями инокультурных групп или сочетаниями с традициями аборигенов: эти племена сами явились аборигенами в данной области, их распространение – первым регулярным заселением степных пространств, а их культура – первой специфически степной культурой»[396].

Завершить этот экскурс хочется по примеру И. М. Дьяконова известной пословицей: «Один глупец может задать больше вопросов, чем семь мудрецов могут найти ответы». Но если он сумел сформулировать вопрос и предлагает альтернативные ответы, значит, либо глупец не тот, или мудрецы не те.

ИСТОРИЯ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ НАЧИНАЕТСЯ С КУРГАНОВ

Именно к такому выводу приводит непредвзятого, объективного исследователя анализ всего комплекса археолого-этнографического материала, относящегося к населению Евразийских степей. Вывод этот обосновывается тем, что курганная насыпь – как специфический и неотъемлемый элемент погребального «обряда степных кочевнических племен – сохраняется у многих тюркских племен степного континента вплоть до нового времени.

Как известно, этногенетическая информативность археологии растет прямо пропорционально строгому сочетанию данных археологии, сравнительной лингвистики, палеоэтнографии [397]. Исходя из этих принципов, мы можем подчеркнуть следующие положения:

1. Об этнических перемещениях можно говорить лишь при неразрывном сочетании триединого комплекса: погребального обряда, типического археологического инвентаря, характерных культовых предметов.

2. Возникновение нового производящего подвижного хозяйства – кочевого скотоводства (прежде всего овцеводства) – обусловило появление курганной насыпи, чтобы не затерялось в степях место погребения сородичей при частой смене кочевнических стоянок. В появлении подобных насыпей в древних оседло-земледельческих обществах не было необходимости, т. к. усопших они хоронили в самих жилищах, на многовековых поселениях либо на территории самого поселения, либо в непосредственной близости. Курганы появились в степях и являются их этнокультурным паспортом на протяжении многих тысячелетий.

Дошедшие до нас древнейшие курганы едва достигали высоты 1 м, имели очень скудный, бедный инвентарь [398], что не позволяет видеть в первоначальных курганах проявление какого-либо элитарного, социального элемента или имущественного неравенства.

3. На крайнем востоке Евразийских степей происходит смешение и синкретическое развитие культур курганников-европеоидов и неолитических племен Забайкалья и Саяно-Алтайского нагорья, имевших в своем, облике монголоидные черты. Однако, как отмечалось, еще в карасукских погребениях встречаются типичные-европеоиды. Устоявшийся стереотип представлений о тюркских племенах Средней Азии как об извечных монголоидах давно должен быть отброшен.

4. В Южной Туркмении и Северных предгорьях Капу-Дага (Копетдаг) степная культура сталкивается с древним земледельческим миром. Скрещение этих культур вызывает особый интерес в истории Древнего Востока. Антропологи прочно обосновали положение о том, что демаркационная линия между северными и южными представителями европеоидных типов на территории Средней Азии в эпоху неолита и доземледельческого хозяйства проходила намного южнее, чем в эпоху энеолита и бронзы, когда эта линия продвинулась на Юг Туркмении [399].

В конце V–III тыс. до н. э. воздействие южного очага цивилизации на материальную культуру населения Южного Приаралья проявилось и в типах керамики, орнаментальных узорах, окраске поверхности в кельтеминарских комплексах.

«Южные черты в керамике кельтеминара связаны, – пишет М. А. Итина, – не с прямым, а опосредствованным воздействием. Достаточно сказать, что предметов южного происхождения здесь не найдено»[400]. Свидетельством существования прочных контактов с севером служит могильник Тумек-Кичиджик в Северной Туркмении, краниологический материал из которого связан с Поволжьем, а археологический инвентарь находит много общего с памятниками самарского Заволжья и Восточного Прикаспия. Сочетание северного (кочевого) и южного (земледельческого) культурных течений во II–I тыс. до н. э. дает в Южном Приаралье тазабагъябскую культуру пастухов-овцеводов и земледельцев.

5. Раскопанные на реке Сумбар у пос. Кара-Кала в Южной Туркмении 200 катакомб IV–II тыс. до н. э. приводят исследователей к выводу о том, что «теперь вопрос о путях проникновения индоариев и иранских племен на территорию Ирана и Средней Азии можно считать решенным: в погребальных камерах середины IV тыс. до н. э. найдены красноангобированные расписные, светлоангобированные нерасписные и сероглиняные сосуды одной формы, что свидетельствует о сугубо местном производстве и происхождении серой керамики (с которой обычно связывают движение индоариев. – *И. М.*). Если эта серия керамики впоследствии и распространялась по значительной территории Среднего Востока, то ее исходным пунктом следует считать район Юго-Восточного Закаспия»[401].

6. Открытие сумбарской культуры вновь поставило вопрос о происхождении катакомбной культуры.

«Анализ всей совокупности фактов, – пишет Н. И. Хлопин, – показал, что катакомбы в эти места не привнесены извне, а все этапы их формирования представлены на месте, начиная с самых древних периодов. Более того, в долине Сумбара есть весь эволюционный ряд данного погребального сооружения, вплоть до современности»[402]. Таким образом, бытование катакомб с IV тыс. до н. э. и до наших дней в долине Сумбар у современных таджиков доказывает принадлежность катакомб ираноязычным племенам и заставляет «радикально пересмотреть многие вопросы хронологии, генезиса, взаимосвязей и др., касающиеся не только культур Средней Азии, но и Ирана, а может быть, и Закавказья», – продолжает Хлопин[403]. Здесь можно добавить, что этот вопрос столь же важен и для истории северокавказских племен, т. к. в средневековую эпоху племена с катакомбным обрядом погребения обитали и на Северном Кавказе.

Исследователь сумбарской культуры убежден в том, что «могильники среднего течения Сумбара представляют собой отдельную культуру, в определенной степени родственную однотипным культурам Северного Ирана и входящую с ними в одну культурно-историческую провинцию, которая спустя несколько веков стала местом формирования индийско-

иранского этнического объединения»[404]. По справедливому мнению Н. Л. Сухачева, катакомбы Сумбара играют огромную роль в вопросах происхождения катакомбной культуры Юга СССР, «поскольку катакомбы связаны с поисками прародины индоевропейцев, которым эта культура приписывается»[405].

7. В этот сложный узел вплетается и проблема проникновения на Северный Кавказ средневековых катакомб ираноязычного населения региона. Если проникновение катакомб II тыс. до н. э. в этот край из Поднепровья доказано, то пути средневековых катакомб в Предкавказье не исследованы. Одно можно констатировать определенно: продвижение средневековых катакомб на Северный Кавказ с востока, из-за Каспия, археологически не документируется. В этом вопросе, кажется, права М. П. Абрамова, нащупывающая связь между древними и средневековыми катакомбами Северного Кавказа посредством памятников IV–III вв. до н. э. Крыма и Таманского полуострова. Заслуживает вновь повторенное ею утверждение, что «рассматривать предкавказские катакомбные могильники как памятники ираноязычных сармато-аланов у нас нет оснований», так как они не находят аналогий «среди погребальных памятников сарматов»[406]. Такую же точку зрения поддерживают А. П. Смирнов и В. Б. Ковалевская, по мнению которых невозможно вывести средневековые катакомбы из подбойных могил сарматов, а самих аланов нет доказательств связывать со средневековыми «катакомбниками»[407]. После открытия сумбарской культуры уже нет сомнений в том, что катакомбы действительно принадлежали ираноязычным племенам, но как они именовались – это не ведомо никому. Нет никаких оснований называть аланами ираноязычные племена – катакомбников. Попытки это доказать, предпринятые В. А. Кузнецовым, опираясь на искажения слов Ю. В. Готье, – несостоятельны[408].

8. Южные районы Туркмении и горные проходы хребта Капу-Даг (букв.: «Воротные горы». – *И. М.*) извечно служили той воронкой, по которой на север и на юг взаимопроникали носители двух различных культур: кочевников-степняков и земледельцев-южан. Именно этот проход, как отмечалось, закрыл Александр Македонский железными оковами[409], и именно эти проходы в Гиссарском ущелье назывались в Орхоно-Енисейских надписях «Железными воротами» («Темир-Капу»)[410]. О смешанности языков именно в этой зоне стыка говорят и античные авторы Эратосфен, Страбон, Арриан, Юстин. По словам последнего, язык парфян (скифских изгнанников) был «средний между скифским и мидийским, помесь того и другого»[411]. Отсюда ясно видно, что язык скифов и мидян был различным, ибо из однородного языка помеси быть не может. То же самое говорил, как мы уже знаем, о языке аланов и асов, переселившихся сюда с севера, аль-Бируни. Возникновение «Железных ворот» – явный памятник извечной борьбы Ирана и Турана. Любопытно, что напротив тех – восточных, сасаниды построили такие же ворота у Дербента на Северном Кавказе.

9. Археологи-кавказоведы постоянно пользуются терминами «степное влияние», «степные элементы», «предметы степного типа» и т. п.

Этими терминами изобилуют почти все работы, касающиеся майкопской, северокавказской, прикубанской, кобанской, каякенто-хорочоевской культур Северного Кавказа III–I тыс. до н. э. К сожалению, никто из авторов не раскрывает подлинного лица этих «аморфных» степняков. А ведь для «майкопцев» – это их предшественники-ямники, для северокавказской, прикубанской культур – это были катакомбники и срубники, для позднекобанской культуры – скифы.

Вместе с ямниками на Северный Кавказ впервые приходят курганы и характерный погребальный обряд под курганной насыпью. На базе симбиоза и синкретического развития культуры северокавказских племен и степняков-древнеямников сложилась знаменитая майкопская культура середины III тыс. до н. э. По словам Н. Я. Мерперта, эта культура испытывала заметные степные воздействия, в том числе в погребальном обряде[412].

На ранних этапах формирования майкопской культуры еще сохранялись степные традиции: могильная яма облицовывалась деревом, дно устилалось корой, чистой желтой глиной, камышом, войлоком; умерших сопровождали прежде не характерные для туземного населения кости конечностей, лопаток, астрагалов (альчиков овец и пр.). Позднее все более проявляются кавказские черты: каменные наброски над могильной ямой, галечная вымостка дна могильных ям и др. Меняется и хозяйственный облик племен. По этому поводу Н. Я. Мерперт пишет: «Что касается характера скотоводства стационарных майкопских поселений (типа Мешоко) с характерным для него преобладанием свиней в стаде, то и он заметно отличается от древнеямного... Если в наиболее ранних слоях майкопских поселений кости мелкого рогатого скота составляют лишь 18 процентов (при 50 процентах костей свиньи), то позднее – под явным воздействием самих степных племен – число их возрастает до 48 процентов»[413].

10. С Северного Кавказа курганы проникали на Южный Кавказ (Уч-тепе, Бедени, Лчашени и др.) и далее в Переднюю Азию и Восточную Анатолию, где вместе с курганами впервые появляются кости домашней лошади и характерный древнеямный погребальный обряд (Корук-тепе, Норсун-тепе, Тепесик). Древнейшие курганники растворились в земледельческой среде, и в позднейших курганах Закавказья от их первоначального этнокультурного содержания почти ничего не сохранилось, кроме самой насыпи кургана. Слияние кочевнической и земледельческих культур представляет первую интеграцию земледельцев и кочевников на далеком юге. В таких случаях, как говорил Ибн аль-Асир, «земля берет верх» и кочевники превращаются в оседлых и полуоседлых земледельцев и скотоводов.

11. Для нашей темы чрезвычайно важно, что территориально локальные варианты древнеямной культуры почти полностью совпадают с территорией локальных вариантов салтово-маяцкой культуры Хазарского каганата и половецкой культуры Восточно-Европейских степей:

Древнеямная	Хазарская	Половецкая
Волжско-Уральский	Средневолжский	Поволжский
Предкавказский	Дагестанский	Предкавказский
Приазовский	Приазовский	Приазовский
Крымский	Крымский	Крымский
Донской	Нижнедонской	Нижнедонской
Северско-Донецкий	Верхнедонской	Донецкий
Северо-западный	Дунайский	Приднепровский
Юго-западный	–	Лукоморский
Нижнеднепровский	–	–

Как видим, степные просторы Восточной Европы с конца IV тыс. до н. э. по XI–XII вв. н. э. занимали племена примерно с одинаковым хозяйственно-экономическим укладом, сформировавшие стойкое кочевое общество, удачно и прочно приспособленное к степному ландшафту. В связи с этим выводом очень уместно вспомнить слова Н. Я. Мерперта о том, что «одним из основных объединяющих признаков древнеямных племен является курганный обряд... Курганы возникли как погребальные памятники степных скотоводческих племен... Курганы являют разительный контраст погребальному обряду раннеземледельческих обществ, где мертвые оставались в пределах своего поселка, даже своего дома... В степи же курганы насыпались в самые различные периоды и самыми различными племенами: от древнеямных до половецких и татарских на востоке до паннонских на западе и южно-нубийских на юге – в пространстве»[414].

Таким образом, археологический аспект накопленного материала подтверждает высказанный нами вывод о том, что история тюркских народов начинается с курганов.

Палеоэтнографический аспект

Хорошо известно, что при этнокультурной атрибуции археологических культур, как пишет В. Файрсервис, важную область составляет то, что обычно называют «этнографической реальностью»[415]. Речь идет об изучении живых культур современного мира, которое свидетельствует, что определенные типы поведения реализуются не в отдельных культурных чертах, а в их комплексах. Этнографы знают, что если мы сталкиваемся с определенным типом жилья вкупе с определенным способом погребения, а также с определенными экономическими зависимостями, тогда весьма высока будет вероятность определения этносоциальной организации той или иной культуры. Таким ретроспективным методом, как мы уже отмечали, установили генетическую связь между ямно-срубной – скифской культурами, преднамеренно не проследив дальнейшую эволюцию курганной культуры после скифов.

Хотя некоторые авторы и «запрещают» искать истоки традиционной культуры тюрко-монгольских племен в скифской культуре (С. Л. Тихвин-

ский, И. Алиев), однако, вопреки их желаниям, и в перспективном развитии скифская культура продолжает бытовать лишь только исключительно в культуре тюрко-монгольских народов. И наоборот, ретроспективное изучение традиционной культуры этих народов вновь ведет исследователей к культуре скифов. И здесь имеются в виду далеко не отдельные черты, а *весь без исключения этнокультурный комплекс: уклад ведения кочевого хозяйства, покрытые войлоком шалаши и повозки, юрты, доение кобылиц, приготовление и употребление кумыса, конины, почитание коня, погребальные срубы, деревянные колоды-саркофаги, захоронения лошадей, курганная насыпь; обычай побратимства, способы гадания, доения кобылиц, варки мяса и т. п.* Ни один из названных элементов не характерен для «катакомбников» – индоариев или индоевропейцев ни древней, ни средневековой эпох. Ни в языке, ни в фольклоре индоиранских народов (будь то оседлые или кочевые) не отложился термин, адекватный понятию «кумыс». А ведь этот специфический напиток скифов и тюрков известен еще Эсхилу и Страбону (если это не вторжение переводчиков в оригинал античных трудов). Кроме того, и ныне известны кочевые ираноязычные племена в Афганистане и Иране, но и им чуждо употребление кумыса, конины, разведение коней вообще и т. п.

Неразрывная территория обитания курганников-кочевников в Евразийских степях от Алтая до Карпат на протяжении 6 тыс. лет породила определенную и очень стойкую социальную организацию – кочевое общество, оптимально приспособленное к физико-географическим условиям и использованию пастбищ – основной базы своей экономики [416].

Аспект исторической лингвистики

1. Курганная насыпь, как серьезнейший индекс погребального обряда степной этнокультуры, уже с конца IV тыс. до н. э. глубоко внедрилась во многие инокультурные общности, надолго в них прижилась. Но странно, что ни на одном из индоевропейских, индоиранских, угро-финских, кавказских языков термин «курган» не имеет смысла. Семантика слова раскрывается только на тюркских языках: карач.-балк., татарск.: *кур* – «строить, создавать, возводить»; киргизск., алтайск.: *кюр, гюр* – «грести землю, окапываться землей». Отсюда: *курган* – «построенный, созданный, возведенный»[417].

Такая же картина наблюдается с десятками названий древнейших земледельческих поселений VIII–III тыс. до н. э. в Передней и Средней Азии, в которых непременно присутствует необъяснимое ни на каком другом языке, кроме тюркского, слово *тепе* – «холм». Этот термин восходит к таким общетюркским словам, как *теппе* – «макушка», *топ* –«шар», *тебе/тепе* – «бугор, холм».

Заставляет задуматься такой факт: Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов доказывают, что лошадь впервые была одомашнена индоевропейскими племенами в Древней Передней Азии. Тогда непонятно, почему же у рассе-

лившихся из этого очага индоевропейских племен и народов нет единого, хотя бы приближенно похожего, единого корня для обозначения этой особи? Как могло случиться, что многие индоевропейские языки пользуются тюрко-монгольскими терминами «лошадь» (алаша), «мерин»? Трудно уповать на то, что представители множества языков все разом «забыли» столь характерные в их жизни явления и термины: «лошадь», «мерин», «курган», «тепе» – и ждали, чтобы им вновь о них напомнили в Восточной Европе гунны через 4 тыс. лет, а в Передней Азии огузы 50 веков спустя, даже в таких регионах, где они не оседали, например Ирак.

2. Вероятно, чти факты вкупе с рассмотренными выше археологическими данными о расселении курганников подтверждают точку зрения тюркологов о глубоких исторических корнях теснейшего контакта тюркских языков с языками древнего мира (М. Ш. Ширалиев, А. М. Демирчи-Заде, З. И. Ямпольский, Н. З. Гаджиева). Эти контакты, пишет К. М. Мусаев, прослеживаются на всех уровнях как в тюркских, так и нетюркских языках – в лексике, фонетике, грамматике. Причем более древние контакты отражены во всех тюркских языках, что может свидетельствовать о едином очаге и времени распространения тюркских языков. По мнению специалистов, на востоке эти контакты прослеживаются в тюркизмах санскрита, в палеоазиатских, тунгусо-маньчжурских языках; на юге – это контакты с иранскими языками; на Кавказе – с картвельскими, абхазо-адыгскими, нахско-дагестанскими языками; в Европе – с праславянскими языками; на севере – с угро-финскими и т. д.[418] Во всех этих языках остались влияния контактов с тюркскими. Этот вывод тюрколога как нельзя лучше корреспондирует с древнейшим распространением курганной культуры и интеграцией ее во всех отмеченных направлениях с культурами названных народов. Эти события совпадают с периодом распада и расселения индоевропейской этнокультурной общности в конце IV тыс. до н. э. по теории Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова.

3. Особый интерес представляет обилие тюркизмов на всех уровнях иранских языков, которые никогда не учитывались иранистами при их этногенетических или этнокультурных построениях. По поводу постоянно наблюдающегося преувеличения одностороннего влияния иранского языка на тюркский К. М. Мусаев справедливо приводит одно важное замечание А. Мейе своим коллегам по индоевропеистике: «Одна из самых грубых и чаще всего встречающихся ошибок, – пишет Мейе, – состоит в убеждении, что всякое слово санскритского, германского и других языков, не заимствованное из известных нам языков, должно быть индоевропейским; никто прямо не выставляет такого нелепого принципа, но искать, как это часто делается, индоевропейского объяснения всех слов, каждого слова – это значит рассуждать так, как будто этот принцип принимается»[419]. К сожалению, опасения А. Мейе дают о себе знать и в наши дни. Этот принцип взят на вооружение многими иранистами. Живой тому пример – попытка современных иранистов обосновать поголовную ираноязычность скифов, ссылаясь на Авесту, тексты которой наука знает лишь по списку 1274-го или

1324 г., т. е. канонизированного в период повсеместного распространения тюрко-монгольских кочевников в Евразийских степях и Передней Азии. В такой исторической обстановке вряд ли можно надеяться, что тексты Авесты были записаны в ираноязычном «вакууме». Прямым опровержением такого мнения являются обоснованные этимологии, семантические параллели, символические совпадения в тюрко-монгольских, бурятских языках и сказаниях с авестийскими терминами: «гаты» – *хат, хут*; «Ахура Мазда» – *Хурмуста*; «хара» – *кара* и мн. др.[420]

4. Очень раннее внедрение курганов в среднестоговскую, среднеднепровскую культуры, вероятно, оставило древнейшие тюркизмы в общеславянском языке. И. Г. Добродомов выделяет слова, заимствованные еще в праславянский период, во время распада праславянского единства. Он подчеркивает, что роль тюркского вклада в славянские языки «как правило, недооценивается по чисто априорным соображениям: кочевники-де не могли оказать влияния на оседло-земледельческое население»[421]. К сожалению, и этот постулат чрезвычайно живуч и наносит науке большой вред, и не только тюркологии.

5. Исследования Г. И. Рамстедта, Н. Поппе, В. Мункачи, М. Рясянена, Д. Фокош-Фукса, Б. Я. Владимирцева, Н. А. Баскакова приводят тюрколога Дж. Киекбаева к выводу, что тюрко-монгольский язык-основа (если таковой был. – *И. М.*) существовал приблизительно до IV тыс. до н. э., затем распался на монгольские и тюркские языки. Важно, что хронологически это совпадает с бытованием близкородственных, генетически и культурно тесно связанных между собой древнеямной и афанасьевской культур, объединяемых археологами в ямно-афанасьевскую этнокультурную общность. Позднее на западе и востоке Евразийских степей их сменили во II тыс. до н. э. такие же близкородственные племена срубной и андроновской культур, объединяемых в срубно-андроновскую этнокультурную общность. Это разделение в исторический период дает два близкородственных этнических массива: на западе – скифов, на востоке – сако-массагетов. Вероятно, в такой же глубине срубно-андроновской общности происходит разделение тюркских языков где-то во II тыс. до н. э. на западно-тюркский и восточно-тюркский языки. С таким же разделением мы склонны связывать извечное разделение тюркского этноса на западные и восточные «дома».

Антропологический аспект

Древнейшие пратюркские, или праалтайские, племена (древнеямники, афанасьевцы, андроновцы, срубники) индоевропейского типа по мере продвижения на восток, в глубь Азии, приобретали монголоидные черты, особенно при интеграции с окуневцами. А те, которые перемещались в западном направлении и в сторону Кавказа от своего древнейшего очага, сохранили свой древний, европеоидный облик. Этим обстоятельством, вероятно, объясняется тот факт, что древние авторы отмечали среди ски-

фов и европеоидные, и монголоидные типы. Ведь еще даже в карасукских погребениях обнаруживаются и те и другие типы. Сказанное прекрасно иллюстрируется подсчетами антрополога Л. В. Ошанина: «Монгольская складка» (эпикантус) верхнего века среди настоящих монголоидов имеется в 80–90 процентах. *Процент людей с этой складкой уменьшается с востока на запад,* причем лучше держится у женщин, чем у мужчин; у казахов ее имеет 55 процентов женщин и 22 процента мужчин; у киргизов она есть примерно у 85 процентов женщин и 50 процентов мужчин; у узбеков – 18 процентов женщин, 13 процентов мужчин; *у туркмен, считающихся биологически стопроцентными массагетами,* – 10 процентов женщин и 6 процентов мужчин; у азербайджанцев лишь 2 процента с эпикантусом, а у турок его практически нет» (цит. по И. М. Дьяконову. – *И. М.*).

* * *

Из всего изложенного можно сделать следующее заключение: древнейшая история прототюркских, или протоалтайских, племен начинается с появлением курганной культуры со всем комплексом ее специфики. С этого времени мы можем говорить о полнокровном характере их хозяйства, культуры и языка. Исследования показывают возможность пересмотреть вопрос о древнейшей прародине древнейших тюркских племен в пользу Волго-Уральского междуречья, где в конце IV тыс. до н. э. появились первые курганы. Если верны выводы языковедов о том, что тюркские языки обособились где-то в IV тыс. до н. э., тогда эта точка зрения получает в прямом и переносном смыслах материальное «заземление»: посредством археологических памятников древнеямной и афанасьевской культур, оставленных ямно-афанасьевской общностью, которую можно рассматривать как прообраз древнейших прототюрков, или протоалтайцев.

Этот тезис подкрепляет исследование известного лингвиста Ю. Немета. Он пришел к выводу, что «древнейшие территории, где жили тюрки, обычно относят к Восточной Азии или Центральной Азии. В противоположность этому я высказываю мнение, что древнюю территорию тюрков надо искать в Западной Азии. Тюркские племена, вероятно, не следует отрывать от уральских, и нет оснований относить первоначальную территорию к Средней и Восточной Азии»[422].

На Северном Кавказе древнейшие тюрко-иранские смешения и синкретизм их культур уходят в глубь истории смешения древнеямной – катакомбной – срубной культур. Археологические исследования и картографирование памятников говорят о том, что древнейшие курганы, а позднее и катакомбники вклиниваются между протоабхазо-адыгским массивом на северо-западе и протонахско-дагестанским массивом на северо-востоке Предкавказья.

Древних «курганников» и «катакомбников» есть возможность рассматривать как праоснову клиньев в промежуток между названными массивами далеких предков тюркского и иранского населения Центрального Кавказа.

ДРЕВНЕЙШИЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ БАЛКАРО-КАРАЧАЕВЦЕВ

Проделанный анализ археологического материала показал, что в конце IV–III тыс. до н. э. древний оседло-земледельческий мир Европы, Южного Кавказа, Средней и Передней Азии приходит в столкновение с курганной культурой древнейших степняков – кочевников-овцеводов, которых мы склонны отождествлять с пратюркским этносом.

Вероятно, еще в древнейшую эпоху оторвавшиеся от своей основы кочевники, «окунувшись» в земледельческую среду, не теряли своих теснейших контактов с метрополией. Об этом, кстати, очень красноречиво свидетельствует разительное сходство многих предметов майкопской культуры, особенно украшений и ценностей, с подобными предметами из шумерских городов *Ур, Лагаш, Киши* и др. Отсутствие аналогичных предметов в густой сети куро-аракских памятников в пространстве от Южного Кавказа до Кубани и Северного Кавказа дополняют высказанную мысль и позволяют воспринимать наблюдаемое явление как результат культурно-экономических связей оторвавшихся древних кочевников со своими далекими родственными племенами, оставшимися в степях Евразии.

Этими фактами объясняются обнаруживаемые шумеро-тюркские параллели на всем пространстве распространения древнеямной культуры и расселения тюркских народов от Поволжья до Алтая.

Очень важно, что почти все основные элементы этнокультурной атрибутики скифо-сакских племен, восходящие к древнекурганным культурам, на протяжении многих веков беспрерывно развиваются в культуре древнетюркских племен: гуннов, хазар, кипчаков, а также составляют специфические особенности традиционной культуры многих тюркских народов [423]. Следовательно, эти элементы не прерываются на скифах, как это пытаются доказать индоевропеисты, а продолжают бытовать в культуре средневековых и современных тюркских народов. Здесь имеются в виду не отдельные факты, а весь этнокультурный комплекс: уклад ведения кочевого хозяйства, крытые войлоком жилища – шалаши, повозки, юрты; доение кобылиц, изготовление и употребление кумыса, конины, почитание коня; срубы и деревянные колоды-саркофаги и т. п.

Таким образом, мы имеем полное право считать древнеямную курганную культуру древнейшей праосновой традиционной культуры тюркоязычных народов Средней Азии, Алтая, Поволжья и Кавказа.

Наши взгляды могут показаться противоречащими устоявшемуся мнению о формировании тюркских языков и культур в Восточной и Центральной Азии, в частности на Алтае. Однако распространение курганной культуры древних кочевников-овцеводов археологически подкрепляет точку зрения, что древнейшие тюркоязычные племена расселялись не восточнее Алтая, а западнее, скорее всего в степной и лесостепной зоне между Алтаем и Уралом [424]. Этот тезис полностью подкрепляет приве-

денное выше мнение Ю. Немета. Для нашей гипотезы очень важно мнение и другого крупного языковеда Н. А. Баскакова, утверждавшего, что «все тюркские языки образуют группу близкородственных языков, характеризующихся общими генетическими и типологическими чертами. Общее происхождение тюркских языков выражено в чрезвычайной близости их грамматического строя и словарного состава»[425]. Обнаруживаемые лингвистами чрезвычайную близость и родство тюркских языков мы обосновываем чрезвычайной близостью и генетическим родством их древнейшей ямно-афанасьевской и срубно-андроновской этнокультурной общности.

Когда в этногенетических исследованиях речь заходит о роли ведущего этнического признака – языка, вряд ли можно обойти молчанием ностратическую или бореальную теорию происхождения языков. В настоящее время признается древнее родство индоевропейских, финно-угорских, тюркских и других языков[426]. Это родство уходит в глубь эпохи мезолита (т. е. свыше 10 тыс. лет тому назад). Именно в этот период, после отступления последнего оледенения, в Северной Евразии происходит переселение племен, распространение культур и языков [427]. В эпоху неолита и энеолита, когда происходит распад древней индоевропейской общности, одновременно идет и процесс расселения древней курганной культуры. Эти потоки в Европе, Азии, на Кавказе непременно сталкиваются между собой, а отсюда и обнаруживаются древнейшие лексические взаимные заимствования из тюркских, индоевропейских, кавказских, семитских, древнеиндийских и других языков. Важно, что эти заимствования происходят на разных геохронологических уровнях, возможно, восходящих к эпохе распространения бореальных, или борейских, языков. Известно, что языки признаются родственными, если обнаруживается значительное количество родственных корней. Например, борейский термин родства «kälu» на многих индоевропейских, уральских, дравидийских, картвельских, семитских, тюркских языках означает примерно одно и то же понятие [428]: «невестка», «сноха», «золовка», «жена брата», «жена сына» и т. п. Но кто может быть одновременно и женой брата, сына, дяди, и невесткой, и сестрой мужа и чем-то близким к «женщине вообще»? Всем этим требованиям удовлетворяет, пишут лингвисты, лишь одна степень родства – «женщина другой фратрии», «другого брачного союза»[429]. Поскольку термин *келин* широко распространен в языках – потомках борейских, тогда естественно встает вопрос о его изначальном значении и этимологии. Поскольку «женщина другой фратрии» приходит в дом своих новых родственников, нельзя не заметить, что слова *келин* образовано от тюркского *кел* – «приходи, приходить», а *келин,* следовательно, означает «пришедшая». Это значение вполне удовлетворяет все вышеназванные смысловые значения данного термина – и как жена брата, жена сына, дяди и т. д.

Рассмотренный корень, имеющий изначально тюркское значение, далеко не единственный. Новейшие исследования выяснили, что из 203 корневых борейских, или бореальных, слов 198 присутствуют как в составе уральских, так и в составе алтайских производных форм, а остающиеся 5

обнаруживаются, по крайней мере, в одной из этих двух языковых групп [430]. Если к сказанному добавить, что раннеиндоевропейский язык (РИЕ) представлял собой главную ветвь бореального праязыка (БП), двумя другими ветвями которого были раннеуральский (РУ) и раннеалтайский (РА) языки [431], тогда обнаруживаемые древнейшие лексические схождения никого не должны удивлять. А схождений даже между БП и карачаево-балкарским (КБЯ) достаточно много, вот хотя бы некоторые из них:

БП	**КБЯ**
т-w – «удерживать», «подпора», «держать»	*тыя* – «удерживать», «сдерживать» *тыян* – «опираться» *тура* – «стоять» *тире* – «подпирать»
т-м – «тьма», «темный» *тума* – «темный»	*туя* – «черный» *тум-къар* – «черный-черный»
тор – «уколоть» *терэ* – «острие», «колоть»	*тире* – «втыкать», «колоть»
д-w, *дур* – «продалбливать», «бить» *дюм* – «бить», «долбить», «колотить»	*тюй (тюв* – общетюрк.) – «бить» «колотить», «долбить»
mehe – «действие», «дело», «делать», «изготовлять»	*эте* – «делать», «изготовлять»
л-ю – «прилипать», «липнуть», «липкий»	*илин* – «липнуть», «прилипать», «липкий»
р-ху – «ветер», «веяние», «дуновение», «вздул», «раздувать», «дуть»	*урхо* + *дук* – «пепел», «пыль»
sar, *sar-ru* – «родник», «ручей», «журчать», «струиться»	*sark* – «журчать», «струиться», «течь»
ж-w-i-х – «горящие угли», «горящий», «обугливаться», «пачкающий»	*жинк* – «искра», «тлеть», «горящий»
ш-w, *шаош* – «прислушиваться», «слушать настороженно», «насторожиться»	*шош* – «тихонько», «прислушиваться», «настороженно»
х-л – «заблудившийся» *хул-гус* – «бродяга», «скиталец», «скитаться», «блуждать»	*халек* – «блуждать», «скитаться», «скиталец», «бродяга»

р-хw – «волокуша», «везти на волокуше», «тащить», «волочить»	*ырхы* – «лавина», «сель» (волочить, тащить)
жю-ла – «нагреваться», «кипеть», «пышет»	*жылы* – «тепло», «греть»
жhху – «хватать», «охват», «напористый»	*суху* – «напористо», «резко хватать», «резкий»
кус – «резать», «резак», «срезать», «вырезанный»	*кес* – «резать»
жу-х – «сочетаться браком», «породниться», «родственник»	*жуукъ* – «родственник», «породниться»
дю – «день», «дневной»	*тюн* – «день», «дневной»
куф – «логово», «залегать», «лежать»	*кюф* – «корзина для хранения», «вместилище», «залежи припасов»
жhр – «сдирать», «дергать», «торчком»	*жырт* – «отрывать», «срывать», «порвать»
гул – «радостный», «удача», «ликовать»	*кюль* – «радоваться», «смеяться», «ликовать»
жун – «знать», «узнавать», «познавши», «познал»	*сун* – «подумать», «познать», «полагать», «узнать»
жр – «зарубка», «подсечь», «меченый»	*черт* – «очертить», «зарубить», «подметить», «отметить», «зарубка»
к-р – «кора», «твердая корка», «шероховатый», «твердый»	*гирях* – «корка», «твердая корка», «шероховатый»
тил-и – «была беременна», «выносила»	*телю* – «потомство» *тулу* – «темя ребенка»
кю-слю – «кислый», «пениться», «опьяняющий», «хмель»	*кюшлю* – «кислый», «крепкий», «опьяняющий»
киу-саус – «соблазн», «находить вкусным», «искушение»	*кюсе* – «искушать», «хотеть», «желать»
с-хв – «загонная ограда»	*сех* – «ограда», «загонная ограда» *цек* – «граница»

Приведенные примеры можно значительно увеличить, но и их вполне достаточно, чтобы сказать о том, как многие бореальные корни и восстановленные производные от них слова индоевропейских языков сохрани-

лись и бытуют в неизменной форме в карачаево-балкарском и иных тюркских языках, образуя при этом целые гнезда однокоренных лексем.

Выводы лингвистов о том, что часть бореальных племен, которая впоследствии обособилась как носитель алтайской ветви БП, кочевала между Уралом и Алтаем[432], по нашим исследованиям, получают серьезное археологическое обоснование древнеямной (курганной) культурой древнейших кочевников-овцеводов, которые предстают перед нами как древнейшая пратюркская, или праалтайская, этногенетическая общность.

Очень важным индикатором внедрения в оседло-земледельческую среду Передней Азии древнейших кочевников, обитавших между Уралом и Алтаем, является тот факт, что шумерский, эламский и касситский языки представляют собой небольшие обособленные островки в гуще древнеиндоевропейских и семитских языков Передней Азии[433]. Обособленность названных языков мы склонны связывать с проникновением сюда и оседанием здесь древнейших кочевников. Это проникновение согласуется с древними источниками, повествующими о расселении сюда «с севера из-за гор» шумеров и касситов. Наши рассуждения согласуются с выводами многих известных ученых-востоковедов. По их сведениям, где-то в XVII в. до н. э. в Переднюю Азию из-за гор хлынули некие «горные жители», «обитатели гор», «горцы», «полукочевники», «скотоводы», именовавшие себя *кассу* и вошедшие в литературу и историю под именем *касситы*[434]. Они правили Вавилоном более 500 лет. Тексты насчитывают 36 правителей из рода «Кассу», династия которых прекращается в XII в. до н. э. «К этому времени они совершенно вавилонизировались. «Всего правдоподобнее будет искать их родину, – пишет Г. Винклер, – во внутренней Азии, так что они действительно являются своего рода предшественниками тюрков и монголов»[435]. Очень примечательно, что один из царей кассов носил тюркское имя *Ага,* т. е. «Дядя»[436].

Этноним *кассу,* или *касситы,* полностью отвечает смыслу «горные обитатели», «горцы», «жители гор», или «кочевники». Дело в том, что на тюркских языках слово *кас* означает «возвышенность», «гора»[437]. С другой стороны, китайские источники называли тюркское племя *К'оса*[438], составляющее основу этнонима «хазар», восходящего к тюркскому термину *каз,* т. е. «кочевать»[439]. Таким образом, есть все основания полагать, что вторгнувшееся в Переднюю Азию с севера, из-за гор, племя *кассу* представляло собой тюркский этнос, и потому, вероятно, эламский (вместе с касситским) язык составляет обособленный островок в гуще индоевропейских и семитских языков Древней Передней Азии.

Примерно в таком же виде предстает и шумерский язык. Ф. Гоммель писал, что «по своему языку народы Передней Азии принадлежат к трем обширным группам, раздельность которых может быть прослежена до самой ранней древности: сумеро-алтайской, алорадской и семитской... Остатки сумерийского языка дошли до нас в целом ряде волшебных формул и заклинаний... как разговорный живой язык, сумерийский, вероятно, перестал существовать уже очень рано... ближе всего подходящими к

сумерийскому языку тюркскими наречиями и языком монгольским мы, к сожалению, совершенно незнакомы за время до Р. Х. Древнейшие памятники языков, так называемые древнетюркские надписи Южной Сибири и Монголии возникли лишь в VIII веке по Р. Х. »[440]. Однако следует заметить, что это письмо не «возникло лишь в VIII веке», а найденные образцы текстов датируются этим временем. Само же письмо возникло значительно раньше[441]. О существовании письменности уже у гуннов довольно определенно говорят и другие письменные источники[442]. Гуго Винклер, подтверждая Ф. Гоммеля, писал, что «сумерийский язык по своему строению тождествен кое в чем с языком тюркских народностей»[443].

Академик Б. А. Тураев связывал происхождение шумеров (сумеров, сомаров) с Дальним Востоком[444], Самуэль Крамер, исходя из легенд самих сумеров, выводил их из восточных нагорий, а Б. Грозный – из Туркестанских, Казахстанских и Киргизских степей[445]. Одним словом, все они связывали происхождение шумеров с территориями расселения тюркских племен и народов. Более того, Б. Грозный уточнял, что «шумерское название» «Arali», употребляемое для «ада» и для так называемых *пределов мира*, – т. е. места, в котором родились боги, которые находились на крайнем севере, – является, по нашему мнению, по всей вероятности, шумерским названием Урала; гласные *У* и *А* часто чередовались в шумерском языке»[446]. Весьма уместно заметить, что *Урал* и у тюрков, и в древнерусских документах назывался *Арал-тау (Аралы-тау),* т. е. «Центровые горы» или «Опоясывающие горы»[447]. Представление шумеров о родине богов – *Арали* – совпадает с прародиной пратюркских племен и распространением древней курганной культуры из Южного Приуралья в Переднюю Азию через Кавказские горы (из-за гор для Передией Азии. – *И. М.*). Пути контактов с Северо-Прикаспийскими степями хорошо документируются как археологически, так и клинописными текстами из Таргимского городища в Дагестане, недавними находками клинописей и изображения Гильгамеша (Бильгамеша) в Енотаевском районе Астраханской области[448]. Известно, что Гильгамеш, или Бильгамеш, был сыном буйволицы. А на карачаево-балкарском языке буйвол называется *гаммеш*. Приставив к этому слову аккадо-вавилонский термин *бил* – «бог», мы получим имя *Бильгамеш,* т. е. «Бог-Буйвол». Есть прямая возможность вывести имя мудреца и бога Бильгамеша из общетюркских слов *билга, билинг, бил, билгич,* означающих «мудрые», «знание», «знахарь», «разум», «знаток» и т. п.[449] Имя Бильгамеша неразрывно от таких тюркских личных имен, встречающихся в Орхонских надписях, трудах Рашид-ад-Дина, в монгольском эпосе «Алтын-тобча»: *Билге-бек, Билге-хан, Сэнгум-бэлгэ, Инанч-бильги* и др.[450]

Имя божества и героя Бильгамеша открывает еще одну параллель между древними шумерами и прототюрко-монгольскими племенами. По мнению И. М. Дьяконова, в основе его имени лежит древнейшее шумерское слово *билги* – «предок, старец, герой, богатырь». А окончание *-мес* могло указывать на принадлежность героя к народному собранию, пишет Дьяконов в своей книге «Языки древней Передней Азии». С. Ш. Чагдуров

считает более правдоподобным мнение Г. И. Пелих, которая считает, солидарно с П. Деймелем, что частица *-меш* восходит к шумерскому названию *Маш, Муш, Мыш* – к имени духов, связанных с почитанием солнца, огня и т. п.[451] И. М. Дьяконов пишет, что «акт размножения был священен – шумерам смутно казалось, что от него зависит не только плодородие семьи, но каким-то образом и общее плодородие страны; и вождь-правитель, олицетворявший общину перед лицом бога, гордился не только своим богатством, отвагой в бою и мудростью, но и своей мужской силой»[452]. В развитие этой мысли С. Ш. Чагдуров приводит следующий интересный факт: словом *бэлгэ* буряты, калмыки, монголы уважительно обозначали мужской половой орган.

Предположение И. М. Дьяконова, что окончание *-меш* могло указывать «на принадлежность...», как нельзя удачно корреспондирует с утверждениями тюркологов о том, что «в енисейских памятниках представлены во всех сферах языка форма на *-мыш (-миш)* («тегмиш» – коснувшись, «эрмиш»-былой т. п.)»[453]. Примеров этой формы словообразования множество: *тохта-миш* – «остановившийся», *гет-миш* – «ушедший», *кель-миш* – «пришедший» и т. д. Подобные словообразования отмечены и в сочинении Абул-Гази хана Хивинского.

Таким образом, приведенные выше значения имени Бильгамеша (Гильгамеша) полностью являются шумеро-тюркскими терминами. Такому предположению не противоречит ни мнение И. М. Дьяконова, ни показания тюркологов.

Наши предположения подтверждают новейшие исследования профессора Ю. Б. Юсифова, в которых уделено серьезное внимание приурмийской стране *Субарту,* по которой протекает река *Балих* [454]. Есть основания сопоставить название этой реки с тюркскими словами: *бу-лак* – «родник», *балкъ* – «река» или с названием балкарской реки *Балкъ* – «Малка».

В приурмийской стране *Субарту* жили племена *су,* давшие стране свое имя, которое ученые отождествляют с шумерским названием Северной Месопотамии – *Су-бир,* а это название, в свою очередь, возводят к этнонимам *сапир, сабир, сувар*[455]. Если эти лингвистические сопоставления специалистов верны, тогда необходимо вспомнить этноним тюркских племен *сувар (сув + ар),* т. е. «речные люди» (вар.: *сув + аз)* и связать проникновение этого этнонима в Переднюю Азию тем же путем, что и курганной культуры из Поволжья через Кавказ. С учетом чередования звуков *М – Б – В* я допускаю возможность увязать с этим этнонимом имя *сумер,* или *шумер* (арабы произносят как *сомар*).

Шумерские тексты упоминают на юге и юго-востоке от Урмийского озера «горную страну» – *Аратейе,* название которой характерно для алтайской географической номенклатуры и стоит в ряду таких топонимов, как Ала-тоо, Ала-тау, Алтай и др. Ю. Б. Юсифов справедливо сопоставляет алтайское слово *Аратта* – «гора» с шумерским *Араттейе* – «горная страна»[456]. Кроме того, он уверен в том, что жившие в этой стране в III–II тыс. до н. э. и поддерживавшие тесные контакты с шумерами племена,

известные под названием *су, ку-ту, турук-ки, лулу-би,* «были разноназванными жителями страны Аратта и, вероятно, принадлежали к алтайской языковой общности»[457].

В связи с подобным предположением весьма уместно вспомнить следующий этнографический факт из работы З. Ямпольского: «В XIV в. до н. э., т. е. почти три с половиной тысячи лет тому назад, ассирийская клинопись отмечает в районе озера Урмия «турукков»... После этого в начале первого тысячелетия до н. э., т. е. около трех тысяч лет тому назад, урартская клинопись из Калаграна отмечает в зоне Азербайджана область, население которой по нормам урартского языка именовалась «турухи»[458]. По мнению автора, эти этнонимы не что иное, как искаженные названия «турки» или «тюрки».

Переднеазиатско-тюркские схождения у некоторых тенденциозных авторов вызывают особую щепетильность (И. Алиев, С. Тихвинский и др.). Однако, как пишет американский ученый Р. Адамс, когда имеются письменные свидетельства таковым схождениям, следует несколько умиротворять свои амбициозные требования к истории. Знаток переднеазиатских источников академик В. В. Струве писал: «Согласно одному из наиболее правдоподобных истолкований, термин «*арий*» восходит к слову «*харри*» – названию многочисленных неиндоевропейских племен, разбросанных на большой территории и подвергавшихся в течение веков сильнейшему воздействию со стороны различных племен и смешавшихся с ними. Если это лингвистическое истолкование правильно, из него следует, что племена ариев, пребывавшие некогда в близком соседстве с племенами «*харри*», настолько смешались с ними, что приняли их этническое название, хотя сохранили свою языковую систему»[459]. Одновременно он продолжал утверждать, что арии ведь не могут претендовать на «честь» быть представителями чистой, несмешанной расы. Точно так же неправильно считать представителями «чистой» расы и носителей древнейшей известной нам культуры Индии. Раскопанные в поселениях долины Инда костные останки свидетельствуют о таком расовом смешении в этот период истории Северной Индии, датируемый XXV–XV вв. до н. э., что какие-либо определенные антропологические выводы о расовой принадлежности древнего населения Харапы и Мохенджадаро-Даро невозможны. Специалисты относят обнаруженные здесь костные останки к четырем антропологическим типам: протоавстралоидному, средиземноморскому, монголоидному и альпийскому. Отличной иллюстрацией сильнейшего воздействия на племена Передней Азии являются проникавшие сюда курганы и курганный обряд. В связи с этими неиндоевропейскими «харрами» нельзя не вспомнить, что мидийцы называли свою армию термином «кара» – народ, войско[460].

Тюрко-монгольская этимология слова *кара, хара* в его социальном аспекте как «простой», «простолюдин», «невежественный», «темный» и т. п. объясняет, почему мидийцы называли своих солдат этим термином[461], вероятно, в сравнении с высшей социальной группой местного населения

Древней Передней Азии. Уместно вспомнить и Страбона, сообщавшего о племени кара, о царстве Кар-Дуньяш во II тыс. до н. э., а также *кардухов* – жителей гор к северу от Ассирии, не входивших, как и касситы, в мидийский контингент [462]. Очень важны и некоторые топогидронимы, например, южный приток Аракса – Карасу, протекавший по Центральной Мидии, зафиксированный на табличках I тыс. до н. э., а существовало это название, наверное, и гораздо раньше. Карасу протекал по подножию горы Кара-Даг, огибал хребты Херем-Даг, Савалан-Даг, Ах-Даг. Совсем недалеко от этой реки в эпоху ассирийцев располагались города Карин-Таш, Каракемиш, Кар-Иштар, Кар-Кашши, Кар-Аддад, Кар-Наб и мн. др., содержащие в своих названиях явный тюркский корень – «кара»[463]. Как не сравнить эти топонимы, продолжает С. Ш. Чагдуров, с такими тюркскими топонимами, как Кара-тау, правый берег Сырдарьи – родины библейского Булджахана, или страны мифического Огуз-хана, сына Кара-хана [464].

Этимология слова *кара* дополняется еще одним очень важным сообщением И. М. Дьяконова, что «основным занятием было у мидян коневодство» и что многие имена мидян IX–VIII вв. до н. э. были неиранские [465]. По мнению Дьяконова, «основная масса топонимов Мидии остается неиранской в продолжение всего ассирийского периода». Этногенез мидян у И. М. Дьяконова сводится к постепенному распространению у «каспийского» населения иранского языка со второй половины VIII в. до н. э. Для имени мидян – *мадай* нет индоевропейского объяснения. Это слово неиранское [466]. Следовательно, исследователи вполне резонно связывают этот этноним с эпическими героями алтайского героического эпоса «Мадай-кара» и другими именами. Как можно не связать этот этноним с этнонимом енисейских татар *Мади,* с этнонимом *Маттар* среди сойотов и другими историческими именами и этнонимами? Мы можем еще добавить распространенное карачаево-балкарское имя *Бадий (Матай)* и вспомнить тюрко-монгольское имя *Батый,* которое можно связать с именем Мадай. Сюда же становится имя скифского царя Мадия, ворвавшегося в Переднюю Азию. В завершение этюда о мидийско-ассирийской эпохе хотелось отметить, что на глиняных табличках I тыс. до н. э. у ассирийцев и мидян упоминаются долины рек Хабур, Карасу, Аджи, Джегуту, Хар-Хар, а еще более ранние тексты II и даже III тыс. до н. э. сообщают топонимы: Харши, Харан, Хандари, Урук, Сибар, Сибур и т. п.[467] Вряд ли эти названия можно объяснить, не прибегнув к тюрко-монгольским языкам. Для нас особенно важно отметить тождественные названия речек – Джегута в Карачае и в Древней Мидии, что древнее название переднеазиатского города Наблус было прежде *Чегем,* а жители этого города именовались *Жер Жашлары,* т. е. «Сыны земли», «Сыны страны, территории».

Теперь уместно напомнить, что Б. Грозный писал: «Шумерский язык содержит, с одной стороны, некоторые алтайские и тюрко-татарские черты (например, агглютинацию и склонность к гармонии гласных), с другой стороны, некоторые индоевропейские черты (например, в местоимениях). Кажется, что шумерский язык является смесью индоевропейских и тюрко-татарских элементов»[468].

Эту мысль значительно дополнил выдающийся лингвист Н. С. Трубецкой, который по поводу агглютинативности тюркских языков писал: «Правда, в большинстве индоевропейских языков принцип флективности выступает уже не в таком гипертрофированном виде, как в языках кавказских, но до технического совершенства агглютинирующих алтайских языков индоевропейским языкам еще далеко. О том, что, вопреки утверждениям индоевропейских лингвистов, агглютинирующий строй по сравнению не только с гипертрофированно-флектирующим, но и с умеренно-флектирующим представляется некоторым идеалом, – об этом свидетельствуют опыты создания искусственных языков. Шарль Балли совершенно верно заметил, что эсперанто, который состоит исключительно из индоевропейских лексем, тем не менее, является языком чисто агглютинативным. Таким образом, когда индоевропейцы хотят «исправить природу» и создать более совершенный искусственный язык, они невольно упраздняют флективность и прибегают к агглютинации. Между тем обратное явление было бы немыслимо: нельзя представить себе финна, эстонца, венгра, турка или японца, который, желая создать более совершенный искусственный язык, стал бы упразднять принцип агглютинации и вводить принцип флексии. Итак, – продолжает Н. С. Трубецкой, – индоевропейские языки возникли в процессе преодоления гипертрофии флексии, стремясь к рациональной агглютинации как к идеалу. В этом процессе они, однако, не дошли до конца, не успели создать в «доисторический период» устойчивый тип языкового строя, подобного, например, строю алтайскому. А потому они и продолжают эволюционировать все в том же направлении, однако, не порывая с некоторыми элементами своей «переходной» структуры. Это и делает их столь изменчивыми, особенно по сравнению с языками алтайскими»[469].

Возражая Н. С. Трубецкому, Вяч. Вс. Иванов все же пытается отстоять тот самый обратный скачок, о котором говорил Трубецкой, и о котором мы писали при анализе археологических метаморфоз древних индоевропейцев. В свое оправдание Иванов пишет: «...развитие, скорее всего, происходило циклически: от агглютинации к флексии и далее опять к агглютинации». Вряд ли в истории когда-либо была необходимость, чтобы для продвижения вперед в развитии языка и культуры народ бросался в бездну первобытности и все начинал заново, как это мы наблюдаем в археологии древних индоевропейцев.

В заключение хочется привести один наглядный пример агглютинативности карачаево-балкарского языка:

ЗАН – бок, сторона.

ЗАН + Ы – его бок, его сторона, сторона.

ЗА + Ы + М – мой бок, моя сторона.

ЗАН + Ы + М + ДА – у моего бока, с моей стороны, рядом со мной...

ЗАН + Ы + М + ДА + ГЪЫ – тот, кто рядом со мной, с собой, сбоку...

ЗАН + Ы + М + ДА + ГЪЫ + Н – то, что (кто) рядом со мной, сбоку, со мной...

ЗАН + Ы + М + ДА + ГЪЫ + Н + А – тому, кто (что) сбоку, рядом со мной, с моей стороны...

ЗАН + Ы + М + ДА + ГЪЫ + Н + А + Н – от того, кто (что) рядом со мной, от того, кто сбоку со мной, рядом со мной...

Эту карачаево-балкарскую фразу И. М. Дьяконов обнаружил на статуе Гудея (XXIII в. до н. э.) и перевел точно так же, как она звучит и осмысливается у карачаевцев и балкарцев [470].

ШУМЕРО-БАЛКАРСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ СХОЖДЕНИЯ В СВЕТЕ ЭТНОГЕНЕЗА БАЛКАРЦЕВ

Рассмотренные выше материалы подвели нас вплотную к необходимости осветить шумеро-балкаро-карачаевские лексические схождения. Если, подобно индоевропеистам, с порога не опровергать наличие массы тюркизмов в шумерском языке, тогда выяснение названных схождений становится вполне естественным и обоснованным. Этому способствуют как исследования русских и зарубежных авторов прошлого, так и труды современных ученых (Ф. Гоммель, Г. Винклер, С. Трубецкой, Б. Грозный, Ю. Б. Юсифов, О. Сулейменов, А. Мамедов, М. Закиев и мн. др.). Это же подтверждают как археологические материалы, так и фольклорные данные самих шумеров об их происхождении и путях проникновения в Переднюю Азию. В силу этих факторов неубедительно звучит утверждение И. М. Дьяконова о том, что «при нынешнем состоянии наших знаний ни материал грамматических формантов шумерского языка, ни материал таких слов основного словарного фонда, как числительные, термины родства, названия частей тела и т. п., не обнаруживают никаких систематических соотношений с аналогичным материалом других языков... Поэтому в настоящее время шумерский язык приходится считать изолированным, и родство его с каким бы то ни было другим языком – неустановленным»[471]. К сожалению, такое заключение было сделано без учета родства и близости тюркских и шумерского языков. Поэтому еще в 1975 г. филологи отмечали, что «состояние нынешних знаний и лексический материал, содержащийся даже в статье И. М. Дьяконова, позволяют установить культурное родство шумерского с ныне живыми тюркскими языками»[472].

Предыдущие разделы книги подготовили вполне резонный ответ на вопрос: каким образом шумерские слова сохранились в тюркских языках? Но, к сожалению, у скептически настроенных ученых единственным ответом служит голое утверждение, что это все «случайные созвучия». А на вопрос, почему же столь разительные и буквально совпадающие по смыслу «созвучия» обнаруживаются в основном только в тюркских языках, у них вообще не находится ответа.

Все это заставляет более внимательно отнестись к почти буквальному фонетическому и смысловому тождеству шумеро-тюркских терминов, которые приводят исследователя к выводу, что «совпадения форм и смыслов слов системны и потому не случайны»[473].

Касаясь шумеро-балкаро-карачаевских схождений, мы всецело придерживаемся чтений, толкований и переводов шумерских слов и текстов, принятых И. М. Дьяконовым и другими специалистами по переднеазиатским языкам. И если эти переводы, вопреки отрицанию скептиков, буквально совпадают с балкаро-карачаевскими словами и выражениями, так в этом надо винить не автора настоящих строк, а попросить переводчиков изменить свои переводы. Другого пути нет.

Мы обращаем внимание на ряд балкаро-карачаевских нарицательных имен существительных, которые, на наш взгляд, представляют наибольший интерес как не встречающиеся или редко употребляемые в других тюркских языках. У балкаро-карачаевцев слово «мать» произносится как *амма,* а в уменьшительно-ласкательной форме как *амма + ка,* а слово «отец» соответственно как *ата* и *ата + ка.* «Дедушка» у балкарцев и карачаевцев звучит как *анна* и *анна + ка,* «бабушка» – *буба* и *буба + ка.* Обращает на себя внимание тот факт, что форма *анна + ка, буба + ка, амма + ка* и другие образованы с помощью ласкательно-уменьшительного форманта *-ка.* Одни авторы формант *-ка* считают древним западно-иранским, большинство же полагает, что слова с этим формантом вообще не являются иранскими. Такой же спор идет относительно форманта *-ук, -ука.* В традиционном балкаро-карачаевском быту довольно обычны имена с этими формантами: *Инал + ук, Баксан + ук, Бат+ука* и др. Очень важно напомнить, что Э. А. Грантовский пишет, что западноиранские племена с именами на *-ука* и *-ка* проникали через Кавказ[474], т. е. с севера, как и шумеры, согласно их преданиям и легендам. В связи с выводом специалиста необходимо отметить, что в балкаро-карачаевском языке существует и целый ряд личных уменьшительно-ласкательных имен: *Биля + ка, Ариу+ка, Илляу + ка* и другие, а также масса слов в детской речи, обозначающих части тела, предметы обихода, образ действия: *Ко + ка* («ручка»), *Ка + ка* («ножка»), *Бок+ка* («шапочка»), *Ук + ка* («обнять»), *Уу+ка* («прогулка») и т. д.

В балкаро-карачаевском языке столь же распространенным формантом является *ак* и *йкк,* которые, по словам языковедов, также характеризуют североиранские имена[475]. Но в балкаро-карачаевском они характеризуют не только личные имена, как в североиранском, а в массовом количестве употребляются в названиях предметов, действий. Все это позволяет поставить вопрос о том, не является ли все это системой в балкаро-карачаевском языке, так как форманты *ка, ак, акка, ука, ук* охватывают не только личные мужские имена, как в иранском, а пронизывают всю систему и мужских, и женских, и нарицательных имен, и названий частей тела, предметов обихода и быта, и служат для обозначения образа действия в пространстве и времени.

Во времена упоминавшихся выше касситов (кассов) «отдельными областями правили цари или «отцы» (Адда), причем власть передавалась не

от отца к сыну, а от дяди к племяннику (сыну сестры)... выражение «сын сестры» вообще означало «потомок», «член данного рода». Области Элама (возможно, соответствующие территориям первоначального расселения племен) находились под общей гегемонией верховного вождя. В этой цитате наше внимание привлекает, во-первых, то, что слово *Адда,* как и у тюркских народов, означает «отец», а, во-вторых, передача власти племяннику по сестре. Вероятно, поэтому в легенде о Саргоне упоминается дядя по матери – *Ака,* от которого он получил власть. Свою страну Саргон именует *Агадэ,* что совершенно тождественно тюркскому *Агадэн,* т. е. «от Ага», в смысле «получил от Ага» (от дяди по матери). Здесь следует учитывать, что конечные согласные в шумерском языке часто опускались [476]. Уместно отметить и тот факт, что у тюркских народов, в том числе и у балкаро-карачаевцев, дядя по матери считается самым почетным, самым близким и надежным родственником. Существует поговорка: «Когда заходит дядя по матери, то от радости задрожит даже центральный, опорный столб дома», а этот столб всегда олицетворял надежность и благополучие семьи. В карачаево-балкарском языке термином *Акка* чаще всего называют дядю по материнской линии. При помощи указательного форманта *-ды* образуются слова: *Акка + ды, Ага + ды, Адам + ды* (т. е. «дядя он», «человек он» и т. п.). В этом лексическом ряду рождается предположение о том, что балкаро-карачаевское и общетюркское слово *аккады,* или *агады,* т. е. «дядя он» (по матери), может прояснить происхождение названия древней Аккады, царь которой получил власть от своего дяди по материнской линии.

По общему признанию, «до сих пор нельзя считать установленным, к какой группе языков можно отнести язык Элама», равно как и название самой страны [477]. Но если правомерно сопоставление Элама «с территориями первоначального расселения племен», то возможно вспомнить тюркское слово *эл,* которое уже в памятнике Кюль-Тегину означало «группу племен», «племенной союз», «государственное устройство» или «самостоятельная государственная жизнь», а в карачаево-балкарском языке употребляется в значении «село», «страна»[478]. А термин *элим* в балкаро-карачаевском означает «мое село», «моя страна», что очень близко понятию «первоначальное расселение племен». В этом языке данное слово образовано с помощью притяжательного аффикса *м,* как и слова: *адам + ым* – «человек мой», *къыз + ым* – «дочь моя», *ага + м* – «дядя мой» и мн. др.

Имена многих шумеро-аккадских и вавилоно-египетских богов бытуют в балкаро-карачаевскои среде как живые формы божественного заверения, клятвенных заклинаний, изречений, наговоров и пр., т. е. в тех же формах, в каких дошел до нас шумерский язык – «в целом ряде волшебных формул и заклинаний, божественных песнопений, покаяний, псалмов и пр. »[479]. Приведем этому тезису несколько примеров.

Верховная богиня материнского рода, деторождения, родительница всего существующего – *Инанна* [480] фигурирует в речи балкаро-карачаевских женщин наравне с именем Аллаха в слове *Ийнан,* равном русско-

му «ей-богу!». Кроме того, балкарцы и карачаевцы самую старшую в роду бабушку, прародительницу, называют *ынна*.

У древних египтян богом небесного свода, владыкой воздуха был *Шу,* равный вавилонскому *Бель (Биль)* [481]. В балкаро-карачаевских божественных заклинаниях часто употребляется выражение: *Шибиля урсун,* т. е. «Пусть поразит Шибиля» (боги Ши и Биль).

Имя бога города Вавилона – Мардука, отличавшегося большой силой, отвагой и смелостью [482], сохранилось у балкарцев и карачаевцев в воинственном, ободряющем восклицании: «Эй, Марджа!». Этот клич был известен еще сарматским племенам, но попытки объяснить его с ираноосетинского языка как происходящим от слова *марг* – «яд»[483] неубедительны, так как не соответствуют смыслу этого восклицания. Слово *Марджа* у балкарцев и карачаевцев очень часто выражает и божественные прошения, просьбы: «Кель, Марджа, кель!», «Айт, Марджа, айт!» и т. п.

Имя богини любви и плодородия – *Ишт, Иштар* [484] – сохранилось в речи балкаро-карачаевцев в виде восклицания: «*Эшта-Эшта!»,* равнозначного термину «О боже!».

Возлюбленный богини Иштар, вечно юный *Тамуз* (бог растительного мира, покровитель судьбы семян), олицетворял собой умирающий и возрождающийся растительный мир [485]. В карачаево-балкарском языке слово *Тамуз* имеет широкое семантическое поле и бытует во многих значениях: *тамызыкъ жокъ, тамызыкъ къурду* – «нет семени», «исчезло семя»; в значении «живительная капля влаги» – *тамыз, тамызчы* – капли; в значении «корень жизни» – *жашауну тамызыгъы* – «семя жизни»; в значении «растопка для огня – податель жизни» – *тамызыкъ*. Все эти слова по смыслу полностью совпадают *с* теми благами, которые олицетворял собой герой *Тамуз*.

По известной закономерности перехода звуков *Р/З* в древнетюркских языках, и в болгаро-чувашском, в частности [486], слово *Тамуз – Тамыз* легко понимается и как «корень» – *Тамыр*. Каков корень, такова и растительность, растительный мир, божеством которых и выступает *Тамуз – Тамыр.* Не потому ли он возрождается из-под земли при помощи капель живой воды, которыми его окропила Иштар? [487] При помощи упоминавшегося словообразовательного форманта *ук* от слова «Тамуз» образуется термин *Тамузук,* что буквально означает «для Тамуза», т. е. для семени, для размножения, для разжигания огня.

Соперница богини Иштар именуется *Эришкигэль*. Она является «владычицей подземелья» и живет в своем жилище – *Иркалла* [488]. В этом термине (название подземного жилища – Иркалла) нельзя не видеть тюркские слова *ир, ер* – «земля» и *кала* – «крепость», «город». В имени Эришкигэль бросается в глаза балкаро-карачаевское слово *эришке* – «на соперничество», «на соревнование», и эль, о значении которого мы уже говорили. Отсюда и имя соперничающей богини, и название ее владения (соперничающие: люди, села, общины, страны и т. д.) вполне понятны балкарцу и карачаевцу.

Исследователи уже обращали внимание на возможную связь между шумерским термином *дингир* – «бог», «небо» и известным верховным божеством тюркских народов – *Дэнгир, Тенгри, Тенгир, Тангэр, Тангра*[489].

Насколько мне известно, до сих пор нет этимологии этого слова. Китайские источники называют его *Кок-Тенгри,* что приравнивается к термину «Голубое небо»[490]. С позиций балкаро-карачаевского языка, видимо, можно предложить следующую этимологию. На карачаево-балкарском языке термин *кок-танг-эр* означает «небо-заря-человек» (мужчина). Отсюда имя будет «Небесной Зари Человек».

Поскольку многие тюркские этнонимы являются названием тамги (герба) [491], представляется возможным использовать этот факт и для дальнейшего разъяснения термина *дэнгир – тангри*. Как сама этимология термина, так и письменные источники свидетельствуют о том, что *Тангри* был олицетворением вечного неба и солнца, создателем всех благ. По археологическим памятникам кочевников Евразийских степей давно установлено, что культ солнца и неба, олицетворенный в облике *Тангри,* изображался амулетами в виде креста в круге, т. е. символом солнца[492]. В карачаево-балкарском языке, с характерным чередованием в тюркских наречиях звуков *Р/Л*, слово «круг» звучит как *дингир* или *дингил*. Таким образом, тамгой, амулетом *Тангри* был символ солнца, неба, бесконечности – круг, или *Дингир*.

При рассмотрении шумеро-тюркских, или шумеро-балкаро-карачаевских, схождений необходимо прежде всего иметь в виду, что европейским ученым в прошлом и сейчас бывает очень трудно фонетически правильно произнести клинописные, восточные слова, тем более целые фразы. С учетом этого естественного условия продолжим анализ шумеро-балкаро-карачаевских лексических схождений:

1. У шумеров слово *иги* означало «глаз»[493]. Это слово тождественно балкаро-карачаевокому *инжи* – «зеница ока». Древнейшие рабы именовались у них *иги-ну-ду,* что переводится специалистами как «не поднимающий глаз», т. е. держащий глаза опущенными перед свободными людьми[494]. И. М. Дьяконов переводит его как «незрячий»[495]. Нисколько не сомневаясь в правильности этих переводов, нельзя не заметить, что на балкаро-карачаевском языке это выражение будет звучать: *инжи-ле-ди,* т. е. «унижается», «терпит унижение». Это ли не соответствует униженному положению раба?

2. В шумерском, тюркских и карачаево-балкарском языках существует слово *ане, ене, аны* в качестве указательного местоимения «то, тот, его»[496].

В балкаро-карачаевском языке есть слово *эн* – «знак», «указатель», а у шумеров должностное лицо, имеющее право созывать совет, принимать решения, или правитель назывался *энси*[497]. На языке балкарцев и карачаевцев *энчи, энци* означает «ставящий знак», он образован от слова *эн* с помощью словообразовательного аффикса *чи (ци),* как и термины *темирчи (ци)* – «кузнец», *жыр-чы (ци)* – «певец»; *мал-чы (ци)* – «скотник», образованные от основы: *темир* – «железо», *жыр* – «песня», *мал* – «скот» и т. д.

3. У шумеров, а затем и ассирийцев лицо, возглавляющее судебную и административную деятельность, называлось *укуллум*[498]. В карачаево-балкарском языке слово *екюлюм* означает «адвокат» (на судебном заседании).

4. По заключению специалистов, шумерское слово *ририрга* трудно перевести на другие языки. Это слово «означало нечто между «умирать», «подыхать» и «погибать» и употреблялось, когда речь шла о падеже скота, о смерти рабынь»[499]. В карачаево-балкарском языке бытует термин *кырыргъа* – «истреблять». Он относится и к гибели скота, и к гибели народа и войска *(мал къырыргъа, халкъ къырыргъа* и т. д.). Слова эти образуются от основы *кыр* – «истреблять». К этой основе, возможно, относится и имя знаменитого Кира, что необходимо учитывать при упорных попытках во что бы то ни стало доказать иранскую основу этого имени[500].

5. В «Законах Хаммурапи» слово *мускин* обозначает того, кто не обладает земельной собственностью, не является полноправным гражданином. Отсюда развиваются дальнейшие значения: «нищий», «бедняк», «жалкий, больной»[501]. Именно в этих значениях бытует данный термин в карачаево-балкарском языке.

6. В Шумере, Аккаде и Вавилоне волю богов передавали людям специальные лица, которых «сохранившаяся до греко-римской эпохи традиция (например, у Диодора Сицилийского, 11, 30) называет толмачами и глашатаями божественной воли»[502]. Слово *толмач,* как известно, общетюркское и происходит от корня *тил* – «язык».

И. М. Дьяконов пишет, что в шумерском языке «например, не только знак – «стрела», шумерское ТИ применяется для слова ТИ (Л)–«жизнь», но и значок «Т» – язык (изображающий, по-видимому, кожаный язычок и первоначально соответствовавший шумерскому слову «ем» – язык) применяется для передачи грамматической связки «ме» – они суть»[503]. С позиций тюркских языков здесь очень важно заметить, что слово *тил* – шумерское «жизнь» означает «язык», и, вероятно, поэтому эти слова обозначались одним и тем же знаком. Шумерское слово *ем* – «язык» в карачаево-балкарском означает «сосать» (*ем+чек* – «сосок»).

7. В одном из документов сохранились имена шумерских рабынь[504], многие из которых до сих пор почти без изменений бытуют у карачаевцев и балкарцев:

Шумерские	**Балкаро-карачаевские**
Умма	*Уммай* – богиня, покровительница детей
Кали	*Гелля, Келля* – нариц. женск. имя: «мать», «бабушка»
Анна	*Ынна* – нариц. имя бабушек
Ама	*Амма* – «мама»
Гана	*Гуна, Гуноу* – женск. имена
Гукакаша – «мальчик», «сын Кали»	*Гуккаш* – ласкательно-нариц. имя ребенка

8. Шумерскому слову *еден* – «степь» исследователи приводят лишь такие соответствия, как «пол юрты», «низ юрты». Нам представляется, что здесь больше подходит карачаево-балкарское *езен* – «степь», с учетом закономерного чередования звуков *З/Д* в шумерском языке [505].

9. Большой интерес представляют балкаро-карачаевские названия женщины – *тиширыу* и мужчины – *эркегырыу,* которые не известны другим тюркским языкам. Название женщины состоит из шумерских слов *ти* и *ши,* означающих «жизнь», и *ру* – «воздвигать», «строить» или слова *уру, ур* – «община», «род», «семя»[506]. Таким образом, балкаро-карачаевское название женщины полностью отражает роль и место женщины в продолжении рода человеческого: «дающая жизнь роду, общине», «воздвигающая жизнь», «жизнь рода, общины». А слово *эркегырыу* состоит из шумеро-тюркского *эр* – «воин», «мужчина» с прибавлением шумерского *уру, угу* – «род». Следовательно, балкаро-карачаевский термин означает «воздвигающий род», что идентично понятию «родоначальник».

10. В шумерском языке слово *зиг* означает «благой, правильный, добрый человек»[507], что тождественно балкаро-карачаевскому слову *зиг-эр,* означающему: «неутомимый», «трудолюбивый». Безусловно, эти понятия очень близки и даже тождественны друг другу.

11. Весьма интересен шумерский глагол *тур,* указывающий направление движения [508]. В карачаево-балкарском языке этот глагол образует большое гнездо выражений: «стой», «находись», «встань» – и повседневно бытует в сочетаниях, характеризующих направление движения: *былай тур* – «здесь находись», *келе тур* – «приходи чаще», *бара тур* – «ходи (туда) чаще», *ерге тур* – «встань, вставай» и т. п.

12. Шумерский вопрос *а'па?* – «кто?»[509] сохранился у балкарцев и карачаевцев в форме восклицания при встрече давно не видевших друг друга людей, при большом удивлении неожиданной встречей: «*Ап-ап-ап!*», равнозначно восклицанию «О, кого я вижу!».

13. Шумерское слово *лу* – «человек»[510] у тюркских народов, в т. ч. у балкаро-карачаевцев, сохранилось в форме *улу,* означающее «сын», «потомок». Наряду с этим у балкарцев и карачаевцев этот термин сохранился и в первоначальном, шумерском значении – «человек». Например, *орус* + *лу* – «русский, русский человек», *цау* + *лу* – «горский человек, горец» и т. п.

14. В шумерском языке удвоенные согласные основы прилагательных означают усиление качества. Например, слова: *гал-гал* – «большой-большой»; *бар-бар* – «чисто белый», *пар-пар* – «светлый-светлый»[511]. Эта закономерность ясно прослеживается в карачаево-балкарском языке: *терк-терк* – «быстро-быстро», *кеп-кеп* – «много-много», *кап-кара* – «черный-черный» и т. д.

15. В шумерском языке *ме* иногда означает «я», иногда употребляется как глагол «быть», иногда как грамматическая связка[512]. В сочетании с *не* оно означает *не-ме,* т. е. «что (есть) что?». От этого сочетания происходит и слово *наме* – «имя»[513]. Столь же многообразно употребление частицы *ме* и в балкаро-карачаевском языке. Например, *мен* + *ме,* т. е. «это я», «я суть»;

ким + ме – «кто я», «кто суть»; *келген + ме* – «пришедший» и т. п. Далее, сочетание *не+ме* означает на балкаро-карачаевском, так же как у шумеров, «что (суть) это?». Такое же сочетание употребляется и как грамматическая связка в разговорной речи в значении: *неме* – «что-то», «кто-то», в форме *немеге* – «кому-то», «куда-то», «во что-то» и т. п., а в форме *неме бла* означает «с чем-то», «с кем-то». Безусловно, эта частица заслуживает большого внимания языковедов.

16. Шумерское слово *думу* означает «потомство», «дитя». Ему в тюркских языках соответствует термин *тума* [514] и балкаро-карачаевское *туум* в тех же значениях. Представляется возможным связать со словом *думу* или *дамы* тюркский термин *дамы(р), тамы(р)* – «корень». Не потому ли шумеры первородного сына называли *даму-заг* [515], что равнозначно упоминавшемуся балкаро-карачаевскому термину *тамызык* и его вариантам.

17. В массу шумеро-тюркских лексических схождений вплетаются и переднеазиатские тюркские топонимы, отмеченные еще Страбоном. Во внутренней части Малой Азии, на плоскогорье Киликийских тавр, на высоте 800–1000 м над уровнем моря, простирается безводное солончаковое плато. Здесь расположены озера *Туц-челлю, Кирили-гёль* (у Страбона – *Кирилитас*)[516]. Эти топонимы состоят из тюркских слов: *гёль (кёль)* – «озеро», *туз* – «соль», *челл* – «степь», *кирили (кирли)* – «грязный». Названия эти объясняются тем, что в тех краях местность изобилует солеными источниками, в некоторых озерах соленость воды достигает 22 процентов [517].

18. В добавление ко всему сказанному можно привести и целый ряд шумеро-балкаро-карачаевских лексических схождений, не требующих дополнительных пояснений, поскольку они совершенно тождественны по смыслу и значениям.

Шумерские слова	**Балкаро-карачаевские слова**
анне – «его», «это»	*аны* – «его», «это»
аз – «мало»	*аз* – «мало»
аба-ме – «старейшины»	*аппа* – «дед», *аба* – «бабушка»
алу, алум – «населенный пункт», «село», «община»	*эл* – «село», «населенный пункт»
ба-ба – «предок»	*баба* – «предки»
бантаб – «прижать»	*малтаб* – «прижать», «принять», «растоптать»
гу – «голос»	*хы, ых* – «голос», «звук»
гу-де – «звать»	*хы де, хо де* – «взывать», «призывать»
гидра – «палка»	*хыжра* – специальная палка чабана
габа – «грудь»	*габара* – «нагрудник», «бюстгальтер»
гажам – «госпожа»	*гажай* – «своенравная, вольная женщина»
геин – «судьба»	*кююнг* – «состояние»
даим – «постоянно»	*даим* – «постоянно»
э, е – «дом»	*юй* – «дом»
ду – «держать»	*тут* – «держать»
жар – «класть»	*жер* – «место»

Шумерские слова

мужер – «он кладет тебя»
бе-та – «из его», «от него»
ме – «я»
не – «что?»
му – «он»
ру – «забивать»
ер, ери – «воин»
кисал – «храмовый двор»
кура – «страна»

кур – «подземное владение»
гуду – «разбойник, совершающий набег»
калам – «страна»
ки – «земля»
кар – «удирать»
руш – «свирепый»
сахарра – «из пыли»
ту – «родить»
туд – «родился»
ед – «выходи»
уз – «гусь»
жуб – «лежать»
чар – «круг»
хулше – «радость»
гусур – «чертеж»
гуруваш – «слуга»
дюгюд – «тяжесть»
гаг – «всаживать»
сок – «бить»
кен – «широкий»
сир – «ткать»
сан – «число»
уш – «три»
икки – «два»
алти – «шесть»
у – «десять»
уд – «огонь»
узук – «длинный»
туш – «опуститься», «сесть»
жар – «расколоть»
жип – «веревка»
жау – «масло»
жыр – «разрывать»
жер – «место»
жуу – «мыть»
жап – «закрывать»
жау – «враг»
жирик – «платье»
тирик – «проворный»
ирик – «баран (валух)»

Балкаро-карачаевские слова

муржар – «подстилка»
беттен – «от него», «от его имени»
мен – «я»
не – «что?»
бу – «он», «этот», «это»
ур – «бей», «забивать»
эр – «мужчина»
килиса – «храм», «церковь»
кура – «создавай»
кырал – «страна»
кер – «могила»
гуду – «вор», «разбойник»
калам – «мой город», «моя крепость»
кир – «грязь»
кери – «прочь»
уруш – «ругань», «война»
зыгыр – «песок»
ту – «родить»
тууду – «родился»
ет – «проходи»
каз – «гусь»
жубан – «нежиться»
чарх – «круг», «колесо»
кюлсе – «смеяться»
кужур – «затейливый»
карауаш – «слуга»
жюгюдю – «груз», «тяжесть»
къакъ – «всаживать», «прибивать»
сокъ – «бить»
кенг – «широкий»
сыр – «стегать», «ткать»
сан – «число»
юч – «три»
эки – «два»
алты – «шесть»
он – «десять»
от – «огонь»
узун – «длинный»
тюш – «опуститься»
жар – «расколоть»
жип – «веревка»
жау – «масло»
жыр – «разрывать»
жер – «место»
жуу – «мыть»
жап – «закрывать»
жау – «враг»
жыйрыкъ – «платье»
тири – «проворный», «шустрый»
ирик – «валух»

агъыр – «тяжесть»
арык – «арык»
ёз – «сам»
есик – «дверь»
ор – «жать»
кал – «оставаться»
кос – «шалаш»
киз – «девушка»
кю – «состояние»
кул – «раб»
кус – «птица»
уат – «ломать»
жиигин – «группа»
жарык – «светло»
жаз – «писать»
июн – «шерсть»
иир – «песня»
иарым – «половина»
иакка – «берег»
иал – «плоский»
иалын – «копоть»
чолпан – «Венера»
чибин – «муха»
кюн – «день»
кур – «строить», «возводить»
курган – «построенный», «возведенный»
кюрю – «сгребать»
кору – «охранять»
адак – «чаша»
када – «засов»
кид – «выигрыш»
куиум – «наливать»
кан – «кровь»
тюгюн – «узел»
еке – «сестра»
боз – «ломать»
юз – «рвать»
каз – «копать»
киз – «горячиться», «злиться»
сюз – «цедить»
келиге – «тень»
ул – «род»
ёл – «умирать»
мен – «я»
сен – «ты»
алан – «равнина», «опушка леса»

танг – «заря»
ненг – «что» (у тебя)

аур – «тяжесть»
арыкъ – «арык»
ез – «сам»
эшик – «дверь»
ор – «жать»
къал – «оставаться»
къош – «шалаш»
къыз – «девушка»
кюй – «состояние духа»
къул – «раб»
куш – «птица»
уат – «ломать»
жыин – «группа»
жарыкъ – «светло»
жаз – «писать»
жюн – «шерсть»
жыр – «песня»
жарым – «половина»
жагъа – «берег»
жалпакъ – «плоский»
жалын – «копоть»
чолпан – «Венера»
чибин – «муха»
кюн – «день»
кур – «строить», «возводить»
курган – «построенный», «возведенный»
кюре – «сгребать»
кору – «охранять»
аякъ – «чаша»
къадау – «засов»
къыт – «выиграть»
къуйюм – «наливать»
къан – «кровь»
тюйген – «завязывать узел»
эгеч – «сестра»
буз – «ломать»
юз – «рвать»
къаз – «копать»
къыз – «горячиться», «злиться»
сюз – «цедить»
келекке – «тень» (*карач.*)
ул, улу – «род»
ёл – «умирать»
мен – «я»
сен – «ты»
алан – «равнина», «долина», «опушка леса» (*алтайск., татарск.*)
танг – «заря»
ненг – «что у тебя»

Шумерские слова	Балкаро-карачаевские слова
иалк – «грива»	*жалкъа* – «грива»
исиг – «горячий»	*исси* – «горячий»
азук – «пища»	*азыкъ* – «пища»
сюрюк – «стадо»	*сюрюу* – «стадо»
ег – «мать»	*еге* – «мачеха»
дингир – «бог»	*Тенгри, Тейри* – «бог»
иенжи – «кукла»	*гинжи* – «кукла»
асгу – «вешать»	*асхан* – «вешать»
ди – «скажи»	*де* – «скажи»
тек – «разливать»	*тёк* – «разливать»
тер – «почетное место»	*тёр* – «почетное место»
кипи – «наподобие»	*кибик* – «наподобие
када – «терпение»	*къада* – «терпение»
кач – «убегать»	*къач* – «убегать»
кел – «дух», «душа»	*кёл* – «дух, душа»
кир – «земля»	*кёр* – «земля», «могила»
неме – «что-то», «кто-то»	*неме* – «что-то», «кто-то»
сак – «осторожно»	*сакъ* – «осторожно»
так – «вешать»	*такъ* – «вешать»
тиг – «трогать»	*тий, тийген* – «трогать»
темир – «железо»	*темир* – «железо»
тин – «дорогой», «любимый»	*тиним* – «дорогой», «любимый»
току – «булава»	*токъумакъ* – «булава»
жумуш – «поручение»	*жумуш* – «поручение»
ес – «память»	*эс* – «память»
ис – «работа»	*иш* – «работа»

К многочисленным лексическим схождениям необходимо добавить и целый ряд разительно совпадающих с карачаево-балкарским и другими тюркскими языками отдельных законченных фраз,

19. *Иги бар* в шумерском означает «глядеть»[518]. И. М. Дьяконов пишет, что *бар* не имеет самостоятельного значения. Возникает вопрос: если *иги* означает «глаз», то почему же тюркское слово *бар* – «есть» в этом сочетании не имеет смысла? Глядеть можно, если есть глаза. Именно это и подчеркивает фраза *Иги бар* – «Глаза есть».

20. Фраза *У-на-ту(д)* переводится как «Если ему родился»[519]. На карачаево-балкарском языке это будет *анга тууду,* а в других тюркских – *она тууды* и означает «ему родился». Шумерская фраза *у-на-ди(г)* переводится как «Пожалуйста, скажи ему»[520]. На карачаево-балкарском это будет: *анга де,* на других тюркских *она де* – «скажи ему».

21. Фраза *Е-егар-та, ба-ра-е-ди* переведена как «Из дома и стен он должен выйти вон»[521]. По карачаево-балкарски эта фраза звучит: *Юй огъарты бара еди,* что означает: «Дома выше он шел (Он шел выше дома)». В этой фразе привлекает внимание буквальное совпадение слов *Бара еди* – «Он шел, выходил, проходил».

22. В надписи правителя Лагаша Энтемена (XXV–XXIV вв. до н. э.) есть фраза, удивительно совпадающая с закономерностями карачаево-балкарского языка. Имеется в виду фраза *даммара едаак,* означающая «войну

сделаем»[522]. Бросается в глаза тождество тюркского слова *Эдаак (Этеик)* и шумерского *едаак,* т. е. «сделаем». Эта шумерская фраза стоит в ряду таких «балкаро-карачаевских выражений, как: *уруш этеик, чабыул этеик, качхан этеик,* т. е. «войну сделаем», «набег сделаем», «бегство сделаем» и т. п. Слово *даммара* Дьяконов возводит к семитскому «схватка» и поэтому переводит его как «война». Слово *даммара* близко балкаро-карачаевскому *томмуроу,* что означает «туловище человека без конечностей», т. е. четвертованное. Поскольку в тексте надписи речь идет о наказании правителя враждебного города, то можно предположить, что *Даммара едаак (Томмуроу этеик)* означало «четвертуем», т. е. «сделаем *даммара,* или *томмуроу».*

23. О надписи на статуе Гудея – *За-му(н)-да-гин-ам* – мы уже говорили выше.

24. Особого внимания заслуживает эпическая песня Гильгамеша (Бильгамеша) XVIII в. до н. э. Как известно, в ней речь идет о том, что Гильгамеш приносит в жертву Солнцу маленького козленка и просит у него благословения этой жертвы. (Для справки отметим, что у балкаро-карачаевцев ежегодно приносился в жертву верховному божеству Тейри первый козленок нового приплода с просьбой у Тейри хорошего окота овец) [523]. Первая строка песни начинается следующими словами: «*Билгамеш-е * маш ** пар-пар-а *** су-и-м ен-таг****», что переведено как: «Бильгамеш * козленка ** светлого *** взял ****»[524]. Таким образом, слова *суим ентаг* переведены как одно слово «взял». С позиций карачаево-балкарского языка *суим ентаг* означает «жертву сделаем» или «принесем жертву» и звучит как *союм этеик.* Следовательно, фраза песни будет означать: «Бильгамеш козленка светлого делает жертву (или приносит в жертву)». В построении фразы *суим ентаг,* или *сойм этаак,* мы вновь видим закономерности типа «войну сделаем» и т. п.

Далее, Бильгамеш «козленка пестрого, козленка жертвенного к груди своей прижимает» и, обращаясь к Солнцу, говорит: «*Уту*-ан-акра ** гу-му-н-а-де-е ***», что переведено как: «Солнцу * небесному ** вещает ***». Следовательно, фраза *ан-акра* переведена как «небесному», а *гу-му-н-а де-е* – как «вещает». Но поскольку *уту* – «солнце», а *ан* – «небо», слово *акра* теряется при переводе. В ряде тюркских языков *акыр* означает «кричать» и совпадает со словом «вещает», которое фигурирует в переводе. Отсюда оставшиеся слова *гу-му-на дее* как раз и дополняют то, с чем обращается Бильгамеш к солнцу. На балкаро-карачаевском языке *Гу-му-на де* или *хы муна де* означает буквально: «Хо» скажи этому», т. е. «Одобри это» или «Скажи «да» этому» (т. е. «одобри это» намерение Бильгамеша).

25. Шумеры называли свои глиняные таблички для клинописи словом *таб* или *тап* [525]. В балкаро-карачаевском это шумерское слово образует огромное гнездо лексем и фраз: *тап-ка* – «полочка», образованное с помощью упоминавшегося форманта *ка; тап* – «аккуратно», *тап-тап-чыкъ* – «аккуратно, аккуратненько»; *таппа-тап,* т. е. «как раз», «вровень» и мн. др. Все эти слова гнездятся вокруг корня *тап* и *таб.*

В конце клинописной таблички *man,* после ее заполнения шумеры ставили знак *там,* означающий «завершение, конец текста»[526]. Балкарцы и карачаевцы, когда дело завершено, исполнено, говорят *тапла-тамам* или просто *тамам.*

В завершение этого экскурса хочется напомнить еще одно высказывание И. М. Дьяконова о том, что «в материальном отношении также было немало попыток сблизить шумерский язык с другими языками, так Ф. Гоммель нашел ряд сходных по звучанию слов в шумерском и урало-алтайском, но часть его сопоставлений была основана на ошибочном чтении или толковании шумерских слов, а другая часть – на внешнем сходстве звучаний, не составляющих систем»[527]. Чтобы избежать подобной критики в свой адрес, мы, во-первых, пользовались чтением текстов, переводами и толкованиями как самого И. М. Дьяконова, так и других ученых-востоковедов – В. В. Струве, Ф. Гоммеля, Г. Винклера, Б. Тураева, Б. Грозного, О. Сулейменова, Ю. Б. Юсифова, А. Мамедова, профессора из Анкары Османа Недим Туна и многих других. Ничего не добавляя и ничего не убавляя в переводы и толкования И. М. Дьяконова и иных авторов, мы лишь констатируем, что эти переводы полностью совпадают с их смысловыми значениями в живой карачаево-балкарской речи. Мы не можем сомневаться в правильности данных переводов, а если это так, значит, при всем желании нельзя не обратить внимания на то, что весь этот языковой материал в качестве обыденных, разговорных слов и фраз бытует в балкаро-карачаевской среде. Во-вторых, на наш взгляд, приведенные параллели раскрывают перед читателями довольно обстоятельную и стройную систему не простых созвучий, а полных смысловых совпадений.

При попытке бросить и нам упрек, адресованный Дьяконовым Ф. Гоммелю, прежде надо будет ответить на вопросы: почему подобные разительные лексические схождения чаще всего встречаются только в тюркских языках; чем и как объяснить полное смысловое совпадение шумерских и балкаро-карачаевских слов? Встает и другой вопрос: какими путями могли сложиться эти схождения?

Рассмотренный в предыдущих разделах археолого-этнографический материал свидетельствует, что эти схождения могли зарождаться в период распространения древней курганной культуры. Языковые параллели столь разительны и уникальны, охватывают важнейшие стороны жизни и деятельности, названия предметов, частей тела, социальную и религиозную терминологию, что отмахнуться от них, как от случайных созвучий, слишком легкомысленно.

Приходится лишь сожалеть, что столь категорические выводы относительно шумерского языкового наследия были сделаны без должной проверки мнения специалистов по тюркским языкам. Думается, в частности, что если бы за исследования этих параллелей взялись во всеоружии специалисты по карачаево-балкарскому языку, то они непременно подтвердили бы слова А. К. Боровкова об этом языке: «Мал золотник, да дорог» – с точки зрения истории и культуры тюркских языков и тем самым внесли

бы определенные коррективы в оценку историко-культурного наследия шумерского языка.

Возможность древних шумеро-тюркских связей подтверждается не только распространением древнеямной курганной культуры, но и рядом других новейших археологических открытий. В отрогах монгольского Алтая, в ущелье Яманы ус «недавно археологи обнаружили изображения целой вереницы конных боевых колесниц переднеазийского типа. Все на двух колесах, в упряжках две, три или четыре лошади. Возницы стоят, широко расставив ноги, горделиво уперев руки в бока или держа боевой лук... Откуда появился этот сюжет здесь, в недоступных для колесниц горных ущельях?.. На нескольких рисунках Яманы уса перед колесницами изображены табуны коней и всадники. Значит, можно предполагать, что художник здесь рассказал о каком-то дальнем переходе большой группы людей, может быть, целого племени – переходе, для которого были нужны и колесницы, и лучники, и табуны лошадей»[528]. Все эти открытия перекликаются с находками С. Руденко в знаменитых Пазырыкских курганах Алтая, в курганах так называемых алтайских скифов. Здесь были обнаружены в слое вечной мерзлоты прекрасно сохранившиеся орудия труда, украшения, оружие, одежда. Среди них особое место занимают деревянные боевые колесницы. Самые древние изображения колесниц, похожих по конструкции на те, что найдены в Пазырыкских курганах и на те, что высечены на скалах Яманы уса, исследователи обнаруживают за тысячи километров от Алтая – в Месопотамии. Причем примечательно, что яманыусские изображения являются «именно чертежами из-за пунктуальной точности их прорисовок в плане»[529]. Ученые полагают, что в далеком прошлом эти ближневосточные колесницы от берегов Тигра и Евфрата отправились в многовековой путь, прошли трудными путями через хребты Алтая, распространились по всей Центральной Азии [530]. Однако такое предположение не подкрепляется никакими историко-археологическими данными. Наоборот, исторические сведения, предания самих шумеров, распространение курганной культуры однозначно говорят о проникновении в Переднюю Азию кочевников с севера и северо-востока. В этой связи нельзя не вспомнить предания шумеров об упоминавшемся нашествии в Переднюю Азию горцев-скотоводов *кассу (к'оса),* а также их предания о продвижении самих шумеров с севера и северо-востока в Месопотамию.

* * *

Таким образом, мы проанализировали материалы, характеризующие древнейшую этнокультурную праоснову, на которой были замешаны все последующие периоды этногенетической истории балкаро-карачаевского народа. Первым слагаемым в этом процессе были древнейшие кавказские племена, создатели энеолитической культуры, типа Нальчикского могильника и Агубековского поселения, и их многовековые контакты и интеграция со степняками-кочевниками, носителями древнеямной курганной культуры IV–III тыс. до н. э.

Смешение названных слагаемых и явилось первой закваской, обладающей мощной потенциальной силой, которая в более близкое к нам историческое время дала возможность для формирования более конкретных этнических образований, в т. ч. балкарцев и карачаевцев.

Общеизвестно, что курганная культура и курганная насыпь, как ведущая этнокультурная особенность степняков-кочевников, надолго вписалась в культуру многих регионов Европы и Азии. За долгие века курганная насыпь вбирала в себя многие кавказские элементы – каменные ящики, каменные гробницы, склепы и пр. Вместе с тем в экономику кавказских племен привносится новая хозяйственная деятельность – подвижное овцеводство, которое до проникновения «курганников» здесь археологически мало прослеживается.

В традиционной системе жизнеобеспечения и экономике Балкарии и Карачая овцеводство даже в XIX в. было развито значительно сильнее, чем в соседних регионах Кавказа [531]. Тем самым исконное овцеводство наложило существенный отпечаток на всю экономику и культуру балкарцев и карачаевцев. Здесь получили продолжение такие элементы древнеямной культуры, как обработка шерсти, пряжи, изготовление войлоков и отдельных предметов обработки шерсти – веретено и др. Отличительной особенностью традиционной культуры балкарцев и карачаевцев от соседних кавказских народов являются срубные жилища [532], когда-то послужившие прототипом или продолжением срубных погребальных камер древней курганной культуры. В погребальном обряде «курганников» важное место занимали лопатки и астрагалы овец. Почитание бараньей лопатки, гадание на ней, игральные кости-астрагалы также являются отличительной особенностью культуры балкарцев и карачаевцев, хотя известны и другим народам Кавказа, вероятно, как наследие культуры древних овцеводов. По раскопкам Л. Вулли, в древнем шумерском городе Уре обнаружены игральные астрагалы, выточенные из горного хрусталя [533], что свидетельствует о чрезвычайном почете данного предмета в быту древних шумеров. Как отмечалось, астрагалы овец являются почти неотъемлемой находкой в погребениях древней курганной культуры. Эта древняя традиция почитания и игры в астрагалы (альчики) сохраняется и в более поздние периоды. Так, в погребении двух мальчиков II тыс. до н. э. в кургане у сел. Кишпек, в Кабардино-Балкарии, были найдены аккуратно уложенные астрагалы-альчики [534]. О достаточно широком распространении игральных альчиков в среде скифов свидетельствует тот факт, что в одном из скифских погребений у сел. Шалушка в Кабардино-Балкарии был найден бараний астрагал, отлитый из бронзы [535].

В традиционном застольном этикете балкаро-карачаевцев баранья лопатка считалась одной из самых почетных порций и подавалась самому почетному и старейшему на торжественной трапезе [536]. То же самое относится к древним и современным тюркским народам. Так, в героическом эпосе «Огуз наме» говорится, что каждому хану согласно его рангу полагалась правая (самая почетная) или левая лопатка.

Баранья лопатка служила для широко распространенного гадания, или скапулимантии. Гадание это известно у многих народов: монголов, калмыков, тунгусов, афганцев, почти всех тюркских народов, и даже в Англии [537]. Широко бытует это гадание у балкарцев [538] и у других кавказских народов. Однако Э. Б. Тейлор писал, что данный способ гадания «особенно в ходу в Татарии (у тюркских народов. – *И. М.*), где существует с древних времен и откуда, быть может, распространился во все другие страны, где упоминается о нем»[539]. Об огромной роли этого гадания в общественной жизни монголов писал еще путешественник XIII в. Гильом Рубрук [540].

У балкаро-карачаевцев почетная баранья лопатка, кроме использования для гадания, широко практиковалась в ритуальных мероприятиях. Так, например, эта часть жертвенной туши часто использовалась как приношение божествам и покровителям с различными просьбами и мольбами. Этот факт подтверждается археологическими находками бараньих лопаток в Балкарии [541]. Чрезвычайно интересной и уникальной находкой являются бронзовые предметы, обнаруженные балкарскими чабанами на подступах к перевалу Шарыфцик в Балкарии. Среди этих предметов – несколько длинных булавок-проколок с округлыми листовидными навершиями, на которых оттиснено по три симметрично расположенных концентрических кружка. Подобные булавки хорошо известны в раннекобанских погребениях Центрального Кавказа XIV–XII вв. до н. э.[542] Особенно ценно, что среди этих булавок находилась отлитая в бронзе правая баранья лопатка в натуральную величину. Эту лопатку, вероятно, древний предсказатель-шаман носил либо на шее, либо на поясе, так как у ее основания (в головке лопатки) имеется сквозное отверстие для подвешивания. Примечательно, что головка лопатки опоясана изображением колосьев, что, наверное, свидетельствует о смешении кочевых и земледельческих традиций и культур.

Таким образом, можно уверенно говорить, что обычай гадания на бараньей лопатке бытовал в горах Балкарии уже в XIV в. до н. э.

Возвращаясь к прерванной мысли о шумеро-балкарских лексических схождениях, следует сказать, что глубинные истоки этногенеза балкаро-карачаевцев подтверждают тот факт, что они являются представителями кавкасионского типа, характеризующегося относительно высоким ростом, широким лицом, большими размерами головы, массивным черепом и т. п. Но «палеоантропологические материалы с территории центральных предгорий Кавказского хребта, которые помогли бы разрешить споры о генезисе кавкасионского типа, пока отсутствуют. Поэтому все авторы, писавшие о происхождении кавкасионского типа, основывают свои выводы преимущественно на материалах по антропологии современного населения и на косвенных соображениях»[543]. При таком исходном материале весьма трудно судить о действительных истоках формирования кавкасионского типа, но ясно одно: вряд ли можно эти позднейшие данные применить к смешанному энеолитическому населению северных предгорий Кавказа. В эту эпоху проникновение и оседание в кавказской среде древнейших се-

верных племен овцеводов-кочевников доказано археологически однозначно. Следовательно, огромный интерес представляет гипотеза Г. Ф. Дебеца о происхождении кавкасионского типа. Исследования этого видного ученого-антрополога свидетельствуют, что:

- «в эпоху бронзы и раннего железа прослеживаются довольно существенные различия в типе населения Закавказья и Северного Кавказа»;
- «в степных районах Северного Дагестана и в прилегающих районах Чечено-Ингушетии были обнаружены европеоидные, но гораздо более широколицые черепа, ближайшие аналогии которых встречаются в сарматских погребениях Нижнего Поволжья и Казахстана»;
- «светлоглазые, русоволосые типы среди сванов, осетин, кабардинцев, горных грузинских племен, народов Чечни и Ингушетии встречаются ничуть не чаще, чем у их соседей».

Все эти факты приводят ученого к выводу: «Все же о связях с севером свидетельствует некоторое увеличение представителей со светлыми глазами и русыми волосами, отмечаемых в области Большого Кавказского хребта и западных областях Закавказья. Кавкасионский тип испытал на себе влияние северных элементов, распространившихся в южном направлении до центральных областей Большого Кавказского хребта, а на западе до Малой Азии включительно»[544].

Против этих суждений выступил В. П. Алексеев со следующей аргументацией: «Если рассматривать просветление пигментации как следствие их северного происхождения, следовало бы ожидать, что цвет волос и глаз в зоне распространения кавкасионского типа будет темнеть по мере приближения к более южным районам с северо-запада на юго-восток. Действительно, – продолжает Алексеев, – отдельные восточные кавкасионские группы имеют более темные глаза и волосы, чем западные. Но это не распространяется на сванов, отличающихся темной пигментацией»[545]. Вероятно, надо бы учесть ощутимый процент светловолосых и голубоглазых у других кавкасионцев – осетин, балкарцев, карачаевцев, а также наличие подобных типов у сванов, чеченцев, ингушей и других горцев, чего не отрицает Г. Ф. Дебец. Далее, В. П. Алексеев писал, что «нет никаких оснований полагать, что кавкасионский тип унаследовал свои характерные морфологические особенности непременно от древнего населения более северных районов, а не от древнейших этнических групп, заселявших высокие предгорья Главного Кавказского хребта... Можно с уверенностью утверждать, что археологические, этнографические исследования не свидетельствуют о каких-то специфических связях населения Центрального Кавказа с северными районами. Итак, резюмирую, – пишет Алексеев, – никаких аргументов в пользу гипотезы участия в формировании кавкасионской группы популяций элементов северного происхождения найти невозможно»[546].

Прежде всего следует напомнить, что Г. Ф. Дебец, как мы уже подчеркнули, говорит «о связях с севером, о влиянии северных элементов», а не об «унаследовании основных характерных морфологических особенностей», не об их «северном происхождении» и т. п.

И все же, так ли безнадежна идея об участии в формировании кавкасионского типа выходцев из более северных районов?

Во-первых, археологические и этнографические материалы достаточно свидетельствуют о тесных контактах степняков-северян с кавказцами, и об их оседании среди кавказских племен еще в эпоху энеолита, бронзы, раннего железа и Средневековья.

Во-вторых, нельзя умалчивать о наличии достаточной доли светлой пигментации у таких кавкасионцев, как осетины, балкарцы и карачаевцы, чьи этногенетические связи с северными племенами бесспорны.

В-третьих, первое массовое проникновение степных северных племен приходится на вторую половину IV – начало III тыс. до н. э. Примерно в этот же период степняки-курганники через Кавказ доходят до Малой Азии, что подмечено и антропологом Г. Ф. Дебецем.

В. П. Алексеев прав в том, что нет оснований ожидать, что проникавшие сюда степные племена с ходу заняли трудные высокогорья [547]. Безусловно, вначале они овладевали предгорными равнинами, о чем говорят курганные погребения древнеямных племен. Однако уже в эту эпоху отдельные группы проникали и в гущу туземного населения, вплоть до районов высокогорного сел. Былым в Баксанском ущелье.

Вероятнее всего, истина состоит в том, что в формировании кавкасионского типа участвовали древние кавказские племена, но нет сомнения в том, что в этом процессе могли участвовать и проникавшие сюда и смешавшиеся с кавказцами степные северные племена кочевников-курганников.

Таким образом, археологический симбиоз кавказцев и степняков, горцев и кочевников, участвовавших в формировании кавкасионского типа, отмечал антрополог Г. Ф. Дебец. Следовательно, мы можем констатировать синтез двух основных слагаемых в процессе формирования древнего населения Кавказа, особенно его северных предгорий.

Примерно в таком виде представляется нам древнейший этап формирования этногенетической основы балкаро-карачаевского народа, что фиксируется как массой лексических схождений шумеро-балкарского языка, так и археологическими данными.

СКИФО-САРМАТСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

По общему признанию ученых, этногенетическими преемниками древнеямной курганной культуры являются скифы, а поскольку скифы – это один из самых древних народов, отмеченных в древнегреческой литературе и проникавших на Кавказ, то постановка вопроса именно в предла-

гаемом ракурсе может на первый взгляд показаться несколько неожиданной. Однако при всей своей кажущейся неожиданности правомочность исследования такого вопроса в этногенетической истории тюркских народов, в т. ч. балкарцев и карачаевцев, базируется на целом ряде серьезных предпосылок.

Исторические сведения

Среди причерноморских и малоазийских племен Гомер выделяет неких «гиппемолгов» – доителей кобылиц и «галактофагов» – млекоедов и млекопийцев (Илиада. Песнь 13. Стр. 5; Одиссея. Песнь 11. Стр. 12–19). Его последователи – Гесиод, Эсхил, Гиппократ, Геродот и мн. др. – прямо называют этих гиппемолгов и галактофагов скифами или киммерийцами. Одним словом, почти все древнегреческие и латинские писатели (от Гомера до Птолемея, Страбона и др.) в один голос называли скифов и сарматов «конеядами», доителями кобылиц, пьющими кумыс, «из кумыса сыр едящими» и т. п.

Это был своего рода этнокультурный «паспорт», выданный древнегреческой и латинской традицией скифо-сарматам при первом же знакомстве с их культурой и нравами, которые в корне были чужды потомкам древних индоевропейцев. Безусловно, им бросилось в глаза то, что казалось для них диким и варварским.

Отец медицинской науки, чьи антропологические характеристики особенно важны, писал, что «скифы отличаются толстым, мясистым, нечленистым, сырым, немускулистым телом; благодаря тучности и отсутствию растительности (волос. – *И. М.*) на теле обитатели похожи друг на друга, мужчины на мужчин, женщины на женщин... скифы имеют цвет лица рыжий»[548]. А предшественник Гиппократа – Пиндар (522–442 гг. до н. э.) отмечал, что «некоторые скифы, притворяясь, открыто на словах гнушаются лежащей убитой лошадью, а тайком обдирают кривыми челюстями ноги и головы»[549]. Последнее сообщение особенно важно, потому что специально подчеркивает тот факт, что конину ели некоторые скифы и что окружавшие их народы эту пищу не ели, и скифам приходилось делать это тайком от других, скажем, от эллино-скифов, скифов-пахарей и земледельцев – алазонов, каллипидов и пр.

Гиппократ, дополняя свои антропологические сведения, писал, что скифы «пьют кобылье молоко и едят *иппак* (сыр из кобыльего молока)»[550]. Не приходится останавливаться на том очевидном факте, что кумыс и конина – это традиционная пища исключительно тюркских народов.

Слова древнегреческих и латинских авторов о кумысе и конине, как традиционной пище скифов, подтверждают и археологические находки. Среди большого количества этого материала особо привлекателен недавний факт обнаружения в скифском захоронении на Днепре «большого деревянного блюда (*балк.-карач.*: тегене. – *И. М.*) с остатками конины»[551]. Прекрасной иллюстрацией генетического продолжения скифского похоронного обряда является обычай куманов. По словам Плано Карпини,

когда умрет половец, «то перед ним ставят стол и корыто (большое деревянное блюдо – *тегене*. – *И. М.*), полное мяса, и чашу с кобыльим молоком, и вместе с ним хоронят кобылу с жеребенком и коня с уздечкой и седлом, а другого коня съедают»[552]. Наконец, о явных тюрко-монгольских чертах некоторых скифов пишет и сам Геродот. В 22-й строфе IV книги он говорит, что «выше *иирков*, живут другие скифы», а в 23-й, тут же, поясняет, что «у подножия высоких гор, выше иирков, живут люди (т. е. те самые «другие скифы». – *И. М.*), которые, как говорят, все плешивые от рождения, как мужчины, так и женщины, курносые, с большими подбородками». Из этих слов Геродота, повторяющих характеристику Гиппократа, явствует, что он распространял имя скифов и на аргиппеев, именуя их «другими скифами». А В. В. Латышев «плешивость» отдельных скифских групп объяснял их принадлежностью к тюрко-монгольской расе, и тем самым дополнял сведения Пиндара, Гиппократа, Геродота о широких подбородках, кривых челюстях, малом волосяном покрове и курносости некоторых скифских племен. Это мнение подтверждает слова автора V в. Зосима, которые звучат так: «Некоторые называют этот народ *уннами* (речь идет о гуннах. – *И. М.*), другие говорят, что его следует называть царственными скифами или тот народ, про который говорит Геродот, что он живет у Истра, со сплюснутыми носами, маленького роста»[553].

Первый русский переводчик Геродота Андрей Лызлов – великолепный знаток почти всей европейской историографии XV–XVI вв., хорошо знавший древнегреческую и античную литературные традиции, труды Гомера, Вергилия, Овидия, Юстина, Курция Руфа, Диодора Сицилийского и др., еще в 1692 г. пришел к убеждению, что татары и турки восходят по своей культуре к скифам-кочевникам. Особый раздел своей «Скифской истории» А. Лызлов специально назвал «О названии Скифии и границ ея, и о амазонах, мужественных женах их; и киих татар суть они татарове, иже в Европу приидоша»[554]. Точку зрения Лызлова поддержали и развили такие крупные ученые, как Байер, П. Шафарик, В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, Э. И. Эйхвальд, А. С. Лаппо-Данилевский, Г. Ф. Мищенко и др. Изучив доступные к тому времени скифские древности, Лаппо-Данилевский пришел к выводу: «Пока еще трудно сказать, к какой ветви арийских народов они действительно принадлежали, если эти племена и были арийского происхождения, то уже в древнейшие времена они смешались с чуждыми им монгольскими элементами»[555]. Особенно глубокими были обоснования этой идеи крупнейшим филологом профессором Киевского университета Ф. Г. Мищенко – известным переводчиком Геродота, Фукидида, Полибия, Демосфена, блестящим знатоком древнегреческой литературы. Мищенко считал оседлых скифов-земледельцев и пахарей ираноязычными индоевропейцами, а царских скифов-кочевников представителями тюрко-монгольских племен [556]. Эту же точку зрения поддержал и другой выдающийся специалист по древнегреческой литературе о Скифии и Кавказе В. В. Латышев [557].

Считается, что ираноязычность скифов-пахарей наиболее убедительно доказал В. Ф. Миллер путем сопоставления личных имен скифских царей и

божеств с осетинским языком. «Сравнение этих имен со словами осетинского языка, – пишет А. А. Нейхардт, – привело Миллера к выводу об ираноязычии носителей этих имен (правда, по признанию В. Ф. Миллера, часть слов все же не поддается объяснению). Следует отметить, что свои выводы он считал возможным распространить только на оседлых скифов»[558]. Однако, когда теория об ираноязычности скифов была еще в зародыше, Ф. Г. Мищенко предупреждал: «Если греческие писатели позднейшего периода нередко искажают до неузнаваемости названия тех народов, в соседстве с которыми они жили продолжительное время, свои наблюдения над которыми они могли легко проверить многократными показаниями очевидцев, то, разумеется, тем менее можно полагаться на их лингвистические данные о народах далеких, совершенно им неизвестных, каковыми были и скифы для Геродота, Фукидида, Страбона и других. Вот почему немногие свидетельства языка о скифах, находящиеся по преимуществу у Геродота, подают повод в наше время к самым разноречивым толкованиям... Брун сожалеет, – продолжает Мищенко, – что берлинский академик К. Мюлленгоф, главный авторитет в решении вопроса о национальности скифов в смысле иранства их, не подвергает критической оценке этимологии тех же имен, приводящих других исследователей к заключению о монгольстве или вообще о туранстве скифов»[559]. Кстати сказать, упоминавшийся Геродотом скифский термин *асхи* в значении напитка даже Мюлленгоф, Эрман, Томашек не смогли объяснить иначе, как связав его с тюркским термином *ачы* – «горький»[560]. Мы же связываем его еще и с карачаево-балкарским словом *ицхи* – «напиток»[561].

Кипперт, один из авторитетнейших ученых того времени в области исторической географии, не придавал выводам Мюлленгофа об иранстве скифов никакого значения: «Что скифские имена, тождественные с фракийскими и персидскими, просто заимствованы из этих языков и потому не имеют никакой доказательной силы в вопросе о национальности скифов, это доказывается вполне совершенным отсутствием диалектных особенностей; с таким же успехом, – пишет Кипперт, – можно было бы приписать семитическое происхождение нынешним османам и другим тюркским племенам на основе почти исключительного употребления у них арабских личных имен»[562]. Ученые-индоевропеисты еще в 30-х гг. XX в. характеризовали выводы Мюлленгофа как «устаревшие и ничего не дающие для восстановления реального языка скифов и сарматов»[563]. По их мнению, Мюлленгоф и его последователи (В. Ф. Миллер, В. И. Абаев и др. – *И. М.*) «говорили о языке скифов-иранцев, скифов-осетин, скифов-индусов, выворачивали на все стороны несопротивляющийся языковой материал, ломали или вытягивали его на прокрустовом ложе «иранских языков»... Скифский язык, как нечто единое, цельное и монолитное, – продолжали эти исследователи, – для всех племен, известных у греков и римлян под именем «скифских», есть фикция»[564]. Сообщения Страбона, Плиния и других свидетельствуют, что всякое неизвестное или малоизвестное племя принимает имя скифов, а у целого ряда античных авторов встречаются сведения *о* том, что эти «скифы говорили на разных языках»[565].

Крупный специалист по истории Южно-Русских степей Ф. Браун, изучив все труды своих предшественников по скифской проблематике, значительно позднее своих коллег утверждал, что «разногласия между учеными по поводу пресловутого «скифского вопроса», как и в «варяжском вопросе», не столько от неточности или неясности материала, сколько от методических ошибок некоторых ученых, бравшихся за исследование, а часто и от тех предвзятых идей и тенденций, с которыми они приступали к нему и которые заставляли их мириться с явными натяжками. Новый труд по «скифскому вопросу» должен будет носить характер по преимуществу полемический», – писал Браун. Далее он приходит к выводу о том, что «весь вопрос в том, можем ли мы считать скифов Геродота народом этнографически цельным или этому имени уже в V в. до н. э. присуще такое же собирательное, чисто географическое значение, какое оно имеет впоследствии, например у Страбона и Плиния? Известно, что многие ученые, начиная с Шафарика [566], держались и держатся именно этого мнения, указывая на особенности в образе жизни, религии, антропологического типа, отличающие будто бы западных от восточных скифских народностей и усматривая в скифах западных – иранцев и предков славян, в противоположность к скифам восточным, якобы монголам.

В пользу последнего соображения высказывался недавно еще Мищенко, и с ним соглашается, по-видимому, Вс. Миллер»[567]. Слова Ф. Брауна полностью отражают господствовавшую научную мысль России середины XIX в. В одном из томов «Ученых записок» Академии наук того периода говорилось: «О скифах и сарматах написано множество, но чрезвычайно мало с критическим тактом и с обширным знанием источников и новейших пособий. Именно во всей этой массе сочинений недостает надлежащего внимания к различию скифов и сарматов в собственном или этнологическом смысле от употребления этих имен в обширнейшем или политическом и в самом обширном – географическом значении. Если же греки и римляне в дошедших до нас сочинениях употребляли эти имена не в народном смысле исключительно, то само собой разумеется, что многочисленные народы могли быть разного происхождения и языка... Были ли между ними, черноморскими скифами в теснейшем или обширнейшем смысле, уже и народы тюркского происхождения?.. По всей вероятности, они были уже во времена Геродота»[568].

Таким образом, представители научной мысли середины XIX в., в том числе такие крупные ученые, как Мищенко и Миллер, пришли почти к одному и тому же мнению, что среди скифов вместе с двумя хозяйственно-культурными укладами были и две этнические группировки: пахари и земледельцы – это ираноязычные индоевропейцы, и кочевники – представители тюрко-монгольской расы. Особенно важно, что Мищенко и его сторонники строили свои выводы на сравнении языковых и археологических памятников, происходящих из скифских курганов Северного Причерноморья, с сибирскими древностями Алтая и бассейна реки Иртыш [569]. Этот метод Мищенко блестяще подтвержден и современными археологическими

раскопками. В настоящее время после раскопок среднеазиатских и южносибирских курганов археологами открыта на Енисее, в Восточном Казахстане, в западных предгорьях Алтая, в Приаралье и Туве скифская культура более ранняя, чем в Северном Причерноморье. В первую очередь здесь следует назвать царский курган Аржан в Туве VIII в. до н. э., раскопанный М. П. Грязновым и дающий удивительные параллели к геродотовскому обряду погребения скифского царя [570].

Для более полного раскрытия нашей темы весьма важно, что почти единственным и исключительным древним письменным источником о скифах является труд Геродота. Но при подходе к анализу этого труда необходимо строго осознавать по крайней мере некоторые важнейшие моменты.

Во-первых, Геродот – один из компетентных людей своего времени, родом из Галикарнаса, входившего в отдельную сатрапию Персидской державы, – не мог не знать или не отличать персидский (мидийский) язык от других современных ему языков. Ведь не преминул же он, упомянув неких сигиннов в Подунавье, сказать, что те говорили на мидийском языке!

Во-вторых, ни Геродот, ни его последователи римские и античные авторы ни одним словом не обмолвились, что скифы были ираноязычными. Наоборот, автор III в. до н. э. Юстин писал, что язык у парфов средний, между скифским и мидийским, помесь того и другого»[571]. Совершенно ясно, что речь идет о двух разных языках, так как помесь можно получить, по крайней мере, только из разных языков.

В-третьих, называя множество племен «скифскими», Геродот все же четко различает их по языку, культуре, быту и нравам. Мы уже отмечали, что античные авторы Плиний, Страбон и другие не раз писали, что перечисляемые Геродотом скифские племена «говорили на разных языках» и каждое малоизвестное или неизвестное племя получало у греков название «скифы».

В-четвертых, авторы I–VII вв. н. э. – Помпоний Мела, Зосим, Приск Панийский, Дионисий Периегет и др. – скифами называли не каких-нибудь венедов, антов, готов, франков, вестготов и т. п., а именно только гуннов, авар, болгар и других тюрков. Например, Зосим писал о гуннах: «Некоторые называют этот народ уннами, другие говорят, что его следует называть царственными скифами или тот народ, про который говорит Геродот, что он живет у Истра, со сплюснутыми носами, маленького роста»[572]. Автор середины VII в. Феофилакт Симмоката о тех же гуннах писал: *«Хунны стали называть себя аварами*... Говорят, что *среди скифских племен авары* – самые деятельные и способные... они давали своему вождю почетное имя *каган*»[573]. Тюрками скифов называли и восточные авторы. Например, автор середины IX в. арабский географ Мухаммед ибн Муса ал-Хварезми писал, что «Скифия – страна тюрков», «Скифия – страна тогузогузов»[574].

О целом ряде скифских племен сам Геродот дает весьма ценные сведения, противоречащие нынешним, устоявшимся мнениям, что все скифские племена были ираноязычными. Вот что он писал: «...массагеты похожи на скифов одеждой, которую они носят, и образом жизни» (I, 215, 1) А ведь

известно, что массагеты – это стопроцентные туркмены [575], а по Аммиану Марцеллину, потомками массагетов были аланы [576]. Таким образом, скифское племя массагетов – это предки и аланов, и современных туркмен.

В верховьях реки Тирас, или Тюрас (река Днестр. – *И. М.*), которую и сейчас турки называют Тур, Геродот (IV, 21) размещал племя тюррагетов, или турков. По мнению авторитетных скифологов, во всех изданиях Геродотовой «Истории» вместо «тюрки» переписчики писали «иирки». Племя тюрков в тех же местах, где Геродот размещал иирков, отмечали Плиний, Помпоний Мела, Страбон и др.[577]

Среди скифских племен Геродот называет будинов, во всем похожих на скифов (IV, 105). Имя этого племени не что иное, как общетюркское слово *будын, бодун* – т. е. «люди», «народ» (ДТС. Л., 1968. С. 108). В карачаево-балкарском языке этот термин употребляется еще и в значении «толпа» – т. е. *будуман.* Виднейший скифолог П. Н. Кречетов в своей книге «Письма о Геродотовой Скифии», опираясь на Геродота и сообщения Страбона, приходит к выводу, что область геродотовских будинов следует искать в долине реки Маныч, притока Дона, с полной системой озер, в которых Кречетов усматривает знаменитое Будинское озеро, считая современные соленые озера его остатками. В связи с этим, по словам А. А. Нейхардт, предполагал, что крепости, воздвигнутые Дарием, в борьбе со скифами (*Геродот,* кн. IV, 124), сохранились в виде тех остатков рвов и углублений, которыми так богата долина реки Маныча, притоков Дона – рек Саи, Егорлыка, Еи, впадающих в Азовское море. Эти свои соображения Кречетов высказывал неоднократно [578]. По нашему мнению, будины обитали в тех же местах, где позднее в эпоху раннего Средневековья обитали гунно-болгары, хазары и другие тюркские племена Северо-Западного Предкавказья.

Исходя из всего изложенного, мы можем сделать заключение, что в местах расселения древнейших кочевников-овцеводов курганной (древнеямной) культуры – в бассейне реки Маныча – в эпоху скифов обитали тюркские племена будинов, на смену которым в эпоху Средневековья пришли потомки гунно-болгар и сармато-аланов. Однако надо сказать и о том, что с этими регионами связаны имена либо предков скифов, либо их генетических соплеменников – киммерийцев.

Известно, что уже в IX–VIII вв. до н. э. Гомер в «Илиаде» называл киммерийцев «доителями кобылиц», «млекоедами», а Гесиод эту же характеристику давал скифам, за которыми она сохранилась вплоть до византийских авторов. Ученые давно спорят – кого имели в виду под «доителями кобылиц» Гомер и Гесиод: скифов или киммерийцев. Этот спор, однако, для нас не имеет значения, гораздо важнее то, что вплоть до нынешних времен, пройдя через всю историю, эти черты характерны исключительно только тюркским народам, и никому более. Кроме того, ученые-скифологи почти единодушны в том, что «имеются достаточные основания считать киммерийцев племенем, родственным скифам»[579], что «до сих пор нет возможности археологически отделить культуру киммерийцев от культуры скифов»[580]. Такой видный специалист по этногеографии Скифии,

как Н. В. Куклина, приходит к выводу, что «киммерийцы – это скифское племя»[581]. Ее мнение поддерживает и другой крупный специалист по «Истории» Геродота А. А. Нейхардт [582].

Все оказанное о скифах и киммерийцах блестяще подкрепляется «Книгой бытия» (X, 2, 3), в которой эпоним скифов «Ашкеназ», или «Ашкуза», является родным братом Тагарма, а они оба – сыновьями Гомера (киммерийцев). Мы уже писали, что эпоним скифов *Ашкуз* – это этноним тюркских племен *Ас-киши* (Ас-киси, Ас-кизи), а *Тагарма* – это родоначальник хазар – Тагар. Оба последних имени представляют собой видоизменения имени родоначальника скифов – *Таргитая* и верховного божества тюркских племен – *Тангри* (Тенгри, Тагра и т. п.) [583]. Тождество этих героев фиксируют многие античные, византийские, грузинские, восточные исторические документы – хроника Леонти Мровели, Зосима, Приска, Иордана и др. Заслуживает во всем этом серьезного внимания то, что все они отождествляют скифов именно с тюркскими племенами: гуннами, хазарами, гузами, тогузогузами и т. д. В числе таких: документов стоит отметить и «Повесть временных лет», где написано: «...скуфь рекше от козар»[584]. Даже такой крупный специалист, как В. Б. Ковалевская, сторонница ираноязычия скифов, изучив почти всю доступную восточную информацию о скифах, пришла к выводу, что «под именем хазар, а позднее бун-турков (тюрков) скрываются скифы»[585].

Подтвердим это тождество еще рядом уникальных фактов.

По нашему мнению, библейский этноним скифов совершенно тождествен древнетюркскому этнониму *Ас-киши,* известному по трудам Махмуда Кашгарского, Ибн Хордадбеха, Ибн Саида и других, обитавших на Алтае, Кавказе, в Средней Азии [586].

В этнониме *Ас-киши* (букв.: *ас* – человек) содержится имя древнего тюркского племени *ас,* различные подразделения которых сохранились в родоплеменных названиях казахов, киргизов, узбеков, ногайцев, алтайцев и др. Имя тюркского племени *Ас* в XIV в. в горах Центрального Кавказа отмечали Абул-Феда, Шереф ад-Дин Йезиди, Низам ад-Дин Шами и другие восточные летописцы. Именем *ас* и сейчас ираноязычные осетины называют своих извечных исторических соседей – балкарцев и карачаевцев.

На древней территории тюркских племен – Алтае, в среднем течении реки Абакан, имеется речка Аскизи; этот район прежде входил в Аскизскую думу, ныне представляет собой Аскизский административный район. На этой речке расположено селение Аскиз [587]. Таким образом, этноним *Ас-киши / Ас-киси* отражен и в топонимике тех регионов, где обитали древние тюркские племена и располагались памятники карасукской – предскифской культуры Алтая.

Интереснейшую историческую информацию содержит и имя родоначальника скифов – всемогущего Таргитая. В этом имени четко видно слово *Тарги* и частица *тай.*

До сих пор правдоподобно не объясненное имя *Таргитай* буквально тождественно имени Таргитай – аварского посла 583 г. к римскому императору Маврикию, имени тюркского вождя Таргицай, почти сохраняется в имени Тарагай – сына известного золотоордынского хана Хулагу, и вооб-

ще стоит в ряду такого множества тюркских имен XIII в., как Актай, Асутай, Ашиктай, Баритай, Бурилтай, Бурунтай, Даритай, Камтай, Кутай, Хутай, Колимтай, Кутуктай, Кяхтай, Манзитай, Ойратай, Сабуктай, Сартактай, Субектай, Субетай, Тубтай, Уйгуртай, Усутай, Хокутай, Чагатай, Чутай и мн. др. Кроме того, это имя очень близко по форме образования к таким тюркским топонимам, как Алтай, Чагатай, Сартактай, Тарбагатай и т. д. По заключению лингвистов, частица *тай* в этих терминах и именах означает принадлежность к какому-то народу, обществу или государству [588]. Более того, очень важно учесть, что слово *тарх / тарг* в тюркских языках означает «кровный родственник», «единокровный», «соплеменник»[589]. Следовательно, имя *Таргитай* может означать «народ Таргу», «Тарги» (турку? – *И. М.*). Или же «Кровный родственник», «Соплеменник», «Единокровный».

Имя Таргитай очень близко и имени родоначальника хазар – Тагарма, Тагармоса (Леонти Мровели). Здесь прослеживается небольшая метатеза *Г* и *Р*. В связи с подобного рода метатезой В. И. Абаев пишет следующее: «...самый распространенный вид (метатезы в скифском языке. – *И. М.*) – метатезы с участием *Р*: в группе из двух согласных *Р* не мирится с положением на втором месте и перескакивает на первое»[590]. Этому факту известный лингвист приводит массу примеров [591]. Пользуясь установленным Абаевым правилом, мы можем сказать, что переход *Тарги* в *Тагри* вполне закономерен. Для дальнейшего анализа интересующего нас термина, следует учесть, что в греческом языке буква γ (гамма) означала звуки *Г, ГЪ, НГ*, как в слове *фаланга* [592]. Таким образом, мы получаем дополнительную аргументацию для чтения скифского термина *таргъы* как *тагры, тангри, тагри,* т. е. как имя древнетюркского божества *Тенгри, Тангри* или шумерского слова «бог» – *Дангри.*

Приведенные выше мнения ученых о родстве культуры и быта киммерийцев и скифов позволяют обратить внимание на те области, где наблюдается особое скопление археологических памятников киммерийцев на Северном Кавказе, примерно в тех же районах, где на рубеже IV–III тыс. до н. э. наблюдалось распространение культуры древнейших кочевников-овцеводов, носителей курганной культуры.

По сведениям Страбона (VII, 308), киммерийцы обитали в Северном Причерноморье и горном Крыму, где находился горный хребет Киммерий. Комментируя античные источники и «Историю» Геродота, расселение киммерийцев в горном Крыму поддержал С. А. Жебелев [593]. В. А. Городцов, Е. И. Крупнов и другие, устанавливая родство киммерийцев и скифов, указывали пути проникновения киммерийцев в Переднюю Азию именно через Кавказ [594]. Многие ученые утверждают, что в продвижении в Переднюю Азию и Закавказье исходной позицией для киммерийцев, а затем и скифов, были районы Северо-Западного Кавказа – среднее и верхнее течения Кубани [595]. А. А. Нейхардт обратила внимание на весьма важное заключение Т. Сулимирского, что «первоначальным местопребыванием киммерийцев была территория от Северного Кавказа до реки Донца, а затем под

давлением скифов киммерийцы продвинулись на юг и запад. В период с XIII по VIII в. до н. э. часть киммерийцев ассимилировалась со скифами»[596].

Археологическое обоснование обитания киммерийцев в верховьях Кубани дали А. А. Иессен, Е. И. Крупнов и др.

«Базируясь на исторических свидетельствах, – пишет Е. И. Крупнов, – можно прийти к заключению, что при определении границ расселения киммерийцев и их культуры существеннейшее значение должна иметь территория Северного Кавказа, разумеется, в первую очередь его западная часть»[597]. Реальность этого вывода подкрепляют В. А. Городцов, М. И. Артамонов, Я. А. Манандян, В. Д. Блаватский и др. А. П. Смирнов, например, пишет, что эта граница «проходит к югу от Воронежа – на Кубань, к востоку от Краснодара»[598].

Все изложенное подкрепляется археологическими находками киммерийской культуры (бронзовые кельты, серпы, копья, конская сбруя и др.) близ станиц Келермесской, Урупской, у аулов Учкулан, Карт-Джурт, Теберда, в верховьях реки Индыш, в урочище Агур в Карачае и прилегающих районах[599]. Все перечисленные специфические киммерийские предметы, найденные в верховьях Кубани, свидетельствуют о расселении здесь киммерийцев[600]. Эти характерные бронзовые предметы киммерийцев подкрепляют и керамические находки[601]. «Итак, – утверждает Крупнов, – не только письменные источники, но и археологические данные подтверждают пребывание киммерийцев на всем Северо-Западном Кавказе», особенно среднего и верхнего течений Кубани[602]. Поскольку киммерийцы неразрывно связаны с Северо-Западным Кавказом и рекой Кубанью, есть необходимость обратить внимание на разъяснение этих терминов: *киммер* и *Кубань*.

Обитание ас-киши (скифов) и киммерийцев (кам-эр) в Северо-Западном Предкавказье, там, где на рубеже IV–III тыс. до н. э. были распространены курганы древнейших кочевников-овцеводов, непосредственно связывается с этнонимом *ас,* который на тюркских языках означает «сбиваться с пути», «блуждать», что равнозначно понятию «кочевать» (Э. М. Севортян). Эта связь заставляет вспомнить выводы П. К. Услара, что от имени *асов (азов)* происходит название Азия, Азов и др.

Базируясь на древнейших сказаниях о Кавказе, Услар писал: «Нет сомнения, что название асов находится в связи с Азией, названием целой части света... Понятие об Азии, во все времена совершенно чуждое обитателям ее, возникло первоначально у греков, которые по имени небольшого округа, лежащего у подошвы Олимпа Фригийского и называвшегося Азией, начали называть так все страны к востоку от Эгейского моря». Далее он утверждал: «Во всяком случае, священная Азия располагалась по правому берегу Кубани, там, где теперь живут черноморские казаки...» Услар приводит сведения Эсхила (V в. до н. э.) о том, что название *Азия* он придавал стране, орошаемой Кубанью. Этот факт, пишет Услар, удерживался и во времена Страбона. Лучшим доказательством того, что название *Азия* – это не только было созданием греческих поэтов, продолжает он, служит этническое название «ас», неизгладимо привившееся к местным собственным

именам. Подтверждает он свое мнение сведениями Птолемея (V, 8), что на восточном берегу Меотийского болота (Азовского моря. – *И. М.*) между Доном и Кубанью называет города Азара, Азибетис, Азареба и др.[603] По мнению Услара, и название Азовского моря происходит от этнонима *ас / аз.* В связи с этим весьма интересен и тот факт, что название *Астрахань* означает: *Ас-тар-хан,* т. е. «Трон асов»[604].

В термине *кимер (камер, гамер)* прозрачно читаются два слова: *кам* – «река, вода» и *ар, эр* – «человек, мужчина». Следовательно, этот этноним дает понятие: «речные люди» (букв.: речной мужчина). Исходя из того, что почти все древнетюркские племена получали свои имена от названия рек: Чу-киши (чуйские люди), Кукиши (люди реки Ку, т. е. реки Лебедь), Тобокиши (люди реки Тобол), Купи-болгар (кубанские болгары), Сув-ар (речные люди, те же сабиры) и т. п., а также из того, что сам термин *болкар* происходит от слов *булакъ, балкъ* – «родник», «река», мы можем утверждать, что этноним *киммер* означает «речные люди» и стоит в одном списке с длинным рядом древнетюркских этнонимов.

Из этого заключения вытекает необходимость разъяснения другого составляющего в этнониме *кимер* слова – *кам, кем, хем*. Об этом слове в науке идет спор давно и с переменным успехом. Одни считают его ираноосетинским (В. И. Абаев), другие – древнеиндийским (В. Б. Бартольд), третьи – тувинским, монгольским, тюркским (А. П. Дульзон, Х. Хаджилаев, Б. Мусукаев и др.) [605]. Но надо особенно отметить, что спор этот идет весьма странным образом и удивительными методами. Так, В. И. Абаев, утверждая осетино-иранское происхождение термина от слова *ком* – «рот, пасть, острие, отверстие», тут же пишет, что никаких прямых иранских оснований для этого не найдено. Далее он же утверждает, что в древнеиранской форме *кам* это слово сохранилось не в осетинском, а в тюркском языке балкаро-карачаевцев. Третье недоразумение состоит в утверждении Э. М. Мурзаева о том, что термин *кам* не является тюркским, поскольку зафиксирован только в топонимике. Х. Хаджилаев верно парирует: а где же еще может фиксироваться гидроним, если не в названии рек? Очевидно, для Мурзаева такого вопроса не существует. Четвертая странность состоит в другом заключении Э. М. Мурзаева, что гидронимы на *кам,* сотнями встречающиеся на Алтае, в Туве, Уйгурских степях, Средней Азии, Балкарии и Карачае, нельзя считать тюркскими и даже «нельзя сопоставить и с тюркским термином *кам* – «канал», сохранившимся в некоторых оазисах Туранской низменности и Таримской впадины»[606]. Вопрос – почему нельзя? – не объясняется и вновь отсутствует в поле зрения Мурзаева. Далее, приводя сотни названий в тюркском ареале на *кам, кем, хем,* тот же автор завершает: «Эти нетюркского корня гидронимы для нас крайне интересны». Почему нетюркского корня? Ответа вновь нет. Верхом удивительных метаморфоз в разъяснениях Мурзаева является его вывод: «Все эти примеры с гидронимами Алтая, Тувы, Монголии приведены в подтверждение тезиса о индоевропейском происхождении элемента *кем*»[607].

Удивительно просто расправляются ученые с общеизвестным фактом, что историко-географическая и этнографическая наука не знает обитания

иранцев на Енисее и его притоках, а эти реки (вкупе с массой других рек и речушек) почти повсюду именуются *кам, хем, хемчик* (в т. ч. и сам Енисей). Непонятно, на каком основании индоевропеисты априори настаивают на том, что в местах исконного обитания тюркских племен вдруг могли появиться иранские названия, да еще в таких количествах? В этом споре к массе тюркских топогидронимов мы бы добавили:

- балкаро-карачаевское слово *айры-кам* – «остров», т. е. земля, разделенная водой, рекой;
- на Дунае, в местах, где Аспарух со своей болгарской ордой остановился и, воткнув в землю копье, сказал: «Здесь будет наша ставка», – имеется река *Камчия* (Кам-чай);
- мне кажется, спору может положить конец и балкаро-карачаевское слово *кеме* – «корабль, крупное судно».

Все изложенное убеждает нас в том, что *кам, кем, хем* – это древнетюркский (тувинский, хакасский, уйгурский, алтайский, карачаевский, балкарский, монгольский) гидроним, означающий «река», «вода», и с этим термином связан этноним *ким-эр,* или киммерийцы. А сосредоточение памятников киммерийской культуры в верховьях Кубани – у карачаевских аулов – лишь подтверждает эту мысль, поскольку Кубань в своих истоках называется *Уллу-кам,* т. е. «Большая река». По моему мнению, от этого понятия «Большая река» происходит и нынешнее название *Карачай*, где *Кара* означает с древнетюркских наречий понятия «великий», «большой», «могучий», «истинный» плюс общетюркское слово *чай / сай* – «река».

Завершая этот этюд, хотелось бы обратить внимание на тот факт, что древнеболгарские письмена в большом количестве обнаружены в Карачае, в местах обитания древних болгар [608] и киммерийцев (речных людей). Именно поэтому крайне важными являются слова Прокопия Кесарийского, что кутургуры и утургуры – составные части древних болгар – являлись киммерийцами [609].

К сожалению, все, что мы привели в пользу скифо-тюркских параллелей, почти всегда игнорируется учеными-иранистами и индоевропеистами, а порой даже считается неуместным упоминать о них. И таким образом, все, что касается ведущих направлений скифского населения, до сих пор остается спорным и дискуссионным, а полемический труд, о котором писал еще Ф. Браун, пока еще не написан. Напротив, после выхода в свет труда В. И. Абаева «Осетинский язык и фольклор» (М.; Л., 1949) зачастую приходится сталкиваться с утверждением, будто бы все скифские племена были ираноязычными. Сторонники этих взглядов на скифское наследие забывают, что вопросы этнической истории Геродотовой Скифии чрезвычайно сложны, и эту проблему нельзя воспринимать и трактовать так упрощенно, как это принято в индоевропеистике. Приступая к анализу скифского наследия, нельзя упускать из виду, что основным признаком, по которому Геродот различал эти племена, был их язык, а также то, что скифы в различных аспектах – географическом, политическом и этническом – это далеко не одно и то же [610].

Многочисленные данные, вытекающие из изучения археологической культуры скифов, анализа знаменитой IV книги Геродота и всех античных источников, приводят ученых-скифологов к убеждению, что почти все основные вопросы истории и культуры скифских племен остаются попрежнему дискуссионными, как во времена Ф. Брауна. Крупный специалист по истории племен Евразийских степей А. П. Смирнов приходит к выводу, что «если говорить откровенно, то спорными, дискуссионными продолжают оставаться все основные вопросы истории скифов»[611].

Подводя итог своему капитальному труду, А. А. Нейхардт справедливо заключает: «Таким образом, вопрос о том, кого, собственно, следует считать «подлинными скифами», далеко не решен. По существу, в современной науке он до сих пор является дискуссионным, и единственной точки зрения не существует»[612]. И наконец, тщательный анализ античных источников, касающихся этнической географии скифских племен, приводит И. В. Куклину к следующему выводу: «Таким образом, почти все проблемы современной скифологии остаются спорными и ни одна из них не получила еще однозначного решения. Насколько глубоки разногласия, могут продемонстрировать попытки некоторых современных исследователей восстановить начальную историю скифов»[613].

Все эти спорные вопросы значительно могут быть продвинуты к разрешению, если ученые, отбросив тенденциозный, предвзятый подход к скифам, и прежде всего только с позиций их ираноязычия, обратят серьезное внимание на ряд следующих фактов, кстати, тех же, на которых в свое время настаивал Ф. Г. Мищенко. Он ведь еще более 100 лет назад, не придавая исключительного значения только скифской ономастике, писал, что «гораздо большее значение в решении этнического вопроса скифов имеют свидетельства древних писателей о быте, нравах и особенно его физического строения»[614], явно намекая на антропологические данные Гиппократа и Пиндара.

Итак...

Археолого-этнографические скифо-тюркские параллели

Известно, что скифы, унаследовав древнеямный, курганный, обряд погребения, хоронили своих умерших под курганной насыпью, в просторной яме, облицованной бревнами и плахами, в выдолбленной из цельного ствола колоде, на погребальной повозке. Умершего сопровождали в потусторонний мир табуны лошадей (до нескольких десятков и сотен особей), перед погребенным на деревянном столике в большой чаше ставили жертвенную пищу в виде конины, чашу с кумысом и т. п.

Весь этот набор элементов погребального обряда скифов совершенно не встречается и не оставил никакого следа ни у одного индоиранского народа, и в то же время полностью, один к одному, сохраняется у тюркских народов и является специфической особенностью их традиционной этнокультуры. Традиции поклонения священным предметам – родовым котлам, чашам – сохранились у средневековых кочевников [615].

«В традиционной культуре тюркских народов, – пишут исследователи, – вплоть до XIX в. сохраняются специфические особенности скифской культуры: погребение в срубах и деревянных саркофагах-колодах; в сопровождении коней; войлочные подстилки на дне могилы; возлияния кумыса и т. п.»[616]. Пили кумыс, ели конину и балкаро-карачаевцы вплоть до XIX в.[617] Возродить производство кумыса пытались в XIX в. карачаевский владетель К. Узденов, балкарские князья Урусбиевы. Лечение различных легочных болезней употреблением кумыса было налажено тогда в Пятигорске и Нальчике[618].

А вот как описывает Иордан похороны гуннского вождя Аттилы: «После того как был он оплакан такими стенаниями (рвали на себе волосы, царапали лица. – *И. М.*), они справляют на его кургане «страву» (так называют это они сами, – уточняет Иордан), сопровождая ее громадным пиршеством»[619]. Кроме курганного обряда, в данном сообщении привлекает к себе внимание гуннский термин *страва,* который справляли гунны на кургане. Ученые давно спорят о значении этого загадочного термина. В. Даль возводил его к славянским понятиям: «пища», «еда», «блюдо», «кушанье», «похлебка», «яства», «варево». Е. Ч. Скржинская пишет, что Иордан имел в виду под этим термином погребальную тризну, поминальный пир и пр. Якоб Гримм считал это слово готским, происходящим от слова «костер», т. е. полагал, что гунны сжигали тело умершего, но об этом Иордан не обмолвился в своем подробном описании погребения Аттилы. А. А. Котляревский справедливо возразил Гримму, сославшись на то, что Иордан знал готский язык[620] и не мог не знать значения готского термина. И действительно, Иордан, будучи готом по происхождению, не мог не знать этого термина, и ему не было необходимости уточнять, что так называют этот обряд сами гунны. Этот термин не мог быть и славянским: «погребальная тризна», «поминальный пир» и пр., так как Иордан завершает мысль словами, что этот обряд затем «сопровождался громадным пиршеством». Вряд ли Иордан мог допустить такую тавтологическую погрешность: «погребальное пиршество сопровождалось громадным пиршеством».

Следовательно, этот термин не мог быть ни славянским, ни готским, а только гуннским, что и отметил Иордан. И наше восприятие такого термина совпадает с мнением С. Я. Байчорова, который аргументировал тюркское происхождение этого слова, обозначающего общетюркское и карачаево-балкарское понятия: «похороны», «погребение»[621]. Курганный обряд погребения в срубах характеризует и археологический материал гуннов. Так, например, в 1975 г. у сел. Кишпек, в долине реки Баксан в Кабардино-Балкарии, был раскопан небольшой курган гуннского вождя, который свидетельствует о скифо-гуннских археологических параллелях[622]. Эти параллели были характерны многим средневековым тюркским племенам аваров – печенегам, хазарам, половцам и др.[623] Большое количество подкурганных гуннских захоронений, нередко с частями туши коня, обнаружено в степных районах Северного Кавказа, среди них можно назвать памятники у сел. Хабез, Брут, станицы Октябрьской, сел. Кишпек,

Паласа-Сырт, Большой Буйнакский курган в Дагестане и других районах [624]. Приводившиеся выше слова Плано Карпини о том, что куманы-половцы хоронили умерших в курганах, сопровождая их конями, кумысом и пр., подкрепляет и Гильом Рубрук, писавший: «Команы насыпают большой холм над усопшим и воздвигают ему статую, обращенную лицом к востоку (древнеямники тоже обращали умершего головой к востоку. – *И. М.*) и держащую у себя в руке перед пупком чашу... Я видел недавно одного умершего, около которого они повесили на высоких жердях 16 шкур лошадей – по четыре с каждой стороны мира...»[625].

Такой крупный специалист по истории и культуре кочевых народов Евразийских степей, как С. А. Плетнева, изучив все доступные ей историко-археологические материалы, пришла к выводу: «Таким образом, мировоззрение «всадничества» было основным элементом любой кочевнической культуры, элементом, который всех их объединял в своеобразную «культурную общность», раскинувшуюся по всей Евразийской степи. Культ всадника был связан с культом огня, неба, солнца, коня, распространенных также у всех кочевых народов. Обычаи и обряды, подчиненные этим культам и вытекающие из них также естественно, были очень сходными у разных племен и орд, отделенных друг от друга громадными расстояниями. Например, погребальный обряд с сопровождающим человеческое захоронение конем или его частями известен от скифской эпохи почти до современности и от Дальневосточных степей до Дунайской равнины»[626]. Чтобы глубже понять историческое значение этого заключения, необходимо однозначно сказать, что ни для одного индоиранского племени или народа традиционно нехарактерно захоронение с конем. Археологи не знают захоронения коня или части его туши в катакомбных захоронениях Северного Кавказа. К этому следует добавить слова выдающегося осетинского просветителя К. Хетагурова, который в своем «Этнографическом очерке» об осетинах писал: «Лошадь была роскошью. Она применялась только для верховой езды и перевозки вьюков. Ни мясом, ни молоком, ни кожей ее не пользовались»[627].

Все эти факты говорят об одном – современные ираноязычные народы, в т. ч. и осетины, в своей традиционной народной культуре не сохранили ничего из бытовой культуры скифов, а следовательно, не имеют к скифам в этом никакого отношения.

Попробуем этот тезис аргументировать рядом археолого-этнографических факторов. К этому нас обязывает то обстоятельство, что изучающему историю и культуру скифских племен не может не броситься в глаза сложившийся парадокс или диспропорция в исследованиях о скифах. Мы знаем множество работ о географии Скифии, реках ее, об археологических памятниках, об идеологических воззрениях и социальной структуре скифского общества и т. п. Но мы очень затруднимся назвать хотя бы одно цельное исследование, посвященное бытовой культуре скифов. Вероятно, это обстоятельство объясняется тем, что при первом же прикосновении к домашнему быту, утвари, пище скифов ломается сложившийся стереотип и обнаруживаются

«ножницы» между их будто бы иранским языком и явным тюрко-монгольским бытом и традиционной культурой. Обратимся к фактам.

1. Наряду с упоминавшимся напитком *асхи / ицхи* основной повседневной пищей скифов было кобылье молоко – *кумыс* и сыр из него – *иппак*, как писали Геродот, Гиппократ, Страбон, Гесиод, Антифан, Эсхил и др.[628] Не приходится останавливаться на том общеизвестном факте, что кумыс и конина считаются специфическими тюркскими элементами пищи. Они хорошо зафиксированы у гуннов и других тюркских племен еще в первые века [629]. По нашему мнению, термин *иппак* или *гиппак* можно сопоставить с карачаево-балкарским словом *аппак,* т. е. «белый-белый». У этих народов, чтобы осведомиться, есть ли в доме молочные продукты, обычно просто спрашивают: «*Акъ бармыды?*» – «Белое есть?». Так что название *аппак* вполне подходит к наименованию сыра из молока. Однако С. Я. Байчоров предложил возможность видеть в этом термине карачаево-балкарское название *гыпы-акъ,* т. е. молочный продукт, приготовляемый добавлением к молоку кефирного грибка *гыпы* [630].

Сообщение скифского мудреца Анахарсиса состоит в том, что «обедом и завтраком для скифа служат молоко и сыр»[631]. Это сообщение буквально совпадает с балкаро-карачаевским устоявшимся выражением, что для них главной пищей являются «айран и сыр» *(Айран бла бишлакъ).*

Соответствие скифо-сарматского термина *иппак / гиппак* балкаро-карачаевскому *гыпы-акъ* приводит С. Я. Байчорова к справедливому убеждению, что Геродот и Гиппократ зафиксировали наряду с *асхи* еще один явно тюркский термин, означающий «молочные продукты, заквашенные кефирным грибком». Убеждение это подтверждается тем фактом, что еще с прошлого века в отечественной науке установлено, что родиной кефирного грибка являются верховья Кубани [632].

Добавим к сказанному, что Геродот, Гиппократ, Гомер, Гесиод, Эсхил и другие древние авторы, как указывалось выше, называли скифов «доителями кобылиц», «млекоедами». Страбон уточнял, что «теперь еще есть так называемые *обитатели кибиток* и *кочевники,* занимающиеся скотоводством и питающиеся молоком, сыром, и главным образом сыром из кумыса»[633]. Далее он писал, что скифы употребляют в пищу не мясо вообще, но и «в особенности конину, а также сыр из кумыса, свежее и кислое молоко; последнее, особым образом приготовленное, служит у них лакомством». Вот почему Гомер называет все население этой части света «галактофагами»-млекоедами. Не может быть сомнения и в том, что в этих характеристиках речь идет о тюрко-кочевнических племенах и большом разнообразии видов в их быту заквашенного кислого молока – айранов. Дело в том, что кочевые племена, описанные Геродотом, Страбоном и другими, позднее Помпоний Мела именует тюрками.

Доителями кобылиц и млекоедами были и есть все тюркские племена и народы в отличие от всех индоиранских племен. У балкарцев и карачаевцев молоко и молочные продукты настолько почитаются, что их нельзя проливать на землю, даже воду, которой ополаскивают молочную

посуду, принято сливать в определенное место. Такое почитание способствовало тому, что название молочных продуктов покрывалось табу и они назывались общим табуизированным термином *акъ* – «белый». Чтобы осведомиться о наличии молока, айрана или молочных продуктов, карачаево-балкарцы спрашивали: «Акъ бармыды?», т. е. «Молочное есть?». Древнегреческий термин «галактофаги» или «млекоеды», а еще более у Евстафия – «млекопийцы»[634], на тюркских языках будет *акъ-ицер* или *акъ ичер,* т. е. «пьющий молоко», «пьющий белое». Общеизвестно, что греческие названия варварских племен почти всегда являлись либо кличками, либо фиксацией какой-либо особенности их культуры, одежды, среды обитания, пищи и т. п. (типа: троглодиты – «пещерники», меланхлены – «черноризцы», млекоеды – «доители кобылиц» и т. п.). Отсюда питающиеся молоком номады и получили свое название, или прозвище, – «галактофаги», а на тюркском языке будет звучать *акъ-ицер*. Позднее, у эллинов первых веков, эта кличка превратилась в этноним гуннского племени – *акацир*. Такое объяснение этнонима *акацир* более соответствует действительности, нежели тюрко-персидское толкование его как «главный народ»[635] или «лесной человек»[636]. Дело в том, что для обозначения «главного народа» у тюрков извечно существует термин *бас-ил,* каковым и называли царских скифов[637], а «лесной человек» у всех тюркских народов называется *агач-киши*. Кроме того, общеизвестно, что гунны были кочевниками классического типа, а в лесах, как известно, кочевать не приходится!

2. Широко известно, что большое место в материальной культуре скифов играл войлок, из которого они изготовляли различные бытовые предметы, одежду, войлоком покрывали свои шатры и повозки[638]. Столь же широкое применение имел войлок в быту и культуре у многих тюркских племен – гуннов, булгар, хазар, алтайцев[639], а также у современных тюркоязычных народов Средней Азии, Алтая, Поволжья и Кавказа[640]. В курганах алтайских тюрков скифского времени найдено множество изделий из овечьей шерсти. Из нее катали настенные и напольные черные, серые, белые войлоки-кийизы. Войлочными были все потники, чепраки и покрышки конских седел, а также самая разнообразная одежда: мужские кафтаны, чулки, головные уборы и т. п. Войлоком был покрыт пол в погребальной камере одного из курганов, а подошва одной из пар женской обуви из того же кургана была покрыта узором из бисера и кристаллов пирита. В такой обуви можно было ходить по полу, только устланному войлоком или ковром[641]. Масса войлочных ковров-кийизов, фрагментов одежды была обнаружена в Пазырыкских курганах Алтая[642]. Войлочную одежду ногайцев отобразил в своих зарисовках Адам Олеарий в XVII в., а Г. И. Гюльденштедт в XVIII в. писал об огромной роли войлока и войлочных изделий в экономике и культуре балкарцев. По его словам, балкарцы «приходят с толстым сукном, войлоками и тому подобным на еженедельную ярмарку в Они, что в Радше (Рache. – *И. М.*) и выменивают тут бумажные ткани и пр.»[643]. О классическом жилище кочевников, прошедшем тысячелетнюю историю развития и совершенствования, – о войлочной юрте – известный ученый

и путешественник Н. М. Пржевальский писал, что она «составляет незаменимое жилище. Ее можно быстро разбирать и переносить в другое место, в то же время она служит достаточной защитой от холода, зноя и непогоды. Действительно, в юрте в то время, когда горит огонь, довольно тепло, даже в самый сильный мороз... летом войлочная оболочка такого жилища отлично защищает от жары и дождей, хотя бы самых проливных»[644].

Описывая территорию обитания, нравы и обычаи усуней, тождественных гуннам и асам (см. ниже), китайские источники III в. до н. э. сообщают, что усуньский правитель (Гуньмо) женился на китайской принцессе, которая, попав в незнакомую для нее среду, писала:

Отдали в чужое царство,
За усуньского царя.
Живет в бедной хижине,
Обтянутой войлоком (т. е. юрте. – *И. М.*).
Пища его – мясо, питье его – молоко.

170 г. до н. э.[645]

Эти стихи китайской госпожи переданы в других источниках Китая с некоторыми уточнениями: «Дворцом служит мне белая юрта, которой стены обиты войлоком. Сырое мясо служит мне пищей, а кислое молоко напитком»[646].

В условиях кочевой жизни юрта наилучшим образом выполняет не только утилитарные функции, но и эстетические, она «является эталоном прикладного искусства и представляет собой шедевр, квинтэссенцию всей кочевнической культуры», – пишет известный казахский исследователь М. С. Муканов [647].

«Зашедшего в юрту, – пишут ученые-специалисты по культуре азиатских народов, – поражает нарядность ее убранства... Всюду узор. Он тесно связан с бытом, с каждым событием в жизни народа... В этом мире узоров то здесь то там обнаруживаешь намеки на образы действительности, на реальные предметы. Мир, окружавший кочевника, своеобразно опоэтизирован»[648].

Такую тесную связь с окружающим миром кочевнической юрты отмечал Страбон: «Кибитки номадов сделаны из войлока и прикреплены к повозкам, на которых они живут; вокруг кибиток пасется скот, мясом и молоком которого они питаются» (География, кн. VII, 3, 17).

Путешественник середины XIII в. Гильом Рубрук также отмечал белоснежные юрты кумано-половцев. Он писал, что юрты «покрывали белым войлоком, чаще пропитывая его известкой, белой землей и порошком из костей, чтобы юрта ярче сверкала». По его словам, отдельные юрты кагана достигали до 30 футов шириной и их перевозили на повозках 22 быками. П. Карпини отмечает и более скромные юрты, которые перевозились 1–2 быками [649]. Выдающийся казахский ученый и просветитель Ч. Валиханов писал, что усовершенствованные юрты могли перевозить и на одном верблюде [650].

Иногда исследователи сравнивают развивавшуюся на протяжении нескольких тысячелетий юрту с палаткой. Первым такое допущение сделал П. Карпини, написавший, что юрта «наподобие палатки»[651]. Однако юрта – далеко не палатка. В палатке летом жарко, зимой холодно, в дождь она промокает. А юрта не промокает никогда, если только войлок не продырявлен, зимой в ней тепло, летом прохладно [652].

Завершая этюд о юрте и войлоках, необходимо специально отметить, что эти атрибуты, возникшие, по крайней мере по археологическим данным, в эпоху древнеямной культуры на рубеже IV–III тыс. до н. э. в быту древнейших кочевников-овцеводов, прошли исторический путь в несколько тысячелетий, являются по сей день традиционной спецификой тюркских народов и совершенно нехарактерны народам и племенам индоиранской группы.

3. Геродот (IV, 2) описал весьма оригинальный способ доения кобылиц: «Молоко выдаивают они следующим образом: взяв костяные трубки, очень похожие на флейты, они вставляют их в половые органы кобылиц и дуют ртом, а другие во время вдувания доят. Делают они это, по их словам, вот почему: от воздуха жилы кобылиц наполняются и вымя опускается...». Очень важно, что параллелью этого способа доения кобыл у скифов является сообщение академика Палласа, описавшего подобную же операцию, производимую калмыками над сопротивляющимися доению кобылицами [653].

4. Об интересном скифском способе варить мясо Геродот писал: «Содрав с животного кожу, очищают от мяса, затем кладут его в котлы туземного изделия, зажигают кости животного и на них варят мясо; если котла не окажется, то вкладывают все мясо в желудки животных, подливают воды и зажигают кости; они горят отлично, а очищенное от костей мясо легко умещается в желудке. Таким образом, бык сам себя варит» (IV, 59–60). А. П. Смирнов в своей монографии «Скифы» писал, что «описанный Геродотом скифский способ варки мяса никем, по нашим сведениям, экспериментально не проверялся»[654]. Однако этот способ варки мяса в желудках животных просуществовал у казахов, балкарцев, карачаевцев, монголов вплоть до наших дней, особенно в условиях летних пастбищ среди чабанов и пастухов [655]. Например, у карачаево-балкарцев, по словам опытных чабанов-старожилов, практикуется следующий способ варки мяса на высокогорных пастбищах: «Пока разделывали тушу животного, разводился большой костер, а в тщательно промытую брюшину складывали очищенное от костей мясо, нарубленное небольшими кусками, наливали воды, завязывали желудок кусочками тонкой кишки. Когда все это было готово, разгребали огонь костра и в раскаленный центр костра клали этот желудок, а вокруг продолжали разводить огонь. Таким образом варили мясо. Если же под руками не оказывалось дров, очищенные от мяса кости, особенно если животное было хорошо упитанным и жирным, горели «как каменный уголь первого сорта», – рассказывают информаторы-старожилы. По их словам, был и другой способ, рассчитанный на более

длительный срок, скажем, с ночи на утро: «Огонь разводили в небольшой ямке и, когда яма была уже раскалена, а брюшина с мясом готовы, огонь из ямы расчищался и на раскаленное место – дно ямы – клали брюшину, сверху ее засыпали тонким слоем раскаленной золы и продолжали топить».

Близким к скифскому способу является способ приготовления монголами торжественного блюда – жареного козленка: «С давних пор его приготовляют так: режут молодого белого козленка, отрезают голову, потрошат его, вынимают кости, вовнутрь кладут раскаленные камни, а затем завязывают и жарят. Таким образом приготовленное мясо, заправленное различными пряностями, очень питательно и вкусно»[656].

5. Известный скифский обычай сопровождать умерших чуть ли не табунами лошадей (до 360 останков лошадей в некоторых скифских курганах), как отмечалось, существовал у гуннов, аваров, кипчаков и других тюркских племен.

По словам С. И. Руденко, огромное значение лошади в жизни древних горноалтайцев подчеркивается обязательным ее захоронением во всех могилах, независимо от возраста, пола и общественного положения захороненного [657].

6. В горно-алтайских курганах обнаружены сложной конструкции оборонительные щиты двух типов: большие и малые. Малые щиты прямоугольной формы (28 х 36 см) состоят из лоскута кожи с вплетенными в него тщательно выструганными палочками (в среднем 34). По краям лоскут кожи загнут на обратную сторону щита и там закреплен. На обратной же стороне щита сделана широкая петля из ремня, пропущенного с лицевой стороны. Такие щиты найдены во многих курганах Алтая. Щиты больших размеров были 53 х 69 см, в них вплетались до 52 выструганных палочек. Помимо кожи, связывающей палочки, щиты скреплялись еще двумя поперечными палочками: одной – внизу, другой – несколько отступая от верхнего края. По свидетельству археологов, точно такого рода щиты были типичным скифским оборонительным оружием. Такой именно конструкции щит мы видим в руках сражающихся скифов на золотом гребне греческой работы из кургана Солоха [658].

7. Геродот описал скифский способ скальпирования врагов – делается вокруг головы на уровне ушей надрез кожи (IV, 64). Ссылаясь на это сообщение, В. Ф. Миллер пытался доказать скифо-осетинское родство. Однако еще Ф. Г. Мищенко справедливо заметил ошибку Миллера. Дело в том, что «в народных сказаниях осетин о герое Созрыко шубы сшиваются из кож ближайших родственников: отцов, братьев, мужей, тогда как у скифов жертвами скальпирования были только враги. Подобный обычай не чужд урало-алтайским народам, а также дикарям Северной и Южной Америки»[659]. Точно такой же способ скальпирования был обнаружен в одном из Пазырыкских курганов Горного Алтая: прежде чем снять скальп с убитого, кожа спереди над лбом была надрезана от одного уха до другого, затем кожа была содрана с черепа [660].

8. В 71-й строфе IV книги Геродот пишет, что скифы, как только «погребальная яма была готова, они принимаются за покойника (речь идет о погребении вождей. – *И. М.*) и воском покрывают его тело, но предварительно разрезают ему живот, вычищают его и наполняют толченым купером, ладаном, семенами сельдерея и аниса, потом сшивают и везут в повозке к другому народу». Подобным образом мумифицировали трупы и алтайские тюрки скифского времени. «Во всех тех курганах, – пишет С. И. Руденко, – где сохранились тела погребенных, брюшные полости были вскрыты и внутренности удалены». В одном из курганов у погребенного старика были удалены даже мышцы и заменены, продолжает исследователь, по-видимому, какими-то растительными волокнами, после чего все разрезы были зашиты толстыми сухожильными нитками. «У женщины, похороненной во втором Пазырыкском кургане, брюшная полость была также заполнена какой-то растительной массой, затем зашита. Весьма возможно, что в качестве если не консервирующего вещества, то во всяком случае, отбивающего трупный запах, применялись сильно ароматичные семена эфирно-масличного растения кориандра, которые в большом количестве были найдены во втором, третьем, пятом Пазырыкских курганах»[661].

9. Исключительно ценные параллели со скифами обнаруживает погребальный обряд горно-алтайских племен. Геродот писал, что тело умершего вождя возили в повозке к подвластным ему народам. Так же они поступали и с прочими скифами: ближайшие родственники клали покойника на повозку и возили к его друзьям (*Геродот,* IV, 73). Мы уже отмечали, что погребальные повозки были обнаружены в курганах эпохи бронзы в Калмыцких степях, Краснодарском крае у станицы Новотитаревской, у сел. Утамыш в Дагестане, у сел. Бедени в Грузии и др. Характерной деталью погребального обряда являются повозки и для скифов [662], множество погребальных повозок обнаружено и в курганах Горного Алтая. Одни из них были очень тяжелыми телегами, другие более легкими, но сложными по своей конструкции, с многоспицными колесами. Первые повозки имели колеса высотой до 40 см, толщиной до 30 см. Такие колеса вращались на оси длиной до 3 м. Второй вид повозок имел очень высокие колеса – до 150 см. Почти все повозки имели крытые кузова, на гнутых прутьях держался войлок, покрывавший повозку. Над платформой одной из алтайских повозок было по четырем сторонам закреплено по одному шесту, на которых были укреплены войлочные фигурки лебедей – древнейших священных птиц, от которых происходит одно из древних тюркских племен – *Ку-киши* (Люди лебедя). По словам С. И. Руденко, некоторые погребальные повозки рассчитаны на дышловую запряжку четверки коней [663].

10. Как мы уже отмечали, погребальные камеры древних кочевников – ямников, срубников и скифов – представляли собой срубы, покрытые бревенчатым накатом, настилом из коры и пр. Такие же бревенчатые дома представляли собой погребальные камеры многих тюркских племен – гуннов, кипчаков, горноалтайцев и др. Площадь таких «домов» на Алтае

достигала до 40 м^2, высота до 4–6 м. Рубились они из толстых бревен, иногда камеры были покрыты войлоком, а в других случаях перекрывались слоем спрессованных стеблей и кустарника, порой несколькими слоями (до 40 слоев) бересты старых берез. Рядом с камерами укладывались штабелями трупы жертвенных лошадей (до 16–18 голов), в иных скифских курганах хоронили до 400 голов [664].

11. Скифы, как и древние срубники (Новотитарево, Утамыш и др.), хоронили своих умерших на погребальных повозках в специальных колодах-саркофагах, выдолбленных из толстых стволов деревьев. Такие же колоды были характерной чертой погребального обряда средневековых кипчаков [665]. Эти колоды-саркофаги сравнительно однотипны, но на Алтае выявлены колоды двух вариантов: с двумя и четырьмя парами проушин на концах колод для их скрепления. Колоды выдалбливались из продольно распиленных толстых бревен лиственницы. Часто колоды и их крышки оклеены полосками бересты, снятой с молодых березок. Кроме этого, крышки колод украшались различными рисунками из войлока, бересты, медными бляшками, нарезными изображениями животных. На одном из саркофагов из алтайских курганов были изображены четыре тигра, идущих один за другим. Под ними – изображения двух лосей, двух кабанов, трех горных баранов в различных позах. Среди этих изображений часто попадаются олени, петухи, горные козлы и др.[666]

12. Как известно, основным признаком погребального обряда древнейших кочевников – ямников, скифов и средневековых тюркских племен – является сама курганная насыпь, дожившая в тюрко-кочевнической среде почти до наших дней. По сообщению Геродота, скифы после похорон совершали очистительные обряды: «Окончив погребение, – пишет Геродот, – скифы очищают себя таким способом: головы они смазывают, а потом обмывают себе волосы; с телом поступают так: после того как они поставят три древка, наклоненных одно к другому, они покрывают их шерстяным войлоком и, создав круговую защиту как можно лучше, бросают раскаленные на огне камни в посуду, поставленную внутри этого шатра... В Скифии произрастает конопля... И вот после этого скифы, взяв семена конопли, подлезают под войлок и раскидывают затем семена поверх раскаленных на огне камней; брошенное курится и получается такой пар (дым), что никакая уж эллинская парильня не превзойдет этого... Это служит им вместо омовения» (*Геродот,* VI, 73–76).

По заверениям исследователей, «во всех Пазырыкских курганах нами были найдены связанные между собой вверху не три древка, как писал Геродот, но шесть древков... Эти шестиноги были расставлены над медными сосудами прямоугольной формы на четырех ножках и в форме скифского котла на поддоне. Оба сосуда были наполнены побывавшими в огне камнями, в них же были обнаружены семена конопли, частично обуглившиеся... К древку одной из шестиног была привязана кожаная фляга с семенами конопли. Эта шестинога была покрыта кожаным покрывалом художественной работы, а другая – войлочным»[667].

Таким образом, скифский обычай очищения после похорон окуриванием, так обстоятельно описанный Геродотом, получил полное подтверждение, и притом во всех деталях раскопками С. И. Руденко в Горном Алтае.

13. У Геродота записана интересная скифская легенда о том, как некогда на их землю с неба упали (или были сброшены) золотые творения: плуг, ярем, бердыш и чаша. К этой легенде обращаются многие поколения ученых-индоевропеистов, строят на ее основе различные концепции о религиозных верованиях, мировоззрении, хозяйственном укладе, социальном строе скифов. Но до сих пор никто из них не смог обнаружить и увязать прообразы этих предметов в астронимах индоевропейских, народов. Ведь прежде чем упасть с неба, там должны были пребывать прообразы этих легендарных предметов? Тем более отрадно, что недавно балкарскому фольклористу М. Ч. Джуртубаеву удалось раскрыть астрологическую суть скифской легенды. По исследованиям фольклориста и собранному им полевому материалу, созвездие Малой Медведицы балкарцы и карачаевцы именуют *Мырытла. Мырыт* – это «сошник», «лемех», возможно, что прежде так назывался и плуг. Созвездие Ориона называется *Гидала,* где *гида* означает «боевой топор», «бердыш», так же называется небольшой обоюдоострый топор. Подобные топоры являются довольно частой находкой в скифских захоронениях. Группу из семи звезд Северной Короны, напоминающую по своей конфигурации чашу, балкарцы называют *Чемючле,* а слово *чемюч* означает небольшую чашу. Созвездие Весов балкарцы именуют *Боюнсала,* где *боюнса* означает «ярмо».

Таким образом, в астронимах балкаро-карачаевцев мы обнаруживаем пока что единственные небесные прообразы легендарных скифских золотых предметов.

14. По словам Геродота, скифы гадают при помощи множества ивовых прутьев следующим образом: «...принесши большие связки прутьев и положив их на землю, они раскладывают их порознь и затем, перекладывая прутья по одному, гадают; произнося предсказания, они вместе с тем снова собирают прутья и раскладывают их поодиночке. Таков у них исконный способ гадания». Обычай гадать на прутьях отмечает Аммиан Марцеллин и у аланов. В. Ф. Миллер использовал этот способ гадания для доказательства иранского происхождения скифов. Однако он ближе всего к способу гадания сибирских шаманов, записанному Гмелиным в его путешествиях по Сибири [668]. «После непродолжительного тихого бормотания, – пишет путешественник, – колдун брал пучок мелких палочек, как бы серных лучинок. В таком пучке содержится 49 палочек. Вскоре после этого он выбирал из пучка пять палочек и клал их особо. С остальными он играл, бросая их то туда то сюда, а затем вытягивал то одну то другую. Процедура длилась недолго, и колдун произносил гадание» (IV, 67). Кроме того, достоверно известно, что «наиболее древнее археологическое свидетельство культового использования прутьев таволги дает Кенкольский могильник в Киргизии. Этнографически различные проявления этого культа отмечены прежде всего в среде тюркоязычных народов (алтайцы, чуваши, казахи,

киргизы, узбеки, тувинцы) и их ближайших соседей. Древность связанных с таволгой религиозных представлений подтверждает магическая формула шамаистской по содержанию рунической «Книги гаданий» IX в.: «Одна таволга становится сотней таволг»[669]. Весьма уместно отметить, что полевые исследования М. Ч. Джуртубаева существенно дополняют сведения о гадании на прутьях. Балкарцы в прошлом брали для гадания тонкие прямые ветки красного кустарника, именуемого ими *сипи.* Срезать эти ветки ради забавы не дозволялось, оберегали их и от коз. Для гадания срезали 9 или 12 прутьев длиной 40–50 см. Гадатель держал их в руке и предлагал желающему получить предсказание: не глядя выдернуть один из прутьев, а потом говорил, что его ожидает. Отголоски этого гадания сохранились и поныне в гадании, именуемом *чеп тартыу* – «выдергивание прутьев». Подобное гадание весьма близко к гуннскому термину *чопчи* – «знахарь», «предсказатель»[670], который происходит от корня *чоп / чеп* – «прутик» и частицы *-чи,* указывающей на профессию, как и в словах: *Темир* – «железо», *Темир-чи* – «кузнец», *Жыр* – «песня», *Жыр-чи* – «певец» и т. п.

15. У Геродота есть описание еще одного вида скифского гадания на лиловом мочале, которым они перепутывали пальцы и, разрывая, произносили предсказание. Ф. Г. Мищенко заметил, что подобный способ гадания был характерен для калмыков, а М. Джуртубаев описал подобное гадание у балкарцев. Они брали кусок новой шерстяной самотканой нити *(шинтагъы),* складывали ее несколькими кругами с промежутками, образующими кольца, потом продевали в них конец нити и дергали за оба конца. Прорицание выносили в зависимости от того: сколько узелков образовалось на нити, или не образовалось ни одного, или нить обрывалась.

16. Известно, что скифы поклонялись мечу. Божественным даром и предметом поклонения меч был и у гуннов, считавших его мечом верховного божества – Тенгри, а греки именовали «мечом Марса»[671]. Сравнительное изучение тюрко-монгольского эпоса привело исследователей к выводу, что «преклонение перед оружием привело к возникновению культа «бога-меча», буквально «меча»[672].

17. Общеизвестно, что однажды скифы выстроились и подготовились дать бой войску Дария. Но, увлекшись на виду всей персидской армии случайно пробежавшим зайцем, скифы забыли о своем намерении. Эта скифская игра «погоня за зайцем» настолько сильно повлияла на Дария, что тот посчитал, что скифы пренебрегают его армией и даже в такой момент не могут отказаться от своих развлечений. В результате армия персов немедленно отступила без боя. Эта игра являлась глубоко традиционным элементом культуры и отразилась на мировоззрении скифов, определенные сцены использовались в разных легендах и в эпосе. В скифских находках очень часты изображения скифов-всадников, гоняющихся за зайцем [673].

В связи со сказанным необходимо вспомнить, что в 1883 г. М. М. Ковалевский вел раскопки у балкарского сел. Былым. Вдруг работавшие у него балкарцы, побросав лопаты и прочий инструмент, бросились ловить случайно пробежавшего зайца. Великолепно знавший законы, обыч-

ное право, нравы и обычаи кавказских народов, выдающийся ученый-социолог не нашел этому развлечению других параллелей, как случай, описанный Геродотом [674]. Отголоски этого развлечения запечатлены и в карачаево-балкарском нартском эпосе – в одном из эпизодов (как и в случае со скифскими изображениями) из-под копыт нарта-всадника выскакивали зайцы [675].

18. Одной из любимых игр мальчиков тюркских народов Средней Азии и Кавказа является игра в альчики (астрагалы овец и баранов). Эта игра занимает исключительное место в традиционной детской культуре тюркских племен и народов, хотя ашыками (альчиками) увлекались и взрослые [676]. Игра в альчики имеет несколько разновидностей: на месте сбрасывали альчики так, чтобы они устояли в определенном положении, или выстраивали их в некотором удалении в круге, а затем старались выбить их оттуда специально брошенным альчиком, который у карачаево-балкарцев называется *сака*. Чтобы сака был тяжелее и выбивал из круга как можно больше альчиков, его специально утяжеляли, заливая свинцом или перевивая металлическим тонким прутом (проволокой). Игра в альчики нашла отражение почти во всех тюркских сказках, о ней говорится в нартском эпосе балкарцев и карачаевцев.

Специально утяжеленные ашыки в большом количестве были обнаружены нами в средневековом балкарском поселении XII–XIV вв. у сел. Верхний Чегем (Кабардино-Балкария)[677]. Альчики очень часто обнаруживаются и на аксуусских поселениях эпохи бронзы в Казахстане [678], в захоронениях древнеямной кочевнической культуры в Кабардино-Балкарии [679]. В одном из захоронений середины II тыс. до н. э. в кургане у сел. Кишпек (Кабардино-Балкария) были погребены два мальчика, вокруг которых аккуратно располагался 21 альчик, причем 9 из них лежали в 3 ряда по 3 штуки в каждом ряду у ступни левой ноги левого скелета и по 3 штуки у кистей правой ступни и правой голени того же скелета. По два астрагала были уложены у черепа и кисти правой руки, по одному – у левого плеча правого костяка [680].

Все эти факты мы приводим для того, чтобы связать их с находками отлитых в бронзе альчиков из скифских захоронений у сел. Шалушка (Кабардино-Балкария)[681], или с астрагалами из горного хрусталя в древнешумерском городе Уре III тыс. до н. э., куда эта игра могла быть занесена древнейшими ямниками-кочевниками, которые смешались в Передней Азии с древнейшими оседлыми земледельцами [682].

19. По словам Геродота, в погребальных обрядах скифов участвовали все родственники и подвластные им народы (IV, 71–73). На этом основании В. Ф. Миллер пытался доказать скифо-осетинское родство. Однако у всех кавказских народов в похоронах участвуют все родственники и одноаульцы умершего, и на этом основании делать какие-то этногенетические выводы не следует. Кроме того, И. Ж. Байер еще тогда же заметил Миллеру, что подобный обряд более полно содержится в похоронных обрядах многочисленных тюркских племен [683].

20. Геродот писал, что удавленных юношей скифы особым способом усаживали на убитых лошадей, устраивая таким образом почившему жертвоприношение всадниками (IV, 72). К. Нейман в своем труде «Эллины в стране скифов» (1885. С. 101, 232) и Бастиан в книге «Человек и история» (1869. Т. 2. С. 335) приводят много аналогий подобному обряду среди монгольских племен (цит. по Ф. Г. Мищенко).

21. О скифском обычае побратимства мы знаем со слов Геродота и Лукиана Самосатского.

Геродот писал: «Клятвенные договоры совершают так: в большой глиняный ковш наливают вина и примешивают к нему кровь договаривающихся, сделав укол шилом или небольшой надрез ножом на теле, затем погружают в чашу меч, стрелы, секиру и дротик. По совершении этого обряда они долго молятся, а затем пьют смесь как сами договаривающиеся, так и достойнейшие из присутствующих» (IV, 70).

Лукиан Самосатский уточняет эти сведения следующими словами скифа Токсариса: «Мы приобретаем себе друзей не на пирушках, как вы, и не потому, что известное лицо является нашим родственником или соседом; но увидев какого-нибудь человека, хорошего и способного на великие подвиги, мы все устремляемся к нему, и то, что вы делаете при браках, мы делаем при приобретении друзей: усердно сватаемся за него и во всем действуем вместе, чтобы не ошибиться в дружбе или не показаться не способным к ней. И когда какой-нибудь избранник сделается уже другом, тогда заключается договор с великой клятвой о том, что они и жить будут вместе, и в случае надобности умрут один за другого. И мы действительно так и поступаем; с того времени, как мы, надрезав пальцы, накапаем крови в чашу и, омочив в ней концы мечей, отведаем этой крови, взявшись вместе за чашу, ничто уже не может разлучить нас»[684]. Подобный обычай побратимства в буквальном смысле повторяется у половцев. П. Голубовский писал, что «половец прокалывает себе палец иглой и выступающую кровь дает сосать тому, кого избирает себе в постоянные спутники и друзья, после чего сосавший кровь своего товарища становится для него как бы собственностью, его кровью и телом. Иногда употребляется и другой обряд. Желающие вступить в побратимство наполняли напитком медный сосуд, имеющий подобие человеческого лица, пили из него оба, собирающийся в путь и его спутник, и после этого уже никогда не изменяли друг другу»[685].

22. У многих тюркских народов: казахов, киргизов, кумыков, карачаевцев, балкарцев и других – в качестве нарочитого испуга или когда хотят ласково укорить ребенка, говорят ему: «*Къулагъынгы кесеме*» – «Отрежу тебе уши» (не руку, нос, ноги или что-либо еще, а именно уши!). Казахи даже говорят: «*Бастан кулакъ садакъа*» – «Отдать уши голове в жертву». Поскольку у кочевников не было тюрем, подземелий – *зиданов*, то у них отрезание ушей являлось одним из самых зримых для всех видов наказаний, если не было за преступление предусмотрено смертной казни. Известно, что к подобному наказанию часто прибегали скифы и саки. Поэтому Дарий в свое время легко поверил саку Сираку, который, чтобы войти к нему в доверие, отрезал себе уши и сказал, что это сделали с ним скифы [686].

Нам представляется, что скифский способ наказания трансформировался у тюркских народов в форме приведенных выше фраз.

23. Геродот писал, что скифы в память об упавшей с неба чаше носят повсюду чашу на поясе [687]. Нельзя не обратить внимания на тот очевидный факт, что неотъемлемой деталью десятков и сотен сохранившихся половецких и древнетюркских каменных изваяний являются именно изображения чаш, которые они держат у себя на поясе [688]. По сообщению Низами, кочевые тюрки до принятия ислама поклонялись изваянию с чашей как божеству [689]. Все эти факты позволяют видеть прямую связь между скифскими котлами – символами единства родов и гунно-половецкими традициями, описанными С. А. Плетневой в ее труде «Кочевники средневековья»[690]. Кроме всего прочего, половецкие и древнетюркские каменные изваяния почти во всех деталях повторяют скифские стелы [691].

24. У многих народов Кавказа широко популярен головной убор – *башлык* («наголовник»). Важно, что этот общетюркский термин используется многими иноязычными народами Кавказа: абхазами, осетинами, адыгами и др. Видимо, этот убор был перенят ими у тюрков, иначе он не назывался бы по-тюркски; ведь у всех народов есть на своем языке слово, обозначающее понятие «голова». Так зачем бы им называть свой элемент одежды чужим, тюркским словом «наголовник»?

В связи с этим необходимо вспомнить, что скифов называли «остроша-почниками» по виду островерхих головных уборов – далеких прототипов башлыка. Такие прототипы довольно часто встречаются на изображениях скифского искусства, например на Куль-Обинской вазе, на каменных изваяниях скифов в верховьях Кубани, Причерноморье, горах Алтая, Тянь-Шаня и др.[692]

Уместно отметить, что некоторые исследователи утверждают, что конической формы островерхие головные уборы в раннем Средневековье были характерны особенно для западных тюрков VIII–IX вв., и более всего гуннам, булгарам, а позднее тюркским народам Кавказа, Поволжья и сопредельных областей [693]. Уникальную параллель на каменных изваяниях из Карачая современному башлыку описал В. М. Сысоев: «...на плечи накинуто что-то вроде капюшона-башлыка из материи с крестообразным рисунком, с каймой, привесками и лапками, перекинутыми вокруг горла»[694]. В этом описании нетрудно заметить даже этнографическое сходство с современным методом ношения башлыка с завернутыми вокруг горла лапками [695].

25. Широкую известность получило сообщение Геродота, что скифский царь Ариант велел каждому из воинов принести по одной стреле и изготовить из их сплава в священном месте Эксампай огромный котел емкостью в 600 амфор (IV, 81). Уникальной и бесценной является полевая запись филолога М. Джуртубаева в сел. Верхняя Балкария [696] предания о том, что некогда в Балкарском обществе под названием *Тайпокъ къазан* (т. е. «Казан племени») бытовал вплоть до начала XIX в. огромный медный котел, в котором могли кормить сеном нескольких ягнят. Некоторые тенденциозно настроенные авторы не доверяют этому преданию, ссылаясь будто бы на

то, что на протяжении нескольких тысячелетий не мог сохраниться такой котел. Спрашивается, а как же сохраняются в сырой земле несколькими тысячелетиями тоненькие медные, бронзовые и иные изделия – пластинки, стрелы, ножи, серьги и пр.?

26. В 1870 г. Ф. А. Струве впервые опубликовал распространенные в Ольвии в V–IV вв. до н. э. загадочные монеты с негреческим словом EMINAKO и изображением скифа, натягивающего тетиву лука. Анализируя эти своеобразные монеты, возможно с изображением Геракла, натягивающего тетиву, ученые пишут, что в греческом языке нет предлога EMI, неизвестно и имя такого династа, чеканившего монеты. П. О. Карышевский приводит целый ряд убедительных фактов из самого Геродота, что натягивание лука было извечно установленным, заветным обычаем при определении возмужалости скифских юношей [697]. На основе ряда фактов автор приходит к выводу, что на статерах (монетах) ЭМИНАКО изображена центральная сцена скифской легенды об их этногенезе – Геракл, показывающий способ натягивания лука. При любом истолковании, продолжает он, этнической и социальной принадлежности негреческого имени самый факт помещения на обращавшихся в Ольвии монетах изображения, столь тесно связанного с верованиями и священными предметами скифов, является не лишенным значения свидетельством о продолжавшемся сближение ольвиополитов с местным населением.

Наше внимание в данном случае привлекает очень важный, с точки зрения скифо-балкарских параллелей, факт, мимо которого нельзя пройти без комментариев. Дело в том, что возмужалость балкарских юношей, как и скифских, проверяется у них укрощением необъезженных коней, у скифов к этому, вероятно, еще добавлялось натягивание лука. Оба этих занятия достаточно равнозначны. Неукрощенный, дикий конь у балкарцев называется *эминик*. Поэтому я осмеливаюсь допустить, что негреческое слово на монетах EMINAKO с изображением натягивающего лук скифа означает понятие «укрощать».

27. Многим исследователям известно, что, по словам византийского поэта Иоана Цеца, скифы называли Азовское море – Карбалык, означающее по его же переводу «Гигантская рыба»[698]. Хотя об этом знают многие, но никто не отмечает, что этот термин состоит из двух тюркских слов: *кар* – «могучий», «обильный», «мощный», «крупный»[699] и общеизвестного *балык* – «рыба». Кроме того, термин *Карбалык* бытовал у кипчаков как имя одного из сильнейших родов [700], а у саяно-алтайцев существует поверье, что земля будто бы держится на трех огромных рыбоподобных животных – *карбалык* [701].

К сказанному следует добавить, что многие скифские племена: агафирсы, сарматы, даки и др. – покрывали свои тела татуировкой, и это отражало благородство происхождения того или иного человека. Позднее это было перенято киргизами, у которых татуировка была привилегией храбрейших [702]. Изображения гигантских рыб часто встречаются на татуированных телах, седельных пластинках горных алтайцев скифского времени [703].

28. Верховное божество скифов называлось *Папай,* примерно так же назывался один из вождей сарматов – *Бабай,* оба термина являются общетюркскими и обозначают: «дед», «прадед», «предок». В связи с божествами скифов хочется отметить имя супруги Папая – богиню *Апи,* олицетворявшую землю («Апи-земля»)[704]. С ней скифы связывали культ диких лесных зверей, и в этом отношении она сопоставляется с греческой Артемидой – богиней лесных зверей, богиней-охотницей. Возможно, поэтому в скифском искусстве Апи всегда сопровождалась изображениями подобных зверей [705].

Название этой богини невозможно не сопоставить с карачаево-балкарским божеством диких животных, охотников. Ему посвящены множество народных песен, сказок балкарцев и карачаевцев. Охотники, прежде чем идти на охоту, всегда приносили ему жертву, просили у него удачи и пр. По нашему мнению, символом *Апсаты* – божества охотников и покровителя диких зверей у карачаевцев и балкарцев – служит огромная каменная стела высотой около 4 м, стоявшая в дремучем лесу Чегемского ущелья и доставленная в 1959 г. в Краеведческий музей города Нальчика *(ил. 28, 29)*. Ныне от нее сохранилась лишь небольшая часть изголовья, изображающая непонятного лесного зверя [706]. В народе эта стела известна как *Апсаты-таш,* т. е. «Камень Апсаты». А местонахождение стелы в дремучем лесу вполне соответствует ее прямому назначению.

В данном вопросе наше внимание привлекло имя богини *Апи.* Во всех почти тюркских языках оно означает «мать», «матушка». Частица *сат,* добавленная к этому имени у карачаево-балкарцев, означает понятие «святая», «святой». Поэтому С. Я. Байчоров справедливо считает, что имя *Апсаты* означает «Святая охоты»[707]. Такое толкование вполне соответствует скифскому значению богини *Апи.*

29. Потомкам скифов – сарматам был характерен воинственный ободряющий клич «Эй, марджа!», который В. Ф. Миллер, в попытке обосновать ираноязычность скифо-сарматов, связывает с иранским оловом *марг* – «яд»[708]. Такое толкование совершенно не подходит к действительному значению этого клича, так как у карачаево-балкарцев этот клич употребляется в массе случаев: «*Кел, марджа, кел!*» – «Приди, марджа, приди!»; «*Айт, марджа, айт!*» – «Скажи, марджа, скажи!»; «*Бер, марджа, бер!*» – «Дай, марджа, дай!» и т. п.[709] Нам представляется более вероятным связывать этот клич с именем бога города Вавилона – Мардук, обладавшего большой силой, небывалой отвагой, смелостью и т. п.

30. В одном из курганов на Южном Буге обнаружено захоронение знатной сарматки I в. н. э. Могила была сплошь обставлена деревянными плахами и досками. У костей одной из рук погребенной была найдена войлочная сумочка, а неподалеку от могилы обнаружено захоронение лошади [710]. Среди украшений сарматки бросается в глаза зеркальце с цельнолитой серебряной с позолотой ручкой, выполненной в виде фигурки мужчины восточного типа, в коротком стеганом кафтане, сидящего со скрещенными по-азиатски ногами [711]. Под стреловидными бровями, пи-

шет автор раскопок, узкие, чуть раскосые выпуклые глаза с рельефными зрачками. Прямой с широкими крыльями нос слегка приплюснут [712]. Тут же найдена костяная ручка опахала с изображением мужчины с приплюснутым носом [713].

Разумеется, нет никакой необходимости доказывать, что в данном случае может речь идти только исключительно о тюрко-монгольских типах.

31. Вспомним, как Плиний писал, что некоторые сарматские племена «питаются сырой мукой, примешивая к ней кобылье молоко...»[714]. Конечно, античный автор не мог знать, что многие тюркские народы, в т. ч. карачаево-балкарцы, жарили зерна ячменя, кукурузы и из этих жареных зерен мололи муку – *куут,* которую можно употреблять, примешивая к ней молоко, айран, масло и кумыс [715].

Завершая краткий обзор скифо-сармато-тюркских археолого-этнографических параллелей, хочется вновь вспомнить слова Ф. Г. Мищенко, что «гораздо большее значение в решении вопроса о национальности скифов имеют свидетельства древних писателей о быте народа, особенно о его физическом строе»[716]. Полностью разделяя выводы Мищенко, мы вслед за ним убеждены в том, что «невозможно не признать в среде Геродотовых скифов туранских (турецких. – *И. М.*), или, точнее, урало-алтайских племен»[717]. Для такого вывода историческая наука располагает многими фактами, количество которых со времен Ф. Г. Мищенко возросло в несколько раз. Последнее положение мы подметили специально, чтобы обратить внимание исследователей на один весьма примечательный факт: сторонники скифо-иранской теории со времен Мюлленгофа – Миллера не сумели подкрепить свою точку зрения ни одним свежим аргументом, хотя наука с тех пор значительно выросла и обогатилась. Вместо этого они из книги в книгу повторяют безнадежно устаревшие доводы Миллера. Наоборот, скифо-тюркские параллели из года в год постоянно растут археологическими, этнографическими топогидронимическими материалами, данными ономастики, исторической географии, явными тюрко-скифскими языковыми схождениями и т. п. И тем не менее сторонники скифо-иранского тождества, пытаясь убедить и самих себя, и читателей в правдивости этой теории, с завидным упорством перемалывают маловыразительные аргументы исключительно только XIX в. А ведь для настоящей научной дискуссии по этому важному вопросу куда серьезнее было бы иранистам без излишних амбиций привести хотя бы такой же ряд убедительных фактов в поддержку своей точки зрения, как это попытались сделать мы. Иначе дальнейший спор становится бесплодным, тенденциозным, предвзятым, лишенным всякого научного смысла.

Скифо-сарматские и тюрко-карачаево-балкарские языковые схождения

Ведущие иранисты, и прежде всего В. И. Абаев, О. Н. Трубачев, неоднократно писали, что единственным источником по языку скифов является

сохранившаяся часть их ономастики. Другая группа ученых с той же настойчивостью справедливо утверждала, что на таком шатком лингвистическом материале вряд ли можно делать столь далеко идущие этнические выводы. Среди них можно еще раз напомнить Кипперта, Меггеса, Гракова, Колобову и др. И в самом деле, что мы получили бы, если о национальности иранистов-осетиноведов – Василия Ивановича Абаева, Юрия Сергеевича Гаглойти, Бориса Александровича Калоева и других – мы судили бы по их личным именам! И все же, оперируя таким материалом, В. И. Абаев попытался выявить 196 скифо-осетинских лексических схождений. Во многих словах автор прибегал к различного рода исправлениям, подменял буквы, вставлял отсутствующие, игнорировал присутствующие и т. п. И тем не менее 48 терминов, хотя и имеются в Авесте, древнеиндийском, древнеперсидском и других источниках В. И. Абаева, в самом осетинском языке, по его же признанию, «не оставили никакого следа». Следовательно, надо полагать, что нет никаких оснований для включения этих слов в число осетино-скифских схождений. Из оставшихся 148 слов 101 имеет явные, прозрачные тюркские значения, не требующие никаких изменений оригиналов, к каковым прибегает В. И. Абаев. Несмотря на всяческие ухищрения, он приходит к весьма странным и оригинально звучащим значениям скифских имен типа: «Волкоплечий», «Супоед», «Танцующий прямо», «Варазмаг с Дона», «Смуглый Созир», «Невредимый утром», «Имеющий здоровую жену» и т. п., о которых мы уже не раз писали [718].

Однако стоит напомнить, что даже такие явные сторонники скифо-иранской теории, как Э. А. Грантовский, Д. С. Раевский, пишут, что «предлагаемые толкования лингвистических фактов, как подтверждающих наличие в Северном Причерноморье античной эпохи «индоарийского» этнического элемента, вызывает серьезные возражения на различных уровнях исследований ономастического материала. Нельзя согласиться и со многими экстралингвистическими аргументами в поддержку этой концепции»[719].

Недаром еще Ф. Брун писал, что «все, кто считает скифов иранцами, почти всегда расходятся в результатах при отыскании корней различных скифских слов в древнеиранских наречиях»[720]. Да и сам В. Ф. Миллер, верный продолжатель идеи Мюлленгофа, уточнял, что «из 110 варварских имен (в Пантикапее) не более 15 находят объяснение в иранских языках... из 20 имен, встречающихся в древних надписях IV–III вв. до Р. Х., ни одно не носит признака иранства... из 13 таманских имен только 3 несомненно иранские, остальные не поддаются объяснению из иранских, языков... из 40 аланских имен не более 7 или 8 могут принадлежать к иранским»[721]. Он же заключал, что имена «иранец» и «скиф» не покрывают друг друга, что «не считает доказанным факт иранства скифов»[722].

Не признают ираноязычность скифов, основанную только на отдельных этимологиях, и современные ученые, которые пишут, что «преобладание иранских собственных имен (если таковое преобладание имело место. – *И. М.*) не является достаточным доказательством, если имена на-

рицательные скифского языка не подтверждают иранских или индоевропейских этимологий, как, например, для обозначения кочевой повозки и шатра, предметов очень необходимых для кочевых народов»[723]. В связи с этой мыслью уместно вспомнить, что у ираноязычных осетин, будто бы прямых потомков скифов, шатер именуется его тюркским названием *цатыр* [724].

Вероятно, все эти факты, вместе взятые, заставляют лингвистов утверждать, что «нередко в скифских глоссах (читай: иранских. – *И. М.*) фигурируют псевдоскифские»[725]. И среди множества псевдоскифских, или псевдоиранских, терминов следует отметить следующие:

1. Упоминавшееся слово *асхи* С. Я. Лурье, Г. А. Стратановский связывают с древнетюркским словом *ачуг* – «горький» и с названием башкирского блюда *ашы* – «горький»[726]. Многие авторы считают его напитком казанских татар – *ашы*. И. Забелин писал, что «ашы-асхи» – это сок вишен, и приводит мнение путешественника XVI в. Павла Иовия об этом напитке. Мищенко считал, что дерево «понтик», из плодов которого аргиппеи делали асхи, – это род черешни. И в этой связи очень интересно отметить, что византийского посла Зимарха в 569–571 гг. алтайские тюрки и их правитель Дизибул угощали великолепным напитком «не из винограда, но похожего на виноградный сок»[727].

2. Таким же псевдоиранским является скифский термин *ойорпата,* что со скифского греки переводили как «убийцы мужей», «мужчин», так называли скифы амазонок (*Геродот*, IV, 110), Геродот тут же поясняет, что *ойор* – «муж», «мужчина», а *пата* – «убивать». Слово, переданное греками как *ойор,* есть не что иное, как общетюркское *ойр, йер, эр* – «муж», «мужчина»[728]. Вторая часть термина – слово *пата (*«убивать») – весьма близка к тюркскому слову *битти* – «издох», *биттир* – «истреблять», «уничтожать» (*карач.-балк.*), или к кумыкскому термину *биттирив* – «истреблять», «уничтожать», «изжить», «ликвидировать»[729].

3. По сведениям Геродота, словом *Анареи* скифы называли гермафродитов, или, как говорит Геродот, «женоподобных». В. И. Абаев объясняет этот термин, как «не мужчина» *(а* – это «не», «без», а слово *нар* – «мужчина»). Однако разрывать геродотовский термин на *а+нар* и объяснять его, как «не мужчина», нет никаких оснований, во-первых, потому, что «не мужчиной» может быть и мальчик, и женщина, и старик, но это вовсе не означает «женоподобный», или «женщина-мужчина», т. е. гермафродит. Во-вторых, подобным образом разрывать термин не позволяет и сам Геродот, который в другом скифском термине специально поясняет, что «мужчина или муж по-скифски звучит «*ойор*»[730], а не «нар». В-третьих, по самому же Абаеву, у скифов «не» и «без» означает слово *ана,* а не *а* [731].

Более правдоподобно звучит объяснение данного термина с тюркского языка. *Ана* – «уважаемая, почтенная женщина, матрона» (Караимско-русско-польский словарь. Далее: КРПС). К этому слову добавлен скифско-тюркский термин *ойор, эйр* – «муж», «мужчина». Отсюда и получается: «женоподобный» или «женщина + мужчина» (см.: Этимологический словарь тюркского языка. Далее: ЭСТЯ).

4. Скифское слово *асыу* – «правдивый», «праведный» в ирано-осетинском значения не находит (В. И. Абаев). В карачаево-балкарском и других тюркских языках этот термин означает «добрый», «приятный», «утешительный», «праведный».

5. Скифский термин *агар* – «чрезмерный», «избыток», «много» В. И. Абаев возводит к слову *карана* – «конец» с приставкой упоминавшегося *а* – т. е. «без». Таким образом, Абаев считает этот термин означающим «бесконечный». В тюркских языках это слово без каких-либо искажений означает *ахыр* – «сверх», «избыток», «чрезмерный».

6. Скифо-сарматский термин *Ам* – приставка совместимости – в ирано-осетинском значения не находит (В. И. Абаев). В общетюркском же это слово употребляется в качестве союза *и.* Оно созвучно и приставке *эм,* означающей «наи» («наиболее», «наименее» и т. п.).

7. Понятие «желтый, буланный» скифы обозначали словом *бор.* Таким же словом *бор, мор* обозначают этот цвет и многие тюркские народы.

8. Скифский термин *аз,* означающий «гнать», «править», В. И. Абаев объясняет как «кормчий, управляющий кораблем» и возводит по понятным только ему аргументам к слову *Нарбазос.* Однако стоило бы вспомнить общетюркские слова *Ыз* – «след», *изле* – «искать», *Ызла* – «чертить» и особенно *Ысла* – «гнать», «собирать» (см.: КРПС).

9. Скифскому термину *байвар* – «много» В. И. Абаев в ирано-осетинском языке не находит объяснения при помощи своих источников: древнеиранск., древнеперсидск., древнеинд. Однако он вновь не «замечает» существования во всех тюркских языках слова *бай* – «богатство», «богатый» и *вар / бар* – «имеет», «есть». А отсюда и скифский термин будет означать: «богатство имеет», «обладает богатством», т. е. богатый, имеет много и т. п.

10. Термин *алдар* – «князь», «господин» В. И. Абаев объясняет как «рукодержец», возводя его к древнеиранск. *арма* – «рука» и авест. *дар* – «держать». В этимологии Абаева настораживает то, что в скифском термине *алдар* нет звука *М* и вообще невозможно прочесть часть слова *ал* как *арма.* В то же время нельзя не заметить, что в данном термине легко вычленяется общетюркское слово *ал, эл, ил* – «племя», «народ», «родина», «община»[732]. Кроме того, руководители, предводители народа или племени назывались у них *эльтебер* – равнозначно общетюркскому имени *Элдар, Элдор* и т. п. Нелишне будет заметить, что интересующий нас термин весьма близок имени наместника Ферганы (713–715) – (хана) «Алуда»[733].

11. Скифскому термину *агар* – «огонь» В. И. Абаев не находит объяснения в своих источниках. Нам представляется возможным видеть здесь в корне слова общетюркский термин *от, ут* – «огонь».

12. Скифский термин *жаун* – «шерсть» В. И. Абаев почему-то возводит к авестийскому «масть», «цвет», «забыв» сказать, что термин *жюн* во всех почти тюркских языках означает то же, что и у скифов – «шерсть».

13. У скифов был вид одежды – накидки под названием *сакундак.* В. И. Абаев объясняет этот термин как «одежда из оленьей шкуры». Мы полагаем, что отсутствие в греко-латинских языках шипящих звуков спо-

собствовало написанию звука *Ж* как *С*. Кроме того, в некоторых тюркских языках закономерен переход звука *Ж* в *С*[734]. С учетом высказанных соображений, скифский вид одежды мог изначально звучать как *Жа-гундак,* который происходит от тюркского корня *жагун, жангур, жаун* – «дождь». Таким образом, этот вид одежды-накидки означает «накидка от дождя» или просто «дождевик».

14. Скифский термин *сагадар* В. И. Абаев объясняет как «имеющий оленей», возводя его к словам *сака* – «олень» и *дар* – «держать». Мы же предлагаем читать в этом термине совершенно очевидные тюркские слова: *саг* – «думать» и *адар* – «разделять», «анализировать» или собственное имя «Адар»[735]. Отсюда данный термин более подходит к термину: «думающий, размышляющий, анализирующий».

15. Скифский термин *кана* – «конопля» В. И. Абаев переводит как *кемаг* – «холст». Трудно себе представить, как можно связать, а точнее, отождествить понятия «конопля» и «холст». Гораздо проще сопоставить этот скифский термин с общетюркским *кен, кендир* – «конопля».

16. Термин *капа* – «город» В. И. Абаев объясняет как термин «рыба». Однако этот термин очень близок к общетюркскому слову *кап* – «ворота», *кабак* – «город», «поселение».

17. Скифский термин *карса* – «резкий» В. И. Абаев возводит к осетинскому слову «худой», тогда как в тюркских языках, в частности карачаево-балкарском, этому слову есть прямая аналогия: *каршчы* – «резкий», «строгий».

18. Термин *казанак* – «заика» Абаев вообще не может объяснить из своих источников, а в тюркских языках это слово соответствует термину *кагъанакъ* – «младенец», «не умеющий говорить», «заикающийся».

19. Скифский термин *така* – «нить» В. И. Абаев объясняет как авестийское «шелк», тогда как в тюркских языках это слово означает то же самое, что и у скифов: *тагъы* – «нить»; *жюн-тагъы* – «шерстяная нить»; *хурт-тагъ* – «обрывок» (нити, ткани, лоскут).

20. Не объясненный из ирано-осетинского скифский термин *тура* – «быстрый» в тюркских языках означает то же самое: *тири* – «быстрый», «шустрый», «живой», «подвижный».

21. Не объясненный из ирано-осетинского языка скифский термин *казар* – «дом» в карачаево-балкарском и других тюркских языках означает *халжар* – «хлев», «сарай».

22. Скифский термин *од* – «душа» В. И. Абаев почему-то возводит к авестийскому «запах», тогда как в тюркских языках, в т. ч. карачаево-балкарском, это слово сохранилось в том же значении, что и у скифов: *ет* – «душа», «сила духа», *еткюр* – «воодушевленный», «одухотворенный», «отважный».

23. Скифское слово *си* – «зябнуть» не объясняется из ирано-осетинского языка, а в карачаево-балкарском и других тюркских языках оно так и сохранилось в своем первоначальном смысле: *иш-иш* – «зябнуть», «мерзнуть»; *юшю* – «мерзнуть» (ДТС. С. 628).

24. Не объяснимое из ирано-осетинского языка скифское слово *сор* – «преследовать» сохранилось в тюркских языках в форме *сюр* – «преследовать», «гнать».

25. Скифский термин *сир* – «плавно» В. И. Абаев объясняет как авестийское *сирун* – «танцевать плавно», «иноходь». Этот термин, по нашему мнению, куда более подходит к общетюркскому *сир* – «смирно», «стройно».

26. Термин *оавaг* – «утро» Абаев возводит к авестийскому слову *савaа,* совершенно проигнорировав сохранившееся до сего дня азербайджанское слово *савaг* – «утро», «завтра».

27. Скифское слово *пару* – «много» Абаев объясняет как осетинское *фур,* тогда как этот термин весьма близок к тюркскому *бары* – «все», «много» и т. п.

28. Скифское слово *раука* – «светлый» В. И. Абаев объясняет как осетинское *рухс,* или авестийское *роараа,* или древнеперсидское *раура.* Однако стоило бы автору подобных натяжек привести и тюркские слова: *ариу* – «красивый», «светлый»; *ариука* – «светлая», «красивая» и др.

29. По непонятным причинам В. И. Абаев возводит скифское слово *туск* – «клык» к слову «кабан», совершенно «забыв», что у тюркских народов «клык» звучит как *тиш,* а поскольку в греческом языке не было шипящих звуков, то это слово и передано через *с.*

30. Таким же образом этот автор обходится со скифским термином *ургa / угра* – «сильный», «мощный», возводя его к ирано-осетинскому понятию «легендарный конь». Разве этот термин не подходит более правдоподобно к общетюркскому призыву *Ур* – «бей», «бить сильно», *Урга* – призыв бить и т. п.

31. Скифское слово *Олкабас* Абаев возводит к понятию «повелитель рыб». Нам кажется, что более правдоподобно здесь видеть тюркское сложное слово, образованное из *йылкы* – «табун» и *бас* – «голова», а отсюда: «глава табуна», «вожак» и др.

32. Скифское слово *кас* – «смотреть» В. И. Абаев возводит к термину *кесун.* Нам представляется, что здесь более подходит тюркское слово *кез* – «глаз», *кер* – «видеть», а с учетом того, что в древнебулгарском *Р/З*-диалекте, где *Р* в конце слова переходит в *З* [736], данное слово, полностью сохраняется в тюркских языках в термине *кар, кара* – «смотреть».

33. Скифское слово *маза* – «большой», «великий» В. И. Абаев объясняет как авестийское *маз.* Такое отождествление вполне возможно, но в то же время надо было отметить, что отсутствующий в ирано-осетинском языке термин широко популярен во всех тюркских языках в том же значении, что и у скифов: *маза* – «большой», «великий», «огромный» и, наверное, восходит к тюркскому слову *баз* – «сила», «опора»; *базын* – «надеяться», «опираться» и т. п. С учетом широко распространенного чередования в тюркских языках *М* и *Б* этот термин тождествен слову *мажа* – «лучший», «отборный» (Толковый словарь татарского языка. Казань, 1977. Т. 1. *На татарск. яз.* Далее: ТСТЯ; Турецко-русский словарь. М., 1945. Далее: ТРС). К сказанному следует добавить, что в Малой Букеевской Орде у киргизов существовал мощный род – *Маза* [737].

34. Скифский термин *фаху* – «хороший» отсутствует в ирано-осетинском языке, хотя известен в Авесте. Одновременно это слово до сих пор широко популярно в тюркских языках: *фахму* – «уважение», «честь»; *фахмулу* – «уважаемый», «почтенный» и т. п.

35. То же самое относится к скифскому термину *зор* – «сила», который известен в Авесте, но отсутствует в ирано-осетинском языке. В то же время это слово широко бытует во всех тюркских языках в том же значении: *зор* – «сила»; *зорлук* – «насилие». Здесь же можно отметить карачаево-балкарское слово *зар* – «зависть», *зарлык* – «завидовать».

36. Скифское слово *энамай* – «платок» отсутствует в источниках В. И. Абаева [738]. В данном термине легко читаются тюркские слова *Ана / Анэ* – «мать» и *бай* – «священный»[739]. Отсюда, данное слово означает «материнская святыня». Известно, что материнский, или женский, платок считается огромной святыней у всех тюркских народов. У карачаево-балкарцев, например, даже самые ожесточенные схватки кровных врагов немедленно прекращались, если женщина снимала с головы свой платок и бросала его между дерущимися.

37. Упоминавшееся скифское *гаппака* – «молочный продукт, остающийся после приготовления сыра», в источниках В. И. Абаева также не находит объяснения. Мы уже отмечали, что здесь присутствует тюркское слово *гыпы* – «кефирный грибок» для закваски молока. *Акъ* – на многих тюркских языках означает «молочный продукт»[740]. Отсюда, данный термин означает «заквашенный молочный продукт». Кроме того, мы можем отметить и карачаево-балкарское слово *хуппеги* – «молочный продукт, остающийся после приготовления сыра» (разновидность сыворотки).

38. Скифский термин *мар* – «убивать» В. И. Абаев возводит к осетинскому слову *марун* или авестийскому *чар* и вновь не упоминает, что термин *мар* с прибавленной частицей *-ла* бытует у карачаево-балкарцев: *мар + ла* – «целиться». Это слово образовано с помощью прибавления к корню *мар* частицы *-ла, как* в терминах: *жыр* – «песня»; *жыр + ла* – «петь»; *бау* – «веревка», *баула* – «завязывать»; *таш* – «камень», *таш + ла* – «бросать» и т. п.

39. В. И. Абаев упоминает скифское кладбище – *герр,* но не находит ему объяснения. Следует, напомнить, что слово *гер, кер, гур* во многих тюркских языках (карачаево-балкарском, уйгурск., узбекск.) означает «могила»[741] и восходит к шумерскому термину *кур* – «потусторонний, подземный мир».

40. Корнелий Тацит, описывая историю сарматских племен, называет «варварские» корабли, которые они именуют *камары* (речь идет о мн. числе. – *И. М.*) [742]. В единственном числе этот термин будет звучать *кама,* что весьма близко карачаево-балкарскому слову *кеме* – «корабль».

Список скифо-тюркских лексических схождений можно продолжать, но и приведенного материала вполне достаточно для определения тюркского характера скифского языка. Однако, кроме приведенного списка отдельных скифо-тюркских *терминов,* можно остановить внимание и на некоторых элементах скифо-сарматской ономастики.

К упоминавшимся именам скифских божеств и родоначальника – *Папай, Апи, Таргитай* и др. – можно добавить следующий ряд:

41. *Табити* – скифское божество, покровительница домашнего очага. Этому термину В. И. Абаев нашел лишь авестийское *таб* – «греть». Однако следовало сказать, что в карачаево-балкарском языке слово *тып / дып* означает «сигнальный огонь»; *тыпыр / тып + ер,* т. е. «место для огня» или «очаг». Слово *Табити* вполне возможно возвести к термину *тып-ет,* т. е. «огонь разведи», это весьма близко к понятию «Владыка огня очага». И в этом случае мы не можем пройти мимо имени нартского кузнеца, владыки огня, покровителя кузнечного ремесла *Дебета* (Дебет). Ко всему сказанному стоит добавить, что на Горном Алтае, в местах древнего расселения тюрков – *ас-кизов,* имеется речка под названием *Табыт,* гидроним *Таботай;* тюркский этноним *табын* сохранился в топонимике Башкортостана [743].

42. *Тамирис* – царица массагетов, которые являлись 100-процентными предками современных туркмен (Знание – сила. 1988. № 9. С. 28). Имя этой женщины является прямым тюркским словом *тамыр* – «дружба», «побратимство». *Тамыры* – «друзья» представляли собой неразлучных друзей, преданных во всем друг другу. Обычай побратимства – *тамырство* широко практикуется у многих современных тюркских народов – казахов и др.[744] В подтверждение сказанному можно привести слова Н. И. Гроденкова о том, что «тамыры (т. е. побратимы. – *И. М.*) обнимают друг друга через обнаженную саблю или через Коран, которые затем целуют. Дети тамыров продолжают дружбу и называются *Ата-Тамыр*»[745]. Карачаевцы и балкарцы самого любимого человека называют *Тамырым, Жан тамырым* (т. е. букв.: Корень сердца, Артерия сердца и т. п.). Последний термин образован от корня *тамыр* и словообразовательного аффикса *-ым,* как в словах: *жыр* – «песня», *жыр + ым* – «моя песня»; *жан* – «душа», *жан + ым* – «моя душа» и т. п.

Исследования Л. С. Толстовой показывают, что имя *Томирис* в различных модификациях – *Тамирис, Томиранда, Самирам, Шамирам* и пр. – известно на обширной территории от Восточного Средиземноморья до Приаралья и что оно с древнейших времен так или иначе было связано с женским жречеством, служительницами культа божества плодородия, в частности, божества умирающей и воскресающей природы.

В I тыс. до н. э. на Кипре появляется наследственная жреческая династия Тамиридов. Тацит пишет, что киликийский прорицатель Тамирис отправился на Кипр и положил начало культу Афродиты (*Тацит.* История. 11, 3), которой, кстати, служили и скифские гадатели – прорицатели Анареи. Там же существовал культ божества умирающей и воскресающей природы и растительности в образе прекрасного юноши Адониса. Более древние предания говорят о том, что роль жреца этого культа в древности играл «какой-то Тамирис»[746]. И даже еще в «Одиссее» упоминаются жрецы «великого Зевса Томура»; о «толкователях знамений Зевса – томурах» писал и Страбон, называя их *Томароурой,* т. е. стражи Томары. В этом термине легко вычленяется *Тамыр* и *Эйр* – «мужчина», т. е. страж.

Тщательный обзор различных значений всего сказанного о культе, жречестве, поклонениях и прочем приводит исследователей к выводу, что «отголоски культа Тамириса прослеживаются в некоторых антропонимах

и топонимах Скифии: мыс Тамирак и Тамиракский залив у Херсонеса, имя царицы массагетов – Томирис, аналогичное имя скифского царя»[747] и т. п.

На основании приведенных фактов Л. С. Толстова высказывает предположение, к которому мы полностью присоединяемся, что в еще более глубокой древности это имя являлось для некоторых народов Передней Азии именем божества, которому служили различные жрецы, и, возможно, что одним из вариантов имени божества плодородия, столь распространенного в древнем мире. Очень важно, что исследовательница, пользуясь весьма широко распространенным законом перехода звуков *Р/З* в тюркских языках, связывает это имя с шумерским божеством умирающего и воскресающего растительного мира, весны и любви, с прекрасным Тамызом или Томузом [748]. Такую связь тюркского *Тамыр* и шумерского Гамуз нам уже приходилось отмечать [749]. Здесь же уместно добавить, что август – месяц изобилия плодов и сбора урожая – у казахов называется *тамыз*.

Итак, устанавливается, что *Тамыр / Тамыз,* или европеизированное в письменных источниках *Тамирис,* на огромном пространстве от Передней Азии, Месопотамии, Северного Причерноморья до Приаралья связывается с культом плодородия, растительного мира, в связи с тем, что этот термин до сих пор не получил достаточно правдоподобного объяснения, несмотря на то, что давно привлекает внимание ученых, мы полагаем, что данное нами толкование более соответствует действительности.

43. *Арпаксай* – сын скифского родоначальника Таргитая. В. И. Абаев переводит это слово как *арф* – «глубина» и *хшау* – «святой», т. е. «Владыка глубин». Нам представляется куда более проще и правдоподобнее видеть в этом термине тюркские слова: *арва* – «заклинать», «творить заклинание, колдовство»; *арваш* – «заклинатель»; *арвад* – «женщина, жена» (Азерб.-русск. словарь. С. 36. Далее: АзРС). Из этих фактов можно вывести, что слово *Арпаксай* означает «Река заклинаний», «Река колдовства», «Река-женщина», учитывая, что слово *чай, сай* во всем тюркском мире означает «река». Добавив к этому, что в греческом языке отсутствовали звуки *Ч, Ш, Щ* и вместо них писали *КС* [750], мы получаем скифские названия рек в греческой транслитерации *Сай* вместо *Чай*. Таким образом, в этих именах окончание-*ксай* должно было на «варварских» языках звучать как *чай, сай,* что на тюркских означает «река». Гидронимов со словом *сай* в Евразийских степях и на Кавказе огромное количество. Сказанное позволяет полагать, что грецизированное *арпаксай* соответствует общетюркскому *арпачай* и повторяет имена множества рек с точно таким же названием. Это название означает либо *Арпа-чай* – «Ячмень-река», возможно потому, что ее берега могли орошать древнейшую зерновую культуру, либо соответствует понятию *Арва-чай, Арва-сай,* т. е. «Река заклинаний», «Река колдовства». Если придерживаться второго объяснения, то вполне закономерно наличие слова *чай* или *сай* – «река» в именах сыновей Таргитая, матерью которого была река-оборотень, река-колдунья Борисфен (Днепр), на которой женился Зевс, или Папай. Этим обстоятельством можно объяснить и наличие термина *Арвад-чай* – «река-женщина» в имени Арпаксай. Подобных

гидронимов-оборотней в древнетюркском мире было достаточно, в т. ч. и известная река *Хатунь* или *Катунь* на Алтае, имя которой означает «женщина», «жена»[751]. Вероятно, мифическое превращение реки в женщину и верования, связывающие жизнедеятельность, рождение героев, эпических героев, богатырей и т. п. с водной стихией, морским или речным, началом, могли породить термин «Река заклинаний», «Река колдовства» – *Арвачай.*

44. *Липоксай* – сын Таргитая. Это имя на ирано-осетинском Абаевым не объясняется. Мы полагаем, что в данном случае имеем дело с тюркским термином: *лыппык* – «плоская, гладкая». Отсюда, река могла носить имя «Плоская», «Разливающаяся», «Гладкая». Не исключена возможность видеть здесь реку на древнетюркской территории – реку Яик, Джаик (нынешний Урал). Термин *Джаик* означает «Разливающаяся», что вполне соответствует понятию *Лыппыксай,* или *Липоксай*. Известно, в пору половодья в дельте Джаик разливается более чем на несколько десятков километров, даже в среднем течении разливается она больше чем на 10 км [752].

45. *Кулаксай* – имя сына Таргитая. В. И. Абаев видит в этом имени два ирано-осетинских слова: *Кул* – «Солнце» и *хшай* – «сиять». Однако ему хорошо было известно, что слово *Кулак* на всех тюркских языках означает «ухо», а в географических терминах употребляется для обозначения понятия «Боковая», «Ответвление», «Отрог», «Бок». Отсюда и имя скифского героя будет означать: «Боковая река», «Приток».

Не может не броситься в глаза, что слово *сай, чай* – «река», как уже не раз мы отмечали, встречается в массе гидронимов Кавказа, Средней Азии и Алтая: Арпа-чай, Кызыл-чай, Ак-сай, Гок-сай, Кок-сай, Янт-сай, Ени-сай, Майли-сай, Кин-сай, Одз-чай и мн. др. Вряд ли ко всему этому можно пристроить ирано-осетинское *хшау* – «сиять». Более того, такой эпитет прежде всего должен был украшать имя самого Таргитая, рожденного от небесного и сиятельного бога Зевса, но ничего подобного там нет.

46. *Амасас* – скифское имя. В. И. Абаев возводит его к древнеиранскому *А + марс,* т. е. «Безопасный». Нам представляется, что более подходит в данном случае сочетание тюркских слов: *Ама* – «отец», *Ама + сыз* – «Без отца», т. е. «Сирота».

Объяснение Абаева неправдоподобно потому, что *без* по-скифски, как отмечает и сам Абаев, обозначается словом *ана,* а, во-вторых, в геродотовском термине нет звука *Р*, чтобы можно было читать древнеиранское *марс.*

47. *Даласак* – имя, которое В. И. Абаев переводит как «Находящийся в подчинении у женщин». Нам представляется, что ему стоило бы привести и общетюркское значение этого термина, восходящего к словам: *тала* – «раздирать», «сражать»; *талаш* – «сражаться»; *талашак* – «сражающийся».

48. *Сарагас* – имя, которое В. И. Абаев объясняет как *сар* – «голова» и *акас* – «целый», «невредимый», «здоровый», и отсюда имя это он объясняет: «Имеющий невредимую голову». В тюркских языках это имя со-

стоит из двух слов: *сара* – «желтый» и *кас / каш* – «бровь», т. е. означает «Желтобровый».

49. *Сауакаш* – это имя Абаев переводит: «Невредимый утром», «Пораженный утром». В тюркских языках данное имя объясняется куда более правдоподобнее: *сау* – «целый», «здоровый», *агач* – «остов», «стан», «каркас». Отсюда имя означает: «Крепкий стан» (букв.: Здоровый остов).

50. *Сагар* – это имя В. И. Абаев возводит к иранскому *саг* – «олень» и объясняет как термин «Где находят оленей». Нам представляется, что он напрасно не отметил общетюркские слова, составляющие данное имя: *сак*–«охрана», «чуткий», «осторожный», и *ар / эр* – «мужчина». Сочетание этих слов и дает имя «Осторожный», «Чуткий», «Сторожевой».

51. Имя *Санарак* Абаев объясняет как «Виновладелец», хотя здесь совершенно отчетливо читается тюркское слово *сант* – «бред», *Сандыракъ* – «Бредовый».

52. Имя *Горгусак* В. И. Абаев объясняет как «Тугоухий», однако следовало бы отметить и тюркскую альтернативу: *кор* – «стеречь», *корк* – «пугаться», а отсюда и само имя можно объяснить как *Къокъусакъ* – «Пугливый», «Трусливый».

53. Имя *Саурмаг* В. И. Абаев переводит как «Смуглорукий», тогда как в тюркском языке балкарцев, карачаевцев, кумыков и других народов это имя происходит от слова *сор* – «спрашивать»; *Сормаг* – «Спрашивающий».

54. Имя *Созирсоу* Абаев переводит как «Смуглый Созир», тогда как в тюркских языках это имя происходит от слова *соз* – «растягивать», «тянуть»; *созар* – «растянет», «потянет». Отсюда данное имя будет означать: *Созарчы / Созарсы* – «Растягивающий», «Тянущий».

55. Имя скифского царя *Токсак* В. И. Абаев объясняет как «Быстрый Олень» (будто бы бывают медленные олени. – *И. М.*). Однако в тюркских языках это имя состоит из прозрачно читаемых слов: *ток* – «основательный», «полный» и *сак* – «охрана», «страж», «осторожный». Из этих сочетаний получается имя царя *Токсак* – «Основательный, или надежный, страж».

56. Имя *Бастак* В. И. Абаев объясняет с ирано-осетинского языка как «Земляк». Такое объяснение можно было бы признать, если бы в этом имени четко не читался тюркский термин *бас* – «голова» и *так* – «прислонять», «привязывать» и т. п. В карачаево-балкарской среде широко распространен термин *бастак,* означающий «обездоленный», «бесприютный» (о человеке, которому некуда прислонить голову, человеке-одиночке). Подобным же образом образованы термины *жан* + *так* – «однобокий», «хромой» и т. п.

57. Скифское имя *Оуаразбала* Абаев переводит как «Принадлежащий к кабаньей стае». На наш взгляд, Абаеву стоило бы вспомнить, что в тюркских языках слово *ороз* означает «рок», «судьба» (КРПС. С. 431). Вторая часть слова *бала* означает «дитя», «ребенок». Отсюда имя, приведенное выше, означает «Дитя судьбы».

58. Имя *Данапазмак* В. И. Абаев переводит странным образом: «Донской Варазмак», «Варазмак с Дона» (?). Непредвзятому автору почему бы не ска-

зать, что в данном имени легко читается тюркское слово *тюн* – «явь», «наяву»; *таны* – «узнавать»; *таныш* – «знакомиться», *танышмал* – «знакомство»; *танымаз* – «неузнанный»; *танымазмак* – «неузнаваемый». Таким образом, данное имя может означать «Неузнаваемый».

59. Имя деда скифского мудреца Анахарсиса – *Аукаш* Абаев каким-то образом связывает с ирано-осетинским словом *Варка,* тогда как почти во всех тюркских языках слово *ау* означет «пелена», «завеса»; *каш* – «бровь». Отсюда данное имя означает «Густобровый». Подобным образом образованные имена сплошь и рядом встречаются у тюркских народов: *Аукаш, Абукаш, Айкаш* и т. п.

60. Имя *Оуаргадак* Абаев переводит как «Волкоед», вновь «не замечая» его тюркского значения. В тюркских языках слово *ауур* – «тяжелый», «тяжесть»; слово *кадагъ* – «приказ», «уложение», «закон» (КРПС. С. 281). Слово *хадак* – «подношение»[753]. Отсюда интересующее нас имя будет означать «Тяжелая повинность».

61. Имя *Ойурбазы* Абаев объясняет непонятным термином «Волкоплечий». Подобное название невозможно в принципе, потому что у волка нет вообще плеч, и вряд ли такую деталь не могли не знать наши далекие предки. А между тем в данном имени легко читается общетюркское слово *ой / юй* – «дом»; *юйюр* – «семья». И слово *база* – «опора», «сила» или *бас* – «голова». Следовательно, и имя будет означать «Глава дома», «Опора семьи», «Опора дома» и т. п.

62. Имя *Одиардаш* В. И. Абаев возводит к авестийскому слову *ады* – «запах» и переводит как «Чья душа наполнена». На наш взгляд, в этом имени невозможно не разглядеть тюркские слова: *од / ет* – «душа», «дух»; *ар / эр* – «мужчина»; и *таш* – «камень». Отсюда и имя это должно означать: «Человек с каменной душой», «Мужчина с каменным сердцем».

63. Имя *Иотесмак* В. И. Абаев переводит как «В нем нет дыхания жизни». Нам представляется более правдоподобным в этом имени читать тюркские слова: *уат* – «разбивать», *уатыш* / *атыш* – «борьба», «сражение»; *бек* – «крепкий», «стойкий». Отсюда и интересующее нас имя означает: «Крепкий, стойкий боец».

64. Имя *Худайнак* Абаев переводит как «Достойный смеха», не указав, что почти во всех тюркских языках слово *Худай* означает «Бог», «Божество»[754], *худа* + *лык* – «родство». Отсюда и имя получает вполне правдоподобное звучание: *Худайнак,* т. е. «Божественный».

65. Имя *Хоуссагар* В. И. Абаев странным образом объясняет как «Находящий шерсть оленей». В таком объяснении непонятно, откуда у оленей может быть шерсть? Шерсть обычно стригут у овец, верблюдов, коз, яков и др., а у оленей шерсти не бывает. Гораздо более правдоподобно увидеть в данном имени тюркские слова *ус / су* – «вода» и *сакар* – «течь». Отсюда и имя означает «Текущая вода», т. е. «Река».

66. Имя *Оссигас* В. И. Абаев объясняет с древнеир., древнеперс. как «Имеющий здоровую жену» (будто бы все остальные имели больных жен?), тогда как в данном имени прозрачно читается тюркское слово *ашыгъ* – «торопиться», *ашыгъыш* – «торопливый».

67. Женское имя *Сарин* не находит объяснения в источниках В. И. Абаева. В тюркских языках это имя *Сарин* объясняется как «Песня». Таким же образом не объясняет Абаев и другое женское имя – *Сарыныу,* которое в тюркских языках означает «Песнопение».

68. Имя аланского царя *Сарун* В. И. Абаев не объясняет, потому что не приводит его тюркского значения от слова *сарын* – «песня» или от слова *сарнач* – «певец» и т. д.

69. *Корак* – скифское божество, покровитель. В. И. Абаев не смог найти этому имени объяснения в своих источниках, тогда как в тюркских языках в данном слове легко читается слово *къор* – «защита», «покровительство»; *къорукъ* – «остерегайся», «охрана», «защита», «покровитель»[755].

70. Имя скифского царя-военачальника *Атей* В. И. Абаев объяснить не может, потому что не указывает на тюркское слово *ата* – «отец», а также, несмотря на то что великолепно знаком с нартским эпосом балкаро-карачаевцев, «не заметил», что имя *Атей* сохранилось у них в имени эпического героя *Ацея, Ачея*.

71. Скифское имя *Агар* остается необъясненным из источников Абаева, тогда как в тюркских языках это имя происходит из слова *ага* – «старший товарищ», «почитаемый»[756], а аффикс *ыр* / *р* – это аффикс указания на принадлежность.

72. Имя скифского царя *Мадий* Абаев оставляет необъясненным. На наш взгляд, это имя может происходить от тюркского слова *бат* – «быстро», «скоро»[757], напоминает распространенное личное имя *Бату, Батый* и т. п.

73. В надписях Ассархадона (681–668 гг. до н. э.) значится имя скифского царя *Бартатуа* (Партатуа)[758]. В. И. Абаев не может объяснить это имя, потому что не учитывает тюркское слово *барт* – «разрывать», «разбивать»[759] и частицу принадлежности – *тай*.

74. Имя *Асар* В. И. Абаев объясняет следующим образом: *а* – это частица отрицания, о несостоятельности которой мы уже говорили при анализе слова *Анареи,* а слово *сар* – «голова». Таким образом, данное имя, по Абаеву, означает «Безголовый». На общетюркском языке слово *асар* означает «преодолевать», как именуется, например, перевал близ города Алма-Ата. Отсюда и имя *Асар* означает «Преодолевающий», «Побеждающий» и т. п.

75. Скифское имя *Палак* В. И. Абаев объяснить не может. На тюркских же языках в этом имени четко читаются следующие слова: *Балах / Болах* – имя сабирского тюркского князя; *Болаг* – «лошадь с широким крупом»; *Беляк* – «дар, подарок»; *Булаг* – название тюркского племени [760].

76. Имя скифского царя, приказавшего собрать стрелы у всех членов скифского воинства и отлить из их наконечников упоминавшийся выше котел, В. И. Абаев не может объяснить из своих источников. Однако в этом имени – *Ариант* – прозрачно читаются тюркские слова *Ар, Эр* – «мужчина» и *ант* – «клятва». Отсюда и имя данного царя означает «Мужская клятва». Роль боевых стрел, которые велел собрать Ариант, общеизвестна при заключении мужского союза или клятвы на верность, на побратимство. О клятвенном союзе *Ант* у киргизов писал еще в 1889 г. Н. И. Гроденков [761].

По словам современных исследователей, *Анты* – это клятвенники, названые братья, как одна душа. Главное в обряде эпического побратимства – это воинская клятва богатырей, когда ее произносят, то дотрагиваются до острия сабли или пики, либо пролезают под тетивой лука, либо обмениваются стрелами (у многих тюркских народов). Скрепляли клятву кровью путем рассекания одного пальца у каждого из побратимов и отсасывания крови друг у друга [762].

77. Имя *Сагил* Абаев оставляет необъясненным. На наш взгляд, в этом имени читаются два тюркских слова: *сак* – этноним саков и *эл, ил* – «племя», «народ», «страна», «селение». Отсюда и имя означает «Племя саков», «Народ саков» и т. п.

78. Скифское имя *Скил* у Абаева не находит объяснения. В тюркских языках это имя напоминает термин *Ызгъыл* – «наследие», «наследственность» (*карач.-балк. яз.*). К этому же термину восходит и скифский термин *Сколот*. С другой стороны, данное имя напоминает название древнебулгарского рода *Аскл / Эскл*. Этот этноним сохранился в форме *Ешкил, Эзгил, Аскил / Ашкал* у каракалпаков, узбеков, киргизов, азербайджанцев и других тюркских народов [763].

79. Имя вождя сираков *Абеак* В. И. Абаев оставляет без объяснения. В тюркских же языках здесь явно видны слова *Аба* – «прародитель», «предок», «бабушка», «матушка» и *Окъ* – «семя», «потомок» (ДТС. С. 1).

80. Имя скифского вождя *Самбид* на тюркских языках напоминает название перевала *Санби* (ДТС. С. 639).

81. Имя скифского мудреца *Анахарсис* у Абаева остается без объяснений. В тюркских языках в данном случае легко читаются два слова *Анаш* – «искусный в делах», «хитрый», «хитрец» (АзРС. С. 365) и имя *Ар / Эр* – «мужчина». Отсюда и имя *Анахарсис* может означать «Хитрый мужчина». С другой стороны, к слову *Анаш* может быть прибавлено слово *Харич* – «внешний», «живущий вне», «заграничный» (Там же). В последнем случае имя скифского мудреца, почти всю свою жизнь прожившего за границей Скифии – в среде эллинов, могло означать: «Внешний, Заграничный хитрец».

82. Скифское имя *Сабодакъ* в тюркских языках напоминает термин *Саб / Сав* – «слово», «речь», а *Сабодык* означает «Речистый» (ДТС. С. 478).

83. Упоминавшееся Плутархом [764] скифское имя *Олтак* в тюркских языках тождественно термину *Ортак* – «посредник» (с учетом распространенного чередования звуков *Р / Л*).

84. Скифское имя *Авбах*. В тюркских языках *Овмах* означает «крушить», «растирать» (АзРС. С. 270). Отсюда имя обозначает «Крушащий», «Сокрушающий».

85. Скифо-сарматское имя *Баста* в тюркских языках означает *Бас* – «Голова» или «Главный».

86. Упоминавшееся Лукианом Самосатским [765] скифское имя *Балит* в тюркских языках означает «Обогащаться», «Умножать» (ДТС. С. 79).

87. Скифское имя *Дандам* [766] происходит от тюркского слова *Тан* – «отказываться», «отрешаться» (ДТС. С. 531). Отсюда имя *Дандам,* образованное с помощью словообразовательного аффикса *дым,* означает «Отрешенный.

88. Скифо-сарматское имя *Амизак* тождественно тюркскому термину *Абизак* – «посвящение», «помазание» (ДТС. С. 2). Отсюда имя это означает «Посвященный», «Помазанный».

89. Упоминающееся у Лукиана Самосатского [767] скифское имя *Давкет* состоит из двух тюркских слов: *Дау / Дав* – «притязание», «требование» (*карач.-балк. яз.*) и *кет / кат* – «сильно», «крепко», «основательно» (ДТС. С. 303). Следовательно, данное имя означает «Сильный притязатель» или «Требовательный».

90. Имя сиракского царя *Зорсин* в тюркских языках означает *Зор* – «сила», *Зорчы* – «насильник».

91. Тацит в своей «Истории» упоминает одно «варварское» имя *Седохез*, которое в тюркских языках состоит из двух слов: *Сата* – «коралл» (ДТС. С. 490), *Кез* – «глаз». Отсюда данное имя означает «Кораллоглазая», «Кораллоглазый».

92. Имя брата скифского царя Скила – *Октамасад* В. И. Абаев оставляет без объяснения. В тюркских, же языках это имя состоит из двух слов: *Огта* – «стрелять из лука», «пускать стрелы»; *Огтам* – «полет стрелы» (ДТС. С. 370), *Саду* – «хорошо» (ДТС. С. 480). Отсюда данное имя означает «Хороший стрелок из лука».

93. Имя вождя киммерийцев, врага скифского царя Атея, было *Кобо*. В тюркских языках слово *Коба* означает «снаряжение», «оружие» (КРПС. С. 327); *Кебе* – «кольчуга» (*карач.-балк. яз.*). Кроме того, имя *Куба* носил один из эпических героев нартского эпоса балкаро-карачаевцев, который воевал с другим героем эпоса – Ацеем, имя которого мы отождествляли с именем скифского царя Атея.

94. Имя сына киммерийского царя IV в. до н. э. было *Сатир*, что в тюркских языках означает «Безродный». Вероятно, такое имя-кличку давали ему его враги.

95. Птолемей и Плиний называют «варварское» – имя *Осил*, в котором совершенно четко читается тюркский этноним *ос* или *ас* и общетюркский термин *эл, ил* – «племя», «народ». Отсюда данное имя будет означать «Племя асов» или «Народ асов».

96. Имя *Байоран* В. И. Абаев объясняет из Авесты как термин *Бера* – «много». На самом же деле в этом имени прозрачно читаются два тюркских слова: *бай* – «священный», «святой» и *Уран / Оран* – «лес». Отсюда данное имя означает «Святой лес» или «Священный лес».

97. Плиний упоминает скифо-сарматское имя *Оран*, которое в тюркских языках означает «лес» и тождественно одному из древнетюркских этнонимов в среде кипчаков [768].

98. Имя *Зантих* В. И. Абаев объясняет из своих источников как «Сын племени», тогда как на тюркском языке (*карач.-балк.*) это слово означает *зынтыуу* – «трусливый» (вероятно, это была его кличка).

Теперь обратимся к этнонимам скифских племен, которые дают неоспоримый материал и подтверждение тюркоязычности большинства скифских племен. Кроме упоминавшихся выше этнонимов – *Ашкузы, Сколоты,*

Будины и др., мы можем привести еще большой ряд тюрко-скифских этнонимов.

99. *Саки* – персидское название скифов, В. И. Абаев возводит к осетинскому слову «олень» и называет это племя «оленями». В карачаево-балкарском языке *Сакъ* означает «осторожный», «чуткий»; на древнетюркском языке *Саг* означает «подножие гор» (ДТС. С. 486); на якутском языке *Саха* – это «охотник», «человек» и самоназвание якутов [769].

В литературе нередко встречается неверное утверждение, что будто бы *сак* – это самоназвание скифов [770]. Однако Плиний, Юлий Солин и другие античные авторы писали, что «скифов персы на своем языке называют саками, а скифы называют персов хорсарами[771]. Следовательно, надо полагать, что термин *Сака* в устах персов мог передавать имя какого-то, возможно, весьма крупного объединения скифов, которое было ими перенесено на всех пограничных с персами кочевников, обитавших у подножий среднеазиатских гор и более всего Тянь-Шаня и Капу-Дага (Копет-Дага). Земли этих кочевников древние иранцы называли *Туриком,* а их самих *саками*. Одним из ранних упоминаний Турана является одна из сатрапий за рекой Окс (Амударья. – *И. М.*), о которой Страбон упоминает под именем *Туриуа* (XI, 517), Махабхаратта изображает саков воинственными и непобедимыми. С незапамятных времен вторгшиеся в Пенджаб саки-кочевники оставили свое имя в топониме *Сакала* – «жилище саков». А в Иране саки дали свое имя сатрапии *Сакестан* – т. е. «жилище саков»[772]. Этноним *сака* и связанный с ним термин «жилище саков» зафиксирован и в Восточном Закавказье в виде топонима *Сакасин.* Специалисты по древней истории и топонимике Азербайджана, и в частности Г. А. Гейбуллаев, правильно подметили, что Страбон писал (XI, 8, 4) о проживании саков в области Сакасен. Исследователи единодушны в локализации этой области в современной Кировабад-Казахской зоне Азербайджана. Такая локализация подтверждается сообщением Моисея Каганкатваци о том, что Гянджа возникла в Шакашене [773]. Интересно, что арабские писатели (ал-Идриси) называют страну между Оксом и Яксартом (Амударьей и Сырдарьей. – *И. М.*) *Сакита,* а П. К. Услар усматривает в этом термине закономерный переход «Саки – Сакита – Скита»[774].

Наряду с тем, что термин *саг* в древнетюркском означает «подножие гор», А. Н. Бернштам указывает на тот факт, что термин *саха* в тюркских языках означает еще и понятие «край», «окраина» *(йага),* и на этом основании считает, что якуты (саха) составляли северную окраину гуннского объединения, и это отражено в их этнониме [775]. В тесной связи с интерпретацией термина *сака* следует отметить, что Раннель еще в 1800 г. справедливо заметил, что саки, по-видимому, вели такую же воинственно-бродячую жизнь, как позднее «козаки», «косаки». Он предполагал, что имя саков вошло в состав имени казахов, а крупнейшие ученые прошлого добавляли к этому, что «косаками» и ныне «называют себя киргизы и что это есть их настоящее этническое название, вовсе не заимствованное от русских»[776].

В силу всего сказанного вполне справедливо полагать, что бытующее объяснение термина *сака* как осетинское «олень» и возведение оленя

в тотем скифов, а отсюда именовать скифов по имени их тотема «оленями» – вряд ли это правомерно. Общеизвестно, что тотемизм – это одна из древнейших форм религии раннеродовых охотничьих общин, он возник в период нижнего палеолита. Это одно из древнейших религиозных представлений людей, когда кровно-родственные связи составляли единственный вид связи между отдельными членами родовой организации [777]. Эти связи бессознательно переносились суеверными первобытными охотниками на все окружающее, и вся природа, по словам С. А. Токарева, опутана в его представлении родственными отношениями. Термин *тотем,* или *тотам,* вошел в литературу в 1791 г. и на одном из наречий индейцев Северной Америки означает «родство с братом», «с сестрой»[778]. Таким образом, тотемизм – древнейшая форма религии первобытно-общинного строя, объединяет только одну кровно-родственную группу людей – род или клан. У каждого рода и группы свой тотем. Единого тотема для всей этнической общности никогда не существовало. Такого тотема не могло быть и у скифов, столь многоликого и многоплеменного объединения, находящегося чуть ли не на грани государственного объединения со множеством патриархальных царей и вождей племен. Тотемное животное родовая организация свято почитала, на него не охотились, мясо его не ели [779]. В скифском обществе с целым пантеоном различных божеств и конкретных антропоморфных богов тотемизм не мог играть столь высокую роль, чтобы все племена, входившие в их объединение, могли именовать себя именем древнейшего тотема. К такому выводу приводят исследования специалистов-скифологов, которые не разделяют точку зрения о таком консервативном пережитке тотемизма у скифов [780]. Более того, предложенную В. И. Абаевым этимологию термина «сака» не поддерживают и иранисты [781]. Не могут согласиться с этой идеей и археологи, перед которыми сразу встает такой неразрешимый вопрос: как же быть с Венгрией, где никаких саков явно не было? (а изображений оленей достаточно много. – *И. М.*); и со Средней Азией, где именно саки засвидетельствованы всеми письменными источниками – и греческими, и персидскими? Оленей же там пока что меньше, чем на какой-либо другой территории – одна бляшка в кургане на Памире и два оленя на наскальных изображениях в Семиречье [782].

Поскольку этимология термина *сака* далеко еще не выяснена [783], нам кажется уместным вспомнить древнетюркскую легенду об их происхождении. Согласно этой легенде праотец тюрков был родом из владения *Со*, которое, по словам китайских авторов, лежало на севере от страны хуннов, т. е. к северу от современной Монголии, на северной стороне Алтая [784]. Один из потомков этого праотца жил в горах в верховьях реки Чу и научил одно из тамошних племен, тоже происходивших от того же праотца тюрков, разводить огонь. Это племя признало его своим предводителем и стало называть его *Тоу-Кю* [785]. В этом имени нетрудно увидеть *тау / тоу / ту* – гора, отражающая место жительства того героя-праотца. Из такого повествования о легендарной генеалогии древних тюрков можно сделать вывод

о том, что если потомки героя назывались *тоу-кю (тау-кю),* то потомки самого рода *Со* должны были именоваться *со-кю (со-ку),* что в персидской передаче легко могло превратиться в *саки / сака.* С другой стороны, можно предположить, что переданное китайцами слово *тоу* могло быть и термином *туу* – «родиться», «рождение», а *Кю* – это легендарный предок тюрков *Ку* – «лебедь». В таком случае термин *Тоу-Кю,* или *Туу-Ку,* будет означать «Рожденный лебедем», т. е. *лебединцы,* или *ку-киши, ку-манди*. Не могу считать большой натяжкой происхождение тюркского термина *ту-кум* – «род», «фамилия», «патронимия» от упомянутого древнетюркского *ту-ку,* переданного китайскими авторами как *тоу-кю.*

Далее, в связи с этнонимом *сака* нельзя не учитывать очевидные факты из этнокультурной истории народов Алтая, Средней Азии и Сибири. Здесь прежде всего надо иметь в виду этноним – самоназвание якутов – *саха,* этническую группу хажасов – *сага,* которых специалисты по этнографии сибирских народов связывают с саками I тыс. до н. э. Н. А. Алексеев, изучая ранние формы религии народов Сибири, приходит к выводу, что «якуты являются остатком древнего тюркского племени «сака» или «са», главная масса которых некогда обитала в Западном Тянь-Шане и закончила свое существование в Индии, оставив по себе следы в Западном Тянь-Шане в виде кара-киргизского поколения «Саяк» и на Енисее в виде рода «Сагай»[786].

Отсутствие осетинского термина *сак* – «олень» в других источниках В. И. Абаева – в Авесте, в древнеиранск., древнеинд., древнеперс. и других языках и одновременно сохранение и бытование этого слова в виде широко распространенного этнотопонима среди многих тюркских народов подкрепляет нашу версию о тюркоязычном происхождении этнонима *сака.* Кроме указывавшихся выше примеров, можно назвать этноним *сака, саке* у киргизов; *шага* – у казахов; *шакай, шекей – у* узбеков, *шаклер* – у туркмен, особую группу венгров – *секе,* имевших прекрасное степное оружие – сабли, представлявшие собой характерный вид оружия тюрко-кочевнических племен. Здесь же уместно отметить целый ряд тюркских топонимов: *шаки, шеки* в Татарии, Азербайджане[787], *шики* в Балкарии. Следует напомнить и тот факт, что Ибн Хордадбех писал, что на Джейхуне (Амударья. – *И. М.*) имеется «перевал к тюркам, которых называют Шикина»[788]. Можно добавить и распространенное балкарское мужское имя *Шакай,* очень созвучное известному самоназванию алтайцев – *Сагай.*

Завершая этот этюд о саках, мы должны еще раз сказать, что наше мнение об этом этнониме базируется на множестве фактов, в т. ч. и на том, что китайские авторы, Геродот и видные современные ученые, базируясь на огромном историко-этнографическом материале, отождествляют древний род тюрков Сэ, или Со, с саками[789].

100. *Сираки* – одно из скифо-сарматских племен, имя которых В. И. Абаев объясняет как «Плавно танцующие». На наш взгляд, данный этноним происходит от тюркского этнонима *сир* и слова *ок* – «семя», «род», «потомок». Таким образом, *Сирак* означает «Потомок сиров», «Род сиров», и т. п. этноним тюрков-сиров неоднократно встречается в Орхоно-Енисейских

надписях. В надписи Тоньюкука значится: «В стране народа тюрков-сиров не осталось тюркского племени», или же: «В земле народа тюрков-сиров Капаган-кагана» и т. п. Термин *Сирок,* т. е. «Семя сиров», «Потомство сиров», сохранился в родоплеменных этнонимах половцев/кипчаков в форме *Сираг / Сарак* и во многих других тюркских этнонимах Средней Азии, Алтая [790]. Например, у каракалпаков сохранился род *Кара-сирак,* т. е. «Черный сирак», связанный с сарматским племенем, пишет Л. С. Толстова [791].

101. Имя потомков Липоксая *Авхаты* В. И. Абаев странным образом связал с авестийским словом *фаху* и назвал это племя термином «хорошие». Однако Абаеву надо было бы отметить, что слово *ав* в тюркских языках означает «охота» (ДТС. С. 1), а термин *гут, хат* – «счастье», «благо», «благополучие», «достоинство», «величие» (ДТС. С. 171). Отсюда, этноним *Авхат,* состоящий из двух явных тюркских слов, означает «Счастливая охота», «Благополучный охотник» и т. п.

С другой стороны, слово *аба* означает «прародитель», «предки» (ДТС. С. 1), а слово *кат, хет* – «крепкий», «основательный» (ДТС. С. 283). Следовательно, данный, этноним в тюркском языке означает «Крепкий прародитель», «Мощный предок» и т. п.

102. *Катиары* – скифское племя – потомки Арпоксая. В. И. Абаев не объясняет значения этого этнонима. В тюркских же языках слово *катты* – означает «жесткий», «твердый», а *Эр / Ар* – «мужчина». Отсюда, этноним означает «Твердый, жесткий мужчина». Этот этноним аналогичен названию знатного хазарского рода «Катир»[792], в котором также отчетливо читаются тюркские слова *Катты* и *Эр*.

103. *Паралаты* – этноним потомков Кулаксая, который В. И. Абаев переводит с авестийского как «Предустановленный», «Искони назначенный». Однако в общетюркском это слово означает *паралы* – «обладающий богатством», «богатый» (ТРС. С. 480; КРПС, С. 445). Аффикс *т* указывает на множественное число [793]. Таким образом, в этом этнониме четко зафиксировано обладание богатством, что, по скифской легенде, соответствует паралатам, сумевшим взять упавшие с неба скифские священные предметы: секиру, чашу, ярем.

104. *Массагеты* – одно из азиатских племен, которое многие считают скифским, хотя сам Геродот не называет их скифами. В. И. Абаев переводит этот этноним как «люди-олени». В этом этнониме имеется скифское слово *маза* – «великий», «большой»; это же слово В. И. Абаев нашел в Авесте, но в осетинском его нет. И тем не менее Абаев переводит данный этноним с осетинского как «люди-олени». Кроме скифского *маза,* в этом этнониме легко читается весьма распространенное у многих тюркских народов слово *мазаллы* – «огромный», «рослый», «великий», «большой» (*кумыкск., карач.-балк., турецк.*). Здесь же можно увидеть и карачаево-балкарское слово *мажал* – «отборный», «лучший».

С учетом частого чередования в тюркских языках звуков *М / Б* в данном случае можно читать и слово *бас* – «давить», «наступать», «опора», «основа» (ТРС. С. 67; ДТС. С. 85), или слово *база* – «сила», *базын* – «надеяться», «надежда на силу» и т. п. *(карач.-балк.).*

Вторая часть этнонима *кет* на тюркских языках означает «сильный», «крепкий» (ДТС. С. 303). Из этих фактов выходит, что этноним *массагет* означает «великие, огромные, сильные» и т. п. Такой вариант этимологии термина вполне согласуется с историческими сведениями о массагетах, которые погнали из-за Яксарта даже скифов, перед которыми содрогались Передняя Азия и Причерноморье.

В литературе давно принято переводить термин *массагет* как «Большие геты»[794], а вот слова *гет, гут, гуз* нуждаются в пояснениях. Хорошо известна широко распространенная закономерность в тюркских языках перехода *З / Т, С / Д*. Эту закономерность иллюстрируют балкаро-карачаевские слова *Тарка – Сарка,* т. е. «течет», *Тын – Сын,* т. е. «тихо, неподвижно, смирно»; множество башкирских топонимов и терминов: *Казыр–Кадыр, Бардым–Барзым, Кырзас–Кырдас, Иргыз–Иргит, Ырғайды–Ырғайзы* и др.[795], ряд терминов в других тюркских языках: *Орус–Оруд, Бичик–Битик, Кучи–Куци-Кути* и др.[796].

Историческая наука фиксирует множество племен от Дуная до Амударьи, в именах которых встречается соединение терминов «гет», «кут», «гуз», «огуз» и т. д. с разными местными прилагательными: *тиррагеты, фтирогеты, массагеты, маскуты, огзы, тогузогузы* и т. п. Многие видные ученые – Реннель, Услар и др. – не видели ничего невероятного в видоизменениях этого этнонима [797]. По их мнению, племя «гетов» заключало в себе множество народов, живших на огромном расстоянии друг от друга. Они были убеждены в том, что «название это было туземное, не иноплеменниками данное, не прозвище вроде басурманов, немцев, чуди. По всей вероятности, однако, туземцы произносили его не совсем так, как греки; название «геты» в устах их звучало более или менее иначе, весьма вероятно даже, что на Яксарте туземцы произносили его несколько иначе, чем соплеменники на Дунае»[798].

Важным аргументом, подтверждающим тюркскую этимологию термина «массагет», является сообщение Страбона (XI, 8, 6) о том, что «массагеты богом почитают одно только солнце и ему приносят в жертву коней». Эти слова полностью совпадают с тем, что Моисей Каганкатваци неоднократно подчеркивал, как савиры среди множества божеств особо почитали бога неба и света Тенгри-хана. По его словам, под огромными дубами, олицетворяющими Тенгри, савиры приносили в жертву коней, кровь которых «поливали вокруг дерев, а голову и кожу вешали на сучьях»[799]. А исследования С. А. Плетневой обосновали тот факт, что самым распространенным амулетом-символом солнца для тюрко-кочевнических племен VIII–IX вв. был «крест в круге», повсеместно обнаруживаемый в памятниках салтово-маяцкой культуры Хазарии [800]. Почитание коней и принесение их в жертву было характерно для гуннов, хазар, болгар, кипчаков и других тюркских племен и народов. Когда древнейший термин *гут / гуз* – стал заменяться словом *эль / иль,* тогда становится закономерным превращение *маскут / баскут* в *бас-ил* с тем же значением – «Главный род», «Главное племя». Не потому ли хазарский хан брал себе жену только из рода басилов (из Главного иля)?[801]

Этноним «массагет», по нашему мнению, долго не исчезает со страниц истории и лишь с незначительными диалектными разночтениями вроде *маза, баса, бас, гут / гуз,* и *эль* / *иль* доживают до наших дней. Достаточно вспомнить, что в Большой Букеевской Орде киргизов существует мощный род «маза»[802]. Можно предположить, что на древней земле массагетов – в Северном Прикаспии и Волго-Уральских степях – этот этноним бытует по сей день в названии башкиров *Баш-гурт,* т. е. «Главный род» или «Главное племя». Имя древних массагетов сохранилось и в названии раннесредневековых гуннов – *масаха*, которых многие источники отождествляют с массагетами[803]. Если исследователи этнической истории Северного Кавказа IV–X вв. с масаха-гуннами отождествляют дагестанский топоним «Мушкур»[804], то имя балкарского эпического героя Мисака, патронимические имена «Мисака-улу», «Мусук-улу», «Мусука-улу» тем более дают возможность отождествления их с именем древних массагетов и масаха-гуннами.

С другой стороны, монгольский термин *гур* – «племя», «народ», зафиксированный во многих тюркских этнонимах, иногда у башкиров звучит как *гурт*. Слово *гурт,* наряду с его удмуртским значением «село», «родина», «деревня»[805], более древнюю форму находит в карачаево-балкарском языке, где оно означает «выводок», «потомство» и употребляется в таких распространенных выражениях, как *гурт таукъ* – «курица с выводком»; *гурт сал* – «заложить наседке выводок». Этот же термин сохранился у них в проявлении древнейшего культа змеи. Змею, которая будто бы охраняет потомство и благо дома, хозяйство, карачаево-балкарцы именуют *гурт жилян*. Слово *гурт* – это то же самое, что и *журт, юрт* с характерным переходом *Г – Ж – Ю*. Сказанное позволяет заключить, что *гурт, журт, юрт* первоначально могло означать «выводок», «потомство», а затем превратилось в обозначение «места обитания потомства», используемое удмуртами как «село», «деревня», «родина». Недаром карачаево-балкарцы называют родину *журт,* а когда строят дом, говорят: «*Журт сал*» – «Закладывай жилье, место обитания» и т. п. Позднее это понятие стало обозначать «село», «поселение», «родина».

Термин *гурт* (а в иной огласовке *журт)* происходит от слова *гур* или *жур,* первоначально означающих «народ», «племя» с прибавлением к ним аффикса множественности – *Т*[806]. Исследователи полагают, что термин *гурт* во многих случаях выступает и как этноним. По их сведениям, в XIX в. в Ширване жило племя с названием – *гурт*. Кроме того, этот этноним связывается с целым рядом топонимов: *Гурт-кала, Гара-Гуртлу.* Этноним *гурт* отмечен и в Туркмении, и в других районах тюркской ойкумены[807]. Таким образом, древнейший этноним *гут / гуз / гур* на различных тюркских наречиях звучал по-разному с закономерным переходом *Р – З – Т*, а в отдельных случаях он заменялся позднейшим термином *аль-иль,* что уже наравне со значением «род», «племя», «народ» употреблялся и для обозначения племенного объединения, союзов, общин, поселений и пр. При подходе к этимологии тюркоязычных этнонимов, топогидронимов и от-

дельных терминов отмеченные вариации одного и того же термина и их кальку необходимо всегда иметь в виду.

Возвращаясь к тюркскому этнониму «массагет», следует заметить, что еще П. К. Услар писал: «...китайское название «ta-ie-ta» для народа, живущего на Сырдарье, буквально соответствует геродотовским «массагетам», живущим в той же области; оба значат «Большие геты». Он же продолжал, что «соотношение между готами и ie-ta, юэ-ta, юэ-чжи принято многими величайшими учеными»[808].

В завершение всего сказанного о массагетах и их окружении, необходимо остановиться на трех важнейших фактах:

I. *Юе-чжи* и сменившие их *усуни* изначально были тюркскими племенами, живущими в войлочных шатрах (юртах) и питающимися молоком и сыром [809]. Кроме того, П. К. Услар отождествлял усуней с асами (азами)[810]. И. Маркварт называл усуней «а-сун», т. е. также отождествлял эти племена [811]. Предками средневековых асов считают древних усуней и современные ученые-алановеды [812].

II. Одним из самых древних компонентов этногенеза ногайцев являлись усуни, входившие в V–IV вв. до н. э. в конфедерацию протогуннских племен [813]. Этот факт подтверждают и антропологи, признает усуньско-гуннскую конфедерацию и М. И. Артамонов [814]. Древние письменные источники дают основание считать, что истинное название древнетюркского племени усуни было «Каракыргыз» и входили они в состав кыргызского рода Ассыг [815]. Общеизвестно, что родовые подразделения усуни – асы сохранились почти у всех тюркских народов Средней Азии, Алтая, Поволжья, Кавказа.

III. Видные востоковеды и антропологи доказали, что древние массагеты – это 100-процентные туркмены [816].

105. *Саи* – одно из подразделений скифов, имя которых пока еще остается без внимания ученых. Мы уже отмечали, что этот этноним происходит от тюркского слова *сай / сый* – «почет», «величие»; *сай-лы / сый-лы* – «выборный», «почетный» и т. п. В добавление к этому можно сказать, что «племя *се* или *саи* жили на реке Или до прихода туда тюркоязычных *юе-чжи*»[817].

«Если допустить, что «се» или «саи», вытесненные с Или и Яксарта племенами юе-чжисцами, – пишет Услар, – суть саки или скифы классических писателей, то можно заключить, что название это было действительно туземное в Туране». Если же «се» тождественны «саям» и «сакам», тогда мы вправе со своей стороны вспомнить, что «Со», «Сэ» – это древнейший род тюрков [818], и всякий спор вокруг толкования имени этих племен отпадает сам по себе.

106. Гомер называет «варварское» племя *абии,* имя которых с греческого означает «бедные», «неимущие». В. И. Абаев оставляет это имя без внимания, хотя в тюркских языках оно находит достаточно ясную этимологию, являясь всего-навсего калькой термина *язык / жазыкъ,* т. е, «бедный», «неимущий».

107. Скифское племя *агавы* Абаев также не объясняет. Однако корень этнонима представляет собой общетюркский термин *ага* – т. е. «старший»,

«старший брат» и т. п. Отсюда и имя племени могло означать «Старшие», «Главные» (ДТС. С. 48).

108. Помпоний Мела и Плиний среди скифских племен называют неких *турку,* напоминающих геродотовских «иирки». Нам представляется справедливым мнение многих ученых – Эйхвальда, Ямпольского и других, считающих этот этноним тождественным имени «тюрки».

Например, Б. А. Серебренников пишет, что отдельные тюркские племена проникали в Южно-Русские степи и входили в состав скифов [819].

109. *Тавры* – одно из скифских племен, имя которых происходит от общетюркского слова *тав* – «гора». Следовательно, этноним, вероятно, означает понятие «горцы», «горные».

110. Имя племени *гелоны,* или *гилы,* буквально соответствует названию одного из ведущих родов печенегов – Гилей [820].

111. Плиний называет среди скифов племя *бельки,* имя которых в тюркских языках означет «знак», «примета», «заметный», (ДТС. С. 93). Отсюда имя данного племени может означать: «Заметные», «Приметные», «Известные» и т. п.

112. Скифское племя *даки* носит имя, тождественное юбщетюркскому слову *дагъ* – «гора», т. е. имя их означает, как и *тавры,* «горные», «горцы» и т. п. После того как усуни оттеснили *юе-чжи* на запад от Или, на Сырдарью, в нынешний Кокан, по северную сторону Амударьи, к югу от юечжи жили *та-хиа* (китайская транскрипция). По утверждению П. К. Услара, тождественность *та-хиа* с даями, дахами, даками не может подлежать никакому сомнению [821]. По сообщению Страбона (IX, 7, 1), даи жили по соседству с массагетами на восточном побережье Каспия. И этот факт позволяет сопоставить древних «даев» с ныне существующим казахским родом «Адай»[822].

113. *Каспии* – одно из скифских племен. Страбон писал, что «область Каспиана названа по исчезнувшему теперь племени, именем которого названо море» (XI, 4, 5). Этот этноним состоит из двух тюркских слов: *Каз, Кас* – «кочевать»[823], или *Кас / Каш* – «высокий берег», «возвышенность», «холм»[824], и слова *бий* – «владыка», «хозяин». Отсюда этноним может означать либо «Владыка кочевий», «Владения кочевников», либо «Владыка гор», «Владения горами» и т. п.

114. Плиний и Птолемей называют скифское племя *осил;* народ *ос* называют Тацит и Юлий Капитолий [825]. Этот этноним также состоит из двух тюркских слов: *ос,* или *оз, ас* – это древнетюркские этнонимы [826], и слова *иль / эль* – «селение», «родина», «община» и т. п. Отсюда и этноним *Осил* означает «Община асов», «Селение асов» и т. п.

115. Плиний называет племя *оран,* имя которых повторяет этническое название одного из кипчакских родов – «Оран»[827].

116. Страбон называет одно из скифских племен *пассианы,* имя которых состоит из двух тюркских слов: этнонима *бас,* или *баси* (одного из хазарских племен), и слова *иан* – «сторона», «край». Отсюда этноним может означать понятие «Сторона басов», «Край басов».

117. Диодор Сицилийский среди скифских племен называет неких *агар* [828]. Учитывая уже не раз упоминавшуюся закономерность перехода в тюркских языках звуков *Р / З*, можно сказать, что данный этноним соответствует общеизвестному тюркскому этнониму *Агар / Агаз / Огуз* [829].

118. Страбон называет среди скифо-сарматских племен неких *панксанов*. Чтобы объяснить этот этноним, нам придется напомнить, что в греческом языке не было шипящих звуков и буква *Ч* передавалась через *КС*. В таком случае интересующий нас этноним будет звучать *панчаны, пачаны* или *пачангы*. Этноним в виде *пачанок, пачанк-панчак* (т. е. печенег. – *И. М.*) довольно распространен в тюркском мире [830].

119. Этноним *парфы* по-скифски означал «Изгнанные», «Изгнанники». В этом названии корнем слова является общетюркское *бар* – «исчезать», «бродить» (ДТС. С. 83). Отсюда *барды* означает «ушедший», «исчезнувший». На чем основывается такое объяснение? В греческом слове буква *θ* звучит как *Т* или как *Ф*. Если исходить из того, что буква эта означала звук *Т,* тогда мы получаем термин *барты / барды*. Но поскольку звуки *Т* и *Ч* в тюркских языках очень часто взаимочередуются, то мы можем получить слово *барчы* – т. е. «посланник», «посредник», который ходит между сторонами туда *(барчы)* и остается на месте *(калчы)*. Но если были изгнанники, значит, должны быть и оставшиеся – *калчы* (от слова *къал* – «оставаться»).

120. *Каллипиды,* или *каллы,* – одно из скифских племен. Имя их образовано как раз из того самого слова *къал* – «оставаться», *къалып* – «оставшись». По нашему мнению, этот этноним сохранен в позднейшем этнониме *калиб,* или *калибы*. Не исключена возможность, что в данном этнониме сохранено родовое название одного из печенежских объединений – *Кулпеев,* о которых писал Константин Багрянородный. Этот род печенегов жил восточнее Днепра под предводительством вождя по имени Иппоан [831].

Коснувшись этнонимов *парфы* и *калиб,* следует отметить, что позднее некоторые авторы помещают *калибов, халибов* где-то в районы Западного Предкавказья либо между Арменией и Анатолией, у реки Фермодонт / Термодонт [832]. А вот что писал О парфах Юстин: «Парфы были скифские изгнанники. Это очевидно даже из самого их названия: по-скифски изгнанники называются «парфами». Они, будучи изгнанными из Скифии домашними усобицами, тайком заняли степи между Ирканией, Датами, Апартами и Маргианом. Язык у них – средний между скифским и мидийским, помесь того и другого»[833]. В этих словах прежде всего бросается в глаза то, что язык скифов и мидийцев был различным и что скифские изгнанники, расселившись в новых местах, рядом с Маргианом (Мургабские степи кушан. – *И. М.*) стали говорить на смешанном языке – помеси скифского и мидийского (иранского). О том, что скифы и мидийцы – это разные народы, свидетельствует и Страбон (XI, 8, 8): «В окружности у моря за ирканцами, – пишет он, – обитали марды, анариаки, кедусии, албанцы, каспии, витии и, может быть, вплоть до скифов другие народности. По другую сторону гирканцев живут дербики, а кардусии граничат с мидийцами и матианами у подошвы Парахоафры». Некоторые считают эту гору Малым Кавка-

зом [834], а скорее всего это Паропамиз (Кавказ) других античных авторов. Из слов Страбона ясно, что он отделяет скифов от всех им перечисленных племен, в т. ч. и от мидийцев. Об этой разнице определенно высказался и Арриан (IV, 4, 2), который вкладывает в уста скифов слова о том, что есть-де разница между скифами и среднеазиатскими варварами. В. В. Григорьев полагает, что варварами здесь Арриан называет оседлых туземцев Средней Азии. «Следовательно, – говорит он, – варварами по ту сторону Сыра, значит, правое побережье этой реки, имело в Александрово время оседлое население»[835].

С другой стороны, очень важно, что, тщательно изучив античные источники и прежде всего известия Гекатея из Милета, И. В. Пьянков приходит к выводу: «Когда хорасмии локализовались на юге (т. е. до IV в. н. э.), всю область к северу от хорасанского оазиса, от Амударьи до Каспийского моря, а на севере, видимо, до Сырдарьи, в том числе и земли по нижнему течению Амударьи, – занимали племена степного типа. В официальных ахеменидских документах они именуются «острошапочными скифами», а у античных авторов, кроме того, «массагетами, дербиками, абиями». В административных списках они представляют отдельный народ, отдельную страну и упоминаются наряду с хорасмиями»[836]. Отсюда однозначно ясно, что скифы, массагеты, дербики, абии – это не хорасмии, т. е. не персы и не иранцы, и не бактрийцы. В этом контексте очень важно вспомнить, что абиями – бедными и неимущими – называл Гомер доителей кобылиц (Илиада / Пер. В. А. Жуковского. Песнь 13. Стр. 1–7.).

Здесь же уместно привести слова Эратосфена (234–196 гг. до н. э.), пользовавшегося в античной литературе большой популярностью. В частности, о дороге, ведущей из Гиркании (Иркании) к бактрам, он писал: «Направляясь к равноденственному востоку от Амиса, сначала прибудешь в Колхиду, затем к горному проходу у Гирканского моря (Дербент у Каспия? – *И. М.*), а вслед за этим – дорога к бактрам и скифам». В другом варианте он уточняет, что эта дорога идет «через колхов и Гирканию вплоть до бактриев и людей по ту сторону их». Эти сведения Эратосфен берет у своего предшественника Гекатея Милетского, основного источника Геродота [837]. Отсюда совершенно ясно, что скифы – это не бактры, а «люди по ту сторону...». И это полностью соответствует словам Юстина, писавшего спустя 500 лет после Эратосфена.

Приведенные факты и слова Юстина как нельзя созвучны позднейшим сведениям аль-Бируни о том, что некогда из земли гузов (огузов) переселились на берега Амударьи и в Мургабские степи аланы и асы и стали говорить на смешанном печенежском и хорезмийском (иранском. – *И. М.*) языке. Это сообщение полностью совпадает с известиями русских летописных переводов «Иудейской войны» Иосифа Флавия (I в. н. э.) о том, что язык асов «яко от печеженьска рода родяси»[838].

Если сопоставить сведения Юстина и Бируни, то нельзя не заметить определенной симметрии их фраз: «Язык у них – средний между скифским

и мидийским» (Юстин) и «Язык их теперь смешанный из печенежского и хорезмийского» (Бируни). Не может быть сомнения в том, что эта симметричность «печенежского и хорезмийского» против «мидийского и скифского» не является простым совпадением, а соответствует исторической действительности.

Не менее интересные сведения о тюркоязычности скифов дает и скифо-сарматская *топонимика:*

121. *Ыфшандарт* – священное место скифов – В. И. Абаев оставляет без объяснения. В тюркских языках это слово происходит от термина *Ышан* – «вера», «надежда», «надеяться», «доверять» (ДТС. С. 214; Тат.-рус. сл. Казань, 1988. С. 388–389. Далее: *ТРС*). К этому корню прибавлен тюркский термин *тийре / дире* – «место», «квартал», «округа». Отсюда и значение скифского названия «Место надежды», «Место доверия», «Место верований», т. е. оно полностью соответствует скифскому назначению места «Ыфшандарт» (с учетом искажений варварских терминов античными авторами).

122. *Эксампай* – священное место скифов, где они хранили свой святой котел, отлитый из стрел воинов. Эллины переводят этот термин как «Святые пути» (*Геродот*, IV, 81). Это название состоит из упоминавшихся выше тюркских слов: *Ышан,* в котором *Ш* из-за отсутствия в греческом языке щипящих заменено на *КС*. Такую закономерность мы уже отмечали выше. К этому слову прибавлен термин *Бай* – «священный». Таким образом, скифский термин, переданный эллинами как *Эксампай,* на самом деле звучал как *Ышанбай* и означал «Святая вера», «Священная надежда» и т. п.

Специалисты по скифологии пишут, что некоторые слова, которые Геродот передает в переводах с греческого как «скифские», не всегда можно объяснить из иранских языков. Например, по мнению В. Ф. Миллера, не поддается объяснению слово «Эксампай». Все предложенные этимологии этого термина с иранских языков неудовлетворительны с лингвистической точки зрения, пишет М. Фасмер [839].

123. *Кумания* – крепость у Дарьяльского ущелья (Плиний). Название это происходит от тюркского слова *Ку* – «лебедь», легендарного прародителя одного из древнейших легендарных тюркских родов. От этого имени происходят этнонимы *Ку-киши, Ку-ман,* т. е. «Лебединцы». Отсюда, данное название крепости означает *Кумания* – «Лебедия». Страну тюрков *Лебедией* называли и письменные источники [840].

124. *Пантикап* – одна из рек Скифии. В. И. Абаев объясняет это название как «Дорога рыб». На наш взгляд, здесь легко видно греческое *понт* – «море» и тюркское *капы* – «ворота». Следовательно, название означает «Ворота моря», «Вход в море», чем являлась на самом деле данная река.

Название это давно вызывает спор. В 1959 г. чешский ученый Ян Збожик предложил толкование «Пантикапа» как славянское слово *пять* – «путь», а вторую часть возводил к славянскому корню *кап* – «начало». Таким образом, получалось, что слово *Пантикап* означало «Начало пути». Б. А. Рыбаков пишет, что этимология слова в целом остается неясной, но связь с понятием «пути» он «легко» объясняет тем, что у устья Днепра су-

ществовала будто бы старинная переправа. Это он видит в том, что одно из селений в этом районе носит название «Переволочка». «Через эту переправу, – пишет Рыбаков, – д о л ж е н (разрядка моя. – *И. М.*) был идти древний путь из Гелона в Ольвию»[841].

Трудно судить о том, должен или не должен был идти путь через эту переправу и существовала ли она в эпоху скифов, но нет никакого труда усомниться в предложенных этимологиях, поскольку Пантикапеем греки называли и правый нижний приток Днепра – реку Ингулец [842], где ни переправы, ни огромных рыбных богатств не отмечено. Зато достоверно отмечено Страбоном, что «вход (т. е. ворота. – *И. М.*) в Меотиду называется Киммерийским Боспором; начинается он с довольно значительной ширины, именно около семидесяти стадиев, где и переправляются из окрестностей Пантикапея в ближайший азиатский город Фанагория, а оканчивается гораздо более узким проливом. Этот проход (ворота) отделяет Европу от Азии, подобно тому как и река Танаис» (VII, 4). Страбону вторит и Аммиан Марцеллин: «Из Меотийского болота огромное количество воды прорывается через узкий Пантикапейский пролив (ворота. – *И. М.*) в Понт»[843]. Все сказанное позволяет верить в то, что предложенная нами этимология наиболее правдоподобна.

125. Название города *Капа* В. И. Абаев переводит как «Рыба». Мы же полагаем, что в данном случае легко читается тюркское слово *капа, капы* – «ворота».

126. Один из городов у устья Кубани назывался *Анатур*. В этом названии ясно видно тюркское слово *тур* – «находиться» и тюркский этноним *Апар* (ДТС. С. 47). Отсюда название термина означает примерно «Место нахождения племени апар».

127. Геродот называет на берегу Меотиды торжище *Кремны*. Это название тождественно общетюркскому слову *керман* – «крепость».

128. Геродот называет город Горгаз (IV, 57, 100, 123). В этом названии отчетливо читаются два тюркских слова: *гур* – «племя», «род»; и *газ* – «лебедь», «гусь». Из этих слов складывается значение названия города как «Лебединое племя», т. е. «Лебединцы».

129. *Керчь* – название пролива, города, мыса. Название это происходит от тюркского слова *кир* – «входить», «проникать внутрь», «погружаться» (ДТС. С. 308); якутск., карач.-балк., монгольск. *къыр* – «край», «берег» и т. п.[844] С этим названием созвучно и арабское наименование Черного моря – *Бахр-ель-Кирим*. П. К. Услар предполагает, что такое название может происходить от слова *Хрумнос* – «крутой берег», «крутец», что совершенно соответствует южному берегу Крыма [845]. Наше толкование слова *Керчь* как *Кирич – Кир* – «вход», «выступ горы», «мыс» и т. п. вполне согласуется с географическим положением Керченского пролива, обеспечивающего вход в Черное и Азовское моря, а также с тем, какую роль отводили античные авторы, характеризуя его именно как вход в море. Известно, что у греков Керченский пролив назывался Босфором Киммерийским, а город Керчь – Пантикапеем, этимологию которого мы дали выше («Ворота моря»).

130. *Германассы* – название города у устья Кубани. Происходит это название от тюркского термина *кермен* – «крепость». К этому слову прибавлен древнетюркский этноним *ас*. Таким образом, название города *Германассы* означает «Крепость асов» («Керменас»). Такое название тождественно балкарскому названию одной из средневековых крепостей «Аскала» – крепость асов на Верхне-Чегемском городище. О средневековом городе Ас-кала в Алании писали и средневековые авторы. Например, Ал-Идриси (XIII в.), описывая устье Кубани, отмечал, что «это большая река, вытекающая с высот гор ал-Кабк. Далее она течет на север и пересекает земли ал-Ланийа... Затем она течет на запад. От устья этой реки 150 миль до города Аш-касийа. Это красивый город из числа городов ал-Ланийа и один из пограничных: областей... От города Аш-касийа до города Аш-кала аланской земли 20 миль. Между Аш-калой и морем около 600 миль»[846].

Продолжая рассуждения об асах и связанных с ними топонимах, следует вновь напомнить об обитании асов в Прикубанских районах и о том, что Азией древние греки первоначально называли степи между Доном и Кубанью. Эту точку зрения, как мы уже писали выше, П. К. Услар обосновывал на сведениях Эсхила, Гомера, Страбона и др., на труды которых в свое время ссылался и Вивиен де Сен-Мартен, также поддерживавший эту идею [847]. По словам Услара, Эсхил за 5 веков до Р. Х., а затем и Страбон называли Азией районы, «орошаемые Кубанью». Лучшим доказательством тому, что название *Азия* – это не только создание греческих поэтов, служит этническое название *Аз,* неизгладимо прививщееся к местным топонимам. Так, Птолемей (V, 8) на восточном берегу Азовского моря между Доном и Кубанью называет города Азара, Азараба, Азбеги, тюркское значение которых не может вызывать никакого сомнения. Здесь же увязывается сообщение Страбона о народе Аспургиане в этих областях и утверждение Услара, что название Азовского моря происходит от имени *азов*.

131. В систему топонимов скифо-сарматского периода мы включаем и название горной страны в Малой Азии, на Анатолийском нагорье, – *Каппадокия*. В этом названии четко прослеживаются и читаются два тюркских термина: *Капы* – «ворота», и *Дагъ* – «гора». Следовательно, название означает «Ворота гор» или «Горные ворота». В данном случае есть необходимость напомнить, что каракалпаки и туркмены называют горы, опоясывающие Азию, Капу-Тау или Капу-Дагь («Ворота гор»), которые являлись воротами для кочевников Средней Азии в страны древней земледельческой цивилизации Передней и Малой Азии. Л. С. Толстова пишет, что переселение огузских племен в Малую Азию происходило через Кавказ, Балканы и Капу-Тау [848].

132. Название города *Кикн* у устьев Кубани восходит к тюркскому термину *Къанкъ* – «лебедь», «селезень»; *Къынкъ* – «голос», «гогот птиц» (карач.-балк. яз.: *Къан-къылда)*. Отсюда можно полагать, что данное название города означает «Лебедь», «Лебединый голос» и т. п. В связи с подобным предположением уместно вспомнить слова Помпония Мелы: «При начале берегового изгиба (берег Понтийского моря и Западного Кавказа. – *И. М.*) лежит город, который, по преданию, назвали Кикном (Лебедем), потому

что голос лебедя подал греческим купцам знак, когда они были увлекаемы темною непогодою и не знали, где земля»[849].

133. *Кавказ* – название горной гряды от Индии до Понта. Это один из интереснейших топонимов, содержащий важнейшую историческую информацию. Анализ данного топонима следует начать с сообщения П. К. Услара о том, что этот топоним связывается с осетинским *Хох,* иранским *Кох* – «гора», которые на гортанном горском наречии звучат *Гоуг.* К этому корню добавлен этноним ас, и топоним получает значение «Гора азов» *(Хох-аз)* [850]. Здесь же Услар пишет, что кавказские туземцы *азами* называют прикубанских жителей, т. к. первоначально Азией античные писатели называли Прикубанье. Хотя объяснение Услара глубоко вошло в литературу, однако оно не выдерживает никакой критики. Дело в том, что по законам ирано-осетинского языка определяемое слово всегда стоит на втором месте: Адай-хох, Аз-хох, Джимарай-хох и др. Следовательно, на основе ирано-осетинского языка должно было быть не *Хох-аз,* а *Аз-хох,* чего мы не наблюдаем. Гораздо убедительнее звучат слова исследователя, что термин *Кавказ* не находит объяснения ни в греческом, ни в армянском, ни в семитском языках, ни в санскрите, ни на языке кавказских туземцев [851]. В то же время Гекатей, предшественник Геродота, Плиний и другие писали, что термин *Кавказ* – название скифское [852], Плиний передавал его как *Крауказ.*

С другой стороны, Услар указывает, что известный ученый Болен объясняет термин *Кавказ* как санскритский: *Граванказа (Граван* – «камень», «скала», и *каз* – «блестеть»), т. е. «Блестящий камень», «Блестящие скалы». Однако Бурнюф возразил ему, что согласно санскритской грамматике следовало бы сказать *Казаграван* для обозначения «Блестящих скал», а не *Граванказа* [853]. Здесь мы вновь встречаемся с тем, что слово *каз* должно было стоять на втором месте. Таким образом, предложенные толкования термина *Кавказ* не находят оправдания. Мы же считаем, что данный топоним состоит из двух общетюркских слов: *Кап – Каб – Гапы* – «ворота»; и *каз* – «кочевать», «бродить», «странствовать»[854]. Отсюда, топоним *Кавказ* означает «Ворота кочевий», «Ворота кочевников». Если же принять версию, что слово *каш* означает «возвышенность», «гряда» и т. п.[855], тогда топоним будет означать «Ворота горы», «Горные ворота» и т. п. Если вспомним, что греческие и античные авторы термином *Кавказ* называли всю горную гряду, отделяющую кочевнический мир Средней Азии от древних земледельцев Передней Азии, тогда наше объяснение термина *Кавказ* звучит достаточно убедительно. Кроме того, надо иметь в виду, что наше толкование подтверждается тем, что арабские географы X в. (Ибн Хаукаль, Масуди и др.) называли Кавказский хребет горой *Кабк / Кабх,* что на всех тюркских языках означает «Ворота». Например, в Орхоно-Енисейских надписях VIII в. теснина-проход в Гиссарском ущелье называлась Железными воротами – «Темиркапу»[856], которые Александр Македонский, по преданиям, запер железными засовами. Таким же термином *Темир-капу* называли тюрки и Дербентский проход. В этой связи весьма красноречивы слова В. В. Бартольда о том, что «главная крепость аланов находилась уже в дагестанских горах, которые

известны Ибн Саиду (1214–1272), как и географам X в., под их тюркским названием «Капык», т. е. «Ворота»[857]. Каракалпаки в своем фольклоре называют Кавказский хребет и горы Северного Ирана термином *Капmау* – т. е. «Ворота-горы»[858].

С объяснением термина *Кавказ* связано и толкование другого скифского слова:

134. *Крауказ* – скифское название Кавказа – «Белоснежный», «Белый от снега» (Плиний) [859]. В этом названии отчетливо читаются тюркские слова: *Крау* – «иней»; *Къар* – «снег»; *ау* – «пелена», «завеса»; *каз / каш* – «гряда», «возвышенность». Из этих слов получается значение термина *Крауказ* как «Горы, покрытые инеем», «Покрытые снегом горы», т. е. «Белоснежные горы».

Очень интересные сведения дают и *гидронимы* скифского времени. Но здесь следует особо сказать, что распространенное мнение, будто бы все реки Причерноморья носили «ирано-скифские» имена, не имеет под собой почвы, потому что во времена скифов и Геродота все эти реки носили совершенно иные, чем теперь, названия: Истр, Тирас, Борисфен, Танаис и другие, которые не имеют иранского корня *дон*. Возражения может вызвать название реки Танаис.

135. *Танаис* – название реки Дон. В этом названии наглядно видно общетюркское слово *Тын* – «спокойно», «тихо»; *Таныс, Тынч, Тыныч* – на различных тюркских наречиях означают одно и то же – «Тихий», «Спокойный»[860]. Вероятно, не случайно великий писатель из множества эпитетов выбрал для этой реки прилагательное – «тихий». Следовательно, мы вслед за многими лингвистами-тюркологами подвергаем сомнению утверждение, что данное название реки происходит из иранского слова *дон*.

136. *Борисфен* – название реки Днепр. В. И. Абаев объясняет этот гидроним из авестийского слова *Бару* – «широкий», связывает его с осетинским *Урух* – «широкий» и переводит как «Широкая река». С позиций тюркских языков в этом названии имеется слово *Барух* – «блаженный», «благословленный» (КРПС. С. 103). В таком толковании есть резон, потому что у скифов предание гласило, что Таргитай родился от Зевса и Борисфена. Вероятно, такая река и должна была быть для скифов «блаженной». С другой стороны, слово *Борыс* на тюркских языках означает «извилистый», «изменяющийся». Поскольку, по скифским легендам, река была матерью их родоначальника, они могли называть ее «Изменчивой» (то река, то женщина).

137. *Истр* – название реки Дунай во времена скифов. Чтобы более правдоподобно объяснить этот гидроним, мы обращаем внимание на тот факт, что многие античные и средневековые авторы часто чередовали звуки *АС* и *ИС*: Аспарух – Исперих, Александер – Искандер и т. п. С учетом этой закономерности, мы полагаем, что название «Истр» могло быть и «Астр». Слово *тир* означало понятие «река» во многих тюркских языках – *Терк, Тер* («живая влага»), *Тир* – «жить» и т. п. (ДТС, С. 561). Следовательно, названный гидроним может означать «Река асов» (Истр – Астр).

138. Таким же образом мы считаем возможным объяснить название реки Днестр – *Тирас*.

Название «Река асов» напоминает топоним *Кермен асов* («Крепость асов»). Названия селений с этнонимом *Ас* известны у киргизов: Ассиакала, Аххас» и др.[861]

Толкования последних двух гидронимов согласуются со словами Геродота (IV, 48, 49) о том, что «за Истром начинается собственно Скифия» и с сообщением Помпония Мелы, что река *Ассиаг* (тюркс.: «Сторона асов») граничит между землями каллипидов и скифов-кочевников, а также соответствует известию Страбона, что река Истр на языке ассиаков называется *Матоас,* т. е. «Мутный». Слово *Матоас* тождественно карачаево-балкарскому слову *Мутхус* – «мутный».

139. *Ассиаг* – река, отделяющая земли каллипидов и скифов-кочевников (Помпоний Мела). Это название состоит из древнетюркского этнонима *ас,* и тюркского слова – *йаг, яга, ягъ, жакъ,* – означающего «край, сторона» (ДТС. С. 237). Название *Ассиаг* («Сторона асов», «Край асов») до сих пор бытует у ираноязычных осетин. Этим термином они называют страну своих извечных исторических соседей – тюркоязычных балкарцев [862].

140. *Тамарунда.* Плиний говорит, что этим термином скифы называли «Мать моря»[863]. Под Тамарундой древние авторы подразумевали Азовское море. Геродот писал (IV, 86), что «древние полагали, что оно питает Понт своими водами, поэтому его называли матерью, кормилицей Понта». Этот гидроним образован от общетюркского корня *Тамыр* – «корень», «вена», «артерия». А слово *Тамырында* означает «корневой», «в корне» и т. п.

Такое объяснение данного гидронима вполне соответствует тому, что оно (Азовское море) питало водами Понт, поскольку являлось корнем, артерией моря, а это действительно может означать понятие «мать».

141. Описывая окрестности Босфора Киммерийского (или Пантикапея – Керченского пролива. – *И. М.*) и, касаясь устья Кубани, Страбон писал (XI, 2–11): «Вступающему в Коракамданское озеро представляется значительный город Фанагория, затем Кепы, Германассы и Апатур». Ближайший последователь Страбона Помпоний Мела уточняет, что за Диоскуриадой и городом Синдом «затем выступает к Босфору, между Понтом и Болотом (Азовским морем. – *И. М.*) неширокая и косая полоса земли, которой река Кораканда, изливающаяся двумя руслами в озеро и в море, придает почти вид острова. Там лежат четыре города: Германассы, Кепы, Фанагория и Киммерий» (у Страбона – Апатур) [864]. Эти слова двух своих предшественников дополняет Плиний. Следуя в своих описаниях от реки Термодонт, или реки Терме-чай, и Кызыл-Ирмак в Анатолии, вдоль Кавказского побережья Черного моря, Плиний в земле Синдонов называет реку *Черную* [865]. Эти уникальные сведения Страбона, Помпония Мелы и Плиния в один голос связывают реку «Каракан», или «Кораканда», и реку Черную с устьем Кубани. Это особенно подчеркнуто в дальнейших повествованиях Страбона (XI, 2, 9): «Выше деревни Коракандам лежит большое озеро, получившее свое название – Коракандамирис и соединяющееся с морем на расстоянии 10 стадиев от деревни. В это озеро впадает один рукав Антикита и образует остров, окруженный названным озером, Меотийским болотом и

рекой. Некоторые эту реку называют Гиппанис» (т. е. Кубань. – *И. М.*). То же самое подтверждают слова Геродота о том, что в устье Гиппаниса (Кубани) находятся город и залив Каркинит (IV, 55). По современным картам этот залив отождествляется с заливом, лежащим между северо-западным берегом Крыма, Перекопским перешейком и южным берегом степи до Ахиллова Бега, писал Ф. Браун [866].

Все изложенное позволяет объяснить термин *Каракан, Каракада,* или реку «Черную», как общетюркское слово, происходящее из термина: *Кара* – «черный», «черная»; и слова *Кан / Хан / Хем* – «река», по аналогии *Аба-кан, Бас-хан, Ор-хон, Уллу-хем, Байла-кан* и т. д. Таким образом, мы можем подтвердить, что Страбон, Помпоний Мела и Плиний верно переводили термин *Каракан* как «Черная река».

Завершая обзор рек Европейской Скифии, считаем необходимым остановиться на двух терминах, которые чаще других встречаются в названиях скифских рек в Причерноморье. Это термины *Дон* или *Дан* и *Тир, Тири.*

Исследователи обычно ссылаются на то, что в Ригведе однажды упоминается слово *дану* будто бы в значении «река». Но обращает на себя внимание тот факт, что нигде в индоиранском мире Азиатского материка не фиксируется гидроним с *дон* или с *дану. В* Авесте для этого значения употребляется термин *дарйа,* у персов и иранцев – *руд.* Исключение составляет тюрко-иранское *Термедонт* в Анатолии и несколько речек в Северной Осетии, встречающиеся также исключительно в тюрко-иранском сочетании: *Хазны-дон, Гизель-дон, Ара-дон, Кара (Урс)-дон* и т. п., в которых слова *Хазна, Ара, Гизель, Кара* представляют общетюркские термины: «Богатство», «Середина», «Красивый», «Черный» и т. п. В связи с этими фактами надо отметить исключительно голословное заявление В. И. Абаева, что «специфическое для скифов «дан» – река хорошо представлено в гидронимии Восточной Европы»[867]. Этот гидроним вовсе не представлен в скифское время в Восточно-Европейских степях, достаточно обратиться к Геродоту. И вновь слово *дон* в осетинском языке стоит на втором месте!

Однако обратимся к Ригведе. Когда Вритра, сын Дану, олицетворяющий собой силы хаоса и обитавший на горе посреди космических вод, был убит Индрой, то:

Как мычащие коровы (к теленку), спеша
Прямо к морю сбегают воды...

И далее:

У той, чьим сыном был Вритра, жизненная сила.
Индра сбросил на нее смертельное оружие.
Сверху была родительница, внизу – сын.
Дану лежит, как корова со своим теленком...

Таким образом, лишь довольно смутно в воображениях своих человек может предположить, что Дану – родительница, мать Вритры, живущего на горе посреди космических вод и олицетворяющего силы хаоса, могла означать «реку». Однозначно утверждая, что в приведенном упоминании

Дану невозможно видеть «реку», можем твердо сказать, что ни сами скифы, ни греческие авторы ни одну реку Скифии этим термином не называют. Более того, если скифо-сармато-аланы были ираноязычными племенами, почему-то не назвали этим названием ни одну более или менее крупную речную артерию Северного Кавказа, куда пришлась основная часть миграции «ираноязычных» племен. Достаточно назвать Кубань, Зеленчук, Малку, Баксан, Чегем, Черек и даже сам Терек – колыбельная для осетин река, все эти реки носят безукоризненные тюркские названия. Если к этому добавить явно тюркские названия всех «пятитысячников», большинства ледников и глетчеров Центрального Кавказа: Минги-тау, Катын-тау, Дых-тау, Азау, Ит-кол, Терс-кол, Чегет, Домбай и даже такие, как Казбек, Дарьял и мн. др., то отмеченный выше фактор приобретает очень серьезное этноисторическое звучание.

Разбирая термин *Тир,* следует остановиться на том, что в шумерском языке *Ти* обозначало «жизнь», что сохранилось в казахском как понятия «отведать», «выгода», «польза»[868]. Термин *Тил* во многих тюркских и шумерском языке означал «язык», что довольно близко по смыслу понятию «жизнь». Закономерность перехода звуков *Р / Л* в тюркских языках устанавливает правомерность перехода терминов *Тил / Тир.* В тюркских языках, в т. ч. карачаево-балкарском, этот термин образует большое гнездо лексем:

тириш – «пытаться жить», «двигаться» и т. п.;
тирил – «оживиться», «жить»;
тир – «жить», «живой» (ДТС. С. 561);
тирлик – «жизненный», «урожай» и т. п.;
тер – «живой», «жизненный»;
тер иис – «дух живого»;
тер жилыуу – «жизненное тепло»;
тер кызыуу – «жизненный огонь»;
тер су – «жизненная влага», «влага живого существа»;
терле – «потеть», «покрываться живой влагой»;
тирил – «жаждать жить»;
черк – «река, быстро»;
терк су – «живая вода», «текущая вода»;
тарк – «течь».

Приведенное ограниченное количество примеров позволяет заключить, что термин *тир / тер* восходит к древнейшей основе *ти / те* – «жизнь», «жизненная сила», «движение», «плоть» и т. п. В применении к гидронимам он означает движущуюся воду, т. е. реку, являющуюся основой жизнедеятельности древних племен. Прямым закреплением этого термина в таком значении являются карачаево-балкарский, чувашский, башкирский термины *Терк* и *Тил,* означающие понятие «река». Эти слова закреплены в названиях таких крупных рек, как Волга (или *И-тил*), Терк (Терек). Данный гидроним закреплен и в названиях европейских рек: «Истир», «Тир-ас», «Днес-тир» и т. п.

Теперь обратимся к этимологиям среднеазиатских рек скифского времени:

142. *Окс,* или *Оксус,* – название реки Амударьи. Подобное название становится совершенно ясным, если мы вспомним, что река Амударья в своих истоках называлась *Ак-су,* т. е. «Белая река». Вот как писал об этом один из самых видных исследователей Памира и Средней Азии: «...река Аксу, которая в среднем течении носит название Мургаб и, спускаясь с гор, дает начало самой многоводной реке Средней Азии – Амударье»[869]. Не может быть сомнения в том, что термин *Аксу* у греков легко мог перейти в *Оксу,* кстати, переход общетюркского звука *А* в узбекском в *О* хорошо известен, например: Т**а**шкент/ Т**о**шкент, Эльд**а**р / Эльд**о**р, Уст**а** / Уст**о** и т. д.

Таким образом, тюркское *Ак-су* в греческом и античном мире было название «Оксу».

143. В азиатских источниках река Амударья называлась *Джейхун.* Это название происходит от общетюркского слова *Джай* – «рассыпай», «разливай». Термин *Джаикъ* – название реки Урала совершенно идентично названию *Джейхун,* тождественному термину *Джайгъын,* т. е. «разливающийся». Известно, что название реки *Джаикъ / Яик / Урал* идентично названию *Джейхун,* в своем среднем течении она разливается до 10 км, а в низовьях до 50 км. Вот почему подобные названия соответствуют действительности названных рек.

144. *Як-Сарт* – древнее название реки Сырдарья. Данный гидроним состоит из тюркского слова *Як, Яг* – «сторона», «край» и тюркского этнонима *Сарт.* Отсюда название реки означает «Сторона, или земля сартов». Сюда же можно добавить, что в данном гидрониме видится и другой тюркский этноним *Сиры / Сыры* (см. этноним *Сирак).*

Плиний *Сартами* называет одно из скифских племен [870], Н. А. Аристов писал, что слово *Сарт* в тюркских языках ассоциируется с понятием «оседлое население»[871], вероятно, что он при этом ссылался на слова Арриана, который писал, что на реке Сыр размещены оседлые племена.

Очень важно подчеркнуть, что термином *сарт* именуют себя многие группы каракалпаков, туркмен, узбеков [872]. Термин *дарья* в этом гидрониме можно связать с авестийским *дарйа* – «река», или же с тюркским *дере* – «ущелье». Поскольку реки чаще всего именуются при их истоках, то Сырдарья может означать и «Ущелье сартов» или «Ущелье сыров». В этой связи уместно привести и карачаево-балкарские термины *Тар / Тары* – «ущелье», и *Тийре* – «округа», а в таком случае термин *Сырдарья* мог означать «Округа сартов». Практика именовать реки именем народа, живущего на ее берегах, имеет глубокую историческую традицию, особенно у тюркских племен (достаточно вспомнить «Армянскую географию», где древние булгарские племена именовались по названиям рек). То же самое относилось и к наименованию Каспийского, а позднее Хазарского моря. Так, например, Помпоний Мела именует азиатскую часть Каспийского моря, а точнее, Аральское море, Скифским заливом и пишет, что в этот залив впадают реки Окс и Яксарт, которую скифы называли Силисом [873].

145. *Силис* – скифское название реки Сырдарья (*Плиний*, кн. 6, с. 49–50). Мы уже не раз отмечали широкое бытование в тюркских языках перехо-

да *Р / З*. С учетом этой закономерности, в данном гидрониме легко просматривается древнетюркский этноним *Сиры,* звучащий в приведенном термине как *Силис*. Мы также отмечали существование тюрков / сиров, зафиксированных и в Орхоно-Енисейских надписях VIII в. (см. термин *Сирак)*. Из сказанного получается, что в названном гидрониме отмечен тюркский этноним *Сиры*. Возможно, что в «варварском» звучании к этому этнониму был добавлен и термин *су* – «вода», «река». В этом случае мы имеем термин «Река сиров» (Сирису).

146. *Сиргиз* – название реки в земле массагетов (*Геродот,* IV, 23, 57). В этом термине легко читаются два тюркских слова: этноним *Сир,* и *кизи* – «человек». Следовательно, названный гидроним означает место обитания племен сиров, т. е. *Сиркизи* – букв.: «Сир-человек»).

147. *Иллир* – название страны и области в Скифии. По мнению П. К. Услара, это название происходит от имени племени, язык которого не имеет ничего общего с языками арийскими [874]. Интересующий нас термин *Иллир* происходит от общетюркского термина *ил / эл* – «народ», «селение», «страна», «союз племен» и т. п.[875] К этому термину добавлен аффикс множественности, существующий во многих тюркских языках – *ер*. Таким образом, приведенный топоним означает «племена», «селения», «области», «объединения племен» и т. п.

Такое толкование данного топонима с тюркского языка станет более очевидным и понятным, если мы вспомним слова Геродота, гласящие, что за Истром начинается исконная Скифия. А Помпоний Мела в сороковых годах I в. писал, что «та река, которая отделяет скифские народы от следующих, берет начало в Германии и в верхнем течении носит иное название, нежели в нижнем; на огромном протяжении среди многочисленных племен она долго называется Данувием, затем становится Истром – как называют его иначе прибрежные жители – и, приняв в себя несколько притоков, делается огромной рекой»[876]. А вот что писал по этому поводу Плиний: «Истр берет начало в Германии с горного хребта Абковского, против галльского города Раврина, затем течет на протяжении многих тысяч шагов по ту сторону Альп и через бесчисленное множество народов под именем Данувия; после очень большого пополнения его вод, с того места, где начинает омывать Иллирию, он получает название Истр; он принимает в себя 60 рек, из которых почти половина судоходна, и изливается в Понт шестью широкими устьями»[877]. Таким образом, Данувием (Дунаем. – *И. М.*) и сходными с ним терминами во времена скифов, Геродота, Плиния назывались европейские реки только в верхних течениях, а в нижнем Данувий назывался Истром. Здесь очень к месту слова Плиния, что Данувий, вступая в пределы Иллирии, начинает называться Истром. Слова Плиния уточняют сведения Геродота: «Прошедши через всю Европу, Истр вступает наконец в пределы Скифии» (IV, 49). Следовательно, Иллирия Плиния и Помпония Мелы – это Скифия Геродота, а отсюда огромное значение приобретают приводившиеся выше слова Услара, что язык иллирийцев – не арийский.

Из всего изложенного материала вытекает одно важное заключение: В. И. Абаев не имел никакого научного обоснования считать скифо-осетинскими лексическими схождениями массу слов «не оставивших в осетинском языке даже следа». Напомним еще раз некоторые из них:

Анареи	– «женоподобные»	*Ад*	– «есть», «кушать»
Алан	– имя племени	*Адари*	– «внизу»
Ама	– «сильный», «могучий»	*Амеуст*	– «возвеличивай»
Ап	– «вода»	*Арса*	– «самец»
Арвант	– «быстрый», «сильный»	*Аруа*	– «ариец»
Аз	– «гнать», «править»	*Ас, исс*	– «асы»
Аруана	– «арийский»	*Бага*	– «бог»
Бахс	– «наделять»	*Бахта*	– «удел», «счастье»
Чагар	– «раб»	*Да*	– «установить»
Дарга	– «длинный», «долгий»	*Фри*	– «любить»
Фриман	– «друг»	*Бару*	– «тяжелый»
Гасти	– «гость»	*Хамара*	– «враг»
Хапта	– «семь»	*Маиша*	– «овца»
Маза	– «большой», «великий»	*Паиса*	– «вид», «облик»
Паралат	– имя племени	*Пари*	– «через», «за»
Пати	– «господин»	*Пау*	– «пить»
Рап	– «служить опорой»	*Расма*	– «боевая колонна»
Раука	– «светлый», «свет»	*Сано*	– «вино»
Спанта	– «священный», святой»	*Спарга*	– «отпрыск», «побег»
Тава	– «сила», «мощь»	*Тура*	– «быстрый»,«сильный»
Упари	– «сверху»,«над»,«сверх»	*Фаху*	– «хороший», «добрый»
Ван	– «побеждать»	*Варка*	– «волк»
Занту	– «племя»	*Вира*	– «мужчина» и т. д.

Когда у В. И. Абаева речь идет об этих и многих других «скифских» терминах типа: *хшау* – «сиять», «блестеть»; *капа* – «рыба»; *хвара* – «есть», «кушать» и др., отсутствие указаний на конкретные источники в его трудах значительно затрудняет понимание методики его анализа лексического наследия скифских племен. Создается впечатление, что он вначале подыскивал в Авесте, древнеиранском, древнеперсидском, древнеарийском и других индоевропейских языках схожие значения отдельных терминов, затем априори приписывает их скифам и вновь толкует их с позиций индоиранских и осетинского языка. В итоге смею заметить, что подобный подход прежде всего вызван поверхностным, некритическим отношением иранистов к своему главному источнику – к Авесте, как к чему-то созданному в космическом вакууме, в идеально стерильной ираноязычной, среде. Подобное отношение к этому выдающемуся памятнику мировой культуры порождает ложное представление о том, что в Авесте начисто исключены заимствования из синхронно существовавших, соседствовавших языков. Такая оценка памятника мировой культуры не может соответствовать ис-

тине, так как подобные памятники всегда создаются путем интеграции мировых культурных течений.

И в действительности, Авеста – памятник далеко не однородный, не изолированно от мировой культуры созданный шедевр. Это – собрание зороастрических религиозных текстов, куда наряду с религиозными терминами входили легенды, предания, наука, право и пр. «И эти тексты, аналогично Библии, представляли собой не монолитный памятник, а результат наслоения преданий и требований различных веков и различных условий, и надо полагать, различных территорий Иранского нагорья»[878]. Такое заключение специалистов прежде всего очень важно с лингвистической точки зрения. Исследователи Авесты и его языка единодушны в том, что «даже до предполагаемой канонизации учениками Заратуштры (не ранее 1324 г. – *И. М.*) [879] эти тексты в результате длительной традиционной передачи уже тогда могли представлять не чистый образец живого языка, передаваясь из одной диалектной среды в другую и из одного века в другой, естественно, подвергаясь изменениям, особенно тексты, так сказать, «вторичной или второочередной святости»[880], т. е. именно той лексики, которую чаще всего и прежде всего используют иранисты, когда говорят о скифо-сарматских терминах. Изучение языка Авесты привело С. Н. Соколова к следующему выводу: «Известно, какие изменения претерпевает любой памятник, подвергаясь переписке в течение тысячелетия. Уже отмечалось мнение Хоффмана о влиянии послесасанидского произношения на текст Авесты. Надо учитывать еще и то, что авестийская традиция продолжалась не только в различных областях Ирана, но и вне Ирана, куда, как известно, переместился центр зороастризма в результате миграции иранских и индийских общин. Надо прибавить и то, что с упадком зороастризма падали постепенно и квалификация переписчиков, и владение их языком. Таким образом, установление подлинного текста Авесты – дело сложное и далеко не законченное»[881]. Конечно, в этой ситуации, когда самый древний сохранившийся и дошедший до нас текст датируется 1324 г., считать, что язык Авесты – это чистейший продукт древнего иранского языка, по меньшей мере кажется фикцией, учитывая всеобщую миграцию, интеграцию, смешение народов того периода великих потрясений XIV в. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к некоторым историческим вехам:

В «Илиаде» (Песнь 13. Стр. 1–9), дата создания которой теперь датируется временем от середины VIII в. до 700 г. до н. э., Гомер повествует о том, как Зевс отвратил от Трои свои «светозарные очи, вдаль созерцающий землю фракиян, наездников конных, мизян, бойцов рукопашных и дивных мужей гиппомолгов, бедных, питающихся только млеком, справедливейших смертных». В «Одиссее», созданной на полвека позднее, великий поэт говорит, как корабли странствующего героя «скоро пришли к глубоководным водам Океана; там киммериян печальная область, покрытая вечно влажным туманом и мглой облаков...». Еще в древности тщательно изучаемые строки Гомера и позднейшие исследования ученых – истори-

ков, языковедов, географов – приводят к убедительным выводам, согласующимся со всей древнегреческой и латинской традицией о том, что Гомер и его ближайшие последователи впервые узнали о киммерийцах и скифах, живущих в VIII–VII вв. до н. э. в Малой Азии, у границ древней Манны и Ассирии. В этих же районах их упоминают и восточные авторы [882]. По свидетельству Аполлодора и Эратосфена, Гомер еще не имел представления о Северном Причерноморье, Колхиде, Фазисе и Истре [883]. Не знает народов Северного Причерноморья и Библия, в «Таблицу народов» включены только народы Малой Азии [884]. Географические рамки «Таблицы народов» охватывают лишь известные во время создания Библии племена и не выходят за пределы Малой и Передней Азии. Черное море еще не было известно библейским авторам, а тем более пространства севернее от него»[885]. Ведущий специалист по древним языкам Передней Азии И. М. Дьяконов также уверен, что греки впервые узнали скифов в Малой Азии [886].

Млекоеды и доители кобылиц Гомера названы Гесиодом скифами [887], «имеющими дома на повозках». Эти характеристики Гомера и Гесиода получают дальнейшую конкретизацию у Эсхила, который пишет: «...что из кумыса сыр едят, то скифы справедливые»[888]. Такая фраза буквально повторяет гомеровское «питающиеся только млеком, справедливейшие из смертных».

Таким образом, «доители кобылиц», «живущие в повозках», «пьющие кумыс и млекоеды» Гомера, Гесиода, Эсхила – это киммерийцы и скифы, обитавшие в VIII–VII вв. до н. э. в Малой Азии. Теперь уместен вполне закономерный вопрос: если мы хорошо знаем, что греки всегда называли неизвестные им племена «варваров» каким-то им свойственным элементом быта, одежды, внешнего вида и пр., то кто такие могли быть народы с только что отмеченными особенностями? Думаю, что это один из тех редких случаев, когда ответ должен быть только однозначным, потому что ни доение кобылиц, ни употребление кумыса и конины, ни изготовление войлока для покрытия своих жилищ ни в древности, ни в Средние века, ни в новое время не были традиционной спецификой культуры ни одного из индоевропейских или индоиранских народов, несмотря ни на какие хозяйственные уклады и образ жизни. Если верно подметили древнегреческие писатели и ученые характерные особенности малоизвестных им племен, то это были представители тюрко-монгольской расы, для традиционной культуры которых эти особенности культуры извечно были этнографической спецификой.

Очень важные сведения о киммерийцах и скифах в пределах Южного Кавказа, на стыках Урарту, Мидии и Ассирии, дает Библия, на которую давно обращено внимание скифологов. В книге «Пророка Иеремия», который более других библейских авторов склонен к историзму, скифы характеризуются как народ, пришедший с севера. В ней сказано: «Вот я приведу на вас, дом Израилев, народ издалека, говорит Господь, народ сильный, народ древний, народ, которого языка ты не знаешь и не будешь понимать,

что он говорит. Колчан его – как открытый гроб, все они люди храбрые...» Исследователи справедливо видят в этой угрозе облик скифов.

Совершенно определенно, как отмечалось нами выше, о скифах и киммерийцах сказано в библейской «Таблице народов», созданной в VIII в. до н. э.[889] В ней говорится, что внук Ноя – Гомер (сын Иафета) – имел трех сыновей: Ашкуза (Ашкеназ – эпоним скифов), Рифата и Тагарма (Книга бытия. Гл. 10. Ст. 2–3). Следовательно, как мы отмечали выше, Ашкуз, Рифат и Тагарма – сыновья Гомера, предка киммерийцев. Конкретные географические координаты страны Гамира дают шпионы ассирийского царя Саргона II (722–705 гг. до н. э.). В письме агента Ашшуррисуа сообщается: «Страна Гурианния и страна Нагиу находятся между страной Урарту и страной Гамира. Последняя платит дань народу Урарту. Когда народ Урарту двинулся против страны Гамира и когда было нанесено поражение народу Урарту...» (далее текст испорчен). Но ясно, что Урарту вела войну с соседней страной киммерийцев. Об опустошительных набегах скифо-кочевнических объединений на Урарту красноречиво говорят выдающиеся результаты раскопок Б. Б. Пиотровского [890]. В 70-х гг. VII в. до н. э. скифы вели ожесточенные войны с Ассирией. Ассархадону с трудом удалось заключить сепаратный мир со скифами, отдав за Партатуа свою дочь. Только великими дарами удалось фараону Псаметиху I (663–616 гг. до н. э.) отвратить поход скифов на Египет и их дальнейшее продвижение. При столь частых и массовых нашествиях скифы, безусловно, оседали среди мидян и других народов Передней Азии [891]. Хотя Геродот описывает 28-летнее господство скифов в Передней Азии, действительное господство их могло быть значительно длительнее. Последствия всего этого и оседание части скифов на завоеванных землях не могли не отразиться на этнокультурных и языковых скрещениях. Безусловно, эти влияния были двусторонними: язык кочевников – «доителей кобылиц», «пьющих кумыс», «живущих в повозках» – испытывал серьезные воздействия со стороны мидийского языка. Недаром же Юстин говорил о языке парфян, как смешанном – среднем между скифским и мидийским. Подобными влияниями мы склонны объяснять целый ряд иранских слов, которые, хотя и имеются в Авесте, но неизвестны осетинам, таджикам, курдам и другим ираноязычным народам, которые, по словам Абаева, должны были относиться к североиранским племенам и народам. Как пример можно привести такие слова: *Фахму, Хунер, Сур, Тири, Сир, Аз (Ыз), Ши (Юшю), Эм/Ам, Базук, Гару, Маза* и др., широко бытующие у караимов, татар, башкир, балкарцев, карачаевцев, ногайцев, кумыков, азербайджанцев в тех же значениях, что и у скифов, но отсутствуют в словарном фонде перечисленных иранцев. Ко всему сказанному стоит добавить, что даже такой термин, как *арйа* в форме *арюю,* сохранился и широко «бытует в значении «светлый», «чистый», «красивый» только у тюркских народов. Но из этих фактов вовсе не выходит, что только тюрки могли быть арийцами и что только иранцами могли быть скифы. Справедливее всего и более научно обосновано мнение,

что наблюдаемые ирано-тюркские лексические схождения уходят в глубь историко-культурных контактов скифов – доителей кобылиц с ираноязычными земледельческими племенами Передней Азии.

Из всего вышеизложенного комплекса материала вытекает следующий принципиальный ряд фактов:

1. По своим религиозным представлениям скифы никогда не были причастны к зороастризму. Они хоронили своих умерших под курганами, в сопровождении массы жертвенных лошадей; перед покойником ставили жертвенную пищу – конину, кумыс; самого его бальзамировали, хоронили в деревянных колодах и саркофагах на погребальной повозке.

2. Персидские военачальники и Дарий даже не знали скифского метода ведения войны, которые, нарочито отступая, заманивали персов в глубь своих степей.

3. Не ведали персы и величайшей святости у скифов могил своих предков, осквернение которых скифы не могли простить никому.

4. Персы даже не могли понять скифского развлечения – погони за зайцем на глазах у грозного войска Дария.

5. Очень характерно, что приближенные Дария не смогли сами отгадать значение таинственных скифских даров, предупреждающих персов: мышь, птицу, лягушку и пять стрел (*Геродот,* IV, 73).

6. В религиозных и мифологических представлениях иранских народов и племен нет божеств, олицетворенных в женских образах, как Табити, Апи и др.

7. Персы не воздвигают на могилах статуй или жертвенников (*Страбон,* XV, 111, 13).

8. Персы не предают земле тела своих умерших, (*Страбон,* XV, 111, 20).

Мы убеждены в том, что такие серьезные различия в языке, культуре, быту и хозяйственном укладе вряд ли можно так легко списать за счет того, что будто бы скифы были североиранцами, так серьезно отличавшимися от южных. Трудно верить в это, потому что нет исторических аналогов, когда бы при таких коренных расхождениях и в языке, и в культуре можно было бы считать эти народы едиными. Например, несравненно широко расселившиеся по миру тюркские племена от Якутии до Анатолии, от Орхона до Дуная имеют, несмотря даже на полную языковую ассимиляцию на Дунае, значительно растворившиеся в угорской среде на Волге, смешавшиеся с малоазийцами в Анатолии, в гуще кавказских народов на Центральном Кавказе – все они имеют общие божества – Тенгри, Уммай, покровителей воды, земли и т. п., легко понимают языки и почти все этнокультурные обычаи, обряды, поверья друг друга.

Общеизвестно, что тюрко-иранские контакты становятся еще более активными и динамичными в эпоху гуннов. Сасанидский Иран вынужден был отгородиться от кавказских гуннов Дербентской стеной [892]. Многочисленные свидетельства армянских, грузинских и античных источников о сокрушительных погромах гуннов, о частых походах их в страны Передней Азии нашли отражение во множестве исторических трудов К. В. Тревер, М. И. Артамонова, Л. Н. Гумилева, Ф. Мамедовой, А. В. Гадло, Ю. Р. Джафарова

и др.[893] Наличие огромного археологического наследия кавказских гуннов в Мингечаурской долине Азербайджана, свидетельствует о довольно долгом оседании обитавших на Кавказе гуннов [894].

Хотя отдельные авторы пытаются объявить зти памятники наследием ираноязычных племен I–II вв. н. э., нам уже приходилось подробно рассматривать вопрос о том, что эти памятники ничего общего не имеют с иранскими племенами [895]. В контексте отношения тюркских племен к Авесте важно иметь в виду, что у гуннов уже в I в. была своя письменность, о чем свидетельствуют новейшие археологические исследования в Монголии [896], а, по словам Захария Ритора и других восточных авторов, в VI в. письменность существовала и у кавказских гуннов, на которую даже была переведена Библия [897]. Таким образом, следует учитывать, что постоянно вторгавшиеся в Переднюю Азию, достигавшие пределов Месопотамии, Сирии и Египта гунны первых веков н. э. имели довольно развитую письменную культуру. То же самое надо сказать о тюрках Орхона и Енисея и восточных гуннах, оставивших великолепное алфавитное руническое письмо. Следовательно, постоянные политические и культурно-экономические партнеры иранских племен – гунны Кавказа и Средней Азии, имевшие письменную культуру, – никак не могли стоять в стороне от достижений передовых стран Востока, и прежде всего Ирана. Но если говорить о дошедших до нас канонизированных письменных памятниках древности, в т. ч. и Авесты, то они явно проигрывают на все 13 столетий по сравнению с письменными памятниками гуннов I в. и на семь столетий моложе Орхоно-Енисейских памятников VIII в.

Если к изложенному добавить оживленнейшие этнокультурные перетасовки эпохи хазар, огузов, сельджуков, то говорить об Авесте, как о созданном в идеально стерильной этнокультурной среде и девственно безвинном памятнике «космического» происхождения, из которого все народы только черпали, а иранцы буквально ничего не переняли у своих извечных соседей – тюркских народов, по крайней мере, очень опрометчиво. Опрометчиво потому, что значение Хорезма, как центра науки и культуры, наиболее ярко проявилось в конце X – начале XI в., когда здесь творили великие ученые Востока аль-Бируни, Ибн Сина, Фирдоуси и др. Но самой блестящей династией востоковеды считают династию Хорезмшахов Ануштегинидов (1097–1231), детально изученную недавно академиком З. М. Буниятовым [898]. Именно в этот период Хорезм остается выдающимся центром и религиозной культуры, где, возможно, и создавалась дошедшая до нас редакция Авесты 1278 г. Основателем этой династии был Ануш-Тегин, происходивший из огузского рода Бекдили, что подтверждено Рашид ад-Дином и Хафиз-и Абру [899]. При правлении Ануш-Тегина и его преемников – Атсыза, Санджара и др. – особенно усилилось влияние каракитаев, огузов, кипчаков на политическую и культурно-экономическую жизнь Хорезмского государства. При Санджаре огузы свободно расселялись и кочевали по землям Хорасана, а Атсыз очень искусно вел политику с кара-китаями, огузами и кипчаками. Еще более широкие права

в государстве Хорезмшахов того времени получают различные тюркские племена при Хорезмшахе Текише, который успешно использовал в своей стране кипчаков во главе с Кыраном. В одном из своих писем Хорезмшах Текиш (1193–1200) упоминает страну «Гур» – землю тюркского племени, где обитало «бесчисленное множество кипчаков во главе с вождем тюркского племени *уран* Алп-Кара и его старшим сыном Кыраном, стоявшим во главе отрядов детей беков племени *угур* [900]. Эти племена свободно расселялись и кочевали по стране хорезмийцев, и конечно же язык этих племен был хорошо известен и, безусловно, был распространен при династии тюркских Хорезмшахов периода канонизации Авесты.

По заключениям специалистов, в процессе различных историко-этнических перетасовок и перемещений, миграций племен и т. д. в древности и в Средние века «происходил естественный отбор в связи с изменениями языка и графики Авесты»[901].

Все сказанное выше не дает никакого права отдельным авторам утверждать, что любой термин, встречающийся в Авесте, непременно иранский. Надо в каждом конкретном случае проверять, насколько этот термин иранский, в каких иранских языках бытует, что означает он в иранских языках и есть ли ему альтернатива в других языках, и в частности в тюркских, извечно тесно связанных с иранскими. Подобным утверждениям, между прочим, противоречит и сама Авеста. Известно, что Ахура Мазда создал 16 индоиранских стран, или областей, в числе которых нет и упоминания о стране Тур, Туран. Но в текстах ее очень много описаний кровопролитных войн именно с туранцами. Ни с одним из известных Авесте народов или стран так усиленно и постоянно не воюют иранцы, как с туранцами и Тураном. При этом они именуются не иначе как самые злые, самые коварные враги потомков Ахура Мазды. Ни к одному из известных Авесте народов так неизменно не приписываются эпитеты: «Служители Дэвов» (авестийские божества зла), «злодей-туранец», «наделенные злой сутью», «обитатели восьми адских пещер» и пр., как только к туранцам [902].

Исследователи уже обратили внимание на то, что у авторов, пытающихся отождествить Туран и «ираноязычную» Скифию, нет никаких оснований. В связи с этим Г. А. Гейбуллаев приводит весьма существенное замечание такого авторитетного источника, как «Армянская география», где сказано: «Скифия, т. е. Анахтарк, то же самое что и Турки»[903].

Сторонники ираноязычности скифов и туранцев исходят лишь из того, что в пехлевийских источниках и Шах-Наме имеется сведение о том, как Фаридун по библейской формуле разделил мир между своими сыновьями: старшему, Сельму, он отдал «Земли Рума и Запад»; среднему, Туру, – Китай и Туран, младшему, Ираджу, – Иран. Если на основании этих показаний делать вывод, что туранцы ираноязычны, то возникает необходимость признать ираноязычность и греков, и китайцев, которые также происходят от сыновей Фаридуна. Кроме того, подобный подход к определению языка народов ставит нас перед необходимостью признать все народы Кавказа – хазар, асов и др. – единоязычными племенами, так как древнегрузинские

хроники происхождение их связывают с неким легендарным праотцом Кавкасом.

Авторы, пытающиеся на основании Авесты отождествить скифов и ариев, не обращают внимания на следующие несоответствия текстов источника и их утверждений: Ахура Мазда дал Йиме, предку Заратуштры, два священных небесных предмета – «золотую стрелу и золотом украшенную плеть». А у скифов, как мы знаем, такими предметами были плуг, секира, чаша. У скифов божеством войны был тот самый небесный меч, или секира, а у ариев таким божеством был созданный Ахурой Маздой *Вертрагна* в образе вепря. Трудно полагать, чтобы скифы обожествляли вепря, если не имели даже домашних свиней. Вспомним слова Геродота (IV, 63): «Свиньями же они вовсе не пользовались и даже не желают разводить их».

И наконец, давно пора обратиться к авестийским именам туранских (тюркских) вождей, витязей и прочих бойцов. Поскольку эти имена повторяются в Авесте и Шах-Наме, дадим их параллельно с их тюркскими значениями:

Авеста	**Шах-Наме**	**Тюркские**
148. Асанбан	–	*Асан* – «трон», «сидение». *Асанбан* – «тронный» (ДТС. С. 59)
149. Вара	Барман	*Бар* – «наличный», «присутствующий» (ДТС. С. 83)
150. Вэсак	Биса	*Баса* – «следовать». *Басиг* – «следующий за ним» (ДТС. С. 85)
151. Пешана	Пашанг	*Пачанг* – «печенег»[904]
152. Дурэкэтай	–	*Даругъа* + *тай* – «управитель» (ДТС. С. 159)
153. Хумайак	Хуман	*Кюмак* – «охрана», «присмотр», «хранение» (ДТС. С. 326)
154. Кара	–	*Кара* – «черный». Мощный, истинный, великий, настоящий, множество личных имен [905]
155. Франграсйан	Афрасиаб	*Фирагъа* – «очень большое число», «множество» (ДТС. С. 634). *Сан* – число. Отсюда: *Фирагасан* –«огромное число, множество»
156. –	Алькус	*Алгъа* – этноним одного из огузских племен (ДТС. С. 37). *Кус / Гуз* – «род», «племя»
157. –	Агрират	*Агрит* – «причинять боль». *Агрират* – «причиняющий боль» (ДТС. С. 22)

158.	–	Пиран	*Пир* – «старец», «старый», «древний», «почитаемый» (АзРС. С. 286)
159.	–	Хазарван	*Хазар* – этноним тюркского народа
160.	–	Шамашас	*Шамаш* – съедобное растение, множество личных имен (ДТС. С. 520)
161.	–	Кулбад	*Къол* – «рука», *Бат* – «скоро», «тотчас» (ДТС. С. 88–89). Отсюда: «Быстрорукий», Расторопный»

В связи с тем, что первая редакция рукописи Шах-Наме датируется 992 г., а конечная 1010 г., следовательно, на 3–4 столетия она старше, чем дошедшая до нас редакция Авесты, то принципиально важное значение имеют следующие слова великого Фирдоуси:

И рухнул царь, лицом коснулся праха.
Стеной туранцы окружили шаха...

Царь Афрасиаб покинул степь Мугана,
Увел войска свои в пределы Дамгана.
Ропща, горюя, в ранах и в пыли –
Джейхун широкий тюрки перешли.

Встал Афрасиаб. Как тучи, рати сбил он.
О пище, сне и отдыхе забыл он.
В Иран туранцы хлынули волной,
Был мир нарушен смутой и войной...

Тази разгром от тюрков потерпели,
Все потеряли, чем вчера владели.

Подводя итог всему изложенному о «стерильном» ираноязычии всех авестийских терминов и слов, а также о распространенном мнении об «ираноязычии» Турана и туранцев, мы склонны предостеречь некоторых ученых от опрометчивых утверждений на этот счет в каждом конкретном случае и одновременно указать на беспочвенность вступления в спор с Фирдоуси по вопросам ирано-арийской традиции в восточной литературе и этнокультурной характеристики народов Хорезмийского государства и его ближайших соседей.

Изложенные в данном разделе факты дают нам полное право рассматривать скифо-сарматскую эпоху как второй и очень важный этап формирования этногенетической основы тюркских народов, в т. ч. балкаро-карачаевского народа. Уверенность в этом придает сохранение в традиционной культуре названных народов специфических особенностей языка и этнокультурных черт скифов. Наравне с массой скифо-тюркских лексических схождений огромное значение приобретают этнографиче-

ские особенности, сохранившиеся в традиционной культуре балкарцев, карачаевцев и многих других тюркских народов: конина, кумыс, квашеное молоко – айран, оригинальный способ варки мяса, гадание на прутьях, игра в альчики, гадание на бараньей лопатке, традиционное извечное изготовление войлока и войлочных изделий и мн. др.

Особенно эту черту подтверждают балкаро-карачаевские астрономические соответствия названий упавших с неба скифских священных предметов. Как и скифская чаша, большим почетом пользуется карачаево-балкарская чаша – *гоппан*, предназначенная для торжественных и ритуальных церемоний.

В завершение уникальных скифо-балкаро-карачаевских и скифо-общетюркских этнокультурных параллелей хочется остановить внимание читателя на некоторых принципиально важных итогах своего исследования:

1. Многие греческие и античные писатели отмечали наличие в среде скифских племен тюркских групп.

2. Этнокультурные особенности культуры скифских племен до наших дней являются специфической особенностью традиционной культуры тюркских народов.

3. В языке скифских племен, включая ономастику, топогидронимику, этнонимы и прочее, обнаруживается масса тюркских слов.

4. Древнейший тюркский этноним *Ас-киши* является этническим именем скифов – «Ашкузы».

5. Этноним *Ас,* лежащий в основе этнонима *Ас-киши,* существует в эпоху Средневековья в среде древних булгар, аланов, сохранился до наших дней как название балкарцев в устах ираноязычных осетин.

6. По сведениям ал-Хварезми, «Армянской географии», страна скифов – это страна турков, тогузогузов и т. д.

Скифо-сарматское наследие в этногенетическом процессе тюркских народов находит свое отражение и в последующие эпохи. Вполне понятно, что однажды влившееся в этот процесс племя и его культура бесследно не исчезают, а трансформируются и участвуют в дальнейшем формировании того или иного этноса. Однако то или иное племя, вклинившееся в этногенез, не может на протяжении многих веков и событий неизменно выступать в письменных источниках под одним и тем же именем. В определенные периоды, в зависимости от определенных событий, на арену истории выходит то или иное подразделение одних и тех же племенных объединений, играющих более или менее существенную роль в тех или иных исторических событиях. В эпоху VII–IV вв. до н. э. это были различные скифские племена, в разной степени участвовавшие в различных областях и в различных событиях. Затем их сменили сарматы, среди которых в разных условиях и регионах ведущую роль играли то сираки, то аорсы, то язаматы и т. д. Среди последующих гуннов в разной степени выступали то кутургуры, то утигуры, то гунны-эфталиты, то гунны-кидариты и т. д. В булгаро-аланское время в различных ситуациях на арену выходили то асы, то дахсасы, то булгары, то барсилы, то хазары и т. д. Но надо учиты-

вать то обстоятельство, что в науке нет никаких оснований считать все эти племена разноязычными. Мы скорее всего склонны считать, что почти все эти племена были разночтениями имен отдельных подразделений одних и тех же племенных объединений. В данном конкретном случае мы не можем пройти мимо того факта, что все эти названия насквозь пронизывает древнейший этноним – *асы*, носители которого находились в среде скифов, болгар, аланов и доживают до наших дней в лице осетинского этнонима балкарцев.

ГУННО-БОЛГАРСКИЕ ПЛЕМЕНА – ПРЕДКИ БАЛКАРЦЕВ И КАРАЧАЕВЦЕВ

Все изложенные материалы о скифо-сарматских племенах приводят к одному очень важному факту: среди названных племен были племена с тюркским языком, особенно это относится к скифам-кочевникам, скифам-царским и сарматам – «конеядам». Они приняли самое активное участие в процессе этногенеза высокогорных тюрков Кавказа – балкарцев и карачаевцев. Древнейшее название кочевников – *асы,* позднее превращенное в этноним скифов *Ас-киши (Ашкузы),* до сих пор сохранено в названии балкарцев и Балкарии – *асы, Ассиаг*, бытующее у их ближайших исторических соседей – осетин. Асами балкарцев называли и летописцы, сопровождавшие Тимура в XIV в.: Шереф ад-Дин Йезиди, Низам ад-Дин Шами. О тюркском характере сарматов говорит их самоназвание или имя, данное им их соседями, – *сарма* – «рыжий», «желтый», с прибавлением аффикса множественности *т, ты* (П. Ф. Сум, М. З. Закиев и др.); птолемеевская кличка «сарматы-конеяды»; монголоидные скульптурки сарматов из погребений на Южном Буге и другие факты.

Таким образом, древнейшее название кочевников-ямников *ас, аз,* этноним скифов *Ас-киши* и поныне закреплены за балкарцами и являются удивительной и весьма уникальной особенностью этнической истории тюркских народов Центрального Кавказа – балкарцев и карачаевцев.

Генетическими наследниками скифов являются племена гуннов. Они были прямыми продолжателями почти всех элементов традиционной культуры скифов: жили в войлочных шатрах-повозках, вели подвижной скотоводческий образ жизни, разводили коней, ели конину, пили кумыс, хоронили своих умерший в курганах, в деревянных колодах и срубах, поклонялись верховному божеству Тенгри, обожествляли легендарный меч, будто бы упавший с неба, и многое другое из жизни и быта скифов.

Со скифами прямо или косвенно отождествляли гуннов многие античные авторы: Клавдий Клавдиан, Клавдий Птолемей, Дионисий Периегет,

Зосим, Приск и др.[906] Например, Приск Панийский (V в.) в своем специальном трактате повсюду отождествляет эти племена. По его словам, даже римские дипломатические круги ставили знак равенства между гуннами и скифами [907], что однозначно видно из того факта, что гуннский царь Руа послал в Рим своего посла Эсли, а римляне в ответ послали к гуннам Плинта «родом из скифов». Автор V в. Зосим, описывая скифов, подчеркивал, что «некоторые называют этот народ *уннами*, другие говорят, что его следует называть *царскими скифами*, которые, по Геродоту, живут на берегах Истра (Дуная. – *И. М.*)»[908]. Все сказанное не дает возможности полагать, что римляне не знали, кого и к кому посылать. Отправляя послом к гуннам скифа, видимо, они знали об их родственных отношениях. Этот факт подкрепляется сведениями других источников о том, что гуннов следовало называть *царскими скифами*.

Археологические памятники гуннов обнаружены во многих пунктах Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и других районах Северного Кавказа, Дагестана, Крыма [909]. Установлено, что типично гуннскими предметами являются изделия полихромного характера: украшения, пряжки, бляшки ремней, предметы конской сбруи и т. п., а также изделия из мелких пластинок, напоминающих рыбью чешую. Явно гуннским проявлением погребального обряда считается сопровождение умерших панцирями черепах. Черепаха обожествлялась гуннами, ее изображения широко практиковались на саванах гуннских захоронений. Эти изображения распространены в изделиях прикладного искусства алтайцев, чувашей и других тюркских народов. Изображениями черепах украшались бубны шаманов хакасов, большим почтением пользуется черепаха или лягушка-жаба у балкаро-карачаевцев в ритуальных играх [910].

Древнегрузинские хроники «землей гуннов» называли область между реками Тереком и Кубанью. С гуннами V в. в них отождествляли овсов / асов, живших в Северном Дагестане. Особенно однозначно об этом говорится в «Жизни Вахтанга Горгасала» (V в.). Хотя в этом жизнеописании говорится об овсах / асах, в действительности там содержатся сведения о северокавказском союзе гуннских племен [911].

Этноним северодагестанских гуннов *масаха-гунн* сохранился в имени одного из родоначальников Балкарского общества – Мисака и отразился в патронимическом названии фамилий: Мисака-улу, Мусук-улу и др.[912] Название гуннов закреплено в массе топонимов Балкарии, Дигории, Карачая [913]. Среди этих топонимов бросаются в глаза такие, как *Сабирик*ом («Ущелье сабиров») в Осетии (Дигории); урочище *Гунн-тала* («Долина гуннов») в Балкарии и т. п.

О присутствии в V в. гуннов на Центральном Кавказе, в районе Дарьяльского ущелья, писал автор VI в. Прокопий Кесарийский. По его словам, «перешед пределы Иверийские, путник находит посреди теснины тропу, простирающуюся на 50 стадий. Эта тропа оканчивается местом утесистым и совершенно неприступным, тут не видно никакого прохода, и только сама природа образовала дверь, сделанную как будто бы рука-

ми, который издревле называется Каспийским[914] (Дарьяльский проход. – *И. М.*). Здесь поселились, – продолжает Прокопий, – почти все гуннские племена... Александр, сын Филиппа, которому это было известно, построил на сказанном месте ворота и укрепление, которое в разное время занимаемо было, между прочим, и уннами во главе с Амбазуком (с тюркского буквально означает: «Наитолстый», «Самый мощный» – *Эмбазыкъ*). Амбазук умер, и Кавад (персидский падишах. – *И. М.*) между 507–508 гг. завладел Воротами». Я полагаю, что именно с этого времени на Северном Кавказе начинается массовое расселение ираноязычных племен.

Наиболее авторитетные средневековые авторы, современники гуннов и болгар, – Иордан, Прокопий, Малала, Виталиан и другие – единодушно отождествляют гуннов и болгар[915]. Например, Прокопий писал, что болгары «в древности назывались киммерийцами». Он же приводит гуннскую легенду о том, что у гуннского царя были два сына: Утигур и Кутигур. Потомки этих сыновей стали впоследствии называться болгарами. Как известно, в разные исторические периоды, в силу различных геополитических событий, на арену истории выходят то одни то другие подразделения одного и того же этноса. Этот вывод в свое время остроумно подметил еще В. П. Татищев, который писал, что имя скифов хотя и угасло в определенный исторический период, «однако же те народы не исчезли, но где-либо под другими именами поднесь остались»[916]. Эти слова можно проиллюстрировать следующими фактами: в VIII–IV вв. до н. э. известны были Ас-киши (Ашкузы), или Ысхылты (Сколоты) – скифы; затем те же племена появляются под именем сарматов-«конеядов» (языгов, аорсов) на рубеже двух исторических эр; во II в. до н. э., в 127-м и в 114 г. древнеармянские источники называют Кавказские горы «землей болгар»[917]. В III–IV вв. н. э. имя *болгары* заменяется именем *гунны*, среди которых два вышеназванных родных брата – родоначальники болгар. Во времена алано-болгар VI–XIII вв. на историческую арену вновь выходят имена *асы*, тождественные аланам. Если к этим фактам добавить сведения Прокопия, что болгары прежде назывались киммерийцами, тогда становится понятной вся цепочка витиеватой исторической спирали различных тюркских этнонимов, в различные времена заменявших одно другим.

Таким образом, мы считаем, что, начиная со времен скифов, на исторической арене под различными именами фигурируют различные этнонимы одного и того же тюркского этноса: асы – ас-киши – ашкузы – сколоты – скифы – сарматы – болгары – гунны – аланы – асы и т. д.

Наряду с письменными источниками, гунно-болгарские и карачаево-балкарские этногенетические и этнокультурные схождения подтверждают и *данные языка*. Идентичность этнонимов *болгар / малкар* в сочетании с рядом письменных свидетельств позволила в свое время Н. Ходневу, В. Миллеру, М. Ковалевскому, М. И. Артамонову, Л. Н. Гумилеву и многим другим ученым сделать вывод о том, что болгары и малкары / балкарцы – это одно и то же этнообразование.

Впервые достаточно подробно о языковой близости болгар и балкаро-карачаевцев говорили на специальной Всесоюзной научной сессии по проблеме происхождения балкарцев и карачаевцев в 1959 г. А. Х. Соттаев и др. Такая языковая близость признана видным антропологом академиком В. П. Алексеевым [918]. К сожалению, балкаро-карачаевские ученые в те годы не привели достаточного лексического материала, соответствующего существованию Кавказской Болгарии, а все выводы строились лишь на языковых данных болгарских эпитафий XIII–XIV вв. на территории Волжской Болгарии более позднего периода. В последние годы лингвистам-тюркологам удалось расшифровать более 30 древнеболгарских надписей в Карачае и Балкарии и доказать прямую генетическую связь между *ДЖ-, ДЗ*-диалектами карачаево-балкарского и других тюркских языков с языком кавказских болгар.

Все изложенное подтверждается *данными антропологии*. Академик В. П. Алексеев признавал, что «для болгар был характерен европеоидный тип, отличающийся умеренной брахикранией и широкоголовостью, относительной широколицестью, т. е. теми же особенностями, которые выражены и в типе балкарцев и карачаевцев»[919]. Болгарский антрополог Ц. Кристанов, в 30-х гг. проживавший в Кабардино-Балкарии, а в годы войны занимавшийся антропологией тюркских народов Средней Азии, обследовав более 2 тыс. балкарцев и карачаевцев – мужчин, женщин, стариков и детей, установил их чрезвычайную близость с дунайскими болгарами [920].

Достаточно наглядно обрисовывают близость названных народов и *данные археологии*. Пожалуй, впервые среди археологов специфические атрибуты древних болгар в виде глиняных котлов с внутренними ушками (ручками) в комплексах Северного Кавказа выделил В. А. Кузнецов [921]. Его взгляды получили признание у всех археологов Северного Кавказа: Е. П. Алексеевой, А. В. Гадло, Я. А. Федорова и мн. др.[922] Особенно плодотворными в этом плане оказались работы В. Б. Ковалевской, по исследованиям которой в так называемых скальных захоронениях (гробницы, выдолбленные в скалах) «погребали своих умерших не только (а может, и не столько!) ираноязычные аланы, но и тюркоязычные народы, очевидно, болгары, генетическая связь которых с балкарцами и карачаевцами безусловна»[923].

Массовое расселение тюрков-болгар в верховьях рек Уруп, Кяфар, Уллу-кам, Индыш и прилегающих областях, где расположены известные Нижне-Архызское, Кяфарское, Урупское, Гилячское, Узун-кольское, Адиюхское городища и поселения с рядом размещенными могильниками, достаточно хорошо иллюстрируют древнетюркские изваяния, древнеболгарские рунические надписи и петроглифы [924].

Археологические памятники кавказских болгар в виде скальных захоронений, грунтовых ям, обложенных досками и плахами, поселений с грубой лепной керамикой, украшенной бессистемными следами пучка травы, нанесенными по сырой поверхности сосудов, с глиняными котлами с внутренними ушками – хорошо известны на более чем 20 поселениях в

окрестностях города Кисловодска, у сел. Схауат, Кенделен, Верхний Чегем, Былым, Лашкута, Нижний Чегем, в урочище Кешене-аллы близ Кашхатау, на горе Муртаза у сел. Аргудан и т. д.

Обряд погребения, украшения в виде сережек, напоминающих вопросительный знак, и др. находят прямые аналогии в болгарских памятниках на Волге, Харьковщине, в Крыму, на Дунае, а также в захоронениях болгарского времени в Мингечаурской котловине Азербайджана и т. д.

Весьма богатую информацию о близости болгар с карачаево-балкарцами содержит *этнографический материал,* который уже введен в научный оборот [925].

Одной из этнографических особенностей балкаро-карачаевцев являются срубные жилища, которые на Северном Кавказе строились только в верховьях рек Кубани, Баксана и частично Чегема, т. е. на территории расселения балкаро-карачаевцев [926]. Поиски аналогий подобным жилищам уводят нас в глубь веков к культуре древних болгар, алтайцев эпохи Пазырыкских курганов VII–V вв. до н. э.

У многих тюркских народов, в том числе балкарцев и карачаевцев, болгар, татар и др., излюбленным украшением одежды являлась меховая оторочка по вороту, подолу и рукавам. Фрагменты подобной одежды часто обнаруживаются в археологических памятниках Балкарии, Карачая и в других районах, связанных с древними кавказскими болгарами [927].

Балкаро-карачаевские и другие тюркские женщины носят рубашку туникообразного покроя с разрезом на груди и маленьким стоячим воротом. Происхождение этого типа рубахи, являющейся неотъемлемой частью женской одежды башкир, татар, казахов, туркмен, азербайджанцев и др., исследователи связывают с древними болгарами. Столь же характерной особенностью женской одежды тюркских народов являются платок-плед *джаулукъ,* широко распространенный под этим же названием у болгар, татар, казахов и др.[928]

Излюбленным напитком болгар, балкарцев, карачаевцев и многих других тюркских народов являлся кумыс, а ныне столь же популярен *айран* – кислое коровье молоко, отмеченное еще в середине XIII в. Гильомом Рубруком и Карпини [929].

Широко распространенные в погребениях ямников (курганников) рубежа IV–III тыс. до н. э. войлочные изделия являлись спецификой материальной культуры скифов, гуннов, болгар и многих других древних тюркских племен и народов. Такой же спецификой подобные изделия являлись и в традиционной культуре карачаево-балкарцев, о чем неоднократно и с восхищением писали И. Гюльденштедт, Ю. Клапрот и др.[930]

Огромный научный потенциал для раскрытия генетического родства древних болгар, гуннов и многих тюркских народов содержит роль верховного божества всех *тюрков* – великого Тенгри (*балк.-карач*. Тейри). Он руководил всем ходом жизни: давал счастье, посылал беды, обеспечивал хороший приплод скота, богатый урожай и т. п. При различных весенне-полевых работах и обрядовых празднествах – выход на полевые работы,

выгон скота на летние пастбища и пр. – непременно обращались с просьбами к Тенгри / Тейри. В засушливое время года у Тенгри просили дождя, устраивали в его честь различные игрища и тризны, жертвоприношения и пр. Карачаевцы и балкарцы, прежде чем строить дом или загон для скота на избранном месте, оставляли на ночь чашу с молоком, предназначенную Тейри: если к утру молоко не убавлялось, значит, место считалось удачным, и наоборот.

Большой интерес к этнографическим проявлениям культа Тейри у болгар, балкарцев, карачаевцев и других тюркских народов объясняется тем, что у соседних северокавказских народов божество Тенгри / Тейри не фиксируется, тогда как у тюркских народов оно широко бытует.

У древних тюрков Тенгри был неразрывно связан с культом и духом неба и солнца, и в этом значении он известен еще по Орхонским надписям VIII в. В них отмечено, что «в начале было наверху голубое небо, а внизу темная земля; появились между ними сыны человеческие...».

Обряд принесения жертвы небу сопровождался молениями, возлияниями кумыса, айрана, молока, мясного отвара (шорпа), принесением в жертву лошадей, баранов и пр. Описывая жизнь и быт тюркских племен Северного Кавказа и Дагестана V в., Моисей Каганкатваци неоднократно подчеркивал, что среди множества божеств наиболее почитаемым был Тенгри-хан в виде чудовищного громадного героя, бога неба и солнца. Ему посвящались деревья (дубы), строили в его честь капища, приносили в жертву коней, кровь которых проливали вокруг деревьев, а голову и кожу вешали на сучья.

В связи с культом деревьев и рощ, посвященных Тенгри / Тейри, большой интерес представляют балкарские и карачаевские священные деревья «Раубазы» – дикая груша в ауле Мухол, в Верхней Балкарии, и одинокая сосна – «Жангыз терек» у аула Хурзук в Карачае. Карачаевцы и балкарцы приносили этим деревьям жертвы, пекли в их честь пироги, обращались к ним с просьбами, чтобы они давали бездетным – детей, пастухам и чабанам – хороший приплод, бедным – богатство и т. п.[931] То же самое мы наблюдаем у многих тюркских народов. Так, например, бесплодные киргизские женщины катались по земле под одинокой яблоней [932], у многих болгарских племен существовало поверье: в канун Рождества крестьянин замахивался топором на бесплодное фруктовое дерево, а стоявший рядом человек вступался за это дерево со словами: «Не срубай его! Оно будет плодоносить!» – так повторялось трижды. После этого считалось, что дерево на следующий год обязательно должно плодоносить [933].

Бросается в глаза еще одно важное этнографическое наблюдение среди крымских болгар в сел. Карачол. Этнограф Фонберг писал, что здесь 21 мая – в день древнего земледельческого праздника – выносили иконы святых Константина и Елены. Торжественно несли их к роднику, где иконы постоянно стояли. На рассвете к источнику собирались из Карачола и соседних селений, пригоняли пожертвованный скот. Самой главной жертвой был бык с «золочеными рогами». К этому быку подходил почтенный

старец из часовни и, шепча ему на ухо заклинание, закалывал его, а затем горячей кровью мазал себе лоб и щеки. Мясо быка варили, угощались, танцевали, устраивали веселые игры [934].

Подобный обряд отмечали в Балкарии М. М. Ковалевский и В. Ф. Миллер. По их словам, в Верхнем Чегеме на правом берегу речки Джилги-су стоял каменный домик – «Нартжия». Это было небольшое святилище, при котором «держали быка на общественных началах и обязательно кормили его всем аулом до дня весеннего праздника – начала полевых работ. В этот день выводили его в поле и гадали об урожае и приплоде скота. Если он мычал, подняв голову вверх, то будет урожай на верхних полях, если же мычал, опустив голову вниз, то ожидался урожай на нижних полях. Затем быка резали и устраивали торжественный пир, игрища, песнопения и пр. Каждая семья *к* этому дню пекла пироги, несла их к этому домику. Напротив домика была площадка, на которой собирались петь магическую песню «Чоппа». Эту песню поют вокруг человека, пораженного молнией»[935]. По сведениям многих авторов, пораженные молнией люди сопровождались различными обрядами почти у всех тюркских народов: болгар, гагаузов, кумыков, алтайцев и др.

Распространенный у многих кавказских народов институт *аталычества,* название которого означает с тюркского языка «отцовство», арабский ученый путешественник Ибн Фодлан в 922 г. отмечал у древних болгар.

В этнологической науке принято считать определенные этнотопонимы этническим «паспортом» племен, живших в районе распространения этих этнотопонимов (Ж. Дюмезиль). Если подходить с этих позиций к массе болгаро-карачаево-балкарских этнотопонимов, тогда многие из них приобретают исключительно важное место в рассматриваемой проблеме этногенеза тюркских народов. Речь может прежде всего идти о том, что первоначальное место поселения древних болгар на Дунае, куда они переселились из Прикубанья, называлось «Старое жилище», что расположено недалеко от древнейшей дунайской родины болгар – Абоба Плиски. В окрестностях этого поселения имеются такие топонимы, как Мухла-ауз, Карноват, Мара, Карачала-обасы и пр.[936] Интересно сопоставить, что карачаевцы таким же термином «Старое жилище» (Эски-Джурт) называли место первоначального расселения своего родоначальника Карча в верховьях реки Архыз. А упомянутые топонимы абсолютно совпадают с топонимами Балкарии и Карачая: Мухол, Курнаят, Мара и др.

Имена родоначальников древних болгар – братьев Кутургу и Утургу – закреплены за названием древнего балкарского сел. *Гюдюргю* в верховьях реки Чегем. Название древних болгар – *Б-л-нг* сохранено в названии старинного балкарского сел. *Булунгу.* С именами отдельных подразделений болгар связываются и названия таких балкарских селений, как Былым, Чалмас и др. В болгарских эпитафиях XIV в. известны родоплеменные подразделения *Балымар,* в именах которых аффикс *ар* языковеды связывают с понятием «человек», «мужчина», что вполне понятно и характерно для

тюркских народов – алтайцев, якутов, башкир, енисейских тюрков и др. В летописных материалах болгар и их потомков очень часто встречается этноним с корнем *чал,* который у многих народов употребляется в значении «седой», «седина». У дунайских болгар это слово означает устаревшую форму понятия «вершина гор». Специалисты полагают, что в данном случае это понятие связано с заснеженными вершинами [937]. Такое толкование вполне правомерно, так как заснеженные вершины гор Приэльбрусья хорошо видны и украшают пейзаж окрестностей балкарского сел. Чалмас в Баксанском ущелье по пути к Эльбрусу. Не потому ли Кавказские горы назывались в древнеармянских источниках землей болгар?

Следует остановиться еще на одном важном топониме Карачая – на названии сел. *Учкулан.* В этом названии нетрудно различить число *уч* – «три» и родовое имя болгар – *укуль (куль),* известное в «Именнике болгарских князей» IX в.[938] Следовательно, в названии карачаевского селения очевидно наличие «трех болгарских родов – укуль», образованное по тем же принципам, как и многие тюркские этнонимы: *Тогуз-огуз, Отуз-татар, Уч-огуз* и т. п.

Известно, что древние тюркские племена, в т. ч. и болгары, именовали себя по названиям рек, на берегах которых они устраивали свои поселения. Так, «Армянская география» VII в. подчеркивает, что на Кубани и южнее «живут народы Турков и Болгар, которые именуются по названиям рек: Купи-Булгар, Дучи-Булкар, Огхондор-Блкар, – пришельцы и Чдар-Болкар». С тех пор ученые немало спорили, объясняя эти названия, но не пошли дальше признания осторожного предположения К. Патканова о возможности видеть в названии «Купи» греческое название реки Кубани – «Куфис».

Однако, как отмечал и сам Патканов, река Кубань стала называться Куфисом только в VI в., а до того называлась Вардан, Валданис, Гиппанис и т. п. Да и Патканов продолжал называть Кубань Валданисом. А уже в VI–VII вв. Болгария на Кубани именовалась в письменных источниках «Древней, Великой Великогорной». Безусловно, чтобы заслужить такой титул, болгары должны были здесь прожить не одно столетие, иначе они могли и должны были называться «Гиппанис-болгар», «Варданис-болгар» и т. п., чего история не зафиксировала!

«Армянская география» является одним из ранних средневековых упоминаний балкарской общины – *Уллу-малкъар,* т. е. «Большая Балкария» в верховьях реки Черек. Дело в том, что на цокающем диалекте карачаево-балкарского и дигорского (осетинского) языков слово *Чдар* звучит как *Цдар* или *Стар,* что означает «Большой», «Большая», как в названиях: *Стур-Дигора, Стур-Ассиаг* («Большая Дигория», «Большая Асия» – Карачай).

Таким образом, изложенный в этом разделе материал неопровержимо говорит о том, что древние кавказские болгары являлись одним из существенных компонентов в сложном процессе этногенеза многих тюркских народов, особенно балкарцев и карачаевцев.

АСЫ И АЛАНЫ – ПРЕДКИ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

Вопрос об органическом участии алано-асов в процессе этногенеза многих тюркских народов является одним из самых важных, потому что в литературе так же голословно, как и в случае со скифо-сарматами, сложилось тенденциозное утверждение об их ираноязычии.

В последние годы в науке отмечены существенные факты, отрицающие ираноязычность аланов и асов, а также приведены неоспоримые свидетельства предвзятого подхода целого ряда ученых к этнической истории, культуре и языку названных племен [939]. Исходя из этого, в предлагаемом разделе работы мы остановимся лишь на некоторых принципиальных фактах, считая, что дискуссии по этим вопросам на нынешнем уровне науки уже изжили себя. Итак...

1. Что означают слова «ас» и «алан»?

В кавказских письменных источниках этноним *ос (асы)* впервые встречается в древних грузинских хрониках, и ученые считают, что этот этноним является видоизменением этнонима *ас,* тождественного древнерусскому «ясы»[940]. В то же время данный термин ни на грузинском, ни на русском или осетино-иранском в кавказских языках не имеет смысла. Следовательно, надо искать ответ на закономерный вопрос: может ли какой-либо народ именовать себя таким термином, который ему не понятен? В подобных случаях, вероятно, такие термины являются заимствованными из другого языка, народа, либо этнонимы и народ не связаны между собой.

Известно, что одним из самых древних компонентов этногенеза ногайцев являлись *усуни,* входившие в V–IV вв. до н. э. в конфедерацию протогуннских племен [941]. Это подтверждают и антропологи, и исследования М. И. Артамонова [942]. Кроме того, нужно отметить, что истинное название древнетюркского племени усуней было «Кара-кыргыз», они входили в состав кыргызского рода «Ассыг»[943]. Имя усуней, растворившихся в V в. среди других названий, сохранилось среди казахов. Правдивы слова И. Маркварта, что имя «усунь», как «а-сунь»[944], нашло отражение в том, что усуни входили в кыргызский род «ассыг». Приведенные выше факты особенно важны, потому что многие ученые, в т. ч. С. П. Толстов, В. А. Кузнецов, Шерпантье, считают, что древние усуни были предками асов [945].

В тюркских языках слово *ас* имеет множество значений, но из большого перечня значений старейшими являются «переходить, переваливать, пробираться через гору», «сбиваться с пути», «блуждать», что, на мой взгляд, весьма близко к понятию «кочевать».

Превращение географического понятия *ас* в этноним иллюстрирует древнетюркская легенда о том, что некогда в пещерах Алтая от одного израненного тюркского мальчика спасшая его волчица родила четырех сыновей, которые положили начало древнему тюркскому роду *Асян.* Именно

поэтому волк считается тотемным животным для всех тюрков, тем более что на арабском языке слово *ашин* означает «благородный волк». Именно поэтому китайские авторы отождествляли хана тюрков с волком. Я полагаю, что древнетюркская легенда через гуннов попала в греческий мир и легла в основу греческой легенды о Ромуле и Реме, точно так же, как древние греки перенимали у «варваров» легенды о Прометее, Амирани и пр. Во-вторых, слово *асян* с тюркского буквально означает: «сторона гор», «душа гор» и пр., что равнозначно понятию «горец», «горный» и т. п.

Из изложенного выше материала вытекает вывод, что в этнониме *ас* или в названии древнейшего тюркского рода *асян,* отражены понятия: «горный перевал», «переваливать через горы», а также название тотемного для тюрков животного – волка.

В отдельных работах утверждается мнение В. И. Абаева, что слово *алан* тождественно авестийскому *арйа,* т. е. «арийский». Столь же широко пытаются утвердить мнение Г. Вернадского, возводившего *алан* к древнеиранскому *елея* – «олень». Однако ни один из множества византийских, римских, арабских и других древних авторов – современников аланов – даже по ошибке ни разу не назвал аланов термином *арйа,* или «олень». Наоборот, все они, без исключения, именуют их только термином *алан,* ни разу его не исказив. Также не убедительны попытки некоторых карачаевских авторов связать термин *алан* с тюркским словом *оглан* – «сын», так как ни один из множества тюркских народов не зафиксировал переход этих терминов друг в друга, хотя слова *оглан* и *алан* бытуют почти у всех тюркских народов. Все это заставляет искать иное решение затронутого вопроса о значении термина *алан*. На алтайском, турецком, татарском языках слова *алан, йалан* означают «долина», «опушка», «поляна» и равносильны понятию «равнинный», «степной».

Таким образом, два термина *ас, алан* превратились из географических понятий в этнонимы. В таком случае окажется очень близким к истине автор IV в. Аммиан Марцеллин, который писал, что название аланов происходит от имени гор. Его поддержали Э. Шерпантье, К. Мюлленгоф, уточнявшие, что такой горой могли быть одна из гор Алтая. Со своей стороны нам бы хотелось сказать, что этноним *алан* происходит от того, что так были названы алтайскими горцами те племена, которые покинули горы и поселились на равнине. Этим самым оставшиеся в горах Алтая горцы – *асы* противопоставляли себя равнинникам, степнякам, покинувшим горные ущелья или легендарную пещеру, где произошло их происхождение от волчицы. Обо всем этом говорят древнекитайские источники, собранные Иакинфом Бичуриным.

2. Что писали об аланах и асах древние авторы

Античные авторы I в. до н. э. и I в. н. э. – Анней Лукан, Дионисий Периегет, Страбон, Плиний, Валерий Флакк и другие – помещают аланов на Кавказе, в устье Дуная, в междуречье Днепра и Дона, вокруг Азовского

моря (Меотиды). Выдающийся античный картограф Клавдий Птолемей (120–170 гг. н. э.) размещал в окрестностях Азова неких «скифов-аланов». Однотипный термин *алан-сармат,* намекая на их тождество, отмечает и автор IV в. н. э. Маврикий.

В 1256 г. Гильом Рубрук определенно намекает, что так называемые Аланские горы – это Западный Кавказ. Хотя Валерий Флакк в поэме «Аргонавты», а также Лукан и другие называли аланов прикавказским народом, все же наиболее конкретные сведения об участии аланов в кавказских событиях имеются у Светония, Диона Кассия, Иосифа Флавия, Аммиана Марцеллина [946]. Эти ученые особенно четко описали участие аланов в борьбе кавказских государств с Мидией и другими восточными странами, часто выступая в составе армянских, грузинских, азербайджанских войск.

О массовом проникновении аланов на Северный Кавказ писал Аммиан Марцеллин (род. в 330 г. н. э.). Описывая события 353–378 гг., он сообщает, что вокруг Азовского моря «живут *разные по языку* якзаматы, меоты, языги, роксаланы, аланы, меланхлены, гелоны, агафирсы и другие неизвестные вследствие того, что живут вдали от всех... Племя гуннов живет за Меотийскими болотами... сражаются метательными копьями, на конце которых вместо острия с удивительным искусством приделаны острые кости, а в рукопашном рубятся очертя голову, уклоняясь от ударов, набрасывают на врага аркан и опутывают его... Это подвижный народ, пылающий неудержимой страстью к похищению чужой собственности, двигаясь вперед среди грабежей и резни соседних народов, *дошел до аланов, прежних массагетов».* (А массагеты антропологами признаются на 100 процентов туркменами. – *И. М.*) По словам Аммиана Марцеллина, аланы по сравнению с гуннами более мягкие по характеру и вели более культурный образ жизни. Описав способ перекочевки с места на место, пастушеский образ жизни и прочее, Аммиан Марцеллин говорит, что аланы «во всем похожи на гуннов и по варварскому обычаю втыкают меч в землю и поклоняются ему, как Марсу, покровителю стран, по которым они кочуют». Этот варварский обычай, перенятый аланами, тождествен скифскому и гуннскому обычаю поклонения мечу. Если, по словам Марцеллина, аланы отличались от гуннов только более культурным образом жизни, а во всем остальном похожи на них, включая и ведущие элементы духовной культуры, следовательно, есть все основания предполагать этнокультурную близость гуннов и аланов.

Почти у всех перечисленных античных авторов наряду с аланами примерно в тех же областях отмечаются и *асы.* Страбон писал, что среди скифских племен на Яксарте (Сырдарье) живут племена *асии.* Есть у него упоминание и о племенах *ассиак, аттасии,* на языке которых Азовское море – Меотида – называлось *Матаос* – т. е. «Мутный». Интересно отметить, что термин «мутный» на карачаево-балкарском языке звучит как *мутхус* и совершенно напоминает страбоновский термин. Кроме того, соседи балкарцев – осетины – и поныне называют балкарцев этнонимом *ассиак.*

В середине I в. поэт Лукан писал, что «асы» – это скифское племя, живущее у Танаиса и Меотиды, а Плиний отмечает в 72 г. «ассиев» в устье Дуная, где когда-то он размещал и аланов. У Птолемея значатся племена «ас-саи», также расположенные у Танаиса и Меотиды, т. е. там же, где он размещал и аланов.

Из этих фактов становится понятным, что племена аланов и асов в первых же ранних европейских известиях размещаются в одних и тех же местах – у берегов Танаиса, Меотиды, в устье Дуная и в Предкавказье.

По мнению ряда ученых, асы античных источников – это, как мы уже говорили, есть те же усуни китайских авторов первых веков (Н. А. Аристов, В. В. Бартольд, и др.). В таком случае весьма уместно напомнить, что родоплеменные группы асов – усуней сохранились у многих тюркских народов: ногайцев, алтайцев, киргизов, казахов и др. Потомки усуней на Западном Тянь-Шане до сих пор именуют себя кыргызами, а кыргызы Абакана и Енисея были потомками одного из сыновей упомянутой тотемной волчицы.

Тюркские племена *ас, ас-киши* отмечаются в VII в. на Северном Кавказе как *аш-дигоры,* в X в. – на Иртыше, в XIV в. – в Крыму и на Центральном Кавказе у Дарьяльского ущелья и на территории Балкарии. Вероятно, обитавшие в V в. у Дарьяла гунны-усуни, или асы, назвали это ущелье *Дар-Йол – Дарьял* – т. е. «Тесная дорога»[947]. Как сообщают грузинские источники, асы (овсы) активно участвовали в событиях Закавказья. В этих источниках повествуется, как в 70-х гг. I в. цари Азорк и Армазел призвали на помощь в борьбе с армянами овсов (асов) во главе с их предводителями – богатырями по имени *Базук* и *Амбазук,* что в переводе на тюркский язык означает «Толстый», «Мощный» и «Самый мощный», «Самый толстый» и т. п.

В 182–186 гг. овсы предпринимают вторжение в Грузию с целью взять город Мцхети. Руководил этим вторжением богатырь Хуан-ху. В 262–265 гг. грузинский царь Асфагур пропустил через свои земли овсов, леков и хазар, чтобы вместе с ними воевать против персов. Очередное нашествие асов на Грузию было совершено при малолетнем царе Вахтанге Горгасале (446–499). Напавшие на Грузию асы обитали в Северном Дагестане и отождествляются с северокавказскими гуннами [948].

В VI в. учащаются сведения и об аланах Предкавказья, особенно прикубанских. Прокопий Кесарийский помещает их между сванами, абхазами и гуннами Терско-Кумского междуречья. В 576 г. аланы Прикубанья были разбиты и подчинены тюрками, а в 40-х гг. VII в. на Кубани образовалось государство болгар – «Держава Кубрата». После этих событий почти на целое столетие аланы исчезают со страниц письменных источников и верховенство получают болгары.

«Армянская география» VII в. довольно четко очерчивает территорию аланов в центре Северного Кавказа: «За дигорами, в области Ардоз Кавказских гор...» В. Ф. Миллер отождествлял область Ардоз с Владикавказской равниной. По данным письменных и археологических источников, в VII в. в Западном Предкавказье, включая районы верховьев Кубани, Малки, Баксана, по соседству с абхазо-адыгами жили асы, а восточнее, по

соседству с вайнахскими племенами в бассейне Терека, т. е. примерно в «области Ардоз», обитали аланы.

В IX–X вв. имя аланов вновь начинает пестрить в сообщениях византийских, арабских и иных авторов Средневековья. Среди них особое место занимает сообщение Масуди (985), на которое не обращено должного внимания ученых. Речь идет о том, что «царство аланов представляет беспрерывный ряд поселений настолько смежных, что если кричат петухи, то им откликаются другие во всем царстве, благодаря смежности и, так сказать, переплетению хуторов». Это сведение часто цитируется, но исследователи не замечают, что в нем имеется намек на то, что аланы жили в предгорьях и на равнине. В горах такое размещение поселений просто невозможно. О том, что аланы во времена Масуди действительно жили на равнине, говорят его слова: «Между царством аланов и горами Кабх есть крепость и мост, перекинутый через громадную реку. Эта крепость называется «Крепость Алан»... Там размещается стража для защиты от аланов дороги к горам Кабх». Некоторые авторы пытаются доказать, что упомянутая крепость идентична башне в Дарьяльском ущелье, несмотря на то что Масуди совершенно однозначно пишет, что там размещается стража для охраны от аланов дороги к горам. В другом месте своего трактата автор подчеркивает, что эта крепость находится в устье большой реки, именуемой Курк-руд, что означает «Волк-река». В этом названии трудно не узнать реку Терек, один из рукавов которой и поныне называется *Берючюк* – «Волчонок».

Завершая экскурс о письменных источниках, повествующих об аланах, хочется отметить, что аланский хан V в. Кандак увел с собой в Нижнюю Мезию (в устьях Дуная) свою орду под названием «Керти алан»[949], т. е. «Истинные аланы», «Настоящие аланы». Если учесть что этот термин до сих пор оставался непонятным [950], тогда мы получаем весьма ценное сведение об этническом облике аланов, приведенный этноним которых объясняется только с карачаево-балкарского языка.

В XI–XII вв. имя асов все чаще начинает фигурировать в русских и грузинских документах. Между асами Северного Кавказа и царствующими дворами Грузии устанавливаются тесные родственные связи, заключаются династические браки. Видным политическим деятелем асов, поддерживавшим тесные отношения с Грузией и Византией, был асский царь Дургулель Великий. Грузинский царь Баграт IV (1027–1072) был женат на сестре Дургулеля – княжне Борене. На дочери Баграта и Борены – Марии женился византийский император Михаил Дука. Царь Грузии Георгий III (1156–1184) был женат на принцессе Бурдухан – дочери асского царя Худдана.

Русские летописи одиннадцать раз упоминают асов / ясов. В этих сообщениях интересно, что суздальский князь Андрей Боголюбский был женат на ясыне родом из болгар. У них родился сын Юрий, который после смерти отца был вынужден бежать из Киева на Северный Кавказ к родственникам своей матери. Здесь, на Кавказе, Юрий женился на дочери Георгия III и

Бурдухан – царевне Тамар, которая после смерти своего отца заняла грузинский трон. Юрий был переименован в Георгия, брак его с Тамар был недолгим, всего несколько лет (1185–1187). В 1189 г. Тамар вторым браком выходит замуж за Давида Сослана – сына асского царя. Давид воспитывался при царском дворе Грузии у бездетной тети Тамар – асской принцессы Русудан, т. е. у сестры Бурдухан.

В XIII–XIV вв., как и прежде на протяжении более тысячи лет, аланы и асы живут в тесном соседстве в горах Центрального Кавказа, в Крыму, Подонье. В XIV в. асов-тюрков в Крыму, Западном Предкавказье и у Дарьяльского ущелья знают выдающиеся арабские географы Ибн Саид, Абу-л-Фида и др. В горах Балкарии и Карачая отмечают асов летописцы тимуровских походов: Шереф ад-Дин Йезиди, Низам ад-Дин Шами и др. Ипатьевская, Воскресенская, Троицкая и другие русские летописи под 1116 г. повествуют, что князь Ярополк Владимирович «ходи на половецкую землю к реце Дон и ту взя полон землю, грады Суров, Шарукан и Балин... и приведя с собой *ясы* и жену полоня *ясыню,* красну вельма». Нельзя не обратить внимания на слова, что русский князь ходил походом на половцев, а в плен привел асов и жену полонил себе ясыню.

В 1237-м и 1241 г. большие массы асов переселились в Венгрию, где они именовались «яссонес». Недаром ногайский хан Джеке, после неудачи в борьбе за власть со своим братом Теке, бежал в свои владения на Дунае – «в страну асов», где размещалась его 10-тысячная армия асов.

Приведенные факты говорят о том, что этнонимы *алан* и *асы* появились в письменных источниках в одно и то же время – на рубеже первых веков. Оба народа на протяжении 14 веков жили в тесном общении и постоянном соседстве в Подунавье и на Алтае, на Кавказе и в Южно-Русских степях.

3. Что мы знаем о языке, ономастике и топонимике аланов?

Многочисленные средневековые авторы, жившие во времена аланов и близко их знавшие, оставили достаточное количество сведений об их образе жизни, нравах и местах обитания, но ничего не сказали об их языковой принадлежности. Все, что говорят об их языке иранисты, строится на ирано-осетинской этимологии отдельных аланских личных имен, как и в случае со скифо-сарматами. Однако в последние годы выдвигаются серьезные тюркские альтернативы ирано-осетинским толкованиям этого материала (М. З. Закиев, М. А. Хабичев, С. Я. Байчоров, И. М. Мизиев, Б. Мусукаев, Х.-М. И. Хаджилаев и др.). Для наглядности можно привести хотя бы некоторые явно тюркские имена аланов, которые с ирано-осетинского языка либо вовсе не объясняются, либо объясняются весьма смехотворно:

Аланские	По Абаеву	Тюрко-балкарские
Алда	Встречается в осетинском фольклоре	«Впереди», «Передовой», «Предводитель»
Аддах	–	«Обет», «Обещанный»
Аспар	*Асп* – «конь»	«Гордый», «Благородный»
База	*Базу* – «плечевая кость»	«Сила», «Мощь», «Опора»
Буюргур	*Бева* – «много», *корун* – «правящий»	«Повелитель», *Буюр* – «повелевай»
Еохар	*Ей* – «есть», *хвар* – «просо», т. е. «Просоед»	*Ав* – один из огузских родов *гур* – «народ», «племя». Этноним огузского рода
Кандак	*Кан* – «конопля». Холст, Холщовый	*Хан / Кан* – «князь». *Ханлык / Канлык* – «Будущий хан», «Принц»
Хаскар	–	*Каскыр* – «волк»

Мы полагаем, что тюркские толкования даже этих аланских имен не оставляют сомнений в том, что аланы, если судить по их именам, были тюрками по языку. Вряд ли утопавший в роскоши аланский князь V в. Кандак мог носить имя «Холст», или «Холщовый».

В европейских местах обитания аланы оставили о себе память в виде топонимов на картах XIII в.: можно насчитать более 20 топогидронимов, содержащих этноним «алан». Поэтому вызывает удивление, что на территории Северной Осетии, где будто бы сосредоточились аланы VII–XIII вв., не сохранилось ни одного подобного топогидронима со словом «алан».

Пытаясь доказать ираноязычность аланов, отдельные авторы ссылаются на «Аланское приветствие» византийского поэта и писателя Иоана Цеца (1111–1180). Выдающийся поэт своего времени передал «Аланское приветствие» в поэтической форме. Следовательно, можно предполагать, что буквальный перевод его текста, как правило, бывает далеко не связным текстом. Так получилось и в данном случае. Дли эпохи XII в. приветствие звучит довольно странно: «Добрый день, господин мой, повелительница, откуда ты? Тебе не стыдно, госпожа моя?». Нет сомнений в том, что эта фраза могла оказаться последней в жизни ее произнесшего! Вот как исказил буквальный перевод в поэтической форме!

В своих попытках иранисты прибегают к изрядным искажениям отдельных слов этого приветствия. Поэтому фраза Иоана Цеца была нами подвержена тщательному анализу [951]. Вот фрагменты этого анализа:

Иоан Цец	По Абаеву	Тюрко-балкарские
Мас	*Ма* – «мой», «моя»	*Маз(д)* – «величие», «благородство» *Мазаз* – «поклонение», «поклоняющийся»
Фули	*Эфсин* – «хозяйка», «госпожа»	*Вали* – «повелитель», «правитель» *Фал* – «предзнамение»
Коина	*Хсина* – «госпожа»	*Хоина* – «расположенный где-то», «откуда-то»
Хотн	–	*Хотн* – «госпожа»
Хос	*Хорз, хварз* – «хороший», «добрый»	*Хош* – «добрый», «хороший», «приятный», «радушный»
Кордин	*Кордингай афсин* – «откуда ты, госпожа»	*Кординг* – «увидел»
Фарнетчу	*Фарн* – «благодать»	*Фарр* – «блеск», «великолепие», «пышность», «изумительная прелесть»
Каитариф	–	*Каитариф* – «вернув обратно», «вернувшись»
Кинжи	*Кинз чунз* – «невеста», «молодуха»	*Кенже – Генже* – «молодуха», «молодая», «младшая»
Оюнге	–	*Оюнге* – карачаево-балкарская идеоматическая фраза: «Как же так?», «Что же могло случиться?»

Наличие тюркских терминов и фраз, имеющих прозрачные значения, особенно идеоматическая специфическая фраза «Оюнге», которая вообще осталась непонятной ученым, да и самим поэтом переведенная «как тебе не стыдно», – все это дает полное право считать, что фраза Иоана Цеца была тюркской.

Вторым письменным документом тюркоязычности аланов является так называемая Зеленчукская надпись, найденная в 1888 г. на Верхне-Архызском городище (*Эски-Джурт* – «Старая Родина»), в верховьях реки Зеленчук.

В. Ф. Миллер, предпринимая попытку прочесть надпись с позиций иранского языка, добавил к тексту восемь букв, которых там не было и без которых он не мог ее прочесть. Но и внесенные им изменения не могли дать ему законченную смысловую надпись. Однако поправки Миллера были взяты на вооружение всеми иранистами и с осетинского языка текст читают следующим образом: *«Исус Христос святой (?) Николай Сахира сын Х...р; Х...ра сын Бакатар Бакатара сын Анбал Анбалана сын Лаг их памятник»*. Следовательно, мы имеем дело с родовым захоронением, усыпальни-

цей, где погребены последовательно четыре человека. Но дело в том, что в радиусе 50 км от места обнаружения надписи не найдено ни одного ни коллективного, ни одиночного захоронения иранских племен, хотя постоянные поиски таковых проводились здесь с момента обнаружения надписи.

Кроме того, подобная трактовка текста наталкивается на ряд серьезных препятствий:

1. Даже если согласиться с тем, что осетиноведы узрели в надписи слова *Ифоурт* – осетинское *Фырт* – «сын», к сожалению, в тексте оно встречается четыре раза, а в переводе только дважды. Недостающие два слова дописаны Миллером и другими авторами перевода.

2. По заключению самого Миллера, две последние строки надписи, несмотря на все попытки и искажения, остаются «совершенно гадательными». Но именно эти две строки представляют собой безукоризненные тюркские слова: *Итинир* – «строится»; *Те* – «скажи», «повествуй»; *От зл* – «год Быка».

3. В. Ф. Миллер сам признал, что слово *Бакатар* явно тюркское. Если к сказанному добавить такие тюркские слова текста, как *ата* – «отец», *бек* – «владыка», *юй / ой* – «дом» и пр., то становится понятным, что и этот памятник свидетельствует о тюркоязычности аланов и не оставляет ничего утешительного для тех, кто пытается использовать данное приветствие для доказательства ираноязычности аланов.

Последним аргументом в пользу иранского языка аланов / асов всегда считают небольшой словарь венгерских асов, составленный в 1422 г. Он был найден в судебных документах об имении Басиановых (ср. балкарских и болгарских Басиатовых. – *И. М.*). Из 40 слов глоссария венгерские ученые и иранисты смогли объяснить 11 слов, 13 слов понятны только на дигорском диалекте осетинского языка (весьма близком карачаево-балкарскому языку. – *И. М.*). Остальные слова имеют прозрачные тюркские значения:

Асские	**Тюрко-балкарские**
Буха	*Бугъа* – «бык»
Арпа – «ячмень»	*Арпа* – «ячмень»
Газ – «гусь»	*Къаз* – «гусь»
Гусса – изделие из теста	*Геже* – ритуальная кашица из злаков (*балк.*)
База – «похлебка»	*Боза* – «напиток из ячменя»
Каса – «вареное»	*Кочо* – «кашица»
Йаука – «яйцо»	*Гаккы* – «яйцо»
Боза – «теленок»	*Бузоу* – «теленок»
Табакъ – «тарелка»	*Табакъ* – «тарелка»
Чуган – «кастрюля»	*Чоюн* – «чугун»
Гишт – «творог»	*Хушт* – «творог»
Фит – «мясо»	*Эт / ит* – «мясо»

Как видим, и этот памятник говорит о тюркоязычности аланов и асов.

4. Что мы знаем о языке, ономастике и топонимике асов?

О тюркском языке асов, тождественных аланам, пишут средневековые авторы, жившие во времена алано-асов. Выдающийся ученый-энциклопедист Востока аль-Бируни (973–1050), описывая изменения русла реки Амударьи, сообщает, что в первый раз река изменила русло и «вода уклонилась к краям страны гузов». Вторично изменившееся русло «запрудилось, и вода повернула налево, *вплоть до земли печенегов*... она затопила много местностей на долгое время и разрушила их также, *жители их* переселились на побережье Хазарского моря (Каспийское море. – *И. М.*). *Это род аланов и асов,* и язык их теперь смешанный из хорезмийского и печенежского»[952]. Слова аль-Бируни, отлично знавшего народы и языки Востока, говорят о том, что из страны гузов (огузов) и печенегов в районы Каспийского моря переселились аланы и асы, и язык их стал смешанным из тюркского и иранского. Его слова отдаленно напоминают сведения Юстина о смешанном языке парфян – из скифского и иранского языков.

О том, что язык асов сродни языку печенегов, говорят и древнерусские письменные источники, например, древнерусский перевод «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия, где четко сказано: «...язык же ясеськый ведомо есть яко от печеженьска рода родяси»[953]. Трудно уповать на то, что аль-Бируни не знал языка народов Средней Азии, а русские летописцы не ведали о языке печенегов!

Свидетельством о тюркском языке асов является и упоминавшееся сообщение о жене Андрея Боголюбского – ясыне родом из болгар. Нелишне напомнить, что сын ногайского хана Джеке бежал не куда-либо, а к своим воинам-асам на Дунае [954].

В 847–848 гг. Ибн Хордадбех, а затем и Махмуд Кашгарский (XI в.) называют среди тюркских народов ас-киши и помещают их между Алтаем и Балхашем. А Ибн Саид ал-Магриби (1214–1274) писал: «Из кавказских народов самыми западными были народ «каса», далее к востоку жили «Ас-киши», «Абхазы» и «Аланы». Все они были христианами; *кроме абхазов, все считались тюрками»*[955]. Эти слова подтвердил другой арабский историк и географ XIV в. Абу-л-Фида (1273–1331), писавший: «К востоку от абхазов на берегах моря находится город Алан. Этот город назван так по имени народа алан, который его населяет; *аланы – суть тюрки,* которые приняли христианство»[956].

Везде, где только прежде обитали асы, сохранилось множество топонимических названий с этим этнонимом. В Молдавии о них говорят названия города и области «Яссы», «Яшко» и др. В Венгрии, в местах обитания асов/ясов, сохранились названия семи пунктов «Ясслар». По справедливому мнению венгерских ученых, эти названия образованы от этнонима *ас,* к которому прибавлен тюркский аффикс множественности *лар.* Такие топонимы, как *Яссжаг,* т. е. «Сторона асов»; *Ясс-базар, Ясс-фалли* и другие, говорят о том, что венгерские яссы были тюркоязычными. Совершенно очевидно, что венгерское *Яссжаг* идентично осетинскому названию Балкарии *Ассиаг.* Оба термина восходят к тюркскому и означают «Сторона асов», «Край асов» и т. п.

В Крыму, в местах расселения асов, сохранились топонимы *Биюк-ас,* т. е. «Большая асия»; *Кичик-ас* – «Малая асия» и др.[957]

О языке асов свидетельствует их ономастика. В письменных источниках известны имена многих асов, которые имеют явно тюркские значения, полностью соответствующие социальному статусу носителей этих имен:

Имена асов	**Тюрко-балкарские значения**
Базук (I в.)	*Базыкъ* – «Толстый», «Мощный»
Амбазук (I в.)	*Эмбазыкъ* – «Самый толстый», «Наимощный»
Хуанхуа (II в.)	*Хуанхар* «Кровожадный», «Лютый», «Жестокий»
Урдур (XI в.)	*Урдур* – «Бьющий», «Поражающий»
Бурдухан (XII в.)	*Бурди* – «Благоухать», «Благоухающий хан»
Дургулэль (XII в.)	*Тургу* – тюркск. этноним + *эл* – «народ», племя»; «Народ тургу»
Борене (XI в.)	*Боре* – «Строгий» + *ана* – «мать». Отсюда: «Строгая мать»
Худдан (XII в.)	*Худа'а* – «Обман», «Хитрость»
Алтун (XIII в.)	*Алтын* – «Золото»
Сатхи (XIII в.)	*Сатхи* – «Поверхностный»
Узур-бек (XIII в.)	*Озар* – «Обгоняющий» + «бек»
Параджан (XIII в.)	*Пара* – «деньги» + *Джан* – «душа»; «Денежная душа»
Ачав (XIII в.)	*Ачыу / Ачев* – «Зло», «Боль»
Хан-Ху-Сы (XIV в.)	*Хусэ-улу* – древнетюркский род
Арыслан (XIV в.)	*Арслан* – «Лев»
Матарша (XIV в.)	*Батырча* – «Как батыр»
Бурикан (XIV в.)	*Бури* – «волк» + *кан* – «кровь»: «Волчья кровь»
Бурнберди (XIV в.)	*Бури* – «волк» + *берди* – «данный»: «Волком данный»

Этот конкретный ономастический материал подтверждает нашу мысль о том, что асы были тюркоязычным народом.

5. Сохранилась ли народная память об асах и аланах?

Древнетюркский этноним *ас* сохранился у казахов, киргизов, узбеков, ногайцев, алтайцев, каракалпаков как названия отдельных родоплеменных групп. У одних только ногайцев бытуют подразделения: «Шомишли-ас», «Дорт-ас», «Кара-ас», «Ак-ас», «Култы-ас», «Тарту-ас» и др.[958] Имя асов осетинский народ сохранил как название своих исторических соседей – балкарцев. Этот этноним сохранился в топонимии Венгрии, Молдавии, в районах Подунавья. На Алтае этноним *ас* сохранился в названии реки и административного района – Ас-кизи, которое восходит к понятию *Ас-киши*. Следует напомнить, что древнегрузинский этноним *овс (ос),* под которым во времена Вахтанга Горгасала (V в.) имелись в виду гунны, уже в XVIII в. выдающийся грузинский историк и географ Вахушти прямо относит к балкарцам [959]. По мнению Н. Я. Марра, в гебском говоре рачинского диалекта грузинского языка «ос-и», или «овс-и», означает карачаевцев, а «осури» – карачаевский язык. Что же касается, продолжает Марр, того, что «овс» относится к осетинам, то это «плод влияния грузинского литературного языка, или, точнее, грузинской речи интеллигенции»[960]. Очень важно, что

речь идет о рачинском языке, так как рачинцы очень хорошо знали карачаевцев и балкарцев по еженедельным базарам в Рачи и Они [961].

Переходя к этнониму *алан,* надо напомнить, что на древней территории тюркских племен – на Алтае – до сих пор сохранилась родоплеменная группа *Аландан келген,* т. е. «Пришедшие с равнины»[962]. Представители родоплеменной группы аланов проживают в Туркменистане, Узбекистане, Таджикистане. В Туркмении, например, они известны в составе племени «салыр», как отдельная родовая группа – ветвь «караманов». Язык этих аланов туркменский, схожий с диалектом «сарыков». По сообщению старожилов, в сороковых годах их насчитывалось до 1500 хозяйств. Интересны и родовые названия этих аланов: Мирши-Кар, Болук-аул, Аякчак, Кара-мугул, Тогуз, Кер, Бельке, Эшек и т. п. По родовым преданиям, лет 250 тому назад, до переселения в Туркменистан, они проживали на Мангышлаке, имели свою крепость Алан [963], о которой писал выдающийся исследователь Средней Азии и Хорезмского государства С. П. Толстов. Народные предания о переселении с Мангышлака очень напоминают сведения Аль-Бируни о переселении рода аланов и асов в устье Амударьи.

Древние и средневековые авторы Аланией называли верховья Кубани – Карачай, а не Осетию в верховьях Терека. Так же именовался Карачай и на военно-топографических картах Кавказа XVIII–XIX вв. В кратком описании Абхазии неизвестного автора первой половины XIX в. говорится, что «от Сухума имеется дорога через нижние горы в Цебели и к аланам». Цебели, или Цебельда, лежит по правую сторону от реки Кодор, к северу от Сухума. В смежности с Цебельдой, к северу у верховьев Кубани, сплошной массой живут карачаевцы. В примечаниях Гербера к «Географии Российской X века», составленной профессором Байером, говорится, что «от аланов есть остаток, они живут подле авазгов в ближайших горах к северо-востоку». А ближайшими соседями авазгов / абхазов к северо-востоку являются карачаевцы [964].

На «Генеральной карте грузинских царств – Карталании, Кахетии и смежных земель», созданной не позже 1784 г., названы все горские общества Осетии, Чечни, Ингушетии, Сванетии, названы Куртатинское, Алагир-окое, Дигорское, Кобанское ущелья, нанесены реки Гизельдон, Ардон, Урух и пр. Но интересно, что к западу от сванов, в горах между Кубанью и Лабой, т. е. приблизительно в тех же местах, где сейчас проживают карачаевцы, названы аланы.

Аланией Карачай назывался и в период строительства Военно-Грузинской дороги через Владикавказ, когда картографы не могли не знать, кто проживает в тех местах строительства важнейшей стратегической дороги!

Показания этих карт подкрепляются тем, что в устах соседних народов, например, мегрелов, аланами называются не осетины, которых они также хорошо знали, а карачаевцы (В. И. Абаев).

Все изложенное можно подкрепить тем, что этноним *алан* на Кавказе сохранился только у карачаево-балкарцев в значении «человек», «соплеменник», «сородич». Очень важно отметить, что этноним *алан* у карачаево-балкарцев употребляется применительно только к людям, понимающим их язык. К человеку, не понимающему их язык, данный этноним не относится. Это еще раз доказывает, что этноним *алан* у балкарцев и карачаевцев используется в значении «соплеменник», «сородич» и т. п.

6. Тождество аланов и асов

Первыми это тождество высказали Ян Потоцкий и Г.-Ю. Клапрот. Они исходили из слов путешественников XIII–XV вв. – Гильома Рубрука, Плано Карпини, Иосафата Барбаро и др. Описывая в 1246 г. земли и народы, покоренные монголами, П. Карпини перечислял: «Аланы или Асы, Обезы или Георгиане... Малая Индия или Эфиопия...» Будучи в 1253–1255 гг. в степях между Крымом и устьем Дона, Г. Рубрук писал: «Накануне Пятидесятницы пришли к нам некие Аланы, которые именуются там Аас»[965]. Как теперь известно, асами на Кавказе назывались многие родовые группы ногайцев, а осетины по сей день именуют асами не себя, а балкарцев.

Недавно В. А. Кузнецов писал, что асами до XV в. назывались осетины. В данном случае законно обратиться к ученому с вопросом: что же могло случиться с осетинским народом с XV по XVII в., что он отдал свое имя соседнему народу – балкарцам, ведь с XV по XVII в. на Северном Кавказе никаких этнических перетасовок и коренных перемещений не было?

Анализируя древнеармянские и древнегрузинские письменные известия, В. Ф. Миллер показывает тождество аланов – асов – печенегов [966]. Грузинский царь Баграт IV, женатый на сестре асского царя Дургулеля, бывая на охоте, «доходил до Понтийского моря и в страну *аланов*...». Ему «приносили дары и братались с ним многие цари, служили ему *скифы*, *хазары*, *аланы*». «В страну аланов приезжал» и отец Тамар – Георгий III, женатый на прекрасной Бурдухан – дочери асского царя Худдана. Зная эти документы, трудно уповать на то, что Баграт и Георгий не знали аланов и асов.

В заключение необходимо напомнить незаслуженно «забытые» выводы виднейшего осетинского ученого профессора Г. А. Кокиева, писавшего: «Изучение имеющегося в нашем распоряжении материала приводит нас к заключению, что насколько сомнительно отождествление предков осетин с аланами, настолько основательно отождествление балкарцев и карачаевцев с кавказскими аланами»[967].

Таким образом, вполне закономерно наше убеждение в тождестве аланов и асов с балкарцами и карачаевцами. Следовательно, аланы и асы были средневековыми тюркскими народами, а их имена поныне сохранились как этнические названия многих родоплеменных групп тюркоязычных народов Алтая, Средней Азии, Кавказа.

7. Этнокультурные черты алано-асов

Этнокультурный облик и истоки алано-асского наследия ученые Северного Кавказа связывают с так называемыми катакомбами эпохи Средних веков. Однако если проникновение катакомбных захоронений II тыс. до н. э. в данный регион из Поднепровья уже доказано [968], то проникновение их сюда с востока, из-за Каспия, археологически не документируется. В связи с этим заслуживает внимания утверждение М. П. Абрамовой, что «рассматривать предкавказские катакомбы как памятники ираноязычных алано-сарматов у нас нет оснований, так как они не находят аналогий среди погребальных памятников сарматов» [969].

Неудачная ссылка В. А. Кузнецова на Ю. В. Готье, будто бы доказавшего принадлежность средневековых катакомбных захоронений «ираноязычным» аланам, не подкрепляется исследованиями сарматологов. Следовательно, мнения Кузнецова и Готье считаются безнадежно устаревшими. Впрочем, точка зрения В. А. Кузнецова с самого начала была построена на искажении мыслей Ю. В. Готье. Последний *доказывал лишь сходство катакомб на Харьковщине и в Северной Осетии,* но не принадлежность катакомб аланам, как это воспринял и преподнес читателям В. А. Кузнецов. Вот слова Готье, на которые ссылается Кузнецов: «Все, что я хочу сказать, это то, что в IV–V вв. на всем Юге России от Оренбургской и Черниговской губерний и Изюмского уезда Харьковской губернии, и от Северного Кавказа до Курской губернии господствовала единая культура, которую Ростовцев и другие исследователи называют сарматской, а сарматы в лице аланов существовали на Северном Кавказе до XIV века... *Сходство культуры Верхнего Салтова* и сходных с салтовскими могильниками городищ по среднему Дону и Донцу с *такими могильниками Осетии можно считать доказанным*»[970]. Таким образом, Готье считал доказанным лишь сходство памятников, а для Кузнецова этого сходства достаточно, чтобы утверждать: «...принадлежность катакомбных могильников эпохи раннего Средневековья потомкам ираноязычных сарматов – аланам доказана»[971]. Однако переход культуры сарматов в культуру аланов никто не доказал, и, как мы уже отмечали, для сарматов катакомбные могильники не были характерны. Дело в том, что из более чем 500 погребений так называемой прохоровской археологической культуры сарматов только 33 составляют катакомбы, а для I в. н. э. известны всего три катакомбы. В позднесарматский период, по словам М. П. Абрамовой, катакомбы не характерны ни для Приуралья, ни для Поволжья. Развивая эту мысль Абрамовой, В. Б. Ковалевская также приходит к заключению, что земляные катакомбы до тщательного анализа всего материала пока еще не могут являться этнической особенностью северокавказских аланов [972]. Еще более определенно М. П. Абрамова высказалась в другой своей работе: «Распространение катакомбных могильников на Северном Кавказе вряд ли мы можем связывать с влиянием, вернее, проникновением сюда сарматских племен, которые, кстати сказать, не имели ни одного катакомбного могильника и у которых этот обряд был менее всего распространен»[973]. О неразработанности вопроса о происхождении катакомбных захоронений гунно-сарматского времени писал и А. П. Смирнов [974].

Выше мы уже отмечали, что исследования большого катакомбного могильника IV–II тыс. до н. э. на реке Сумбар у пос. Кара-кала в Южной Туркмении приводит ученых к убеждению, что «вопрос о путях проникновения индоариев и иранских племен на территорию Ирана и Средней Азии можно считать решенным... исходным пунктом следует считать район Юго-Восточного Закаспия»[975].

На фоне богатейшей сумбарской катакомбной культуры, имеющей многотысячелетнее развитие, весьма легковесно звучат попытки некоторых авторов генетически связать возникновение катакомб Средних веков с подбойными погребениями Прикаспийских и Нижневолжских степей,

смежных с северными районами Туркмении. Но вряд ли была необходимость древним племенам заново «придумывать» катакомбные захоронения, будучи хорошо осведомленными в наследии сумбарцев.

Сведения П. Карпини говорят о том, что куманы «делают большую яму и сбоку этой ямы делают другую яму под землей, и в ней хоронят усопшего». Данные захоронения очень похожи на катакомбы. Совокупный анализ археологических источников говорит о том, что древние и средневековые катакомбы принадлежали иранским племенам, но назывались ли они аланами – весьма и весьма сомнительно и никем не доказано, потому что среди массы первоисточников – авторов Средневековья – нет ни одного, который бы писал об их иранском языке.

Не характерны для аланов не только иранский язык, но и многие черты этнической культуры иранских племен. Так, например, Г. Рубрук писал, что, прежде чем принять христианскую религию, обряды и обычаи, аланы спрашивали его, могут ли они принимать их, если прежде они пили кобылье молоко – кумыс. Он же далее продолжал, что аланы «в пищу им подавали только очень кислое коровье молоко»[976]. Эти специфические для тюрков черты культуры совершенно чужды всем иранским и индоевропейским народам. Поэтому вряд ли эти особенности можно оставить без внимания при определении этнического облика аланских племен. Более того, выдающийся осетинский просветитель и знаток этнографии Коста Хетагуров прямо писал, что «лошадь была прежде роскошью. Она применялась только для верховой езды и перевозки вьюков. *Ни мясом, ни молоком, ни кожей ее не пользовались*»[977].

Таким образом, рассмотренные в этом разделе сведения античных, римских, византийских, арабских и других авторов I–XIV вв., данные языка и этнотопонимики, сохранившаяся у многих народов память – все это говорит о том, что алано-асские племена были тюркоязычными и являлись генетическими предками многих тюркских народов, особенно балкаро-карачаевцев, которые и поныне употребляют этноним *алан* при обращении к сородичам, соплеменникам. Этнонимы *алан* и *ас* сохранили за ними и многие их соседи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На рубеже IV–III тыс. до н. э. в степях Волго-Уральского междуречья сложилась древнейшая историко-культурная область носителей древнеямной (или курганной) археологической культуры. Древнеямные племена представляли собой европеоидный антропологический тип, вели подвижной кочевой образ жизни, разводили мелкий скот – овец, баранов и т. п. Шерсть, шкуры, кожа, мясо разводимого скота полностью обеспечивали эти племена всем необходимым для успешного развития.

Своих умерших ямники хоронили под курганной насыпью, которую они впервые создали в истории человеческой цивилизации. Под курганом вырывалась большая просторная яма, ее облицовывали срубом, сверху яму покрывали бревенчатым накатом в несколько слоев, дно могилы устилали войлоком, травой, камышом, кустарником, чистой желтой глиной и т. п. Погребенного чаще всего укладывали на спине с подогнутыми в коленях ногами, головой обращали к востоку. Реже усопшего клали на бок в скорченном состоянии.

По комплексу этих признаков вся археологическая культура получила название *ямной,* или *курганной.*

Поскольку ямные племена вели кочевой образ жизни, поэтому в их быту очень редка была керамика, которую трудно сохранить при перекочевках. Вся утварь делалась из дерева, кости, кожи, шерсти. Редко обнаруживаемая керамика была яйцевидной формы с узким горлом и днищем, изготовлена из грубого теста вручную с примитивным орнаментом, нанесенным по сырой глине пучком травы. Украшения и оружие ямники изготовляли из кости, камня, меди и бронзы.

Из своего древнейшего очага зарождения ямная культура во всем наборе своих ведущих этнокультурных черт веерообразно распространилась в среду финно-угров, праславян, в глубину Средней Азии и Алтая, где приняла участие в создании новой ямно-афанасьевской этнической общности. Через Юг Туркмении, Кавказский хребет данная культура проникла в Переднюю и Малую Азии, где столкнулась с древнейшими земледельческими оседлыми племенами.

Основные черты ямной культуры, подвижной скотоводческий образ жизни ямников получили дальнейшее развитие и сохранились исключительно только в среде кочевых и оседлых тюркских племен и народов Алтая, Средней Азии, Поволжья и Кавказа. Поэтому есть все основания считать энеолитическую ямную культуру в своей основе пратюркской, или прототюркской, археологической культурой. Распад и расселение ямной культуры по времени совпадают с распадом древней индоевропейской общности. Именно этот факт может объяснить обнаружение в тюркских языках массы праславянских, угро-финских, семитических, кавказских и иных лингвистических схождений, включая и само слово «курган», объясняющееся только на тюркских языках: «кюре», «кура», «кур» и т. п. (Н. А. Баскаков). Отныне и сама курганная насыпь становится украшением степного пейзажа на огромных евразийских просторах и на Кавказе.

Продвигаясь в кавказском направлении, «курганники» прочно освоили поначалу предгорья. В районах Прикубанья, Центрального Предкавказья, в Приморском Дагестане обнаружены многие подкурганные захоронения древнеямного характера. Здесь «курганники» вступили в тесный контакт с древнейшими кавказскими племенами.

К середине III тыс. до н. э. ямно-кавказский, или горско-кочевнический, симбиоз создает известную курганную майкопскую культуру. Вне курганов эта культура неизвестна. В горах курганы не возводились. Для Кавказа и гор вообще курганы явились нововведением.

Ранние захоронения майкопской культуры почти ничем не отличались от «чистых» ямников кочевнического мира. Со временем все чаще обна-

руживаются вклинивания кавказских элементов погребальной культуры – каменные ящики, каменные склепы, гробницы, галечная подсыпка дна могилы, каменный наброс сверху могилы и т. п. Влияние ямно-курганной культуры было настолько сильно, что общий облик погребального обряда оставался курганным. Даже такие громадные мегалитические сооружения, как дольмены, и те «заходят» под курганную насыпь (Т. Попова). Последние факты настолько серьезны при определении этнической основы майкопской культуры, что не замечать это невозможно и антинаучно.

В конце IV тыс. и позднее – в середине III тыс. до н. э., в эпоху расцвета майкопской культуры, курганы внезапно вторгаются на Анатолийскую равнину, в Сирию, Турцию и прилегающие районы. Через Южный Кавказ курганы в этот период через районы Бедени, Уч-тепе, Лчашени, по территории Азербайджана, Грузии, Армении проникают далее в Переднюю Азию, вплоть до озера Урмия. Здесь курганники вступают в контакт с древнейшими земледельцами и создают оседло-земледельческое и скотоводческое хозяйство.

Весь имеющийся в нашем распоряжении материал мы старались пропустить сквозь призму традиционной культуры и языка высокогорных тюркских народов Кавказа – балкарцев и карачаевцев.

Некогда обитавшие на огромных просторах Северного Кавказа предки балкаро-карачаевцев после известных событий XIII–XV вв., связанных с монгольским нашествием, походами Тимура и продвижением адыго-кабардинских племен, оказались замкнутыми в горах Центрального Кавказа. Оказавшись в окружении иноязычной среды, оторвавшиеся от других тюркских народов и языков, они в наиболее чистом виде сохранили древнейшие особенности тюркских языков. Именно поэтому в свое время Н. А. Боровков писал с точки зрения изучения всей системы тюркских языков о карачаево-балкарском языке: «Мал золотник, да дорог».

В изолированных от внешнего мира глубоких ущельях Кавказа сохранены древнейшие черты традиционной культуры и языки многих кавказских народов – как в зоне вечной мерзлоты сохраняются останки первобытных животных (академик Г. Радде).

Изложенные обстоятельства объясняют тот факт, что многие сотни шумеро-тюркских лексических схождений в наиболее полной и убедительной форме разъясняются с позиций карачаево-балкарского языка, вплоть до самых прозрачных совпадений отдельных слов и фраз шумерских текстов.

Шумеро-балкаро-карачаевские лексические параллели подкрепляются массой шумеро-майкопских археологических аналогий. Важно отметить, что эти аналогии почти не обнаруживаются на Южном Кавказе, что создает впечатление, что шумерские изделия и их прямые аналогии шли из Шумер в Предкавказье транзитно, не оседая в Азербайджане, Грузии, Армении. Вероятно, это обусловлено тем обстоятельством, что шумеры были давно оторвавшейся огромной частью пратюркской, или прототюркской, массы – носителей курганной культуры. Шумеро-тюркские лексические схождения являются не случайными совпадениями, как иногда их преподносят индоевропеисты. Эти схождения охватывают всю систему шумерского и

тюркских языков, наблюдаются в местоимениях, числительных, названиях частей тела, половозрастных групп, терминах родства, названиях божеств, легендарных героев и т. д. Если бы индоевропеисты обнаружили хотя бы в одном из индоевропейских языков десятую долю совпадений, они бы не стали так скептически и пессимистично оценивать наследие шумерского языка. К тому же индоевропеисты никогда не хотели замечать массу шумеро-тюркских совпадений.

Прежними местами обитания ямников на Северном Кавказе и их путями через Кавказ в Переднюю Азию позднее овладели генетические потомки ямников – скифы. Они сохранили весь комплекс погребального обряда и ведущие черты традиционной культуры, кочевой образ жизни: курганную насыпь над могилой, облицованные срубом могильные ямы, захоронения в деревянных колодах, на повозках, почти полное отсутствие керамики, разведение лошадей, употребление кумыса, конины, изготовление войлока и войлочных шатров-юрт и т. п. Все это совершенно чуждо индоевропейским народам, поэтому нет никакой возможности утверждать, что скифы являются индоиранским племенем. Наоборот, перечисленные элементы культуры и быта являются специфической этнокультурной особенностью тюркских народов Средневековья и современности.

Сходство скифо-тюркской культуры подкрепляется множеством лингвистических данных: сходством скифских личных имен, именами царей и божеств, обрядами и обычаями духовной культуры. Особый интерес представляют имена таких божеств, как Тарги-тай (Тангри-тай); Кулак-сай, Арпак-сай, Липок-сай; Атей (Ата – отец), Папай (Бабай – предок, дед), и многие другие имена с явно тюркскими значениями. В этом отношении бесценной является балкарская трактовка скифской легенды об упавших с неба предметах: золотой чаше, секире, плуге и пр., которая с позиций индоевропейских языков до сих пор остается непонятной. В этот же ряд ложится название уникального скифского котла, изготовленного из стрел всех воинов. Такой котел существовал у балкарцев под названием *Тайпок къазан,* т. е. «Казан племени».

Я считаю, что с древними ямниками, шумерами, киммерийцами и скифами связан древнейший этап процесса этногенеза тюркских народов.

Этот этап неотрывен от кочевых племен «Ас», от имени которых происходит древнейшее название «Азия», расположенная, по словам древних греков, в Предкавказье (П. Услар). К имени «ас» скифы добавили тюркское слово *киши* – «человек», «мужчина» («Ас-киши»). С древними «Ас-киши» вероятно, связано название современных азербайджанцев – «Аз-Эр», что равнозначно «Ас-киши». Термины *эр* и *киши* являются синонимами и означают понятия «человек», «мужчина», отсюда «Аз-эр» равнозначно термину «Ас-киши».

Другими слагаемыми в этом процессе были древние этнонимы «кам-эр», «сув-ар» – «суб-ар» (Сомар, шумер). В названиях этих племен четко читается слово «река» – *кам, сув, суб.* Недаром «Армянская география» VII в. сообщает, что древние тюркские племена очень часто называли себя по названиям рек, по берегам которых они устраивали свои стойбища. Таковыми этнонимами являются «Чу-киши» – чуйцы, т. е. «Люди реки Чу»; «Ку-киши» – лебединцы, т. е. «Люди реки Ку» (Лебедя) и т. д.

Вторым этапом в этногенезе тюркских народов является болгаро-гуннский период, охватывающий на Кавказе примерно время между II в. до н. э. и VII в. н. э. В этот период мы вкладываем время между первым упоминанием кавказских болгар в древних армянских источниках II в. до н. э., именуя Кавказ землей болгар, и периодом зарождения и развития Прикубанской «державы Кубрата».

В V в. н. э. в Приморском Дагестане существовало мощное гуннское государство, тогда же гунны владели Дарьяльским ущельем и проходом через Кавказский хребет (М. Каганкатваци, П. Кесарийский).

По бытовавшим легендам, у гуннского царя были два сына: Кутургу и Утургу, потомки и сподвижники которых сложились в болгарский этнос. Важно подметить, что, по словам Прокопия Кесарийского, болгары прежде назывались киммерийцами. В этом отношении названия «кам-эр» (киммер) и «балк-эр» (болгар) идентичны, поскольку и в том и другом случаях в наименованиях четко читается слово «река» – *кам, балк*.

После распада Великой Болгарии Кубрата гунно-болгарские племена начали широкое расселение и приняли самое активное участие в формировании дунайских болгар, татар Поволжья, балкарцев Центрального Кавказа. Этноним «болгар» сохранился как самоназвание балкарцев – «малкъар» – и дунайских болгар.

Имя гунно-болгар отразилось во множестве топогидронимов Балкарии, Болгарии и Карачая (Курнаят, Мара, Камчай и др.). Между болгарами и балкаро-карачаевцами обнаруживаются чрезвычайно уникальные антропологические, историко-этнографические, этнокультурные и иные схождения. Эту близость фиксирует масса археологических источников: керамика, украшения, погребения, рунические письмена и т. п. Как и в предыдущем этапе, в этногенезе тюркских народов продолжают занимать важное место племена асов.

По нашему мнению, завершающий этап процесса этногенеза тюркских народов связан с племенами алано-асов.

В предыдущем разделе работы мы приводили достаточно объективных сведений о том, что аланы и асы были изначально тюрками. Подводя итог всему сказанному, хочется выстроить эти факты в один стройный ряд:

1. Термин *алан* является тюркским и на алтайском, татарском, турецком языках означает понятие «долина».

2. Географический термин *алан* превратился в этноним отдельных подразделений у алтайцев, туркмен, каракалпаков и бытует у них до сих пор.

3. По сведениям средневековых авторов, аланы, отождествляемые с крымскими базарианами, говорили на тюркском языке (Ю. Кулаковский).

4. Тюркский язык аланов подкрепляют «Аланское приветствие» Иоана Цеца, Зеленчукская надпись и другие документы.

5. По сведениям Аммиана Марцеллина, аланы – прежние массагеты, а последние, по данным антропологов, являются стопроцентными туркменами.

6. Аланы являются потомками скифов, а Скифия, по данным письменных источников VIII–IX вв., является землей тюрков, тогуз-огузов и т. п. (М. Хварезми).

7. По словам Ибн Саида, аланы были тюркским народом.

8. Аланами мегрелы называют карачаевцев. Аланией называли Карачай и военно-топографические карты Кавказа XVIII–XIX вв.

9. Термин *алан* до сих пор бытует у балкаро-карачаевцев как обращение друг к другу в значении «сородич», «соплеменник».

Столь же категоричны сведения о тюркоязычности асов:

1. *Ас* – это древнетюркский этноним, известный по китайским источникам первых веков.

2. *Ас* – это древнетюркский этноним, известный по Орхоно-Енисейским письменам VIII в.

3. *Ас-киши* – это тюркский этноним, означающий «асский человек», зафиксированный в X в. Ибн Хордадбехом, в XIV в. Ибн Саидом, Абу-л-Фидой. «Ас-киши» – это то же самое, что и осетинское название балкарцев – «ассон».

4. *Ас* – это татарское племя, по анонимному автору XIV в.

5. *Ас* – это родоплеменные группы у ногайцев, каракалпаков, алтайцев, узбеков, казахов, киргизов и др.

6. *Ас, Ишбай-ас, Хусин-ас* – это топонимы в Каракалпакии.

7. Ярополк ходил войной на половцев, а в плен приводил асов.

8. Жена Андрея Боголюбского была болгарка родом из асов.

9. По сведениям древнерусских текстов, «язык асов/ясов» похож на язык печенегов.

10. *Су-ас* – марийское название волжских татар.

11. *Ассиаг* – осетинское название Балкарии.

12. *Стур-ассиаг* – осетинское название Карачая.

Проанализированный в нашей работе материал приводит нас к единственно верному в подобных случаях выводу о том, что племена скифов (Ас-киши) – асские люди; сарматы – «рыжие», аланы – «долинники», «равнинники», асы – «кочевники, сбившиеся с пути», «переваливающиеся через горы», а тем более гунны, болгары, хазары – все они были предками многих тюркских народов. Эти этнонимы порой существовали синхронно, иногда заменяли друг друга в зависимости от различных исторических событий и ситуаций.

Процесс этнической интеграции различных племен в тюркские народы начался еще в эпоху энеолита, в период распространения в Евразийских степях курганной (ямной) археологической культуры на рубеже IV–III тыс. до н. э.

Проследив пути распространения древнейших пратюрков (прототюрков) через Предкавказье на юг, мы все же ощущаем некоторую незавершенность общей затронутой темы этногенеза тюркских народов. В связи с этим хотелось высказать одну мысль, что для полноты исторической картины необходимо было бы дополнить нашу работу новыми исследованиями типа: «Евразийские степи, Алтай и Шумеры», «Евразийские степи, Приаралье и Шумеры» и др. Но эта мысль остается пока нашим добрым пожеланием коллегам – археологам и тюркологам, этнографам Средней Азии и Алтая.

Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1996.

Примечания

[1] Археология СССР. Энеолит СССР. М.: Наука, 1982. – С. 94 (Далее: Энеолит СССР).

[2] *Ган К.* Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе. Тифлис, 1884. Ч. 1. С. 153.

[3] *Марцеллин А.* История. Киев, 1906–1908. Вып. 1–3. С. 338.

[4] История Армении (приписываемая Моисею Хоренскому) / Пер. И. О. Эмина. М., 1893. С. 131.

[5] *Мровели Л.* Жизнь картлийских царей / Пер. с древнегр.; Коммент. Г. В. Цулая. М., 1979. С. 21.

[6] *Услар П.* Древнейшие сказания о Кавказе // ССКГ. Тифлис, 1881. Вып. 10. С. 130, 486–491.

[7] *Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов. М., 1984. С. 265.

[8] *Услар П.* Указ. соч. С. 464; Живописная Россия. М., 1883. Т. 9. С. 4.

[9] *Волкова Н. Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 98; *Латышев В. В.* Известия древних авторов... СПб., 1904. Т. 2. Ч. 1 С. 172.

[10] *Мельникова Е. А.* Древнескандинавские географические сочинения: Тексты, переводы, комментарий. М., 1986. С. 95–99.

[11] Живописная Россия. С. 14.

[12] *Миллер В. Ф.* Осетинские этюды. М., 1887. Ч. 3. С. 3.

[13] Происхождение балкарцев и карачаевцев: Материалы научной сессии. Нальчик, 1960. С. 30. (Далее: МНС); *Алексеева Е. П.* Карачаевцы и балкарцы – древний народ Кавказа. Черкесск, 1962.

[14] *Алексеев В. П.* Некоторые проблемы происхождения балкарцев и карачаевцев в свете данных антропологии // МНС. С. 321, 331; *Джанберидзе Г. К.* Выступление... // МНС. С. 224; *Алексеев В. П.* Происхождение народов Кавказа. М., 1974. С. 26.

[15] *Климов Г. А.* Кавказские языки. М., 1965. С. 14.

[16] Там же. С. 75.

[17] Энеолит СССР. С. 129.

[18] *Марр Н. Я.* Избранные труды. 1933. Т. 1. С. 77.

[19] Там же. С. 77, 210.

[20] Энеолит СССР. С. 131.

[21] Там же. С. 94.

[22] *Массон В. М.* Проблемы неолитической революции в свете новых данных археологии // Вопросы истории. 1970. № 6. С. 75–77.

[23] *Кричевский Е. Ю., Круглов А. П.* Неолитическое поселение близ г. Нальчика // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1941. Вып. 3. С. 51–62 (Далее: МИА).

[24] Там же. С. 61; Энеолит СССР. С. 130.

[25] *Русов А. А.* Отчет о летних и осенних работах в Дагестане // Пятый археологический съезд в Тифлисе: Труды подготовительного комитета. М., 1882. С. 569. Табл. XVI.

[26] *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975. С. 84; *Бетрозов Р. Ж.* К древней истории племени Центрального Кавказа. Нальчик: Эльбрус, 1982. С. 27; *Гаджиев М. Г.* К выделению северокавказского очага каменной индустрии // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978. С. 27–29.

[27] *Пассек Т. С.* Периодизация трипольских поселений // МИА. М., 1949. Вып. 10. С. 6. Рис. 67.

[28] *Крупнов Е. И.* Древняя история и культура Кабарды. М., 1957. С. 44–45.

[29] *Мунчаев Р. М.* Указ. соч. С. 138; *Бетрозов Р. Ж.* Указ. соч. С. 25 сл.

[30] *Крупнов Е. И., Синицин И. В.* Древнее население Нижнего Поволжья // По следам древних культур: От Волги до Тихого океана. М., 1954. С. 73; *Смирнов К. Ф.* Древнеямная культура в Оренбургских степях // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 156.

[31] МИА. Вып. 3. С. 112, 120.

[32] Энеолит СССР. С. 130; *Мунчаев Р. М.* Указ. соч. С. 139.

[33] МИА. Вып. 3. С. 121.

[34] Там же. С. 126.

[35] *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974. – С. 79 и сл.; Энеолит СССР. С. 328; *Шилов В. П.* Модели скотоводческого хозяйства в степных областях Евразии в эпоху энеолита и раннего бронзового века // Советская археология. 1975. № 1. С. 5 (Далее: СА).

[36] *Мерперт Н. Я.* Указ. соч. С. 30, 105.

[37] *Кривцова-Гракова О. А.* Погребения бронзового века и предскифского времени на Никопольском курганном поле // МИА. М., 1962. Вып. 115. С. 6–9; *Она же.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. М., 1955. Вып. 46. С. 14–15.

[38] Энеолит СССР. С. 322.

[39] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Госполитиздат, 1950. С. 164–165.

[40] История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Наука, 1966. Т. 1. С. 96–97 (Далее: История СССР...).

[41] Энеолит СССР. С. 323.

[42] *Мерперт Н. Я.* Указ. соч. С. 13. Рис. 1; Энеолит СССР. С. 326.

[43] Энеолит СССР. С. 326.

[44] *Толстов С. П.* Некоторые проблемы всемирной истории в свете данных современной исторической географии // Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1960 года. М.: Наука, 1961. С. 13.

[45] *Чайлд Г.* Прогресс и археология. М., 1949. С. 73.

[46] *Косарев М. Ф.* О причинах и социальных последствиях древних миграций в Западную Сибирь // СА. 1972. № 4. С. 26.

[47] *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.: Наука, 1966. С. 37.

[48] *Мизиев И. М.* О создателях майкопской культуры // СА. 1990. № 4. С. 131–136.

[49] *Чайлд Г.* Указ. соч. С. 117 и сл.

[50] *Окладников А. П.* Рецензия на книгу «В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток» // СА. 1968. № 1. С. 300.

[51] *Массон В. М.* Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л., 1964; Энеолит СССР. С. 12–14.

[52] Там же.

[53] Энеолит СССР. С. 82. Табл. XVI.

[54] Там же. С. 56–58; *Сарианиди В. И.* Геоксюрский некрополь // Новое в советской археологии. М.: Наука, 1965. С. 103, 105.

[55] Энеолит СССР. С. 60–62.

[56] История СССР... С. 68.

[57] Всемирная история. М., 1956. Т. 1. С. 233.

[58] История СССР... С. 69.

[59] Всемирная история. С. 233; *Грязнов М. П.* О кельтеминарском доме // Новое в советской археологии. С. 99–102.

[60] *Толстов С. П.* Древности Верхнего Хорезма // ВДИ. 1941. № 1. С. 156–157.

[61] *Чернецов В. Н.* К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968. С. 51.

[62] История СССР... С. 70.

[63] Энеолит СССР. С. 327; *Шилов В. П.* Указ. соч.

[64] Там же; *Мелентьев А. Н.* Памятники неолита Северного Прикаспия // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1971. С. 13–14; *Окладников А. П.* Пещера Джебел – памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении // Труды Южно-Туркменской археологической экспедиции. 1956. Т. 7. С. 213–215; *Даниленко В. Н.* Неолит Украины. Киев, 1969. С. 181–183.

[65] История СССР... С. 144.

[66] Там же. С. 71.

[67] Там же. С. 143–144; *Киселев С. В.* Бронзовый век // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 54.

[68] Там же.

[69] *Киселев С. В.* Указ. соч. С. 56; *Аскаров А.* Культура Заманбаба в низовьях Зеравшана // Общественные науки в Узбекистане. 1962. № 11. С. 60–62. Рис. 1; *Клейн Л. С.* Прототипы катакомбных курильниц и проблемы происхождения катакомбной культуры // Археологический сборник. Вып. 8. М.; Л.: Совет. художник, 1966.

[70] *Клейн Л. С.* Указ. соч. С. 7.

[71] Там же. С. 9–10.

[72] Там же. С. 10–12.

[73] *Киселев С. В.* Указ. соч. С. 56; История СССР... С. 144.

[74] *Киселев С. В.* Указ. соч. С. 56.

[75] Всемирная история. С. 233; История СССР... С. 104; Народы Сибири // Народы мира: Этнографические очерки. М.; Л., 1956. С. 50.

[76] *Мерперт Н. Я.* Указ. соч. С. 145.

[77] *Потемкина Т. М.* Работы Тоболо-Иртышского отряда // Археологические открытия 1976 года. М., 1977. С. 273; Энеолит СССР. С. 329.

[78] *Сухачев Н. Л., Хлопин И. Н.* Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы // ВДИ. 1988. № 1. С. 223.

[79] *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1950; Энеолит СССР... С. 330.

[80] Цит. по: *Шилов В. П.* Модели скотоводства... С. 5.

[81] *Хлобыстина М. Д.* Древние могильники Горного Алтая // СА. 1975. № 1. С. 17 и сл.

[82] Там же. С. 18; *Смирнов К. Ф.* Древние курганы у сел. Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА. М., 1959. Вып. 60. С. 307; *Он же.* Быковские курганы // МИА. М., 1960. Вып. 78. С. 235.

[83] *Хлобыстина М. Д.* Указ. соч. С. 24–25.

[84] Там же. С. 20, 32–33.

[85] Всемирная история. С. 233.

[86] Народы Сибири. С. 50; *Кызласов Л. Р.* Древнейшие орудия... С. 168.

[87] Народы Сибири. С. 52.

[88] Всемирная история. С. 234.

[89] *Киселев С. В.* Бронзовый век. С. 58.

[90] Народы Сибири. С. 52.

[91] *Грязнов М. П., Вадецкая Э. Б.* Афанасьевская культура // История Сибири. Л., 1968. С. 165; Энеолит СССР... С. 330.

[92] Энеолит СССР. С. 331.

[93] *Третьяков П. Н.* Финно-угры... С. 37.

[94] *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М., 1948. С. 63–66.

[95] *Киселев С. В.* Указ. соч. С. 47; *Третьяков П. Н.* Указ. соч. С. 83–84; История СССР. С. 134.

[96] Там же.

[97] *Третьяков П. Н.* Указ. соч. С. 87.

[98] Там же. С. 84; *Киселев С. В.* Указ. соч. С. 47–48.

[99] *Киселев С. В.* Указ. соч.

[100] *Брюсов А. Я.* Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952. С. 94; *Третьяков П. Н.* Указ. соч. С. 87–88.

[101] *Третьяков П. Н.* Указ. соч. С. 87, 91.

[102] Там же. С. 84–86.

[103] *Артеменко И. И.* Среднестоговская культура // СА. 1963. № 2. С. 35; *Третьяков П. Н.* Указ. соч. С. 77.

[104] *Третьяков П. Н.* Указ. соч. С. 84–87.

[105] Там же. С. 89.

[106] Там же. С. 90; *Киселев С. В.* Указ. соч. С. 49; *Бадер О. Н.* Могильник в урочище Карабай близ дер. Балаково в Чувашии // СА. 1940. Вып. 4.

[107] *Бадер О. Н.* Балановская культура // СА. 1961. № 4; *Халиков А. Х.* Балановские памятники Татарии // КСИА. 1964. Вып. 97.

[108] *Акимова М. С.* Антропологический тип населения фатьяновской культуры // Труды Института этнографии АН СССР. М., 1947. Т. 1; *Герасимов М. М.* Восстановление лица по черепу // Труды Института этнографии АН СССР. М., 1955. Т. 28. С. 477–519; *Третьяков П. Н.* Указ. соч. С. 88–89.

[109] *Бадер О. Н.* Балановская культура. С. 65.

[110] Эпоха бронзы лесной полосы СССР // Археология СССР. М.: Наука, 1987. С. 10 и сл.

[111] Там же. С. 23–24, 59.

[112] *Бадер О. Н.* У истоков финно-угорской культуры в Восточной и Северной Европе // Тезисы докладов и сообщений археологов СССР на VII Международном конгрессе доисториков и протоисториков. М., 1966; *Брюсов А. Я.* Восточная Европа в III тыс. до н. э. // СА. 1965. № 2; *Он же.* Проблема происхождения культур каменного века в Северной части европейской части СССР // СА. 1968. № 4; *Халиков А. Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969; *Студзицкая С. В.* Образ зверя в мелкой пластике сибирских племен в эпоху палеолита и ранней бронзы // Экспедиции ГИМа. М., 1969.

[113] *Акимова М. С.* Палеоантропологический материал из Балановского могильника // Бадер О. Н. Балановский могильник. Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. М., 1963; Эпоха бронзы... С. 82.

[114] Эпоха бронзы... С. 78, 82.

[115] *Третьяков П. Н.* Указ. соч. С. 91.

[116] Там же. С. 94; *Киселев С. В.* Указ. соч. С. 50, 86.

[117] *Телегин Д. Я.* Основные черты хронологии среднестоговской культуры эпохи меди // Доклады советских археологов на VII Международном конгрессе дои-

сториков. М., 1966; *Бибикова В. Н.* Из истории голоценовой фауны позвоночных в Восточной Европе // Природная обстановка и фауны прошлого. Киев, 1963. С. 130.

[118] *Цалкин В. И.* Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М.: Наука, 1970. С. 247; *Мерперт Н. Я.* Указ. соч. С. 101, 141.

[119] Энеолит СССР. С. 425.

[120] *Цалкин В. И.* Указ. соч.; *Мерперт Н. Я.* Указ. соч. С. 105.

[121] Энеолит СССР. С. 326.

[122] *Артеменко И. И.* О памятниках раннего этапа среднеднепровской культуры // КСИА. М., 1963. Вып. 93. С. 38–48.

[123] *Мерперт Н. Я.* Указ. соч. С. 79, 141.

[124] Там же. С. 141.

[125] Там же. С. 140.

[126] ОАК за 1901 год. СПб., 1903. С. 67; ОАК за 1902 год. СПб., 1904. С. 19; ОАК за 1903 год. СПб., 1906. С. 70; *Иессен А. А.* К вопросу о древних связях Северного Кавказа с Западом // КСИИМК. 1952. Вып. 16. С. 48.

[127] *Бетрозов Р. Ж.* К древней истории племен Центрального Кавказа. Нальчик, 1982. С. 26.

[128] *Мунчаев Р. М.* Указ. соч. М.: Наука, 1975. С. 335.

[129] *Мизиев И. М.* Два кургана у селений Кишпек и Кызбурун III // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984. Т. 1. С. 91–95.

[130] *Мунчаев Р. М.* Указ. соч. С. 324; *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М.: Наука, 1965. С. 140; *Крупнов Е. И., Мерперт Н. Я.* Курганы у станицы Мекенской // Древности Чечено-Ингушской АССР. М., 1963. С. 35. Рис. 15.

[131] *Формозов А. А.* Указ. соч. С. 140; Энеолит СССР. С. 328.

[132] *Gimbutas M.* The Prehistoru of Eastern Europe. Gembridge, 1965. Part. 1. P. 73.

[133] *Мунчаев Р. М.* Указ. соч. С. 212, 310, 316; *Киселев С. В.* Бронзовый век. С. 20.

[134] *Эрдниев У. Э.* Основные итоги археологического изучения Южной Калмыкии // Тезисы докладов IX Крупновских чтений по археологии Кавказа. Элиста, 1979. С. 3–4; *Шнайдштейн Е. В.* Погребения срубной культуры в Калмыкии // Тезисы докладов IX Крупновских чтений... С. 17; *Цуцкин Е. В.* О раскопках в Сарпинской низменности // Тезисы докладов IX Крупновских чтений... С. 31.

[135] Там же.

[136] *Эрдниев У. Э.* Роль контактов в древности: (По материалам археологии) // Тезисы докладов XIII Крупновских чтений по археологии Кавказа. М., 1982. С. 6–7.

[137] *Сафронов А. В.* Хронология бронзового века степных районов бассейна Кубани // Тезисы докладов X Крупновских чтений... М., 1980. С. 7–8; *Николаева Н. А., Сафронов А. В.* Проблемы появления колесного транспорта в Европе: Древние повозки Восточной Европы. Выделение Днепровско-кубанской культуры – культуры древнейших кочевников Восточной Европы // Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Орджоникидзе, 1983. С. 59.

[138] *Чайлд Г.* Указ. соч. С. 73, 124.

[139] *Мунчаев Р. М.* Указ. соч. С. 227.

[140] *Бетрозов Р. Ж.* Указ. соч. С. 23–26.

[141] *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев: Наукова думка, 1978. С. 21–34; *Мунчаев Р. М.* Указ. соч. С. 232–235.

[142] ОАК за 1899 год. СПб., 1902. С. 43; ОАК за 1904 год. СПб., 1907. С. 96.

[143] *Бетрозов Р. Ж., Нагоев А. Х.* Курганы эпохи бронзы у селений Чегем I, Чегем II и Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984. Т. 1. С. 37–38. Рис. 7, 8.

[144] Там же. С. 39. Рис. 9.

[145] *Мизиев И. М.* Указ. соч. С. 95–96.

[146] Там же. С. 92, 95. Рис. 4 (11).

[147] Там же. С. 106. Рис. 12.

[148] *Батчаев В. М.* Погребальные памятники у селений Лечинкай и Былым // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984. Т. 2. С. 125.

[149] Там же. С. 145–146.

[150] Там же. С. 154.

[151] Там же. С. 161, 163.

[152] *Бетрозов Р. Ж., Нагоев А. Х.* Указ. соч. С. 49–50.

[153] Там же. С. 53.

[154] *Чеченов И. М.* Вторые курганные группы у селений Кишпек, Чегем II // Археологические исследования... С. 174, 186, 239, 242, 253.

[155] *Мунчаев Р. М.* Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // МИА. М.: Наука, 1962. Вып. 100. С. 140–145.

[156] *Крупнов Е. И., Мерперт Н. Я.* Указ. соч. С. 39.

[157] Там же. С. 40.

[158] Там же.

[159] Там же. С. 41.

[160] Там же.

[161] Там же. С. 42.

[162] Эпоха бронзы... С. 37–38 (карта); *Чеченов И. М.* Указ. соч. С. 242; *Техов Б. В.* Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. М.: Наука, 1977. С. 13.

[163] *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы... С. 54, 79.

[164] *Андреева М. В.* К вопросу о южных связях майкопской культуры // СА. 1977. № 1. С. 43.

[165] *Попова Т. Б.* Дольмены у станицы Новосвободной. М., 1963. С. 45.

[166] *Марковин В. И.* К вопросу о хронологии археологических культур эпохи бронзы на территории Северного Кавказа // Новые памятники эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1982. С. 8.

[167] *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы // МИА. М.: Наука, 1960. Вып. 93. С. 106–107.

[168] *Марковин В. И.* Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. Нальчик, 1974. С. 44.

[169] *Марковин В. И.* К вопросу о хронологии... С. 9.

[170] *Марковин В. И.* Дольменная культура... С. 44.

[171] Там же. С. 45.

[172] *Иессен А. А.* Майкопская культура и ее датировка // Тезисы докладов на заседании отделения исторических наук, посвященном итогам полевых исследований 1961 года. М., 1962. С. 19–21; *Марковин В. И.* Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука, 1978. С. 278–281.

[173] *Чеченов И. М.* Указ. соч. С. 228.

[174] *Козенкова В. И.* Новые материалы по бронзовому веку Западного Предкавказья // КСИА. М., 1973. Вып. 134. С. 60–67.

[175] *Котович В. Г., Котович В. М., Магомедов С. М.* Утамышские курганы // Северный Кавказ в древности и Средневековье. М.: Наука, 1980. С. 43.

[176] Там же. С. 44–45.

[177] Там же. С. 48.

[178] Там же. С. 54.

[179] *Мерперт Н. Я.* Указ. соч. С. 54, 79.

[180] *Мунчаев Р. М.* Кавказ... С. 313.

[181] Там же. С. 410.

[182] *Иессен А. А.* Раскопки большого кургана в урочище Уч-тепе // МИА. М.: Наука, 1965. Вып. 125. С. 186, 190.

[183] *Кушнарева К. Х.* К вопросу о социальной интерпретации некоторых погребений Южного Кавказа // КСИА. М.: Наука, 1973. Вып. 134. С. 11.

[184] *Мунчаев Р. М.* Указ. соч.; *Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Я.* Древние культуры Южного Кавказа. Л.: Наука, 1970. С. 16.

[185] *Иессен А. А.* Указ. соч. С. 170, 187.

[186] Там же. С. 187, 189; *Мунчаев Р. М.* Указ. соч. С. 312.

[187] *Иессен А. А.* Указ. соч. С. 168; *Кушнарева К. Х.* Указ. соч. С. 12–13.

[188] *Иессен А. А.* Указ. соч. С. 184; *Мунчаев Р. М.* Указ. соч. С. 313.

[189] *Мунчаев Р. М.* Указ. соч. С. 313.

[190] *Иессен А. А.* Указ. соч. С. 187.

[191] Там же. С. 188.

[192] *Кушнарева К. Х., Джапаридзе О. М.* Рецензия на книгу «Р. М. Мунчаев. Кавказ на заре бронзового века» // СА. 1978. № 1. С. 275.

[193] *Кушнарева К. Х.* Указ. соч. С. 14; *Гобеджишвили Г. Ф.* Веденские курганы // Тезисы докладов пленарных заседаний Всесоюзной конференции по итогам полевых исследований археологов и этнографов в 1970 году. Тбилиси: Мецниереба, 1971. С. 44–48.

[194] Там же; *Кушнарева К. Х.* Указ. соч. С. 15.

[195] *Кушнарева К. Х.* Указ. соч. С. 15, 17.

[196] *Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н.* Указ. соч. С. 170.

[197] Там же.

[198] Там же. С. 173.

[199] Там же. С. 182.

[200] *Мунчаев Р. М.* Указ. соч. С. 314–316.

[201] Там же; *Ростунов В. Л., Наглер А. С.* Об этнокультурных и социально-экономических процессах в Центральном Закавказье в конце III тыс. до. н. э. // Археология и вопросы хозяйственно-экономического развития Северного Кавказа. Грозный, 1987. С. 7.

[202] *Ростунов В. Л., Наглер А. С.* Указ. соч. С. 11–12.

[203] Там же. С. 13.

[204] *Уинн М. М.* Материалы захоронений и курганная культура в Восточной Анатолии III тыс. до н. э. // Journal of Jndo-European Studies. Vol. 9. № 1. (Приношу глубокую благодарность В. Л. Ростунову за информацию об этом источнике).

[205] *Вулли Л.* Забытое царство. М.: Наука, 1986. С. 19–20.

[206] Там же. С. 26.

[207] Там же. С. 38–39.

[208] *Николаева Н. А., Сафронов А. В.* Указ. соч. С. 67–68.

[209] *Piggott T. S.* Prehistorie Jncfia Harmonsworth. 1949. Fig. 32.

[210] *Мнацаканян А. О.* Древние повозки из курганов бронзового века на побережье оз. Севан // СА. 1960. № 2. С. 139 и сл.; *Котович В. Г., Котович В. М., Магомедов С. М.* Указ. соч.

[211] *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы. С. 131.

[212] *Качалова Н. К.* Бережновский горизонт культуры Нижнего Поволжья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья и Приаралья. Куйбышев, 1976. С. 60.

[213] *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье... С. 20.

[214] *Иессен А. А.* Раскопки курганов на Дону в 1951 году // КСИИМК. М., 1954. Вып. 53. С. 73–74.

[215] *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье. С. 15 и сл.

[216] *Стоколос В. С.* Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972. С. 47. Рис. 13; *Галкин Л. Л.* Сосуд срубной культуры с сюжетным рисунком из саратовского Заволжья // СА. 1977. № 3. С. 189–195. Рис. 7 (1–3).

[217] *Галкин Л. Л.* Указ. соч. С. 195.

[218] История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. С. 146; *Киселев С. В.* Бронзовый век... С. 58.

[219] *Грязнов М. П., Вадецкая Э. Б.* Афанасьевская культура. С. 165.

[220] Энеолит СССР. С. 330.

[221] Там же. С. 331.

[222] *Киселев С. В.* Указ. соч. С. 57–58.

[223] *Комарова М. Н.* Погребения Окуневского улуса // СА. 1947. № 4. С. 47.

[224] *Максименков Г. А.* Окуневцы в Южной Сибири // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 173.

[225] *Иванова Л. А.* Некоторые проблемы изучения афанасьевской культуры // Тезисы ИЭ ЛО за 1966 г. М., 1967. С. 21–22.

[226] *Максименков Г. А.* Указ. соч. С. 169.

[227] *Алексеев В. П.* Палеоантропология Саяно-Алтайского нагорья в эпоху неолита и бронзы // Антропологический сборник. Т. 3; Труды ИЭ. Нов. сер. М., 1961. Т. 71. С. 107; *Он же.* О брахикранном компоненте в составе населения афанасьевской культуры // СЭ. 1961. № 1. С. 116.

[228] *Кузьмина Е. Е.* Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе: Илим, 1986. С. 32, карта; *Киселев С. В.* Указ. соч. С. 58.

[229] *Киселев С. В.* Указ. соч. С. 58; История СССР... С. 146.

[230] *Кузьмина Е. Е.* Указ. соч. С. 43–44.

[231] Там же. С. 5.

[232] *Киселев С. В.* Указ. соч. С. 58.

[233] Там же. С. 59.

[234] Там же.

[235] Там же. С. 60; История СССР... С. 146–148.

[236] *Дебец Г. Ф.* Палеоантропология СССР. М.; Л., 1948. С. 82.

[237] *Новгородова Э. А.* Локальные варианты карасукской керамики // Новое в советской археологии... С. 186.

[238] История СССР... С. 148.

[239] *Киселев С. В.* Карасукские могильники, раскопанные в 1929–1932 гг. // СА. 1937. С. 162; *Он же.* Семантика орнаментации карасукских стел // ИГАИМК. М.; Л., 1933. Вып. 100. С. 280; *Кызласов Л. Р.* Карасукский могильник Хара-хая // СА. 1971. № 3. С. 185.

[240] *Сорокин С.* Андроновская культура // САИ. 6-3-2. С. 15; *Киселев С. В.* Указ. соч.

[241] *Итина М. А.* Проблемы археологии Хорезма: (К 40-летию Хорезмийской экспедиции) // СА. 1977. № 4. С. 45.

[242] *Итина М. А.* Древнехорезмийские земледельцы // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 75–76.

[243] Там же. С. 78.

[244] Там же. С. 85.

[245] *Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. С. 136; *Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э.: (По материалам Уйгарака) // Труды Хорезмийской экспедиции. 1973. Т. 8; *Толстов С. П., Итина М. А.* Саки низовьев Сырдарьи: (По материалам Тагискена) // СА. 1966. № 2. С. 151 и сл.; *Вишневская О. А., Итина М. А.* Ранние саки Приаралья // Проблемы скифской археологии. М., 1971. С. 197.

[246] *Волин С.* К истории древнего Хорезма // ВДИ. 1941. № 1. С. 194.

[247] *Толстов С. П.* Древнехорезмийские памятники Каракалпакии // ВДИ. 1939. № 1. С. 174–176.

[248] *Итина М. А.* О месте тазабагъябской культуры среди культур степной бронзы // СЭ. 1960. № 2. С. 63.

[249] Там же. С. 68; *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964. С. 131; *Кузьмина Е. Е.* О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы Средней Азии // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1964. С. 154.

[250] *Смирнов К. Ф.* Проблемы изучения ранних сарматов // СА. 1957. № 3. С. 7.

[251] *Сальников К. В.* Итоги и задачи изучения археологии Башкирии // АЭБ. Уфа, 1964. Т. 2. С. 9; *Смирнов К. Ф.* Савроматы... С. 178–179; *Он же.* Состояние и задачи археологического исследования Оренбургской области // АЭБ. Т. 2. С. 18; *Мошкова М. Г., Федорова-Давыдова Э. А.* Погребения эпохи бронзы Новокуманского могильника // КСИИМК. 1964. Вып. 101. С. 136.

[252] *Гинзбург В. В.* Материалы к антропологии населения Западного Казахстана в эпоху бронзы // МИА. М., 1962. Вып. 120. С. 196.

[253] *Алексеев В. П.* Антропологический тип населения западного распространения андроновской культуры // Научные труды Ташкентского госуниверситета. Ташкент, 1964. Вып. 235. С. 22.

[254] *Итина М. А.* Указ. соч. С. 71.

[255] Там же. С. 72.

[256] Там же. С. 78.

[257] *Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948. С. 77–78; *Он же*. Древний Хорезм. М., 1948. С. 348.

[258] *Гулямов Я. Г.* История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957. С. 51–54.

[259] *Толстов С. П., Итина М. А.* Проблемы суяргинской культуры // СА. 1960. № 1. С. 15, 21.

[260] *Трофимова Т. А.* Палеоантропологический материал с территории древнего Хорезма // СЭ. 1957. № 3. С. 14–15.

[261] *Толстов С. П., Итина М. А.* Указ. соч. С. 34.

[262] *Виноградов Н. М., Кузьмина Е. Е.* Контакты степняков с земледельцами в Средней Азии в эпоху бронзы // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М.: Наука, 1986. С. 126.

[263] Там же. С. 129.

[264] *Кузьмина Е. Е.* О южных пределах... С. 91; *Виноградов Н. М., Кузьмина Е. Е.* Указ. соч. С. 129.

[265] *Латвийский Б. А., Мухитдинов Х.* Античное городище Саксин-Охур // СА. 1969. № 2. С. 161; *Латвийский Б. А., Соловьев В. В.* Стоянки степной бронзы в Южном Таджикистане // Успехи средневековой археологии. 1972. Вып. 1. С. 41.

[266] *Сариниди В. И.* Древние земледельцы Афганистана. М., 1977. С. 66.

[267] *Сариниди В. И.* Раскопки Тилля-тепе в Северном Афганистане. М., 1972. Вып. 1. Рис. 7 (2), 9 (1, 12), 10 (3), 22 (4).

[268] *Виноградов Н. М., Кузьмина Е. Е.* Указ. соч. С. 148.

[269] Там же.

[270] *Халиков А. Х.* Ново-Мордовские курганы // Новое в советской археологии... С. 143; История СССР... С. 123.

[271] *Синицин И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда // МИА. М., 1959. Вып. 60. С. 56–118; *Он же.* Древние памятники в низовьях Еруслана // МИА. М., 1960. Вып. 78. С. 10–107; *Смирнов К. Ф.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области. С. 228–306.

[272] *Качалова Н. К.* Указ. соч. С. 73.

[273] Там же. С. 77.

[274] *Халиков А. Х.* Указ. соч. С. 143.

[275] *Мерперт И. Я.* Из древней истории Среднего Поволжья // МИА. М., 1958. Вып. 61. С. 71.

[276] *Халиков А. Х.* Указ. соч. С. 148.

[277] Эпоха бронзы... С. 83, 125.

[278] *Морозов Ю. А.* Новые сведения о заселении Приуралья срубными племенами // СА. 1977. № 1. С. 162–167.

[279] Эпоха бронзы... С. 130.

[280] Там же. С. 131.

[281] *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье... С. 14–15, 17; История СССР... С. 123.

[282] История СССР... С. 124.

[283] *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье... С. 11.

[284] Там же. С. 20.

[285] *Кривцова-Гракова О. А.* Погребения бронзового века... С. 15; *Эрдниев У. Э.* Основные итоги археологического изучения Южной Калмыкии... С. 4.

[286] *Иерусалимская А. А.* О предкавказском варианте катакомбной культуры // СА. 1958. № 2. С. 34–48; *Попова Т. Б.* К вопросу о курильницах северокавказского типа // СА. 1957. № 1. С. 161–177; *Клейн Л. С.* Прототипы катакомбных курильниц и проблема происхождения катакомбной культуры // Археологический сборник. М.; Л.: Сов. художник, 1966. № 8. С. 6; *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.) // МИА. М., 1960. Вып. 93. С. 69–76.

[287] История СССР... С. 123.

[288] Там же. С. 122.

[289] Там же. С. 120.

[290] *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье... С. 20.

[291] *Клейн Л. С.* Указ. соч. С. 7.

[292] Цит. по: *Клейн Л. С.* Указ. соч.

[293] Там же. С. 9.

[294] Там же. С. 13.

[295] Там же. С. 14.

[296] *Эрдниев У. Э.* Указ. соч.

[297] *Нечитайло А. Л.* Погребальные памятники предкавказской культуры Верхнего Прикубанья // Тезисы докладов III Крупновских чтений по археологии Северного Кавказа... С. 5–6; *Она же.* Верхнее Прикубанье в эпоху бронзы... С. 124–127.

[298] *Чеченов И. М.* Вторые курганные группы... С. 242.

[299] Там же. С. 242–243; *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа // МИА. М., 1962. Вып. 106. С. 116, 134.

[300] *Батчаев В. М.* Погребальные памятники у селений Лечинкай и Былым. С. 150, 160.

[301] *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье... С. 20.

[302] Там же. С. 21.

[303] Там же. С. 70.

[304] Там же. С. 70–71; История СССР... С. 127.

[305] *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье... С. 71–72.

[306] *Казаков Е. П.* Погребения срубной культуры у дер. Куралово // СА. 1975. № 3. С. 195; *Мамонтов В. И.* О раннесрубных памятниках Волго-Донского междуречья // СА. 1981. № 3. С. 26; *Мерперт Н. Я.* Материалы по археологии Среднего Заволжья // МИА. 1956. Вып. 42. С. 147; *Смирнов К. Ф.* Быковские курганы // МИА. 1960. Вып. 78. С. 174.

[307] *Артамонов М. И.* Киммерийцы и скифы в Азии // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 101; *Марковин В. И.* Об изучении взаимосвязей древних племен // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976. С. 199; *Мамонтов В. И.* Указ. соч. С. 19; *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье...

[308] *Иессен А. А.* Указ. соч. С. 73–74.

[309] *Марковин В. И.* Культура племен... С. 71–73. Рис. 32 (4–6).

[310] *Шнайдштейн Е. В.* Указ. соч.; *Цуцкин Е. В.* Указ. соч.

[311] *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье… С. 48–49.

[312] *Бетрозов Р. Ж., Нагоев А. Х.* Курганы эпохи бронзы… С. 61.

[313] *Чеченов И. М.* Указ. соч. С. 184.

[314] Там же. С. 186.

[315] *Мизиев И. М., Бетрозов Р. Ж., Нагоев А. Х.* Археологические раскопки 1972 года в Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1973. С. 31. Рис. 18 (1); *Батчаев В. М.* Указ. соч. Рис. 20 (3); *Марковин В. И.* Культура племен. С. 73. Рис. 32 (3–6).

[316] *Батчаев В. М.* Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1986. С. 11–13.

[317] *Кобычев В. П.* Города, селения, жилища // Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968. С. 104; *Он же*. Поселение и жилище народов Северного Кавказа в XIX–XX вв. М., 1982. С. 160–161.

[318] *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии: Исследования советской экспедиции в Ираке. М.: Наука, 1981; *Массон В. М.* Средняя Азия и Древний Восток. Л., 1964; *Кушнарева К. Х., Чубинишвили Т. Н.* Указ. соч.

[319] Энеолит СССР; Эпоха бронзы...

[320] *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема: Временные и ареальные характеристики общеиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным // ВДИ. 1980. № 3. С. 3–36; *Они же*. Миграция племен – носителей индоевропейских диалектов с первичной территории расселения на Ближнем Востоке и исторические места их обитания в Евразии // ВДИ. 1981. № 2. С. 11–33; *Они же*. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ и протокультура. Тбилиси, 1984.

[321] *Дьяконов И. М.* Языковые контакты на Кавказе и Ближнем Востоке // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. Орджоникидзе, 1989. С. 7.

[322] *Джапаридзе О. М.* Этнокультурная история Грузии в эпоху ранних курганов // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. С. 80–81.

[323] *Пьянков И. В.* Кавказ и пути древних этнических передвижений // Кавказ и цивилизации Древнего Востока... С. 111.

[324] *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы...

[325] Там же. С. 918.

[326] *Дьяконов И. М.* Указ. соч. С. 6.

[327] *Дьяконов И. М.* О прародине носителей индоевропейских диалектов // ВДИ. 1982. № 3. С. 15–24.

[328] Знание – сила. 1988. № 9. С. 27.

[329] *Марр Н. Я.* Избранные труды. Л., 1933. Т. 1. С. 213.

[330] Там же. С. 133.

[331] Там же. С. 93.

[332] *Дьяконов И. М.* Языковые контакты на Кавказе... С. 5.

[333] *Марр Н. Я.* Указ. соч. С. 213.

[334] Цит. по: *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы... С. 458 (прим. 1).

[335] Там же. С. 958.

[336] Цит. по: *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.* Указ. соч. С. 157.

[337] Всемирная история. М., 1956. Т. 1. С. 126–128, 139, 141–142, 194–198, 205; *Чайлд Г.* Прогресс и археология... С. 50 и сл.; *Массон В. М.* Древние гробницы вождей на Кавказе: (Некоторый аспект социальной интерпретации) // Кавказ и Восточная Европа в древности [Памяти Е. И. Крупнова]. М.: Наука, 1973. С. 108.

[338] *Чайлд Г.* Указ. соч. С. 76.

[339] *Массон В. М.* Древние гробницы...

[340] *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы... С. 30.

[341] *Чайлд Г.* Указ. соч. С. 49.

[342] *Бибикова В. И.* Животноводство в Северной Месопотамии в V тыс. до н. э.: (По материалам халафских поселений Ярым-тепе) // Приложение к кн.: *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.* Раннеземледельческие поселения... С. 299–306.

[343] *Бахтеев Ф. Х., Янушевич Э. В.* Находки культурных растений на раннеземледельческих поселениях Ярым-тепе II в Северной Месопотамии // Приложение к кн.: *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.* Раннеземледельческие поселения... С. 287–298.

[344] *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.* Указ. соч. С. 251; Всемирная история. С. 127.

[345] *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.* Указ. соч. С. 307–315.

[346] Там же. С. 29–76. Рис. 5–16; Всемирная история. С. 122, 127, 128, 192–193.

[347] *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.* Указ. соч. С. 67.

[348] *Чайлд Г.* Указ. соч. С. 42, 92.

[349] *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.* Указ. соч. С. 78–86.

[350] *Чайлд Г.* Указ. соч. С. 156, 161, 165; *Дикшит С. К.* Введение в археологию... С. 322–323.

[351] *Wolley G. Leonard.* Ur of the Ghabdees // Pelican. London, 1938. P. 27, 32.

[352] *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.* Указ. соч. С. 207, 212, 266.

[353] *Руденко С. И.* Древнейшие в мире художественные ковры и ткани: (Из оледенелых курганов Алтая). М.: Искусство, 1968. С. 27.

[354] Всемирная история. С. 123–124.

[355] Там же. С. 128, 194.

[356] *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.* Указ. соч. С. 85–102.

[357] Там же. С. 112.

[358] Там же. С. 87–112. Рис. 19–26, 41.

[359] *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Древняя Передняя Азия.... С. 10; *Генинг В. Ф.* Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен // СА. 1977. № 4. С. 53–70.

[360] *Массон В. М.* Древние гробницы. С. 108.

[361] *Анфимов И. Н.* Курганы эпохи ранней бронзы в Восточном Приазовье // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов. Махачкала, 1988. С. 19–20.

[362] *Генинг В. Ф.* Указ. соч. Рис. 3.

[363] Всемирная история. С. 192.

[364] *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы... С. 544–545 сл.

[365] Там же. С. 545–548.

[366] Там же. С. 556.

[367] Там же. С. 544–545.

[368] Там же. С. 558.

[369] Там же. С. 559.

[370] Там же. С. 560.

[371] *Бибикова В. И.* Указ. соч. С. 300.

[372] *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Указ. соч. С. 558.

[373] *Мунчаев Р. М.* Бронзовые псалии майкопской культуры и проблема возникновения коневодства на Кавказе // Кавказ и Восточная Европа в древности... С. 76.

[374] *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Указ. соч. С. 733.

[375] Там же. С. 493.

[376] *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М., 1967. С. 23.

[377] *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Указ. соч. С. 507–509, 156.

[378] *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949. Т. 1. С. 32.

[379] *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Указ. соч. С. 914–915.

[380] Там же. С. 915.

[381] Там же. Примеч. 1.

[382] Там же. С. 917.

[383] Там же. С. 918.

[384] Там же. С. 950.

[385] *Schreder O.* Prehistorie Antiquities of the Azyan Peoples. London, 1890. P. 149.

[386] *Кузьмина Е. Е.* Древнейшие скотоводы...

[387] Там же. С. 87, 101, 103, 107.

[388] *Кузьмина Е. Е.* Указ. соч. С. 101–103; *Она же.* Гончарное производство у племен андроновской культурной общности: (Об одном археологическом аспекте проблемы происхождения индоариев) // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М.: Наука, 1986. С. 172–173; *Марковин В. И.* Дагестан и Горная Чечня в древности: Каякенто-хорочоевская культура. М., 1969. С. 96; *Шиллинг Е. М.* Балхары. Пятигорск, 1936. С. 16.

[389] *Кузьмина Е. Е.* Древнейшие скотоводы... С. 52.

[390] Там же. С. 84–86.

[391] *Виноградов Н. М., Кузьмина Е. Е.* Указ. соч. С. 147.

[392] *Кузьмина Е. Е.* Гончарное производство... С. 101–102.

[393] *Дикшит С. К.* Указ. соч. С. 345.

[394] *Дикшит С. К.* Указ. соч. С. 351–467.

[395] *Сарианиди В. И.* Древние земледельцы Афганистана: (Материалы Советско-афганской экспедиции 1969–1974 гг.). М.: Наука, 1977. С. 5, 83, 90, 145 и сл.

[396] *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы... С. 145, 148 и сл.

[397] *Барта А.* Проблемы этнической археологии в уралистике и алтаистике // Урало-алтаистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск: Наука, 1985. С. 11.

[398] *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы... С. 30.

[399] *Алексеева В. П., Кияткин Т. П., Ходжайлов Т. К.* Палеоантропологические материалы эпохи неолита и бронзы с территории Средней Азии // Древние цивилизации Востока: Материалы II симпозиума советско-американских археологов. Ташкент: Фан, 1986. С. 33.

[400] *Итина М. А.* Взаимодействие земледельческих цивилизаций Средней Азии с их «варварской» периферией в эпоху бронзы // Древние цивилизации Востока... С. 130–131.

[401] *Хлопин Н. И.* Могильники эпохи энеолита и бронзы в Юго-Западной Туркмении // Древние цивилизации Востока... С. 204–214.

[402] Там же. С. 210–211.

[403] *Хлопин Н. И.* Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы // По материалам Сумбарских могильников. Л.: Наука, 1983. С. 133.

[404] Там же. С. 40–41.

[405] *Сухачев Н. Л., Хлопин Н. И.* Юго-Западная Туркмения в эпоху бронзы // ВДИ. 1988. № 1. С. 223.

[406] *Абрамова М. П.* Подкумский могильник. М.: Наука, 1987. С. 177; *Она же*. Кочевые ираноязычные племена Предкавказья по археологическим данным // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов. Махачкала, 1988. С. 48.

[407] *Смирнов А. П.* Рецензия на книгу Р. Л. Кызласова «История Тувы в Средние века» // СА. 1971. № 1. С. 300; *Ковалевская В. Б.* Кавказ и аланы. М.: Наука, 1984. С. 92; *Абрамова М. П.* К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа // СА. 1978. № 1. С. 77–78.

[408] *Мизиев И. М.* История рядом. Нальчик: Эльбрус, 1990. С. 35–36.

[409] *Услар П. К.* Древнейшие сказания о Кавказе... С. 493–494.

[410] *Стеблева И. В.* Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. М.: Наука, 1976. С. 47, 55.

[411] Цит. по: *Латышев В. В.* Известия древних писателей. СПб., 1904. Т. 2. Ч. 1. С. 63.

[412] *Мерперт Н. Я.* Указ. соч. С. 132.

[413] Там же. С. 144.

[414] Там же. С. 133.

[415] *Файрсервис В.* К вопросу о происхождении харапской цивилизации // Древние цивилизации Востока... С. 189.

[416] *Кшибеков Д.* Кочевое общество. Алма-Ата, 1984. С. 9–13, 217–220.

[417] *Баскаков Н. А.* Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М.: Наука, 1985. С. 159.

[418] *Мусаев К. М.* Лексикология тюркских языков. М.: Наука, 1984. С. 120–121, 131 и сл.

[419] *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938. С. 437–438 (цит. по Мусаеву).

[420] *Чагдуров С. Ш.* Происхождение Гэсэриады. Новосибирск: Наука, 1980. С. 44 сл., 84 сл.

[421] *Добродомов И. Г.* Пути проникновения булгарской лексики в славянские языки // Тюркизмы в восточно-славянских языках. М.: Наука, 1974. С. 26.

[422] *Немет Ю.* Специальные проблемы тюркского языкознания в Венгрии // Вопросы языкознания. 1963. № 6. С. 126–136.

[423] *Грач А. Д.* Древние кочевники в Центральной Азии. М., 1980. С. 74; *Магомедов М. Г.* Образование Хазарского каганата. М.: Наука, 1983. С. 61, 64, 66, 77, 92–93; *Еремеев Д. Е.* «Тюрк» – этноним иранского происхождения: (К проблеме этногенеза древних тюрок) // СЭ. 1990. № 3. С. 133; *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью Золотой Орды. М.: Изд-во МГУ, 1966; *Плетнева С. А.* Кочевники Средневековья. М.: Наука, 1982. С. 45, 83 и сл.

[424] *Халиков А. Х.* Татарский народ и его предания. Казань, 1989. С. 52.

[425] *Баскаков Н. А.* Введение в изучение тюркских языков. М.: Просвещение, 1969. С. 84.

[426] *Добровольский Б. А.* Какие языки родственны европейским? // Наука и человечество. М.: Знание, 1971–1972.

[427] Там же. С. 107.

[428] Там же. С. 113.

[429] Там же. С. 118–119.

[430] *Андреев Н. Д.* Раннеиндоевропейский праязык. Л.: Наука, 1986. С. 1.

[431] Там же. С. 4.

[432] Там же. С. 277.

[433] *Долгопольский А. Б.* Указ. соч. С. 277.

[434] *Винклер Г.* Духовная культура Вавилона. Изд-во «Польза». С. 14; Всемирная история. М., 1956. Т. 1. С. 299–300.

[435] *Винклер Г.* Указ. соч. С. 36.

[436] *Гоммель Ф.* История Древнего Востока. СПб., 1905. С. 59–60.

[437] *Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов. М., 1984. С. 265.

[438] *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. С. 83.

[439] *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962. С. 114.

[440] *Гоммель Ф.* Указ. соч. С. 26.

[441] *Харжаубай С.* Документ из I века // Монголия. 1986. № 8. С. 31; *Мизиев И. М.* Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик, 1986. С. 19.

[442] *Пигулевская Н.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941. С. 165–167.

[443] *Винклер Г.* Указ. соч. С. 14.

[444] *Тураев Б. А.* История Древнего Востока. М., 1966. Т. 1. С. 70.

[445] *Грозный Б.* Древнейшие судьбы Передней Азии // ВДИ. 1910. № 3, 4. С. 43.

[446] Там же.

[447] *Мурзаев Э. М.* Указ. соч. С. 179; *Матвеев А. К.* От Пай-Хоя до Мугоджар. – Свердловск, 1984. С. 14, 15.

[448] Советская Россия. 1988. 31 янв.

[449] Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 98–100.

[450] *Рашидад-Дин.* Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. 1. Кн. 1. С. 139; *Чагдуров С. Ш.* Указ. соч. С. 173.

[451] *Пелих Г. И.* Происхождение селькупов. Омск, 1972. С. 167.

[452] *Дьяконов И. М.* Эпос о Гильгамеше. М.; Л., 1961. С. 96.

[453] *Гаджиева Н. З.* Тюркоязычные ареалы Кавказа. М.: Наука, 1979. С. 151–197.

[454] *Юсифов Ю. Б.* Ранние контакты Месопотамии с северо-восточными странами (Приурмийская зона) // ВДИ. 1987. № 1. С. 24; *Он же*. Об актуальных проблемах этнической истории Азербайджана // Проблемы изучения историков по истории Азербайджана. Баку, 1988. С. 17 сл.

[455] *Юсифов Ю. Б.* Ранние контакты... С. 32.

[456] Там же. С. 20–22, 33.

[457] Там же.

[458] *Ямпольский З.* Древнейшие сведения о тюрках в зоне Азербайджана // Ученые записки Азерб. госуниверситета. Сер. яз. и лит. Баку, 1965. № 2. С. 63.

[459] *Струве В. В.* Предисловие к книге Э. Маккея «Древнейшая культура долины Инда». М., 1951. С. 14, 15.

[460] *Чагдуров С. Ш.* Происхождение... С. 84.

[461] Там же. С. 81.

[462] *Дьяконов И. М.* История Мидии. М.; Л., 1956. С. 486.

[463] *Чагдуров С. Ш.* Указ. соч. С. 85.

[464] *Чагдуров С. Ш.* Указ. соч. С. 83–85; Мадай-кара: Алтайский героический эпос. М., 1973. С. 75, 76.

[465] *Грантовский Э. А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970. С. 57–59; *Дьяконов И. М.* История Мидии... С. 63.

[466] *Чагдуров С. Ш.* Указ. соч. С. 82, 83; Мадай-кара... С. 75, 76.

[467] *Юсифов Ю. Б.* Указ. соч.; *Чагдуров С. Ш.* Указ. соч.; Мадай-кара...

[468] *Грозный Б.* Указ. соч.

[469] *Трубецкой Н. С.* Избранные труды по филологии. М., 1987. С. 58, 59.

[470] *Дьяконов И. М.* Языки древней Передней Азии...

[471] Там же. С. 84.

[472] *Сулейменов О.* Аз и Я. Алма-Ата, 1974. С. 230.

[473] Там же.

[474] *Грантовский Э. А.* О распространении иранских племен на территории Ирана // История Иранского государства и культуры. М., 1971. С. 295.

[475] Всемирная история. Т. 1. С. 300, 301.

[476] *Сулейменов О.* Указ. соч. С. 243, 244.

[477] Всемирная история. С. 224.

[478] *Боровков А. К.* Карачаево-балкарский язык // Яфетический сборник. Л., 1932. Вып. 7. С. 50, 51; *Толстов С. П.* Тирания Абруя // Исторические записки. 1938. № 3. С. 42.

[479] *Гоммель Ф.* Указ. соч. С. 26.

[480] Там же. С. 221.

[481] Там же. С. 41.

[482] *Липин Л., Белов А.* Глиняные книги / Под ред. В. В. Струве. М., 1952. С. 227–233.

[483] *Миллер В. Ф.* Осетинские этюды. М., 1887. Ч. 3. С. 86.

[484] Всемирная история. С. 306; *Липин Л., Белов А.* Указ. соч. С. 219.

[485] Всемирная история. С. 221.

[486] *Егоров В. Г.* Современный чувашский язык. Чебоксары, 1954. С. 33–37.

[487] *Липин Л., Белов А.* Указ. соч. С. 229–233.

[488] Там же; *Дьяконов И. М.* Указ. соч. С. 51, 55, 69, 433.

[489] *Богданов И.* Хан Аспарух. София, 1975. С. 239; *Он же*. Прабългари. София, 1976. С. 66–68; *Дьяконов И. М.* Указ. соч. С. 16; *Сулейменов О.* Указ. соч. С. 241.

[490] *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. С. 78.

[491] *Сулейменов О.* Указ. соч. С. 159.
[492] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М., 1967. С. 175.
[493] *Дьяконов И. М.* Указ. соч. С. 80.
[494] Всемирная история. С. 195.
[495] *Дьяконов И. М.* Указ. соч. С. 49.
[496] Там же. С. 17, 62; *Сулейменов О.* Указ. соч. С. 236.
[497] *Дьяконов И. М.* Указ. соч. С. 47, 81; Всемирная история. С. 313.
[498] Там же.
[499] *Липин Л., Белов А.* Указ. соч. С. 290.
[500] *Абаев В. И.* Из иранской ономастики // История Иранского государства и культуры... С. 262.
[501] *Винклер Г.* Духовная культура Вавилона... С. 170, 171.
[502] Там же. С. 86.
[503] *Дьяконов И. М.* Указ. соч. С. 47.
[504] *Липин Л., Белов А.* Указ. соч. С. 288.
[505] *Сулейменов О.* Указ. соч. С. 243.
[506] *Дьяконов И. М.* Указ. соч. С. 50; *Сулейменов О.* Указ. соч. С. 233; *Мамедов А.* Тюркские согласные: Анлаут и комбинаторика. Баку, 1985. С. 34–37.
[507] *Дьяконов И. М.* Указ. соч. С. 80.
[508] Там же. С. 437.
[509] Там же. С. 63.
[510] Там же. С. 51.
[511] Там же. С. 59, 436.
[512] Там же. С. 39, 63, 64, 79.
[513] *Сулейменов О.* Указ. соч. С. 236, 241.
[514] Там же. С. 231; *Дьяконов И. М.* Указ. соч. С. 53, 55.
[515] *Дьяконов И. М.* Указ. соч. С. 53.
[516] *Гоммель Ф.* Указ. соч. С. 15.
[517] Там же. С. 19; *Молчанов О. Т.* Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979. С. 345.
[518] *Дьяконов И. М.* Указ. соч. С. 80.
[519] Там же. С. 66.
[520] Там же. С. 67.
[521] Там же. С. 69.
[522] Там же. С. 430.
[523] Карачаевцы: Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978. С. 274.
[524] *Дьяконов И. М.* Указ. соч. С. 436.
[525] *Сулейменов О.* Указ. соч. С. 241, 242.
[526] *Винклер Г.* Указ. соч. С. 131.
[527] *Дьяконов И. М.* Указ. соч. С. 83, 84.
[528] *Новгородова Э. А.* В стране петроглифов и эдельвейсов. М., 1982. С. 39–43.
[529] *Гоммель Ф.* Указ. соч. С. 96.
[530] *Новгородова Э. А.* Указ. соч. С. 43.
[531] Труды Комиссии по исследованию положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области. Владикавказ, 1908. С. 358 сл.
[532] *Кобычев В. П.* Города, селения, жилища народов Северного Кавказа // Культура и быт народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1968. С. 99, 104.
[533] *Дьяконов И. М.* Люди и города Ура. М.: Наука, 1990. С. 115. Рис. 42а.

[534] *Мизиев И. М.* Два кургана у селения Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984. Т. 1. С. 98.

[535] *Крупнов Е. И.* Древняя история и культура Кабарды. М., 1957. С. 142. Рис. 41 (7).

[536] Карачаевцы... С. 184.

[537] *Леббок Дж.* Начало цивилизации. СПб., 1896. С. 165, 166.

[538] *Джуртубаев М. Ч.* Древние верования балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1991. С. 201–203.

[539] *Тейлор Э.* Первобытная культура. СПб., 1896. Т. 1. С. 112.

[540] Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 149.

[541] *Мизиев И. М.* Очерки истории и культуры Балкарии и Карачая XIII–XVIII вв. Нальчик, 1991. С. 150, 151. Рис. 52.

[542] *Техов Б. В.* Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. М.: Наука, 1977. С. 148, 149. Рис. 106 (5–6).

[543] *Алексеев В. П.* Происхождение народов Кавказа: Краниологическое исследование. М.: Наука, С. 137.

[544] Народы Кавказа. М., 1960. Т. 1. С. 28, 32.

[545] *Алексеев В. П.* Указ. соч. С. 135.

[546] Там же. С. 136, 137.

[547] Там же. С. 136.

[548] *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 3. С. 296; *Услар П. К.* Древнейшие сказания о Кавказе // ССКГ. Тифлис, 1881. Вып. 10. С. 550.

[549] *Латышев В. В.* Указ. соч. // ВДИ. 1947. № 1. С. 310.

[550] Там же. № 2. С. 269.

[551] Правда. 1986. 24 окт. № 297.

[552] Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 32.

[553] *Ган К.* Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе. Тифлис, 1884. Ч. 1, 2. С. 199.

[554] *Чистякова Е. В.* Русский историк Л. И. Лызлов и его книга «Скифская история» // Вестник по истории мировой литературы. 1964. № 1. С. 117.

[555] *Лаппо-Данилевский А. С.* Скифские древности // Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археографического общества. СПб., 1887. Т. 4. С. 361.

[556] *Мизиев И. М.* Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик, 1986. С. 55.

[557] *Латышев В. В.* Об истории и государственном устройстве города Ольвии. СПб., 1887. С. 19.

[558] *Нейхардт А. А.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л.: Наука, 1982. С. 81, 82.

[559] *Мищенко Ф. Г.* К вопросу о царских скифах // Киевская старина. Киев, 1884. Т. 9. С. 57.

[560] Deutsche Altertumskunde, vor Karl Miillenhof. Berlin, 1892. Bd. 3. S. 15.

[561] *Мизиев И. М.* Указ. соч. С. 47.

[562] Lehrbuch der alter Geographic Leipzig. 1878. S. 315–344.

[563] *Колобова К. М.* К вопросу о сарматском языке // Из истории докапиталистических формаций. М.; Л., 1933. С. 416.

[564] Там же. С. 433.

[565] Там же. С. 434.

[566] *Шафарик П.* Славянские древности. 1848. Т. 1. Кн. 2. С. 22.

[567] *Браун Ф.* Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб., 1898. Ч. 1. С. 71, 74.

[568] Ученые записки Императорской академии наук по I и III отд. СПб., 1855. Т. 3. Вып. 5. С. 114, 115.

[569] *Мищенко Ф. Г.* Известия Геродота о внескифских землях России // ЖМНП. 1896. № 12. С. 128 и сл.; Этнография России у Геродота // ЖМНП. 1896. № 5. С. 79.

[570] *Грязнов М. П.* Аржан – царский курган раннескифского времени. Л., 1980. С. 62; *Нейхардт А. А.* Указ. соч. С. 4.

[571] *Латышев В. В.* Известия... С. 63.

[572] *Ган К.* Известия... С. 199.

[573] *Симмоката Ф.* История / Под ред. Н. В. Пигулевской. М., 1957. С. 160, 161.

[574] *Калинина Т. М.* Сведения ранних ученых Арабского халифата: Тексты, переводы, комментарии. М., 1988. С. 96, 97.

[575] *Дьяконов И. М.* Пути и судьбы // Знание – сила. 1988. № 9.

[576] *Латышев В. В.* Известия... СПб., 1906. Т. 2. Ч. 2. С. 339.

[577] *Эйхвальд Э. Н.* О древнейших обиталищах племен (славянских, турецких и монгольских) в Южной России по Геродоту // Библиотека для чтения. СПб., 1836. Кн. 27. Отд. 3. С. 57, 60, 75, 78; *Ямпольский З.* О тюрках V века до н. э. // Ученые записки Азерб. госуниверситета. Сер. яз. и лит. Баку, 1970. № 5, 6.

[578] *Кречетов П. Н.* Письма о геродотовской Скифии // ЗООД. 1889. Т. 15. С. 494; *Нейхардт А. А.* Указ. соч. С. 38, 39.

[579] *Куклина П. В.* Этногеография Скифии по античным источникам. Л.: Наука, 1985. С. 64, 65.

[580] *Ельницкий Л. А.* Скифия Евразийских степей. Новосибирск, 1977. С. 26, 68 сл.; *Иессен А. А.* К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н. э. на Юге европейской части СССР // СА. 1953. № 181. С. 59; *Дьяконов И. М.* История Мидии. М.; Л., 1956. С. 228, 238.

[581] *Куклина Н. В.* Указ. соч. С. 192.

[582] *Нейхардт А. А.* Указ. соч. С. 68.

[583] *Мизиев И. М.* Указ. соч. С. 41–44.

[584] Повесть временных лет. М., 1950. Т. 2. С. 223.

[585] *Ковалевская В. Б.* Скифы, Мидия, Иран во взаимоотношениях с Закавказьем, по данным Леонти Мровели // Вестник АН ГрузССР. Сер. истории, археологии, этнографии и истории искусств. Тбилиси, 1975. № 3. С. 67, 70.

[586] *Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1968. Т. 5. С. 490, 587; М., 1973. Т. 8. С. 109; *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. СПб., 1896. Отд. этнографии Императ. Русского географ. об-ва. Вып. 3, 4. С. 279; *Каховский В. Ф.* Происхождение чувашского народа. Чебоксары, 1965. С. 174; *Потапов Л. Н.* Очерки истории алтайцев. Новосибирск, 1948. С. 5, 6.

[587] *Аристов Н. А.* Указ. соч. С. 346; *Членова Л. Л.* Хронология памятников карасукской эпохи. М., 1972. С. 71–91; *Шатинова Н. Я.* Семья у алтайцев. Горно-Алтайск, 1981. С. 149.

[588] *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 5. С. 109, 293.

[589] *Баскаков А. Н.* Имена половцев и названия половецких племен в русских летописях // Тюркская ономастика. Алма-Ата, 1984. С. 72.

[590] *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор... М.; Л., 1949. С. 213.

[591] *Абаев В. И.* Указ. соч. С. 213.

[592] *Никольский М. В.* Клинописные надписи Закавказья // Материалы по археологии Кавказа. М., 1896. Вып. 5. С. 431, 432 (Далее: МАК); Караимско-русско-польский словарь. М., 1974. С. 165; *Ростовцев М.* Античная декоративная живопись на Юге России. СПб., 1914. С. 519; *Блаватский В. Д.* Дорийская фаланга и ее происхождение // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 226, 227.

[593] *Жебелев С. А.* Северное Причерноморье. М.; Л., 1953. С. 255, 335.

[594] *Городцов В. А.* Бытовая археология. М., 1910. С. 344; *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1962. С. 55, 114.

[595] *Крупнов Е. И.* Киммерийцы на Северном Кавказе // МИА. 1958. № 68. С. 194.

[596] *Нейхардт А. А.* Указ. соч. С. 73 (примеч. 13).

[597] *Крупнов Е. И.* Древняя история... С. 113.

[598] Там же. С. 114.

[599] Там же. С 116.

[600] Там же. С. 117.

[601] Там же. С. 118–128.

[602] Там же. С. 135.

[603] *Услар П. К.* Древнейшие сказания о Кавказе // ССКГ. Тифлис, 1881. Вып. 10. С. 323, 326.

[604] *Артамонов М. И.* История хазар. С. 285; *Мурзаев Э. Ж.* Очерки топонимии. М., 1974. С. 164.

[605] Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958. С. 598, 599; *Мурзаев Э. Ж.* Указ. соч. С. 184–186; *Мусукаев Б. Х.* Топонимия высокогорьев Балкарии. Нальчик, 1988. С. 63, 64.

[606] *Мурзаев Э. М.* Указ. соч. С. 184.

[607] Там же. С. 187.

[608] *Байчоров С. Я.* Древнетюркские рунические памятники Европы. Ставрополь, 1989.

[609] *Прокопий Кесарийский.* Война с готами // История войн Юстиниана с персами, вандалами и готфами / Пер. С. П. Кондратьева. М., 1950. Кн. 5–8. С. 384; *Артамонов М. И.* История хазар. С. 85.

[610] *Артамонов М. И.* Вопросы истории скифов в советской науке // ВДИ. 1947. № 3. С. 75.

[611] *Смирнов А. П.* Скифы. М., 1966. С. 12.

[612] *Нейхардт А. А.* Указ. соч. С. 83.

[613] *Куклина В. И.* Указ. соч. С. 16.

[614] *Мищенков Ф. Г.* К вопросу о царских скифах...

[615] *Руденко С. И.* Горно-алтайские находки и скифы… М.; Л., 1952. С. 258; *Плетнева С. А.* Кочевники Средневековья. С. 22, 23.

[616] *Грач А. Д.* Древние кочевники в Центральной Азии. М., 1980. С. 14, 94.

[617] Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 125–129, 131–133, 144, 148.

[618] *Москвич Г.* Путеводитель по Кавказу. Изд. 19. С. 121–126; *Шаманов И. М.* Развитие скотоводства в XIX–XX вв. // Проблемы археологии и исторической этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1985. С. 156.

[619] *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. М., 1960. С. 117; *Плетнева С. А.* Кочевники Средневековья. С. 45.

[620] *Иордан.* Указ. соч. С. 327 (примеч. 620).

[621] *Байчоров С. Я.* Гуннско-протобулгарско-северокавказские языковые контакты // Вопросы языковых контактов. Черкесск, 1982. С. 49, 50.

[622] *Бетрозов Р. Ж.* Захоронение вождя гуннского времени у сел. Кишпек в Кабардино-Балкарии // Северный Кавказ в древности и Средние века. М., 1980. С. 113–122.

[623] *Плетнева С. А.* Кочевники Средневековья. С. 16, 17, 22; *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью Золотой Орды. М.: Изд-во МГУ, 1966; Археология Венгрии II–I тыс. до н. э. М., 1986. С. 324–333; *Дуйшиев Б.* Правда Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986. С. 81.

[624] *Ковалевская В. Б.* Кавказ и аланы... С. 110; Евразийские степи в эпоху Средневековья // Археология СССР. М., 1981. С. 19, 83.

[625] Путешествие в восточные страны... С. 102.

[626] *Плетнева С. А.* Кочевники Средневековья. С. 151, 152.

[627] *Хетагуров К.* Сочинения. М., 1974. Т. 2. С. 251.

[628] *Латышев В. В.* Известия... // ВДИ. 1947. № 1. С. 295; № 2. С. 296–298; № 4. С. 319.

[629] *Бичурин (Иакинф).* Известия о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. СПб., 1851. Т. 1. С. 27; *Потапов Л. Н.* Очерки истории алтайцев... С. 78, 79.

[630] *Байчоров С. Я.* Гуннско-протобулгарско-северокавказские языковые контакты...

[631] *Латышев В. В.* Известия... // ВДИ. 1947. № 4. С. 179.

[632] Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1979. С. 187, 188.

[633] *Гомер.* Илиада. Песнь 13. Стр. 1–7; *Страбон.* География. М., 1964. С. 275, 277, 284, 815; *Граков Б. Н.* Скифы. М., 1971. С. 47.

[634] *Латышев В. В.* Известия... // ВДИ. 1947. № 1. С. 282.

[635] *Артамонов М. И.* История хазар... С. 56.

[636] *Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979. С. 15.

[637] *Мищенко Ф. Г.* К вопросу... С. 58, 60, 76; *Мищенко Ф. Г.* Опыты этнологии с помощью этимологии // Университетские известия. Киев, 1883. Май.

[638] *Страбон.* Указ. соч. С. 276; *Геродот.* История. М., 1974. С. 205, 393.

[639] *Грязнов М. П.* Первый Пазырыкский курган. Л., 1950. С. 22; *Руденко С. И.* Указ. соч. С. 37, 40, 226.

[640] *Дуйшиев Б.* Указ. соч. С. 86; *Текеев К. М.* Карачаевцы и балкарцы. М.: Наука, 1989. С. 344 сл.; *Студенецкая Е. Н.* Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. М., 1989. С. 16 сл.; *Гаджиева С. Ш.* Материальная культура ногайцев в XIX–начале XX в. М., 1976. С. 111; *Мизиев И. М.* Очерки истории и культуры Балкарии и Карачая XIII–XVIII вв. С. 53, 87, 88; *Кшибеков Д.* Кочевое общество. Алма-Ата, 1984. С. 176–181.

[641] *Руденко С. И.* Указ. соч. С. 37, 48.

[642] *Грязнов М. П.* Второй Пазырыкский курган. Л.: Изд-во Госэрмитажа, 1950. С. 49–62; *Руденко С. И.* Первый Пазырыкский курган. Л.: Изд-во Госэрмитажа, 1948. С. 18, 57.

[643] Адыги, балкарцы... С. 208.

[644] *Пржевальский Н. М.* Монголия и страна тангутов. М., 1946. Т. 1. С. 69.

[645] Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии / Пер. с кит. монаха Иакинфа. СПб., 1829. Ч. 1, 2. С. 42, 45, 46.

[646] *Евтюхова Л. А.* Южная Сибирь в древности // По следам древних культур от Волги до Тихого океана. М., 1954. С. 206.

[647] *Муканов М. С.* Казахская юрта. Алма-Ата, 1951. С. 215, 216.

[648] *Чупелев В. А.* Дневник путешествия по Средней Азии. М., 1924. С. 54.

[649] Путешествие в восточные страны... С. 28, 91.

[650] *Валиханов Ч.* Собрание сочинений: В 5 т. Алма-Ата, 1964. Т. 3. С. 26.

[651] Там же. С. 27.

[652] *Кшибеков Д.* Указ. соч. С. 176, 177.

[653] *Латышев В. В.* Известия... // ВДИ. 1947. № 1. С. 257, 258 (примеч.).

[654] *Смирнов А. П.* Скифы... С. 182.

[655] *Кшибеков Д.* Указ. соч. С. 58.

[656] *Мизиев И. М.* Очерки... С. 74.

[657] *Руденко С. И.* Указ. соч. С. 32, 33, 224–226 сл.

[658] Там же. С. 134.

[659] *Мищенко Ф. Г.* К вопросу о царских скифах... С. 72.

[660] *Руденко С. И.* Указ. соч. С. 134, 135.

[661] Там же. С. 232–233. Рис. 139.

[662] *Граков Б. Н.* Скифы... С. 114.

[663] *Руденко С. И.* Указ. соч. С. 23, 239. Рис. 140, 141.

[664] *Руденко С. И.* Указ. соч. С. 226 и сл.; *Он же.* Второй Пазырыкский курган. Л.: Изд-во Госэрмитажа, 1948. С. 10, 11, 56, 57 и сл.; *Грязнов М. П.* Первый Пазырыкский курган. Л.: Изд-во Госэрмитажа, 1950. С. 16–21, 59, 71. Рис. 2–5.

[665] *Федоров-Давыдов Г. А.* Указ. соч. С. 130. Рис. 29.

[666] *Руденко С. И.* Горно-алтайские находки... С. 142, 143. Рис. 87, 100.

[667] Там же. С. 242, 243. Рис. 144.

[668] *Gmelin.* Reise durch Sibirien. T. 1. S. 209; *Мищенко Ф. Г.* Указ. соч. С. 72.

[669] *Семенов А. И.* Ксилотомическое свидетельство культа таволги на средневековом Кавказе // X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов. М., 1980. С. 57–59.

[670] *Юсифов Ю. Б.* Актуальные проблемы этнической истории Азербайджана // Проблемы изучения источников по истории Азербайджана. Баку, 1988. С. 22.

[671] *Иордан.* Указ. соч. С. 91, 102.

[672] *Липец Р. С.* Меч из редкостной бронзы // СЭ. 1978. № 2. С. 109.

[673] *Граков Б. И.* Указ. соч. С. 29, 81.

[674] *Ковалевский М. М., Миллер В. Ф.* В горских обществах Кабарды // Вестник Европы. 1884. Кн. 4. С. 575.

[675] *Холаев А. З.* Карачаево-балкарский нартский эпос. Нальчик, 1974. С. 103, 104.

[676] *Сейдимбеков А.* Поющие купола. Алма-Ата, 1985. С. 9; *Кшибеков Д.* Указ. соч. С. 56.

[677] *Мизиев И. М.* Очерки... С. 33.

[678] Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. С. 207.

[679] *Батчаев В. М.* Погребальные памятники у селений Лечинкай и Былым. С. 125, 145.

[680] *Мизиев И. М.* Два кургана у селений Кишпек и Кызбурун // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984. Т. 1. С. 97, 98. Рис. 8.

[681] *Крупнов Е. И.* Древняя история и культура Кабарды. М., 1957. С. 141, 142. Рис. 41 (7).

[682] *Дьяконов И. М.* Люди города Ура. С. 116. Рис. 42а.

[683] *Мищенко Ф. Г.* Указ. соч. С. 73.

[684] *Латышев В. В.* Известия... № 1. С. 308.

[685] *Голубовский П.* Печенеги, тюрки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884. С. 222, 223.

[686] *Кшибеков Д*. Указ. соч. С. 57, 58.

[687] *Геродот*. История. С. 189.

[688] *Плетнева С. А.* Половецкие каменные изваяния // Свод археологических источников. М., 1974. С. 50–52; *Кубарев В. Д*. Древнетюркские изваяния на Алтае. Новосибирск, 1984. С. 180–229.

[689] *Сулейменов О*. Аз и Я. С. 276.

[690] *Плетнева С. А.* Кочевники... С. 22, 23.

[691] Указанные работы С. А. Плетневой, В. Д. Кубарева; *Смирнов А. П.* Скифы... С. 175, рис.; *Биджиев Х. Х*. Раннесредневековые изваяния Карачаево-Черкесии и сопредельных областей // Вопросы археологии и традиционной этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1987. С. 31, рис.

[692] *Граков В. И*. Скифы... Табл. 9; *Руденко С. И.* Второй Пазырыкский курган... С. 36; *Он же*. Горно-алтайские находки... С. 99. Рис. 41; *Он же*. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960; *Щульц П. Н*. Прикубанские изваяния скифского времени // Тезисы докладов Всесоюзной археолого-этнографической конференции. Тбилиси, 1971. Доп. вып. С. 23, 24; *Сысоев В. М.* Древности по верхнему течению Кубани // МАК. М., 1904. Вып. 9. С. 150–165.

[693] *Мизиев И. М*. Очерки... С. 62; *Халиков А. Х*. Маклашевская всадница // СА. 1971. № 1. С. 113; *Смирнов А. П.* Волжские булгары. М., 1953. Рис. 121; Материалы по археологии средневекового Поволжья и Приуралья. М., 1967. С. 133; Карачаевцы... С. 162.

[694] *Сысоев В. М*. Указ. соч. С. 148–150. Рис. 59.

[695] *Мизиев И. М*. Очерки... С. 141.

[696] *Джуртубаев М*. Путями предков // Тере (Балкарский форум). Нальчик, 1991. Дек.

[697] *Карышевский П. О.* О монетах с надписью // СА. 1960. № 1. С. 179–195.

[698] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербента. М., 1963. С. 207 (примеч.).

[699] *Кононов А. Н.* Семантика цветообразования в тюркских языках // Тюркологический сборник 1975 г. М., 1976. С. 161, 162.

[700] *Аристов Н. А*. Заметки об этническом составе тюркских племен... С. 367; *Баскаков Н. А*. Имена половцев и названия их племен в русских летописях // Тюркская ономастика. Алма-Ата, 1981. С. 171.

[701] Поэзия и предания Древнего Востока // Библиотека всемирной литературы. М., 1973. С. 539.

[702] *Руденко С. И*. Горно-алтайские находки... С. 136, 137.

[703] Там же. С. 135. Рис. 61б; С. 220. Рис. 123а.

[704] *Граков Б. Н*. Указ. соч. С. 83–86; *Алексеев Ю. А*. О скифском царе Аресе // Археологический сборник. М., 1980. С. 15.

[705] *Граков Б. Н*. Указ. соч.

[706] *Мизиев И. М*. Очерки... С. 151.

[707] *Байчоров С. Я*. Указ. соч. С. 45, 46.

[708] *Миллер В. Ф.* Осетинские этюды. М., 1887. Ч. 3. С. 86.

[709] *Мизиев И. М*. Шаги... С. 21.

[710] *Ковпаненко Г. Т*. Сарматское погребение I в. н. э. на Южном Буге. Киев, 1986. С. 5, 10, 12, 15, 24.

[711] Там же. С. 67. Рис. 70, 71, 72.

[712] Там же. С. 71.

[713] Там же. С. 76.

[714] *Латышев В. В.* Известия... СПб., 1904. Т. 2. Вып. 2. С. 192.

[715] *Мизиев И. М.* Очерки... С. 144.

[716] *Мищенко Ф. Г.* Указ. соч. С. 58.

[717] Там же. С. 70.

[718] *Мизиев И. М.* История рядом. Нальчик, 1990. С. 61, 62; *Он же.* Шаги к истокам... С. 44–50.

[719] *Грантовский Э. А., Раевский Д. С.* К вопросу об элементе индоарийского языка в Северном Причерноморье в античную эпоху // Античная балканистика: Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1980. С. 15.

[720] *Брун Ф. К.* Опыт соглашения противоположных мнений о Геродотовой Скифии и смежных с нею земель // Черноморье: Древности Геродотовой Скифии. СПб., 1872. Вып. 2. С. 51.

[721] *Миллер В. Ф.* Эпиграфические следы иранства на Юге России // ЖМНП. 1886. Окт. С. 267, 268.

[722] *Миллер В. Ф.* Осетинские этюды... С. 116, 136.

[723] *Менгес К. Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». М., 1979. С. 29.

[724] Русско-осетинский словарь / Сост. В. И. Абаев. М., 1970. С. 569; Караимско-русско-польский словарь. С. 612; *Еремеев Е. Д.* Изменения типов жилищ и поселений юрюков при оседании // КСИЭ. М., 1963. Вып. 38. С. 94–99.

[725] *Трубачев О. И.* О синдах и их языке // Вопросы языкознания. 1976. № 4. С. 53.

[726] *Геродот.* История... С. 519; *Лурьев С. Я.* История Древней Греции. Л., 1940. Ч. 1. С. 100.

[727] *Хеннинг Р.* Неведомые земли. М., 1961. Т. 1. С. 96; Т. 2. С. 85.

[728] *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974. Т. 1. С. 321.

[729] Кумыкско-русский словарь. М., 1969. С. 78.

[730] *Латышев В. В.* Известия... // ВДИ. 1947. № 2. С. 279; *Ган К.* Указ. соч. С. 17.

[731] *Абаев В. И.* Осетинский язык... С. 153; *Он же.* Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки. М., 1979. С. 279.

[732] *Толстов С. П.* Тирания Абруя: (История классовой борьбы в Согдиане и Тюркском каганате во второй половине VI века) // Исторические записки. 1938. № 3. С. 42; Кумыкско-русский словарь... С. 104, 105.

[733] *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М., 1967. С. 303.

[734] *Мухаметшин Д. Г., Хакимзянов Ф. С.* Эпиграфические памятники города Булгара. Казань, 1987. С. 62.

[735] Древнетюркский словарь. М., 1969. С. 489 (Далее: ДТС).

[736] *Мухаметшин Д. Г., Хакимзянов Ф. С.* Указ. соч. С. 62, 65.

[737] *Аристов И. А.* Указ. соч. С. 380.

[738] *Латышев В. В.* Известия... // ВДИ. 1947. № 1. С. 315.

[739] *Кудагина Н.* К этимологии слова «Бай» в алтайском языке // Советская тюркология. 1980. № 5. С. 82, 83; *Потапов Л. П.* Сакральное значение слова «Богатый» в тюркских языках // Материалы по этнографии Грузии. Т. 22: Хелаури, посвящ. 95-летию Г. С. Читая. Тбилиси: Мецниереба, 1985. С. 181, 182; *Кшибеков Д.* Кочевое общество... С. 154.

[740] *Кайдаров А. Т.* Структура односложных корней-основ в казахском языке. Алма-Ата, 1985. С. 186.

[741] Древнетюркский словарь. С. 195; Караимско-русско-польский словарь. С. 159.

[742] *Корнелий Т.* История // Историки Рима. М., 1969. Кн. 3.

[743] *Молчанов О. Т.* Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайское кн. изд-во, 1970. С. 297; Словарь топонимов Башкирской АССР. Уфа, 1980. С. 136; *Худяков Ю. С.* Типология и хронология средневековых памятников Табита // Урало-алтаистика: История, археология, этнография... С. 88–100.

[744] *Кшибеков Д.* Указ. соч. С. 55–57.

[745] *Гроденков Н. И.* Киргизы и кара-кыргызы Сырдарьинской области // Юридический быт. Ташкент, 1889. Ч. 1. С. 41.

[746] *Толстова Л. С.* Несколько слов об ониме Томирис // Этническая ономастика... С. 164, 165.

[747] Там же. С. 166, 167.

[748] Там же.

[749] *Мизиев И. М.* Шаги к истокам... С. 21, 22.

[750] *Эйхвальд Э. И.* Указ. соч. С. 80.

[751] *Добродомов И. Г.* Не «река», а «женщина»: (О достоверности топонимических этимологии) // Этническая ономастика. М., 1984. С. 138–143.

[752] БСЭ. 3-е изд. Т. 27. С. 60; *Ахметьянов Р. Г., Бахтиев Ш.* К этимологии гидронима Яик (Джаик) // Советская тюркология. 1986. № 3. С. 18.

[753] *Новгородова Э. А.* В стране иероглифов и эдельвейсов. С. 79.

[754] Русско-турецкий словарь. М., 1945. С. 253; Караимско-русско-польский словарь. С. 609.

[755] *Латышев В. В.* Известия... // ВДИ. 1947. № 1. С. 307; ДТС. С. 460; Караимско-русско-польский словарь. С. 334; Турецко-русский словарь. С. 360.

[756] ДТС. С. 48.

[757] ДТС. С. 88, 89.

[758] *Латышев В. В.* Указ. соч. С. 270.

[759] ДТС. С. 85.

[760] *Баскаков А. Н.* Тюркизмы в «Слове о полку Игореве». С. 44.

[761] *Гроденков Н. И.* Киргизы... С. 41.

[762] *Жуковская Н. Л.* «Подарок-отдарок» и его место в системе социальных ценностей монголов // Монголика... С. 165.

[763] *Гейбуллаев Г. А.* Топонимия Азербайджана. Баку, 1986. С. 27.

[764] *Латышев В. В.* Известия... // ВДИ. 1947. № 4. С. 181.

[765] Там же.

[766] *Латышев В. В.* Известия... // ВДИ. 1948. № 1. С. 309.

[767] Там же.

[768] *Буниятов З. М.* Государство Хорезмшахов–Ануштегинидов 1097–1231 гг. М., 1986. С. 46.

[769] *Сидоров Е. И.* Этноним «Саха» // Этническая ономастика... С. 39–43.

[770] *Абаев В. И.* Скифо-сарматские наречия... С. 318; *Техов Б. В.* Скифы и Центральный Кавказ в VII–VI вв. до н. э. М., 1980. С. 12.

[771] *Латышев В. В.* Известия... СПб., 1904. Т 2. Ч. 1. С. 185.

[772] *Услар П. К.* Указ. соч. С. 155.

[773] *Гейбуллаев Г. А.* Топонимия Азербайджана. С. 21.

[774] *Услар П. К.* Указ. соч. С. 156.

[775] *Бернштам А. Н.* Происхождение турок // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.; Л., 1935. № 5–6. С. 52.

[776] *Ксенофонтов Г. В.* Урангхай – Сахалар: (Очерки по древней истории якутов). Иркутск, 1937. С. 92–95; *Аристов Н. А.* Этнические отношения на Памире и в при-

легающих странах по древним, преимущественно китайским историческим источникам // Русский антропологический журнал. 1900. № 3. С. 63–65; *Услар П. К.* Указ. соч.

[777] *Токарев С. А.* Религия в истории народов мира. М., 1964. С. 22–26.

[778] *Донини А.* Люди, идолы, боги: Очерки истории религии. М., 1966. С. 21, 22.

[779] *Токарев С. А.* Указ. соч. С. 25.

[780] *Хазанов А. М., Шкурко А. И.* Социальные и религиозные основы скифского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 43–45.

[781] *Brandensteln W., Mayrhofer M.* Handbuch des Altpersischen. Wisbaden, 1964. P. 142.

[782] *Черняков С. С.* Загадки золотого кургана. М., 1965. С. 56.

[783] *Хазанов А. М., Шкурко А. И.* Указ. соч. С. 45.

[784] *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе... С. 278.

[785] Там же. С. 279.

[786] *Алексеев Н. Л.* Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980. С. 109, 110.

[787] *Аристов Н. А.* Указ. соч. С. 291; *Бернштам А. Н.* В горах и долинах Памира и Тянь-Шаня // По следам древних культур от Волги до Тихого океана. М., 1954. С. 272, 274, 281, 303; *Карамышева Б. Х.* Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976. С. 100, 230; *Койчубаев Е.* Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата, 1974. С. 247; *Абрамзон С. М.* Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии // Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции. М., 1960. С. 127; *Атаниязов С.* Толковый словарь географических названий Туркменистана. Ашхабад, 1980. С. 313; *Гейбуллаев Г. А.* Топонимия Азербайджана. Баку, 1986. С. 27; *Эрдели И.* Вооружение древних венгров как источник по истории основания Венгерского государства // Урало-алтаистика: Археология, этнография, язык. М.: Наука, 985. С. 16.

[788] *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран. Баку, 1988. С. 138.

[789] *Бернштам А. Н.* Указ. соч. С. 272, 283.

[790] *Стеблева И. В.* Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. М., 1976. С. 38, 49; ДТС. С. 107; *Бравин Н., Беляев И.* Указатель племен к статье Н. А. Аристова «Заметки об этническом составе...» // Записки Императорского Русского географического общества по отд. этнографии. СПб., 1903. Вып. 2. Кн. 28. С. 22, 23, 312–380, 412.

[791] *Толстова Л. С.* Исторический фольклор каракалпаков как источник по изучению этногенеза и этнокультурных связей этого народа // Этническая история и фольклор. М., 1977. С. 152.

[792] *Баскаков Н. А.* Тюркизмы в «Слове о полку Игореве». С. 39.

[793] *Баскаков Н. А.* О происхождении этнонима «башкир» // Этническая ономастика... С. 13 сл.

[794] *Услар П. К.* Указ. соч. С. 162.

[795] Топонимия Башкирской АССР. Уфа, 1980. С. 83, 98, 99, 174.

[796] *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 5. С. 508; *Яхонтова Н. С.* Влияние тибетского языка на синтаксис ойратских переводов // Монголика [Памяти Б. Я. Владимирцева]. М., 1986. С. 113; *Санжеев Г. Д.* Изоглоссы в монгольских языках // Там же. С. 94, 95.

[797] *Услар П. К.* Указ. соч. С. 163.

[798] Там же.

[799] *Каганкатваци М.* История агван. СПб., 1861. С. 193 сл.

[800] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М., 1967. С. 175.

[801] История Армении, приписываемая Моисею Хоренскому / Пер. Н. О. Эмина. М., 1893. С. 267.

[802] *Аристов Н. А.* Заметки... С. 380.

[803] *Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа... С. 29, 31, 33.

[804] Там же. С. 35.

[805] *Мурзаев Э. М.* Народные географические названия. М., 1974. С. 165.

[806] *Баскаков Н. Л.* Происхождение этнонима «башкир».

[807] *Гейбуллаев Г. А.* Указ. соч. С. 61.

[808] *Услар П. К.* Указ. соч. С. 170.

[809] Там же. С. 165, 166, 168, 170.

[810] Там же. С. 167.

[811] *Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1963. Т. 2. С. 25.

[812] *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа // МИА. М., 1962. Вып. 106. С. 124.

[813] *Зуев Ю. А.* К этнической истории усуней // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата, 1960. С. 13.

[814] *Трофимова Т. А.* Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. Л., 1949. С. 28; *Артамонов М. И.* История хазар. С. 100.

[815] *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 5. С. 268.

[816] *Дьяконов И. М.* Пути и судьбы // Знание – сила. 1988. № 9. С. 28.

[817] *Услар П. К.* Указ. соч. С. 167; *Мизиев И. М.* Шаги... С. 83, 84.

[818] *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. С. 24.

[819] *Серебренников Б. А.* Происхождение чувашей по данным языка // Происхождение чувашского народа. Чебоксары, 1957. С. 42.

[820] *Багрянородный К.* О фемах и народах / Предисл. Г. Ласкина. М., 1899. С. 140.

[821] *Услар П. К.* Указ. соч. С. 168, 171.

[822] *Кшибеков Д.* Указ. соч. С. 57.

[823] *Артамонов М. И.* Указ. соч. С. 114, 115; *Плетнева С. А.* Кочевники Средневековья. С. 51.

[824] *Мурзаев Э. М.* Указ. соч. С. 165.

[825] *Латышев В. В.* Известия... // ВДИ. 1949. № 3. С. 257.

[826] *Евтюхова Л. А.* Южная Сибирь в древности // По следам древних культур от Волги до Тихого океана... С. 214, 215.

[827] *Буниятов З. М.* Указ. соч. С. 46.

[828] *Латышев В. В.* Известия... // ВДИ. 1947. № 4. С. 265, 272.

[829] *Аристов Н. А.* Указ. соч.

[830] *Гейбуллаев Г. А.* Топонимия Азербайджана. С. 30; *Он же.* К этногенезу азербайджанцев по данным топонимики // К проблеме этногенеза азербайджанского народа. Баку, 1984, С. 120, 121.

[831] *Багрянородный К.* Указ. соч. С. 140, 141.

[832] *Ган К.* Указ. соч. С. 43; *Латышев В. В.* Известия... СПб., 1906. Т. 2. Ч. 2. С. 325; ВДИ. 1947. № 4. С. 283

[833] *Латышев В. В.* Известия... СПб., 1906. Т. 2. Ч. 1. С. 63.

[834] *Алиев К.* Античные источники по истории Азербайджана. Баку, 1986. С. 111 (примеч. 41).

[835] *Григорьев В. В.* Походы Александра Македонского в Западный Туркестан // ЖМНП. 1871. Окт. Отд. 2. С. 27.

[836] *Пьянков И. В.* Хорасмии Гекатея Милетского // ВДИ. 1972. № 2. С. 15.

[837] Там же. С. 7.

[838] *Волин С.* К истории Древнего Хорезма // ВДИ. 1941. № 1. С. 194; *Мещерский И. А.* История иудейской войны в древнерусском переводе. М.; Л., 1958. С. 454.

[839] *Куклина В. И.* Указ. соч. С. 7.

[840] *Симмоката Ф.* История / Под ред. Н. В. Пигулевской. М., 1957. С. 141, 142.

[841] *Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия. М., 1979. С. 45, 46.

[842] Там же. С. 40.

[843] *Латышев В. В.* Известия... // ВДИ. 1949. № 3. С. 287.

[844] *Мурзаев Э. М.* Народные географические названия... С. 327, 328.

[845] *Услар П. К.* Указ. соч. С. 282.

[846] *Бейлис В. М.* Ал-Идриси о Восточном Причерноморье и юго-восточной окраине Русских земель // Древние государства на территории СССР. М., 1984. С. 209, 210.

[847] *Услар П. К.* Указ. соч. С. 323–326.

[848] *Толстова Л. С.* Исторические предания Южного Приаралья. М., 1984. С. 101,102; *Она же.* Исторический фольклор каракалпаков как источник по этногенезу и этнокультурным связям этого народа: Этническая история и фольклор. С. 158.

[849] *Латышев В. В.* Известия... СПб., 1906. Т. 2. Ч. 2. С. 118.

[850] *Услар П. К.* Указ. соч. С. 489–491.

[851] Там же. С. 486, 487.

[852] *Куклина И. В.* Указ. соч. С. 128.

[853] *Услар П. К.* Указ. соч. С. 493.

[854] *Артамонов М. И.* Указ. соч.; *Плетнева С. А.* Указ. соч.; ДТС. С. 305.

[855] *Мурзаев Э. М.* Указ. соч. С. 265.

[856] *Стеблева И. В.* Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. М., 1976. С. 47, 55.

[857] *Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1973. Т. 8. С. 109.

[858] *Толстова Л. С.* Указ. соч. С. 147, 148.

[859] *Ган К.* Указ. соч. С. 100, 101; *Латышев В. В.* Известия... Т. 2. Ч. 1. С. 185.

[860] *Закиев М. З.* Проблемы языка и происхождения волжских татар. Казань, 1986. С. 29, 30.

[861] Арабо-персидские источники по истории тюркских народов. Фрунзе, 1973. С. 45.

[862] *Волкова Н. Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. С. 98.

[863] *Латышев В. В.* Указ. соч. С. 180; *Услар П. К.* Указ. соч. С. 447.

[864] *Латышев В. В.* Указ. соч. С. 118.

[865] Там же. С. 178.

[866] *Браун Ф. А.* Разыскания в области гото-славянских отношений // Сборник Отд. русск. языка и словесности Императорской АН. СПб., 1899. Т. 64. Ч. 1. № 12. С. 219.

[867] *Абаев В. И.* О некоторых лингвистических аспектах скифо-сарматской проблемы // Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1971. С. 11.

[868] *Кайдаров А. Т.* Указ. соч. С. 285.

[869] *Бернштам А. Н.* Указ. соч. С. 276.

[870] *Латышев В. В.* Указ. соч. С. 172.

[871] *Аристов Н. А.* Указ. соч. С. 431.

[872] *Биржанов К. А.* Этнографические группы «Сунек» у присырдарьинских казахов // Тезисы докладов Всесоюзной этнографической конференции. Йошкар-Ола, 1986. С. 72, 73.

[873] *Латышев В. В.* Указ. соч. Т. 2. Ч. 1. С. 125, 185.

[874] *Услар П. К.* Указ. соч. С. 227.

[875] *Аристов Н. А.* Указ. соч. С. 283; *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 5. С. 43, 301, 302; *Боровков А. К.* Карачаево-балкарский язык // Яфетический сборник. Л., 1932. Вып. 7. С. 50; *Толстов С. П.* Тирания Абруя... С. 42.

[876] *Латышев В. В.* Указ. соч. С. 121.

[877] Там же. С. 171.

[878] *Соколов С. Н.* Язык Авесты // Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки. М., 1979. С. 129, 130.

[879] Литература Древнего Востока: Тексты. М.: Изд-во МГУ, 1981. С. 5.

[880] *Соколов С. Н.* Указ. соч. С. 131.

[881] Там же. С. 134, 135.

[882] *Куклина И. В.* Указ. соч. С. 48–51.

[883] *Томсен Дж.* История древней географии. М., 1953. С. 44–48.

[884] *Куклина И. В.* Указ. соч. С. 63.

[885] *Редер Д. Г.* Комментарии к восточным темам // ВДИ. 1947. № 1. С. 265.

[886] *Дьяконов И. М.* История Мидии. М.; Л., 1956. С. 224.

[887] *Латышев В. В.* Известия... // ВДИ. № 1. 1947. С. 295.

[888] Там же. С. 303; *Ган К.* Указ. соч. С. 9; *Страбон*. География. М., 1964. С. 275, 277, 284, 815.

[889] *Смирнов А. П.* Скифы. С. 28, 29.

[890] *Пиотровский Б. Б.* Археология Закавказья с древнейших времен до I тыс. до н. э. Л., 1942. С. 121–124.

[891] *Смирнов А. П.* Указ. соч. С. 29–30; *Дьяконов М. М.* История Мидии. С. 60, 73, 238, 246 сл.

[892] *Кудрявцев А. А.* Древний Дербент. М., 1982.

[893] *Тревер К. В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.; Л., 1959; *Артамонов М. И.* История хазар; *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки; *Гадло А. В.* Указ. соч.; *Джафаров Ю. Р.* Гунны в Азербайджане. Баку, 1985; *Мамедова Ф.* Политическая история и историческая география Кавказской Албании. Баку, 1986.

[894] *Алиев И., Алиев В. Г.* О сармато-аланских памятниках на территории Нахичеванской АССР // СА. 1978. № 1. С. 178–186.

[895] *Мизиев И. М.* Шаги к истокам... С. 140–145.

[896] *Хоржаубай С.* Документ из первого века // Монголия. Улан-Батор, 1986. № 5. С. 31.

[897] *Пигулевская Н. В.* Сирийские источники. С. 165–167; *Гейбуллаев Г. А.* Топонимия Азербайджана. С. 83, 84.

[898] *Буниятов З. М.* Указ. соч. С. 6.

[899] Там же. С. 46, 48.

[900] *Гейбуллаев Г. А.* Указ. соч. С. 25.

[901] Литература Древнего Востока... С. 4, 5.

[902] *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран. С. 60, 61, 157, 158.

[903] Литература Древнего Востока... С. 18–20.

[904] *Гейбуллаев Г. А.* К этногенезу азербайджанского народа... С. 120, 121.

[905] *Кононов А. Н.* К семантике цветообразования... С. 161, 162.

[906] *Латышев В. В.* Известия... // ВДИ. 1948. № 4. С. 283; *Ган К.* Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе. Тифлис, 1884. Ч. 1. С. 134, 193; *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов... С. 101, 102.

[907] См. указанные работы.

[908] *Латышев В. В.* Известия... // ВДИ. 1947. № 4. С. 244, 245 (примеч.); *Ган К.* Указ. соч. С. 214; *Иордан.* Указ. соч.

[909] *Ковалевская В. Б.* Кавказ и аланы. М., 1984. С. 98; *Рунич А. П.* Захоронение вождя эпохи раннего Средневековья из Кисловодской котловины // СА. 1976. № 3. С. 256, 266. Рис. 2–6; *Бетрозов Р. Ж.* Захоронение вождя гуннского времени у сел. Кишпек в Кабардино-Балкарии // Северный Кавказ в древности и в Средние века. М., 1980. С. 113–122.

[910] *Мизиев И. М.* Шаги к истокам... С. 143.

[911] Там же. С. 60–69, 141, 142.

[912] *Абаев М.* Балкария. Исторический очерк // Мусульманин. Париж, 1911. № 10, 11.

[913] *Цагаева А. Дз.* Топонимика Северной Осетии. Орджоникидзе, 1971. Ч. 1. С. 145–147.

[914] *Прокопий Кесарийский*. История войн римлян с персами, вандалами и готфами / Пер. Г. Дестуниса. СПб., 1876. С. 111–116.

[915] *Прокопий Кесарийский.* История войны Юстиниана с персами, вандалами и готфами / Пер. С. П. Кондратьева. М., 1950. С. 384; *Артамонов М. И.* Указ. соч. С. 80, 81.

[916] *Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л., 1964. Т. 3. С. 232, 233; *Артамонов М. И.* Указ. соч. С. 87.

[917] История Армении (Моисея Хоренского) / Пер. Н. О. Эмина. М., 1893. С. 55, 62.

[918] *Алексеев В. П.* Происхождение народов Кавказа... С. 19.

[919] *Алексеев В. П.* Некоторые проблемы этногенеза балкарцев и карачаевцев по данным антропологии // О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960. С. 329.

[920] *Кристинов Ц.* Към вопроса этногенеза на бълкарский народ // Исторический преглед. София, 1966. № 3. С. 33–51.

[921] *Кузнецов В. А.* Глиняные котлы Северного Кавказа // КСИА. М., 1964. Вып. 99. С. 34–39.

[922] *Мизиев И. М.* Очерки истории... С. 129.

[923] *Ковалевская В. Б.* Указ. соч. С. 174.

[924] *Байчоров С. Я.* Наскальная панорама раннесредневекового художника и писца // Вопросы археологии и традиционной этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1987. С. 21; *Биджиев Х. Х.* Раннесредневековые изваяния Карачаево-Черкесии и сопредельных территорий // Там же. С. 27–44.

[925] *Мизиев И. М.* Этнографические данные об этногенезе балкарцев и карачаевцев // Этнография и современность. Нальчик, 1984; *Он же.* О болгаро-балкаро-карачаевских исторических параллелях // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990.

[926] *Мизиев И. М.* Очерки истории... С. 141.

[927] *Потапов Л. П.* Очерки истории алтайцев. Новосибирск, 1948. С. 80, 81; *Смирнов А. П.* Волжские болгары. М., 1953. С. 80; *Сысоев В. М.* Карачай в географическом, бытовом, и археологическом: отношениях // СМОМПК. Тифлис, 1913. Вып. 43. С. 66.

[928] *Мизиев И. М.* Очерки истории... С. 142.

[929] Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 97.

[930] Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов... С. 208, 249–251, 256, 257; *Мизиев И. М.* Очерки истории... С. 82, 88.

[931] *Мизиев И. М.* Указ. соч. С. 146, 147.

[932] Там же. С. 148.

[933] Там же.

[934] *Фонберг.* О пережитке культа быка в сел. Карачоле // СЭ. 1936. № 3. С. 84, 85; *Мизиев И. М.* Указ. соч. С. 150–153.

[935] В горских обществах Кабарды: Из путешествия В. Ф. Миллера и М. М. Ковалевского // Вестник Европы. 1884. Вып. 4. С. 562–569; Карачаевцы: Этнографический очерк. Черкесск, 1978. С. 275.

[936] Альбом к X тому Русского археологического института в Константинополе. – Вена, 1905. Табл. 24, 26, 114; *Мизиев И. М.* Очерки истории... С. 139.

[937] *Мизиев И. М.* Указ. соч. С. 137, 178.

[938] *Тихомиров М. И.* Именник болгарских князей // ВДИ. 1946. № 3. С. 87.

[939] *Мизиев И. М.* Шаги к истокам...; *Он же.* История рядом; *Он же.* Ответ Каминскому // СА. 1991. № 2; *Он же.* О культуре и быте ногайцев // Вопросы древней и средневековой археологии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1990. С. 82–89; *Он же.* Древнейшие этнокультурные пласты истории тюркских народов // Алем. Алма-Ата, 1991. Вып. 1. С. 134–154; *Лайпанов К. Т., Мизиев И. М.* О происхождении тюркских народов. Черкесск. 1993. С. 97–113; *Закиев М. З., Кузьмин-Юманди Я. Ф.* Волжские булгары и их потомки. Казань, 1993. С. 75–80.

[940] *Кузнецов В. А.* Очерки истории аланов. Орджоникидзе, 1984. С. 127.

[941] *Зуев Ю. А.* К этнической истории усуней // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата, 1960. С. 13.

[942] *Трофимова Т. А.* Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. М.; Л., 1949. С. 28; *Артамонов М. И.* История хазар. С. 100.

[943] *Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1963. Т. 2. С. 25; М., 1968. Т. 5. С. 268; *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. 1896. Вып. 3, 4. С. 40, 48–54, 121, 135, 136, 163.

[944] *Бартольд В. В.* Указ. соч. Т. 2. С. 25; Т. 5. С. 399.

[945] *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа: Материалы исследований по археологии СССР // МИА. М., 1962. Вып. 106. С. 124.

[946] *Ковалевская В. Б.* Кавказ и аланы. М., 1984. С. 80–87.

[947] *Марков Е.* Очерки Кавказа: Картины природы и кавказской жизни. СПб.; М., 1887. С. 90; *Логашева Б. Р.* Тюркские топонимы на Северо-Востоке Ирана // Этническая ономастика. М., 1984. – С. 152.

[948] *Мровели Леонти.* Жизнь картлийских царей / Пер., коммент. Г. В. Цулая. М.,1979. С. 81–91.

[949] *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. М., 1960. С. 119, 174.

[950] *Браун Ф.* Разыскания в области гото-славянских отношений. Ч. 1: Готы и их соседи до V века. Т. 64. С. 125.

[951] *Мизиев И. М.* Шаги к истокам... С. 130; *Он же.* История рядом. С. 86, 87.

[952] *Волин С.* К истории Древнего Хорезма // ВДИ. 1941. № 1. С. 194; *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические надписи. М., 1964. С. 174, 175.

[953] *Мещерский М. А.* История иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958. С. 454, 533; *Закиев М. З., Кузьмин-Юманди Я. Ф.* Волжские булгары и их потомки. Казань, 1993. С. 74–79.

[954] *Кулаковский Ю.* Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899. С. 66; *Тизенгаузен Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. С. 116.

[955] *Бартольд В. В.* Указ. соч. Т. 5. С. 587; Т. 8. С. 109; *Кляшторный С. Г.* Указ. соч. С. 34.

[956] Geographi d'Abulfeda. Par. M. Reinand. Paris, 1848. Т. 2. P. 227.

[957] *Кулаковский Ю.* Указ. соч. С. 64, 65.

[958] *Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И.* Ногайцы: Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1988. С. 12.

[959] *Вахушти.* География Грузии // Записки Русского географического общества. Тифлис, 1904. Кн. 24. Вып. 5. С. 150, 151.

[960] *Марр Н. Я.* Предисловие к книге А. Ониани «Сборник сванских наименований деревьев и растений». Пг., 1917. С. 14, 15; *Дзидзигури Ш.* Грузинский вариант нартского эпоса. Тбилиси, 1971. С. 105.

[961] Адыги, балкарцы и карачаевцы... С. 203, 208.

[962] *Потапов Л. П.* Очерки истории алтайцев. Новосибирск, 1948. С. 255.

[963] *Бахтияров А.* Осколки «исчезнувших» аланов // Туркменоведение. 1930. Вып. 8, 9. С. 39–40; *Бартольд В. В.* Указ. соч. Т. 2. С. 492; Т. 5. С. 204, 587; Т. 8. С. 109; *Толстова Л. С.* Исторические предания Южного Приаралья. М., 1984. С. 187; *Мизиев И. М.* О роли объективного освещения историко-этнографического наследия народов в современных межнациональных отношениях // Из этнографии народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1991. С. 88, 89; *Закиев М. З., Кузьмин-Юманди Я. Ф.* Указ. соч. С. 75.

[964] *Кокиев Г. А.* К вопросу о происхождении и расселении на нынешней территории балкарцев и карачаевцев // Социалистическая Кабардино-Балкария. 1941. 28 янв.; *Он же.* Алано-балкаро-карачаевские этнические сближения: Рукопись // Краеведческий музей г. Владикавказа. Список архивного фонда Г. Кокиева. № 33.

[965] Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 57, 106; *Аталиков В. М.* Страницы истории. Нальчик, 1987. С. 20.

[966] *Мизиев И. М.* Шаги к истокам... С. 68–70.

[967] *Кокиев Г. А.* Указ. соч.

[968] *Клейн Л. С.* Прототипы катакомбных курильниц и проблемы происхождения катакомбной культуры // Археологический сборник. М.; Л.: Сов. художник, 1968. Вып. 8; *Попова Т. Б.* К вопросу о курильницах северокавказского типа // СА. 1967. № 1.

[969] *Абрамова М. П.* Культура сарматских племен Волжско-Днепровских степей (II в. до н. э. – I в. н. э.): Автореф. дис. канд. наук. М., 1962. С. 4; *Она же.* Кочевые ираноязычные племена Предкавказья по данным археологии // IV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Махачкала, 1988; *Онаже.* Катакомбные и склеповые сооружения Юга Восточной Европы // Археологические исследования на Юге Восточной Европы: Труды ГИМа. М., 1982. Вып. 54. С. 15; *Ковалевская В. Б.* Указ. соч. С. 160; *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры // Археологические источники. М., 1963. Д. 1-10. С. 21; *Мизиев И. М.* История рядом. С. 34, 35.

[970] *Готье Ю. В.* Кто были обитатели Верхнего Салтова? // Известия ГАИМК. Л., 1927. Т. 5. С. 74, 75.

[971] *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа. С. 14.

[972] *Абрамова М. П.* Указ. соч.; *Ковалевская В. Г.* Указ. соч.

[973] Там же.

[974] *Смирнов А. П.* Рецензия на книгу Л. Р. Кызласова «История Тувы в Средние века» // СА. 1971. № 1. С. 300.

[975] *Хлопин Н. И.* Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы: (По материалам Сумбарского могильника). Л., 1983; *Мизиев И. М.* История рядом... С. 34–36.

[976] Путешествия в восточные страны... С. 32.

[977] *Хетагуров К.* Собрание сочинений. Т. 2. М., 1974. С. 251

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

Абаев В. И. Об аланском субстрате в балкаро-карачаевском языке // О происхождении балкарцев и карачаевцев // МНС. Нальчик: Эльбрус, 1960. С. 127–134.

Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949. Т. 1. – 601 с.

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958. Т. 1; Л., 1973. Т. 2; 1979. Т. 3; 1989. Т. 4.

Абаев В. И. Нартский эпос осетин. Цхинвали, 1982.

Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.

Абаев В. И. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979.

Абаев В. И. Этногенез осетин по данным языкам // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.

Абаев М. К. Балкария: Исторический очерк // Мусульманин. Париж, 1911. С. 586–627.

Абдушелишвили М. Г. Об эпохальной изменчивости антропологических признаков // Краткие сообщения Института этнографии. М., 1960. Вып. 33.

Абрамзон С. М. Этнический состав населения Северной Киргизии // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. М., 1960. Вып. 4.

Абрамова М. П. К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа // СА. 1978. № 7.

Абрамова М. П. Катакомбные и склеповые сооружения Юга Восточной Европы // Археологические исследования на Юге Восточной Европы. Труды ГИМа. 1982. Вып. 54.

Абрамова М. П. Погребения скифского времени Центрального Предкавказья // Советская археология. 1974. № 2.

Абрамова М. П. Подкумский могильник. М., 1987.

Абрамян Л. А. О некоторых особенностях первобытного праздника // СЭ. 1977. № 1. С. 19–30.

Агафий. О царствовании Юстиниана / Пер. М. В. Левченко. М.; Л., 1953. С. 213–230.

Агбунов М. В. Путешествие в загадочную Скифию. М., 1989.

Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Сост., коммент., вступит. ст. В. К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. – 638 с.

Ажишев К. А. Саки азиатские и скифы европейские (общее и особенное в развитии) // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973.

Азаматов К. Г. Пережитки язычества в верованиях балкарцев // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1980.

Азаматов К. Г. Экономическое положение и обычное право Балкарии в первой половине XIX в. Нальчик: Эльбрус, 1968. – 108 с.

Азаматов К. Г., Хутуев Х. И. Мисост Абаев. Нальчик: Эльбрус, 1981. – 128 с.

Акбаев Ш. Х. Об этимологии слова «алан» // Ленинни байрагьы. 1963. 21 апр.

Акишев К. А. Курган Иссык. Алма-Ата, 1978.

Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней реки Или. Алма-Ата, 1963.

Акритас П. Г. Археологические работы в Чегемском ущелье в 1959 году // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1960. Вып. 9. С. 10–26.

Алборов Б. А. Почему осетины называют балкарцев – Асы? // МНС. Нальчик, 1960. С. 108–112.
Алексеев В. П. К палеоантропологии Кабардино-Балкарии эпохи позднего Средневековья // Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1980. Вып. 1. С. 96–111.
Алексеев В. П. Нескончаемая даль этноса // Знание – сила. 1987. № 12. С. 33–37.
Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа. М.: Наука, 1974. – 316 с.
Алексеев В. П. Этногенез. М., 1986. – 174 с.
Алексеев В. П. Историческая антропология и этногенез. М., 1989.
Алексеев В. П. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980.
Алексеев В. П., Бромлей Ю. В. Переселение народов и формирование новых этнических общностей // СЭ. 1987. № 2.
Алексеева Е. П. Археологические памятники у сел. Верхний Чегем // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1960. Вып. 9. С. 27–41.
Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М.: Наука, 1971. – 351 с.
Алексеева Е. П. Карачаевцы и балкарцы – древний народ Кавказа. Черкесск, 1963. – 53 с.
Алексеева Е. П. Материальная культура черкесов в Средние века // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Черкесск, 1963. Вып. 4. – 132 с.
Алексеева Е. П. О чем рассказывают археологические памятники Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1962. – 72 с.
Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1977.
Алиев И. Г. История Мидии. Баку, 1960.
Алиев И. Г. Сармато-аланы на пути в Иран // История Иранского государства и культуры. М., 1971.
Алиев У. Б. Выступление на конференции // О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960.
Алиев У. Б. Синтаксис карачаево-балкарского языка. М., 1972.
Алиев У. Б., Баучиев А. Дж., Лайпанов К. Т., Хабичев М. А. О древнетюркских руническихпамятниках в верховьях Кубани // Ленинни байрагьы. 1963. 20 апр.
Алиев У. Д. Карачаево-балкарская грамматика (горско-тюркский язык). Кисловодск, 1930.
Алиев У. Д. Карачай. Ростов н/Д, 1927.
Алироев М. Б. Нахские языки и культура. Грозный, 1976.
Алияров С. С. Об этногенезе азербайджанского народа // К проблеме этногенеза азербайджанского народа. Баку, 1984.
Альбом к X тому Известий Русского археологического института в Константинополе. Вена, 1905. Табл. 1 –114.
Аманжолов А. С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959.
Аманжолов А. С. К генезису тюркских рун // СТ. 1978. № 2.
Аманжолов А. С. Материалы и исследования по истории древнетюркской письменности: Автореф. дис. ... д-ра наук. Алма-Ата, 1975.

Аманжолов А. С. Шумеро-тюркские соответствия и изобразительные лотограммы // Sprache gesichte und kultur der Altaishen folker. Берлин, 1974.
Аммиан Марцеллин. История. Киев, 1906–1908; АИСК. Нальчик, 1990.
Анисимов А. Ф. Духовная жизнь первобытного общества. М.; Л., 1966. – 247 с.
Анисимов С. Кавказский край. М., 1915.
Антипина К. И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962. – 211 с.
Античная культура Северного Причерноморья в I веке нашей эры // Сборник статей. Л., 1968.
Античные историки о Северном Кавказе. Нальчик, 1990.
Антропоморфные изображения: Сборник статей. Новосибирск, 1987.
Антропонимика: Сборник статей. М., 1970.
Анфимов Н. В. Древние поселения Прикубанья. Краснодар, 1953.
Анфимов Н. В. Древняя история Кубани. Краснодар, 1956.
Анфимов Н. В. Из прошлого Кубани. Краснодар, 1958.
Анфимов Н. В. Курганы рассказывают. М., 1984.
Анчабадзе З. В. История и культура Древней Абхазии. М., 1964.
Анчабадзе З. В. Кипчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI–XIV вв. // МНС. Нальчик, 1960. С. 113–126.
Аппиан. Римская история // ВДИ. 1950. № 2–4; АИСК. 1990.
Аракелян Б. Н. Древний Арташат. Ереван, 1975.
Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и сведения об их численности // Живая старина. СПб., 1896. Вып. 3–4. Год шестой. – 447 с.
Аристов Н. А. О земле Половецкой. Киев, 1886.
Армянская география VII века (приписываемая Моисею Хоренскому) / Пер. К. П. Патканова. СПб., 1877. С. 1–37.
Армянские источники об аланах. Ереван, 1985. Вып. 1–3.
Арриан. Походы Александра. СПб., 1837.
Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. – 522 с.
Артамонов М. И. К вопросу о происхождении скифов // СА. 1950. № 2.
Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы (от появления на исторической арене до конца IV в. до н. э.). Л., 1974.
Артамонов М. И. Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища // СА. 1954. № 10.
Артамонов М. И. Сокровища саков. М., 1973.
Арутюнов С. А. Древние мифы и инопланетные пришельцы // СЭ. 1977. № 3. С. 131–135.
Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989.
Арутюнов С. А. Обычай, ритуал, традиция // СЭ. 1981. № 2.
Арутюнов С. А. Процессы и закономерности вхождений инноваций в культуру этноса // СЭ. 1982. № 1.
Арутюнов С. А. Этнические общности доклассовой эпохи // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М.: Наука, 1982. С. 97–99.
Археологические работы на новостройках в 1932–1933 гг. М.; Л., 1935.
Археологические раскопки в районе станицы Змейской Северной Осетии // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе, 1960. Т. 1. – 135 с.

Археология и вопросы хозяйственного и экономического развития Северного Кавказа. Грозный, 1987.
Атаныязов С. Туркменистанын топонимик сёзлюпо. Ашгабад, 1970.
Багов П. М. Отражение этнического прошлого в языке // Этнография и современность. Нальчик, 1984. С. 190–201.
Багрянородный Константин. Об управлении империей. М., 1991.
Бадер О. Н. О древнейших финно-уграх на Урале и древних финнах между Уралом и Балтикой // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.
Байдаев М. К. Им покоряются заоблачные вершины. Нальчик: Эльбрус, 1974; 1979.
Байрамкулов А. М. Алано-асские этнические названия, фамилии и имена // Актуальные проблемы карачаево-балкарского и ногайского языков. Ставрополь, 1981.
Байчоров С. Я. Гунно-протобулгарско-северокавказские языковые контакты // Вопросы языковых контактов. Черкесск, 1982. С. 44–62.
Байчоров С. Я. Древнетюркские памятники Европы // Отношение Северо-Кавказского ареала древнетюркской и рунической письменностей к Волго-Донскому и Дунайскому ареалам. Ставрополь, 1989.
Байчоров С. Я. Карачаево-балкарский арабописьменный памятник и его отношение к булгарскому языку // Вопросы языковых контактов. Черкесск, 1982. С. 104–139.
Байчоров С. Я. К этногенезу карачаево-балкарского народа по данным языка и эпиграфики // Проблемы истории карачаево-балкарского и ногайского языков. Черкесск, 1989.
Байчоров С. Я. Наскальная панорама раннесредневекового художника и писца // Вопросы археологии и традиционной этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1987.
Байчоров С. Я. О протобулгарских географических названиях в верховьях Кубани // Вопросы взаимовлияния и взаимообогащения языков. Черкесск, 1978. С. 103–131.
Байчоров С. Я. Петроглифы Бийчесына // Вопросы средневековой археологии Северного Кавказа. Черкесск,1988.
Байчоров С. Я. Протобулгарские эпиграфические памятники Кубано-Терского междуречья // Проблемы историко-сравнительного изучения языков народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1983. С. 87–129.
Байчоров С. Я. Северо-Кавказский ареал древнетюркской рунической письменности: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977. – 21 с.
Бараба в тюркское время. Новосибирск, 1988.
Барбаро Иосафат. Путешествие в Тану Иосафата Барбаро, венецианского дворянина // Библиотека иностранных писателей о России. СПб., 1836.
Бартольд В. В. География Ибн Саида // Академик В. В. Бартольд. М., 1973. Т. 8.
Бартольд В. В. Иран. Ташкент, 1926. С. 3–32.
Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. М., 1963.
Бартольд В. В. История турецко-монгольских народов. Ташкент, 1928.
Бартольд В. В. История Туркестана // Академик В. В. Бартольд. Сочинения. М., 1963. Т. 2. Ч. 1.
Бартольд В. В. Кыргизы. Фрунзе, 1943. С. 10–17.
Бартольд В. В. Об одном уйгурском документе. М., 1963.
Бартольд В. В. Очерк истории туркменского народа. М., 1963.

Бартольд В. В. Сочинения. М., 1968. Т. 5. – 754 с.
Бартольд В. В. Сочинения. М., 1973. Т. 7. – 747 с.
Бартольд В. В. Томсен и история Средней Азии // Памяти В. Томсена. К годовщине со дня смерти. Л., 1928.
Баскаков Н. А. Алтайская семья языков и ее изучение. М., 1981.
Баскаков Н. А. Выступление на сессии 1959 года // МНС. Нальчик, 1960. С. 228–244.
Баскаков Н. А. Географическая номенклатура в топонимике Горного Алтая // Топонимика Востока. М., 1969.
Баскаков Н. А. Имена половцев и названия половецких племен в русских летописях // Тюркская ономастика. Алма-Ата, 1984.
Баскаков Н. А. О происхождении этнонима «башкир» // Этническая ономастика. М., 1984. С. 13–16.
Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979.
Баскаков Н. А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985.
Баскаков Н. А. Тюркские языки. М., 1960.
Батчаев В. М. Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эльбрус, 1986. – 151 с.
Батчаев В. М. Гуннский котел из селения Хабаз // СА. 1984.
Батчаев В. М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1985. Т. 2.
Батчаев В. М. К этнической истории балкарцев и карачаевцев // VII Крупновские чтения: Тезисы докладов. Нальчик, 1978.
Батчаев В. М. Погребальные памятники у селений Лечинкай и Былым // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984. Т. 1.
Батчаев В. М. Предкавказские половцы и вопросы тюркизации средневековой Балкарии // Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1980. Вып. 1. С. 79–95.
Бахтияров А. Осколки исчезнувших аланов // Туркменоведение. 1930. № 8, 9. С. 39–40.
Белокуров С. А. Посольство дьяка Федота Елчина и священника Павла Захарьева в Дадианскую землю (1639–1640) // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1887. Кн. 2. С. 257–376.
Белявский В. А. Вавилон легендарный и Вавилон исторический. М., 1971.
Берже А. П. Записки об археологии Кавказа // Труды археологического съезда. СПб., 1876. Отд. 2. Вып. 1. С. 1–24.
Берже А. П. Краткий обзор горских племен на Кавказе. Тифлис, 1858.
Бероев Б. М. Приэльбрусье. М.: Профиздат, 1984.
Бернардацци И. Христианские древности за Кубанью // ЖМВД. 1830. Ч. 3. Кн. 4. С. 186–191.
Бернштам А. Н. Жилище Крымского предгорья. М., 1931.
Бернштам А. Н. Кенкольский могильник. Л., 1940.
Бернштам А. Н. О древнейших следах «джоканья» в тюркских языках Средней Азии // Сборник, посвященный памяти акад. Н. Я. Марра. М.; Л., 1938.
Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. М.; Л., 1951.

Бернштам А. Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII вв. М.; Л., 1946.
Бетрозов Р. Ж. Захоронение вождя гуннского времени у сел. Кишпек в Кабардино-Балкарии // Северный Кавказ в древности и в Средние века. М.: Наука, 1980. С. 113–122.
Бетрозов Р. Ж. К истории древних племен Центрального Кавказа. Нальчик, 1982.
Бешевлиев Веселин. Вярата на първобългарите. София, 1939.
Бибиков В. Н. Из истории голоценовой фауны позвоночных в Восточной Европе // Природная обстановка и фауна прошлого. Киев, 1963.
Библиотека для чтения. СПб., 1838. Кн. 2. От. 3.
Биджиев Х. Х. Изучение истории и археологии раннесредневековых тюркских народов Северного Кавказа // Вопросы средневековой археологии Северного Кавказа. Черкесск, 1988.
Биджиев Х. Х. Исследование средневековых поселений Карачаево-Черкесии и степного Предкавказья в 1965–1986 гг. // Вопросы археологии и средневековой истории Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1989.
Биджиев Х. Х. Раннесредневековые изваяния Карачаево-Черкесии и сопредельных территорий (К истории проблемы) // Вопросы археологии и традиционной этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1987.
Биджиев Х. Х. Хумаринское городище. Черкесск, 1984. – 169 с.
Биджиев Х. Х., Гадло А. В. Исследования на Хумаринском городище в 1974 г. // V Крупновские чтения по археологии Кавказа: Тезисы докладов. Махачкала, 1975. С. 70–73.
Биджиев Х. Х., Гадло А. В. Раскопки Хумаринского городища // Археология Северного Кавказа // VI Крупновские чтения в Краснодаре: Тезисы докладов. М., 1976. С. 12–13.
Биджиев Х. Х., Козенкова В. И. Предметы кобанской культуры из сел. Терезе // СА. 1980. № 3.
Бижанов Е. Б. Мезолитические и неолитические памятники Северо-Западного Устьюрта // Археология Приаралья. Ташкент, 1982. Вып. 1.
Бикерман Э. Хронология Древнего мира. М., 1976.
Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. М., 1950. Т. 1; М., 1951. Т 2.
Блиев М. М. Катакомбные памятники Северного Кавказа // Катакомбные памятники Северного Кавказа: Межвузовский сборник. Орджоникидзе, 1981.
Бловатская Т. В. Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н. э. М., 1959.
Бловатский В. Д. Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961.
Богданов И. Хан Аспарух. София, 1975.
Богоярков М. И. Скифо-тюркские (хакасские) этнографические и фольклорные параллели // Народы Азии и Африки. М., 1975. № 6.
Бонгардт-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. М., 1983.
Боровков А. К. Карачаево-балкарский язык // Яфетический сборник. М., 1932. № 7. С. 37–55.
Борозна Н. Г. Материальная культура узбеков Бабатага и долины Кафирнигана //Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966. С. 87–120.
Боташев Али-Бек. Богатырь Ецемей сын Ецея // СМОМПК. Тифлис, 1896. Вып. 21. С. 79–84.

Бравин П., Беляев И. Указатель племенных имен к статье Н. А. Аристова «Заметки об этническом составе тюркских племен и сведения об их численности» // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1903. Т. 28. Вып. 2. С. 344–446.

Брашинский И. В. В поисках скифских сокровищ. Л., 1979.

Брашинский И. В., Щеглов А. И. Некоторые проблемы греческой колонизации // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979.

Бретаницкий Л. С. Зодчество Азербайджана XII–XV вв. М., 1966. – 557 с.

Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. – 390 с.

Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. – 238 с.

Броссе. О грузинском письме царя Арчила к шведскому королю Карлу XII от 2 февр. 1706 г. и о пребывании грузинского царя Арчила в России // Ученые записки: Императорской академии наук по I и III отд. СПб., 1855. Т. 2. Вып. 3. С. 544–579.

Брун Ф. К. Опыт соглашения противоположных мнений о Геродотовой Скифии и смежных с нею земель. СПб., 1872.

Брун Ф. К. Отчет о раскопках в Тарической губернии в 1899 году // Известия археологической комиссии. М., 1906. Вып. 19.

Брюсов А. Я. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.

Будагов А. В. Собр. соч. М., 1966. Т. 2. – 510 с.

Будаев А. Ж. Система фонем современного карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1968.

Будаев А. Ж. Скифо-балкарские лексические схождения // Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1972. Вып. 2.

Буниятов З. М. Государство Хорезмшахов, Ануштегинидов (1097–1231). М., 1986.

Бутков П. О имени «Козак» // Вестник Европы. М. 1822. Кн. 21. Ч. 1. С. 191.

Вадецкая Э. В. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986.

Ванеев З. Н. Средневековая Алания. Сталинир, 1959.

Варавин П. С. Летние и зимние пастбища Закавказского края // СМИЭБГКЗК. Тифлис, 1888. Т. 5. С. 8–15.

Вардьяш Л. О некоторых принципиальных вопросах изучения эпических жанров // Труды VII МКАЭН. М., 1969. Т. 6. С. 178–182.

Васильев Д. Д. Корпус Енисейских рунических памятников. Л., 1983.

Васильева Г. П. Туркмены нохурли // Среднеазиатский этнографический сборник: Труды ИЭ АН СССР. М., 1954. Вып. 21. С. 140–149.

Вахушти. География Грузии//ЗКОРГО. Тифлис, 1904. Кн. 24. Вып. 5. – 241 с.

Велева М. Синтез этнических элементов в болгарской народной одежде // Труды VII МКАЭН. М., 1970. Т. 5. С. 82–88.

Венелин Ю. И. Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россианам. М., 1856. – 211 с.

Веселовский Н. И. Отчет о раскопках в станице Джегутинской // Отчеты археологической комиссии за 1901 г. СПб., 1901.

Веселовский Н. И. Современное состояние вопроса о «каменных бабах» или «балбалах» // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1913. Вып. 32.

Виноградов В. Б. Время. Горы. Люди. Грозный, 1980. – 166 с.

Виноградов В. Б. Лев Толстой о балкарцах и карачаевцах // Минги Тау. 1987. № 1. *На балк. яз.*
Виноградов В. Б. Тайна Чегемского ущелья // Кабардино-Балкарская правда. 1987. 6 февр.
Вирсаладзе Б. Б. Из истории охотничьего эпоса в Грузии // КСИЭ. 1958. Вып. 24. С. 70–78.
Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – нач. XIX века. М.: Наука, 1974. – 276 с.
Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973. – 206 с.
Вопросы истории и исторической науки Северного Кавказа и Дона. Грозный, 1980. Вып. 2.
Воронов Ю. Н. Вооружение древнеабхазских племен в VI–I вв. до н. э. // Скифский мир. Киев, 1975.
Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины. М.,1975.
Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1959.
Всесоюзный симпозиум по древней истории Причерноморья: М. Тбилиси, 1982.
Вулли Л. Забытое царство. М., 1986.
Вырубов Д. Раскопки кургана Хусанты близ поселка Зылги в местности Рахты // Древности: Труды Императорского Московского археологического общества. М., 1900. Вып. 16. С. 195–196.
Гаген-Торн Н. И. Женская одежда народов Поволжья. Чебоксары, 1960. – 265 с.
Гаглойти Ю. С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966. – 254 с.
Гадагатль А. М. Героический эпос «Нарты» и его генезис. Тбилиси, 1965.
Гаджиев Г. А. Древнее население Дагестана по данным краниологии. М., 1975.
Гаджиева З. Н. Тюркоязычные ареалы Кавказа. М., 1979.
Гаджиева С. Кумыки. М., 1965.
Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979. – 214 с.
Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.
Гамрекели В. Н. Двалы и Двалети в I–XV вв. Тбилиси, 1961.
Ган К. Известия древнегреческих и римских писателей о Кавказе. Тифлис, 1884. Ч. 1, 2. – 248 с.; 1890. Ч. 2. – 230 с.
Ган К. Опыт объяснения кавказских географических названий // СМОМПК. Тифлис, 1909. Вып. 40.
Ган К. Первый опыт объяснения кавказских географических названий // СМОМПК. Тифлис, 1909. Вып. 39. С. 5–48.
Гарипов Т. И. Кыпчакские языки Урало-Поволжья. М., 1974.
Гаркави А. Я. Крымский полуостров до монгольского нашествия в арабской литературе // Труды IV Археологического съезда в Казани. Казань, 1891. Т. 2. С. 243–245.
Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и руссах. СПб., 1870.
Гвоздецкий В. Н., Федчина В. Н., Азатьян З. Н., Донцова А. А. Русские географические исследования Кавказа и Средней Азии. СПб.,1809; М.,1964.
Г. Д. Поездка к южному склону Эльбруса в 1848 г. // Библиотека для чтения. 1849. Т. 97.

Гейбуллаев Г. А. К этногенезу азербайджанцев: (Историко-этнографическое исследование). Баку, 1991.
Гейбуллаев Г. А. Топонимика Азербайджана. Баку, 1986.
Гельб И. Е. Опыт изучения письма. М., 1982.
Генинг В. Ф. Деменковский могильник – памятник ломатовской культуры // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1964. Вып. 6. С. 46–72.
Генинг В. Ф. Этнический процесс в первобытности. Свердловск, 1970.
Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964. – 200 с.
Герасимов М. Н. Восстановление лица по черепу. М., 1955.
Герасимова М. М., Рудь Н. М., Яблонский Л. Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., 1987.
Геродот. История. Л., 1972.
Гинзбург В. В. Материалы к антропологии населения Западного Казахстана в эпоху бронзы // МИА. М., 1962. Вып. 120.
Гиппократ. О воздухе, водах и местностях // УАИСК. Нальчик, 1990.
Гоголев А. И. Скифо-сибирские истоки традиционной культуры якутов // Скифо-Сибирский мир. М., 1987.
Голицын Н. Б. Жизнеописание генерала от кавалерии Емануеля. СПб., 1851. – 195 с.
Коломбиевский М. К. Попытки восхождения на Эльбрус в 1887 и 1888 годах и топография этой горы и ее окрестностей // Известия Кавказского отделения Русского географического общества. 1903. Т. 16. № 3.
Голубев С. Восхождения на Центральном Кавказе // Ежегодник Русского горного общества. Т. 13. М., 1913.
Голубовский П. В. Болгары и хазары // Киевская старина. Киев, 1888. № 7.
Голубовский П. В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884.
Гомес-Табанера Хосе-Мануэль. Происхождение и формирование народов Испании // УСЭ. 1966. № 55.
Гоммель Ф. История Древнего Востока. СПб., 1905.
Гордлевский В. А. Что такое «босый волк»? // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М., 1947. Т. 6. Вып. 4.
Горький М. Доклад на Первом Всероссийском съезде советских писателей // Советская литература. 1934. № 9–10. С. 21.
Грабовский Н. Ф. Экономическое положение бывших зависимых сословий Кабардинского округа // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 3. С. 1–28.
Граков Б. Н. Ранний железный век: (Культура Западной и Юго-Восточной Европы). М., 1977.
Граков Б. Н. Скифы. М., 1971. – 169 с.
Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.
Греков Б., Якубовский А. Золотая Орда. Л., 1937. – 202 с.
Грозный Б. Древнейшие судьбы Передней Азии // УВДИ. 1940. № 3, 4.
Грунин Т. И. Документы на половецком языке. М., 1967.
Грязнов М. П. Аржан: Царский курган раннескифского времени. Л., 1980.
Гугов Р. Х., Улигов У. А. Киров на Тереке. Нальчик: Эльбрус, 1986.
Гукасян В. Л. Тюркизмы в «Истории албан» Моисея Утийского // Структура в истории тюркских языков. М., 1971.
Гулиева Л. Г. О названии реки Кубань // Топонимика Востока. М., 1969.
Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967. – 502 с.

Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1992.
Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии. М., 1966.
Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970.
Гумилев Л. Н. Хазария и Терек // Вестник Ленинградского университета. Л., 1964. Т. 24. Вып. 4.
Гумилев Л. Н. Хунны в Китае. М., 1974. – 304 с.
Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. Л., 1990.
Гюльденштедт И.-А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб., 1809. С. 89–336.
Давидович С. Ф. Восхождение на Эльбрус // Исторический вестник. М., 1887. Т. 28. № 4–6.
Дворникова Н. А. Русские и украинские традиции в одежде населения бассейна р. Кубани (конец XIX–XX вв.) // СА. 1964. № 1. С. 21–45.
Дебет Златоликий: Карачаево-балкарский нартский эпос. Нальчик: Эльбрус, 1972. – 154 с.
Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л., 1948.
Деген-Ковалевский Б. Е. Работы на строительстве Баксанской гидроэлектростанции: Археологические работы на новостройках // ИГАИМК. Л., 1935. Т. 2. Вып. 110. С. 16–47.
Деген-Ковалевский Б. Е. Сванское поселение как исторический источник // СЭ. 1936. № 4, 5. С. 21–54.
Денисов П. В. Данные этнографии к вопросу о происхождении чувашского пароода // О происхождении чувашского народа. Чебоксары, 1957. – 201 с.
Деопик В. Б. Классификация и хронология аланских украшений VI–IX вв. // МИА. 114. С. 41–73.
Дешириев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблема происхождения и исторического развития горских народов Кавказа. Грозный, 1963.
Джавахишвили И. А. Основные историко-географические проблемы истории Грузии, Кавказа, Ближнего Востока древнейшей эпохи // ВДИ. 1939. № 4.
Джанашвили М. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // СМОМПК. Тифлис, 1897. Вып. 22. С. 1–22.
Джидалаев Н. С. К вопросу о языке древних тюрков Восточного Кавказа // СТ. Баку, 1976. № 5.
Джуртубаев М.Ч. Древние верования балкарцев и карачаевцев: Краткий очерк. Нальчик, 1991.
Дзагуров Гр. А. Осетинский пастушеский счет // ИОНИИК. Владикавказ, 1925. С. 121–132.
Диалекты и топонимы Поволжья. Чебоксары, 1973.
*Димитров Димитр*ъ. Пръболгарите по Северного и Западного Черноморие. Варна, 1987.
Динник Н. Я. Горы и ущелья Кубанской области // ИКОРГО. Тифлис, 1884. Кн. 8. Вып. 1. С. 307–363.
Динник Н. Я. Поездка в Балкарию // ИКОРГО. Тифлис, 1890. Кн. 14. Вып. 1. С. 121–141.
Динник Н. Я. Эльбрус, его отроги и ущелья // Известия Кавказского отделения Русского географического общества. 1880. Т. 6.

Дирр А. М. Современные названия кавказских племен // СМОМПК. Тифлис, 1909. Вып. 40.
Дитмар А. В. География в античное время. М., 1980.
Дмитриев Н. К. Синтаксис балкарского языка // Строй тюркских языков. М., 1962.
Добльхофер Э. Знаки и чудеса. М., 1963.
Добродомов И. Г. Пути проникновения булгарской лексики в славянские языки // Тюркизмы в восточных языках. М., 1974.
Доватур Д. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.
Документы на половецком языке XVI в. М., 1965.
Доманский Я. В. Древняя художественная бронза Кавказа. М., 1984.
Доманский Я. В. Ольвия и варвары в V в. до н. э. // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981.
Доманский Я. В. Скифия и Ольвия в начале эллинской эпохи // Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси, 1982.
Домба М. По материалам древних погребений Северной Осетии. Орджоникидзе, 1966.
Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.
Древнерусские летописи. М.; Л., 1936.
Древнетюркский словарь. Л., 1969.
Древние языки Малой Азии. М., 1980.
Древний Восток. Этнокультурные связи. М., 1988.
Древности Дона. М., 1983.
Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.
Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1990.
Дульзон А. П. Диалекты и говоры тюрков Чурыма // СТ. 1973. № 2.
Дульзон А. П. Древние топонимы Южной Сибири индоевропейского происхождения // Топонимика Востока: Новые исследования. М., 1964. С. 14–17.
Думанов Х. Еще раз о Килларе и Ахии // Кабардино-Балкарская правда. 1985. 3 сент.
Дьяконов И. М. История Мидии. М., 1956.
Дьяконов И. М. Новые данные о шумерской культуре // ВДИ. 1947. № 2.
Дьяконов И. М. О прародине носителей индоевропейских диалектов // ВДИ, 1982. № 3.
Дьяконов И. М. Тайны древних письмен // Проблемы дешифровки. М., 1976.
Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. М., 1969.
Дьячков-Тарасов А. Н. В горах Большого и Малого Карачая // СМОМПК. Тифлис, 1900. Вып. 28.
Дьячков-Тарасов А. Н. Заметки о Карачае и карачаевцах // СМОМПК. Тифлис, 1898. Вып. 25. Отд. 1. С. 49–91.
Дьячков-Тарасов А. Н. Неизвестный древний путь из Хорезма в Византию через Кавказ // Новый Восток. 1930. № 28. С. 148–156.
Дьячков-Тарасов А. Н. Сентинский храм и его фрески // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1899. Т. 5. С. 3–9.
Дэвлет М. А. Петроглифы Улуг-Хема. М., 1976.
Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1977; 2-е изд. М., 1990.
Евдокимов В. В. Исследования в Карагандинской области // Археологические открытия 1981 года. М., 1983.

Европеус Д. Об угорском народе, обитавшем в Средней и Северной России. СПб., 1874. – 156 с.
Евтюхова Л. А. Южная Сибирь в древности // По следам древних культур от Волги до Тихого океана. М., 1954. С. 193–225.
Еремеев Д. Е. Юрюки. М., 1969. – 103 с.
Ежегодник Большой советской энциклопедии. 1990. М., 1990. Вып. 34.
Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах. М., 1968.
Ельницкий Л. А. Скифия Евразийских степей: Историко-археологический очерк. Новосибирск, 1977.
Еремеев Д. Е. Этногенез турок: Происхождение и основные этапы этнической истории. М., 1971.
Еремеев Д. Е., Мейер М. С. История Турции в Средние века и Новое время. М., 1992.
Ермоленко М. И. Древние христианские храмы близ Нальчика и мумии балкарских могил // Труды Ставропольской ученой комиссии. Ставрополь, 1910. Вып. 1.
Ермолова И. Е. Общественный строй гуннов последней четверти IV–нач. V в. // Древнейшие государства на территории СССР. М.: Наука, 1982. С. 227–233.
Есгюз Т. Алтын-Тепе. Анкара, 1969.
Жебедев С. А. Народы Северного Причерноморья в античную эпоху // ВДИ. 1938.
Закарая П. Древние крепости Грузии. Тбилиси, 1969. – 279 с.
Закиев М. З. Проблемы языка и происхождения волжских татар. Казань, 1986. – 303 с.
Закиев М. З. Об изучении древних тюрков и их языков // Тюркское языкознание: Материалы Всесоюзной III тюркологической конференции. Ташкент, 1985.
Записки Императорского Русского археологического общества. СПб., 1858. Т. 14.
Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962. Ч. 1; М., 1966. Ч. 2.
Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. Баку: Элм, 1986. – 427 с.
Иванов Д. Л. Восхождение на Эльбрус // Записки Русского географического общества. Вып. 5. СПб., 1884. Т. 20.
Иванюков И., Ковалевский М. У подошвы Эльборуса // Вестник Европы. М., 1885. Кн. 1. С. 53–112.
Иерусалимская А. А. Аланский мир на «шелковом пути» (Мощевая балка – историко-культурный комплекс VIII–IX веков) // Культура Востока: Древность и раннее Средневековье. Л., 1978. С. 151, 152.
Иерусалимская А. А. О Северокавказском «шелковом пути» в раннем Средневековье // СА. 1967. № 2. С. 55–78.
Иессен А. А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1941. Вып. 3. С. 7–50.
Иессен А. А. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947.
Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н. э. на Юге европейской части СССР // СА. 1953. Вып. 18.
Иессен А. А. Некоторые памятники VIII–VII вв. до н. э. на Северном Кавказе // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954.
Иессен А. А. Отчет о работах Баксанской экспедиции 1934 года // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. М.; Л., 1941. С. 17–53.
Иессен А. А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // МИА. М., 1951.
Иессен А. А., Пиотровский Б. Б. Моздокский могильник. Л., 1940.

Ильинская В. А. Скифы Днепровского левобережья. Киев, 1968.
Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифы VII–IV вв. до н. э. Киев, 1983.
Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы: Историко-этнографические очерки. Сухуми, 1965.
Ионе Г. И. Археологические памятники у сел. Верхний Чегем VI–XIV веков // УЗКБНИИ. Нальчик, 1962. Т. 19. С. 183–207.
Иордан. О происхождении и деяниях готов. М., 1960.
Исаев М. И. Осетинский язык // Языки народов СССР: Индоевропейские языки. М., 1966. Т. 1.
Исследования по этногенезу и древней истории финноязычных народов // Материалы XVII Всесоюзной финно-угорской конференции. Ижевск, 1987.
Историки античности. М., 1989. Т. 1: Древняя Греция; Т. 2: Древний Рим.
История Иранского государства и культуры. М., 1971.
История народов Востока и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. М., 1986.
История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.
История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1975.
Йетмар К. Религия Гиндикуша. М., 1986.
Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. М., 1957. Т. 1. – 478 с.
Каганкатваци Моисей. История агван. СПб., 1861. – 215 с.
Каганов Н. Ф. Хакасский фольклор. Абакан, 1963.
Каллистов Д. П. Северное Черноморье в античную эпоху. М., 1952.
Калоев Б. А. Данные этнографии и фольклора о происхождении осетин // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967. С. 98–124.
Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981.
Калоев Б. А. М. М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М.: Наука, 1979. – 202 с.
Калоев Б. А. Осетины. М., 1968.; 2-е изд. М., 1971. – 356 с.
Калоев Б. А. Осетины: Историко-этнографическое исследование. М., 1971.
Караева А. И. Очерк истории карачаевской литературы. М., 1966.
Каракашлы К. Т. Материальная культура азербайджанцев. Баку, 1964. – 312 с.
Караулов Н. А. Балкары на Кавказе // СМОМПК. Тифлис, 1908. Вып. 38. С. 131–149.
Караулов Н. А. Сведения арабских географов IX–X вв. о Кавказе, Армении и Азербайджане // СМОМПК. Тифлис, 1908. Вып. 38.
Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях. Нальчик: Эльбрус, 1983.
Карачаевцы: Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978. – 333 с.
Каховский В. Ф. Происхождение чувашского народа. Чебоксары, 1965. – 481 с.
Кашгарский Махмуд. Девону лугатит тюрк. Ташкент, 1960. Т. 1; 1961. Т. 1, 2; 1963. Т. 3.
Кеппен П. Крымский сборник о древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837.
Керефов Б. М. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1988.
Кесарийский Прокопий. История войн римлян с персами, вандалами и готфами. СПб., 1876. Кн. 1. С. 1–116.
Кипшидзе И. Грамматика мингрельского языка. Тбилиси, 1914. С. 193.
Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири // МИА. М., 1949. Вып. 9.

Клапрот Г. Ю. Путешествия по Кавказу и Грузии, предпринятые в 1807–1808 гг. // АБКИЕА. Нальчик, 1990.
Клименко М. К. В недрах Кавказа // Ежегодник Кавказского горного общества в городе Пятигорске № 5 за 1911–1912 гг. Пятигорск, 1913.
Ключевский В. О. Сочинения. М., 1956. Т. 1. Ч. 1. С. 106–107.
Кляшторный С. Д. Древнетюркские рунические памятники. М., 1964.
Кобычев В. П. Города, селения, жилища // Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968. С. 50–92.
Кобычев В. П. Изменения материальной культуры народов Кавказа за годы Советской власти // Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX–XX вв. М., 1971. С. 5–32.
Кобычев В. П. Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX–XX вв. М.: Наука, 1982. – 194 с.
Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы. М., 1984.
Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн Фодлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. С. 135–137.
Ковалевский М. М., Миллер В. Ф. В горских обществах Кабарды // Вестник Европы. М., 1884. Кн. 4. С. 540–588.
Ковальска-Левицка А. Пища крестьян Польских Карпат в XIX – перв. половине XX в. // Труды VII МКАЭН. М., 1964. Т. 5.
Ковпаненко Г. Т. Сарматское погребение I в. н. э. на Южном Буге. Киев, 1986.
Козенкова В. И. Кобанская культура. Западный вариант. М., 1989.
Козенкова В. И. О границах западного варианта кобанской культуры // СА. 1981. № 3.
Козенкова В. И., Найденко А. В. Кобанский могильник близ Исправной // СА. 1980. № 1.
Кокиев Г. А. Боевые и заградительные стены Горной Осетии // ИЮОНИИК. Сталинир, 1935. Вып. 2. – 72 с.
Кокиев Г. А. Из истории русско-осетинских отношений в XVIII в. // ИСОНИИ. Орджоникидзе, 1932. Т. 4. С. 130–133.
Кокиев Г. А. К вопросу о происхождении и времени расселения балкарцев и асарачаевцев на нынешней территории // Социалистическая Кабардино-Балкария. 1941. 28 янв.
Кокиев Г. А. К вопросу об аталычестве // Революция и горец. 1929. № 3. С. 49–52.
Кокиев Г. А. Материалы по истории Осетии // ИСОНИИ. Орджоникидзе, 1934.
Кокиев Г. А. Склеповые сооружения Горной Осетии. Владикавказ, 1928. – 62 с.
Кокиев Г. А. Очерки по истории Осетии. Владикавказ, 1926.
Коков Дж. Н. Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик, 1974.
Коков Дж. Н., Шажмурзаев С. О. Балкарский топонимический словарь. Нальчик, 1970.
Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
Колобова К. М. К вопросу о сарматском языке // Из истории докапиталистических формаций. М.; Л., 1933.
Кононов А. Н. Сочинение Абул-Гази хана Хивинского. М.; Л., 1958.
Корнилов Г. Е. Гидронимический ареал «ахан» в Евразии // Топонимика Востока. Новые исследования. М.: Наука, 1966.
Коробова Г. Ф. Мезолит Средней Азии и Казахстана // Мезолит СССР. М., 1989.
Косвен М. О. Аталычество // СЭ. 1935. № 2. С. 41–62.
Косвен М. О. Очерки истории первобытного общества. М., 1957.

Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963. – 219 с.
Котович В. М. Верхнегунибское поселение. Махачкала, 1965.
Краснов А. И. О приоритете покорения Эльбруса нашими соотечественниками // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института. Грозный, 1965. Т. 6. Вып. 1.
Крижевская Л. Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. Л., 1977.
Крупнов Е. И. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957. – 175 с.
Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. – 519 с.
Крупнов Е. И. Краткий очерк археологии Кабарды. Нальчик, 1948.
Крюков М. В. «Люди», «настоящие люди»: К проблеме исторической типологии этнических самоназваний // Этническая ономастика. М.: Наука, 1984. С. 6–12.
Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984.
Кубарев В. Д. Древние росписи Каракола. Новосибирск, 1988.
Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987.
Кудаев М. Зеленчукокая надпись // Коммунизмге жол. 1965. 14 февр. *На карач.-балк. яз.*
Кудинов В. Ф. Эльбрусская летопись. Нальчик: Эльбрус, 1976.
Кузнецов В. А. Алания в X–XIII вв.: Автореф. дис. ... д-ра наук. М., 1970. – 49 с.
Кузнецов В. А. Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе, 1972. – 247 с.
Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. М., 1962. Вып. 106. – 137 с.
Кузнецов В. А. Аланы в X–XII вв. Орджоникидзе, 1971.
Кузнецов В. А. Аланы и тюрки в верховьях Кубани // АЭС. Нальчик: Эльбрус, 1974. Вып. 1. С. 76–94.
Кузнецов В. А. Археологические исследования в верховьях Кубани (1960–1961) // КСИА. М., 1963. Вып. 96. С. 89–93.
Кузнецов В. А. Археологические разведки в Балкарии и районе г. Кисловодска в 1959 г. / / Сборник статей по историй Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1960. Вып 9. С. 112–139.
Кузнецов В. А. Археологические разведки в Зеленчукском районе Ставропольского края в 1953 г. // МИСК. Ставрополь, 1954. Вып. 6. С. 343–349.
Кузнецов В. А. Археология и происхождение карачаевцев и балкарцев // Ленинни байрагъы (Ленинское знамя). 1963. 19 июня. *На карач. яз.*
Кузнецов В. А. Глиняные котлы Северного Кавказа // КСИА. М., 1964. Вып. 99. С. 34–39.
Кузнецов В. А. Змейский катакомбный могильник // МАДИСО. Орджоникидзе, 1967. Т. 1. С. 62–135.
Кузнецов В. А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977. – 174 с.
Кузнецов В. А. Исследования Змейского катакомбного могильника в 1958 г. // МИА. М., 1963. Вып. 114. С. 91–112.
Кузнецов В. А. К вопросу о позднеаланской культуре // СА. 1959. С. 27–42.
Кузнецов В. А. Надписи Хумаринского городища // СА. 1963. № 1.
Кузнецов В. А. О книге Е. П. Алексеевой «Карачаевцы и балкарцы – древний народ Кавказа» // УЗКБНИИ. Нальчик, 1965. Т. 23. С. 319–323.
Кузнецов В. А. Основные проблемы археологии Северной Осетии // ИСОНИИ. Орджоникидзе, 1966. Т. 25. С. 206.
Кузнецов В. А. Очерки истории аланов. Орджоникидзе, 1984. – 301 с.
Кузнецов В. А. Раскопки аланских городов Северного Кавказа в 1962 г. // КСИА. М., 1965. Вып. 98. С. 111–115.

Кузнецов В. А. Средний Зеленчукский храм // СА. 1968. № 3.
Кузнецова А. Я. Народное искусство карачаевцев и балкарцев. Нальчик, 1982. – 174 с.
Кузнецова Т. И., Миллер Т. А. Античная эпическая историография: Геродот, Тит Ливий. М., 1984.
Кузьменков Е. А. Пассив в монгольском языке // Монголика [В честь академика Б. Я. Владимирцева]. М.: Наука, 1986. С. 52–61.
Кузьмина Е. Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986.
Куклина И. В. Этногеография Скифии по данным античных источников. Л., 1985.
Кулаковский Ю. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899. – 72 с.
Кулинария народов Северного Кавказа. Махачкала, 1964. – 174 с.
Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969.
Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968. – 346 с.
Культурное наследие Востока: Проблемы, поиски, суждения. Л., 1985.
Кумыков Т. Х. Этногенез балкарцев и карачаевцев в исторической литературе // МНС. Нальчик, 1960. С. 9–37.
Купфер А. Я. Путешествие в окрестностях горы Эльбрус, предпринятое в 1829 году. СПб., 1830. *На фр. яз.*
Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. М., 1963. – 369 с.
Кшибеков Д. Кочевое общество. Алма-Ата, 1984.
Къарачай-малкъар нарт таурухла / Сост. А. З. Холаев. Нальчик, 1966.
Кызласов Л. Р. Древнейшая Хакасия, 1986.
Кызласов Л. Р. Древняя Тува: (От палеолита до IX в.). М., 1979.
Лавров Л. И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Труды ИЭ АН СССР. Новая серия. Л., 1969. Т. 51.
Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978. – 182 с.
Лавров Л. И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // КЭС. М., 1969. Вып. 4. С. 55–120.
Лавров Л. И. Культура и быт народов Северного Кавказа в XIII–XVI вв. // История, этнография и культура народов Северного Кавказа. Орджоникидзе. 1981. С. 56–72.
Лавров Л. И. Надписи мавзолея Борга-Каш // ИЧИНИИ. Грозный, 1964. Т. 5. Вып. 1.
Лавров Л. И. Нашествие монголов на Северный Кавказ // Вопросы истории. 1965. № 5. С. 15–22.
Лавров Л. И. О некоторых этнографических данных по вопросу происхождения балкарцев и карачаевцев // МНС. Нальчик, 1960. С. 63–69.
Лавров Л. И. Об арабских надписях Кабардино-Балкарии // УЗКБНИИ. Нальчик, 1960. Т. 17. С. 63–80.
Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М., 1966. Ч. 1; М., 1968.Ч. 2.
Лавров Л. И. Этнография Кавказа. Л., 1982. – 178 с.
Лавров Л. И. Этнографические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М., 1966.
Лазарев Я. О. О гуннах Дагестана. Тифлис, 1859.
Лайпанов К. Т. Карачаево-балкарский нартский эпос // Лайпанов К. Т., Суюнчев А. А., Хубиев М. А. Къарачай литература. Черкесск, 1961.
Лайпанов К. Т. Карачаевцы; кто они? // Къарачай. 1992. 21, 24, 26 нояб. № 131–133; 1993. 30 янв. № 11. *На карач.-балк. яз.*

Лайпанов К. Т. К вопросу о государственности карачаевского народа // Юйге игилик. 1982. № 6.
Лайпанов К. Т. Къарачай тукъум тамгъала (Карачаевские фамильные тамги) // Къарачай, 1993. 23 февр. № 22. *На карач.-балк. яз.*
Лайпанов К. Т. О тюркском элементе в этногенезе осетин // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.
Лайпанов К. Т. Происхождение карачаево-балкарского народа // Карачай. 1991. 12 сент.
Лайпанов Х. О. К вопросу о происхождении карачаевцев и балкарцев // МНС. Нальчик, 1960. С. 70–80.
Лайпанов Х. О. К истории карачаевцев и балкарцев. Черкесск, 1957. – 68 с.
Ламберти А. Описание Колхиды, называемой ныне Мингрелией // СМОМПК.Тифлис, 1913. Вып. 43. С. 3–232.
Лаппо-Данилевский С. А. Скифские древности // Записки Отделения русской славянской археологии Русского археографического общества. СПб., 1887. Т. 4.
Латышев В. В. Известия древних писателей (греческих и латинских) о Скифии и Кавказе. СПб., 1896. Т. 1. Ч. 1, 2; 1904. Т. 2. Ч. 1; 1906. Т. 2. Ч. 2 (см. также: Вестник древней истории. 1947. № 2–4; 1949. № 3).
Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 4. С. 172–289.
Лашков Ф. Памятники дипломатических отношений Крымского ханства с Московским государством в XVI–XVII вв. Симферополь, 1891. – 247 с.
Левашова В. П. Белореченские курганы // Труды ГИМа. М., 1953. Вып. 22. – 188 с.
Левин М. Г. К вопросу о древнейшем населении Сибири // СЭ. 1950. № 3.
Лесков А. М. Новые сокровища курганов Украины. Л., 1972.
Летопись Феофана // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских за 1887 год. М., 1887. С. 262–328.
Липец В. С. Меч из редкой бронзы // СЭ. 1978. № 2.
Литература Древнего Востока: Тексты. М., 1984. – 349 с.
Лопатинский Л. Г. Заметки о народе адыге вообще и кабардинцах в частности // СМОМПК. Тифлис, 1891. Вып. 12. С. 1–10.
Лордкипанидзе Г. А. История древней Колхиды. Тбилиси, 1970.
Луконин Г. В. Древний и раннесредневековый Иран. М., 1987.
Лурье С. Я. История Древней Греции. Л., 1940. Ч. 1.
Любин В. П. Памятники скифской эпохи в Карачаево-Черкесии // Труды Карачаево-Черкесского НИИ. Сер. ист. Ставрополь, 1964. Вып 4.
Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры бассейна Дона // МИА. М.; Л., 1958. Вып. 62. – 312 с.
Мавродин В. В. Происхождение русского народа. Л., 1978. – 183 с.
Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983.
Магометов А. Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968. – 567 с.
Маккуни Дж. Г. Хетты и их современники в Малой Азии. М., 1983.
Максименко В. Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов н/Д, 1983.
Максименков Г. А. Андроновская культура на Енисее. Л., 1978.
Малкъар халкъ жырла (Балкарские народные песни). Нальчик, 1969. – 267 с. *На балк. яз.*

Мамбетов Г. Х. Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1975. – 407 с.
Мамбетов Г. Х. Пища в обычаях и традициях кабардинцев и балкарцев // Вестник КБНИИ. Нальчик, 1972. Вып. 6. С. 97–115.
Манцевич А. П. Курган Солоха. Л., 1987.
Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.
Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции // СЭ. 1981. № 2. С. 73–96.
Марков Г. Е. Кочевники Азии: (Структура хозяйства и общественной организации). М., 1976.
Марков Е. Очерки Кавказа. СПб.; М., 1887. – 693 с.
Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978.
Марковин В. И. Исследования памятников Средневековья в высокогорной Чечне // КСИА. М., 1962. Вып. 90. С. 45–55.
Марковин В. И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. М., 1960.
Марковин В. И. О возникновении склеповых построек на Северном Кавказе // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1982. С. 120–129.
Марковин В. И. Пещеры – родовые усыпальницы в Шатоевской котловине // КСИА. М., 1961. Вып. 86. С. 101–107.
Марковин В. И. Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргун // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963. С. 244–269.
Материалы по археологии средневекового Поволжья и Приуралья. М., 1967. С. 138.
Материалы по истории Осетии (XVIII в.) // ИСОНИИ. Орджоникидзе, 1934. Т. 6. С. 31–39.
Материальная культура / Под ред. С. А. Арутюнова. М., 1989. Вып. 3.
Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Приуралья // Мезолит СССР. М., 1989.
Махнева О. А. О плитовых могильниках средневекового Крыма // Археологические памятники средневекового Крыма. Киев, 1968. С. 158–163.
Медведев А. Ф. Новые материалы к истории Городца на Волге // КСИА. М., 1968. Вып. 113. С. 31–34.
Международные отношения Грузии с иноземными странами. Тифлис, 1926. Т. 2. –212 с.
Меликишвили Г. А. Наири-Урарту. Тбилиси, 1954.
Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.
Мелиоранский П. М. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве» // Известия отделения русского языка и словесности АН. СПб., 1902. Т. 4. Кн. 2.
Мелитаури К. Н. Крепости феодальной и раннефеодальной Грузии. Тбилиси, 1969. – 243 с.
Мелюкова А. И. Вооружение скифов // Свод археологических источников М., 1964. Вып. Д 1–4. – 89 с.
Мелюкова А. И. Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка. М., 1975.
Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир. М., 1979.
Менгес К. Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве» / Под ред. акад. А. Н. Кононова. Л., 1979.

Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.
Мерперт Н. Я. Из истории древнеямных племен // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977.
Мерперт Н. Я. О генезисе салтовской культуры // КСИИМК. Вып. 36. С. 24–25.
Мерперт Н. Я. Об этнокультурной ситуации IV–II тысячелетий до новой эры в Циркумпантийской зоне // Древний Восток. Этнокультурные связи. М., 1988.
Мерцбахер Г. Высокогорный регион Кавказа. Лейпциг, 1901. – 863 с. *На нем. яз.*
Мещерский Н. А. История иудейской войны в древнерусском периоде. М.; Л., 1958.
Мизиев И. М. Балкарцы и карачаевцы в памятниках истории. Нальчик: Эльбрус, 1981. – 121 с.
Мизиев И. М. Верхний Архыз // Ленинское знамя. Черкесск, 1968. 8 авг.
Мизиев И. М. Два кургана из селений Кишпек и Кызбурун // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984. Т. 1.
Мизиев И. М. Древнетюркские и карачаево-балкарские фольклорные параллели в свете этнической истории // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1985. С. 23–31.
Мизиев И. М. История рядом. Нальчик, 1990.
Мизиев И. М. Материальная культура Балкарии и Карачая в XII–XVII вв.: Автореф. дис. ... канд. наук. М., 1967. – 19 с.
Мизиев И. М. Могильник Курнаят в Кабардино-Балкарии // Археологические открытия 1968 года. М.: Наука, 1969. С. 125.
Мизиев И. М. Могильник у сел. Карт-Джурт в Карачаево-Черкесии // Археологические открытия 1969 года. М.: Наука, 1970. С. 128.
Мизиев И. М. Могильник у сел. Ташлы-Тала // Археолого-этнографический сборник КБНИИ. Нальчик, 1974. Вып. 1. С. 110–120.
Мизиев И. М. Нижне-Чегемское поселение // УЗКБНИИ. Нальчик, 1967. Т. 15. С. 172–176.
Мизиев И. М. О создателях майкопской культуры // СА. 1990а. № 4.
Мизиев И. М. Об исторических именах «Таргитай» и «Аспарух» // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности: Международный конгресс по алтаистике. Ташкент, 1986а.
Мизиев И. М. О некоторых оборонительных сооружениях средневековой Балкарии // КСИА. М., 1966. Вып. 113. С. 63–67.
Мизиев И. М. О позднесредневековых поселениях и жилищах балкарцев и карачаевцев // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973. С. 243–247.
Мизиев И. М. Об одном спорном вопросе истории балкарцев и карачаевцев. XVI–XVIII вв. // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1983. С. 104–114.
Мизиев И. М. Очерки истории и культуры Балкарии и Карачая XIII–XVII вв. Нальчик, 1991а.
Мизиев И. М. Позднесредневековые каменные ящики в Кабардино-Балкарии // СА. 1971. № 4. С. 242–250.
Мизиев И. М. Позднесредневековые поселения и жилища балкарцев и карачаевцев // Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 году в СССР. Тбилиси: Мецниереба, 1971. С. 203, 204.
Мизиев И. М. Раскопки поселения Эль-Джурт // Археологические открытия 1970 года. М.: Наука, 1971. С. 132.
Мизиев И. М. Скифо-тюркские этнографические параллели // Тезисы докладов Всесоюзной этнографической конференции. Йошкар-Ола, 1986. С. 112, 113.

Мизиев И. М. Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая. Нальчик: Эльбрус, 1970. – 87 с.
Мизиев И. М. Средневековый могильник «Байрым» у сел. Верхний Чегем // Сборник студенческих научных работ КБГУ. Нальчик, 1964. Вып. 3. С. 15–22.
Мизиев И. М. Тринадцать слов из языка скифов // Азербайджан филология месялары. Баку, 1991. Вып. 3.
Мизиев И. М. Туристскими тропами в глубь веков. Нальчик: Эльбрус, 1976. – 61 с.
Мизиев И. М. У истоков великой дружбы // Блокнот агитатора Кабардино-Балкарского обкома КПСС. 1982. № 9. С. 14–22.
Мизиев И. М. Хумара – город древних болгар // Проблемы археологии и исторической этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1985. С. 200–206.
Мизиев И. М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик: Эльбрус, 1986. – 181 с.
Мизиев И. М. Этнографические данные об этногенезе балкарцев и карачаевцев // Этнография и современность. Нальчик, 1984. С. 133–144.
Мизиев И. М., Мизиев К. А. Об исторических именах «Таргитай» и «Аспарух» // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности: Тезисы докладов XXIX сессии Постоянной Международной нонференции (PIAC). М., 1986. С. 44–45.
Мизиев И. М., Мусукаев А. И. Экология и экономика горцев Центрального Кавказа в свете этносоциальной истории // Тезисы докладов и сообщений научной конференции «XXVII съезд КПСС и проблема взаимодействия общества и природы на различных исторических этапах». М., 1987. С. 189, 190.
Микеладзе Т. К. Исследования по истории древнейшего населения Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1974.
Миллер А. А. К вопросу об охране памятников старины // СГАИМК. Л., 1935. № 4, 5. С. 22–51.
Миллер А. А. Краткий очерк о работах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1924–1925 гг. // СГАИМК. Л., 1926. Т. 1. С. 73–83.
Миллер В. Ф. Древнеосетинский памятник из Кубанской области // МАК. М., 1893. Вып. 3. С. 110–118.
Миллер В. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1.
Миллер В. Ф. Осетинские этюды. М., 1887. Ч. 3. – 136 с.
Миллер В. Ф. Терская область: Археологические экскурсии // МАК. М., 1888. Вып. 1. С. 70–91.
Миллер В. Ф. Язык осетин. М.; Л., 1962.
Милорадович О. В. Кабардинские курганы XIV–XVI вв. // СА. М., 1954. Вып. 20. С. 343–356.
Милорадович О. В. Христианский могильник на городище Верхний Джулат // МИА. М., 1963. Вып. 114. С. 92–114.
Минаева Т. М. Аланы в верховьях Кубани по археологическим данным. Ставрополь, 1968. – 247 с.
Минаева Т. М. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани // МИА. М.; Л., 1951. Вып. 23. С. 273–301.
Минаева Т. М. Археологические памятники Черкесии // ТЧНИИ. Черкесск, 1954. Вып. 2. С. 291–296.
Минаева Т. М. Городище на балке Адиюх в Черкесии // СНТСГПИ. Ставрополь, 1955. Вып. 9. С. 137–140.

Минаева Т. М. Из истории археологического изучения верховьев Кубани // УЗСГПИ Ставрополь, 1951. Т. 7. С. 211–236.
Минаева Т. М. К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным // МИСК. Ставрополь, 1964. Вып. 2. С. 171–196.
Минаева Т. М. К истории аланов в верховьях Кубани по археологическим данным. Ставрополь, 1971.
Минаева Т. М. К истории земледелия на территории Ставропольского края // МИСК. Ставрополь, 1960. Вып. 10. С. 270–275.
Минаева Т. М. Могильник в устье р. Теберды // МИСК. Ставрополь, 1955. Вып. 7. С. 253–276.
Минаева Т. М. Очерки археологии Ставропольского края. Ставрополь, 1965. – 110 с.
Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. М., 1963. – 265 с.
Мищенко Г. Ф. К вопросу о царских скифах // Киевская старина. Киев, 1884. Т. 9.
Мкртумян Ю. И. К изучению форм скотоводства у народов Закавказья // Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX–XX вв. М., 1971. С. 116–135.
Могильников В. А. Тюрки // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху Средневековья. М., 1981.
Морган Л. Г. Древнее общество. Л., 1934. – 350 с.
Москалев А. А. Национально-языковое строительство в КНР (80-е годы). М., 1992.
Москвич Г. Путеводитель по Кавказу. 9-е изд. М., 1912.
Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. М., 1979.
Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура Горной Ингушетии XII–XVIII вв. Грозный, 1977.
Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975. – 414 с.
Мурзаев Э. М. Монгольские топонимы в Курдистане // Топонимика Востока: Новые исследования. М.: Наука, 1964. С. 212–216.
Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. М., 1974.
Мурзин В. Ю. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев, 1990.
Мурзин В. Ю. Скифская архаика Причерноморья. Киев, 1984.
Мусаев К. М. Грамматика караимского языка. М., 1964.
Мусаев К. М. Лексикология тюркских языков. М., 1984.
Мусукаев А. И. Балкарский тукум. Нальчик: Эльбрус, 1980. – 170 с.
Мусукаев А. И. Из прошлого незабытого. Нальчик, 1975. – 97 с.
Мусукаев А. И. К истокам фамилий: Предания и легенды. Нальчик, 1992.
Мусукаев А. И. О Балкарии и балкарцах. Нальчик: Эльбрус, 1982.
Мусукаев А. И. Об обычаях и законах горцев. Нальчик, 1985. – 151 с.
Мусукаев А. И., Першиц А. И. Народные традиции кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1992.
Мусукаев Б. Топонимика высокогорьев Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1984. – 164 с.
Нагоев А. Х. К вопросу о расселении кабардинцев // Археолого-этнографический сборник. Нальчик, 1974. Вып. 1. С. 121–124.
Нагоев А. Х. Материальная культура кабардинцев эпохи позднего Средневековья (XIV–XVI вв.) Нальчик: Эльбрус, 1982. – 86 с.
Надеждин П. П. Кавказский край // Природа и люди. Тула, 1901. – 449 с.
Нариманов И. Г. Культура древнейшего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана: Автореф. дис. ... д-ра наук. Тбилиси, 1982.

Народы Кавказа. М., 1960. Т. 1. – 612 с.
Народы Сибири. М., 1965.
Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1963. Т. 2. – 396 с.
Нарты: Адыгский героический эпос. М., 1974.
Нарты: Карачаево-балкарский героический эпос. Нальчик. 1970. – 154 с.
Невская В. П. Социально-экономическое развитие Карачая в пореформенный период. Черкесск, 1964. –224 с.
Нейхардт А. А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982.
Немет Ю. Социальные проблемы тюркского языкознания Венгрии // Вопросы языкознания. М., 1963. № 6.
Немет Ю. Список слов на языке яссов – венгерских аланов. Орджоникидзе, 1960. – 23 с.
Немировский А. И. Мифы Древней Эллады. М., 1992.
Неру Джавахарлал. Взгляд на всемирную историю. М., 1981. Т. 1. – 375 с.
Нестеров С. П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху Средневековья. Новосибирск, 1990.
Нечаева Л. Г. Некоторые вопросы этногенеза в эпоху Средневековья на территории Карачая // Тезисы докладов годичной научной сессии. Л., 1969.
Нечаева Л. Г. Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе // Исследования по археологии СССР. Л., 1961.
Нечитайло А. Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978.
Никитин В. Из истории первого восхождения на Эльбрус // К седоглавым вершинам Кавказа. Ставрополь, 1962.
Никитина Т. Реставрация и консервация одежды из погребения в КБАССР // Ежегодник Государственного исторического музея. 1961 год. М., 1962. С. 167–174.
Никифора, патриарха Константинопольского, краткая история со времен после царствования Маврикия // Византийский временник. М., 1950. Т. 3. С. 362–363.
Николаева Н. А. Проблемы классификации, периодизации, хронологии и этнической атрибуции майкопской культуры в археологической культуре // Хронология памятников бронзового века Северного Кавказа: Межвузовский сборник статей. Орджоникидзе, 1982.
Николаева Н. А., Сафронов В. А. Древнейшая катакомбная культура Северного Кавказа и проблема появления катакомбного обряда в Восточной Европе // Катакомбные культуры Северного Кавказа: Межвузовский сборник статей. Орджоникидзе, 1981.
Никольский М. В. Клинообразные надписи в Закавказье // Материалы по археологии Кавказа. М., 1896. Вып. 5.
Никонов В. А. Введение в топонимику. М., 1965.
Никонов В. А. Этнонимия // Этнонимы. М.: Наука, 1970. С. 5–7.
Новое в археологии Северного Кавказа. М., 1986.
Новосельцев А. П. Генезис феодализма в странах Закавказья. М., 1980.
Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // История СССР. 1982.
О происхождении балкарцев и карачаевцев: Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарцев и карачаевцев. 22–26 июня 1959 г. Нальчик, 1960.

ОАК за 1882–1883 гг. С. 218–299.
ОАК за 1897 г. С. 112–144.
Обзор деятельности Кавказского горного общества за 1912 г. // Ежегодник Кавказского горного общества в гор. Пятигорске. № 3 за 1911–1912 гг. Пятигорск, 1913.
Обломский А. М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I–V вв. н. э. М., 1991.
Окладников А. П. К вопросу о мезолите и эпипалеолите в азиатской части СССР. М.; Л., 1966.
Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // МИА. М.; Л., 1974. Вып. 43.
Окладников А. П. Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока // Краткие сообщения института истории материальной культуры. М., 1941.
Окладников А. П. Петроглифы Байкала – памятники древней культуры народов Сибири. Новосибирск, 1974.
Окладников А. П. Петроглифы Центральной Азии. Л., 1980.
Окладников А. П., Окладникова Е. А. Древние рисунки Кызыл-Келя. Новосибирск, 1985.
Окладникова Е. А. Граффиты Кара-Оюка, Восточный Алтай // Материальная и духовная культура народов Сибири. Л., 1988.
Ольдероге Д. А. Эпигамия. М., 1983.
Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н. э.). М., 1991.
Ономастика. М., 1969.
Ономастика Кавказа. Орджоникидзе, 1980.
Описание Джунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии / Пер. с китайского монаха Иакинфа. СПб., 1829. Ч. 1, 2.
Описание перекопских, ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка, монаха Доминиканского ордена / Пер. с итал. П. Юрченко // ЗООИД. Одесса, 1879. Т. 10.
Описание Черного моря и Татарии, составленное доминиканцем Дортелли Д'Асколи, протектором Кафы, Татарии и пр. 1634 г. / Пер. с итал. Н. Пименова // ЗООИД. Одесса, 1879. Т. 24.
Опрышко О. Л. Раннехристианский террасовый могильник VI–VIII веков у сел. Верхний Чегем // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1961.
Опыт обоснования теории скифско-сарматского происхождения туркменского народа на краниологических и этнологических данных // Известия «Средазкостариса». Ташкент, 1926. Вып. 1.
Оранский И. М. Иранские языки в историческом освещении. М., 1979.
Отчет г.г. Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ (в Сванетию) с археологической целью летом 1867 года.
Очерки истории балкарского народа. Нальчик, 1960. – 219 с.
Очерки истории Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1967. – 596 с.
Очерки истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1967. Т. 1. – 311 с.
Очерки общей этнографии. Азиатская часть СССР. М., 1960.
Павленко Н. И. Историческая наука в прошлом и настоящем: (Некоторые размышления вслух) // История СССР. М., 1991. № 4.
Павлов Д. М. Искусство и старина Карачая // СМОМПК. Махачкала, 1927. Вып. 45. С. 247–264.

Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.
Пантюхов И. И. О пещерных и позднейших жилищах на Кавказе. Тифлис, 1896. С. 3–118.
Патканов К. Из нового списка «Географии», приписываемой Моисею Хоренскому // ЖМНП. СПб., 1883, Ч. 225. С. 21–32.
Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1693-го по 1770 г. СПб., 1861. С. 1–22.
Першиц А. И. Проблемы теории традиции глазами этнографа // СЭ. 1981. № 2. С. 45–46.
Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П. История первобытного общества. М., 1982.
Петренко В. Г. Скифская культура на Северном Кавказе // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1983. №23.
Петров Гр. Верховья Кубани: Карачай // Памятная книжка Кубанской области на 1880 год. Екатеринодар, 1880. С. 123–153.
Пигулевская Н. В. Византия на пути в Индию. М.; Л., 1951.
Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР: Хроника Захария Ритора. М.; Л., 1941.
Пиотровский Б. Б. Ванское царство. Ереван, 1959. С. 148.
Пиотровский Б. Б. Археология Закавказья. Л., 1949.
Пиотровский Б. Б. Ванское царство. М., 1959.
Пиотровский Б. Б. Скифы и древний Восток // СА. 1964. № 19.
Пиотровский Б. Б. Скифы и Урарту. Ереван, 1978.
Плетнева С. А. Кочевники Средневековья. М.: Наука, 1982. – 185 с.
Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.
Плетнева С. А. От кочевий к городам. М.: Наука, 1967. – 196 с.
Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в Южно-Русских степях // МИА. Вып. 62. М., 1958. С. 175–180.
Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния // Свод археологических источников. М., 1974. Вып. Е 4–2. – 86 с.
Плетнева С. А. Средневековые кочевники. М., 1982.
Плетнева С. А. Хазары. М., 1976.
Плиний. Естественная история // АИСК. Нальчик, 1990.
Поггенполь Н. В. К вопросу об устройстве горной метеорологической станции на склонах Эльбруса и о восхождении, предпринятом с этой целью на седловину Эльбруса // Известия Императорского Русского географического общества. СПб., 1899. Т. 35. Вып. 2.
Погребова М. Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984.
Погребова М. Н., Раевский Д. С. Ранние скифы и Древний Восток. М., 1992.
Покоренный Кавказ. СПб., 1904. – 663 с.
Полиевктов М. А. Европейские путешественники XIII–XVIII вв. по Кавказу. Тифлис, 1935. – 127 с.
Полиевктов М. А. Экономические и политические разведки Московского государства в XVII в. на Кавказе. Тифлис, 1932. – 78 с.
Польская Е. Композитор С. И. Танеев в Кабардино-Балкарии // Советская молодежь. 1965. 20 июня.

Польская Е. Художник Н. Я. Ярошенко и Исмаил Урусбиев // Путь к коммунизму. 1965. 7 февр. *На балк. яз.*
Поляков С. П. Историческая этнография Средней Азии и Казахстана. М., 1980.
Помпоний Мела. Землеописание // АИСК. Нальчик, 1990.
Посольство дьяка Федота Елчина и священника Павла Захарьева в Дадианскую землю (1639–1640) // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете 1887 года. М., 1887. Кн. 2.
Потапов Л. П. Особенности материальной культуры казахов, обусловленные кочевым образом жизни // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1949. Т. 12. С. 21–47.
Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. Новосибирск, 1948. – 504 с.
Потапов Л. П. Пища алтайцев // Сборник Музея антропологии и этнографии: М; Л., 1953. Т. 14. С. 52–61.
Проблемы археологии, этнографии, истории и краеведения Приенисейского края. Красноярск, 1992. Т. 1-2.
Проблемы истории и культуры Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1991.
Проблемы тюркологии и востоковедения. Казань, 1964.
Прозрителев Г. Н. Древние христианские памятники на Северном Кавказе // Сборник сведений о Северном Кавказе. Ставрополь, 1906. Т. 1. С. 5–8. (Далее: СССК).
Прозрителев Г. Н. Мажары – один из древнейших городов Северного кавказа // СССК. Ставрополь, 1906. Т. 1. С. 3–16.
Прозрителев Г. Н. Мумии балкарских могильников Терской области Нальчикского округа // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. Ставрополь, 1913. Вып. 5. Отд. 2.
Прокопий из Кесарии. Война с готами // История войн Юстиниана с персами, вандалами и готами / Пер. С. Н. Кондратьева. М., 1959. Кн. 5–8.
Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. – 270 с.
Путинцева Н. Д. Верхне-Чирюртовский могильник // МАД. Махачкала, 1961. Т. 2. С. 259–261.
Пчелина Е. Крепость «Зильдс Машиг» / /СЭ. 1934. № 3. С. 92–93.
Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. 1. – 247 с.; М.; Л., 1953. Т. 2. – 261 с.
Радде Г. И. Кавказский хребет // Живописная Россия. Кавказ. СПб., 1883. Т. 9.
Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен. СПб., 1866. Т. 1; 1878. Т. 4.
Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1888–1905.
Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. М., 1985.
Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977.
Рамстедт Г. И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957.
Редер Д. Г., Черкасова Е. А. История Древнего мира. М., 1985.
Рейнекс Я. Всеобщее историко-топографическое описание Кавказа. СПб., 1797. Т. 2.
Религиозные верования народов СССР. М., 1931. Т. 2. С. 445–446.
Робакидзе А. И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // СЭ. 1978. № 2. С. 15–22.
Робакидзе А. И. По следам одной экспедиции // Заря Востока. Тбилиси, 1958. № 44.
Робакидзе А. И. Форма поселения в Балкарии: 1. Топография поселения // МЭГ. Тбилиси, 1960. Вып. 11. С. 1–72; 2. Морфология поселения // МЭГ. Тбилиси, 1963. Вып. 12–13. С. 52–83; 3. Хозяйственные условия поселения // КЭС. Тбилиси, 1964. Вып. 1. С. 40–120.

Робакидзе А. П., Харадзе Р. Л. К вопросу о свано-балкарских этнокультурных, взаимоотношениях // МНС. Нальчик, 1960. С. 135–152.
Ростовцев М. Античная декоративная живопись на Юге России. СПб., 1914.
Ростовцев М. Скифия и Боспор. Петроград, 1925.
Рототаев П. С. Колыбель советского альпинизма // Кабардино-Балкарская правда. 1973. 1 сент.
Рототаев П. С. Краткий словарь горных названий Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1969.
Рубрук В. Путешествие в восточные страны. СПб., 1911.
Руденко С. И. Башкиры. М., 1955. С. 199.
Руденко С. И. Второй Пазырыкский курган. Л., 1948. С. 7–56.
Руденко С. И. Горно-алтайские находки и скифы. М.; Л., 1952. – 226 с.
Руденко С. И. Культура племен Центрального Алтая в скифское время. Л., 1960.
Руденко С. И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л., 1962. С. 30.
Рунич А. П. Аланские катакомбные могильники V–VIII вв. в городе Кисловодске и его окрестностях // МАДИСО. Орджоникидзе, 1969. Т. 2. С. 97–111.
Рунич А. П. Катакомбы Рим-горы // СА. 1970. № 2.
Рыбаков Б. А. Анты и Киевская Русь // ВДИ. 1939. № 1.
Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия: Историко-географический анализ. М., 1979.
Рынков Ю. Свидетельствуют гены // Знание – сила. 1986. № 8. С. 41.
Салакая Ш. Х. Абхазский народный героический эпос. Тбилиси, 1966.
Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
Самойлович А. Н. Кавказ и турецкий мир. Баку, 1926.
Самоквасов Д. Я. Могилы Русской земли. М., 1908.
Санжеев Г. Д. Изоглоссы в монгольских языках // Монголика [В честь академика Б. Я. Владимирцева]. М., 1986. С. 91–97.
Санкт-Петербургские ведомости. 1829. № 113, 118.
Сарткожа улы Каржаубай. Гуннское письмо // Алем. Алма-Ата, 1991. Вып. 1.
Саттаров Г. Ф. Этапы развития и очередные задачи татарской ономастики. Казань, 1970.
Сафронов В. А. Проблема культурного единства степи и предгорий в концепции бронзового века Северного Кавказа в дореволюционной и довоенной литературе // Кочевники Азово-Каспийского междуречья. Орджоникидзе, 1983.
Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды (извлеченный из персидских сочинений, собранных В. Г. Тизенгаузеном). М.; Л., 1941. Т. 1, 2.
Северный Кавказ в древности и Средневековье. М., 1980.
Севортян Е. В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974.
Сейдимбекова А. Поющие купола. Алма-Ата, 1985. – 255 с.
Семенов Л. П. Археологические и этнологические разыскания в Ингушетии в 1925–1932 гг. Грозный, 1963. С. 75–77.
Семенов Л. П. Мавзолей Борга-Каш // ИИНИИК. Владикавказ. 1928. Вып. 1. С. 217–232.
Семенов С. Путеводитель к Кавказским Минеральным Водам. Пятигорск, 1867. Ч. 1.
Семенов-Тяньшанский. Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1865. Т. 2.
Серебренников Б. А. Методы изучения истории языков, применяемые в индоевропеистике и тюркологии // Вопросы истории тюркских языков. Ашхабад, 1966.

Серебрякова М. Н. К вопросу об истоках и эволюции традиционного мировоззрения турок // Традиционное мировоззрение у народов Передней Азии. М., 1992.
Сивков К. Кавказская экспедиция Академии наук в 1829 году // Вестник Академии наук СССР. 1935. № 7, 8.
Сидоров Е. Н. Этноним «Саха» // Этническая ономастика. М., 1984.
Симокатта Феофилакт. История. М., 1957.
Симонов Е. Д. Слово об Эльбрусе. М., 1983.
Сиротенко В. Т. Основные теории происхождения древних булгаров и письменные источники V–VII вв. // УЗПГУ. Пермь, 1961. Т. 20. Вып. 4. С. 75–78.
Сиротенко В. Т. Взаимоотношения гуннов и Римской империи // Ученые записки Пермского университета. Пермь, 1959. Т. 12. Вып. 4.
Скитский Б. В. К вопросу о феодализме в Дигории // ИСОНИИ. Орджоникидзе, 1939. Т. 5. С. 9–14.
Скифия и Алтай. Культура и искусство скифов и ранних кочевников. Л.; М., 1966.
Скифия и Кавказ. Киев, 1980.
Скифский мир. Киев, 1975.
Скифы и сарматы. Киев, 1977.
Скифы Северного Причерноморья. Киев, 1987.
Скржинская М. В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977.
Смирнов А. П. Армянская колония города Болгара // МИА. М., 1958. Вып. 116. С. 354–356.
Смирнов А. П. Волжские булгары. М., 1951. – 275 с.
Смирнов А. П. О культурных связях Кавказа с Поволжьем // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973.
Смирнов А. П. Рецензия на книгу Л. Р. Кызласова «История Тувы в Средние века» // СА. 1971. № 1.
Смирнов А. П. Скифы. М., 1966.
Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты. СПб., 1887.
Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964.
Смирнов К. Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1989.
Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.
Соколова Д. Н. О башкирских тамгах // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1904. Т. 13. Вып. 13. С. 90–92.
Соколова Н. В. Эльбрусская экспедиция Академии наук 1829 года // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Нальчик, 1965. Т. 23.
Солин. Сборник достопримечательностей // АИСК. Нальчик, 1990.
Станчев С. Новый памятник раннеболгарской культуры // СА. Вып. 26. М., 1957. С. 107–132.
Степи Евразии в эпоху Средневековья // Археология СССР. М., 1981.
Стоколос В. С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972.
Страбон. География. М., 1965.
Страленберг в Сибири // Сибирский вестник. 1888.

Струве В. В. Древний Восток. М., 1936.
Струве В. В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968.
Студенецкая Е. Н. Одежда // Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968. С. 151–183.
Студенецкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. М., 1989.
Студенецкая Е. Н. Узорные войлоки карачаевцев и балкарцев // КЭС. М., 1976. Вып. 6.
Субаева Р. Х. Топонимические кальки на территории Татарской АССР // Топонимика Востока: Новые исследования. М., 1964.
Сулейменов Олжас. Аз и Я. Алма-Ата, 1975; 2-е изд., 1991.
Сум П. В. Исторические рассуждения о славянах. М., 1848.
Сухарева О. А. Древние черты в формах головного убора народов Средней Азии // Труды Института этнографии АН СССР. М., 1954. Т. 21. С. 332–335.
Сысоев В. М. Древности по верхнему течению р. Кубани // МАК. М., 1900. Вып. 9. С. 110–166.
Сысоев В. М. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношениях // СМОМПК. Тифлис, 1913. Вып. 43. С. 1–156.
Сысоев В. М. Поездка на рр. Зеленчук, Кубань и Теберду летом 1895 г. // МАК. М., 1898. Вып. 7. С. 115–136.
Сысоев В. М. Эльбрус // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. Екатеринодар, 1900. Вып. 2.
Таврика в эпоху раннего Средневековья. Киев, 1990.
Такайшвили Б. С. Археологические экскурсии, разыскания и заметки // Известия Кавказского отдела Московского археологического общества. Тифлис, 1915. Вып. 4.
Талицкий Н. Е. Очерки Карачая // СМОМПК. Тифлис, 1909. Вып. 40.
Татишвили В. Грузины в Москве. Тбилиси, 1959. С. 32, 33.
Тацит. Анналы истории // АИСК. Нальчик, 1990.
Текеев К. М. Карачаевцы и балкарцы: Традиционная система жизнеобеспечения. М., 1989.
Текеев К. М. Поселения и жилища карачаевцев в прошлом и в настоящем: Автореф. дис. ... канд. наук. М., 1970. – 17 с.
Телегин Д. Я. Основные черты хронологии среднестоговской культуры эпохи меди // Доклады советских археологов на VII Международной конференции доисториков. М., 1966.
Тепцов В. По истокам Кубани и Терека // СМОМПК. Тифлис, 1892. Вып. 14. С. 59–211.
Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976.
Тереножкин А. И., Мозолевский Б. Н. Мелитопольский курган. Киев, 1988.
Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. М., 1977.
Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 22–36.
Тихомиров М. Н. Именник болгарских князей // ВДИ. 1946. № 3.
Токарев Г. Поездка на снеговой хребет Северо-Западной цепи Кавказа // Современник. СПб., 1851. Т. 28. Отд. 6. С. 1–24.
Токарев С. А. К методике этнографического изучения материальной культуры // СЭ. 1970. № 4.
Токарев С. А. Этнография народов СССР. М., 1958. – 615 с.

Толстов К. Восхождение на Эльбрус // Огонек. 1950. № 3.
Толстова Л. С. Исторические предания Южного Приаралья. М., 1984. – 246 с.
Томилов Н. А. Этнография тюркоязычного населения томского Приобья. Томск, 1980. – 199 с.
Тот Т., Фирнштейн В. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов: Авары и сарматы. Л., 1970.
Трубачев О. Н. Индорика в Северном Причерноморье: Источники. Интерпретация. Реконструкция // Вопросы языкознания. 1981. № 92.
Трубачев О. Н. Старая Скифия Геродота (IV, 99) и славяне: лингвистический аспект // Вопросы языкознания. 1979. № 4.
Тульчинский Н. П. Пять горских обществ Кабарды // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. 5. С. 152–261.
Тургиев Т. Б. О скотоводстве у аланов // МАДИСО. Орджоникидзе, 1969. Т. 2. С. 120–131.
Тушинский Г. К. Ледники, снежники и лавины. М., 1963. – 310 с.
Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа // МАК. М., 1900. Вып. 8. – 703 с.
Урусбиев С. Сказания о нартских богатырях у татар горцев Пятигорского округа Терской области // СМОМПК. Тифлис, 1880. Вып. 1. С. 4–54.
Урусбиева Ф. А. Карачаево-балкарский фольклор. Черкесск, 1979.
Услар П. К. Древнейшие сказания о Кавказе // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1881. Вып. 10.
Ученые записки Императорской академии наук по I и III отд. СПб., 1854. Т. 2. Вып. 5. С. 705–846; 1855. Т. 3. Вып. 5. С. 601–795; 1855. Т. 3. Вып. 6.
Фавстос Бузант. История Армении. Ереван, 1953.
Фахрутдинов Р. Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975.
Федоров Я. А. Половецкое наследие в Приэльбрусье // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 220–225.
Федоров Я. А. Историческая этнография Северного Кавказа. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 123.
Федоров Я. А. Топонимика Западного Кавказа и некоторые вопросы его этнической истории // Из истории Карачаево-Черкесии: ТКЧНИИ. Ставрополь, 1974. Вып. 7. С. 263.
Федоров Я. А., Федоров Г. С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978.
Федоров Я. А., Эльканов У. Ю. Раннесредневековые памятники Верхнего Прикубанья // Археология и этнография Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979.
Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью Золотой Орды. М., 1967. Ч. 2. – 273 с.
Фелицин Е. Д. Археологическая карта Кубанской области. М., 1882.
Фелицин Е. Д. Некоторые сведения о средневековых генуэзских поселениях в Крыму и Кубанской области // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1899. Т. 5. С. 23, 24.
Фиркович А. Археологические разведки на Кавказе // ЗИАО. СПб., 1957. Т. 9. Вып. 2. С. 371–405.
Флавий Иосиф. Иудейские древности // ВДИ. 1947. № 4.
Фонберг. О пережитке культа быка в сел. Карачоле в Крыму // СЭ. 1936. № 3. С. 83–87.
Формозов А. А. Каменный век и энеолит на Кубани. М., 1965.
Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972.

Фрезер Дж. Золотая ветвь. М., 1981. – 831 с.
Фролов Я. Андрей Васильевич Пастухов // К седоглавым вершинам Кавказа. Ставрополь, 1962.
Фролов Я. И. На вершину Эльбруса // Ежегодник Кавказского горного общества. Пятигорск, 1913. № 5.
Хабичев М. А. Взаимовлияние языков народов Западного Кавказа. Черкесск, 1980.
Хабичев М. А. Именное словообразование и формообразование в куманских языках. М., 1989.
Хабичев М. А. Карачаево-балкарское именное словообразование. Черкесск, 1971.
Хабичев М. А. Карачаево-балкарский язык // Тюркские языки. М., 1966.
Хабичев М. А. К гидронимике Карачая и Балкарии. Нальчик, 1982.
Хабичев М. А. Некоторые итоги дешифровки западно-тюркских рунических надписей // Анализы текстов по истории татарского литературного языка. Казань, 1987.
Хабичев М. А. О древнетюркских рунических надписях в аланских катакомбах // СТ. 1970. № 2.
Хабичев М. А. О рунах и тамгах // Филологические труды. Сер. языкозн. Ростов н/Д, 1972. Вып. 1.
Хабичев М. А. О рунических надписях // Леннини байрагьы. 1974. 23 янв. *На карач.-балк. яз.*
Хаджилаев Х. И. К топонимике Карачая // ТЧКНИИ. Ставрополь, 1970. Вып. 6. Сер. ист. С. 373–395.
Хаджилаев Х. И. Очерки карачаево-балкарской лексикологии. Черкесск, 1972. – 154 с.
Хазанов А. М. Легенда о происхождении скифов (Геродот. IV, 5–7) // Скифский мир. Киев, 1975.
Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1973.
Хазанов А. М. Социальная история скифов. М., 1975.
Хазанов А. М. Социальная история скифов: Автореф. дис. ... д-ра наук. М., 1971.
Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.
Халиков А. Х. Маклашевская всадница // СА. 1971. № 1 С. 113.
Халиков А. Х. Пятьсот русских фамилий булгаро-татарского происхождения. Казань, 1992.
Халиков А. Х. Татарский народ и его предки. Казань, 1989.
Харадзе Р. Сельская община в Балкарии // МЭГ. Тбилиси, 1960. Вып. 11. С. 165–198.
Харадзе Р. Л., Робакидзе А. И. Характер сословных отношений в Ингушетии // КЭС. Тбилиси, 1968. Вып. 12. С. 127–161.
Хауссих Г. В. К вопросу о происхождении гуннов // Византийский временник. Т. 62.
Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу Али-Ахмеда бен Омар Ибн Даста. СПб., 1869. С. 16–73.
Хенних Рихард. Неведомые земли. М., 1961. Т. 1–2.
Хизриев Х. А. Борьба народов Северного Кавказа с экспансией Тимура: Автореф. дис. ... канд. наук. Л., 1982. – 18 с.
Холаев А. З. Дебет Златоликий и его друзья: Карачаево-балкарский нартский эпос. Нальчик, 1973.
Холаев А. З. Карачаево-балкарский эпос. Нальчик, 1974.
Хоренский Моисей (Хоренаци Мовсес). История Армении / Пер. Н. А. Эмина. М., 1893.
Худяков А. Х. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. – 267 с.

Цагаева А. Дз. Топонимика Северной Осетии. Орджоникидзе, 1971. Ч. 1; 1975. Ч. 2.
Цагаева А. Дз. Тюрко-монгольский слой в топонимике Северной Осетии // Вестник Кабардино-Балкарского НИИ. Нальчик, 1972. № 5.
Цалкин В. И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970.
Цветаева Г. А. Сокровища Причерноморских курганов. М., 1968.
Чайлд Гордон. Прогресс и археология. М., 1948.
Черненко Е. В. Скифо-персидская война. Киев,1984.
Черненко Е. В. Скифские лучники. Киев, 1981.
Черненко Е. В. Скифский доспех. Киев, 1968.
Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М., 1960.
Черников С. С. Загадки Золотого кургана. М., 1965.
Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии. М., 1989.
Чеченов И. М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969. – 151 с.
Чеченов И. М. Вторые курганные группы у селений Кишпек, Чегем II // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984. Т. 1.
Чеченов И. М. Новые материалы и исследования по средневековой археологии Центрального Кавказа // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1987. Т. 3.
Чистякова Е. В. Русский историк А. Лызлов и его книга «Скифская история» // Вестник истории мировой литературы. М., 1961. № 1.
Членова Н. Л. Дискуссионные проблемы отечественной скифологии: обсуждение // Народы Азии и Африки. 1980. № 6.
Членова Н. Л. Распространение и пути связей древних культур Восточной Европы, Казахстана, Сибири и Средней Азии в эпоху поздней бронзы // Средняя Азия и ее соседи в древности и Средние века. М., 1981.
Членова Н. Л. Татарские лошади // О связях племен Южной Сибири и Средней Азии в скифскую эпоху // Кавказ и Средняя Азия в древности и Средневековье. М., 1981а.
Членова Н. Л. Хронология памятников Карасукской эпохи. М., 1972.
Чумаков С. В. Приют Пастухова. М., 1977.
Чурсин Г. Ф. Ближайшие задачи этнографического изучения кавказских тюрков // Всесоюзный тюркологический съезд: Стенографический отчет. Баку, 1926.
Чурсин Г. Экономическая жизнь Карачая // Кавказ. 1900. № 322.
Шаманов И. М. Древнетюркское верховное божество Тенгри (Тейри) в Карачае и Балкарии // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии: (Материальная и духовная культура). Черкесск, 1982.
Шаманов И. М. Развитие скотоводства в Карачае в XIX – нач. XX в. // Проблемы археологии и исторической этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1985. С. 133–163.
Шаманов И. М. Скотоводство и хозяйственный быт карачаевцев в XIX – нач. XX в. // КЭС. М.: Наука, 1972. Вып. 5. С. 67–97.
Шаманов И. М. Хозяйство и хозяйственный быт карачаевцев в XIX – нач. XX в.: Автореф. дис. ... канд. наук. М., 1972. – 17 с.
Шамиладзе В. М. Альпийское скотоводство в Грузии. Тбилиси, 1964. – 190 с.
Шанаев Г. Памятники народного творчества осетин. Владикавказ, 1925. Вып. 1.
Швецов В. Очерк о кавказских племенах // Москвитянин. 1855. № 23, 24. Дек. Кн. 1, 2.
Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н. э. М., 1970.

Шелов Д. Б. Царь Атей // Нумизматика и сфрагистика. Киев, 1956. Т. 2.
Ширалиев М. Ш., Асадуллаев С. Г. Советская тюркская филология и задачи журнала «Советская тюркология» // Советская тюркология. 1970. № 1.
Шостак М. А. По Раче и Сванетии // Известия Кавказского отделения Русского географического общества. Тифлис, 1903. Т. 16. Вып. 1.
Штернберг Д. Я. Первобытная религия. М., 1936. С. 415–416.
Штукенберг А. А. Земледельческие орудия древних болгар // УЗКГУ. Казань, 1846. Т. 6. С. 5–9.
Шульц П. Н. Прикубанские изваяния скифского времени // Тезисы докладов Археолого-этнографической конференции. Тбилиси, 1971. Доп. вып. С. 23–24.
Шуровский В. Семь недель по перевалам Западного Кавказа // Ежегодник Русского горного общества. М., 1906. Т. 5.
Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978.
Щепинский А. А. Средневековые погребения в грунтовых могилах близ Симферополя // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968. С. 173–175.
Щербак А. М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X–XVIII вв. из Восточного Туркестана. М.; Л., 1961.
Щербак А. М. Знаки на керамике и кирпичах из Саркеля Белой Вежи // МИА. М., 1959.
Щербак А. М. О рунической письменности в Юго-Восточной Европе // СТ. 1971. № 4.
Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Имя). Л., 1977.
Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.
Щукин И. С. Материалы для изучения карачаевцев // Русский антропологический журнал. М., 1913. № 1, 2. С. 29–68.
Эйхвальд Э. И. О древнейших обиталищах племен (славянских, финских, турецких, монгольских) в Южной России, по Геродоту // Библиотека для чтения. СПб:, 1838. Кн. 27. С. 55–84.
Элысанов У. Ю. Раскопки древнего «круга» на Нижнеархызском городище // Вопросы средневековой археологии Северного Кавказа. Черкесск, 1988.
Энеолит СССР. М., 1986.
Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1986.
Эрматов М. Этногенез и формирование узбекского народа. Ташкент, 1968.
Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974. Т. 1, 2; 1980. Т. 3.
Этническая ономастика. М., 1984.
Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981.
Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984.
Юсифов Ю. Б. Киммеры, скифы и саки в Древнем Азербайджане // Кавказско-ближневосточный сборник. Тбилиси, 1988. Вып. 8.
Юсифов Ю. Б. Ранние контакты Месопотамии с северо-восточными странами (Приурмийская зона) // ВДИ. 1987. № 1.
Юсупов Г. В. Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика как исторический источник изучения этногенеза казанских татар // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 217–231.
Юсупов Г. В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л., 1960.

Якубовский Ю. А. О русско-казахских и русско-кавказских отношениях в IX–X вв. // Известия АН СССР. М., 1946. Т. 3. № 5.
Ямпольский З. И. Древнейшие сведения о тюрках в зоне Азербайджана // Ученые записки Азербайджанского госуниверситета. Сер. яз. и лит. Баку, 1966. № 2.
Ямпольский З. И. Древняя Албания. III–I вв. до н. э. Баку, 1962.
Ямпольский З. И. О тюрках V в. до нашей эры // Ученые записки Азербайджанского госуниверситета. Сер. яз. и лит. Баку, 1970. № 5, 6.
Ямпольский З. И. Об этническом составе Каспианы // Ученые записки Азербайджанского госуниверситета. Сер. ист. и фил. Баку, 1971. № 1.

Архивные и музейные материалы

Акритас П. Г. Отчет об археологических работах КБНИИ в Чегемском ущелье КБАССР в 1959 г. Архив ИА АН СССР, ф. Р–1, д. 1883.
Архив ЛО ИА АН СССР, д. № 234/1937, л. 33 и сл.
Архив ЛО ИА АН СССР, фонд бывш. Археологической комиссии, д. № 215/1897, л. 15 и сл.
Ионе Г. И. Отчет об археологических работах у сел. Верхний Чегем в 1960 году. Архив ИА АН СССР, ф. Р–1, д. № 2108.
Карачаево-Черкесский краеведческий музей в г. Черкесске. Инв № ЧЕМ 1730 (2); ЧЕМ 1717; ЧЕМ 1723.
Кокиев Г. А. Алано-балкаро-карачаевские этнические сближения // Архив Краеведческого музея в г. Владикавказе. Фонд Г. Кокиева, д. № 33.
Мизиев И. М. Отчет об археологических работах КБНИИ в 1965 г. // Архив ИА АН СССР. Р–1, д. 3127.
Миллер А. А. Краткий отчет о работах в Балкарии в 1924 г. // Архив ЛО ИА АН СССР. Д. ГАИМК, 102/1924.
Минаева Т. М. Отчет об археологических работах в верховьях Кубани в 1939 году // Архив ЛО ИА АН СССР. Ф. 35, оп. 1, д. 1939/44.
Сысоев В. М. Дневник поездок и раскопок в Карачае летом 1898 г. // Архив ЛО ИА АН СССР. Д. 38/1898, л. 15–20.

Словари и пособия

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958. Т. 1; Л., 1973. Т. 2; 1979. Т. 3; 1989. Т. 4.
Азербайджано-русский словарь. Баку, 1986. – 417 с.
Блъгарско-русски речник. София, 1960. – 667 с.
Гейбуллаев Г. А. Топонимия Азербайджана. Баку, 1986. 190 с.
Древнетюркский словарь. Л., 1969. – 676 с.
Караимско-польско-русский словарь. М., 1974. – 687 с.
Караимско-русско-польский словарь. М., 1974.
Карачаево-балкарско-русский словарь. М., 1989.
Киргизско-русский словарь. М., 1965. Т. 1. – 503 с.; М., 1985. Т. 2. – 476 с.
Коков Дж. Н., Шахмирзаев С. О. Балкарский топонимический словарь. Нальчик, 1970. – 170 с.
Коми-русский словарь. Сыктывкар, 1948.

Кумыкско-русский словарь. М., 1962.
Малък-Руско-Българска речник. София, 1979. – 591 с.
Матвеев А. К. От Пай-Хоя до Мугоджар: Названия уральских хребтов и гор. Свердловск, 1984. – 271 с.
Молчанов О. Т. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайское книжн. изд-во. 1979. – 397 с.
Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. М.: Мысль, 1974. – 382 с.
Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. – 653 с.
Мусукаев Б. Х. Топонимия высокогорьев Балкарии. Нальчик, 1982. – 164 с.
Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М., 1966.
Ногайско-русский словарь. М., 1963.
Орос-монгол Толь (Русско-монгольский словарь). Улан-Батор, 1985. – 840 с.
Русско-азербайджанский словарь. Баку, 1956. Т. 1; 1959. Т. 2.
Русско-алтайский словарь. М., 1964.
Русско-венгерский словарь. М., 1964.
Русско-карачаево-балкарский словарь. М., 1965.
Русско-кумыкский словарь.М., 1960.
Русско-хакасский словарь. М., 1961.
Севортян Э. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974. – 767 с.
Словарь топонимов Башкирской АССР. Уфа, 1980. – 199 с.
Татарско-русский словарь. М., 1966.
Толковый словарь татарского языка. Казань, 1977.
Турецко-русский словарь. М., 1945. – 704 с.
Уйгурско-русский словарь. Алма-Ата, 1961. – 328 с.; М., 1968.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1967–1973. Т. 1–3.
Хабичев М. А. К гидронимии Карачая и Балкарии. Нальчик, 1982. – 133 с.
Хакасско-русский словарь. М., 1953. – 503 с.
Чувашско-русский словарь. Баку, 1956.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АБКИЕА – Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв.
АИСК – Античные историки о Северном Кавказе.
АЭС – Археолого-этнографический сборник.
ВДИ – Вестник древней истории.
ВЕ – Вестник Европы.
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры.
ГИМ – Государственный исторический музей.
ДТС – Древнетюркский словарь.
ЕРГО – Ежегодник Русского горного общества.
ЖМВД – Журнал Министерства внутренних дел.
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения.
ЗИАО – Записки Императорского Археологического общества.
ЗКОРГО – Записки Кавказского отдела Русского географического общества.
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей.
ЗООЛИД – Записки Одесского общества любителей истории и древностей.
ЗРАО – Записки Русского археологического общества.
ИА АН СССР – Институт археологии Академии наук СССР.
ИА – Институт археологии АН СССР.
ИАК – Известия археологической комиссии.
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры.
ИИНИИ – Известия Ингушского научно-исследовательского института.
ИИНИИК – Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения.
ИИРАО – Известия Императорского Русского археологического общества.
ИКОРГО – Известия Кавказского отделения Русского географического общества.
ИОНИИК – Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения.
ИРАО – Известия Русского археологического общества.
ИСОНИИ – Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института.
ИЧИНИИ – Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института.
ИЭ – Институт этнографии АН СССР.
ИЭ ЛО – Институт этнографии, Ленинградское отделение
ИЮОНИИК – Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института краеведения.
КБАССР – Кабардино-Балкарская АССР.
КБГУ – Кабардино-Балкарский государственный университет.
КБНИИ – Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт.
КБНИИИФЭ – Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики.
КРО – Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии АН СССР.

КЧНИИ – Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт.
КЭС – Кавказский этнографический сборник.
ЛО ИА АН СССР – Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР.
МАД – Материалы по археологии Дагестана.
МАДИСО – Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии.
МАК – Материалы по археологии Кавказа.
МГГ – Международный геофизический год.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
МИСК – Материалы по изучению Ставропольского края.
МКАЭН – Международный конгресс антропологических и этнографических наук.
МНС – Материалы научной сессии. Нальчик: Эльбрус, 1960.
МЭГ – Материалы по этнографии Грузии.
ОАК – Отчет Археологической комиссии.
РАЖ – Русский антропологический журнал.
РАНИОН – Российская ассоциация научных институтов общественных наук.
СА – Советская археология.
СГАИМК – Сообщения Государственной академии истории материальной культуры.
СКАЭ – Северо-Кавказская археологическая экспедиция.
СМИЭБГКЗК – Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края.
СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.
СНТСГПИ – Сборник научных трудов Ставропольского государственного педагогического института.
СОНИИ – Северо-Осетинский научно-исследовательский институт.
ССК – Сборник сведений о Кавказе.
ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцах.
СССК – Сборник сведений о Северном Кавказе.
СТ – Советская тюркология.
СЭ – Советская этнография.
ТВОИРАО – Труды Восточного отделения Императорского Русского археологического общества.
ТКЧНИИ – Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института.
ТЧНИИ – Труды Черкесского научно-исследовательского института.
УЗКБНИИ – Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института.
УЗКГУ – Ученые записки Казанского государственного университета.
УЗПГУ – Ученые записки Пермского государственного университета.
УЗСГПИ – Ученые записки Ставропольского государственного педагогического института.
ЧИАССР – Чечено-Ингушская АССР.
ЭПСК – Эпиграфические памятники Северного Кавказа.
ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков.
ЮОНИИ – Юго-Осетинский научно-исследовательский институт.

СОДЕРЖАНИЕ

СЛЕДЫ НА ЭЛЬБРУСЕ.
Из истории горного туризма и отечественного альпинизма

От автора 4

Кавказ в легендах и действительности 5
Трон Симурга 9
На Эльбрус с целью джихада 11
Накануне 14
Рассказывает Купфер 17
Генеральские подарки и карачаевские проводники 19
Разведки на Урду-баши и Кан-жоле 21
Слушая старого Мырзакула 23
Войлочные шатры и верблюды у истоков Малки 27
Айран из кожаного мешка, или гыбыт-айран 29
А вот и Эльбрус! 32
Генерал и академики чествуют бесстрашного охотника 33
Рассказывает Ахия Соттаев 41
После покорения 45
Факты и суждения 49
Радде на родине Хиллара 56
Ахия и Дячи воодушевили англичан 58
В Верхний Баксан из Лондона 65
Ожай и Кара-магулай на охоте с Динником 69
Ахия и Дячи, Малай и Дечи 73
Джанай и Джапар предвидели вьюгу 75
Эстафету принимают Биаслан и Махай 78
На Эльбрусе профессор Голомбиевский 86
Хаджи Залиханов и Акбай Терболатов – помощники Пастухова 89
Отважный квартет горцев на службе отечественной науки 92
Эльбрус и дом Урусбиевых 95
Биаслан, Исса и Кичи на пятитысячниках Центрального Кавказа 108
Чиммак, Локман и доктор Шуровский на Гондарае 115
Кусочек чистого льда из Шарыфчыка 118
С. М. Киров, Сеид и Джиджу Хаджиевы на Эльбрусе 120
Минболат, Кучара и Хаджи-Мурза Урусбиев 123
Бек-Мурза и Ибрагим на седловине Ушбы 126
Два слова из истории Кавказского горного общества 128

Вместо заключения 130

Приложения:

Очерк VIII. Северное Кубанское и Тюркское предгорья Кавказа 133
Очерк II. Кавказский хребет (Большой Кавказ) 135
Покорение Эльбруса на лошадях 139

ТУРИСТСКИМИ ТРОПАМИ В ГЛУБЬ ВЕКОВ

Человек и история 152
Земля и люди 153
Несколько слов о вещах и археологии 154
Где было? 156
В заоблачной долине 158
У Безенгийской стены 165
А теперь в Чегем 170
Мумии в горах 176
Когда и почему? 182
Народ и памятники, или Руины на ладонях 184

ИСТОРИЯ БАЛКАРИИ И КАРАЧАЯ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО ПОХОДОВ ТИМУРА

Введение 188

Древнейшие предки балкарцев и карачаевцев 192

Прародина и расселение древнейших кочевников-овцеводов 200

§ 1. Движение на юг и юго-восток 206
§ 2. Движение на восток от Урала 211
§ 3. На север и северо-запад 213
§ 4. Юго-западное направление 217
§ 5. Древнейшие овцеводы-кочевники и Кавказ 220

Расселение наследников древнеямной культуры 243

§ 1. Наследники древнеямной культуры 244
§ 2. Соседи древнеямников и срубников на востоке и юго-востоке 246
§ 3. Соседи срубников и андроновцев на юге и юго-востоке 252
§ 4. Срубники и их соседи на Средней и Нижней Волге 257
§ 5. Срубники Волго-Донского междуречья и Северного Кавказа 260

Курганная культура и индоевропейцы 267

История тюркских народов начинается с курганов 287

Палеоэтнографический аспект 291
Аспект исторической лингвистики 292
Антропологический аспект 294

Древнейший этап формирования этнической основы балкаро-карачаевцев 296

Шумеро-балкарские лексические схождения в свете этногенеза балкарцев 306

Скифо-сарматское наследие в истории и культуре тюркских народов 323

Исторические сведения 324
Археолого-этнографические скифо-тюркские параллели 335

Скифо-сарматские и тюрко-карачаево-балкарские языковые схождения ... 352
Гунно-болгарские племена – предки балкарцев и карачаевцев ... 397
Асы и аланы – предки тюркских народов ... 405
1. Что означают слова «ас» и «алан»? ... 405
2. Что писали об аланах и асах древние авторы ... 406
3. Что мы знаем о языке, ономастике и топонимике аланов? ... 410
4. Что мы знаем о языке, ономастике и топонимике асов? ... 414
5. Сохранилась ли народная память об асах и аланах? ... 415
6. Тождество аланов и асов ... 417
7. Этнокультурные черты алано-асов ... 417
Заключение ... 419
Примечания ... 425
Список литературы ... 457
Исследования ... 457
Архивные и музейные материалы ... 489
Словари и пособия ... 489
Список сокращений ... 491

Научное издание

ИСТОРИЯ БАЛКАРИИ И КАРАЧАЯ
В ТРУДАХ ИСМАИЛА МИЗИЕВА

В трех томах
Том III

Редактор В. Н. Котляров
Художник Ж. А. Шогенова
Корректоры: Н. В. Лысенко, Н. В. Римская

Лицензия ИД № 00003 от 27.08.99
Сдано в набор 09.10.09. Подписано в печать 11.02.10. Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Myriad. Усл. печ. л. 34,41. Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-93680-338-3

Издательство М. и В. Котляровых.
360051, г. Нальчик, ул. Кабардинская, 19.
Тел./факс (8662) 42-62-09
e-mail elbrus@mail.ru www.elbruss.ru

Отпечатано: ООО «Кубаньагитпечать».
350059, г. Краснодар, ул. Уральская, 98/2.
Тел.: (861) 274–10–74. Заказ №